

На правах рукописи

Очирова Виктория Мункоевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(на материалах республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва)**

Специальность 23.00.02 - Политические институты,
процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант:

доктор философских наук,
профессор Осинский И.И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические основы исследования российских региональных политических элит	35
1.1. Теория элит: этапы становления и развития	35
1.2. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания.....	73
1.3. Региональные политические элиты как объект исследования.....	111
Глава II. Эволюция региональных политических элит в условиях трансформации российского общества.....	148
2.1. Динамика социального статуса региональных политических элит.....	148
2.2. Рекрутирование постсоветских политических элит.....	186
2.3. Социальный портрет региональных политических элит.....	225
Глава III. Система ценностных ориентаций республиканских политических элит.....	264
3.1. Взгляды политических элит на динамику социально-экономического развития России.....	264
3.2. Политическое развитие России в оценках политических элит.....	302
3.3. Региональные ориентации республиканских политических элит.....	341
Глава IV. Стратегии развития российских региональных политических элит в условиях трансформационных процессов.....	380
4.1. Особенности функционирования современных региональных политических элит.....	380
4.2. Основные направления развития политических элит регионов России.....	415
Заключение.....	454
Литература.....	462
Приложение I.....	519
Приложение II.....	577

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Постсоветский период – время трансформации российского государства и общества, которая характеризуется коренными преобразованиями во всех областях жизни, в том числе в сфере политики. За сравнительно небольшой исторический период в России созданы новые органы и институты власти, изменились идеология, ориентации, политический режим и пр. Сложность и масштабность постсоветских трансформационных процессов актуализируют роль политической элиты страны. Именно она выполняет важнейшие функции в сфере управления государством и обществом: определяет и реализует основные направления внутренней и внешней политики; принимает решения, которые оказывают влияние на жизнь каждого человека; обеспечивает стабильность и единство общества и др. Значение политической элиты трудно переоценить, так как от ее действий зависит благополучие российского государства, что особенно актуально сейчас, в сложный переходный период его развития. Поэтому комплексное изучение столь важной социальной группы представляется необходимым.

Исследование политической элиты постсоветского периода развития России наиболее востребовано на региональном уровне. Ввиду того, что регионам уделялось сравнительно меньше внимания, изучение элит здесь только начинается. Между тем региональные политические элиты являются важнейшими субъектами политики: они осуществляют диалог с федеральным центром, формулируют приоритеты развития регионов, реализуют инициативы российского руководства на местах и т.д. В этой связи крайне важно иметь объективную информацию о данной социальной группе и всех изменениях, происходящих с ней в постсоветский период. Среди региональных элит особый интерес вызывают политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Представленные субъекты отличаются территориальной отдаленностью от федерального центра, самобытностью развития, многонациональным составом населения, сложным

симбиозом интересов и прочими факторами, которые обусловили специфику трансформационных процессов в данных регионах России. Наличие перечисленных особенностей оказывает существенное влияние на республиканские политические элиты, на реализуемую ими в постсоветский период политику, на выбор стратегии развития территорий. Перед элитами данных регионов остро стоит задача по обеспечению межнационального мира в своих полиэтнических субъектах, так как периоды кардинальных перемен зачастую сопровождаются увеличением числа конфликтов, в том числе и на этнической почве. От политической элиты зависит стабильность и эффективное развитие республик в сложных условиях трансформации российского государства и общества, соответственно, роль ее весьма велика. Исходя из этого комплексное исследование политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва представляется актуальным. Особенно учитывая факт их крайне слабой изученности. Необходимо выявить основные тенденции эволюции республиканских политических элит в постсоветский период: изменение их статуса, состава, процессов рекрутирования, преобразование социально-демографических параметров, ценностных ориентаций, в которых отражаются предпочтения политического и социально-экономического развития страны и ее многонациональных субъектов. Определение данных аспектов позволит сформировать представление об изменениях, происходящих во властных кругах изучаемых регионов после распада СССР, о состоянии современных республиканских политических элит, которое является одним из важнейших показателей состояния общества. Это не только существенно углубит имеющиеся знания, но и поможет проведению в данных субъектах более продуманной и эффективной политики.

Степень научной разработанности проблемы. Элитологическая проблематика формировалась на протяжении многих столетий, ее корни можно найти еще в первом тысячелетии до нашей эры. Значительный вклад в разработку проблем элит внесли философы Древнего мира, мыслители Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени. Их размышления о

неоднородности бытия, о легитимности лиц, находящихся на вершине социальной иерархии, о возможности справедливого руководства страной, об образе идеального правителя в дальнейшем были положены в основу самостоятельных элитологических концепций и привели к становлению отдельной отрасли социального знания.

Основателями теории элит как нового направления в исследовании социума традиционно считаются Гаэтано Моска [584, 585] и Вильфредо Парето [586, 587, 588, 589, 590], которые в своих работах в к. XIX – н. XX вв. в системном виде изложили собственные концепции, посвященные правящему меньшинству. К классическим трудам по теории элит относится и работа немецко-итальянского социолога и политолога Роберта Михельса под названием «Политические партии. Очерк об олигархических тенденциях демократии» (1911) [582]. Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс в своих, ставших сегодня классическими, концепциях подвергли систематизации накопленные знания о правящем классе и сформулировали ряд базовых для элитологии идей: в любом обществе неизбежно выделяются правящее меньшинство и управляемое большинство; элита обладает высокой степенью сплоченности и хорошей организацией; представителям элиты присущи определенные специфические качества, обуславливающие ее положение в обществе; элита всегда стремится сохранить свой социальный статус; на смену правящей элите, как правило, приходит контрэлита; существует объективная необходимость в постоянном обновлении властвующей элиты и др. Дальнейшее развитие зарубежной элитологии связано с именами Г. Лассуэлла [575, 576], Ф. Хантера [570, 571], Р. Даля [130, 131, 566], Ч. Миллса [321, 583], Дж. Домхоффа [567, 568], К. Мангейма [580], Дж. Мейзеля [581], Д. Рисмена [593], Р. Путнэма [591], С. Келлер [572], У. Хоффман-Ланге [538] и др. В их работах затрагивается комплекс вопросов, посвященных правящему меньшинству: осуществляется анализ элит, их места и роли в современном обществе; рассматривается структура политической власти и демонстрируется наличие в ней различных сегментов, в первую очередь бизнес-элиты; определяется состав и численность элиты;

конкретизируется понятийный аппарат; дается обоснование различным методическим подходам к изучению элиты и т.д. Основное внимание зарубежных исследователей, естественно, сосредоточено на собственной элите. Однако после распада СССР наблюдается всплеск интереса к политической элите постсоветского пространства. Первоначально отзывы о ней были полны восторженного оптимизма. Затем, рассматривая происходящие в нашей стране в 1990-х гг. экономические и политические изменения, некоторые западные специалисты подвергли их жесткой критике и, не без основания, обвинили в сложившейся ситуации тех, кто находился у власти. Уже в 1995-1996 гг. появились утверждения, что ощутимых перемен в России не наблюдается, а режим возглавляют представители старой коммунистической номенклатуры. Критика в адрес правящей верхушки России содержится в работах Б. Кларка, Дж. Уоллера, П. Реддауэй, Дж. Къеза, А. Брауна, Ж. Сапира, Т. Грэхэма, Ж. Уэдела, Ч. Фэрбэнкса и др. [289]. В поле внимания зарубежных исследователей находилась как федеральная элита России, так и региональная. Например, К. Мацузато, А. Моммэн, Д. Слидер, М. Маколи, Ж.-Ш. Лаллеманд в своих работах затрагивают темы социoproфессионального состава региональных элит, каналов их рекрутирования, взаимодействия экономических и политических элитных образований, электоральной поддержки и т.д. [308, 333, 578, 579]. Изучение российской политической элиты за рубежом, уже на основе новой интерпретации общества, продолжается и сегодня.

В России разработка элитологической проблематики также имеет давнюю традицию. К вопросам элиты, в содержательном смысле данного слова, обращались виднейшие представители социально-политической мысли различных периодов истории России. Однако наиболее полно система взглядов на явление элит была сформулирована в трудах мыслителей к. XIX-н. XX вв.: М.Я. Острогорского [379], П.А. Сорокина [467, 468, 469], А.И. Стронина [483], М.М. Ковалевского [212] и др. В их работах были раскрыты важнейшие вопросы, касающиеся элиты: определены факторы, способствующие социальному восхождению; изучено влияние институтов

образования на качество и численность элиты; описаны процессы социальной мобильности, а также процессы развития олигархических тенденций в политических организациях; выявлены место и роль аристократии в обществе и др. Следует отметить, что для отечественных работ данного времени характерно частое обращение к ценностной трактовке элиты. Теоретические воззрения российских ученых к. XIX-н. XX вв. по изучаемой проблематике существенно дополняют, а зачастую и превосходят по своему содержанию западные теории, и поэтому они с полным правом могут считаться классикой современной элитологии.

В советский период разработка элитологической проблематики находилась под запретом, а само существование элиты в обществе категорически отрицалось. Тематика в основном фигурировала в духе «критики буржуазной социологии» в трудах Г.К. Ашина (заметим, что он первым в советском обществоведении описал феномен элиты) [21], А.А. Галкина, В.О. Мушинского, Ф.М. Бурлацкого, П.С. Гуревича и др. Несмотря на существовавшие затруднения при разработке данного направления в политологии, анализ элиты СССР осуществлялся за рубежом М. Восленским [85], А. Авторхановым [1], М. Джиласом [139], которые положили начало изучению базовых для элитологии вопросов. В своих работах они доказали, что в СССР существовала социальная группа, осуществлявшая управление государством и обществом, обладавшая значительными привилегиями и другими атрибутами, характерными для политической элиты.

Всестороннее изучение проблем элит началось лишь с распадом СССР в начале 1990-х годов. В литературе тогда развернулись бурные дискуссии об особенностях российской политической элиты, ее составе, качественных характеристиках и т.д. Часто акцентировалось внимание на конфронтации различных политических сегментов в системе власти. В это время вышли в свет работы Г.К. Ашина, Д.В. Бадовского, О.Г. Мясникова, М.Н. Афанасьева, Б.В. Головачева, Л.Б. Косовой, И.Е. Дискина, Н.Ю. Кудеяровой, Б.М. Пугачева, О.В. Крыштановской, Е.В. Охотского и др. [16, 17, 22, 23, 37, 38, 47, 67, 100, 118, 140, 141, 142, 143, 162, 213, 235, 236, 237, 256, 257, 259, 320,

343, 423, 520]. Во второй половине 1990-х гг. преимущественно изучался процесс формирования российской политической элиты. Зачастую в центре внимания оказывались неформальные механизмы и каналы рекрутирования элиты, вызывающие у исследователей острое неприятие. Данным темам посвящены труды М.Н. Афанасьева, Г.К. Ашина, О.В. Крыштановской, Ш.В. Риверы, М.А. Чешкова и др. [16, 17, 23, 24, 25, 236, 445, 541]. Методично осуществлялся поиск ответа на вопрос: произошло ли в стране обновление «старой» номенклатуры или на смену ей пришла новая генерация политической элиты? В результате появилось множество концепций: конфликта поколений, бунта радикалов, восстания правящей элиты против царствующей, политического капитализма и др. Ведущими считаются концепция «трансформации номенклатуры» О. Крыштановской и С. Уайта, а также модель «смены поколений» Д. Лэйна. Согласно «номенклатурному подходу», у которого много сторонников, советская элита в начале 1990-х годов «перекрасилась» и перешла в лагерь реформаторов, тем самым сумела выжить в новых условиях [236, 277, 353, 541, 429, 459]. В основе модели «смены поколений» лежит тезис Д. Лэйна о том, что в процессе перехода произошло постепенное замещение «старой» элиты на «новую», более мобильную и способную выстраивать взаимоотношения, отвечающие современным реалиям [573]. Определенный интерес в данное время также вызывали ценностные ориентации элиты, о чем свидетельствуют работы Л.В. Бабаевой, Е.Я. Таршиса, Л.А. Резниченко, Б.В. Головачева, Л.Б. Косовой, Н.Ю. Кудеяровой, А.Н. Журавлева и др. [34, 117, 168, 257]. Начиная с конца 1990-х гг. появляются труды, посвященные целому ряду ключевых для элитологии тем. Изучаются вопросы влияния элиты на трансформацию российского общества, взаимодействия различных сегментов политической элиты России, изменения ориентаций и мотивации поведения представителей власти, рекрутирования элиты, взаимоотношений народа и элиты и др. На основе эмпирических данных, которых стало на порядок больше, раскрываются особенности эволюции политической элиты в постсоветский

период, определяются ее социальные характеристики, выявляется место элиты в структуре российского общества и пр.

Сегодня в стране существует несколько центров элитологических исследований: в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Перми, Астрахани и в некоторых других городах России. Их представители, являющиеся авторами многих трудов по изучаемой тематике, внесли большой вклад в развитие российской элитологии. Существующие в настоящий момент публикации можно условно разделить на четыре группы. Во-первых, это работы, посвященные историческим, теоретическим, философским и методологическим аспектам темы [27, 28, 29, 30, 32, 101, 106, 144, 156, 182, 183, 200, 201, 213, 217, 267, 283, 284, 300, 317, 340, 341, 351, 387, 401, 402, 430, 434, 500, 504, 532, 545, 549, 561]. Во-вторых, исследования, фиксирующие процесс изменения элиты в условиях трансформации российского социума (ее демографических характеристик, рекрутирования, ориентаций, направлений деятельности и т.д.) и динамику общественного мнения о представителях власти, их функционировании [23, 37, 43, 46, 67, 84, 97, 99, 102, 103, 104, 107, 123, 140, 142, 146, 154, 157, 162, 163, 175, 206, 236, 239, 241, 256, 260, 261, 277, 343, 384, 423, 480, 487, 489, 508, 520, 521]. В-третьих, труды, ориентированные на анализ состава элиты. В них приводится описание биографий отдельных лиц, выявляются их социальные «корни» и пути попадания в элиту, создаются психологические портреты, осуществляется классификация основных групп элиты и пр. [47, 59, 73, 174, 195, 249, 255, 291, 359, 404, 456, 554, 558]. В-четвертых, исследования, в которых изучаются сущностные и функциональные особенности какой-то определенной, конкретной группы элиты, ее взаимоотношения с другими сегментами [4, 122, 126, 142, 155, 209, 210, 234, 242, 305, 411, 444].

Значительное число работ отечественных элитологов посвящено региональным политическим элитам России. Данной проблематикой занимаются А.В. Понеделков, А.В. Дука, Д.В. Бадовский, В.Я. Гельман, Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова, О.В. Гаман-Голутвина, А.К. Магомедов, С.И.

Барзилов, А.Г. Чернышов, Л.М. Капустина, Р.Р. Галлямов, М.Х. Фарукшин, Г.В. Довгаль, Э. Зелетдинова, Р.Ф. Туровский, А. Новиченко, О. Салманова и др. [38, 44, 51, 57, 99, 100, 107, 108, 112, 120, 126, 146, 154, 155, 163, 168, 172, 175, 198, 238, 253, 260, 268, 269, 274, 275, 276, 292, 293, 294, 295, 350, 384, 406, 409, 412, 440, 441, 454, 486, 487, 503, 505, 508, 520, 543, 546, 553]. Основные направления их исследований: проблемы институционализации элит, кадровая политика в регионах, формирование путей рекрутации элит, изменения в составе региональных элит, межгрупповые взаимоотношения (например, особенности диалога региональной и местной элит), конфликтное противостояние на уровне субъекта, анализ направлений деятельности органов власти, эволюция региональных элит в системе отношений «центр-регионы», вопросы дистанцирования региональных элит от федеральной власти, роль и влияние региональных элит на политику в центре, электоральные процессы в субъектах России и др. Глубоко и всесторонне изучается характер отношений между представителями региональных государственных органов власти и бизнес-структур [239, 266, 275, 292, 314, 368, 442, 444, 454]. Отмечается, что их взаимоотношения чрезвычайно разнообразны и включают как институциональные, так и неформальные связи. Например, обращается внимание на распространенную сегодня систему взаимных обязательств, когда политики, в обмен на финансовую поддержку своих избирательных кампаний, лоббируют интересы соответствующих бизнес-структур. В поле внимания исследователей находятся и политические элиты национальных регионов России. Имеются, к сожалению, пока немногочисленные труды, посвященные изучению их развития в постсоветский период. Это работы Р.Р. Галлямова, Л.М. Дробижевой, В.Г. Жалсановой, Ю.С. Тарасова, М.Х. Фарукшина, А.К. Магомедова, Л.С. Губанова, А.Л. Попова и др. [99, 126, 165, 218, 293, 410, 486, 487, 520]. В них выявляются особенности эволюции национальных политических элит, определяются специфические процессы элитогенеза в республиках и пр. В целом анализ региональных исследований показывает,

что элитное пространство часто выступает своеобразным фоном для изучения всех процессов, разворачивающихся в субъекте федерации.

Политическая элита республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва на данный момент изучена слабо, разработка соответствующей тематики также началась лишь в начале 1990-х гг. Вместе с тем заметим, что за сравнительно небольшое время в республиках появились отдельные исследователи, которые занимаются непосредственно проблемами республиканских политических элит и с помощью различных методов познания определяют происходящие с ней в постсоветский период изменения, а также специфику данных элит, их место и роль в российском политическом процессе. В Республике Бурятия к их числу относится исследование В.Г. Жалсановой, которая на основе обширного исторического и социологического материала изучила методологические и теоретические аспекты функционирования республиканской политической элиты в постсоветский период, особенности ее положения в условиях социально-экономической трансформации общества [163]. Изложенные автором данные позволили получить представление о политической элите, сформировавшейся в Бурятии после распада СССР. Большой вклад в изучение данной социальной группы внес Б.П. Крянев, работы которого посвящены вопросам становления и развития политической системы, формирования политических партий и движений, прохождения избирательных кампаний в Республике Бурятия и др. [250, 251, 252, 254]. Кроме того, ему принадлежат интересные труды информационно-справочного характера о депутатах Народного Хурала РБ, политических партиях и их лидерах [248, 249]. Проблемы реформирования российского государства, социального самочувствия отдельных групп населения, в том числе и политической элиты, в изменяющемся обществе рассмотрены в работах И.И. Осинского [370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377]. Представленный в них теоретический и эмпирический материал существенно обогащает разрабатываемую нами тематику. Всестороннему изучению российской интеллигенции и, что особенно важно, обоснованию ее участия в политической жизни государства посвящены труды М.И. Добрыниной [145,

375, 376, 377]. Различные аспекты трансформации современного российского общества, актуальные вопросы выбора пути дальнейшего развития страны и роли политической элиты в данном процессе освещены в работах А.Н. Постникова [413, 414, 415]. В трудах Ц.Б. Будаевой [60, 61, 62, 63, 64] раскрываются электоральные процессы, происходящие в Бурятии. В частности, большое внимание уделяется изучению политических предпочтений и ожиданий жителей республики. Данные публикации позволяют не только проследить динамику персонального состава политической элиты, но и определить накал борьбы между ее представителями, специфику той или иной избирательной кампании. Е.П. Бальжинимаева в своем исследовании затронула малоизученную тему формирования и развития слоя государственной бюрократии Республики Бурятия. Были выявлены социальные источники, пути и условия образования данного слоя, структура бюрократии, трансформация институтов государственной власти [42]. Некоторые аспекты деятельности политической элиты, в контексте истории развития бурятского народа, освещены А.А. Елаевым [158, 159]. Определенный интерес представляет монография З.Р. Мэрдыеева в которой, в рамках анализа общественного мнения населения Бурятии по различным вопросам социально-политической тематики, дается оценка деятельности политических лидеров советского и постсоветского периодов [342]. Близким для изучаемой темы проблемам современного развития Бурятии и ее народов посвящены работы В.А. Хамутаева [533, 534, 535]. Анализ социально-экономической ситуации и межнациональных отношений в республике периода 1990-х гг. осуществлен К.Б-М. Митуповым [326]. Процесс национально-государственного строительства в Бурятии во второй половине 80-90-х гг. XX в. рассмотрен в монографии С.П. Будажапова [66]. Важные изменения в жизни региона, в социальной структуре бурятского народа, произошедшие в новейший период, определены Ю.Б. Рандаловым [436, 437, 438, 439]. Эти и другие близкие исследования позволяют глубже изучить различные аспекты нашей тематики. Познавательную и актуальную информацию можно также

почерпнуть из материалов web-сайтов республиканских учреждений и органов власти [597, 598, 599, 600] и статей периодических изданий [49, 50, 61, 63, 64, 73, 166, 246, 247, 344].

В числе первых публикаций по проблемам политической элиты Республики Саха (Якутия) были работы Ю.С. Тарасова [486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493]. На основе данных политико-социологических исследований, проведенных автором в течение 1992-1995 гг., а также материалов об элите 1984 г. им выявлены и изучены социальные механизмы формирования трех групп региональной элиты: законодательной, исполнительной и судебной. Также определены особенности социально-демографических характеристик и ценностных ориентаций политической элиты Саха (Якутии). Правящая элита республики как субъект регионального политического процесса рассмотрена в исследовании А.Л. Попова [410]. Ценность работы состоит в том, что внутриэлитные изменения (характер циркуляции, баланс сил между элитными группами и др.) изучены автором в контексте трансформации политического режима в Республике Саха (Якутия) и в других регионах России. В монографии Д.Н. Бубякиной подробно описан сложный процесс формирования Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я), а также представлены результаты социально-политического анализа персонального состава республиканского парламента, в ходе которого были охвачены депутаты трех созывов [59]. Государственному собранию (Ил Тумэн) РС(Я) посвящена и книга Д.Н. Миронова. В ней рассмотрены вопросы становления, развития и внутренней организации парламента, проанализированы формы и средства парламентской деятельности, обобщены данные правотворчества депутатов Ил Тумэн [322]. Отметим, что также имеются работы, объектом изучения которых являются органы местного самоуправления, их история, развитие, реформирование, персональный состав [315, 492, 493, 563]. Способы идентификации принадлежности к политической элите Саха (Якутии) и ее характерные черты (малочисленность, закрытость, высокая степень корпоративной солидарности и др.) раскрываются в статьях А.Б.

Местниковой [313, 314]. Особенности современной республиканской элиты, ее состав, ценностные ориентации, влияние элиты на социально-политические процессы и межэтнические отношения в Саха (Якутии) определены Л.М. Дробижевой [151, 218, 473]. Некоторые аспекты изучаемой нами темы встречаются в близких исследованиях. Например, политологический анализ места и роли Республики Саха (Якутия) в системе региональных процессов дан в работе Е.Ю. Пахомова [389]. Процессы становления и развития государственности Якутии можно проследить в монографиях Т.С. Ивановой, Т.С. Ермолаева, И.Е. Томского, М.М. Хатылаева, а также в материалах научно-практических конференций, посвященных данной тематике [161, 181, 496, 394, 433]. Вопрос разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и республиканскими органами власти изучен А.И. Еремеевым [160]. Анализ государственной власти Саха (Якутии) в современных политических условиях и динамики отношений «центр-регион» проведен в работах Е.Г. Маклашовой [296, 297, 298]. Перспективам развития Республики Саха (Якутия) в составе России, проблемам федеративных отношений, всестороннему изучению современных политических процессов в стране посвящены труды Н.А. Слепцова [460, 394]. Попытки определить будущее Саха через изучение исторических аспектов и анализ новейших процессов осуществлены в монографии В.П. Ноговицына [352]. Особенности современных избирательных систем и выборных кампаний выявляются И.А. Сосиной [394]. С ретроспективой этнополитического и этносоциального развития Республики Саха (Якутия) можно ознакомиться в работах В.Б. Игнатъевой, С.В. Абрамовой, А.А. Павлова [184, 185, 560]. Опыт реализации национальной политики в республике, существующие проблемы и перспективы в данной области рассмотрены в монографии В.В. Топоркова [497]. Проблемам малочисленных народов Севера посвящены работы Ю.Д. Петрова. В них с политологических позиций исследована теория и практика государственной национальной политики по отношению к данным народам, осуществлен анализ этнополитической ситуации в районах их проживания и

определены основные пути возрождения и сохранения коренных народов Арктики [392, 393]. Важный вопрос политического участия коренных малочисленных народов Севера в осуществлении демократических реформ в Республике Саха (Якутия) поднят в исследовании А.Г. Саввиной [453]. Значительный интерес также представляют материалы web-сайтов республиканских органов власти [601, 602, 603] и издания информационно-справочного характера [255]. Особо отметим данные тематических социологических исследований, периодически проводимых в республике. Они дают важную и своевременную информацию по различным вопросам социально-политической жизни региона [315, 354, 358, 363, 474, 551].

Научных публикаций, посвященных непосредственно политической элите Республики Тыва, фактически нет. Некоторые вопросы формирования и эволюции управленческих кадров Тывы затрагивались исследователями в рамках освещения истории республики. Так, Р.Ш. Харунов, изучая развитие интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.), рассмотрел в том числе и вопрос формирования управленческой интеллигенции. С.С. Ховалыг на основе анализа исторических фактов, оказывающих влияние на социально-политические процессы в регионе, проследила эволюцию управленческих кадров Тывы в конце XIX - первой половине XX вв., а также описала традиционные для того времени систему подготовки и принципы отбора чиновников [536]. История системы государственной власти и управления республики периода 1921-2002 гг. изучена А.С. Бичелдей и К.В. Бичелдей [53]. В ходе исследования они также затронули важный вопрос подготовки кадров для государственной службы. Процессы становления и развития государственности Республики Тыва, ее институтов власти и местного самоуправления, их законодательное регулирование раскрываются в трудах Н.А. Ондар [364, 365, 366]. Сравнительный анализ Конституций ТНР, отражающих историю государственного становления республики, проведен С.Ч. Сат. Конституционное развитие Тывы также отражено в публикациях О.А. Ондар [367]. Изучение политической власти в контексте истории региона

осуществлено В.Р. Фельдманом [524]. Познавательными являются работы Г.А. Ондар и С.В. Саая, описывающие внешнеполитическую историю республики. Определенный интерес вызывает и многотомная «История Тувы», содержащая важную информацию о политическом развитии региона в различные исторические периоды [193]. Среди имеющегося массива литературы значительную ценность для нашего исследования представляют работы Е.В. Тышты, в которых в рамках изучения органов представительной власти республик Тыва и Хакасия, рассмотрена тувинская элита законодательной ветви власти [507, 508, 509, 510, 511]. Автором были проанализированы социальное положение, профессиональный статус, возрастные характеристики народных избранников, этнический состав созывов, доля женского представительства в них, сменяемость депутатского корпуса и прочие актуальные вопросы. Р.В. Пюрюна, определяя источники, факторы и условия реализации легитимации региональной политической власти, также получила любопытные для нас данные, она выявила важные особенности политического процесса и политической культуры Республики Тыва. В их числе кризис легитимности политической власти, территориально-родовая клановость, противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти, политическая пассивность граждан и пр. [428]. Близкими для нашей темы являются работы следующих авторов. Некоторые аспекты современной политической жизни республики, ее экономического положения освещены в трудах З.В. Анайбан [5, 6, 7]. Состояние экономики Республики Тыва в сложный период реформирования изучено Г.Ф. Балакиной [40]. Особенности этнополитической истории Тывы в XX в. выявлены Н.П. Москаленко [339]. Основные сведения о тувинской политической элите, к сожалению, можно получить лишь из информационно-справочных изданий [291], материалов web-сайтов республиканских органов власти [604, 605, 606, 607] и разрозненных статей периодической печати [10, 81, 86, 153, 196, 199, 316, 334, 390, 420, 422, 470, 516].

Обзор имеющихся публикаций позволяет сделать вывод, что, несмотря на накопленный потенциал, разработка элитологической проблематики в

России, по объективным причинам, далека от завершения. Целый ряд вопросов пока еще не нашел подробного освещения в литературе. В частности, недостаточно изучаются ценностные ориентации политических элит, особенно на региональном уровне. Рассматривая политическую элиту преимущественно как целостную социальную группу, исследователи часто упускают из виду факт наличия в ней структурных элементов. Как следствие в литературе практически отсутствуют материалы, посвященные отдельным видам политической элиты. Между тем они также нуждаются в тщательном исследовании. До сих пор нет четкости в отдельных понятиях элитологии, методологических и методических подходах исследования элиты. Слабо изучено влияние этнического фактора в органах власти, в том числе на процесс формирования политической элиты. Не определены механизмы социальной мобильности представителей элиты. Мало внимания уделяется выявлению социальных корней лиц, находящихся у власти. Практически неизученным остается вопрос формирования имиджа элиты, а ведь ее образ является важным фактором политической стабильности. Описывая в общем виде модели взаимодействия политических и экономических элит («систему взаимных обязательств», консультирования и пр.), исследователи не останавливаются на механизме распределения материальных и финансовых ресурсов, в котором элитные группы играют определяющую роль. Слабо изучены источники, содержание и технологии разрешения региональных конфликтов, субъектами которых выступают территориальные элиты. Соответственно, элитологическая проблематика в России требует более глубокой и детальной разработки. Наиболее необходимо это в регионах, в том числе в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, где изучение политических элит только начинается. Способствовать их исследованию призвана данная диссертационная работа.

Объектом исследования являются региональные политические элиты постсоветского периода развития России.

Предметом исследования выступает процесс эволюции политических элит полиэтнических регионов (республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва) в условиях трансформации российского общества.

Цель исследования заключается в выявлении сущности, состава, социального статуса, основных тенденций эволюции политических элит полиэтнических регионов России (республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва) в постсоветский период: изучении изменений, произошедших в социальном портрете элит, процессе их рекрутирования, ценностных ориентациях.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучить и проанализировать отечественные и зарубежные теоретические концепции, посвященные правящему меньшинству (элите);
- определить основные методологические подходы к исследованию политической элиты;
- осуществить анализ терминологического аппарата элитологии и дать собственное определение понятию «политическая элита»;
- определить специфические признаки, характерные для политической элиты;
- раскрыть состав политической элиты России и республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва;
- проследить динамику социального статуса региональных политических элит в условиях трансформации российского общества;
- выявить основные механизмы и каналы рекрутирования современных региональных политических элит, а также специфику данного процесса в полиэтнических регионах России;
- установить социально-демографические характеристики современных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и выявить произошедшие в постсоветский период изменения в их социальном портрете;
- раскрыть представления республиканских политических элит о социально-экономическом и политическом развитии современной России;

- определить взгляды и предпочтения республиканских политических элит по вопросам регионального развития, проследить динамику их представлений;

- установить особенности функционирования современных региональных политических элит;

- выявить и обосновать перспективные направления развития политических элит регионов России.

Теоретико-методологическая основа исследования. В данной работе мы опирались на фундаментальные положения и выводы Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса, М.Я. Острогорского, А.И. Стронина, М.М. Ковалевского и др. Их концепции, посвященные правящему меньшинству, позволили определить сущность и природу элиты, ее специфические черты и качества, место и роль данной группы в обществе и пр. Большое значение также имели идеи Р. Даля о структуре политической власти и полиархии, Ч. Миллса о единой властвующей элите, Г. Лассуэлла о восьми благах и восьми группах элит, Дж. Домхоффа о единой корпоративной элите, С. Келлер о стратегических и сегментарных элитах и других зарубежных исследователей (Ф. Хантера, К. Мангейма, Д. Рисмена, Р. Путнэма и др.). Рассмотрению советской номенклатуры существенно способствовали труды М. Восленского, А. Авторханова, М. Джиласа. Для изучения современной российской политической элиты, выявления основных тенденций ее эволюции в постсоветский период, проведения сравнительного анализа, постановки проблемы, разработки методологического инструментария использовались работы отечественных исследователей – Г.К. Ашина, А.В. Дуки, О.В. Крыштановской, О.В. Гаман-Голутвиной, А.Е. Чириковой, Н.Ю. Лапиной, М.Н. Афанасьева, В.Г. Ледяева, М.К. Горшкова, А.В. Понеделкова, В.П. Мохова и др. Их теоретические концепции (например, О.В. Крыштановской о выделении экономических и политических типов общества и месте России в данной классификации, изменении элиты и ее статуса в постсоветский период), подходы (к примеру, субъектно-деятельностный

подход к изучению элит и власти А.Е. Чириковой), выводы и эмпирические данные представляют значительный интерес.

Для идентификации политической элиты нами были применены два метода: позиционный анализ (его использовали Т. Дай, Ч. Миллс, Р. Милибанд, О.В. Крыштановская и др.) и анализ принятия важнейших стратегических решений (применяли Р. Путнэм, Р. Даль и др.). Согласно позиционному анализу (его также называют структурным) элитой являются лица, занимающие высшие позиции в изучаемых институтах власти и, соответственно, определяющим образом влияющие на политические события. Исходя из анализа принятия стратегических решений (или иначе функционального анализа) элитой являются те лица, которые реально принимают важнейшие для государства и общества решения. Соответственно, в основу диссертационной работы был положен структурно-функциональный подход. Он объединяет в себе два указанных метода: позиционный анализ и анализ принятия важнейших стратегических решений. Согласно структурно-функциональному подходу элитой являются те, кто обладают реальной властью в обществе, занимают формальные позиции во властных институтах и, исходя из этого, могут оказывать влияние на развитие всех сфер жизни и на процесс принятия важнейших решений. Диссертационное исследование также основывается на принципах системного, сравнительного, междисциплинарного подходов (методов). Системный подход предполагает рассмотрение изучаемого явления как определенной системы составляющих его элементов, находящихся во взаимодействии между собой. Данный принцип применялся нами при изучении: политической элиты, что позволило рассматривать ее не как целостную социальную группу, а как образование, состоящее из различных структурных элементов (были выделены исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные виды элит); состава и структуры элиты; системы ценностных ориентаций представителей республиканских политических элит и др. Суть сравнительного подхода заключается в сопоставлении отдельных явлений и процессов с целью обнаружения их

сходства и различий. В нашей работе осуществлялось сравнение политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва по социально-демографическим параметрам (средний возраст, уровень образования, социальное происхождение и т.д.), процессу рекрутирования, ценностным ориентациям и др. Полученные данные сопоставлялись с общероссийскими показателями. Сравнительный материал позволил получить более полную картину эволюции политических элит в России, а также выявить специфику данного процесса на региональном уровне. Междисциплинарный подход, предполагающий взаимодействие различных наук при изучении тех или иных явлений и процессов, нашел отражение в теоретико-методологической основе диссертационного исследования, где были применены принципы близких для элитологии наук – политологии, социологии, истории, философии и др. Доминирование в изучаемой тематике дихотомии «элита-масса», асимметричность российского общества обуславливают также и применение положений теории социальной структуры (стратификационного подхода). В работе, кроме того, использованы такие всеобщие и общенаучные методы познания общественных явлений как анализ, синтез, аналогия, метод диалектического развития. Эмпирические данные были получены с помощью социологических методов, в их числе анкетный опрос, экспертное интервью, метод наблюдения, вторичный анализ данных социологических исследований, биографический метод, качественный анализ документов по изучаемой проблеме.

Информационную базу исследования составили результаты эмпирических и теоретико-прикладных исследований в области политологии, элитологии, социологии, философии, психологии, истории, представленные в монографиях и публикациях в научных и специализированных журналах [16, 33, 59, 67, 104, 123, 134, 165, 215, 239, 240, 268, 290, 359, 441, 456, 484, 487, 508, 520 и др.], а также статьи в периодической печати [49, 50, 61, 63, 64, 80, 81, 86, 122, 153, 166, 196, 199, 203, 204, 218, 247, 278, 334, 344, 426, 490 и др.], официальные документы [125, 137, 138, 147, 189, 190, 191, 229, 230, 335, 355, 478], законодательные

акты [221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 458], справочники [47, 59, 174, 195, 249, 255, 291, 359, 404, 456, 554, 558], материалы web-сайтов [596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607 и др.], статистические данные [73, 82, 148, 149, 150, 186, 335, 346, 417, 449, 479, 600], биографические справки и личные наблюдения диссертанта, которые фиксировались в письменной форме в процессе проведения эмпирических исследований, посещения республиканских органов власти и т.п.

Эмпирическую базу исследования составили материалы собственных исследований диссертанта, проведенных в период с 2004 г. по 2010 г.

В данное время нами были реализованы следующие анкетные опросы.

1) В 2004 г. осуществлен опрос политической элиты Республики Бурятия при помощи разработанной соискателем анкеты «Бурятия: прошлое, настоящее, будущее», в которой был частично использован инструментарий исследования, проведенного в апреле-июне 1998 г. группой политической социологии Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН под руководством А.В. Дуки [441]. В выборочную совокупность включены 195 представителей политической элиты Бурятии, отражающих все сегменты данной социальной группы.

2) За период с сентября 2009 г. по февраль 2010 г. проведен опрос представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. В выборочную совокупность вошли 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти данных республик. Идентификация персоналий проводилась с помощью случайной стратифицированной выборки на основе информации специализированных справочников и сборников, материалов web-сайтов региональных органов власти, данных средств массовой информации, анализа официальных документов. В выборке каждого региона представлены все определенные нами должностные лица, входящие в состав политических элит, что позволяет говорить о репрезентативности исследования.

В целях выявления наиболее существенных и важных аспектов исследуемой проблемы, повышения надежности, достоверности,

обоснованности полученной информации и формулировки объективных выводов диссертантом с сентября 2009 г. по февраль 2010 г. были проведены 24 экспертных интервью в трех изучаемых регионах: Республике Бурятия, Республике Саха (Якутия) и Республике Тыва. В качестве экспертов выступили компетентные представители политических элит, научной интеллигенции, партий и общественных объединений, работники структурных подразделений институтов власти, непосредственно занимающихся кадровой политикой и подбором должностных лиц.

В настоящую работу также включены материалы исследования, проведенного сотрудниками ГОУ ВПО Бурятского государственного университета совместно с Российским институтом ситуационного анализа и новых технологий «ИСАНТ», по проекту «Самые влиятельные люди России – 2003» с публикацией материалов по теме «Рейтинг влиятельных лиц в политике и экономике Республики Бурятия» (срок работы 2001-2003 гг.) [456]. Диссертант принимал непосредственное участие в аналитическом проекте при составлении данных по Республике Бурятия и выступал в роли эксперта.

Значительная часть использованной в диссертации информации была выявлена при помощи качественного анализа документов по изучаемой теме. В частности, важные сведения получены из биографических справок представителей политических элит, которые были проанализированы нами по следующим индикаторам: пол, дата и место рождения, образование и его профиль, вид и место нахождения вуза, наличие ученой степени, начало трудовой деятельности, занимаемая должность и пр. Это позволило ввести в научный оборот новые данные, представляющие большой интерес. Работа с документами также помогла осуществить вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных ранее отдельными специалистами, научными учреждениями, различными социологическими службами (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.).

Научная новизна исследования. В диссертационной работе представлены следующие результаты, обладающие новизной:

- осуществлен анализ теоретических концепций зарубежных и российских исследователей, позволивший проследить процесс эволюции взглядов, посвященных правящему меньшинству (элите), а также доказать вклад отечественных мыслителей к. XIX - н. XX вв. (М.Я. Острогорского, Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина, А.И. Стронина, М.М. Ковалевского и др.) в разработку изучаемой нами проблематики, сущность и значение которого в элитологии пока представлены слабо;

- изучены основные методологические подходы к исследованию политической элиты и обосновано применение позиционного анализа (согласно которому к элите относятся лица, занимающие высшие позиции в институтах власти) и анализа принятия важнейших стратегических решений (элитой являются те, кто принимают ключевые для государства и общества решения) для идентификации представителей изучаемой социальной группы;

- рассмотрев представленные в отечественной и зарубежной литературе определения терминов «элита» и «политическая элита», а также разнообразные категории, используемые исследователями для обозначения лиц, находящихся на вершине социальной иерархии и, установив факт отсутствия единства в понимании используемых дефиниций, что свидетельствует о необходимости конкретизации отдельных понятий терминологического аппарата элитологии, диссертант разграничил и охарактеризовал существующие дефиниции, а также сформулировал собственное определение термина «политическая элита»;

- на основе анализа элитологической литературы и собственного определения понятия «политическая элита» были выведены и описаны специфические признаки, характерные для изучаемой социальной группы: высокий социальный статус, особый характер деятельности, выполнение важнейших управленческих функций, наличие социально-властных и иных ресурсов, принятие стратегических для государства и общества решений или оказание влияния на этот процесс, обособленность от других социальных групп, немногочисленность состава и др.

- изучив существующие в научной литературе, часто не совпадающие друг с другом формулировки относительно состава рассматриваемой социальной группы и используя наиболее надежные способы для ее идентификации (позиционный анализ и анализ принятия важнейших стратегических решений) диссертант определил состав современной политической элиты России и республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, в который были включены представители исполнительных, законодательных / представительных, муниципальных органов власти, а также избирательных комиссий, дипломатических структур, политических партий и движений, имеющих парламентский статус;

- на основе исторического экскурса рассмотрены изменения, происходящие в положении региональных политических элит в обществе в условиях трансформации российского государства, выделены и охарактеризованы три этапа в динамике их социального статуса (1990-1992 гг., 1993-1999 гг., 2000 г. по настоящее время), а также условия, факторы, предпосылки и последствия данного процесса;

- дана характеристика основным каналам и механизмам рекрутирования российских политических элит, в частности элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Полученные данные позволили выявить происходящие в постсоветский период изменения в процессе рекрутирования политической элиты (например, активное вхождение в состав элиты представителей бизнеса, увеличение роли таких каналов, как наука и образование, силовые и специальные структуры), а также определить некоторую специфику элитообразования в изучаемых регионах России, выраженную, в частности, в слабой практике реализации отдельных каналов рекрутирования элиты (к примеру, силовых структур);

- на основе анализа биографических справок и результатов собственных эмпирических исследований были выявлены и введены в научный оборот новые данные, позволившие составить подробный социальный портрет современных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва: сведения о возрасте, этнической принадлежности, владении родным языком,

месте рождения, образовательном уровне, социальном происхождении и пр., а также определить изменения, произошедшие в их социально-демографических характеристиках;

- в исследовании на основе эмпирических данных раскрываются мало изученные ценностные ориентации республиканских политических элит, касающиеся социально-экономического и политического развития современной России, сопровождающиеся анализом состояния данных сфер, основанным на конкретных фактах и документах;

- при помощи материалов собственных социологических исследований определены и проанализированы взгляды и предпочтения республиканских политических элит по вопросам социально-экономического и политического развития Бурятии, Саха (Якутии) и Тывы. Полученные данные позволили проследить динамику их ценностных ориентаций, а также выявить имеющиеся проблемы (в первую очередь, в сфере экономики) и перспективы развития республик, которые в Бурятии и Тыве связаны, как правило, с туристско-рекреационным и экологическим потенциалом территорий, а в Саха (Якутии) – с освоением природных ресурсов;

- на основе эмпирических данных установлены различные аспекты функционирования современных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва: особенности выполнения должностных обязанностей, опыт работы, мотивы занятия должности, карьерные ориентации и др.;

- определены и обоснованы самые важные и актуальные на данный момент задачи, направления развития, реализация которых, на взгляд соискателя, позволит создать в стране качественно новую политическую элиту. В их числе оптимизация системы рекрутирования элиты, установление контроля над ее деятельностью, внедрение этического воспитания и пр.

Кроме того, в диссертационной работе политическая элита рассматривалась не как целостная социальная группа, а как образование, состоящее из различных структурных элементов, что встречается крайне редко. Поэтому в составе республиканских политических элит нами были выделены исполнительные, законодательные / представительные и

муниципальные виды элит, что позволило ввести в научный оборот обширные сведения о них и провести сравнительный анализ. Также следует отметить, что в данном исследовании были комплексно изучены и проанализированы основные тенденции эволюции постсоветских политических элит трех представленных полиэтнических регионов России.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В диссертационной работе проведен теоретический анализ базовых для элитологии вопросов, многие из которых являются мало изученными: рассмотрен процесс становления теории элит как отдельного направления в исследовании социума; изучены элитологические концепции отечественных мыслителей к. XIX - н. XX вв. и доказан их вклад в разработку изучаемой проблематики; разграничены и охарактеризованы дефиниции, используемые авторами для обозначения лиц, находящихся на вершине социальной иерархии; рассмотрены методологические подходы, применимые для исследования политической элиты; выведены и описаны специфические признаки изучаемой социальной группы; определен состав современной политической элиты России и республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Данная работа была осуществлена на основе анализа обширного массива литературы по проблемам элит, что также имеет большое значение. Представленные в диссертации результаты собственных эмпирических исследований соискателя с теоретических позиций способствуют углублению и расширению понимания сущности и основных тенденций эволюции региональных политических элит в постсоветской России. Положения и выводы, содержащиеся в данной работе, могут стать основой для постановки новых задач в изучении элиты постсоветского периода.

Материалы диссертационного исследования могут использоваться представителями политической элиты при определении и реализации региональной политики, а также при формулировке научно обоснованных программ дальнейшего развития республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Полученные данные позволяют определить степень успешности государственной кадровой политики в полиэтнических регионах России и

выявить проблемные направления, требующие пристального внимания и последующей корректировки, что будет способствовать формированию профессиональной и компетентной политической элиты, которая сможет обеспечить эффективность и стабильность развития многонациональных субъектов федерации. Результаты эмпирических исследований диссертанта могут быть использованы при написании научных трудов широким кругом лиц, интересующихся различными аспектами функционирования современных политических элит, а также при разработке учебных спецкурсов по политологии, социологии, элитологии, политической регионалистике и другим дисциплинам гуманитарного профиля.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Отдельные понятия терминологического аппарата элитологии требуют конкретизации. В частности, наблюдается множество разнообразных по своему содержанию трактовок дефиниций «элита» и «политическая элита», а также обилие категорий, используемых исследователями для обозначения лиц, находящихся у рычагов власти. Осуществив сравнительный анализ имеющихся определений, опираясь на структурно-функциональный подход при идентификации элиты и учитывая накопленный теоретический опыт, политическую элиту, на взгляд соискателя, можно определить как немногочисленную группу лиц, находящуюся на вершине социальной иерархии, профессионально занимающуюся деятельностью в сфере управления государством и обществом, которая концентрирует в своих руках значительный объем политической власти и принимает стратегические решения общегосударственного уровня (или может влиять на данный процесс).

2. В ходе трансформации российского государства и общества происходит эволюция политической элиты, функционирующей как на федеральном, так и на региональном уровнях. Данный процесс выражается в постепенном изменении таких параметров как персональный состав группы, социально-демографические характеристики ее представителей, функционирование элиты, механизмы и каналы рекрутирования, ценностные

ориентации и др. Процесс эволюции политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва во многом идентичен общероссийскому. Однако имеются и некоторые особенности эволюции республиканских политических элит, обусловленные спецификой изучаемых субъектов федерации.

3. В условиях трансформации российского общества социальный статус региональных политических элит периодически изменялся. Если в рамках советской системы региональные элиты находились под строгим контролем партийного руководства, то в начале 1990-х гг., ввиду ослабления центральной власти, произошло резкое повышение их статуса. В дальнейшем, на протяжении 1990-х гг., они оставались влиятельными акторами российского политического процесса. Однако с 2000 г. в результате жесткой политики федерального центра ситуация резко изменилась, региональные политические элиты оказались вытесненными с общероссийской политической сцены. Изменение социального статуса региональных элит оказывало прямое влияние на стиль их взаимоотношений с федеральным центром, реализуемую в субъекте политику, самооценку и пр.

4. Для постсоветского периода характерно существенное изменение системы рекрутирования российской политической элиты, что оказало решающее влияние на состав данной социальной группы. В отличие от советского времени, когда фактически использовался лишь партийный принцип подбора управленческих кадров, в настоящий момент отмечается многообразие механизмов и каналов рекрутирования политической элиты. В качестве основных каналов выступают советская номенклатура, государственный аппарат, органы местного самоуправления, бизнес-структуры, политические партии, силовые и специальные структуры, учреждения науки и образования. Ведущими механизмами рекрутирования элиты являются избрание / назначение на руководящие должности в органы власти, вхождение через систему кадрового резерва, партийное рекрутирование, а также неформальные связи. Указанные механизмы и каналы характерны для всех регионов России, в том числе для Бурятии, Саха (Якутии) и Тывы. Вместе с тем, в данных субъектах отмечается некоторая

специфика процесса рекрутирования элиты (например, незначительное использование канала силовых и специальных структур).

5. В результате изменения системы рекрутирования произошли перемены в социальном портрете постсоветских политических элит всех уровней власти: наблюдается динамика возрастных показателей в сторону их снижения, отмечается повышение образовательного уровня представителей данной социальной группы, разнообразие их социального происхождения (в составе современной элиты в равной мере присутствуют выходцы из среды рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции) и пр. Республиканские элиты по основным социально-демографическим параметрам мало отличаются от других регионов России.

6. Для постсоветских политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва характерно изменение ценностных ориентаций, представлений о социально-экономическом и политическом развитии своих регионов и России в целом. Сегодня они более объективно, но, в целом, все же критически оценивают состояние данных сфер, признают наличие достижений и определенных проблем. Особую тревогу у них вызывают: в экономике – сельское хозяйство, в социальной сфере – социальная защита населения, в политике – многопартийность. Несмотря на существенную критику, перспективы развития России и ее субъектов представляются республиканским элитам весьма положительными.

7. Современная политическая элита России всех уровней власти выполняет свои функциональные обязанности с переменным успехом, в ее деятельности присутствуют как положительные, так и отрицательные моменты. Наличие последних, в числе которых злоупотребление властью, низкая политическая культура, моральная деградация и пр., вызывает острую критику со стороны общественности. Это свидетельствует о необходимости совершенствования и обновления политической элиты, что можно осуществить, по мнению диссертанта, путем решения ряда важных и актуальных на данный момент задач: изменения системы рекрутирования элиты (например, в качестве основного канала должны выступать органы

государственной и муниципальной власти, необходимо увеличить роль науки и образования в политике, уменьшить присутствие бизнес-элиты во власти), обеспечения общественного и служебного контроля (через эффективную работу специальных органов: по борьбе с коррупцией, по соблюдению этических норм и пр.), внедрения этического воспитания (к примеру, с помощью образовательных курсов этической направленности) и т.д.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования использованы в практической деятельности отдельных органов местного самоуправления Республики Бурятия. Разработаны рекомендации по реализации тренингов, направленных на получение практических знаний по различным сферам деятельности, межрегиональных семинаров по обмену опытом, этического воспитания в муниципальных органах власти, образовательных курсов нравственно-эстетической направленности и др. Приняты к дальнейшему использованию на практике предложения диссертанта по совершенствованию системы обучения кадров с целью повышения качества исполнения муниципальными служащими своих должностных обязанностей, а также по внедрению процедуры принятия присяги при заступлении на муниципальную службу. Отдельные положения диссертационной работы нашли отражение в научно-исследовательской деятельности при реализации гранта Российского гуманитарного научного фонда № 08-03-00032, посвященного изучению востребованности некоторых профессий в сфере культуры на рынке труда Восточной Сибири, срок исполнения 2008-2010 гг. Данные анкетного и экспертного опросов, полученные соискателем в Республике Саха (Якутия) в рамках выполнения гранта, политологический анализ изучаемой проблемы существенно углубили понимание происходящих процессов в российской культуре. Материалы диссертационной работы, сделанные в ее рамках выводы позволили соискателю принять участие в международном исследовании «Качество государственного управления в регионах России – 2014» в качестве эксперта, которое проводится The Quality of Government Institute (Институт качества государственного управления Университета Гётеборга,

Швеция) совместно с Лабораторией политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия). Вопросы глобального опроса экспертов касались практик найма, карьеры, увольнения государственных служащих в региональных органах государственной власти, а также практик управления в субъектах федерации. Материалы исследования подлежат опубликованию, как и иные итоги опросов, которые проводились The Quality of Government Institute на протяжении многих лет в различных странах мира. Результаты диссертационной работы нашли применение в преподавательской деятельности, они внедрены в учебный процесс ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» при изучении студентами ряда дисциплин: «Управление социальными системами», «Менеджмент общественных связей», «Имиджелогия» и др. Материалы диссертации использованы в рамках лекционных, семинарских и практических занятий, что оказало положительное влияние на качество подготовки специалистов.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в монографиях и статьях соискателя. Книга «Эволюция региональных политических элит в постсоветский период» (2009, авторы В.М. Очирова, Б.П. Крянев) признана лучшим научным изданием в номинации «Политические науки» на Втором Дальневосточном региональном конкурсе на лучшее вузовское издание «Университетская книга – 2009» (Владивосток, 2009). Монография соискателя «Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества» (2013, науч. ред. проф. И.И. Осинский), написанная на основе данной диссертации, стала победителем международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2014» (Киров, 2014), победителем международного конкурса научных изданий “Global Science – 2015” в номинации «Лучшее научное мышление» (Казань, 2015), получила диплом I степени в номинации «Лучшая научная монография в области истории, социологии и политологии» Межрегионального конкурса «Лучшая книга в

сфере высшего образования: социогуманитарные и общественные науки» (Челябинск, 2015), диплом лауреата (победителя) Первого международного отраслевого конкурса изданий для вузов «Университетская книга – 2015» по направлению «Здоровье и безопасность» в номинации «Лучшее издание по юридическим и политическим вопросам» (Новосибирск, 2015), а также заняла II-е место в номинации «Авторские монографии» Конкурса публикаций Российского общества социологов 2014 года (Российская академия наук, Москва, 2014).

Отдельные результаты работы представлены в докладах на вузовских, региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях: «Высшая школа: история, современность, перспективы» (Улан-Удэ, 2003), Вторые Забайкальские социологические чтения (Чита, 2004), «Актуальные вопросы воспитательной работы в условиях вуза» (Улан-Удэ, 2006), «Социально-стратификационная дифференциация российского общества» (Улан-Удэ, 2006), «Молодежь глазами молодежи» (Иркутск, 2006), «Молодежь глазами молодежи» (Улан-Удэ, 2006), «Молодежь в условиях социально-экономической трансформации общества» (Улан-Удэ, 2007), «Современные технологии по сохранению и развитию социально-культурных традиций региона» (Улан-Удэ, 2007), «Интеллигенция и проблемы национальных отношений» («Байкальская встреча», Улан-Удэ, 2008), «Традиционное, современное и переходное в российском обществе» (Пенза, 2008), «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2009), Третьи университетские социально-гуманитарные чтения (Иркутск, 2009), «Молодежь в социальных и политических процессах современной России» (Воронеж, 2009), «Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты» (Улан-Удэ, 2010), «Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития» (Улан-Удэ, 2010), «Многополярный мир и безопасность: равенство, лидерство, гегемония» (Санкт-Петербург, 2010), Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения (Иркутск, 2010), «Человек, культура и общество в изменяющемся мире» (Улан-Удэ,

2011), «Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации» (Улан-Удэ, 2012), «Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации» («Байкальская встреча», Улан-Удэ, 2012), «Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты» (Пенза, 2012).

Основные результаты исследования опубликованы в 50 работах: трех монографиях, 47 научных статьях (из них 17 в изданиях, рекомендованных ВАК).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, основной части, включающей четыре главы (одиннадцать параграфов), заключения, списка литературы и приложений.

Глава I. Теоретико-методологические основы исследования российских региональных политических элит

1.1. Теория элит: этапы становления и развития

Интерес к лицам, находящимся на вершине социальной иерархии существовал на протяжении всей человеческой истории. Выделение правящего меньшинства, выполняющего важнейшие функции в сфере управления государством и обществом, обладающего значительными властными ресурсами, неизменно наталкивало мыслителей различных эпох на размышления в том числе о легитимности данной группы, о возможности справедливого руководства страной, об образе идеального правителя. Важнейшие мысли в дальнейшем были положены в основу самостоятельных элитологических концепций и привели к становлению отдельной отрасли социального знания.

Основателями теории элит как нового направления в исследовании социума традиционно считаются Гаэтано Моска и Вильфредо Парето, которые в к. XIX – н. XX вв. в системном виде изложили свои концепции, посвященные правящему меньшинству. Однако следует заметить, что элитологическая проблематика формировалась на протяжении многих столетий и ее корни можно найти еще в первом тысячелетии до нашей эры. Значительный вклад в разработку проблем элит внесли древнекитайские мыслители, которые в своих трудах уделяли большое внимание образу идеального правителя. Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н.э.), один из основоположников легизма, считал, что главной заботой правителя должно быть улучшение жизни народа. В случае добросовестного выполнения данной функции низы должны честно служить верхам, и тогда, по его мнению, будут достигнуты оптимальные отношения между верхами и низами. Гуань Чжун также сформулировал важнейшую, отчасти революционную для своего времени мысль, согласно которой абсолютно все люди, в том числе и правители, должны следовать закону – в этом и состоит великое искусство управления. Близких позиций придерживался и другой

знаменитый легист Хань Фей (288-233 гг. до н.э.), который считал, что для решения проблемы несовершенства лиц, находящихся на государственной службе, необходимо установление господства закона.

Вызывает интерес типология правителей, осуществленная древнекитайским мыслителем Лао-цзы (род. в 604 г. до н.э.). По его мнению, лучший властитель тот, о котором только знают, что он есть. Тот, которого любят и почитают, немного похуже. Плохой правитель тот, которого народ боится, а хуже всех, тот над которым смеется. Тем самым Лао-цзы, на наш взгляд, совершенно справедливо замечает, что идеальный правитель должен мудро, тактично, эффективно осуществлять политику, способствующую процветанию государства, и оставаться при этом в тени.

Большое внимание элитологической проблематике уделял в своих трудах выдающийся китайский мыслитель, политический деятель Конфуций (551-479 гг. до н.э.). Выделяя в обществе два слоя – управляющих и управляемых, он утверждал, что управлять государством должны высокоморальные образованные благородные мужи во главе с государем (идеальные чиновники - «цзюнь-цзы»). При этом им была высказана весьма прогрессивная для своей эпохи идея, что стать одним из них может любой, даже простолюдин, если он будет обладать необходимыми для осуществления управления знаниями и способностями. Помимо статусных различий, по мысли Конфуция, для каждого слоя характерны собственные нормы поведения: одни для «благородных» - призванных повелевать, другие для «низких» - призванных к смирению. Так, благородные мужи, по его мнению, должны отличаться прежде всего хорошим воспитанием (например, они не могут быть грубыми). Размышляя над образом идеального правителя, Конфуций пришел к выводу, что им является образованный, высоконравственный, добродетельный и справедливый благородный муж. Согласно воззрениям китайского мыслителя, ему следует «почитать пять «прекрасных качеств»: благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток. И искоренять «четыре отвратительные

качества»: если (народ) не поучать, а убивать, это называется жестокостью. Если (народ) не предупредить, а затем (выразить недовольство), увидев результаты (труда), это называется грубостью. Если настаивать на быстром окончании (работы), прежде дав указание не спешить, это называется разбоем. Если обещать награду, но поскупиться ее выдать, это называется жадностью» [31, с. 41]. Кроме того, правитель должен уметь быть твердым, если народ не желает следовать его указаниям, и мягким, если народ послушен. Образ идеального государства Конфуций рассматривал на примере семьи, где государь – отец, чиновники – старшие братья, работники – младшие братья, их главная цель – общее благо.

Становление элитологической проблематики тесно связано с трудами философов Древней Греции. Акцент на интеллектуальных, духовно-нравственных, волевых качествах как критериях идентификации лучших и достойнейших людей в противовес знатному происхождению и богатству можно найти в работах Гераклита, Демокрита, Пифагора, Сократа и др.

Наиболее полно элитарное мировоззрение, через призму рассуждений о государстве (что, заметим, можно встретить в произведениях многих его современников и мыслителей последующих эпох), было сформулировано в знаменитых диалогах «Государство», «Политик», «Законы» великого древнегреческого философа-идеалиста Платона (ок. 428-347 гг. до н.э.). По его мнению, государство является необходимой формой существования людей, ввиду того, что каждый индивид не в силах удовлетворить свои потребности самостоятельно, он нуждается в обмене продуктами деятельности и общении. Осуществив анализ различных форм государственного устройства: монархии (по его мнению, может быть законной – монархия и насильственной – тирания), аристократии (может быть властью лучших – аристократия или худших – олигархия), демократии (вырождающейся в охлократию) и, дав им характеристики, Платон составил представление об идеальном государстве, в котором существуют три класса людей, образующихся в соответствии с природой их души. Философ утверждал, что в душе человека есть три начала: разумное, волевое и

вождеющее. Доминирование в человеке какой-либо части души определяет ту функцию, которую он должен выполнять в государстве. На основе данного признака Платон выделяет в обществе низший класс – это, в его понимании, крестьяне, ремесленники, купцы (в них преобладает вождеющее начало души, их основная добродетель – умеренность). Они предназначены для обеспечения материальных потребностей государства и обязаны подчиняться высшим классам. Второй класс составляют стражи и воины, выполняющие функцию защиты государства (в них преобладает волевая часть души, их основная добродетель – мужество). Высший класс образуют правители-философы, чье предназначение состоит в справедливом управлении государством (в них преобладает разумная часть души, их основная добродетель – мудрость). По мнению древнегреческого философа, государственные функции могут выполняться лишь аристократами, обладающими необходимыми знаниями (вследствие получения элитного образования), специальным воспитанием и высоким уровнем добродетели. Однако заметим, что Платон допускает переход из низших страт в высшие и наоборот, в случае наличия или отсутствия способностей у человека. Политические отношения в государстве, согласно его воззрениям, должны подчиняться принципу справедливости, смысл которого состоит в том, что каждый выполняет свои обязанности и получает за это вознаграждение. Тем самым идеальное государство, по мысли Платона, должно быть основано на фундаментальных античных ценностях – мудрости, мужестве и умеренности.

Безусловно, концепция Платона об идеальном государстве по своей сущности является утопией, но она представляет значительную ценность с точки зрения элитологии. Разделив общество на три страты, он рассмотрел важнейшие вопросы, касающиеся высшего класса: определил его функциональную нагрузку в государстве, выделил качества, которыми должны обладать его представители, акцентировал внимание на необходимости элитного образования и воспитания и т.д. Кроме того, он сформулировал ряд глубоких мыслей. Например, о том, что многие стремятся к власти лишь для того, чтобы получить доступ к общественным

благам, а государство управляется лучше всего там, где те, кому предстоит править, менее всего стремятся к власти. Идеи Платона оказали значительное влияние, как на его современников, так и на мыслителей последующих эпох.

Развитие основных социально-политических идей Платона продолжил выдающийся мыслитель древности Аристотель (ок. 384-322 гг. до н.э.). В своих трудах «Политика», «Афинская полития», «Этика» он обращается к различным проблемам политической жизни. Применяя два основных критерия (кто правит и во имя чего правит - общего блага или собственных интересов), Аристотель предлагает классификацию форм государственного устройства, разделяя их на правильные и неправильные. К числу правильных форм, при которых власть осуществляется во имя общего блага, по его мнению, относятся: монархия, аристократия, полития. Неправильные («испорченные») формы, при которых механизм власти подчинен интересам тех, кто правит, представлены тиранией (деформация монархии), олигархией (деформация аристократии) и демократией (деформация политии). Тем самым представленная классификация позволяет сделать вывод, что государство, в котором элита использует политическую власть в личных целях, является «испорченным». Оптимальной формой государственного устройства Аристотель считал политию, сочетающую в себе качества аристократии и демократии. Государство, по мысли философа, должно быть гарантом сохранения высших общественных ценностей, этических норм и добродетелей. Следовательно, такие качества должны быть присущи, в первую очередь, правителям. В достижении данной цели Аристотель весьма близок к идеям Платона о необходимости элитного образования, которое бы способствовало воспитанию добродетельных мудрецов.

Благополучие государства, считал Аристотель, обеспечивается слоем свободных людей, которые находятся между очень богатыми и очень бедными – это так называемый средний класс. Именно их благосостояние является гарантом стабильности государства, которое, соответственно, должно заботиться об усилении данного класса. Для этого, по мнению мыслителя, необходимо бороться с нищетой и способствовать развитию

частной собственности. Заметим, что в своих выступлениях за «золотую середину» в области имущественной дифференциации и справедливое общество без бедных и богатых Аристотель фактически придерживался умеренно-эгалитаристских взглядов.

С идеями передовых мыслителей Древней Греции о государстве, праве, свободе, гуманизме перекликаются воззрения древнеримских политических и общественных деятелей, писателей, историков. Особенно отчетливо это прослеживается в работах знаменитого римского мыслителя, оратора и политического деятеля Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н.э.), таких как «О государстве», «О законах», «Об обязанностях». Цицерон предложил версию права как естественного, неотъемлемого качества человека и общества. Он исходил из того, что права и свободы человека не даруются и не устанавливаются кем-либо, по чьему бы то ни было желанию и велению, а принадлежат ему по природе. Цицерон придерживался мнения, что под действие закона должны попадать все, в том числе высшие слои общества и даже правители. При этом он подчеркивал, что любому закону должно быть свойственно стремление хотя бы кое в чем убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами. Заметим, что труды римского мыслителя пронизаны призывами к человеколюбию, к борьбе за справедливость, к гуманистическому отношению государственных органов к свободным гражданам и даже рабам. Особо отметим работу Цицерона под названием «Краткое пособие для претендентов на выборные должности», где он дал немало полезных советов данным лицам, которые не потеряли своей актуальности и могут вполне успешно использоваться в современной политической практике.

Идея духовной свободы всех людей, независимо от их занятия и положения в обществе, содержалась в многочисленных трудах древнеримского писателя и философа Луция Аннея Сенеки (ок. 4 г. до н.э.-65 г. н.э.). Среди них выделяются трактаты «О благодеяниях», «О милосердии», «О спокойствии духа», «Письма к Луцилию». В своих работах он горячо выступал в защиту «говорящих орудий» - рабов. Все люди, согласно учению

Сенеки, равны между собой в том смысле, что являются «сотоварищами по рабству», одинаково находясь во власти судьбы. Являясь сторонником духовной элитизации личности, он считал, что истинное благородство человека проявляется не в его знатном происхождении, а в добродетели, которая доступна всем. Тем самым суть благородства, по его мнению, состоит в подлинной духовности, достичь которую возможно только через труд, а не через наследование.

Идеи философов Древнего мира, внесших значительный вклад в разработку элитологической проблематики, получили дальнейшее развитие в трудах мыслителей Средневековья и Нового времени.

Абсолютное господство религии, характерное для периода Средних веков, изменило мировоззрение людей, их взгляды на функционирование различных сфер жизни, в том числе и политики. Одно из первых развернутых христианских учений о человеке и обществе принадлежит крупнейшему католическому теологу Аврелию Августину (354-430). Человек им рассматривается как существо, сотворенное Богом по своему образу и подобию, но отошедшее от него вследствие греха. В связи с этим история человечества, имеющая начало и конец (от сотворения человека до Страшного суда), есть история человека, возвращающегося к Богу. Блаженный Августин разделял Град Земной (мир, построенный на эгоистической любви человека к себе) и Град Божий (мир, построенный на любви к Богу). Град Божий составляют праведники, которых любовь к Богу доводит до самоотречения (они предназначены к спасению). Отметим, что неустанное исполнение божьих заповедей фактически является критерием элитарности людей. Церковь является представителем Царства Божьего на земле, только в ее лоне человек может обрести спасение. Государство есть творение Бога, оно должно подчиняться церкви, а вся его деятельность должна быть направлена на реализацию воли Божьей. Тем самым представители Града Божьего на земле - служители церкви являются своего рода элитой общества, они по своему положению находятся выше правителей и лиц, осуществляющих государственное управление. Отсюда

вытекает главный тезис Аврелия Августина о безусловном верховенстве церковной власти по отношению к светской.

Теократические идеи были развернуты и в учении выдающегося философа, богослова Фомы Аквинского (1225-1274), который придерживался идеи божественного происхождения власти. Наилучшей формой государственного устройства он считал монархию. Богоизбранный государь, по его мнению, должен быть воплощением справедливости. Ему необходимо заботиться об общем благе, сохранять мирную жизнь, способствовать тому, чтобы подданные вели добродетельный образ жизни и имели для этого необходимые блага. Власть монарха в государстве должна быть отражением власти Бога в мире. Одобряя социальное неравенство и считая его важным элементом гармонии, Фома Аквинский был убежден, что подданным необходимо безропотно выполнять свои обязанности и смиренно подчиняться высшим слоям общества. Однако он допускал, что в случае если государственная власть отходит от требований божественного закона, подданные имеют право не следовать ее указаниям. Отметим, что в этом признаваемом (с определенными церковно-религиозными условиями) праве народа на восстание фактически провозглашалась, хотя и в достаточно приглушенном виде, идея народного суверенитета. Главным смыслом человеческой жизни, по его мнению, является достижение небесного блаженства, которое возможно только при помощи церкви, священников и Папы Римского – заместника Бога на Земле. В связи с этим Фома Аквинский, также как и Аврелий Августин, считал, что светская власть должна безоговорочно подчиняться духовной власти.

Эпоха Возрождения, ознаменовавшаяся бурным развитием материального производства, освобождением разума от догматических принципов схоластического мышления и поворотом к естественно-научному познанию мира, значительно изменила взгляды людей, в том числе на явления в сфере политики и, в частности, на природу государства и власти.

Особое место в социально-политической теории эпохи Возрождения занимают труды итальянского мыслителя, дипломата и историка Никколо

Макиавелли (1469-1527), в частности, его работа «Государь», написанная на основе многовекового опыта существования различных государств. По его мнению, суть государства заключается в защите общенациональных интересов. Соответственно, смысл жизни как политической элиты, так и народа должна составлять забота о свободе и величии родины. В связи с этим он был убежден, что «государственные соображения» и «благо народа» являются теми политическими формулами, которые оправдывают любые действия государя.

Н. Макиавелли считал, что политика является уделом избранных, однако эффективному правлению можно научиться, так как в результате анализа исторического опыта вполне возможно выявить отработанные веками политические правила, ведущие к успеху. Давая конкретные рекомендации правителям, итальянский мыслитель исходил из тезиса, заключающегося в том, что политика является отражением природы человека, которая совсем не благая. В этой сфере люди руководствуются специфическими мотивами поведения, успех здесь определяется верным расчетом и умением предвидеть последствия тех или иных действий. Поэтому, чтобы обеспечить процветание государства и сохранить власть, правитель должен изучать и использовать в своих интересах слабости людей, знать главные стимулы человеческой деятельности (жажда власти и обладание имуществом), а также он «должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [299, с. 55]. Заметим, что его рекомендации часто граничили с цинизмом. Например, в работе «Государь» Н. Макиавелли утверждает: «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. <...> А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется <...> Надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. <...> Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но

внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. <...> Дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами» [299, с. 62-66]. Безусловно, подобные советы нельзя назвать достойными, однако в данном произведении значительно в большей степени, на наш взгляд, представлены мысли другого порядка, совсем не лишённые здравого смысла. Назовем лишь некоторые из них: «Ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один их тех пороков, которые позволяют ему править. <...> Новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив. <...> Важно не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении. <...> Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. <...> Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает» [299, с. 57-80]. Следует также обратить внимание на еще одну мысль Н. Макиавелли, согласно которой власть предпочтительнее доверять тому, кто к ней менее всего рвется, кто даже тяготится ею. Соответственно, цели государя должны быть значительнее, чем личное стремление к власти. Напомним, что подобная мысль была высказана еще древнегреческим философом Платоном.

Представляет интерес типология правителей, предлагаемая итальянским мыслителем. Первый тип он называет «львами» - это решительные правители, опирающиеся на силу. Второй тип составляют «лисы» - гибкие политики, являющиеся мастерами переговоров и интриг, для которых характерны хитрость, ловкость, притворство. Н. Макиавелли пишет: «Государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. <...> Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы

уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков» [299, с. 61]. Данная типология позже была развита в трудах В. Парето.

Большое внимание Н. Макиавелли уделял поиску оптимальных взаимоотношений государя с народом, интересы которых ему представлялись более близкими, чем с аристократией. К знати отношение мыслителя было преимущественно отрицательным: «От враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее» [299, с. 37]. Поэтому он считал, что государю необходимо быть в дружбе с народом, издавать «добрые законы», которые будут способствовать защите чести, жизни и имущества граждан. Власть должна быть сильной, но не тиранической. Главным оружием правителя должен стать страх со стороны подданных, однако «государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти» [299, с. 59]. Главной опасностью для правителя являются презрение и ненависть граждан, которые могут привести к свержению монарха. Н. Макиавелли разъясняет: «Тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. <...> Поэтому лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу» [299, с. 76]. Вместе с тем заметим, что в целях сохранения порядка и законов, недопущения смуты и ослабления государства, мыслитель допускал применение обмана и насилия по отношению к народу. Что же касается подданных, то их главными политическими добродетелями, по его мнению, должны быть покорность и жертвенность.

Итак, в своих произведениях Н. Макиавелли, основываясь на принципе реалистического видения политической сферы, отразил процесс разделения морали и политики, сформулировал основные политические принципы, которые применялись на тот момент в политической практике. В труде «Государь» он создал некий свод правил и рекомендаций для политической

элиты, который пережил свою эпоху и успешно применялся, с небольшими корректировками, в последующие времена. На наш взгляд, в рассуждениях итальянского мыслителя есть своя доля истины и, возможно, для достижения цели по созданию сильного государства в условиях социально-экономической и политической нестабильности Италии периода Н. Макиавелли представленные методы руководства страной были наиболее приемлемыми.

Развитие социально-политических идей, но уже на основе сциентистского мировоззрения, продолжилось в период Нового времени. Приобретают актуальность вопросы о происхождении государства и его формах, о правах человека, о природе власти, в рамках которых рассматриваются и проблемы элит. Новое звучание получает идея «естественных прав» человека, заключающихся в том, чтобы быть свободным в своих действиях и убеждениях, равным по отношению к другим людям, иметь гарантии от произвола и т.д. Данную идею дополняет концепция «общественного договора», благодаря которой меняется взгляд на подлинного субъекта государственного суверенитета. Претерпевают изменения и представления о роли правителя и политической элиты в государстве, их функциональной нагрузке. Значительный вклад в социально-политическую мысль периода Нового времени внесли Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье и др.

Английский философ Томас Гоббс (1588-1679) в знаменитом труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» изложил свою точку зрения на вопрос происхождения государства, где также затронул и проблему появления политической элиты. По его мнению, государство возникает в результате заключения общественного договора и выступает в качестве инструмента подавления природного эгоизма людей, их сползания к «естественному» (догосударственному) состоянию «войны всех против всех», которое ведет к взаимному уничтожению. Главным условием создания государства, на его взгляд, является ограничение свободы людей и добровольная передача

«власти и силы» единственному человеку или избранной группе людей. Взамен государство, которое Т. Гоббс называет великим Левиафаном, должно заботиться об интересах и счастье людей, защищать граждан от внешних врагов и поддерживать внутренний порядок. Формы государства мыслитель различал по субъекту верховной власти: демократия (власть собрания с правом голоса каждого), аристократия (власть некоторой части) и монархия (власть одного человека), которая представлялась ему наилучшей из них. Общей чертой всех государств является абсолютный характер верховной власти и полное подчинение подданных. По мысли философа, народ, заключив общественный договор, не имеет права изменить форму правления, протестовать против решений суверена, а также свергнуть его, даже если он будет деспотом - его власть абсолютна, так как он находится вне рамок общественного договора и установленных им правил. Впрочем, Т. Гоббс оставляет за подданными право на восстание, но только лишь в том случае, когда суверен попирает естественные законы. Другим положительным моментом является то, что философ, перечисляя многочисленные права суверена (издавать и отменять законы, разрешать споры, награждать и наказывать и пр.), останавливается и на его обязанностях: просвещать народ путем обучения и издания хороших законов, быть справедливым по отношению ко всем, равномерно облагать подданных налогом, поощрять земледелие и промыслы, принуждать к труду всех здоровых граждан и др.

Т. Гоббс также сформулировал ряд прогрессивных идей о господстве права в общественной жизни: необходимость формального равенства перед законом, незыблемость договоров и др. Свобода рассматривается им как право делать все то, что не запрещено законом, обязательность которого гарантируется государственной властью. Тем самым он обосновал наиболее эффективный принцип правового регулирования общественных отношений.

Другой английский философ Джон Локк (1632-1704) также придерживался мнения, что государство возникает в результате заключения общественного договора. Однако «естественное» состояние представляется

ему не «войной всех против всех», а периодом равенства и свободы человека (заметим, не абсолютной свободы, так как он не может погубить себя или других). Являясь сторонником ограниченной конституционной формы монархии, Дж. Локк, в отличие от Т. Гоббса, считал правителя участником общественного договора, имеющим определенные обязательства. Исходя из этого, верховная власть, по его мнению, не может быть абсолютной, и если правитель нарушит условия договора, подданные могут разорвать с ним договорные отношения. Это может произойти в случае нарушения естественных, нерасторжимых с существованием человека прав на жизнь, здоровье, свободу, собственность. Государство должно защищать эти права, в противном же случае, существует право на восстание. Тем самым у Дж. Локка народ является источником власти, он может выбирать правителя и политическую элиту. Кроме того, ни один указ, какая бы власть его ни поддерживала, не обладает силой и обязательностью закона, если не было получено санкции законодательного органа, который был избран и назначен народом. Тем самым ничего нет выше согласия общества. Отметим также еще одну дальновидную мысль английского философа, впервые высказанную им еще в XVII веке, что для эффективного управления государством и обеспечения защиты прав и свобод человека необходимо разделение власти на три ветви: законодательную (под ней он подразумевал верховную власть), исполнительную (необходима для проведения законов в жизнь) и федеративную (осуществляет руководство внешней безопасностью и межгосударственными отношениями).

Большое влияние на развитие политической мысли оказали работы французского мыслителя Шарля Луи Монтескье (1689-1755). Придерживаясь теории общественного договора в вопросе происхождения государства, он считал, что его сущность заключается в делегировании властных полномочий правителю со стороны народа. Целью государства и правителя, на его взгляд, является благо общества, его целостность, а этого можно достичь с помощью хорошего законодательства. Ш. Монтескье различает два типа действующих в обществе законов: объективных, необходимых, вытекающих из природы

вещей отношений, и законов – правил, человеческих установлений. При этом он доказывает необходимость соответствия вторых первым, так как порядки, не установленные законом, определяют действия людей, а законы-установления определяют действия граждан. Законы, по мысли философа, должны быть обязательными для всех граждан. Ш. Монтескье подчеркивает, что именно в установлении законности и безопасности состоит сущность политической свободы и, по сути, она есть право делать то, что дозволено законами. Главным условием обеспечения политической свободы, по мнению Ш. Монтескье, является реализация в государстве принципа разделения властей. В этой связи он дает обоснование сформулированной ранее концепции Джона Локка. По его мнению, смысл теории разделения властей заключается в доказательстве необходимости обеспечения независимости трех видов политической власти: законодательной, судебной и исполнительной, а также в ограничении каждой из них. Соблюдение данного принципа, по мысли Ш. Монтескье, будет способствовать сдерживанию власти, поможет не допустить создание деспотических государств, правители которых, злоупотребляя властью, допускают произвол по отношению к своим подданным.

Следует отметить, что, несмотря на значительное развитие эгалитаристских концепций в XVII-XVIII вв., большинство мыслителей того времени не отказывали элите в существовании, они лишь считали, что она должна быть более лучшей, просвещенной. Оптимальной формой правления им представлялся «просвещенный абсолютизм», при котором власть находится у монарха, придерживающегося идей просветителей и заботящегося о благе своих подданных. Тем самым наиболее влиятельным направлением политической мысли в это время является ослабленный элитаризм, который Г.К. Ашин называет элитизмом. Он поясняет, что элитизм выступает за элиту, ответственную перед народом, в отличие от элитаризма, возвеличивающего элиту как творческую силу и подлинный субъект истории [31, с. 71]. В целом, период характеризуется расцветом идеи народного суверенитета. Народ рассматривается в качестве основного

субъекта социально-политического процесса, именно он избирает себе правителя и политическую элиту.

Большое влияние на общественно-политическую мысль XIX в. оказала социально-философская позиция Карла Маркса (1818-1883). Он рассматривал историю как процесс смены общественно-экономических формаций, которые представляют собой определенный тип общественной организации, соответствующий определенному типу социально-экономических отношений. Материальные производственные отношения, по его мнению, составляют экономическую основу общества, его базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, представленная производными идеологическими общественными отношениями и соответствующими формами общественного бытия. В случае появления противоречий в способе производства между производительными силами общества и производственными отношениями, субъектами которых являются классы, происходит смена общественно-экономической формации путем социальной революции. Тем самым изменение экономического базиса приводит к изменению идеологической надстройки общества и в результате к смене формации.

В представлениях К. Маркса, движущей силой истории является классовая борьба. В капиталистическом обществе, согласно его концепции, существует два антагонистических класса: буржуазия (господствующий класс, внутри которого имеется правящая верхушка, рекрутируемая из состава данного класса и, соответственно, защищающая его интересы) и пролетариат (подчиненный класс), которые различаются отношением к средствам производства. К. Маркс утверждал, что государство является орудием господства одного класса над другим, то есть буржуазии над пролетариатом. Согласно его теории, государство и право прекратят свое существование вместе с исчезновением классов в результате установления диктатуры пролетариата – периода господства рабочего класса.

Отметим, что взгляды К. Маркса оказали существенное влияние на появление системных элитологических теорий, которые были направлены на

опровержение его концепции и фактически возникли в виде реакции на социалистические идеи. Что касается последователей К. Маркса, то их отношение к данным теориям было довольно скептическим, более того, их не признавали и отвергали, так как они противоречили взглядам марксистов на оптимальное общественное устройство без наличия классов и внутренней иерархии.

Бурные события к. XIX – н. XX вв. нашли отражение в социальной мысли, которая характеризовалась постепенным отходом от сциентистского мировоззрения и естественно-научных методов познания, так как они не позволяли в полной мере исследовать общественные явления. В это время получают развитие такие науки, как социология, политология, правоведение, экономическая теория, психология и др. Большой интерес наблюдается и к отрасли знания, которая сегодня называется элитологией. Именно в этот период, на основе анализа теоретического наследия выдающихся мыслителей древности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени, были в системном виде изложены теории элит, признанные классическими.

Значительный вклад в развитие элитологической проблематики внес немецкий историк, философ и социолог Макс Вебер (1864-1920). Изучая причины стратификации [78], он пришел к выводу, что собственность, власть и престиж есть «три отдельных, взаимодействующих фактора, лежащих в основе иерархий в любом обществе. Различия в собственности порождают экономические классы; различия, имеющие отношение к власти, порождают политические партии, а престижные различия дают статусные группировки, или страты» [432, с. 81]. При этом социолог подчеркивал, что собственники – это правящий «позитивно привилегированный класс». Те же, кто не имеет собственности и квалификации, так называемый люмпен-пролетариат, являются «негативно привилегированным классом». Между двумя «полюсами», по его мнению, находятся «средние классы», состоящие из мелких собственников и людей, способных предложить на рынке свои навыки и умения (чиновники, ремесленники, крестьяне). На его взгляд, даже под маской демократии политическая власть неизменно остается в руках

экономически привилегированного класса, контролирующего средства производства и руководствующегося исключительно только своей выгодой. Данный «закон господства» ведет к тому, что общество для рабочего класса становится «домом рабства», так как он вынужден смириться со своим положением под угрозой голода [432, с. 82].

Рассматривая вопрос, касающийся механизма обновления элиты, М. Вебер определил основные мотивы, которыми руководствуются представители правящего класса при выдвижении кандидатур на какую-либо должность. Согласно его концепции, существуют четыре типа мотивов: традиционные – в целях обеспечения однородности и сплоченности руководящей группы существует стремление к выдвижению лиц из своего круга; эмоциональные – состоят в наличии субъективных симпатий или антипатий по отношению к тем или иным лицам; оценочно-рациональные – заключаются в применении субъективных представлений о наличии у кандидата необходимых взглядов и принципов поведения, которые существуют в среде правящей элиты; рациональные – оценка способностей кандидата к выполнению будущих трудовых функций. По мнению М. Вебера, эти мотивы не всегда осознаются представителями правящего класса, они скорее действуют на уровне подсознания. Однако в любом случае происходит «нужный» отбор кандидатов. М. Вебер допускает, что, несмотря на доминирование «традиционных» мотивов, в составе элиты могут оказаться и представители других слоев населения, но, как правило, относительно близких к правящему классу. В этом социолог видит положительные моменты, заключающиеся в том, что, во-первых, происходит приток «свежих умов», которые способствуют обновлению класса, а во-вторых, обеспечивается лояльное отношение к нему со стороны других социальных слоев [76, 77].

В правящем меньшинстве демократического государства М. Вебер выделял избираемую часть (партийные лидеры), которая придает власти легитимность, и назначаемую часть (чиновники), обеспечивающую эффективность власти. Роль последней ему представлялась крайне

значительной. По его мнению, бюрократическая власть есть рационализированная, обезличенная система управления, организационная структура которой представлена многочисленными индивидами, выполняющими свои трудовые функции на основе определенных правил и предписаний. При бюрократической системе «чиновники лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; имеют устойчивую служебную иерархию; имеют твердо определенную служебную компетенцию; работают в силу контракта, следовательно, на основе свободного выбора, в соответствии со специальной классификацией; вознаграждаются постоянными денежными окладами; рассматривают свою службу как главную профессию; делают свою карьеру в соответствии со старшинством по службе или в соответствии со способностями; не могут присвоить себе свои служебные места; подчиняются строгой единой служебной дисциплине» [31, с. 146]. Для М. Вебера данная бюрократическая имперсональная система управления государством, основанная на компетентности чиновников и строгой регламентации их действий, представляется наиболее рациональной и эффективной. Отметим, что немецкий социолог является основателем современной теории бюрократии.

Признавая ценность теоретического наследия М. Вебера, следует отметить, что в научной среде существуют критические высказывания относительно его концепции «идеальной бюрократии». Так, Н. Паркинсон акцентировал внимание на главной проблеме бюрократии – склонности к ее значительному увеличению и снижению эффективности управления. Т. Парсонс указал на то, что правление, в основе которого компетенция, и правление, в основе которого дисциплина, часто не совпадают друг с другом и вступают в конфликт. В целом большинство возражений сводятся к тому, что в реальности бюрократия далека от идеального типа, очерченного М. Вебером, и зачастую является некомпетентной.

Впервые целостную концепцию элит изложил в своих работах «Правящий класс», «Основы политической науки» и «Теория управления и парламентское правление» итальянский мыслитель Гаэтано Моска (1858-

1941). В основе его взглядов лежит положение о том, что «во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными, передовыми и мощными обществами, всегда возникает два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как другой, более многочисленный класс управляется и контролируется первым, причем, таким способом, который обеспечивает функционирование политической организации» [337, с. 187]. Тем самым по мнению Г. Моски, власть неизбежно принадлежит правящему меньшинству. Для его обозначения он использует такие понятия, как «политический класс», «правлящий класс», «господствующий класс», «высшие классы», «организованное меньшинство», способствуя тем самым появлению актуальной сегодня проблемы отсутствия четкости в отдельных дефинициях терминологического аппарата элитологии.

Согласно взглядам Г. Моски, правящий класс сохраняет свою власть благодаря тому, что он гораздо лучше организован. Его структура состоит из высшего слоя, представленного очень малочисленным крупным начальством, и низшего слоя, исполняющего роль посредника между правящим и управляемым классами, – это так называемый «средний класс». Низший слой занимается непосредственным проведением в жизнь решений правящего класса, от его качеств (уровня нравственности, интеллигентности, активности) во многом зависит стабильность политической системы. Кроме хорошей организации правящий класс обладает интеллектуальным, культурным и моральным превосходством, которое обеспечивается особым воспитанием, в процессе которого формируется убеждение об абсолютном праве на управление общественными делами. Тем самым правящему классу присущи особые характеристики, которые обеспечивают ему власть в обществе: «... представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут» [337, с. 189].

Доступ в политический класс, по мнению Г. Моски, открывают такие качества, как военная доблесть, богатство и церковный сан, которые позволяют выделить три влиятельные группы: военную, финансовую и церковную аристократию. На основе исторических примеров он показывает изменение качеств, которыми должен был обладать правящий класс. Так, в примитивных обществах, в условиях войны или переселения народов, к власти приходит военное сословие, обладающее такими качествами, как доблесть, мужество и т.п. В обществах, где доминирует религия, власть концентрируется в руках церковной аристократии, представленной главами церковных организаций. По поводу финансовой группы Г. Моска пишет: «В обществе, достигшем определенной стадии зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым – значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами» [337, с. 191]. Однако главным качеством, позволяющим войти в состав политического класса, по мнению Г. Моски, является «способность управлять», которая заключается в знании ментальности народа, национального характера и в наличии управленческого опыта.

Итальянский мыслитель утверждал, что все правящие классы в любые исторические периоды стремятся монополизировать свои позиции и передать их своим потомкам, то есть стать наследственными, если не по закону, то фактически. Этому способствует ряд факторов, в числе которых финансовые средства, элитное образование, перенятые особенности поведения. Соответственно, потомки правящего класса обладают значительным преимуществом перед остальными людьми (Г. Моска называет его “positions déjà prises” – преимуществом уже занятого положения), их стартовые возможности гораздо лучше. Однако, по мнению мыслителя, политический класс нуждается в обновлении и притоке новых людей – в этом состоит залог здоровья общества. Обновление происходит путем наследования,

ассимиляции, кооптирования (волевым введением новых членов в состав правящего класса) и других умеренных изменений. Если чинить препятствия обновлению политического класса, предупреждает мыслитель, то оно произойдет насильственными методами путем революции, восстания и т.п.

Г. Моска отмечает две противоположные тенденции в правящем классе: аристократическую и демократическую. Первая состоит в стремлении сохранить власть в руках потомков правящего меньшинства – ведет к «кристаллизации» класса ввиду фактического отсутствия циркуляции и в итоге к его вырождению. Демократическая тенденция заключается в обновлении правящего класса из управляемых слоев общества – имеет место в периоды социальных изменений, когда элита наиболее открыта и подвижна. Наилучшим вариантом для Г. Моски является совмещение аристократической и демократической тенденций и достижение состояния равновесия, когда власть будет находиться не в руках одной группы, а будет равномерно рассредоточена.

Большое внимание Г. Моска уделял проблеме легитимности власти политического класса. По его мнению, принцип законности, служащий опорой правящему меньшинству, состоит в использовании ценностей и идей, принимаемых управляемым классом. Он вводит понятие «политическая формула», которое означает совокупность моральных или религиозных убеждений, оправдывающих подчинение большинства меньшинству. Данные формулы, согласно его концепции, «отвечают действительной потребности человека, связанной с его социальной природой: управлять и чувствовать себя управляемым не только под действием материальной и интеллектуальной силы, но также благодаря действию морального принципа» [338, с. 138-139]. Отметим, что господство той или иной политической формулы, по его мнению, зависит от степени развития государства.

Итак, Г. Моска в 1881 г. сформулировал теорию правящего класса [239, с. 25] и тем самым положил начало системной разработке теории элит, хотя и не пользовался термином «элита» в своих трудах. Выделив в обществе два

класса людей, он осуществил глубокий анализ правящего класса: определил его структуру; выявил причины сохранения власти у его представителей; выделил важнейшие качества человека, которые открывают доступ в состав данного класса; рассмотрел механизмы передачи власти; определил роль наследственного фактора; обосновал необходимость обновления элит; провел анализ характеристик правящего класса в исторической ретроспективе и др.

Термин «элита» в 1897 г. [239, с. 25] впервые вводит в научный оборот итальянский социолог, экономист Вильфредо Парето (1848-1923). Вслед за Г. Моской он считает, что повсюду имеется немногочисленный правящий класс, который удерживается у власти частично с помощью силы и частично – с согласия управляемого класса. Тех, кто находится наверху социальной пирамиды, он называет элитой и подчеркивает, что она состоит из наиболее сильных, способных, энергичных людей – именно они проявили наилучшие способности в своей сфере деятельности. Отметим, что в своих трудах наряду с термином «элита» социолог употребляет также такие понятия, как «аристократия», «правлящий класс», «высший слой общества». Деление общества на элиту и массу представляется ему естественным и неизбежным вследствие различия социально-демографических характеристик людей (индивидуальные особенности, финансовые ресурсы, влияние и т.п.). При этом для В. Парето характерно негативное отношение к правящему классу, который, по его мнению, при любом политическом режиме приносит лишь бедствия своему народу. Особенно это касается демократии, которую он считал мифом и наиболее пустым из всех понятий. Мыслитель утверждал, что любая попытка установить демократический режим приводит к образованию «плутodemократии», при которой, под лозунгами свободы и равноправия, власть узурпирует элита, преследующая лишь свои корыстные интересы.

Согласно концепции В. Парето, элита делится на правящую (*governing*), которая непосредственно участвует в управлении страной и обладает харизматическими лидерскими свойствами (личное влияние, личные

качества и таланты), а также неправящую (non-governing), или контрэлиту, лишенную возможности принимать государственные решения, но являющуюся по своим качествам потенциальной элитой.

В своем труде под названием «Трактат по общей социологии» В. Парето изложил теорию циркуляции элит. Согласно ей вся политическая история человечества представляет собой последовательную смену двух типов элит, каждый из которых проходит периоды становления, расцвета, упадка и затем сменяется оппозицией. Используя терминологию Н. Макиавелли, он называет данные типы элит «львами» и «лисами». Для «львов» характерны открытость, решительность, властность, «силовые» методы правления, а также крайний консерватизм – они преобладают при стабильной политической системе, когда требуется сохранение порядка. «Лисы» являются мастерами обмана, интриг, социальной демагогии, используют хитрость и различные средства манипуляции, часто прибегают к подкупу и раздаче вознаграждений, склонны к компромиссу – преобладают в условиях нестабильной политической системы, когда требуются люди прагматичные, энергичные, способные к преобразованиям и инновациям. Согласно концепции В. Парето, общество, в котором преобладают «львы»-ретрограды, ожидает застой, там же, где больше «лис», наблюдается динамичное развитие. «Лисицы» инициируют изменения, но при этом нарушают социальное равновесие, восстановить которое они не в силах. Данная потребность приводит к власти «львов», которые и стабилизируют ситуацию. Однако, так как «львы» не способны к нововведениям, появляется необходимость вновь допустить «лис» к власти. Соответственно, каждый тип элиты обладает своими преимуществами и удовлетворяет потребностям общества конкретного исторического периода, но постепенно он перестает соответствовать требованиям времени, начинает терять свои качества, происходит прекращение его обновления. Тогда, в целях сохранения равновесия социальной системы, возникает необходимость в смене элит, которая и осуществляется, как правило, через насилие на протяжении всего существования человечества – это универсальный исторический закон. В

связи с этим сама история представляется В. Парето неким «кладбищем аристократий». Тем самым прекращение циркуляции неизбежно ведет к вырождению правящей элиты и в конечном итоге к ее смене контрэлитой. Заметим, что, по мнению В. Парето, элита может бороться с оппозицией, используя два способа: уничтожение или абсорбирование контрэлиты. Стабильность и социальное равновесие, на взгляд социолога, можно обеспечить путем пропорционального притока в элиту представителей обоих типов.

Итак, В. Парето является одним из основателей теории элит, именно он впервые ввел в научный оборот понятие «элита» для обозначения группы, находящейся на вершине социальной иерархии, которое сегодня стало общеупотребительным. Кроме того, он дал на данный момент уже классическое определение понятию «элита», причем в широком и узком смыслах, разграничил термины «элита» и «правящая элита», сформулировал теорию циркуляции элит, позволившую лучше понять причины социальных изменений, определил сущность и место контрэлиты в социуме и т.д.

К классическим трудам по теории элит относится и работа немецко-итальянского социолога и политолога Роберта Михельса (1876-1936) под названием «Политические партии. Очерк об олигархических тенденциях демократии» (1911), написанная на основе эмпирического исследования деятельности социал-демократической партии Германии, членом которой он являлся. Исследователь считал, что общество не может существовать без наличия господствующего класса, который является действующим фактором социальной эволюции. В его структуре он выделял три элемента: экономический, политический и интеллектуальный. По его мнению, в различные исторические периоды реальная власть осуществляется, соответственно, политико-экономическим, политико-интеллектуальным или волевым политическим классом. Придерживаясь своей позиции, Р. Михельс формулирует так называемый «железный закон олигархии». Суть его заключается в том, что при демократической форме правления, в целях достижения состояния стабильности, возникает необходимость в создании

бюрократической организации, что обязательно связано с выделением («кристаллизацией») лидеров и активного меньшинства (элиты), обладающих значительными властными полномочиями. Результатом данного процесса является узурпация власти элитой, которая отрывается от народа, становится изолированной и замкнутой и защищает в первую очередь свои интересы и привилегии. Тем самым демократия неизбежно превращается в олигархию. Однако при этом элита не отказывается от демократических идеалов. Р. Михельс пишет: «... в современной партийной жизни аристократия охотно демонстрирует себя в демократическом облачении, а в содержании демократии явно проступают аристократические признаки. Здесь мы встречаем аристократию, принявшую демократическую форму, там – демократию с аристократическим содержанием» [330, с. 112]. В данной связи он употребляет термин «технодемократия», объединяющий в своем содержании понятие демократии и формальную власть олигархии.

Формирование лидерства в организации, на взгляд политолога, обусловлено тремя группами причин [182, с. 53-57].

1) Технические и административные причины лидерства – заключаются, по его мнению, в том, что в связи с неспособностью масс принимать решения в возрастающей ассоциации возникает необходимость в создании организации, которая, в свою очередь, нуждается в выделении лидеров, действующих со временем на профессиональной основе. Конкурентная среда требует от организации выстраивания иерархической структуры, которая позволяет быстро принимать решения, а также четко и слаженно действовать (имеются некоторые сходства с военной организацией).

2) Психологические причины лидерства. В данной группе исследователем называются особенности личности лидера: качества, позволяющие ему оказывать психологическое давление на массы (владение ораторским искусством, сила воли, широкий кругозор, знания, самоуверенность и др.), влияние высокого руководящего поста на лидера (реализуются, как правило, наихудшие стороны природы человека: тщеславие, вера в собственное величие, лицемерие, извлечение выгоды из

слабостей людей и т.п.). Рассматриваются также и психологические качества массы как совокупность присущих ей свойств: некомпетентность, наивность (особенно характерна для молодых людей), потребность в руководстве, чувство благодарности к лидерам (выступает у нее в качестве священной обязанности), благоговение перед лидером (исследователь четко подметил, что «... слепота восхищения масс этими временными божествами тем сильнее, чем грубее жизнь людей» [182, с. 55]) и т.д. На взгляд Р. Михельса, массы не способны к самоорганизации и самоуправлению, что и благоприятствует появлению олигархии.

3) Интеллектуальные факторы – состоят в разобщении правящей верхушки и подчиненных по причине усиливающейся профессионализации представителей власти вследствие получения ими определенного образования и воспитания. В результате этого усиливаются осознание незаменимости лидеров и разрыв между аристократией и массой.

Тем самым немецко-итальянский политолог был убежден, что демократия как власть народа чужда человеческой природе, она изначально содержит в себе олигархическое ядро и в целом недостижима. Теория Р. Михельса вызывает различную реакцию в научной среде. Многие политологи считают, что он недооценивает возможности демократической формы правления, бесосновательно отвергает идею народного суверенитета и т.д. Отчасти соглашаясь с подобными мнениями, нам все же представляется, что в его концепции существует большая доля истины, подтвержденная всей историей человечества – фактически всегда активное меньшинство, заняв высшие позиции в социальной иерархии, стремилось сохранить свой статус и затем превращалось в замкнутую олигархическую группу, думающую больше о своих интересах, чем о народных. Одной из главных заслуг Р. Михельса, на наш взгляд, является исследование социальных механизмов, способствующих возвышению меньшинства и появлению элиты в обществе.

Итак, Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс в своих, ставших сегодня классическими, концепциях подвергли систематизации накопленные знания

о правящем классе, сформулировали базовые идеи, которые были развиты в дальнейших элитологических исследованиях. К числу важнейших тезисов классиков элитологии, на наш взгляд, относятся следующие: в любом обществе неизбежно выделяются правящее меньшинство и управляемое большинство; элита обладает высокой степенью сплоченности и хорошей организацией; представителям элиты присущи определенные специфические качества, обуславливающие ее положение в обществе; элита всегда стремится сохранить свой социальный статус; на смену правящей элите, как правило, приходит контрэлита; существует объективная необходимость в постоянном обновлении властвующей элиты и др.

Рассматривая развитие теории элит, необходимо отметить, что большой вклад в ее разработку внесли и отечественные исследователи. К проблемам элиты, в содержательном смысле данного слова, обращались виднейшие представители социально-политической мысли различных периодов истории России. Однако наиболее полно система взглядов на явление элит была сформулирована в трудах мыслителей к. XIX-н. XX вв. Остановимся подробнее на самых интересных концепциях, являющихся классическими в российской элитологии [31, с. 177-185].

Значительный вклад в разработку теории элит внес юрист, ученый М.Я. Острогорский (1854-1919). В своей работе под названием «Демократия и политические партии» (1898), которая, заметим, вышла гораздо раньше, чем известная книга Р. Михельса на одноименную тему, он на основе сравнительного анализа политических партий Англии и США описал процесс превращения партии в консолидированную олигархическую организацию. Раскрывая его суть, ученый вводит в оборот понятие «кокус», под которым понимает специализированный орган, выполняющий главные функции в партии [379, с. 91-121]. По мнению М.Я. Острогорского, кокус первоначально возникает для обеспечения связи парламентских партий с избирателями, но в дальнейшем круг его полномочий значительно расширяется, он становится институтом, занимающимся координацией партийной работы с массами, осуществлением пропаганды партийной

идеологии, мобилизацией масс в поддержку партийной программы, контролированием хода избирательной кампании, расстановкой партийных функционеров и др. При этом он тщательно скрывает свое влияние в партии и обществе. Постепенно кокус, в лице партийной элиты, сосредотачивает у себя всю власть, что позволяет ему контролировать многие политические процессы, а в случае если партия находится у власти, то и исход выборов кампаний и парламентских прений (дискуссия в парламенте превращается в формальность, так как все заранее решается в кокусе). Лидеры партии власти, на взгляд мыслителя, не могут иметь независимой позиции, они являются лишь «фонографами кокуса». Сконцентрировав власть в своих руках, кокус инициирует процесс ее сакрализации, который выражается в канонизации партийной догматики и «генеральной линии» партии, запрещении инакомыслия для членов партии, создании харизмы для партийных лидеров, окружении партийной власти ореолом святости и т.п.

Согласно концепции М.Я. Острогорского, кокус внутренне неоднороден. В его структуре имеется малый круг, который концентрирует всю власть. Он представлен президентом ассоциации, являющимся скорее фигурой декоративной, и генеральным секретарем, обладающим реальной властью: регулирует работу партийных комитетов, проводит инструктажи, организует собрания и митинги, направляет и контролирует деятельность нижестоящих секретарей и др. [379, с. 168-196]. Активистов из ближайшего окружения генерального секретаря, его доверенных лиц ученый называет «кнутами». Круг их полномочий весьма обширен, например, они проводят мониторинг настроений в обществе и затем информируют об этом партийных лидеров, следят за исполнителями главных ролей в партии и даже контролируют аплодисменты на митингах.

М.Я. Острогорский приходит к выводу, что в результате манипуляций кокуса «гражданин, объявленный свободным и суверенным в демократических организациях, фактически имеет в политике нулевое значение и не играет роли повелителя. Он не оказывает никакого влияния на избрание людей, которые правят его именем и за счет его авторитета» [146, с.

43]. Однако данный факт, по его мнению, не является неизбежностью, как для Р. Михельса. Ученый утверждал, что существует возможность альтернативного развития, основанного на применении демократических механизмов: пропорциональное представительство, референдум, народная инициатива и т.д. Рассматривая активного гражданина как основу демократии, он выступал за временные инициативные объединения людей (ассоциации, движения), создаваемые для реализации какой-либо конкретной цели [379, с. 242]. Они, на его взгляд, позволят гражданам оказывать реальное влияние на политическую жизнь. Кроме того, такие структуры не способны бюрократиться, а значит, могут стать противовесом «постоянных партий». Помимо этого он предлагал: отказаться от выдвижения кандидатов в депутаты по принципу партийной принадлежности с последующими выборами «списком», заменить коллективную партийную ответственность (ведущую к отставке кабинета) на индивидуальную ответственность министров и депутатов и др. Также, по его мнению, необходимо освободить сознание гражданина от формализма и добиться того, чтобы представители власти и избиратели подчинили свою политическую деятельность существу дела, а не условности фраз – это позволит вернуть гражданину власть над государством и ликвидировать разрыв между обществом и политической жизнью.

Итак, М.Я. Острогорский в своей работе, значительно опередив западных теоретиков, детально описал процесс развития олигархических тенденций в политических партиях и организациях. При этом, что очень важно, он не считал его предопределенным, а наоборот, предлагал конкретные способы борьбы с ним, реализация которых вполне возможна в условиях демократического государства. Заметим, что концепция ученого опиралась на труды отечественных исследователей - В.И. Вернадского, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева и др.

Весьма ценными являются элитологические воззрения философа, публициста Н.А. Бердяева (1874-1948), наиболее полно изложенные в работах «Философия неравенства» и «Смысл творчества». Употребляя

термин «аристократия», он дает исчерпывающую характеристику данному социальному слою: «Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии. <...> Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм <...> Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала <...> Права аристократии – права прирожденные, а не благоприобретенные. Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению, по связи с прошлым. То, что представляется нам несправедливым и возмущающим в положении аристократа, это и есть оправдание его существования в мире, привилегия по происхождению, а не по личным заслугам, не по личному труду и не по личному достижению. И это должно быть в мире» [52, с. 128-129]. Считая аристократию «привилегированной расой», Н.А. Бердяев отстаивает неравенство как в социальной, так и в культурной жизни. В своих работах философ неоднократно обращает внимание на то, что в общественной жизни примат принадлежит культуре, так как именно в ней осуществляются истинные цели общества [434, с. 161]. Культура же, по его мнению, аристократична и иерархична, она всегда была привилегией верхнего интеллектуального слоя, а не народа. Он был убежден, что творчество есть цель жизни и качество, приближающее человека к божественному, в свободе и творчестве – богоподобие человека. Поэтому творческая личность (соответственно, из аристократической среды), высшее проявление которой гениальность, возносилась им на верхний уровень персоналистской иерархии.

В целом для произведений Н.А. Бердяева характерно отрицание власти, противостоящей народу, отстаивание концепции «служебного» характера государственных институтов, признание незыблемости личных свобод, защита принципов правового государства, положительное отношение к аристократии, ее роли и месту в обществе и др. Вместе с тем заметим, что он

все же признавал наличие у аристократии и отрицательных качеств, которые приводят к ее вырождению и падению: «Она имеет уклон к образованию касты. Она начинает противопоставлять себя народу. Она изменяет своему назначению и вместо служения требует привилегии» [52, с. 131]. Однако, согласно его воззрениям, без аристократии существование общества невозможно. Н.А. Бердяев даже вывел «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Показатель, составляющий 5%, по его мнению, означает наличие в обществе высокого потенциала развития, а 1% и ниже говорят о деградации социума, его застое. В этом случае элита превращается в касту, жречество.

Большое внимание вопросам элитологии уделял в своих трудах российско-американский социолог П.А. Сорокин (1889-1968). Особый интерес представляет его работа «Социальная мобильность», в которой он изложил основные взгляды на проблемы элит. По мнению ученого, вследствие отсутствия абсолютного равенства между индивидами, любая организованная группа в обществе всегда является социально стратифицированной. В данной связи политическая форма социального организма ему представлялась в виде пирамиды, высота и профиль которой постоянно изменяются. Периодически, в случае слишком высокого или плоского строения политического организма, происходит его выравнивание. Так, если пирамида (стратификация) слишком высока, то ее верхушка (верхние слои) мирным или насильственным путем отсекается. Редкие же непродолжительные периоды без наличия верхних эшелонов и иерархии, характерные для неустойчивых обществ переходного периода, завершаются восстановлением конусообразной формы пирамиды. Действительно, данные процессы наблюдались на протяжении всей истории человечества.

Согласно концепции П.А. Сорокина, в стратифицированных обществах действует механизм социальной селекции, в результате которого, на основе критерия полезности, происходит оценивание и распределение индивидов в обществе. В качестве факторов, способствующих социальному восхождению, для социолога выступали определенные черты человека: интеллект, возраст,

привлекательная внешность, «благородное телосложение», красота. Кроме того, он выделял специфические «способности особого рода», включающие ряд талантов: военный, полководческий, научный, художественный, литературный, организационный. Их развитию, на его взгляд, способствуют склонности и особенности характера (упорство, авантюризм, отсутствие сентиментальности и др.), а также объективные обстоятельства, воплощенные в деятельности социальных институтов (семья, школа, армия, церковь, политические и профессиональные организации и др.). Данные институты, согласно его воззрениям, исполняют роль «социального фильтра», от адекватности и правомерности действий которого зависит процветание общества. В первую очередь, это касается институтов образования, функционирование которых влияет на качество и численность политической элиты. По его мнению, слишком жесткая система приема в данные инстанции, ведет к «недопроизводству элиты» и необходимости включения в ее состав лиц, не прошедших социального отбора, что может привести к стагнации общества и негативным последствиям для политической системы. В случае слишком легкого приема (отбора) произойдет «перепроизводство элиты», которое увеличит социальную напряженность. П.А. Сорокин пишет: «увеличивая скорость производства выпускников университетов, облегчая процесс окончания университета, воспевая большое значение университетского образования, но обращая при этом малое внимание на нравственное образование, будучи неспособными обеспечить выпускников подходящими местами, наши университеты готовят из своих выпускников неудовлетворенные социальные элементы (людей, проклинающих существующий режим, прямо или косвенно способствующих его свержению), готовые в критических условиях стать лидерами любого радикального или революционного движения» [467, с. 419]. В данной связи социолог утверждает: «Верхние этажи социального здания должны быть пропорциональны его нижним этажам: они не должны быть ни слишком тяжелыми, ни слишком громоздкими <...> если они таковыми становятся, то социальное здание неизбежно рухнет» [467, с. 416].

Признавая естественным факт существования в обществе элиты, П.А. Сорокин считал необходимым наличие свободной циркуляции людей в соответствии с их способностями (хотя при этом он констатировал, что ни одному обществу не удалось ее продемонстрировать). В качестве каналов вертикальной циркуляции для него выступали правительственные группы, политические организации и особенно политические партии. Обосновывая выдвинутый тезис, ученый формулирует и доказывает на исторических примерах теорию «головастиков». Согласно ей, обособленный «кастообразный» характер существования элиты, ввиду установления преград для прихода во власть талантливых и достойных лиц, может привести к падению ее качества и вырождению, так как потомки талантливых правителей, как правило, бездарны. В отличие от элиты, в составе угнетаемой части населения могут появиться «выскочки» с качествами «прирожденных правителей», превосходящие по своим интеллектуальным, управленческим и иным способностям тех, кто обладает реальной властью – «головастики». В подобной ситуации возрастает социальное напряжение, которое приводит к революционному взрыву, сметающему все преграды на пути свободной циркуляции [469, с. 292]. В результате «головастики» достигают вершины социальной пирамиды и образуют новую элиту. По мнению философа, революции может не быть, если, во-первых, элита будет функциональна и, во-вторых, в случае недостаточного количества или отсутствия «головастиков» у основания общественной пирамиды – нет замены выродившейся власти. В последнем варианте государство ожидает глубокая депрессия и даже гибель.

Итак, П.А. Сорокин раскрыл важнейшие вопросы, касающиеся политической элиты: выявил ее место и роль в обществе; определил факторы, способствующие социальному восхождению; изучил влияние институтов образования на качество и численность элиты; описал процесс социальной мобильности и др.

Вопросы элитологии, развития социума освещены социологом А.И. Строниным (1826-1889) в работах «История общественности», «Политика

как наука» [483]. Рассматривая строение общества и избрав для него форму пирамиды (заметим, ранее, чем это сделал П.А. Сорокин), он считал, что на вершине располагается власть и ее администрация (законодатели, судьи, администраторы), в середине – промышленники и люди умственного труда (арендаторы, мануфактуристы, банкиры), а в основании пирамиды – все остальные члены общества (рабочие, крестьяне, ремесленники, торговцы). Кроме того, есть и промежуточный слой – интеллигенция, определяемая им как активный и инициативный политический класс, идеи которого «у правительства обращаются в права, у гражданства – в нравы» [401, с. 86]. По мнению социолога, у интеллигенции, не участвующей напрямую в управлении обществом, есть все необходимые показатели правящей элиты и она вполне может претендовать на лидерство. Согласно его концепции, представителям каждого уровня пирамиды соответствуют определенные качества, формирующие тип сознания: у верхнего это воля, у среднего – интеллект, у нижнего – чувства. А.И. Стронин был убежден, что только воля и разум могут служить «политически производительной силой», а носители чувств, то есть большинство людей, называемое им «государственным телом», – это материал, который необходим воле и разуму для различных манипуляций [434, с. 34].

Помимо рассмотренных концепций, на наш взгляд, представляют большой интерес теоретические воззрения и других отечественных исследователей данного периода. Например, социолог, историк, правовед М.М. Ковалевский (1851-1916) в своих трудах обращался к определению сущности правящего класса, его роли в обществе [212]. Подчеркивая естественный характер образования правящих и подвластных слоев, он выделяет отличительные черты «великих политиков и государственных деятелей», то есть элиты: большая степень выносливости, инициативность, значительный творческий потенциал, преобладание разума над чувствами, особая «психическая энергия» (именно она, на его взгляд, позволяет активно воздействовать на общество). Отметим, что при рассмотрении правящего слоя ученый пытался определить его черты и сущность как особого

«идеального типа», проявляющегося в условиях прогресса общества [401, с. 87]. Вопросам власти, права, государственности, свободы посвящены работы Б.Н. Чичерина (1828-1904). Оправдывая существование дворянства (элиты), он высоко оценивал средние классы, из которых, по его мнению, возможно выдвижение аристократии: «Естественные вожатые демократии суть средние классы, в которых достаток соединяется с образованием и трудом. И тут различаются классы средних землевладельцев, средних капиталистов и затем многочисленные так называемые либеральные профессии, техники, ученые, художники, медики, адвокаты, составляющие умственное зерно средних классов. Из них выходит умственная аристократия, и они являются главным двигателем демократического прогресса» [532, с. 76]. Философ, государствовед, теоретик религии и культуры И.А. Ильин (1883-1954) в своих произведениях подробно останавливался на актуальной и для нашего времени проблеме усовершенствования отбора лиц в ряды верховной власти. Данному процессу, на его взгляд, способствует демократия, при которой, в результате выбора наиболее одаренных индивидов, рождается аристократия духа, подлинная элита. В качестве возможных способов (технологий) отбора он предлагал организацию профессиональных и иных форм представительства, а также учет услуг, оказанных обществу, которые, по мысли философа, свидетельствуют об умственной и нравственной способности человека к государственной деятельности и др. Только решив проблему отбора лиц, доказывал И.А. Ильин, можно построить истинную, а не формальную демократию качества, ответственности и служения [31, с. 184]. Сущность же государства, на его взгляд, определяется его высшей целью – обеспечением всему народу и каждому человеку естественного права на достойную жизнь, внешне свободную и внутренне самостоятельную.

Итак, отечественные исследователи к. XIX – н. XX вв. внесли значительный вклад в развитие теории элит. Безусловно, нами охвачены не все мыслители данного периода, а лишь авторы самых интересных учений. Их концепции существенно дополняют, а зачастую превосходят по своему

содержанию западные теории. Соответственно теоретические воззрения российских ученых по изучаемой проблематике с полным правом могут считаться классикой современной элитологии.

Отметим, что теория элит, оформившаяся в к. XIX – н. XX вв. как реакция на радикальные социалистические учения и идеи демократического парламентаризма, постоянно развивается и дополняется. Несмотря на сравнительно небольшой период времени с момента появления работ Г. Моски и В. Парето, на данный момент наблюдается значительное количество концепций, авторы которых представляют различные течения в области элитологии, которые крайне трудно подвергнуть классификации и систематизации. Так, Л.С. Губанов выделяет следующие направления в концепциях элит: макиавеллистское (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс), структурно-функциональное (Г. Лассуэлл, С. Липсет и др.), ценностное (Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев и др.), технократическое (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и др.), либеральное (Й. Шумпетер, Ч. Миллс), плюралистическое (О. Штаммер, Д. Рисмен, С. Келлер, Т. Дай, Р. Дарендорф и др.) [126, с. 19].

Известный российский элитолог Г.К. Ашин считает, что типологизацию направлений элитологии можно провести по нескольким основаниям. Во-первых, по хронологии, и тогда выделяются следующие этапы развития элитологии: «1) конец XIX – первые три десятилетия XX вв. – творчество отцов основателей элитологии <...> 2) вторая половина 20-х – первая половина 40-х годов – формируется фашистский вариант элитаризма и одновременно консервативно-аристократический. Вместе с тем, в конце 30-х – 40-х годов делаются первые попытки реконструкции элитизма в плане совмещения его с ценностями буржуазной демократии (которые получают наибольшее развитие в послевоенный период); 3) во второй половине 40-х – до конца 60-х наибольшее влияние получает либерально-демократическая трактовка элитизма, теории элитного плюрализма. Вместе с тем возникает радикально-демократический вариант элитологии, пафосом которого является страстное обличение недемократичности, элитарности политических систем западных демократий, прежде всего, политсистемы США (Ч. Миллс); 70-е годы –

конец XX века и начало XXI века. Продолжающемуся господству политического плюрализма (в частности, теориям элитного плюрализма и полиархии) бросает вызов неоэлитаризм, утверждающий элитарную структуру политической системы США и других западных стран ...» [31, с. 99]. Во-вторых, можно провести классификацию элитологических теорий по способам обоснования элитаризма: биологический, психологический, технологический и другие типы аргументации. В-третьих, по методологическим установкам и принципам построения элитологических концепций: ценностная и структурно-функциональная модели элиты. В-четвертых, по политическим ориентациям и приверженностям: фашистский вариант элитаризма, консервативно-аристократический, либерально-демократический, леворадикальный, коммунистический элитаризм. В-пятых, по географическому признаку: элитология Западной Европы, США, России и других развивающихся стран. Однако, определив данные основания для классификации элитологических направлений, Г.К. Ашин абсолютно справедливо замечает, что этот список не является исчерпывающим и его можно продолжить.

Итак, становление теории элит как отдельного направления в исследовании социума осуществлялось на протяжении многих столетий. Значительный вклад в ее разработку внесли как зарубежные, так и отечественные мыслители. Классическими, на наш взгляд, являются концепции исследователей к. XIX - н. XX вв. – Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, М.Я. Острогорского, Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина, А.И. Стронина, М.М. Ковалевского и др. Теория элит относится к теориям развивающегося типа, она постоянно дополняется и обновляется. В рамках современных элитологических концепций происходит переосмысление классических трудов исследователей к. XIX – н. XX вв., а также мыслителей более ранних эпох и осуществляется выявление и изучение новых аспектов рассматриваемой проблематики.

1.2. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания

Термин «элита» (от латинского «*eligere*» - выбирать) в современной литературе получил широкое распространение от французского слова «*elite*» - лучший, отборный, избранный. Заметим, что только с XVI в. оно приобрело данный вид, ранее его писали как «*eslite*» (XII в.) [156, с. 132]. Первоначальное употребление понятия в смысле, близком к современному, относится к XVII в., когда им стали указывать товары наивысшего качества. В XVIII в. термин уже использовался для обозначения избранных людей, прежде всего представителей знати, а также отборных воинских частей. Так, во французском энциклопедическом словаре «Ларусс» (*Larousse*) даются следующие примеры данного словоупотребления: «Лучшая, выдающаяся (изысканная) элита парижского общества. <...> Жандармерия является лучшей (отборной) частью французских солдат. <...> Элитный, чрезвычайно изысканный, выдающийся, предпочтительный. Изысканный мужчина, изысканная женщина, порода. Соколы элитных пород замечательны своей храбростью, умом и мощностью своего полета» [156, с. 133]. С XIX в. понятие широко используется также и в селекции, генетике, семеноводстве для наименования наилучших семян, растений, животных. В к. XIX – н. XX вв., с появлением работ Вильфредо Парето, термин «элита» вводится в широкий научный оборот и преимущественно употребляется для обозначения группы лиц, находящейся на вершине социальной иерархии.

В трудах итальянского социолога можно встретить два определения слова «элита». Одно, более широкое, распространяющееся на всю общественную элиту. Согласно В. Парето, в нее входят наиболее сильные, способные и энергичные лица, которые получили максимальные баллы по условному индексу: «Допустим, что во всех областях человеческой деятельности индивиду дается индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзаменах по разным предметам в школе. Дадим, например, тому, кто сумел заработать миллионы (неважно честным или бесчестным путем) <...> 10; человеку, зарабатывающему тысячи франков, - балл 6, тем, кто едва избежал дома для

бедных, - 1, оставив 0 тем, кто туда попал <...> Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области деятельности самую высокую оценку, назовем элитой» [31, с. 82]. Отметим, что употребление слова «элита» для В. Парето было не принципиальным, более того, он пояснял, что для обозначения данной категории лиц подошло бы любое другое название или даже простая буква алфавита. Выделяя элиту, социолог был убежден, что она имеется во всех областях деятельности: «Дадим, например, крупнейшему юристу балл 10; тому, кто не заполучил ни одного клиента, - 1, резервируя 0 для идиота. Ловкому жулику, который обманывает людей и не попадает под уголовный кодекс, мы поставим 8, 9 или 10 в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети или количества денег, которые он у них выманил. Нищему мелкому жулику, крадущему столовые предметы у трактирщика и вдобавок схваченному за шиворот жандармами, мы поставим 1 <...> Шахматистам можно присваивать более точные индексы, основываясь на количестве и качестве выигранных партий. И так далее для всех сфер деятельности...» [31, с. 82]. Заметим, что взгляды В. Парето близки представителям современного плюрализма (Р. Даль, Р. Арон, С. Келлер, Д. Рисмен, Дж. Сартори и др.), которые утверждают, что элита является категорией, свойственной не только сфере политики. По их мнению, которое мы в целом разделяем, в обществе существуют различные виды элит, соответствующие определенным областям социальной жизни. Тем самым можно выделить элиту политическую, экономическую, культурную, профессиональную (по В. Парето, например, среди юристов, шахматистов, воров) и другую.

Второе, более узкое, определение В. Парето относится к правящей элите. Под ней он понимал людей, «занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества» [239, с. 27]. Правящая элита, согласно его концепции, занимает наивысшие позиции в обществе, непосредственно участвует в управлении и обладает незаурядными харизматическими качествами (причем не важно, хорошими или дурными), которые и обеспечивают ей власть. Исходя из

этого, структура общества, на его взгляд, состоит из следующих страт: «1) низшая страта, неэлита <...> 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: а) правящая элита; в) неправящая элита» [31, с. 84]. Под неправящей элитой социолог подразумевал контрэлиту – лиц, которые не имеют возможности непосредственно участвовать в управлении, но по личным качествам и способностям являются потенциальной элитой.

Отметим, что исследователями отмечаются некоторые противоречия в подходе В. Парето к определению понятия «элита». Например, указывается, что в «Трактате по общей социологии» в одних абзацах он называет представителей элиты наиболее квалифицированными в определенном виде деятельности, а в других утверждает, что они могут лишь носить «ярлык» элиты и вовсе не обладать какими-либо незаурядными качествами [126, с. 22; 156, с. 142; 182, с. 40]. Данный момент, видимо, объясняется наличием у В. Парето противоречия между желанием видеть на высших постах в государстве наиболее достойных людей, что и должно быть в идеале, и фактом реальной действительности, когда у власти зачастую находятся лица, весьма далекие от очерченного им образа.

Другой основоположник теории элит, итальянский мыслитель Гаэтано Моска, в своих трудах вместо понятия «элита» использовал в основном дефиницию «правлящий класс», которая по смысловой нагрузке для него была тождественна рассматриваемому нами термину. В качестве данного класса у него выступали «наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством» [33, с. 237]. Согласно взглядам Г. Моски, представители правящего класса обладают рядом отличительных свойств, в частности интеллектуальным, культурным и моральным превосходством, искусством управления, а также высокой степенью организованности и сплоченности, которые в совокупности обеспечивают им высокий социальный статус.

Близкой позиции в понимании элиты как правящего класса придерживался немецко-итальянский политолог Роберт Михельс. Согласно

его концепции, лица, составляющие данный класс (эли́ту), являются изолированной и замкнутой олигархической группой, которая узурпировала власть, оторвалась от народа и своими действиями защищает, в первую очередь, собственные интересы и привилегии.

Итак, в классических работах Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса мы впервые сталкиваемся с проблемой отсутствия единства в понимании терминов «э́лита», «политическая э́лита». Изучение последующей зарубежной и отечественной литературы, посвященной проблемам элит, приводит к выводу, что существует большое количество формулировок данных дефиниций, причем часто не совпадающих друг с другом [380]. Среди многочисленных определений терминов, авторами которых являются зарубежные исследователи, отметим следующие: люди, обладающие высоким социальным положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (К. Дюпре); «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн); люди, обладающие наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони); чиновники высшего звена, обладающие формальной властью в организациях и институтах и диктующие правила организации жизни в обществе; субъекты, участвующие в принятии решений и распределении ценностей в обществе (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «боговдохновенные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (М. Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической,

экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) (В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего, из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, Г. Канн, О. Тоффлер и другие представители технологического детерминизма); люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (Т. Корбет, Г. Шредер и другие сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан) [33, с. 237-238]; индивиды, занимающие такие социально-политические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия (Ч. Миллс); люди, занимающие высшие места в обществе благодаря своему биологическому и генетическому происхождению (Р. Уильямс); лица, получающие материальные и нематериальные ценности в максимальном размере (Дж. Бернхейм); индивиды, которые формально занимают определенные позиции власти во главе социальной организации или социального института (Э. Гидденс).

Также представляет интерес определение западногерманского социолога Г. Эндруэйта, в котором элита рассматривается в качестве «социального субъекта, группы, члены которой решающим образом влияют на характерные для данной общественно-политической системы социальные процессы и в силу этого занимают преимущественное положение по сравнению с другими членами общества» [559, с. 242]. По его мнению, критерии принадлежности к элите меняются вместе с исторической эпохой. Так, в доиндустриальных обществах для элиты были характерны стратификационно-генетические показатели (то есть социальное происхождение), в обществах, где идет процесс «запаздывающей» модернизации, отличительной чертой элиты

является соответствие западным стандартам жизни (образование, ценности, образ деятельности).

Обобщенную формулировку понятию дают социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: «элиты по определению - люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). Элита - те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж» [30, с. 42].

В нашей стране всестороннее изучение проблем элит началось лишь с распадом СССР в начале 1990-х годов. Тем не менее появление слова «элита» в советских научных изданиях, посвященных, как правило, разбору иностранных работ, фиксируется с 1930-х годов [156, с. 136]. Данный термин в основном фигурировал в духе «критики буржуазной социологии» ввиду того, что разработка элитологической проблематики находилась под запретом, а само существование элиты в советском обществе категорически отрицалось. Несмотря на существовавшие затруднения при изучении данного направления в политологии, анализ элиты СССР осуществлялся за рубежом А. Авторхановым, М. Джиласом, М. Восленским, которые положили начало изучению базовых для элитологии вопросов.

Историк, писатель, общественный деятель А.Г. Авторханов (1908-1997) является автором значительного числа работ, среди которых: «Сталин у власти» (1951), «Технология власти» (1959), «Происхождение партократии» (1973), «От Андропова до Горбачева» (1986) и др. Вопреки официальной догме, что в СССР управленческие функции осуществляет только одна партия, он доказывал факт образования в стране «троевластия», своего рода треугольника диктатуры, включающего в себя партию, армию и довлеющую над ними полицию: «неправда, что в СССР - «диктатура пролетариата». Даже больше. В СССР нет и советской власти. Правда только то, что

существующий ныне режим называет себя «советской властью» по традиции <...> Такое название лишь выгодно маскирует подлинную природу сталинского режима. Нет в СССР и диктатуры коммунистической партии, несмотря на ее шестимиллионную членскую массу. Правда только то, что сами большевики называют коммунистическую партию «авангардом трудящихся СССР», чтобы скрыть от народа лицо подлинного «авангарда» <...> Неправда, что в СССР делят господство и власть партия и военная клика. Генералитет Советской армии является пленником своего политического опекуна - института политических работников <...> Но даже и эти, последние, являются только посредниками, мостиком к подлинной силе, которая имеет свое собственное имя и свое собственное место в Советской армии. Неправда, что Политбюро ЦК ВКП (б) является всемогущей сверхсилой <...> Политбюро – хоть и яркая, но все-таки лишь одна тень той действительной сверхсилы, которая стоит за каждым креслом членов Политбюро <...> Сами члены Политбюро это знают точно, партия смутно догадывается, а народ апатичен к «высокой политике». Народ учат не думать. За всех думает, действует и диктует одна абсолютная сила. Имя этой силы – НКВД – МВД – МГБ» [1].

По поводу Коммунистической партии СССР А.Г. Авторханов писал: «вчерашняя партия рабочего класса превратилась в партию бюрократической элиты <...> в правовом отношении ее можно разделить на две категории: 1) ведущая и командная бюрократия – профессиональные партаппаратчики («партия в партии»); 2) вся остальная служилая, ведомственная бюрократия» [1]. Вторую категорию, на его взгляд, можно разбить на ряд «социально-деловых групп», которые наряду с аппаратом КПСС претендуют на соучастие во власти. По его мнению, «в партии существуют два руководства: одно – открытое, формально выбираемое и сменяемое руководство в лице партийных комитетов всей партийной иерархии – от первичного парткома до ЦК КПСС; другое – закрытое, назначенное, несменяемое руководство в лице наемной, но всемогущей партийно-аппаратной бюрократии. Первое руководство доступно нашему наблюдению, второе остается анонимным,

состоящим из людей, совершенно не известных не только в стране, но и в самой партии. Между тем они составляют ту гигантскую партийную машину, которая управляет и партией, и государством <...> Партаппаратчик – это элита партии» [1].

Итак, А.Г. Авторханов фактически определил состав социального слоя, обладающего властью в СССР, доказав наличие в нем помимо партии таких сегментов, как полиция и армия. Осуществив анализ Коммунистической партии, он выявил в ее составе бюрократическую элиту, численность которой, по его данным, составляет в общей сложности около 6 миллионов человек (почти половина всей партии), а также дал характеристику ее структурным элементам.

Югославский политический деятель, социолог Милован Джилас (1911-1995) в своей книге «Новый класс. Анализ коммунистической системы» представил собственное видение социальной структуры советского общества, которое состояло вовсе не из двух дружественных классов - рабочих и крестьян и рекрутируемой из них прослойки интеллигенции, согласно интерпретации И.В. Сталина. По его мнению, после социалистических революций власть в государстве монополизует новый правящий класс, который состоит из партийной бюрократии и бывших революционеров. В результате проведения национализации «новый класс» присваивает всю государственную собственность, попирает нормы человеческой морали, поддерживает свою диктатуру методами террора и идеологического контроля. Тем самым, согласно концепции югославского социолога, происходит перерождение бывших революционеров от поборников свободы до ее душителей. «Когда новый класс сойдет с исторической сцены – а это должно случиться, - резюмирует Джилас, - люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него» [85, с. 26]. Итак, М. Джилас в своем труде объявил, что в странах социалистического лагеря существует новый господствующий класс партийной бюрократии.

Писатель Михаил Восленский (1920-1997) в работе под названием «Номенклатура» (1980) развил концепцию М. Джиласа. Проведя анализ литературы, он нашел доказательства, что в советском обществе существует «группа профессиональных «управляющих», осуществляющая «управление», иными словами власть во всех сферах общественной жизни. Это правящая социальная группа. Она находится в составе так называемой «прослойки интеллигенции» [85, с. 30]. К данной мысли его натолкнули в основном идеи Милована Джиласа, Бруно Рицци (он утверждал, что из Октябрьской революции поднялся вовсе не рабочий, а другой правящий класс - бюрократия), а также Николая Бердяева, который писал: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит ...» [85, с. 28].

Выявив в СССР социальную группу «управляющих», М. Восленский сравнивает, подходит ли она под определение класса В.И. Ленина, и делает следующий вывод: «в полном соответствии с ленинским определением класса, это большая группа людей, отличающаяся от других групп по своему - господствующему - месту в исторически определенной системе общественного производства, тем самым по отношению к средствам производства, по своей - организующей - роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способу получения и размерам той - непомерной - доли общественного богатства, которой она располагает. Значит, группа «управляющих» целиком подходит под ленинское определение класса, причем класса господствующего. Вот мы и пришли к выводу. «Управляющие» - это господствующий класс советского общества. В обществе реального социализма есть господствующий класс и есть угнетаемые им классы» [85, с. 31].

Работы А. Авторханова, М. Джиласа, М. Восленского доказали, что в СССР существовала социальная группа, осуществлявшая управление

государством и обществом, обладавшая значительными привилегиями и другими атрибутами, характерными для политической элиты.

Всплеск интереса к элитологической проблематике в нашей стране наблюдается в постсоветский период, когда развернулись бурные дискуссии об особенностях рекрутирования политических элит, их составе, ценностных ориентациях, качественных характеристиках и др. Актуальность у отечественных исследователей приобретает и вопрос, посвященный пониманию терминов «элита», «политическая элита», относительно которого высказываются различные точки зрения. Приведем лишь некоторые наиболее интересные формулировки данных понятий.

О.В. Гаман-Голутвина рассматривает российскую элиту как систему элитных групп, внутренне консолидированных по предметно-функциональному признаку. В качестве данных групп выступают политическая, экономическая, военная и интеллектуальная элиты. Политическую элиту она определяет как «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияние на принятие / неприятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом» [106, с. 99].

Н.В. Работяжев, вслед за Т. Боттомором, под элитой понимает «тех людей, которые фактически осуществляют власть в обществе в определенный отрезок времени. Политическая элита есть тот слой элиты, который участвует в принятии политических решений (или может влиять на этот процесс) и контролирует их реализацию» [429, с. 18].

Э.Э. Буренкова определяет элиту как «совокупность индивидов, обладающих властью, принимающих решения относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе. Это те, кто в различных сферах деятельности находятся на вершине иерархии, кто занимает какие-либо важные привилегированные позиции в силу своего престижа или богатства. Политическая элита, это тот круг лиц, который действительно

осуществляет государственную политику либо непосредственно, либо в силу решающего воздействия на принятие решений» [67, с. 4].

Российские исследователи К. Микульский, Л. Бабаева и другие в результате анализа и обобщения приведенных в 140 научных работах (в основном зарубежных) определений понятия «элита» дали собственную формулировку этому термину: «Элита общества - это социальный слой, обладающий таким положением в обществе и такими качествами, которые позволяют ему управлять обществом, либо оказывать существенное воздействие на процесс управления им, влиять (позитивно или негативно) на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе и, в конечном счете, более активно, результативнее, чем все другие слои общества, участвовать в формировании тенденций развития общества, <...> одновременно обладая гораздо большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании своего собственного положения» [320, с. 5].

Итак, среди отечественных и зарубежных исследователей нет единства в понимании базовых для элитологии терминов [380]. Отчетливо прослеживается тенденция к абсолютизации понятия «элита», которое стало применяться ко всем лицам, причастным к власти или капиталу. Помимо этого одна часть элитологов употребляет данное слово в широком смысле и подразумевает под элитой высший слой общества, а другая предпочитает более узкий смысл, понимая под ней, как правило, какую-либо элитную группу. Отметим, что в современной политической науке трактовка понятия «элита» характеризуется постепенным сужением своей смысловой нагрузки до словосочетания «политическая элита». Поэтому часто в литературе при употреблении слова «элита» обычно имеется в виду политическая элита, если только нет уточнений (например, культурная, экономическая, военная). Мы также будем пользоваться данным принципом в нашем исследовании.

В целом существующие концепции элит и формулируемые в их рамках определения понятий «элита», «политическая элита» основываются на двух главных подходах: ценностном и структурно-функциональном. Согласно первому подходу, элитой являются те, кто обладают неким

«превосходством» (интеллектуальным, моральным и т.п.) над другими людьми, особыми личными качествами, талантами, независимо от обладания властью. Соответственно, в случае применения критерия достоинств и заслуг при выделении элиты она будет состоять из наиболее достойнейших, выдающихся, высокоморальных людей. Основоположником ценностного (его также называют меритократическим (от слова «заслуга»), нормативным (Г.К. Ашин), «линией Парето» (Дж. Сартори), морализаторским) подхода является Вильфредо Парето, который относил к элите наиболее способных, сильных, энергичных, обладающих харизматическими свойствами лиц.

Наиболее ярким представителем данного подхода является испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955). В своей работе «Восстание масс» он утверждал, что «всякое общество – это динамическое единство двух факторов, меньшинств и массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это средний заурядный человек» [369, с. 120]. На его взгляд, меньшинства (элиты) обладают особыми качествами (например, благородством, требовательностью к себе, склонностью к аскетизму, чувством ответственности, способностью к служению, которая является их внутренней потребностью), выполняют функции творцов в обществе, вырабатывают и аккумулируют важнейшие для социума идеи, а затем вносят их в массы, создают и обновляют объекты культуры. Массы в его представлении обезличены, они состоят из средних заурядных людей без какой-либо индивидуальности. Эти люди снисходительны к себе, живут без усилий, не стремятся себя исправить и улучшить. Абсолютное большинство общества составляют именно «люди массы», причем их присутствие наблюдается в различных слоях населения, в том числе и в наиболее образованных, что способствует образованию «касты ученых невежд». Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что в каждом классе можно встретить и «массу» и «настоящее меньшинство». По мнению философа, нормальное функционирование общества предполагает, что каждый специализированный вид деятельности, в том числе и управление государством, выполняется квалифицированным

меньшинством (элитой), а масса «знает свое место» и свою незначительную «роль в нормальной динамике социальных сил». В данной связи аристократическое правление представлялось ему наилучшей формой социального управления. Он утверждал, что «человеческое общество по самой сути своей всегда аристократично, хочет оно того или нет; оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным» [369, с. 123]. Однако в XX веке ситуация в корне изменилась ввиду того, что массы вышли из повиновения, восстали против меньшинства, захватили власть и вытеснили элиту из традиционных сфер деятельности. Так называемый «новый варвар», по мнению философа, не признает авторитеты, самодоволен, поверхностно образован, демонстративно вульгарен и склонен к насилию. Х. Ортега-и-Гассет с горечью констатирует: «Вся власть в обществе перешла к массам. Так как массы, по определению, не хотят и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уже об обществе, из этого следует, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию, культуру» [369, с. 119]. По его мнению, масса, вообразившая себя элитой, несет разрушение, так как не сможет справиться с теми сферами деятельности, которые по природе своей требуют специальных качеств, дарований, талантов (например, государственное управление, политика, искусство и др.). В XX веке, заключает Х. Ортега-и-Гассет, происходит упадок и вырождение элитарных групп, что является безусловной трагедией общества.

Также на основе ценностного подхода определяли элиту М. Вебер (харизматические личности), Л. Бодэн (люди, обладающие интеллектуальным и моральным превосходством над массой), Л. Фройнд («боговдохновенные» личности), А. Тойнби (творческое меньшинство общества), Г. Шредер (меньшинство, связанное общей социальной ответственностью), Т. Корбет (избранные люди большого ума и сильного характера, обладающие образованием и досугом, которых лишены другие люди) и др. Заметим, что исследователи России и ближнего зарубежья

крайне редко используют данный подход при изучении политических элит. Тем не менее его можно встретить в работах Ж.Т. Тощенко, Т. Койчуева, Т.Б. Коваль и др. Так, Ж.Т. Тощенко пишет: «Если элита – это лучшее, отборное, качественное, то это означает, во-первых, ее служение высшим интересам общества, без скидок, без оговорок, без сомнений, что именно она в первую очередь защищает национальные интересы в самом высоком значении этого слова как в геополитическом смысле, так и при решении внутренних проблем. Во-вторых, элита демонстрирует преданное, подлинно патриотическое служение обществу во всем <...> Иначе говоря, это постоянное проявление гражданственности, верности обществу, в котором ты живешь и работаешь. В-третьих, элита – это соблюдение требований нравственности, без назидания и морализаторства, постоянное проявление ответственности во всех без исключения жизненных ситуациях, демонстрация человеческого достоинства <...> В-четвертых, элиту характеризует высокий интеллектуальный уровень, который помогает возвышаться над сиюминутным и обыденным и который способствует умелому, эффективному и рациональному решению жизненных проблем. <...> Иначе говоря, к элите принадлежит не просто тот, кто имеет власть или деньги <...>, а тот, кто характеризуется необходимым набором гражданских и нравственных качеств, которые позволяют без скидок, натяжек и обмана именовать людей ее представителями, как обладателями всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития ... » [500, с. 132]. Т. Койчуев в примечательной работе, вызвавшей многочисленные отзывы исследователей, отмечает, что «настоящая элита – это группа, указывающая обществу путь к совершенствованию, путь в лучшее будущее, приближающая его своей деятельностью. Это патриоты Отечества и одновременно – граждане мира. <...> это действительно выдающиеся люди, избранные ходом истории и личной судьбой для общественного служения, для поддержки общественного прогресса» [217, с. 4]. Подобную позицию мы находим и в статье Т.Б. Коваль: « ... под предназначением элиты быть «высшей», «лучшей» частью общества как бы само-собой подразумевается,

что эта «высшая» часть должна быть одновременно и «духовной аристократией», указывающей нравственные ориентиры, подающей пример благородства и ума, добродетельности и справедливости» [213, с. 57]. Ценностный подход изредка используют и другие авторы.

Согласно структурно-функциональному подходу элитой являются те, кто обладают реальной властью в обществе, занимают формальные позиции в органах власти и могут оказывать влияние на процесс принятия важнейших стратегических решений. Сторонники этого подхода считают, что элита выполняет важнейшие функции по управлению государством и обществом, что обуславливает исключительность данной социальной группы. Важнейшим критерием для выделения элиты при структурно-функциональном подходе является альтиметрический (по Дж. Сартори), в соответствии с которым предполагается, что тот, кто находится на высшей ступени социальной иерархии, обладает всей полнотой власти. Отметим, что подход объединяет в себе два самостоятельных подхода, которые применяются при изучении элит: структурный (его также называют позиционным), согласно которому под элитой понимают лиц, занимающих высшие позиции в изучаемых институтах; функциональный – элитой являются те лица, которые обладают реальным потенциалом влияния на принятие стратегических решений. Структурно-функциональный подход также называют властным, аналитическим (Г.К. Ашин), подход Г. Моски, «линией Лассуэла» (Дж. Сартори). Классическим, с точки зрения применения данного подхода, является тезис Г. Моски, который считал, что немногочисленный правящий класс монополизировал власть, выполняет все политические функции и контролирует управляемый класс. Близкой позиции, как уже отмечалось, придерживался и Р. Михельс.

На основе структурно-функционального подхода изучал элиту и американский ученый Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902-1978). По его мнению, человек всегда стремится к достижению восьми видов благ (values): власть (power), знание (enlightenment), богатство (wealth), здоровье (well-being), умение (skill), привязанность (affection), уважение (respect) и моральность

(rectitude). Данные блага распределяются через восемь институтов: правительство, образование, бизнес, здравоохранение, культура, религия и т.д. Те люди, которые обладают указанными благами в наибольшей степени, согласно концепции Г. Лассуэлла, и составляют элиту. Исследователь считал, что ее также можно разделить на восемь групп в соответствии с числом выделенных им благ: элита власти, элита умения, элита моральности и т.д. Данные группы элиты могут пересекаться, а значит, и индивиды могут одновременно входить в несколько групп. Тем самым, согласно теории американского ученого, элиту можно выявить в любой социальной сфере.

Г. Лассуэлл уделял большое внимание изучению правящей элиты, под которой понимал: «а) лиц, занимающих важные посты во властных структурах; б) лиц, ранее занимавших эти посты и оставшихся после отставки лояльными существующему режиму; в) лиц, не входящих в формальные институты власти, но имеющих большое влияние на принятие решений в этих институтах; г) членов оппозиции, обладающих большим политическим весом, с которыми вынуждена считаться власть; д) членов семей властей предрержащих» [239, с. 31]. По его мнению, правящая элита является той социальной группой, из которой выходят лидеры. Заметим, что из ее состава он исключал слабую оппозицию и бывших членов элиты, которые нелояльны существующему режиму. Причастность к власти, на его взгляд, определяется реальным или потенциальным влиянием на процесс принятия решений. Тем самым влияние и власть для него тождественны: власть есть либо влияние на кого-либо, либо влияние на принятие важнейших решений в государстве.

Концепция Г. Лассуэлла внесла значительный вклад в развитие элитологии. Отметим, что благодаря его усилиям понятие «элита» фактически утвердилось в значении «обладающие наибольшей властью».

В рамках раскрываемого подхода необходимо остановиться на работе американского политолога Чарлза Райта Миллса (1916-1962) «Властвующая элита». В данной книге он представил результаты институционального анализа американской элиты середины XX в. По его мнению, в обществе

существуют три важнейших института: государство, корпорация, армия, которые «... образуют собой орудия власти; как орудия власти, они сейчас имеют такое значение, какого они никогда еще не имели на протяжении всей истории человечества; на вершинах этих иерархий находятся командные пункты современного общества, выявление которых дает нам социологический ключ к пониманию роли американских высших кругов <...> Семья, церковь и школа приспособляются к современной жизни; правительство, армия и корпорации формируют ее» [321, с. 26-27]. Между данными институтами возникают отношения обмена, солидарности, взаимной поддержки ввиду того, что они преследуют общие интересы. Корпорации получают заказы от военных и государственных институтов, политики же лоббируют их интересы и создают основу для расширения военного потенциала страны. Во всех институтах осуществляется авторитарное иерархическое правление. Согласно концепции Ч. Миллса, в США господствуют три группы элиты: политическая, экономическая, военная, которые и возглавляют три важнейших института. Представители данных групп обладают огромной властью, которая становится все более бесконтрольной и безответственной, их решения преследуют, как правило, аморальные цели. Так как интересы и действия трех элитных групп существенно переплетаются, это приводит к их сплочению в единую властвующую элиту, состоящую из представителей высшего руководства политических, корпоративных и военных структур, образующих замкнутую социальную группу. Ч. Миллс пишет: «властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия <...> Это обусловлено тем, что они руководят важнейшими институтами и организациями в иерархии современного общества, занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются» [321, с. 24]. Далее он уточняет: «под элитой власти мы понимаем те политические, экономические и военные

круги, которые в сложном переплетении группировок разделяют право принятия решений, по меньшей мере, общенациональной выраженности. В той мере, в которой национальные события становятся объектом принятия решений, элита власти представляет собой ту совокупность моделей, которая их принимает» [321, с. 25-27]. Ч. Миллс указывает, что лица, составляющие данную элиту, имеют сходные социальное происхождение, опыт, личные черты, самосознание и др. Они посещают одинаковые образовательные, досуговые и иные учреждения, что способствует их личному знакомству. Вследствие этого они свободно меняют свои позиции, перемещаясь из одних институтов в другие. Тем самым политолог был убежден, что власть в Америке концентрируется в руках единой властвующей элиты, что свидетельствует о недемократичности политической системы.

Концепция Ч. Миллса, отразившая структуру американской элиты, вызвала значительную критику. Представители либеральных позиций (Р. Даль, Дж. Роулз) считали, что в ней явно преувеличивается роль и влияние корпоративной элиты. По мнению радикалов (Р. Линд, П. Суизи), анализ элиты в работе американского политолога проведен не в полной мере, гораздо результативнее, на их взгляд, было бы связать институты и лидеров с социально-экономическими классами. Несмотря на наличие множества критических высказываний, отметим, что Ч. Миллс внес значительный вклад в развитие элитологии, а его теория на данный момент фактически признана классической.

Идеи Ч. Миллса в трудах «Кто управляет Америкой?», «Высшие круги: правящий класс в Америке» развил американский исследователь Джордж Уильям Домхофф (1936 г.р.) [567, 568]. Осуществив анализ состава престижных клубов города Нью-Хейвен, он выявил, что большинство представителей экономической элиты также являются членами социальной элиты. Проецируя результаты исследования на всю страну, Дж. Домхофф утверждал, что в США национальным высшим классом являются корпоративные богачи, представленные в основном собственниками, высшими менеджерами корпораций и банков (составляют менее 1%

населения). Именно они формируют из своих ставленников и самих себя властвующую элиту, которая осуществляет контроль над корпоративной экономикой. Помимо этого, лица, возглавляющие корпоративный мир, как правило, являются членами различных политических объединений (фондов, политических партий и т.д.). Исходя из этого, Дж. Домхофф сделал вывод, что в Америке доминирует сравнительно единая корпоративная элита. С помощью эмпирических исследований он определил состав единого правящего класса, доказал единство его различных институтов, продемонстрировал наличие взаимодействия в структуре власти и др. Отметим, что и работы Дж. Домхоффа подвергались критике ввиду того, что носили преимущественно инструменталистский характер, а этого, по мнению оппонентов, явно недостаточно для изучения правящей элиты.

К числу сторонников структурно-функционального подхода также можно отнести А. Этциони, Т. Дая, М. Паренти, П. Бирнбаума, Р. Милибанда, Ф. Хантера, П. Бахраха, С. Келлер, С. Липсета, Г. Эндрувэйта, Р.Ж. Шварценберга и др. Отметим, что подавляющее большинство отечественных исследователей также придерживается данного подхода, в их числе Г.К. Ашин, О.В. Крыштановская, В. Гельман, О. Гаман, А. Понеделков и многие другие. Как справедливо замечает А. Чирикова, анализ характера определений, получивших распространение в России, позволяет увидеть, что «базовым признаком в определении элиты является ее властный потенциал, способность принимать или влиять на принятие важных, стратегических решений, с одной стороны. С другой, важное значение имеет ее деятельностный масштаб, близость к центрам принятия решений, способность совершать конкретные политические действия по управлению обществом, государством, регионом» [545, с. 162].

Безусловно, оба подхода имеют как достоинства, так и недостатки. Они отчасти являются взаимодополняющими, так как позволяют решить две важнейшие задачи при изучении интересующей нас социальной группы. Структурно-функциональный подход помогает выявить политическую элиту в обществе и очертить ее границы, а ценностный – определить ее качество.

Тем не менее следует согласиться с Г.К. Ашиным, который утверждает, что ценностный подход более применим при идентификации культурной элиты, в которой можно выделить наиболее выдающихся и достойнейших лиц, а в политологии, политической социологии при определении политической элиты необходимо руководствоваться структурно-функциональным подходом [30, с. 48]. Действительно, если попытаться применить ценностный подход для выявления политической элиты, то можно прийти к весьма удручающим выводам, как Ж.Т. Тощенко, который констатировал: «Смею утверждать, что нами правят – и в политике, и в экономике – не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам работы такие понятия, как «клики», «кланы», «касты». Они характеризуют специфические социальные образования, сплоченность которых базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах» [500, с. 130]. Тем самым исследователи пока, к сожалению, не могут использовать ценностный подход при определении политической элиты. Поэтому большинство современных элитологов совершенно справедливо рассматривает политическую элиту, как группу лиц, обладающих властью, безотносительно к их моральным и иным качествам. Другой вопрос следует ли этих людей называть элитой, так как согласно этимологии слова они все-таки должны быть лучшими, избранными. На данный момент обращают внимание многие ученые. Например, М.Н. Афанасьев, хотя и считает, что слово уместно для употребления, пишет: «Мне представляется весьма неудобным употреблять слово, значение которого прямо связано с оценкой, и всякий раз при этом оговариваться, что употребляется оно не в оценочном смысле» [16, с. 8]. В данной связи исследователи пытаются конкретизировать термин или найти ему замену. Анализ научной литературы приводит к выводу, что для обозначения социальной группы, находящейся на вершине общественной иерархии, наряду с термином «политическая элита», широко используются такие понятия, как правящий класс (Ю.Е. Волков, Н.В. Романовский, Н.А. Головин, В.Н. Титов и др.), номенклатура (М.С. Восленский, Т.П.

Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер), бюрократия (В.К. Борисов, В.П. Макаренко, Е.В. Охотский, П.Д. Павленок, В.Г. Смольков и др.), лидеры (политические лидеры, лидерство) (Е.Б. Шестопал, В.Д. Виноградов, Н.П. Пищулин, С.Е. Гржейшак, К.С. Идиатуллина, Г.Г. Силласте и др.), региональная элита (И. Куколев, Т. Рыскова, М. Фарукшин, А. Шутов и др.), а также властная элита, правящая элита, федеральная элита, местная элита, локальная элита, господствующий класс, политический класс, правящая группа, аристократия, истэблишмент, правящие круги, правящая верхушка, правящее (руководящее, контролирующее) меньшинство и др. Данный факт вносит путаницу в терминологический аппарат элитологии и значительно затрудняет изучение политической элиты. Так, исследователи пишут: «различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием» (А. Цукерман) [595, с. 329], «изучение элит во второй половине XX века породило теоретическую литературу об элитах и власти <...> вязнущую в невообразимой путанице» (Дж. Сартори) [457, с. 82]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо дать характеристику представленным понятиям и попробовать провести их четкое разграничение, что позволит выявить сущность и структурные элементы политической элиты [381].

Представленные в литературе понятия, обозначающие лиц, находящихся на вершине социальной пирамиды, разделяются в первую очередь по историческому периоду их употребления. Термин «элита», как известно, стал использоваться для наименования избранных людей с XVIII в., а в широкий научный оборот был введен лишь в к. XIX – н. XX вв. с появлением работ В. Парето. Ранее употреблялась дефиниция «аристократия». Данные понятия являются тождественными, в буквальном переводе они означают примерно одно и то же. Термин «элита», как уже указывалось, в современной литературе получил широкое распространение от французского слова «elite» - лучший, отборный, избранный. Слово «аристократия» (от греч. «aristokratía») означает власть лучших, знатнейших, в этимологическом значении «aristos» есть лучший. Термин обычно употребляется в двух

смыслах: как форма правления, при которой государственная власть находится у знатного меньшинства; как привилегированная часть какого-либо класса или общественная группа, пользующаяся особыми правами и преимуществами.

Несмотря на фактически одинаковый перевод и близкую смысловую нагрузку понятий «элита» и «аристократия», между данными группами, по замечанию В. Мохова, существует содержательное различие: «господство аристократии базируется на технологиях аграрного общества, которые предполагают автаркию производителей материальных благ. Сельскохозяйственное производство – основа власти аристократии. Патриархальное натуральное хозяйство нуждается в аристократии как особом слое, который в силу традиции, господства внеэкономического принуждения, преобладания обычного права, неразвитости инфраструктуры общества, крайней слабости средств коммуникации в обществе, раздробленности самих производителей может поддерживать свою власть, не располагая сколько-нибудь развитыми управленческими технологиями и способностями. <...> Господство элиты базируется на индустриальных технологиях, которые приводят к качественным изменениям при быстром обновлении самих технологий, при изменении отраслевой структуры экономики, при переносе на новые территории или при применении их в иных социальных условиях» [341, с. 135]. Тем самым аристократия характерна для традиционного общества, а элита – для индустриального социума, управление которым требует от правящей группы хорошего образования и специальной подготовки.

Анализ господствующего класса СССР, осуществлявшийся за рубежом М. Восленским, привел к широкому распространению в научной литературе термина «номенклатура» (от лат. “nomenclature” – перечень имен или наименований). Под данным словом он понимал: «1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения» [85, с. 83].

Приведем также более развернутую формулировку Д.В. Бадовского, согласно которой номенклатура – «это закрытая, организованная на принципах строгого подчинения и жесткой централизации социальная группа, чья внутренняя неоднородность может быть определена двояко – как иерархичность построения и как множественность сфер деятельности и функций, с которыми связаны номенклатурные должности. Механизм ее формирования ограничивается чисто внутренними процедурами и не требует согласования с обществом в целом; критерии отбора и назначение всецело определяются высшими представителями иерархии и находятся в соответствии с господствующей идеологией, которая в данном случае является государственной. Номенклатура может быть также охарактеризована как форма организации политической элиты и, даже шире, как форма организации государственной власти в СССР» [37, с. 45]. Итак, понятие «номенклатура» используется, как правило, в следующих смыслах: как список руководящих должностей в системе советских органов власти; как перечень лиц, которые занимают данные должности или состоят в резерве для их замещения; как форма организации политической элиты / государственной власти в СССР; как обозначение правящей социальной группы в советском обществе. Мы будем употреблять данное понятие в последней трактовке. Фактически номенклатура являлась политической элитой советского государства, так как обладала значительным объемом власти и могла принимать стратегические для страны решения.

Таким образом, на наш взгляд, термины «аристократия», «элита», «номенклатура» используются для обозначения лиц, находящихся на вершине социальной иерархии в определенный исторический период.

Управление государством – крайне сложный процесс, требующий создания разветвленной сети органов государственной власти, которые представлены чиновниками различного уровня. По мнению Г.К. Ашина, иерархия управленцев выглядит следующим образом: высшее звено власти, принимающее решения, жизненно важные для всей страны; среднее звено, принимающее решения, значимые для отдельных регионов, отдельных сфер

социальной деятельности; разветвленный бюрократический аппарат [30, с. 43].

Как видим бюрократия является нижним звеном в представленной иерархии управленцев, и это вполне справедливо. Слово «бюрократия» (“bureaucrasy” от франц. “bureau” – канцелярия и греч. “kratos” – власть, сила) используется, как правило, в двух смыслах: 1) система управления, основанная на вертикальной иерархии, которая призвана наиболее эффективным способом выполнять поставленные перед нею задачи; 2) «специализированный аппарат управления и профессионально занятую в нем социальную группу» [16, с. 64]. Д.В. Бадовский отмечает, что бюрократический аппарат «выступает в качестве посредника между политической элитой и зависимым населением» [37, с. 46]. Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, бюрократию нельзя отождествлять с политической элитой, что иногда предпринимается некоторыми исследователями, которые считают элиту верхушкой бюрократии. Вместе с тем следует согласиться со следующим мнением Л. Санистебана: «политическая воля элит реализуется главным образом через бюрократический аппарат, постоянно занимающийся государственными делами. Элита намечает главные цели и магистральные линии деятельности государства, а бюрократический аппарат их реализует (последний может саботировать выполнение их). Сильная бюрократия может навязать свою волю, частично превращаясь в политическую элиту» [31, с. 152]. Тем не менее в любом случае сущность бюрократии не меняется – она является административным аппаратом в государстве. Соответственно, обязанностью бюрократа, по словам австрийского экономиста, философа и политолога Людвиг фон Мизеса (1881-1973), является выполнение того, что велят ему установленные властью вышестоящего органа правила и предписания, так как его свобода действовать согласно своим убеждениям весьма ограничена [319, с. 69].

Высшее звено в иерархии управленцев занимает политическая элита, которую многие современные исследователи, вслед за Г. Лассуэллом [192, с.

88], считают верхушкой правящего класса, сущность которого, заметим, в литературе трактуется по-разному. Согласно марксистскому подходу, это класс в каком-либо обществе или социальном формировании, пользующийся культурным, политическим, экономическим господством на основании собственности и управления средствами производства. С точки зрения политической социологии, это меньшинство, монополизирующее власть и выполняющее все политические функции, которое, как указывал Г. Моска, существует во всех обществах, начиная со слаборазвитых вплоть до наиболее развитых. В целом правящий класс характеризуется тем, что обладает высокой степенью организованности, значительным объемом власти, а его члены «имеют общие интересы и ощущают себя принадлежащими к некоему особому, единому, узкому и закрытому миру, в котором согласие и сотрудничество достигаются спонтанно, даже в условиях ограниченного общения» [37, с. 44].

Заметим, что словосочетание «правлящий класс» в отечественной и зарубежной литературе часто заменяется терминами «политический класс», «господствующий класс», «властвующий класс», «управляющий класс». Тем самым для исследователей данные понятия являются однопорядковыми. Однако, как справедливо замечает О.В. Крыштановская, «в русском языке термины «правлящий» и «управляющий» не тождественны друг другу и имеют различную смысловую нагрузку. Когда говорят о правящем классе, подразумевается, что членам этого класса принадлежит власть. Называя этот класс управляющим, подчеркивают, что люди, занимающиеся управлением, не обязательно имеют власть, которая может принадлежать и кому-то другому» [239, с. 64]. Кроме того, на наш взгляд, употребляя те или иные дефиниции, исследователи стремятся сделать особый акцент при характеристике данного класса. Так, если понятие «политический класс» является ценностно-нейтральным, то термины «правлящий класс», «господствующий класс», «властвующий класс» несут в себе ценностную окраску, подчеркивают доминирование, превосходство этого класса вследствие наличия у него большого объема властных полномочий.

Наиболее предпочтительным, на наш взгляд, представляется употребление прилагательного «политический». Сущность «политического класса» раскрывает О.В. Крыштановская: «В политическом пространстве действуют акторы, которые владеют политическим капиталом и находятся внутри государственной корпорации, являясь ее инсайдерами. Эти акторы и составляют политический класс. В него входят люди, занимающиеся политикой профессионально» [239, с. 63].

Итак, проводя соотношение понятий «политическая элита» и «политический класс», многие исследователи сходятся во мнении, что политическая элита является верхушкой политического класса. Так, О.В. Крыштановская пишет: «элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения» [239, с. 73]. Такого же мнения придерживается и А. Крэстева: «политическая элита – это та часть политического класса, которая реально использует власть в данном обществе в данный момент» [245, с. 23]. Согласимся, что политическая элита является верхней частью политического образования, которое, как нам представляется, правильнее будет назвать «слоем», а не «классом». Понятие «класс», как известно, подразумевает дезинтеграцию социума и антагонистическое разделение общественных групп, а термин «слой» предполагает наличие различий между данными группами (например, в доходах, престиже и др.), то есть дифференциацию внутренне целостного общества. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан поясняют: «признание класса означает признание антагонизма, противоположности интересов больших общественных групп. Признание же страт означает признание определенных различий между людьми по каким-то признакам, - различий, которые,

приводят к слоевому размещению индивидов в обществе при продвижении их снизу вверх» [432, с. 44]. Тем самым более предпочтительным и точным, на наш взгляд, будет употребление категории «политический слой» вместо дефиниции «политический класс».

Анализ научной литературы показал, что политическую элиту исследователи также называют «правлящей элитой» и «властной элитой», подразумевая под этими понятиями фактически одно и то же. Например, группа авторов Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко, представляя результаты эмпирического исследования, поясняли: «под правящей элитой мы понимали тех, кто непосредственно выполняет властные функции в органах представительной и исполнительной власти» [34, с. 49]. О. Мясников вносит дополнения в описание правящей элиты, под ней он понимает «достаточно сплоченную социальную группу, основанную на глубоких внутренних связях, членов которой объединяют общие интересы, мировоззрение, нормы и особые ценности [343, с. 54]. Раскрывая сущность понятия «властная элита», А. Дука писал: «можно сказать, что объективно существует социальная группа, выполняющая функции общего управления и стабилизации социальной системы. (...) Данная группа вырабатывает и транслирует базовые принципы символического универсума, включая правила для всего общества и для своих членов, стремится их поддерживать, осуществляя различного рода санкции. Она также контролирует основные общественные ресурсы, распределяя их в интересах как общества, так и своих. Именно такую группу принято в науке называть властной элитой» [156, с. 145]. На наш взгляд, употребление терминов «правлящая элита» и «властная элита» является необоснованным, так как, исходя из определения сущности политической элиты, вполне очевидно, что данная социальная группа есть правящая и властная.

Употребление слова «элита» по отношению к лицам, находящимся на вершине социальной пирамиды, у значительной части исследователей вызывает неодобрение и осуждение, так как, согласно этимологии слова, они должны быть лучшими, избранными, что в реальности, как правило, далеко

не так. Видимо, поэтому, с целью найти замену данному термину, часто употребляются такие понятия, как «правлящие круги», «правлящая верхушка», «правлящее (руководящее, контролирующее) меньшинство», «правлящая группа», «политические лидеры» и др. Последнюю категорию, на наш взгляд, следует использовать только по отношению к отдельным индивидам, входящим в состав политической элиты, так как слово лидер (от англ. “leader” – ведущий), как известно, обозначает авторитетного члена какой-либо организации или группы, способного оказывать существенное воздействие на политические процессы. Отметим также широкое распространение термина «истэблишмент» (от англ. “establishment” – установление, основание; учреждение), трактующегося как правящие круги общества, а также как сама система их власти. Историк А. Тейлор, который и ввел данное понятие в оборот в середине XX в., понимал под ним «тех, кто ест иную пищу, чем другая часть населения, имеет свою привилегированную систему образования <...> свои институты – видимые и невидимые» [31, с. 205]. По мнению Ж.Т. Тощенко, данным термином обозначается верхушка правящего класса в том или ином обществе [500, с. 130]. Между тем заметим, что словосочетание «политическая элита» можно назвать устоявшимся в современной элитологии, оно применяется в подавляющем большинстве как отечественных, так и зарубежных исследований. Сегодня элитологи в основном уточняют данное понятие, пытаются тем самым прийти к единообразию в терминологии.

Элита не является однородным образованием, она включает в себя различные составные части – субэлиты. Следует отметить, что по поводу сущности понятия «субэлита» исследователи сходятся в своих мнениях. Так, М.Н. Афанасьев считает, что это различные группы, составляющие правящий слой [16, с. 30]. О.В. Крыштановская полагает, что субэлитой называются различные части единой правящей элиты: «формальные субэлитные группы могут быть отраслевыми (политическая, экономическая, военная субэлиты), функциональными (идеологи, силовики, администраторы и пр.), иерархическими (субэлитные слои), рекрутационными (назначенцы,

избранники). Отраслевых субэлитных групп можно выделять столько, сколько требуется детальностью анализа. Так, изучая министров, можно говорить о правительственной субэлите, изучая военных, находящихся на высоких государственных постах, - о военной субэлите и проч.» [239, с. 76]. Тем самым под понятием «субэлита» подразумеваются отдельные группы (части) элиты. Исходя из принципа множественности элит, нам представляется, что субэлитные структурные образования можно выделить в любом виде элиты: экономической, культурной, военной и др. Что касается политической элиты, то ее структура, на наш взгляд, состоит из следующих субэлитных групп: суперэлита, стратегическая элита, оппозиция, вето-группы и др.

Суперэлитой называют небольшую сплоченную группу внутри политической элиты, стоящую на самом вершине властной пирамиды – высшее руководство страны. Отметим, что употребляются и другие термины для обозначения данной группы: «верхний (субэлитный) слой» (Т. Заславская), «верхушечная элита» (М. Берд), «топ-элита» (О. Крыштановская).

Понятие «стратегическая элита» было введено в научный оборот С. Келлер, которая предложила так называть политиков, «чьи суждения, решения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества» [239, с. 85]. Для О.В. Крыштановской данная дефиниция означает «одну из неформальных субэлитных групп, которая берет на себя функции стратегического планирования и проектирования. Эта группа является мозговым центром, источником новых идей, принципиальных сценариев развития. Ее, как правило, составляют инсайдеры, занимающие высокие государственные позиции, хотя главным условием вхождения в эту группу является не столько статус, сколько интеллектуальный потенциал и способность генерировать новые подходы» [239, с. 85].

Американский исследователь Дэвид Рисмен (1909-2002) в своей книге «Одинокая толпа» вводит термин «вето-группа», которым называет группу интересов, которая обладает возможностью принимать политические решения и имеет право вето в сфере своих интересов. Между данными

автономными группами, по его мнению, и распределена власть в США. Тем самым Д. Рисмен отрицает наличие правящего меньшинства, которое осуществляет управление обществом. В том же ключе раскрывает понятие «вето-группы» и О.В. Крыштановская, для которой это «внутриэлитные образования, в функции которых входит принятие решений по поводу разрешения или запрета какого-либо действия» [239, с. 78].

Оппозиционную элиту составляет группа, борющаяся за власть в рамках существующей политической системы («системная» оппозиция). Данную группу, как правило, составляют представители оппозиционных политических партий, которые, на наш взгляд, входят в состав политической элиты лишь в том случае, если обладают парламентским статусом. Отметим, что необходимо разделять понятия «оппозиционная элита» и «контрэлита». Последняя, являясь не правящей группой, ставит своей целью изменение всей политической системы. Она претендует на высокий или даже доминирующий статус при декларируемой оппозиционности по отношению к лидерам элиты или даже всей элите в целом. Такая группа признается в качестве контрэлиты тогда, когда более заметные внеэлитные группы поддерживают эти притязания. Возникновение контрэлит обычно указывает, что какие-то социальные группы начинают бороться за обретение или повышение своего социального статуса и не рассчитывают добиться этого легитимным путем. По мнению И. Кривчук, контрэлита – это «лидеры и наиболее влиятельные лица из оппозиционных политических кругов, партий и общественных движений, члены так называемого «теневого кабинета», последовательные оппоненты официального курса из финансово-промышленных и коммерческих сфер, критически настроенные наиболее авторитетные представители творческой интеллигенции, ученые, военные. Контрэлита – это ядро политической оппозиции, она обладает всеми характерными чертами элиты, но не имеет прямого доступа к решающим властным позициям» [234, с. 61]. На политической арене также фигурируют и «антиэлиты». И. Кривчук указывает, что их составляют «активные, творческие, пассионарные люди, выступающие против элиты и ее правил на

основе индивидуального полуанархического бунта и не нашедшие себе места в большой политике» [234, с. 61]. По ее мнению, к ним относятся представители политических партий и движений, отрицающие элитарность не только на практике, но и в теории.

Безусловно, можно выделить и другие субэлитные группы. Например, политическая элита разделяется: по функциональной нагрузке, выполняемой в органах государственной власти – администраторы, советники, идеологи и т.д.; по отношению к ветвям власти – законодательная, исполнительная; по неформальному критерию (внутригрупповые отношения и роли) – кланы, клики, касты, группы давления, обоймы и др. Кроме того, политическая элита различается по масштабу (уровню) влияния: «мировая элита», «федеральная элита», «региональная элита», «местная элита», «локальная элита», «муниципальная элита» - данные дефиниции получили широкое распространение в современной научной литературе.

Понятие «мировая элита» (также используют термин «глобальная элита») появилось в исследованиях сравнительно недавно в связи с бурным развитием процесса глобализации. Если ранее ученые говорили об элите какого-либо государства, то сегодня они все чаще указывают на наличие группы лиц, обладающих значительным объемом власти на надгосударственном уровне. Причем в качестве субъектов мировой элиты рассматриваются «не только владельцы и топ-менеджеры транснациональных корпораций, политические лидеры ведущих мировых держав, люди, контролирующие основные мировые потоки информации, но и «избранные страны», такие, как США и целые группы стран, составляющие так называемый золотой миллиард» [30, с. 50]. Представляется, что мировая элита способна решить ряд глобальных проблем человечества.

Федеральная политическая элита включает в себя лиц, занимающих высшие государственные должности в федеральных органах власти. Под региональной политической элитой, в соответствии с трактовкой Ю.В. Ирхина, понимается «социальная страта, которая достигла наивысшего политического статуса в рамках региона, оказывает определяющее

воздействие на процессы принятия важных для него политических решений, обеспечивает согласование интересов субъектов политического процесса на региональном уровне, взаимодействие с федеральной, а также и другими региональными элитами» [192, с. 89]. Тем самым региональная политическая элита – это лица, занимающие высшие государственные должности в региональных органах власти, субъектах (членах) федерации.

Понятия «локальная элита» и «местная элита», исходя из их толкования, на наш взгляд, являются однопорядковыми. Слово «локальный» в Толковом словаре обозначает «ограниченный определенным местом, не выходящий за известные пределы; свойственный определенному месту, данной местности» [495]. Тем самым локальной называется та элита, которая сосредоточена в каком-либо месте и не выходит за его пределы. Слово «местный» означает «относящийся к определенной местности, краю, району, округу; действующий или имеющий значение в пределах определенной местности, территории; не общегосударственный» [495]. Как видно из толкования, смысл этих слов фактически один и тот же. Получается, что понятия «местная элита» и «локальная элита» указывают на принадлежность данной социальной группы к определенной территории. Следует отметить, что данные дефиниции по смысловой нагрузке довольно близки к понятию «региональная элита». Однако, на наш взгляд, они все же различаются по объему территории, находящейся в управлении элиты и соответственно по масштабу ее влияния. Заметим, что под местной властью часто понимается власть на более низком уровне, чем региональная. Авторы отмечают, что в качестве ее синонима может использоваться понятие «муниципальная власть» [506, с. 273]. Соответственно, по аналогии местная элита может также называться и «муниципальной элитой» [341, с. 142]. В данном случае смысл термина становится более понятным.

Итак, в научной литературе, посвященной проблемам политических элит, наблюдается наличие значительного количества терминов, обозначающих одну и ту же социальную группу, что ни к чему, кроме путаницы, не приводит. Анализ показал, что используемые исследователями

дефиниции различаются по историческому периоду их употребления, а также применяются для обозначения отдельных структурных элементов элиты [381]. Кроме того, на наш взгляд, распространено множество тождественных терминов, которые по смысловой нагрузке близки. Данный факт весьма затрудняет изучение социальной группы, находящейся на вершине социальной пирамиды. Сегодня, на наш взгляд, существует необходимость приведения в единообразие отдельных понятий терминологического аппарата элитологии, что, надеемся, в скором времени произойдет.

При всем многообразии используемых в научной литературе терминов, словосочетание «политическая элита», на наш взгляд, является наиболее удачным. Однако определение данной дефиниции, как показал анализ, представляет собой достаточно сложную проблему. Опираясь на структурно-функциональный подход при идентификации элиты и учитывая накопленный теоретический потенциал элитологии, на наш взгляд, *политическую элиту* можно определить как немногочисленную группу лиц, находящуюся на вершине социальной иерархии, профессионально занимающуюся деятельностью в сфере управления государством и обществом, которая концентрирует в своих руках значительный объем политической власти и принимает стратегические решения общегосударственного уровня (или может влиять на данный процесс).

Основываясь на собственном определении и анализе элитологической литературы, попытаемся выделить специфические признаки, характерные для политической элиты, что в целом достаточно сложно. Заметим, что в отечественной и зарубежной научной литературе раскрытие отличительных черт данной группы осуществляется, в основном, именно в трактовках понятий «элита», «политическая элита».

I. *Социальный статус* - политическая элита занимает место на вершине социальной иерархии. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, властную вертикаль современного общества можно представить в виде пирамиды: «Вершину составляет правящая государственная элита, на среднем уровне – политические группы, осуществляющие «трансляцию» принимаемых

наверху решений. Основание пирамиды – массы населения, являющиеся объектом управления» [152, с. 55]. О.В. Крыштановская также считает, что «элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» [239, с. 73].

Статус политической элиты, ее место на вершине социальной иерархии, обуславливает наличие у представителей данной группы определенных общественных благ и привилегий, которые малодоступны основной массе населения.

II. *Особый характер деятельности.* Политическая элита занимается деятельностью в сфере управления государством и обществом. Она направляет, координирует, контролирует работу различных институтов и организаций, в том числе политических партий. При этом данная деятельность является главной для политической элиты, она осуществляется на постоянной профессиональной основе, ее представители занимают оплачиваемые должности в органах власти.

III. *Политическая элита выполняет важнейшие функции в сфере управления государством и обществом, к числу которых относятся:*

1) стратегическая - определение основных направлений государственной политики, отражающих интересы различных социальных групп и всего общества в целом, принятие управленческих решений;

2) организаторская - осуществление на практике выработанного государственного курса, воплощение политических решений в жизнь;

3) интегративная - укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, поддержание порядка, адаптация или сопротивление изменениям, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций.

В данной связи приведем слова М. Шелера, который справедливо отмечал, что «ценность и значение элиты лежит не в ней самой, а в ее функции для общества. Она всегда направляет процесс, который уже идет в определенном направлении» [126, с. 25].

IV. *Социально-властные и иные ресурсы.* Политическая элита, вследствие своего особого социального статуса, концентрирует в своих руках значительный объем политической власти, что позволяет ей в полной мере осуществлять свои функции в сфере управления государством и обществом. Поясним, что под властью понимается «способность социального субъекта в своих интересах определять цели и направленность деятельности других социальных субъектов (безотносительно к их интересам); распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами общества; формировать и навязывать правила и нормы поведения (установление запретов и предписаний); предоставлять полномочия, услуги, привилегии» [432, с. 31]. Тем самым политическая элита оказывает существенное влияние на деятельность различных социальных субъектов и институтов, органов власти и управления, что недоступно для иных социальных групп.

V. *Принятие стратегических решений общегосударственного уровня.* Используя социально-властные ресурсы, политическая элита имеет исключительную возможность принимать важнейшие для государства и общества политические решения или может оказывать значительное влияние на этот процесс. Отметим, что принятие общегосударственных решений является одной из важнейших черт, присущих политической элите, и влечет за собой крайне большую ответственность.

VI. *Обособленность от других социальных групп.* Занимая высшее место в системе социальной иерархии, политическая элита, как уже отмечалось, обладает многими стратегическими ресурсами (власть, финансы, привилегии, льготы и др.), которые недоступны основной части населения. Данные факторы ведут к замкнутости, закрытости элиты, автономии от других социальных групп, формированию собственной субкультуры и т.д. Наиболее удачно характерные черты элиты были сформулированы Джеймсом Мейзелем в работе «Миф правящего класса», которые он определил тремя буквами «с» английского алфавита: *conscience* (особое групповое сознание), *cohesion* (сплоченность), *conspiracy* (сговор) [581, с. 4]. По его мнению, элита является внутренне сплоченной группой, обладающей самосознанием, ее

члены объединены между собой сговором и «круговой порукой». Тем самым представители политической элиты отделены от населения, они резко отличаются от него образом жизни и системой ценностных ориентаций, что в конечном результате приводит к тому, что элитарные слои больше думают о собственных интересах, чем о нуждах народа. Безусловно, механизм циркуляции политической элиты работает, и периодически происходит обновление ее состава, но замкнутость по-прежнему остается. Между тем следует отметить, что политическая элита существует для народа и призвана обеспечивать достойную жизнь населения того или иного государства. Соответственно, в идеале для политической элиты должны быть характерны открытость и готовность к диалогу с населением. К сожалению, за редким исключением, наблюдается абсолютно иная картина.

VII. *Политическая элита немногочисленна по своему составу.* В литературе высказываются различные мнения по вопросу количественного состава данной социальной группы. Социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн и Э. Райс полагают, что число людей, которых можно отнести к элите, составляет около 1% от численности населения. Н.А. Бердяев, как известно, оптимальным считал показатель в 5%. Что касается нашей страны, то в СССР, по подсчетам М.С. Восленского, в номенклатуру входило около 750 тыс. чел. (из них численность высшего звена порядка 100 тыс. чел., низшего звена – 150 тыс. чел., остальные являлись руководителями различных предприятий и учреждений), а с семьями – около 3 млн. чел., то есть 1,5% населения страны [85, с. 154-156]. Писатель указывал, что «политическое господство класса номенклатуры осуществляет в СССР группа примерно в 250 000 человек – одна тысячная доля населения страны» [85, с. 155]. По данным О.В. Крыштановской, в 1981 г. численность политического класса в СССР составляла 400 тыс. чел. (0,1% к численности населения), численность элиты – 900 чел. (0,2% к численности политического класса); в 2000 г. численность политического класса в России составляла 1,2 млн. чел. (0,8% к численности населения), численность элиты – 1060 чел. (0,08% к

численности политического класса) [239, с. 18]. Тем самым количественный состав политической элиты сравнительно небольшой.

VIII. *Гуманитарные качества.* Слово «гуманитарный» (от лат. «*humanitas*» - человеческая природа, образованность), как известно, используется в различных смыслах: 1) имеющий отношение к сознанию человека и человеческому обществу; 2) обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека; 3) гуманный, человеколюбивый, благотворительный.

Соответственно, представители истинной политической элиты, наряду с профессиональными знаниями, умениями и навыками, позволяющими им успешно выполнять свои функции, обладают такими человеческими качествами, как ответственность за свои решения и действия, стремление улучшить качество жизни всех слоев населения, подлинно патриотическое служение государству и обществу, соблюдение требований морали и нравственности и пр.

IX. *Личностные качества.* Члены политической элиты обычно обладают яркой индивидуальностью и являются самостоятельными персонифицированными субъектами социального действия. Как правило, представители политической элиты обладают рядом качеств, которые позволяют им достигнуть определенного социального статуса. К ним, на наш взгляд, следует отнести: тип характера с явно выраженными лидерскими чертами, умение выступать на публике, аналитический склад ума, неординарность (отличающая от других людей, выраженная в поступках, мыслях, высказываниях и т.д.), настойчивость, бойцовские качества и др.

В этом отношении характерно определение, данное П.А. Сорокиным, который рассматривал политическую элиту как «особую социальную группу, входящую в высший слой общества и состоящую из лиц, обладающих высоким интеллектом, сильными амбициями, предприимчивым и авантюрным характером, изобретательным умом, жесткой и несентиментальной натурой, своеобразным цинизмом и наконец волей к власти и господству» [401, с. 88].

Таким образом, политическая элита является специфической социальной группой, которая концентрирует в своих руках значительный объем политической власти, принимает стратегические решения общегосударственного уровня (или может оказывать влияние на этот процесс) и в целом осуществляет общее управление государством и обществом. Проведенный нами анализ научной литературы, посвященной элитологической проблематике, выявил значительное количество определений терминов «элита», «политическая элита», которые не отличаются единством в их понимании. Более того, наблюдается множество других категорий, которыми исследователи обозначают социальную группу, находящуюся на вершине социальной иерархии: правящий класс, номенклатура, бюрократия, политические лидеры, региональная элита, властная элита, правящая элита, федеральная элита, местная элита, локальная элита, господствующий класс, политический класс, правящая группа, аристократия, истеблишмент, правящие круги, правящая верхушка, правящее (руководящее, контролирующее) меньшинство и др. Данные факты доказывают, что вопрос определения отдельных в том числе базовых понятий элитологии окончательно не решен и требуется их уточнение и конкретизация. Помимо толкования указанных дефиниций, определенные затруднения вызывает и вопрос выделения характерных признаков политической элиты. Представленный нами список, безусловно, нельзя считать исчерпывающим, вполне возможно выделить и другие черты. Заметим, что при определении сущности политической элиты, ее признаков, крайне трудно избежать оценочных характеристик и придерживаться только структурно-функционального подхода. К сожалению, реальность такова, что трудно не заметить негативные черты современной политической элиты: стремление к капиталу, отдаленность от народа, высокомерие и др. Однако, определенную часть данной социальной группы, на наш взгляд, можно назвать лучшей, избранной, что внушает некоторый оптимизм.

1.3. Региональные политические элиты как объект исследования

Политическое пространство не является цельной и однородной средой. Можно, например, выделить отдельные уровни политического пространства – мировой (глобальный), государственный (федеральный), региональный (республиканский, областной, краевой и пр.), местный (муниципальный), которые отражают его структуру. Каждый из них является полем деятельности политических элит, значение которых, а также масштабы влияния, объем территории, находящейся в ее управлении, различны пропорционально занимаемому положению в представленной иерархии уровней. В соответствии со структурой политического пространства можно выделить следующие уровни функционирования политических элит:

1) мировой (глобальный) – представлен группой лиц, обладающих значительными властными ресурсами на надгосударственном (глобальном) уровне (мировая / глобальная элита);

2) государственный (федеральный) – представлен лицами, занимающими высшие посты в государственных, федеральных политических институтах власти (элита государства, федеральная элита);

3) региональный – представлен лицами, занимающими высшие посты в политических институтах власти региона, субъекта федерации (региональная элита: республиканская, областная, краевая и пр.);

4) местный (муниципальный) – представлен лицами, занимающими высшие посты в политических институтах власти определенной местности, города, района (местная / муниципальная элита).

Тем самым, исходя из данной градации, *региональная политическая элита* представляет собой социальную группу, состоящую из высших должностных лиц определенной территории, профессионально занимающуюся деятельностью по управлению регионом, концентрирующую в своих руках значительный объем политической власти и принимающую стратегические решения регионального уровня (или влияющую на данный процесс). Выделенная социальная группа является важнейшим субъектом региональной политики, она осуществляет выработку и реализацию курса

развития отдельного региона, а также контроль за его исполнением, влияет на ценностные и идеологические ориентации регионального сообщества.

К числу основных функций региональной элиты, согласно трактовке О.А. Кузнецовой, относятся:

- отстаивание интересов и требований населения региона перед центральной властью и другими регионами;

- политическая мобилизация граждан, стимулирование их активности и ответственности, поощрение тенденций к личностному самоопределению;

- трансляция воли центральной власти на регион, реализация ее установлений;

- обеспечение единого государственного правового режима и законности как в отношении обязательств власти перед гражданами, так и по обязательствам граждан друг перед другом и перед властью;

- организация жизни в регионе, воспроизводство и модернизация разнообразных механизмов жизнеобеспечения, поддержание его стабильности и управляемости;

- обеспечение социальной стабильности и экономического роста в регионе, как через внутреннюю, так и через внешнюю экономическую политику;

- инкубация политических лидеров для общенационального властного истеблишмента и кадров для органов центральной власти [260, с. 64].

В зависимости от структурно-территориального деления государства в качестве регионов выступают республики, края, области и пр. Политические элиты данных территориальных единиц, в том числе и изучаемых нами республик, соответственно, являются региональными элитами, что обуславливает возможность параллельного применения дефиниций (например, региональная и республиканская элита). Именно данным принципом мы будем пользоваться в нашей работе, однако, с целью избежать вероятной путаницы употребляя в тексте понятие «региональные политические элиты» по отношению к элитам изучаемых регионов будем уточнять – республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, либо использовать слово

«республиканские». На наш взгляд, *республиканская политическая элита* – это социальная группа, состоящая из высших должностных лиц определенной республики, профессионально занимающаяся деятельностью по управлению республикой, концентрирующая в своих руках значительный объем политической власти и принимающая стратегические решения республиканского уровня (или влияющая на данный процесс). При формулировке этого термина мы опирались на собственное определение понятия «политическая элита». Тем самым в представленных трактовках изменяется уровень влияния, но не меняются ключевые характеристики политической элиты.

Итак, региональная политическая элита включает в себя некую совокупность влиятельных персон в политических институтах власти, которые действуют в масштабах определенной территории. Представленная формулировка, безусловно, требует конкретизации состава региональной политической элиты, что возможно осуществить только через определение состава политической элиты в целом. Отметим, что данный вопрос является одним из актуальных в элитологии. В отечественной и зарубежной литературе имеются различные мнения по поводу включения тех или иных сегментов в состав политической элиты, что вносит значительные сложности в эмпирическое изучение элит. Приведем некоторые мнения ученых, касающиеся состава социальной группы, находящейся на вершине общественной иерархии.

Д. Лэйн считает, что в Российской Федерации вычленяются три главные группы политической элиты:

1) исполнительная (или правительственная) элита. Включает министров, заместителей министров, председателей комитетов Правительства Российской Федерации. В эту элиту входят также сотрудники аппарата Президента, его политические советники;

2) законодательная элита. Состоит из законодателей и представителей судебной власти. К первым отнесены ведущие депутаты российского парламента, вторая группа представлена членами Конституционного Суда;

3) лидеры партий и фракций в парламенте России [290, с. 31].

По мнению Ю.В. Ирхина, «в современных условиях в состав политической элиты включаются: профессиональные политики высокого ранга, наделенные властными функциями и полномочиями; партийное руководство; высшие государственные (гражданские и военные) служащие (политическая бюрократия); руководящие представители общественных организаций, бизнес-структур, религиозных конфессий, СМИ, пиар-структур, политических консультационных центров, политологических ассоциаций; известные политические обозреватели и публичные деятели» [192, с. 86].

С. Барзилов и А. Чернышов к элите относят «высший слой номенклатуры – работников управления, имеющих право принимать решения или участвующих в принятии решения. В законодательной власти это депутаты Думы, в администрациях – члены коллегии, руководители комитетов, управлений, администраций» [545, с. 161].

О.В. Гаман политическую элиту рассматривает «в качестве дихотомической модели, включающей два компонента: лидеров и бюрократию. В категорию политических лидеров входят лица, профессионально включенные в политическую деятельность и обладающие высокой степенью влияния на принятие политических решений, но не занимающие должностей в структурах исполнительной власти. Бюрократия включает административных руководителей высоких уровней и должностных лиц, занимающих постоянно оплачиваемые должности в органах госуправления» [545, с. 161]. Тем самым, по мнению О.В. Гаман, персональный состав элиты включает совокупность лиц, занимающих ключевые позиции влияния в политическом процессе.

Г.К. Ашин считает, что в постсоветской России структура правящей элиты включает следующие компоненты: «Президент РФ – и по Конституции РФ и де-факто играет ведущую роль в определении внутренней и внешней политики; Администрация Президента – глава администрации и его заместители, руководители ее основных подразделений; Полномочные представители Президента в федеральных округах; Парламентский корпус –

члены Федерального Собрания – Государственной Думы <...> и Совета Федерации, представляющего, прежде всего, региональные интересы и региональные элиты; Правительственная элита – премьер и его заместители, министры и их заместители, руководители федеральных служб и агентств; Высшие представители судебной власти – Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ, Верховного Арбитражного суда; руководители силовых структур РФ; лидеры основных политических партий России, прежде всего, представленных в Государственной Думе; руководители российской дипломатии (министр иностранных дел и его заместители, члены Коллегии МИД, послы в крупнейшие страны мира и страны СНГ)» [31, с. 426]. На наш взгляд, Г.К. Ашин наиболее удачно отразил состав политической элиты в современной России.

О.В. Крыштановская называет элитой людей, «принимающих общегосударственные решения. Чаще всего это люди, занимающие высшие государственные должности. Но иногда в эту группу попадали те, кто оказывал огромное влияние на политический процесс благодаря своему богатству. К элите <...> были отнесены следующие группы: 1) высшее руководство страны («Политбюро»); 2) правительство; 3) парламент; 4) региональная элита» [239, с. 17]. Отметим, что к высшему руководству О.В. Крыштановская причисляет членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС (советский период), членов Совета Безопасности РФ (постсоветский период); к парламенту – депутатов Верховного Совета СССР, народных депутатов СССР созыва 1989 года (советский период), депутатов Совета Федерации и Государственной Думы (постсоветский период); к региональной элите – первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов (Московского и Киевского) и окружкомов партии (советский период), глав администраций и глав законодательных собраний субъектов Российской Федерации (постсоветский период). О.В. Крыштановская не включает в элиту лидеров политических партий, которые не имеют парламентского статуса, а также глав региональных администраций, так как они составляют большинство парламента России.

По мнению Н.Ю. Лапиной, «к политической элите могут быть отнесены лица, занимающие ключевые позиции в законодательной, исполнительной, судебной власти, руководители наиболее влиятельных политических партий и иных массовых организаций, а также ответственные сотрудники государственного аппарата» [403, с. 84].

В современной научной литературе часто встречаются исследования, посвященные изучению элиты в целом. В них авторы выделяют различные группы элиты и приводят перечень должностей, которые им соответствуют. В том числе уделяется внимание и политической элите. Так, авторский коллектив под руководством М. Тарусина элитой считает индивидов, обладающих высоким социальным статусом в следующих группах (стратах) социальных институтов общества:

1) законодательная власть – председатели законодательных собраний регионов, их заместители; депутаты, возглавляющие партийные фракции или комиссии по направлениям; депутаты Государственной Думы РФ;

2) исполнительная власть – вице-губернаторы, их заместители; мэры крупных городов, их заместители; председатели и министры региональных правительств, их заместители; начальники управлений исполнительных органов власти;

3) судебная власть – судьи, адвокаты;

4) средства массовой информации – главные редакторы газет и журналов, их заместители; руководители телерадиокомпаний; авторитетные журналисты печатных и электронных средств массовой информации;

5) силовые структуры – министерство внутренних дел, прокуратура, армия, министерство по чрезвычайным ситуациям (начальники высшего и среднего звена в регионах, их заместители);

6) духовные (религиозные) деятели – главы епархий, их заместители; настоятели храмов / мечетей; авторитетные священнослужители различных конфессий;

7) интеллектуальная, творческая элита – известные писатели, поэты, художники, музыканты, режиссеры, актеры театра и кино;

8) научная элита – ректоры и проректоры вузов; директора научно-исследовательских институтов, их заместители; деканы факультетов; заведующие кафедрами; известные, авторитетные ученые;

9) бизнес-элита – крупные бизнесмены; президенты, вице-президенты, председатели совета директоров крупных компаний, их заместители; топ-менеджеры крупных компаний (финансовые коммерческие директора и т.д.);

10) общественные и политические лидеры – авторитетные руководители региональных отделений федеральных партий, их заместители; влиятельные лидеры общественных организаций и движений [484, с. 12].

Э.Э. Буренкова для проведения своего исследования выделила пять групп элиты:

1) федеральная политическая элита – лидеры политических партий, руководители законодательных органов, средств массовой информации;

2) административная элита – руководители исполнительных органов федеральной власти, аппарата Президента, члены Правительства, руководящие работники Правительства и министерств;

3) военная элита – руководители военных структур, министерства внутренних дел и другие лица, обладающие высшими военными званиями;

4) дипломатическая элита – российские дипломаты высшего ранга, в основном в ранге чрезвычайного и полномочного посла;

5) региональная политическая элита – группа лидеров, которые в 1992 году занимали высшие посты в административных и политических структурах крупных регионов России (республики, края, области) [67, с. 6].

Представители Института социологии Российской академии наук Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко в своем исследовании ориентировались на выборку определенных типов сознаний. Исследователи решили опросить членов правящей и неправящей элит. При этом под правящей элитой авторы понимали тех, кто непосредственно выполняет властные функции в органах представительной и исполнительной власти. Также авторы посчитали нужным опросить представителей экономической сферы общественной жизни и крупных ученых. В результате в состав

выборки были включены: представители законодательной и исполнительной власти, политические деятели – активные функционеры партий и движений, не стоящие у власти, руководители значимых в обществе средств массовой информации, крупные предприниматели и банкиры, известные ученые в области общественных наук. В данной выборке была представлена политическая элита (правящая и неправящая), интеллектуальная элита (научная и журналистская), бизнес-элита [34, с. 49].

Б.В. Головачев и Л.Б. Косова при построении выборки для своего исследования выделили следующие страты «для старой элиты: партийные руководители; государственное управление (министры, их заместители, члены коллегий); массовые организации (руководители ВЛКСМ, профсоюзов, депутаты союзного уровня); экономическая сфера (директора наиболее крупных заводов); средства массовой информации, культура, наука, образование (должности, вошедшие в номенклатуру ЦК КПСС, академики и членкоры АН СССР); международная служба (должности номенклатуры). Для новой элиты: аппарат Президента и Правительства, государственное управление; лидеры общественных фондов, профсоюзов, политических партий, депутаты; государственная экономика; бизнес-элита (менеджеры больших предприятий, изначально созданных как частные); СМИ, культура, наука, образование (академики РАН, главные редакторы и члены редколлегии общенациональных газет, директора крупных НИИ)» [118, с. 46].

Состав региональных политических элит, как правило, раскрывается в научных работах, посвященных изучению именно данной социальной группы. Так, М.Х. Фарукшиным с учетом критерия непосредственного участия в принятии политико-управленческих решений в состав правящей политической элиты Республики Татарстан были включены: «из президентской структуры – Президент, вице-президент, руководители аппарата Президента; из Верховного Совета – его Председатель, заместители Председателя и начальник секретариата; из Кабинета Министров – Премьер-министр, его заместители, министры и председатели государственных

комитетов, начальник секретариата Кабинета Министров, а также главы администраций городов и районов республики» [520, с. 69]. Отметим, что к правящей политической элите исследователь не относит депутатов Верховного Совета Республики Татарстан ввиду того, что многие из них работают в парламенте не на постоянной основе, а ряд руководящих работников, отнесенных к местной правящей элите, являются одновременно депутатами Верховного Совета республики (его руководители, многие главы администраций). Также М.Х. Фарукшин считает необоснованным относить к правящей элите лиц, занимающих в Кабинете Министров такие должности как, например, заведующий отделом записи актов гражданского состояния, начальник управления общественного питания или председатель Совета по делам религий, учитывая их реальный вес в политической жизни республики.

А.В. Поляков, осуществив анализ работ российских исследователей Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой, определил следующий состав региональных политических элит:

- 1) глава исполнительной власти и его клиента;
- 2) представители региональной бюрократической элиты в органах исполнительной власти (администрации, правительстве и их структурных подразделениях);
- 3) члены законодательных органов региона (спикер легислатуры, председатели и сотрудники комитетов, депутаты);
- 4) представители региональных отделений федеральных структур (министерства обороны, МВД, ФСБ, налоговых служб, прокуратуры и т.д.);
- 5) крупные предприниматели в регионе, занимающие ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью, контролирующие влиятельную часть ресурсов региона. Внутренние сегменты: руководители фирм регионального уровня; представители общероссийских и транснациональных корпораций; собственники, менеджеры и крупные акционеры;
- 6) руководители неправительственных организаций, партий, средств массовой информации;

7) организованная преступность. Исследователь считает, что ее представители оказывают влияние на политические процессы в регионах и местных сообществах, а иногда даже успешно его институционализируют [406, с. 42].

По мнению Д.В. Попонова, в составе региональных политических элит можно выделить несколько элитных групп:

1) административная элитная группа (глава региона, его заместители, высшее руководящее звено регионального органа исполнительной власти);

2) законодательно-представительная элитная группа (депутатский корпус регионального парламента);

3) муниципальная элитная группа (руководители исполнительного и представительного органов местного самоуправления);

4) партийная элитная группа (высшее руководящее звено региональных отделений политических партий и общественно-политических объединений);

5) представители федеральных органов власти (депутаты Государственной Думы, сенаторы, полномочные представители Президента в федеральных округах, федеральные инспекторы, руководители региональных структур других федеральных органов власти). На взгляд автора, они выступают в качестве мощного ресурса регионального политического процесса, в поддержке которого нуждается руководство региона [412, с. 41].

Итак, можно констатировать факт наличия различных мнений, касающихся состава политической элиты, в том числе и на региональном уровне. Существующие в научной литературе точки зрения в основном расходятся между собой по вопросу определения границ данной социальной группы. Сторонники более узкого подхода относят к политической элите только правящее меньшинство, представленное, как правило, первыми лицами исполнительной, законодательной и судебной власти, а также лидерами крупнейших политических партий и движений. Сторонники более широкого подхода включают в состав политической элиты также и виднейших представителей бизнес-структур, религиозных конфессий, средств массовой информации, общественных организаций, PR-структур,

политологических ассоциаций, политических консультационных центров, известных политических обозревателей, политологов, публичных деятелей и др.

Подобные расхождения, на наш взгляд, вызваны различием методической базы, применяемой исследователями в своих трудах. По мнению Ж.Т. Тощенко, для определения состава элиты сегодня используется несколько подходов: «Один из них (В.Ф. Анурин, 1996) исходит из самоидентификации, т.е. кто сам себя относит к этой социальной группе, причисляется к высшему слою общества. Другой подход (Е.В. Охотский, 1997) строится на подсчете, сколько и каких чиновников на федеральном или региональном уровне следует отнести к элите, какое количество работающих в министерствах и ведомствах можно считать элитой. Третий подход (Л.В. Бабаева, 1995, 1997) опирается на рыхлый, но вполне определенный показатель – если ты богатый человек, бизнесмен, банкир, предприниматель, то значит – ты представитель элиты. Тот же «критерий» применяется и по отношению к политическим деятелям – если ты один из руководителей партии, движения, депутат или крупный чиновник – то тыходишь в элиту» [500, с. 127]. Безусловно, мнение Ж.Т. Тощенко достаточно эмоционально, но оно отражает актуальность поставленной нами проблемы. Между тем сегодня для идентификации политической элиты используются три основных подхода (метода): позиционный анализ, репутационный анализ и анализ принятия решений [385]. Каждый из них обладает набором специфических процедур.

Позиционный анализ (его также называют структурным) исходит из предположения, что официальные государственные институты и важнейшие негосударственные институты полностью отражают иерархию властных отношений и по ней можно выявить политическую элиту и даже ранжировать ее по степени влияния. Сторонники анализа позиций считают, что те, кто занимают высшие посты в институтах власти (начальники по должности), определяющим образом влияют на политические события и являются элитой. Главное преимущество подхода состоит в том, что выявить

элиту довольно легко, достаточно лишь найти списки депутатов парламента, схему структуры правительства и других органов власти. Признавая достоинства позиционного подхода, нельзя не отметить и некоторые недостатки. При его использовании часто игнорируются весьма влиятельные люди, не занимающие никаких официальных должностей, но оказывающие косвенное воздействие на политических деятелей, наделенных официальными полномочиями, а также влияющие на принятие политических решений или на общественное мнение. Кроме того, этот подход малоэффективен при наличии неустойчивых динамических элит.

Позиционный подход применяли в своей работе многие российские и зарубежные ученые, в том числе Ч. Миллс, Р. Милибанд, О.В. Крыштановская и др. Данный подход успешно использовал и американский исследователь Т. Дай [569]. В книге «Кто управляет Америкой?» он определяет элиту как индивидов, занимающих высшие позиции в институциональной структуре США. В работе, написанной им совместно с Х. Зиглером, поясняется: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах – в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источниками власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти» [32]. Придерживаясь данной позиции, Т. Дай включает в элиту США тех, кто одновременно распределяет ценности внутри общества и влияет на жизнь всех американцев: высших политических лидеров, владельцев средств массовых коммуникаций, руководителей промышленности, финансов и др. Согласно подсчетам исследователя, численность американской элиты составляет порядка пяти тысяч человек. Они хорошо образованны и политически активны, что позволяет им сохранять и распространять ценности демократии.

Основным методом при использовании позиционного подхода является анализ официальных материалов - законодательных актов, данных о персональном составе органов государственной власти, биографических документов, сообщений информационных служб о назначениях, отставках и перемещениях высших должностных лиц. Алгоритм работы включает в себя ряд последовательных этапов: определение в обществе важнейших секторов элит, выявление в них наиболее влиятельных учреждений и их структурных подразделений (при наличии), определение состава лиц, занимающих высшие посты, то есть политической элиты.

Чтобы скорректировать недостатки позиционного анализа, в политической науке применяются и другие подходы для идентификации элиты, в том числе репутационный анализ (анализ репутаций), который состоит в определении людей, пользующихся властью и влиянием при помощи экспертных опросов. Оценки экспертов, в роли которых, как правило, выступают политические деятели, верхушка бюрократии, а также ученые (политологи, социологи и др.), позволяют отличить тех, кто занимает высокие посты, но реально бессилён, от тех, кто действительно влияет на политическую ситуацию (латентная элита). Процедуру применения данного подхода описал А.В. Дука. По его мнению, она включает несколько исследовательских шагов «первый – составление предварительных списков «лидеров» города, региона (бизнесмены, гражданские организации, газеты и т.п.) Затем происходит отбор «экспертов» («судей»), которые представляли бы различные религиозные, деловые, профессиональные круги. При этом необходимо выдерживать соотношение «экспертов» по половым, возрастным и этническим характеристикам, свойственное этим группам в регионе. Третий шаг заключается в просмотре экспертами списков и отбор в каждом из них «настоящих лидеров», причем на этой стадии атрибуция власти, т.е. приписывание ее определенным людям, основывается на репутации лидеров в глазах «судей». Заключительный этап – проведение интервью с оставшимися лидерами, в процессе которого их просят назвать десять

наиболее влиятельных, по их мнению, лиц, а также указать степень знакомства их друг с другом, тесноту связи» [48, с. 211].

В числе первых, кто использовал подход, основанный на престиже, был американский исследователь Флойд Хантер (1912 г.р.), который применил его для изучения властных отношений в Атланте (штат Джорджия) и других городах США, а также взаимоотношений между федеральными и региональными элитами. Свои основные идеи он изложил в известной книге под названием «Верховное лидерство. США» [570]. Исследование, осуществленное в Атланте, привело его к выводу, что власть в важнейших областях жизни данного города находится в руках собственников и высших менеджеров коммерческих, промышленных, финансовых корпораций и влиятельных чиновников, которые занимают ключевые посты в органах власти. По мнению Ф. Хантера, вся верхушка города Атланты либо принадлежит к слою финансистов, либо зависит от него, что обуславливает общность ее интересов. При решении важнейших вопросов, как правило, происходит сговор между группами (кликами), составляющими городскую верхушку. Тем самым исследование показало, что структура власти в Атланте и США в целом отвечает прежде всего интересам элиты, а не большинства населения. Концепция Ф. Хантера неоднократно подвергалась критике. Например, один из главных ее противников Р. Даль, придерживающийся плюралистических взглядов, утверждал, что политическая элита не может быть одновременно экономической и социальной, они, по его мнению, составляют отдельные группы элиты, обладающие своей сферой деятельности.

Следует отметить, что на данный момент российские исследователи накопили значительный опыт использования репутационного анализа на практике. Об этом говорят, например, составляемые по данным экспертных опросов списки наиболее влиятельных политиков России, которые публикуются в «Независимой газете». Совмещая эти списки с официальным перечнем политических руководителей, можно внести соответствующие коррективы в работу и тем самым уменьшить возможность ошибок. Такой

подход, например, был применен Э.Э. Буренковой при проведении исследования в 1993-1994 гг. Для анализа трансформации элит ею был использован сборник «Кто есть кто в России и ближайшем зарубежье» (1993), где представлены биографии около 1200 выдающихся людей в России и прежних союзных республиках. Из данного материала были отобраны биографии деятелей России, представители элитных групп из бывших республик, входивших в состав СССР, не рассматривались. В состав выборки вошли наиболее влиятельные государственные и общественные деятели России, дипломаты, военачальники, руководители СМИ, а также небольшое число предпринимателей и экономистов. Данная выборка была сопоставлена со списком 500 наиболее влиятельных фигур «Они делают политику России», который был опубликован в «Независимой газете» (02.12.1992). Далее проводилась сверка по следующим спискам: «100 ведущих политиков России» (Независимая газета, 01.11.1994), «100 ведущих политиков России в ноябре» (Независимая газета, 01.12.1994). В итоге для анализа Э.Э. Буренкова выделила следующие группы элиты: федеральную административную, федеральную политическую, военную, дипломатическую и региональную административно-политическую элиту [67, с. 5-6].

Слабость репутационного анализа состоит в его значительной субъективности, так как он дает сведения не столько о существующей иерархии власти, сколько о компетентности экспертов, на мнения которых прямым образом влияют степень их осведомленности, личные предпочтения, давление СМИ и другие факторы. Соответственно при смене состава экспертов результаты исследования окажутся уже несколько иными. Вместе с тем отметим, что анализ репутаций довольно успешно работает при выявлении состава элит. В качестве основных методов при данном подходе выступают экспертный опрос, экспертное интервью, в редких случаях массовый анкетный опрос.

При применении следующего подхода – анализа процесса принятия решений (или иначе функционального анализа) – политическая элита выявляется путем идентификации конкретных лиц, которые реально

принимают важнейшие стратегические решения. Одним из разработчиков данного подхода является Р. Путнэм. Достоинством подобного анализа является учет как прямого, так и косвенного влияния индивидов на процесс принятия решений. Тем не менее существуют определенные трудности в его использовании на практике. Дело в том, что при изучении широкого спектра элит и широкого диапазона решений такой анализ весьма трудно провести. Здесь потребуются хорошее знание области, в рамках которой принимаются решения, а также солидная информация о процессе их принятия и составе задействованных лиц (заметим, что их круг довольно широк: представители элиты, их окружение, советники, эксперты, спичрайтеры и др.). Дж. Домхофф справедливо отмечает: «Многие аспекты ситуации могут оставаться секретными, сами участники (процесса принятия решений) могут быть неспособны правильно оценить роли различных членов (инстанций, принимающих решений), «реальные» интересы участников сложны и запутанны и часто им самим невозможно их определить» [48, с. 211]. Кроме того, в связи с тем, что на практике анализируется лишь небольшое число решений, результаты исследования во многом зависят от выбора рассматриваемых проблем. Каждая социальная сфера (например, социальное обеспечение, оборона и т.д.) обычно имеет свой, отличный от других, круг лиц, принимающих решения. Соответственно, при анализе какой-либо одной группы решений можно выявить только узкоспециализированный слой элиты. Наконец, подобный метод применим лишь при анализе решений, уже вынесенных на обсуждение. Вне поля зрения остаются лица, непосредственно не участвующие в процессе принятия окончательного решения, но влияющие на формирование повестки дня предстоящего обсуждения.

Несмотря на существующие недостатки, данный подход считается наиболее эффективным при идентификации элиты. Он, например, был успешно использован одним из классиков плюралистического направления в элитологии политологом Робертом Аланом Далем (1915 г.р.) при изучении структуры власти в американском городе Нью-Хейвен (штат Коннектикут).

Основные выводы он изложил в широко известной работе под названием «Кто управляет?». В задачи его исследования входило определение лиц, принимающих решения по следующим вопросам: выдвижение кандидатов (от партий) на политические и административные должности, осуществление руководства городским планированием, а также народным образованием. Определив данных людей, Р. Даль обнаружил, что их состав, как правило, зависит от конкретной проблемы, которая подлежит рассмотрению. Например, выбор кандидатов на определенные позиции осуществлялся небольшими группами лидеров политических партий, в сфере реконструкции города наибольшее значение имели мэр и группа его экспертов [281]. Данный факт привел исследователя к выводу, что группы, имеющей решающее влияние на городскую политику, в целом нет, а значит нельзя говорить о наличии единой власти и элиты. Существует множество центров власти, включающих индивидов и целые группы, между которыми и распределены властные полномочия. Соответственно, в обществе существуют различные, конкурирующие между собой виды элит, в том числе политическая, экономическая, социальная, каждая из которых имеет собственную область деятельности. Поэтому структура политической власти в США, по мнению Р. Даля, представляет собой полиархию, которая в его трактовке означает «управление государством или городом многими, в противоположность монархии» [130, с. 39]. Именно она включает в себя данные центры власти и является воплощением современной модели демократии.

Основными методами при осуществлении анализа принятия решений являются: наблюдение, анализ документов (как официальных, так и неофициальных), эксперимент и др. Они позволяют получить некоторый доступ к данному, весьма закрытому для общественности процессу.

Таким образом, для идентификации политической элиты возможно использование трех основных подходов (методов): позиционного анализа, репутационного анализа и анализа участия в принятии важнейших стратегических решений. Каждый из перечисленных подходов имеет свои

достоинства и недостатки [385]. Поэтому большинство исследователей предпочитает применять их в своих работах комплексно, путем взаимодополнения. Наиболее надежными способами идентификации элиты, на наш взгляд, являются позиционный анализ и анализ принятия важнейших стратегических решений. Репутационный анализ в силу его значительной субъективности представляется нам недостаточно достоверным.

Использование структурно-функционального подхода, объединяющего в себе два указанных метода (позиционный анализ и анализ принятия важнейших стратегических решений), позволяет определить состав политической элиты России. К данной группе, на наш взгляд, относятся:

- 1) Президент Российской Федерации;
- 2) Президенты, Вице-президенты, главы республик в составе России, губернаторский корпус;
- 3) представители Администраций Президента, Правительства: руководители администраций и их заместители, начальники основных подразделений администрации и их заместители, политические советники;
- 4) полномочные представители Президента РФ в федеральных округах, главные федеральные инспекторы в регионах России;
- 5) лица, входящие в состав законодательных / представительных органов власти: члены Совета Федерации ФС РФ, депутаты Государственной Думы ФС РФ, депутаты региональных парламентов и представительных органов местного самоуправления (законодательных собраний, Народных Хуралов, городских Советов депутатов и т.д.), руководящий состав аппаратов законодательных / представительных органов власти;
- 6) должностные лица органов исполнительной власти – председатели правительств и их заместители, премьер-министры, министры и их заместители, руководители аппаратов правительств и их заместители, директора департаментов и их заместители, руководители федеральных и региональных служб, агентств, комитетов и других подразделений, их заместители;

7) представители российской дипломатии – министр иностранных дел РФ и его заместители, члены Коллегии министерства иностранных дел РФ, российские послы в различных странах мира, руководящий состав региональных представительств;

8) руководство Избирательной комиссии на федеральном и региональном уровнях – председатели, их заместители, секретари;

9) представители органов местного самоуправления – мэры и их заместители, руководители аппаратов администраций / мэрий городов и их заместители, советники мэров, главы районных администраций и их заместители, начальники основных структурных подразделений администраций / мэрий (комитетов, управлений, отделов и т.д.) и их заместители;

10) лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус.

Представленный состав политической элиты отражает структуру власти в Российской Федерации. На наш взгляд, лица, занимающие данные официальные должности в государственных институтах обладают значительным объемом политической власти, их позиция во властной вертикали обуславливает возможность принятия важнейших решений как на федеральном, так и на региональном уровнях. Отметим, что официальная должность в политических институтах власти и управления автоматически снимает вопрос о легитимности политической элиты. Представители бизнес-структур, религиозных конфессий, средств массовой информации, PR-структур, судебных и правоохранительных органов, известные общественные деятели и другие лица, на наш взгляд, не могут относиться к политической элите ввиду специфики своей сферы деятельности, не связанной профессионально с политикой, а также не соответствия указанным нами ранее признакам (критериям), присущим данной социальной группе. Их скорее можно назвать влиятельными акторами (группами). Особенно это касается финансово-промышленных групп и иных субъектов экономики, роль которых в нашем обществе значительно выросла: собственников,

совладельцев, руководителей, членов правлений, ответственных работников крупных экономических организаций (корпораций, компаний, банков, фондов, ассоциаций, акционерных обществ) и др. Также велико влияние и средств массовой информации, политических обозревателей, политологов, дающих оценку политическим событиям и процессам и формирующих в конечном итоге определенное общественное мнение. Однако, на наш взгляд, при идентификации политической элиты следует придерживаться узкого подхода и относить к ней только лиц, входящих в состав властных структур (занимающих в них ключевые должности), которые профессионально занимаются деятельностью в сфере управления государством и обществом, что обуславливает наличие у них значительного объема политической власти и, следовательно, возможности принимать важнейшие решения. В противном случае можно отнести к политической элите значительную часть населения нашей страны, что, естественно, не будет соответствовать истине.

Вместе с тем отметим, что исследования, посвященные изучению современной политической элиты России, указывают на факт наличия в ее составе экономических, военных, научных, религиозных и иных сегментов. Представители данных сфер все чаще занимают ключевые должности и пополняют состав федеральных и региональных парламентов, правительств и т.д. Особенно это касается бизнес-структур, силовых ведомств и отчасти научных учреждений. В данной связи можно констатировать, что современная российская политическая элита неоднородна по своему составу и представляет собой результат смешения различных социальных групп. Сегодня она состоит из виднейших и наиболее авторитетных представителей экономических кругов, гуманитарной и технической интеллигенции, силовых структур и других социально-профессиональных образований. Данные лица могут одновременно относиться и к политической, и экономической, и другим видам элит, что вносит определенную путаницу. Между тем применение вышеуказанных критериев, на наш взгляд, может помочь решению проблемы выявления политической элиты.

Для идентификации региональных политических элит, в том числе являющихся объектом нашего исследования, мы также используем структурно-функциональный подход. Представителем данной социальной группы является тот, кто занимает ключевую должностную позицию в государственных политических институтах управления, позволяющую концентрировать в своих руках значительный объем власти и принимать важнейшие для региона решения. Исходя из данных критериев, состав региональных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, на наш взгляд, выглядит следующим образом (названия должностей и институтов власти указаны на момент проведения исследования).

1. Республика Бурятия:

- 1) Президент Республики Бурятия;
- 2) представители Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия: руководитель администрации и его заместители, начальники основных структурных подразделений администрации и их заместители, политические советники;
- 3) главный федеральный инспектор в Республике Бурятия;
- 4) лица, входящие в состав законодательных / представительных органов власти: члены Совета Федерации ФС РФ и депутаты Государственной Думы ФС РФ от Республики Бурятия, депутаты Народного Хурала Республики Бурятия, депутаты Улан-Удэнского городского совета депутатов, руководство аппаратов Народного Хурала РБ и Улан-Удэнского городского совета депутатов;
- 5) должностные лица органов исполнительной власти – председатель правительства Республики Бурятия и его заместители, министры и их заместители, руководитель аппарата правительства и его заместители, руководители республиканских агентств, служб, управлений и их заместители;
- 6) представители республиканской дипломатии;

7) руководство Избирательной комиссии Республики Бурятия - председатель, заместитель председателя, секретарь; а также городской избирательной комиссии;

8) представители органов местного самоуправления – мэр г. Улан-Удэ РБ и его заместители, руководитель аппарата администрации города и его заместители, главы администраций районов г. Улан-Удэ, Республики Бурятия и их заместители, начальники основных подразделений администрации г. Улан-Удэ (комитетов, управлений и т.д.) и их заместители;

9) лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус.

II. Республика Саха (Якутия):

1) Президент Республики Саха (Якутия);

2) Вице-президент Республики Саха (Якутия);

3) представители секретариата Президента РС (Я) и Вице-президента РС (Я) (руководители, их заместители, аппарат советников и помощников);

4) должностной состав Администрации Президента и Правительства РС (Я): руководитель администрации и его заместители, начальники основных структурных подразделений администрации и их заместители;

5) главный федеральный инспектор в Республике Саха (Якутия);

6) лица, входящие в состав законодательных / представительных органов власти: члены Совета Федерации ФС РФ и депутаты Государственной Думы ФС РФ от Республики Саха (Якутия), депутаты Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), депутаты Якутской городской Думы, руководство аппаратов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) и Якутской городской Думы;

7) должностные лица органов исполнительной власти – председатель правительства Республики Саха (Якутия) и его заместители, министры и их заместители, руководитель аппарата правительства и его заместители, руководители республиканских комитетов, департаментов, управлений и т.д. и их заместители;

8) представители республиканской дипломатии;

9) руководство Избирательной комиссии Республики Саха (Якутия) - председатель, заместитель председателя, секретарь; а также муниципальной избирательной комиссии;

10) представители органов местного самоуправления – глава городского округа «город Якутск» и его заместители, советники главы, руководитель аппарата мэрии города и его заместители, главы управ округов, администраций пригородов и т.д., их заместители, начальники основных структурных подразделений (комитетов, департаментов, управлений и т.д.) и их заместители;

11) лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус.

III. Республика Тыва

1) Председатель Правительства Республики Тыва и его заместители;

2) представители Администрации Правительства РТ: руководитель администрации и его заместители, начальники основных структурных подразделений администрации и их заместители, политические советники;

3) главный федеральный инспектор в Республике Тыва;

4) лица, входящие в состав законодательных / представительных органов власти: члены Совета Федерации ФС РФ и депутаты Государственной Думы ФС РФ от Республики Тыва, депутаты Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва, депутаты Палаты Представителей Великого Хурала Республики Тыва, депутаты Кызылского городского хурала представителей, руководство аппаратов Великого Хурала РТ и Кызылского городского хурала представителей;

5) должностные лица органов исполнительной власти – министры и их заместители, руководитель аппарата правительства РТ и его заместители, руководители республиканских комитетов, агентств, служб, управлений и их заместители;

6) представители республиканской дипломатии;

7) руководство Избирательной комиссии Республики Тыва - председатель, заместитель председателя, секретарь; а также муниципальной избирательной комиссии;

8) представители органов местного самоуправления – мэр г. Кызыл РТ и его заместители, руководитель аппарата мэрии города и его заместители, главы республиканских органов МСУ и их заместители, начальники основных структурных подразделений (департаментов, управлений, отделов и т.д.) и их заместители;

9) лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус.

Состав политических элит данных республик отражает формальную структуру региональных политических институтов власти. В него включены представители исполнительных, законодательных / представительных, муниципальных органов власти, а также Избирательных комиссий, республиканской дипломатии, политических партий и движений.

Итак, региональные политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва в представленном составе являются объектом нашего исследования. Выбор данных регионов обуславливался следующими основными причинами:

I. Республики Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва являются полиэтническими регионами. В отличие от условно моноэтнических субъектов России (где русские составляют более 90% от всего населения) в данных республиках доля русских менее 70% от населения, что, по мнению исследователей, является чертой полиэтнических регионов [385]. В них компактно проживают различные крупные с точки зрения численности этнические общности, являющиеся носителями самобытной культуры. Приведем данные Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г., касающиеся национального состава изучаемых регионов:

а) В Республике Бурятия проживают представители более 160 национальностей, из них наиболее многочисленными в 2002 г. являлись: русские – 665,5 тыс. чел. (67,8%), буряты – 272,9 тыс. чел. (27,8%), украинцы

– 9,6 тыс. чел. (0,98%), татары – 8,2 тыс. чел. (0,83%); в 2010 г.: русские – 630,7 тыс. чел. (66,05%), буряты – 286,8 тыс. чел. (30,04%), украинцы – 5,6 тыс. чел. (0,59%), татары – 6,8 тыс. чел. (0,71%) [600].

б) В Республике Саха (Якутия) проживают представители более 120 национальностей, среди которых наиболее многочисленными в 2002 г. являлись якуты (саха) - 432,3 тыс. чел. (45,5%), русские - 390,7 тыс. чел. (41,2%) , украинцы - 34,6 тыс. чел. (3,6%), эвенки - 18,2 тыс. чел. (1,9%), эвены - 11,7 тыс. чел. (1,2%). Отметим также значительную численность представителей таких национальностей, как татары - 10,8 тыс. чел. и буряты - 7,3 тыс. чел. [346, с. 7-8]. В 2010 г. якуты (саха) составили 466,4 тыс. чел. (49,9%), русские - 353,6 тыс. чел. (37,8%), украинцы - 20,3 тыс. чел. (2,2%), эвенки - 21,0 тыс. чел. (2,2%), эвены - 15,0 тыс. чел. (1,6%) [601].

в) В Республике Тыва проживают представители более 110 национальностей. Наиболее многочисленными в 2002 г. являлись: тувинцы – 235,3 тыс. чел. (77%), русские – 61,4 тыс. чел. (20,1%), коми – 1,4 тыс. чел., хакасы – 1,2 тыс. чел., украинцы – 0,8 тыс. чел., татары, киргизы, армяне – по 0,5 тыс. чел., буряты – 0,4 тыс. чел. [596]; в 2010 г.: тувинцы – 249,2 тыс. чел. (82,0%), русские – 49,4 тыс. чел. (16,3%), другие национальности – 5,1 тыс. чел. (1,7%) [604].

Этнически неоднородный состав регионов, сосуществование и тесное взаимодействие разнообразных культур, традиций, обычаев, религий оказали значительное влияние на образ жизни, менталитет, ценностные ориентации населения, развитие различных социальных сфер, в том числе и политики.

II. Регионы отличаются значительной удаленностью от центральных районов России, и поэтому они не находятся в фокусе внимания федерального центра, что обуславливает появление определенной специфики в республиканских политических процессах;

III. Для республик характерны экстремальные природно-климатические условия, недостаточно развитая социально-экономическая инфраструктура, невысокая степень бюджетной самостоятельности. Поэтому они, как правило, зависят от финансовых средств, поступающих из федерального

центра, что существенно влияет на динамику развития данных территорий. Соответственно, регионы находятся в процессе интенсивного поиска оптимальных путей развития.

Исследование политических элит данных республик мы начинаем с нач. 1990-х гг., когда произошли кардинальные для страны перемены: распад СССР, крушение политической и экономической систем, становление новых институтов власти и т.д. Именно в этот исторический период формируется новая постсоветская политическая элита. Завершена работа в 2013 году.

При изучении региональных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва применялись различные методы исследования. Для сбора эмпирической информации в качестве основного метода был использован анкетный опрос. Необходимая информация нами получена с помощью анкеты, которая включала в себя три группы вопросов:

- отношение к современному развитию Российской Федерации: содержались вопросы, направленные на раскрытие состояния экономической, социальной и политической сфер нашего общества;
- региональная группа вопросов, целью которых было раскрытие основных тенденций развития изучаемых республик на современном этапе;
- вопросы, касающиеся индивидуальных характеристик респондентов.

В анкете, как правило, содержались закрытые и полужакрытые виды вопросов. Вместе с тем анкетироваемым предлагались и открытые виды вопросов, например, для сообщения некоторых социально-демографических данных: названий учебных заведений, в которых проходило их обучение, вида полученного образования, указания национальности и т.д. Также они использовались для получения дополнительной информации по вопросам, что достигалось путем предоставления респондентам возможности высказать собственное мнение по различным проблемам. Отметим, что заполнение анкеты предполагало сохранение анонимности респондента.

Помимо традиционного выбора одного, либо двух-трех вариантов ответов, в анкете были представлены вопросы и суждения, касающиеся различных сфер общественной жизни, на которые предлагалось ответить по

следующей четырехбалльной шкале: «полностью удовлетворяет / согласен», «скорее удовлетворяет / согласен», «полностью не удовлетворяет / не согласен», «скорее не удовлетворяет / не согласен». Подобный подход, на наш взгляд, позволяет лучше понять оттенки того или иного мнения респондента: степень его согласия / несогласия с утверждением, наличие либо отсутствие сомнения по какому-либо вопросу, что крайне важно для осуществления качественного анализа эмпирического материала.

При составлении анкеты учитывалось, что респонденты являются квалифицированными специалистами не только в своей сфере деятельности, но и в различных областях социальной жизни, обладают хорошим образованием и широким кругозором. Поэтому предлагаемые вопросы касались различных, в том числе и узкоспециализированных проблем. Причем иногда встречались довольно сложные формулировки вопросов и вариантов ответов (например, в экономическом разделе анкеты).

В ходе исследования было реализовано два анкетных опроса:

1) В 2004 г. осуществлен опрос политической элиты Республики Бурятия при помощи разработанной диссертантом анкеты «Бурятия: прошлое, настоящее, будущее», в которой был частично использован инструментарий исследования, проведенного в апреле-июне 1998 г. группой политической социологии Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН под руководством А.В. Дуки [441]. Генеральная совокупность исследования составила 310 человек, в выборочную совокупность вошли 195 представителей политической элиты. Для проведения анализа было отобрано 176 анкет, 19 были признаны нами непригодными для использования, так как при их заполнении респонденты допустили ряд ошибок и неточностей.

2) За период с сентября 2009 г. по февраль 2010 г. проведен опрос представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Цифровое соотношение по регионам:

а) Республика Бурятия

Генеральная совокупность исследования – 326 человек;

Выборочная совокупность исследования – 218 человек;

Для анализа отобрано – 204 анкеты (14 анкет не пригодны для анализа);

Состав респондентов:

- Представители исполнительных органов власти (для проведения анализа в данную группу включены также должностные лица Избирательной комиссии Республики Бурятия и республиканской дипломатии ввиду их малочисленности и относительному сходству выполняемых государственных функций) – 70 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «исполнительная элита»);
- Представители законодательных / представительных органов власти (в группу вошли лица, входящие в состав Народного Хурала Республики Бурятия и Улан-Удэнского городского совета депутатов – оба института включают людей, являющихся народными избранниками. Лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус, находятся в числе депутатов Народного Хурала РБ) – 56 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «законодательная / представительная элита»);
- Представители местных / муниципальных органов власти – 78 чел. (при анализе обозначаются как «муниципальная элита»).

б) Республика Саха (Якутия)

Генеральная совокупность исследования – 385 человек;

Выборочная совокупность исследования – 203 человека;

Для анализа отобрано – 194 анкеты (9 анкет не пригодны для анализа);

Состав респондентов:

- Представители исполнительных органов власти (для проведения анализа в данную группу включены также должностные лица Избирательной комиссии Республики Саха (Якутия) и республиканской дипломатии ввиду их малочисленности и относительному сходству выполняемых государственных функций) – 72 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «исполнительная элита»);

- Представители законодательных / представительных органов власти (в группу вошли лица, входящие в состав Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Якутской городской Думы – оба института включают людей, являющихся народными избранниками. Лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус, находятся в числе депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС/Я) – 68 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «законодательная / представительная элита»);

- Представители местных / муниципальных органов власти – 54 чел. (при анализе обозначаются как «муниципальная элита»).

в) Республика Тыва

Генеральная совокупность исследования – 361 человек;

Выборочная совокупность исследования – 197 человек;

Для анализа отобрано – 178 анкет (19 анкет не пригодны для анализа);

Состав респондентов:

- Представители исполнительных органов власти (для проведения анализа в данную группу включены также должностные лица Избирательной комиссии Республики Тыва и республиканской дипломатии ввиду их малочисленности и относительному сходству выполняемых государственных функций) – 58 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «исполнительная элита»);

- Представители законодательных / представительных органов власти (в группу вошли лица, входящие в состав Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва, Палаты Представителей Великого Хурала Республики Тыва и Кызылского городского хурала представителей – все институты включают людей, являющихся народными избранниками. Лидеры политических партий и движений, имеющих парламентский статус, находятся в числе депутатов Великого Хурала РТ) – 64 чел. (при анализе эмпирического материала обозначаются как «законодательная / представительная элита»);

- Представители местных / муниципальных органов власти – 56 чел. (при анализе обозначаются как «муниципальная элита»).

Идентификация персоналий проводилась с помощью случайной стратифицированной выборки на основе информации специализированных справочников и сборников (например, «Самые влиятельные люди России-2003» [456], «Кто есть кто в Республике Саха (Якутия)» [255]), материалов web-сайтов региональных органов власти, данных средств массовой информации, анализа официальных документов. В выборке каждого региона представлены все определенные нами должностные лица, входящие в состав политической элиты (их общее число зафиксировано в генеральной совокупности, составленной непосредственно диссертантом), что позволяет говорить о репрезентативности исследования. Отметим, что объем выборки определялся отдельно по каждому виду политической элиты (исполнительной, законодательной / представительной, муниципальной), полученные цифры в дальнейшем были суммированы, а общее число отражено в выборочной совокупности исследования.

К участникам анкетного опроса, учитывая преимущественно закрытый характер многих учреждений, являющихся местом работы респондентов, мы обращались, как правило, официально через информационные письма, направляемые в республиканские органы власти. Данный процесс, безусловно, достаточно длителен и часто связан с бюрократической волокитой, необходимостью осуществлять поиск ответственных за исполнение документа лиц и другими трудностями. Однако он наиболее эффективен при изучении столь закрытой социальной группы как политическая элита, которая довольно настороженно относится к любым исследованиям и попыткам приоткрыть «завесу» над их жизнью и крайне неохотно идет на контакт. Поэтому та большая помощь, которую оказали диссертанту информационно-аналитические управления, организационные отделы и конкретные исполнители различных институтов власти республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва была крайне важна и необходима для нашей работы. Вместе с тем довольно часто сталкиваясь с занятостью, а иногда и с

понятным нежеланием исполнителей оказывать организационное содействие в проведении исследования, которое в основном было связано с весьма неудобной ситуацией, обязывающей рядовых работников обращаться к своим руководителям и настаивать на заполнении анкеты, соискатель самостоятельно налаживал контакты с представителями политических элит. Отметим, что личные просьбы принять участие в исследовании являлись наиболее плодотворными при осуществлении анкетирования. Как правило, респонденты понимали важность научной работы и охотно соглашались отвечать на предложенные вопросы. Особенно это касается представителей политических элит Саха (Якутии) и Тывы, которые гораздо лучше, чем должностные лица Бурятии, принимали участие в анкетировании и относились к тому же более отзывчиво и доброжелательно. Заметим, что всем участникам анкетного опроса гарантировалась абсолютная конфиденциальность, которая и была полностью соблюдена в исследовании. Учитывая большие затруднения, имеющиеся в получении доступа к первым лицам республик, а иногда даже и к руководителям среднего звена, и невозможность личного общения с ними, а только наличие опосредованной коммуникации через помощников, в значительной степени опрашивались доступные диссертанту представители политических элит. Заполнение анкеты длилось, в зависимости от занятости респондента, от одного часа до нескольких дней. Заметим, что в процессе работы с анкетой иногда допускались некоторые ошибки / неточности, например, часто встречались следующие: выбор большего количества вариантов ответов, чем было допустимо; частичное / неполное заполнение анкеты; предпочтение варианта «затрудняюсь ответить» на подавляющее большинство вопросов анкеты. Данные моменты крайне затрудняли проведение анализа эмпирического материала и стали причинами признания анкет непригодными для работы. Исследователи отмечают, что последняя неточность, отмеченная нами при заполнении анкеты, объясняется страхом опрашиваемых перед опросом: «степень скрытности респондентов в России гораздо выше, чем в других странах. Сказывается боязнь, что спрашивающий его человек может

оказаться представителем власти и твой отказ отвечать может обернуться реакцией со стороны властей. Поэтому респондент старается скрыть свои взгляды, пристрастия, выбирая либо нейтральный ответ типа «еще не определился», «затрудняюсь ответить», либо ответ, который будет выглядеть «прилично» в глазах власти. Характерно, что такое поведение типично для образованных людей» [144, с. 389]. Представляется, что данная формулировка в полной мере относится к представителям политической элиты, степень скрытности которых гораздо выше, чем лиц из других социальных групп. Заметим, что в ходе анкетного опроса нам часто приходилось сталкиваться с ситуациями отказа и уклонения высокопоставленных персон от анкетирования.

В целях выявления наиболее существенных и важных аспектов исследуемой проблемы, повышения надежности, достоверности, обоснованности полученной информации и формулировки объективных выводов были проведены 24 экспертных интервью в трех изучаемых регионах: Республике Бурятия, Республике Саха (Якутия) и Республике Тыва. В качестве экспертов выступили компетентные представители политических элит, научной интеллигенции, партий и общественных объединений, работники структурных подразделений институтов власти, непосредственно занимающиеся кадровой политикой и подбором должностных лиц. В процессе интервьюирования экспертам было задано около двадцати заранее подготовленных вопросов по различным сферам социальной жизни. В зависимости от полноты и глубины ответов интервьюируемых беседа длилась в среднем 1-2 часа. Поэтому, учитывая большую занятость респондентов, заранее определялось место и время проведения интервью. Фиксация ответов осуществлялась интервьюером в письменной форме, без применения технических средств, что придавало беседе относительно свободный характер. Мнения экспертов помогли получить более подробную информацию о динамике развития республик, специфике республиканского политического процесса, особенностях функционирования региональных политических элит, основных проблемах и

перспективах развития регионов и др. Ответы респондентов представляли для нас большую ценность и были очень необходимы в нашей работе. Заметим, что интервьюируемым гарантировалась абсолютная конфиденциальность, которая и была нами полностью соблюдена.

При изучении региональных политических элит осуществлялся сбор первичной информации путем прямой регистрации событий и условий, в которых они произошли. Тем самым в исследовании использовался метод наблюдения, который позволил получить дополнительную информацию различного характера, в том числе о специфике функционирования представителей политических элит, стиле их поведения, уровне компетентности, взаимоотношениях внутри данной группы и с другими социальными группами, реальном влиянии отдельных индивидов на процесс принятия важнейших решений и др. Наблюдение было подчинено сформулированным цели и задачам исследования. Оно не носило систематического характера, осуществлялось в процессе проведения анкетирования, экспертных интервью, посещения сессий региональных законодательных / представительных органов власти и т.д. Полученные данные постоянно фиксировались в письменной форме и в дальнейшем включались в работу.

В исследовании применялся также и сравнительный метод. Как указывают В.Н. Лавриненко и Л.М. Путилова, «объектами сравнительного анализа могут стать общественные процессы – экономические, политические, идеологические и другие, равно как и их составляющие, в том числе субъекты этих общественных процессов: классы, нации, другие социальные группы, различные элиты, отдельные личности, а также многообразные социальные институты» [267, с. 46]. В нашей работе при анализе эмпирического материала осуществлялось сравнение региональных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва по социально-демографическим параметрам (средний возраст, уровень образования, социальное происхождение и т.д.), процессу рекрутирования элит, ценностным ориентациям и др. Полученные данные сопоставлялись с

общероссийскими показателями. Сравнительный материал позволил получить более полную картину эволюции политических элит в России, а также выявить специфику этого процесса на региональном уровне.

Следующий метод, используемый в нашем исследовании, – качественный анализ документов по изучаемой проблеме. В.А. Ядов отмечает, что «документальной в социологии называют любую информацию, фиксированную в печатном или рукописном тексте, на магнитной ленте, на фото-, кино- или видеопленке, дискете» [561, с. 185]. В качестве источников информации для нас послужили: публикации в научных и специализированных журналах, статьи в периодической печати, монографии, официальные документы, законодательные акты, справочники, материалы web-сайтов, статистические данные и др. Важные сведения также были получены из биографических справок представителей политической элиты, которые были проанализированы нами по следующим индикаторам: пол, возраст, дата и место рождения, образование и его профиль, вид и место нахождения вуза, наличие ученой степени, начало трудовой деятельности, занимаемая должность и др. Анализ документов позволил определить базовые понятия элитологии, проследить эволюцию теории элит, осуществить вторичный анализ данных социологических исследований, ввести в научный оборот новые, основанные на официальных биографических справках, сведения и др.

В настоящую работу включены материалы исследования, проведенного сотрудниками ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет» совместно с Российским институтом ситуационного анализа и новых технологий «ИСАНТ», по проекту «Самые влиятельные люди России – 2003» [456] с публикацией материалов по теме «Рейтинг влиятельных лиц в политике и экономике Республики Бурятия» (срок работы 2001-2003 гг.). Руководитель научно-исследовательской группы БГУ – кандидат исторических наук, доцент Б.П. Крянев. Диссертант принимал непосредственное участие в аналитическом проекте при составлении данных по Республике Бурятия и выступал в роли эксперта.

Целью проекта было определение наиболее влиятельных лиц в 66 регионах России, которые непосредственно участвуют в принятии ключевых политических и экономических решений на региональном уровне. При определении влиятельности лиц учитывались следующие факторы:

1) Объем контролируемых властных ресурсов – характеризует степень контроля над деятельностью органов исполнительной, законодательной и судебной власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления. Принимались во внимание следующие моменты: уровень занимаемой должности в органах исполнительной, законодательной и судебной власти; степень влияния на деятельность структур исполнительной, законодательной и судебной власти, а также силовых структур; степень доступа к административному ресурсу как возможности использования действенных рычагов власти и административно-экономических механизмов давления;

2) Объем контролируемых экономических ресурсов. Принимались во внимание следующие моменты: участие в распределении и контроле финансовых потоков; владение, доступ или распоряжение собственностью, капиталом, пакетами акций, финансовыми (в том числе бюджетными) средствами;

3) Личностные качества;

4) Объем и эффективность связей во властных и бизнес-структурах. Принимались во внимание следующие моменты: количество связей (контактов); весомость связей (контактов); качество связей (связи через третьих лиц, на уровне знакомства, дружеские или родственные связи с влиятельными лицами); результативность связей, то есть реальные возможности лоббирования собственных интересов или интересов группы, к которой данное лицо принадлежит;

5) Степень контроля над влиятельными организациями (партиями, движениями, профсоюзами, местными религиозными объединениями и др.). Здесь учитывались, с одной стороны, влиятельность самой организации, стоящей за тем или иным лицом, а с другой – уровень контроля

оцениваемого лица над этой организацией и, следовательно, возможности использования ее в качестве ресурса собственного влияния;

б) Степень контроля над средствами массовой информации. Учитывалась не только степень контроля влиятельным лицом региональных СМИ и Интернет-изданий, но также значение и известность самих изданий;

7) Общий уровень влиятельности. В данном случае учитывалась способность человека создавать общее представление (мнение) об объекте, целостный образ предмета, лишенный детализации [456, с. 12-13].

В ходе исследования каждому эксперту предлагалось определить, в какой из предложенных для оценки сфер деятельности – политике или экономике – то или иное лицо является влиятельным в большей степени. Допускалось, что влияние человека может проявляться как в одной из рассматриваемых социальных сфер, так и в обеих одновременно. Бизнес и политика в современной России настолько взаимосвязаны, что достаточно трудно провести четкую границу между ними. В соответствии с принятым решением эксперта заполнялись графы анкеты: «Лицо, влиятельное в экономике» и / или «Лицо, влиятельное в политике».

Лица, влиятельные в политике – группа включает высший эшелон административно-политической бюрократии, аффилированной с различными ветвями и уровнями власти; публичных политиков, не входящих во властные структуры; лидеров и активистов политических партий; общественных деятелей и другие фигуры политического влияния.

Лица, влиятельные в экономике – в состав группы вошли банкиры, промышленники, предприниматели (как владельцы, так и представители топ-менеджмента), а также должностные лица властных и иных структур, принимающие ключевые решения в области экономики [456, с. 16].

Затем эксперт переходил к квалифицированной оценке (по пятибалльной шкале) указанных лиц по каждому из критериев влиятельности. Результаты экспертного опроса были сведены в рейтинговые таблицы (*см. приложение II*).

Итак, перечисленные методы познания способствовали получению необходимого материала для изучения региональных политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Отметим, что для исследования процессов, происходящих в недрах политической элиты, необходимо также накопление обширной базы данных, содержащей информацию как о важнейших политических событиях, так и о конкретных должностных лицах. Например, крайне важно иметь сведения биографического характера, постоянно дополняющиеся подробностями карьерных изменений отдельных персон. Доступные материалы не всегда обширны и объективны, как правило, они формируются из устных автобиографий, противоречивых фактов предвыборных кампаний и сомнительной PR-информации.

Таким образом, региональные политические элиты являются главными субъектами политического процесса на уровне определенной территории. Именно от их профессионализма, квалифицированных решений и действий в большей степени зависит благополучие конкретного региона. Изучение данной социальной группы, как показал проведенный нами анализ, связано со значительными трудностями как теоретического, так и практического характера. Наибольшее затруднение вызывает базовый для элитологии вопрос определения границ региональных политических элит (как, впрочем, и всей элиты в целом). Предлагаемые подходы для идентификации элиты недостаточно совершенны, как отмечалось, они имеют свои достоинства и недостатки. Использование их на практике, ввиду различия применяемых процедур, не приводит к четкому единообразному определению состава элитных групп и вносит большую путаницу в данный вопрос. В этой связи исследователи самостоятельно решают задачу по выявлению состава элиты, причем иногда произвольно и не всегда научно обоснованно. Перечисленные моменты существенно затрудняют изучение политических элит, в том числе и на региональном уровне. Вместе с тем, безусловно, следует учитывать, что научная разработка элитологической проблематики как в России, так и за рубежом началась сравнительно недавно и решение данных вопросов, вероятно, является делом ближайшего будущего.

Глава II. Эволюция региональных политических элит в условиях трансформации российского общества

2.1. Динамика социального статуса региональных политических элит

В постсоветский период наблюдаются значительные изменения в статусе региональных политических элит. Существовавшая в СССР централизованная система власти обеспечивала подконтрольность представителей данной социальной группы. Региональные лидеры (например, первые секретари республиканского или областного комитетов партии), обладавшие большим объемом властных полномочий в пределах своих территорий, находились в зависимости от центрального партийного руководства и были обязаны выполнять его решения. В результате переломных событий начала 1990-х годов положение кардинальным образом изменилось, региональные элиты стали влиятельными субъектами российского политического процесса. На наш взгляд, можно выделить три этапа в динамике социального статуса региональных политических элит, которые соответствуют хронологии взаимоотношений центра и регионов.

I этап – 1990-1992 гг., характеризуется резким и значительным повышением статуса и роли лиц, причастных к управлению регионами. Данным переменам, на наш взгляд, способствовал ряд факторов.

Важнейшим из них является системный кризис, охвативший фактически все сферы советского общества. К моменту прихода к власти М.С. Горбачева в стране существовал комплекс социально-экономических, политических и иных проблем, которые требовали незамедлительного решения. Не претендуя на полное раскрытие всех обстоятельств, способствующих появлению системного кризиса, вкратце рассмотрим состояние внутренней политики в последние годы существования СССР, что позволит лучше понять причины дальнейших трагических событий в истории нашей страны и проследить процесс повышения статуса региональных политических элит.

Серьезные затруднения в этот период наблюдались в области экономики. Темпы экономического роста, неуклонно снижаясь (*см. таблицу*

№ 1 в приложении I), достигли критических пределов к 1982 г.: по валовому общественному продукту – 3,3%, по производительности общественного труда – 2,9% [482, с. 10]. Главная причина замедления экономического развития, по мнению экономических аналитиков того времени, заключалась в том, что «его сдерживали рамки экстенсивного типа воспроизводства, возможности которого в основном уже были исчерпаны» [482, с. 13]. Ситуация усугублялась ведением военных действий в Афганистане, на которые направлялось 40% всех ресурсов страны, чередой чрезвычайных происшествий (например, авария в Чернобыле, землетрясение в Армении), ликвидация которых также требовала значительных денежных средств. Для страны, стабильно развивавшейся в основном за счет экспорта сырья, судьбоносным стало падение цен на нефть осенью 1985 г. Оно нанесло непоправимый ущерб советской экономике и привело к острой нехватке валютных средств, что в свою очередь обусловило сокращение закупок товаров народного потребления за рубежом. В этих условиях руководство страны в 1985 г. приступило к реализации программы по радикальному обновлению советского общества, получившей название «перестройка», в рамках которой предполагалось провести ряд реформ, в том числе и в экономической сфере, где были поставлены следующие задачи: «1. Повышение экономической самостоятельности государственных предприятий. 2. Развитие частной инициативы и предпринимательства в тех сферах, где оно было «социально оправданным». 3. Привлечение иностранных инвестиций путем создания совместных предприятий» [528]. В данный период были приняты важнейшие законодательные акты: «Об индивидуальной трудовой деятельности» (19.11.1986), «О государственном предприятии» (30.06.1987) – закон предоставлял предприятиям и трудовым коллективам значительную самостоятельность в выборе партнеров, закупке сырья, реализации продукции и т.д., «О кооперации в СССР» (26.05.1988) и др., которые, несмотря на наличие некоторых прогрессивных моментов, внесли ещё большую нестабильность в советскую экономику. Преобразования затронули и аграрный сектор: «на мартовском (1989)

пленуме ЦК КПСС было решено отказаться от сверхцентрализованного управления агропромышленным комплексом, распустить созданный в 1985 г. Госагропром СССР, а также свернуть борьбу с личным подсобным хозяйством, развернутую в 1986-1987 гг. «...» Отныне признавалось равенство пяти форм хозяйствования на земле: совхозов, колхозов, агрокомбинатов, кооперативов, крестьянских (фермерских) хозяйств» [528]. В 1990 г., с целью перехода к рынку большинства отраслей народного хозяйства, постановлением Верховного Совета СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» была провозглашена модель «регулируемого рынка», предполагавшая сочетание плана и рынка в сфере экономики. Для ее реализации к лету 1991 г. были приняты более 100 законов, постановлений и указов. Однако инициированные советской политической элитой изменения в экономической сфере не достигли ожидаемого эффекта. С 1989 г. начинается падение национального дохода, рост цен на товары народного потребления, усиливается их дефицит. Значительно усугубила сложившуюся ситуацию денежная реформа 1991 г., вызвавшая многократное повышение цен и потерю банковских сбережений граждан. Результатами кардинальных и необдуманных экономических реформ стали: падение темпов развития экономики, рост недовольства в обществе, волна забастовок и, самое главное, активизация деятельности контрэлиты в лице руководства РСФСР. Тем самым экономический кризис способствовал появлению кризиса политического, для которого, заметим, также была подготовлена благоприятная почва.

Существовавшие и до прихода к власти М.С. Горбачева негативные моменты в политической сфере обострились в результате проведения ряда политических преобразований, которые были направлены на укрепление союзного руководства, что, согласно стратегии политической элиты, позволило бы эффективно бороться с центробежными тенденциями в стране. Отметим, что с лета 1987 г. наблюдался рост сепаратистских настроений, вылившийся в организованные национальные движения в Крыму, Нагорном Карабахе, Грузии, Эстонии, Латвии, Литве и других регионах. На XIX

Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся 28 июня – 1 июля 1988 г., были приняты важнейшие решения, в числе которых реформирование системы Советов и совмещение должностей председателей Советов и первых секретарей соответствующих партийных комитетов. В октябре 1988 г. М.С. Горбачев стал одновременно и Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума ВС СССР, что позволило ему контролировать всю партийно-государственную власть. В результате корректировки в ноябре 1988 г. Конституции СССР подверглась существенному изменению система советских органов власти. Основным законом также включил важнейшие положения, касающиеся разделения ветвей власти, избирательной системы (получил закрепление принцип альтернативных выборов, прямые выборы Верховного Совета СССР заменялись двухступенчатыми с обязательным ежегодным обновлением его состава на 1/5) и др. Отметим, что процесс внесения дополнений в Конституцию СССР продолжился и позже.

В декабре 1988 г. был принят закон «О выборах народных депутатов СССР». Документ предусматривал избрание 2250 депутатов в следующем порядке: «750 депутатов – от территориальных избирательных округов с равной численностью избирателей; 750 депутатов – от национально-территориальных избирательных округов по нормам: 32 депутата от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и один депутат от каждого автономного округа; 750 депутатов – от общесоюзных общественных организаций» [225]. Для последней группы депутатов были установлены следующие нормы: по 100 чел. от КПСС, ВЛКСМ, кооперативных организаций и профсоюзов; по 75 чел. от других общественных организаций и их объединений [239, с. 109]. Положения о народных депутатах СССР, в том числе и о процедуре их избрания, закреплены в тексте Конституции СССР. В марте-июне 1989 г. на основе нового законодательства были избраны народные депутаты СССР. Отметим, что данные выборы существенно обновили состав советской политической элиты. Впервые к власти были допущены так называемые «диссиденты» и «молодые

реформаторы», которые сыграли свою роль в истории нашей страны. По замечанию О.В. Крыштановской, первые подорвали идеологические основы советской власти, а вторые образовали костяк новой власти [239, с. 113]. Тем самым выборы народных депутатов СССР 1989 г. стали переломным моментом в процессе эволюции политической элиты.

14 марта 1990 г. под влиянием ряда причин (необходимости стабилизации внутривластного положения в стране, экономического кризиса и др.) был принят важный закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». Как известно, Президентом СССР был избран М.С. Горбачев. Одним из результатов введения института президентства стала ликвидация статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС и введение положения о многопартийности. Дальнейшие действия и законодательные акты были направлены на усиление власти Президента СССР. Например, закон «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны», принятый 24 сентября 1990 г., наделил Президента правом законодательства по вопросам, относящимся к компетенции Верховного Совета СССР. В к. 1990 г. на смену упраздненному Совету министров СССР пришел формируемый Президентом СССР Кабинет министров, выступающий в роли исполнительного и распорядительного органа. Постепенно формировались необходимые должности и структуры: введен пост вице-президента СССР, созданы Совет безопасности, Совет Федерации и т.д. Все эти меры, по мнению союзного руководства, должны были остановить наметившиеся к тому времени центробежные тенденции.

Кроме изменения структуры власти, М.С. Горбачев выступил с инициативой сокращения громоздкого и неповоротливого бюрократического аппарата, которая вызвала широкую поддержку общественности. В результате были одновременно распущены второстепенные министерства, а аппарат оставшихся значительно сокращен. Фактически за один год численность служащих центральных министерств была сокращена с 1,7 до 0,7 млн. человек [528]. Данный момент привел к резкому уменьшению

количественного состава политической элиты и, естественно, к серьезным управленческим проблемам, что, в свою очередь, вело к кризису всей системы власти СССР.

Помимо данных реформ в этот период были сделаны существенные шаги в сторону демократизации общества и придания системе некоторой открытости: провозглашен принцип гласности (характерными лозунгами того времени были: «Больше гласности, больше социализма!», «Гласность нам нужна, как воздух!»), появились независимые средства массовой информации, начавшие бурную полемику вокруг волновавших людей проблем, существовала реальная возможность создания политических партий и движений, которой, как известно, воспользовалась, в первую очередь, контрэлита. Теперь она могла абсолютно легитимно отстаивать свои политические позиции и бороться за их реализацию. Безусловно, демократизация нужна, но насколько предпринятые советской политической элитой меры были необходимы в то время – вопрос спорный. На наш взгляд, они только усугубили и без того сложную ситуацию в стране.

В литературе часто высказываются вполне справедливые мнения, что действия руководства страны в тот непростой период отличались крайней непоследовательностью и необдуманностью. Ю.Г. Коргунюк отмечает: «какая-то часть чиновничества, включая высшее руководство страны, в своем стремлении к переменам была вполне солидарна с контрэлитой, какая-то, напротив, требовала остановить «отход от принципов». Подавляющее же большинство, понимая, что изменений не избежать, плохо представляло, в каком направлении идет развитие, и просто плыла по течению (именно к этому большинству относился и сам Горбачев). Критики тогдашних руководителей страны справедливо утверждают, что ни сам Горбачев, ни его соратники не имели четкого плана преобразований. Действительно, власть, чувствуя себя бессильной в условиях все углубляющегося кризиса, более всего была озабочена тем, чтобы укрепить собственное положение. Для этого она и шла на меры, которые, по ее представлению, упрочили бы ее позиции в глазах общественности ... » [231, с. 47]. Результатами данных мер, на наш

взгляд, стали лишь экономическая и политическая нестабильность в стране, ослабление центральной власти, подъем оппозиционных сил и рост политического веса региональных политических элит, которые выступили в роли защитников интересов населения регионов. События к. 1980-х – н. 1990-х гг. способствовали началу процесса самоорганизации региональных элит.

Дальнейшее усиление позиций регионов связано с рыночными реформами, проводившимися в России с 1992 г., которые также можно рассматривать в качестве фактора, способствующего повышению социального статуса региональных политических элит. С целью перевода экономики на рыночные рельсы были намечены следующие направления деятельности: «1. Либерализация цен и торговли, разовое введение свободных цен с января 1992 г. Ожидаемые последствия – установление рыночной стоимости товаров, ликвидация товарного дефицита, запуск механизма конкуренции, стимулирование деловой активности, ускорение товарооборота, формирование инфраструктуры по сбыту отечественной и импортной продукции. 2. Финансовая стабилизация. Ожидаемые результаты – снижение инфляции, установление устойчивого курса рубля. 3. Широкая приватизация государственной собственности. Ожидаемые итоги – превращение населения в собственников, формирование у людей экономических стимулов для деловой активности» [528]. Итоги рыночных реформ 1990-х гг. до сих пор являются объектом дискуссий. Однако, на наш взгляд, результаты сами говорят за себя: стремительное разрушение старых экономических схем, падение валового внутреннего продукта (в 1992 г. на 14,5%), передача стратегических государственных предприятий в частную собственность, огромный рост инфляции, резкое ухудшение материального положения граждан и т.д. Совершенно очевидно, что подобные итоги преобразований нельзя назвать успешными. Одним из результатов реализации рыночных реформ стало значительное расширение властных и финансовых ресурсов региональных политических элит. Они не только сохранили прежние рычаги управления экономикой, но и приобрели новые

полномочия: право регулировать цены в своем регионе, устанавливать местные налоги на производителей, контролировать ход приватизации и распределение собственности, распоряжаться недвижимостью (например, сдавать в аренду), создавать собственные коммерческие структуры и др.

Другим фактором, способствующим повышению статуса региональных элит, стали политические конфликты между союзным и российским руководствами, представленными М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным. В период их жесткого противостояния и далее в течение всех 1990-х гг. регионы стали эффективным средством ведения борьбы. А. Новиченко отмечает, что «на поддержку региональных элит рассчитывали противоборствующие стороны и во время конфликта президента РФ и Верховного Совета, затем – во время противостояния президента и Государственной Думы первого и второго созывов. Причем и президент, и Государственная Дума, надеясь заручиться поддержкой региональных лидеров, удовлетворяли их пожелания и расширяли степень автономии регионов, которая превратилась в фактическую независимость от федерального центра» [350, с. 50]. Тем самым региональный фактор был козырем в противоборстве между российским и союзным руководствами. Каждая сторона пыталась перетянуть на свою сторону региональные элиты путем повышения их статуса. По данным экспертов Института мировой экономики и международных отношений, к моменту роспуска Верховного Совета региональные политические элиты сосредоточили в своих руках около 60% полномочий федеральной власти. Остальные 40% поделили между собой законодательная и исполнительная ветви власти [260, с. 53].

Следующим фактором является суверенизация регионов. Ослабление центральной власти и нестабильность в ее высших эшелонах были главными причинами появления сепаратистских настроений в среде региональных политических элит. Территории, обладавшие значительной ресурсной базой, возглавлявшиеся влиятельными в масштабах всей страны лидерами, стали претендовать на особый статус. Подогревали данные настроения и национальные движения, принявшие с лета 1987 г. организованный характер.

В результате, уже 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы первым объявил о восстановлении своей независимости, вслед за ней заявили о намерении стать независимыми Латвия и Эстония.

Дальнейшее развитие центробежных тенденций в стране связано с принятием 12 июня 1990 г. I Съездом народных депутатов РСФСР «Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», которая положила начало правовому оформлению государственного статуса России. Объявив суверенитет, РСФСР стала крупнейшей независимой республикой в составе СССР. Согласно декларации, суверенитет провозглашался «во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах» [458, с. 3]. Документ устанавливал верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР, а также предоставлял республике право приостанавливать на своей территории действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР [458, с. 4]. Важнейшим для региональных политических элит было положение декларации, гласившее, что «Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР» [458, с. 4]. Тем самым, как заметил Н.А. Ондар, автономные республики, «приступая к разработке и принятию деклараций о государственном суверенитете, имели законодательную основу, моральную и правовую поддержку Съезда народных депутатов РСФСР» [366, с. 123]. Этот аргумент, акцентирующий внимание на законности действий региональных политических элит, видимо, можно использовать и по отношению к автономным областям, автономным округам, краям и областям.

После принятия документа о государственном суверенитете РСФСР начинается так называемый «парад суверенитетов». Декларации о

независимости принимают союзные республики: Узбекистан (20 июня), Молдова (23 июня), Украина (16 июля), Беларусь (27 июля) и др. К концу 1991 г. федерация первого уровня – СССР прекратила свое существование, распавшись на 15 независимых государств, которые вскоре получили международное признание. Далее в процесс включились регионы РСФСР. В 1990-1991 гг. все автономные республики отказались от статуса автономий и приняли свои декларации о государственном суверенитете.

Таблица 1

Хроника суверенизации автономных республик в составе Российской Федерации [184, с. 45]

Наименование документа	Дата принятия	Новое официальное название республики
О государственном суверенитете Северо-Осетинской АССР	20.06.90	Оставлено прежнее название
О государственном суверенитете Карельской АССР	09.08.90	Оставлено прежнее название
О государственном суверенитете Коми ССР	29.08.90	Коми ССР
О государственном суверенитете Татарской ССР	30.08.90	Татарская ССР Республика Татарстан
О государственном суверенитете Удмуртской Республики	20.09.90	Удмуртская Республика
О государственном суверенитете Якутской-Саха ССР	27.09.90	Якутская-Саха ССР
О государственном суверенитете Бурятской ССР	08.10.90	Бурятская ССР
О государственном суверенитете Башкирской ССР	11.10.90	Башкирская ССР Башкортостан
О государственном суверенитете Калмыцкой ССР	17.10.90	Калмыцкая ССР
О государственном суверенитете Марийской ССР	22.10.90	Марийская ССР
О государственном суверенитете Чувашской ССР	24.10.90	Чувашская ССР Республика Чувашень
О государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики	27.11.90	Чечено-Ингушская Республика
О государственном правовом статусе Мордовской ССР	07.12.90	Мордовская ССР
О государственном суверенитете Советской Республики Тува	12.12.90	Советская Республика Тува
О государственном суверенитете Кабардино-Балкарской ССР	30.01.91	Кабардино-Балкарская ССР
О государственном статусе Дагестанской АССР	13.05.91	Дагестанская ССР Республика Дагестан

Декларации были утверждены и в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. 27 сентября 1990 г. Верховным Советом Якутской АССР принята «Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики». В ней указывалось, что республика является суверенным социалистическим государством в составе обновленной РСФСР. Носителем суверенитета и источником государственной власти провозглашался весь многонациональный народ республики. Самоопределение Якутии предполагало формирование договорных отношений с РСФСР и СССР, заключение Федеративного договора с Россией, а также участие в новом Союзном договоре в качестве его равноправного участника. Важнейшие положения декларации: обладание Якутской-Саха ССР всей полнотой государственной власти на своей территории, за исключением тех полномочий, которые переданы республикой в ведение РСФСР и СССР добровольно; верховенство Конституции Якутской-Саха ССР на территории республики; право приостановления действия актов РСФСР и СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами народа республики; установление республиканского гражданства; признание всех видов природных ресурсов на территории Якутской-Саха ССР её исключительной собственностью и др. [137]. 27 декабря 1991 г. Якутская-Саха ССР была переименована в Республику Саха (Якутия).

8 октября 1990 г. Верховным Советом Бурятской ССР была принята «Декларация о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики». В преамбуле документа указывалось, что Верховный совет Бурятской ССР, «действуя в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами, во имя высших целей: обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах, объявляет отказ от статуса автономной

республики и провозглашает государственный суверенитет (...) как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики на своей территории, независимость ее во внешних сношениях (за исключением полномочий, добровольно делегируемых в ведение РСФСР и СССР на основе Федеративного и Союзного договоров)» [252, с. 118]. В декларации подчеркивалось, что республика самостоятельна в решении любых вопросов государственной жизни, в том числе в области национальной, экономической, социальной, кадровой политики. Кроме того, декларировалась самостоятельность республики в сфере организации охраны природы на своей территории и порядка использования природных ресурсов, а также в решении вопросов науки, образования, культурного развития народов Бурятской ССР [252, с. 118-122]. На территории региона устанавливалось верховенство республиканского законодательства. Земля, недра, водные и природные ресурсы, воздушное пространство, растительный и животный мир, находящиеся в пределах территории республики, весь экономический и научно-технический потенциал, созданный на ее земле, объявлялся собственностью народа и основой экономического суверенитета Бурятской ССР. В Декларации получили закрепление положения, касающиеся разделения государственной власти на три ветви (законодательную, исполнительную, судебную), утверждения народовластия, республиканского гражданства, территориальной неприкосновенности. 27 марта 1991 г. парламент исключил из наименования республики определения «советская» и «социалистическая», появилось новое название региона – Республика Бурятия.

12 декабря 1990 г. на четвертой сессии Верховного совета Тувинской АССР была принята «Декларация о государственном суверенитете Советской Республики Тыва». В тексте документа объявлялось об отмене правового статуса автономной республики и закреплялось новое название региона – Советская Республика Тува. В декларации указывалось, что республика есть суверенное государство, субъект Союза ССР и РСФСР в составе СССР и РСФСР. Обладателем суверенитета и государственной власти

провозглашался многонациональный народ республики. Согласно документу, Советская Республика Тува: обладает всей полнотой государственной власти на своей территории, за исключением тех полномочий, которые добровольно передаются ею в ведение СССР и РСФСР; принимает Конституцию и законы республики и провозглашает их верховенство на своей территории; приостанавливает действие законов и иных актов РСФСР и СССР, выходящих за пределы переданных полномочий или ущемляющих права и интересы республики; устанавливает на своей территории республиканское гражданство; признает все виды природных ресурсов, исторические и культурные ценности на территории республики (за исключением объектов совместного управления и пользования) своей исключительной собственностью и т.д. [138].

Как следует из анализа текстов деклараций республик Саха (Якутия), Бурятия и Тыва, в них повторяются многие базовые положения, которые были наиболее актуальны в тот период. Они встречаются и в документах других регионов. Все республиканские представительные органы при подготовке деклараций отказались от употребления в тексте определения «автономная республика», тем самым они наделяли себя более высоким статусом советских социалистических республик – таким же, как у союзных республик. В связи с этим из федеральных законодательных актов понятие «автономная республика» также было исключено, оно заменяется на выражение «республики, входящие в состав РСФСР», а чуть позже, с мая 1991 г., после внесения Верховным Советом РСФСР изменений и дополнений в Конституцию РСФСР, употребляется определение «республики в составе РСФСР». Отметим также, что в принятых автономными республиками декларациях часто встречалось утверждение о праве народа на самоопределение, фактически означавшее, что республики объявлялись своего рода национальными государствами.

В результате принятия деклараций о суверенитете за относительно небольшой период времени статус республик и политических элит данных территориальных образований кардинально изменился. Отметим, что как

союзное, так и российское руководства поощряли данный процесс. Для М.С. Горбачева правовое уравнивание союзных и автономных республик было эффективным средством в борьбе с российскими властями. В данной связи 26 апреля 1990 г. был принят закон «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», направленный на выравнивание прав союзных и автономных республик. Б.Н. Ельцин же, находясь в Татарстане, произнес свою знаменитую фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», полностью отразившую позицию российского руководства к процессу суверенизации. На законодательном уровне она также выразилась в расширении республиканских прав. Так, в декабре 1990 г. на II внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР был утвержден Закон «Об изменениях и дополнениях к Конституции (Основному закону) РСФСР», который закреплял новые моменты, касающиеся верховенства республиканских законов и собственности на территории РСФСР.

Вслед за республиками в 1990-1991 гг. повышают свой статус автономные области и автономные округа. Они самостоятельно провозглашают себя республиками и выходят из состава краев. Так, Горный Алтай в январе 1991 г. объявил себя Горно-Алтайской ССР и вышел из состава Алтайского края. В июне 1991 г. приняла декларацию о суверенитете Адыгея. В последующем на федеральном уровне республиканский статус был признан у четырех автономных областей из пяти – Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакаской. Данные изменения были утверждены Верховным Советом России. У Еврейской автономной области также произошло изменение статуса, она вышла из состава Хабаровского края и стала отдельной частью федерации. Республиками себя провозгласили и некоторые автономные округа, например, Корякский АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО. Однако их новый статус не был утвержден, только Чукотскому автономному округу удалось добиться некоторых успехов - в 1992 г. он официально вышел из состава Магаданской области.

Далее суверенизация по цепной реакции распространилась по краям и областям. Так, решения о повышении статуса до республиканского уровня приняли советы Приморского края, Архангельской и Челябинской областей. Суверенитет провозгласили Вологодская и Свердловская области. На базе Свердловской области предпринимались попытки создания Уральской республики. По планам в нее должны были войти помимо Свердловской области также Курганская, Тюменская, Оренбургская, Пермская, Челябинская области. Однако войти в состав нового образования стремились не все регионы. В данной связи активно обсуждались проекты создания Тюменской республики, Южно-Уральской республики (на базе Челябинской области). Среди других интересных планов того времени отметим создание Енисейской республики (на базе Красноярского края и территорий автономных округов), республики Карачай (была провозглашена в июле 1991 г. на съезде карачаевцев), Черкесской республики, Абазинской республики (далее была объединена с Черкесской республикой), Баталпашинской и Урупско-Зеленчукской республик (провозглашены казаками на территории Карачаево-Черкессии), Балкарской республики (решение о создании принято в 1991 г. на съезде балкарского народа, однако, не было поддержано властями России и Кабардино-Балкарии; следующая неудачная попытка повторилась в 1996 г.), Кабардинской республики (решение принято в н. 1992 г. на съезде кабардинского народа) [506, с. 449-451], Байкало-Амурской Демократической республики (инициатива принадлежала Северобайкальскому союзу ветеранов и первопроходцев Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, который в 1993 г. предложил провести по данному вопросу референдум среди жителей полосы магистрали) [38, с. 3]. Следует также упомянуть и предложение Президента Калмыкии К. Илюмжинова о создании федерации из национальных республик и одной «Русской республики», включающей в себя все края, области, автономные округа и автономную область. Однако, несмотря на накал сепаратистских настроений в краях и областях, повысить свой статус до желаемого республиканского уровня никому не удалось, так как федеральный центр не

поддерживал данные инициативы по ряду причин. Одна из них заключалась в том, что российское руководство не хотело портить отношения с республиками, являющимися таковыми по своему реальному статусу.

В связи с ростом этнического самосознания в 1990-1991 гг. происходит переименование отдельных субъектов России в соответствии с нормами языка и традициями титульных народов: «Алания», «Башкортостан», «Ичкерия», «Марий Эл», «Саха», «Тыва», «Хальмг Тангч» (Республика Калмыкия), «Чавашьэн» (Республика Чувашия) и др. В 1990-1992 гг. в большинстве республик прошли съезды титульных народов, предпринимались попытки сформировать руководящие органы: Татарский общественный центр, Общенациональный конгресс чеченского народа, Всемарийский совет, Всемирный чувашский конгресс, Национальный совет балкарского народа, осетинский «Стыр Ныхас» и др. Данные попытки в дальнейшем были пресечены региональными властями, за исключением Общенационального конгресса чеченского народа, который, захватив власть, провозгласил создание Чеченской Республики [405, с. 23]. В связи с подъемом национального самосознания в регионах отмечалось усиление этнической напряженности.

В целях защиты приобретенного суверенитета, придания легитимности республиканским лидерам, а также укрепления их позиций в отдельных республиках был образован институт президентства. Решения о введении поста президента к весне 1992 г. приняли одиннадцать республик, однако немногие из них действительно реализовали задуманное. Так, в Башкирии и Удмуртии выборы отложили, в Калмыкии и Чувашии победитель выявлен не был, в связи с чем выборы признали не состоявшимися. Первые президентские выборы прошли в июне 1991 г. в Республике Татарстан, затем они были в Мордовии, Марий Эл и др. 20 декабря 1991 г. в соответствии с законом «О Президенте Якутской-Саха ССР» (принят в октябре 1991 г.) выборы Президента состоялись в Якутской-Саха ССР, в ходе которых победу одержал М.Е. Николаев, занимавший до этого пост председателя республиканского Верховного Совета. На основании закона № 237 «О

Президенте Республики Тува» (принят 18 декабря 1991 г.), 15 марта 1992 г. был избран Президент Советской Республики Тыва, им стал Ш.-о.Д. Ооржак (в ноябре 1993 г. данная должность была упразднена). Помимо президентских выборов в этот период в регионах проходят выборы депутатов. Так, в 1990 г., руководствуясь принятыми Верховным Советом Бурятской АССР 3-4 ноября 1989 г. законами «О выборах народных депутатов Бурятской АССР» и «О выборах народных депутатов местных советов народных депутатов Бурятской АССР», были избраны на основе равного прямого избирательного права при тайном голосовании 170 народных депутатов Верховного Совета Бурятской АССР, 135 народных депутатов Улан-Удэнского городского Совета и более 1000 народных депутатов в районные, городские Советы народных депутатов и прочие организации [362, с. 6]. В марте 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет Тувинской АССР. Тем самым в данный период происходит обновление состава региональных политических элит.

Итак, сепаратистские настроения в регионах вылились в «парад суверенитетов», охвативший всю страну. Союзное руководство не смогло остановить данный процесс не только политическим путем, но даже и военным (например, силовые действия имели место в Вильнюсе и Риге в январе 1991 г.). Слабую попытку укротить сепаратизм и спасти СССР сделал Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), созданный 19 августа 1991 г. Однако, как известно, она была неудачна и завершилась арестом членов комитета. Дальнейший процесс, связанный с усилением российского руководства и ликвидацией СССР, привел к продолжению повышения статуса регионов и политических элит административно-территориальных образований страны.

После распада СССР приобрел актуальность вопрос оформления национально-государственного устройства России. 31 марта 1992 г. был подписан Федеративный договор между центром и регионами, согласно которому в состав Российской Федерации вошли 89 субъектов: 21 республика, 6 краев, 49 областей, 10 автономных округов, 1 автономная

область и 2 города федерального значения. Федеративный договор включал в себя три отдельных договора: один подписан с «суверенными республиками», второй заключен с краями, областями и городами федерального значения (г. Москва и г. Санкт-Петербург), третий – с автономной областью и автономными округами. Данный факт подчеркивал неравномерность статусных уровней российских субъектов. 10 апреля 1992 г. VI Съезд народных депутатов Российской Федерации одобрил содержание Федеративного договора и включил его в текст Конституции Российской Федерации.

Процесс подписания Федеративного договора был весьма проблематичным. Чечня, возглавляемая Д. Дудаевым, отказалась подписывать документ. Многие республики, пользуясь слабостью центрального руководства, старались получить как можно больший статус в составе России. Так, Башкортостан сопроводил свою подпись рядом оговорок, которые были направлены на установление особых отношений с центром. Было разработано специальное приложение к Федеративному договору, в котором указывалось, что республика получает право на создание независимой судебной-правовой системы, на самостоятельность во внешнеэкономической деятельности, на одноканальный бюджет и др. Также были зафиксированы некоторые уступки по вопросам республиканской собственности. Только после принятия данного приложения центральным руководством председатель Верховного Совета республики М. Рахимов 1 апреля 1992 г. подписал Федеративный договор. Отметим, что помимо полученных уступок Башкортостан также провозгласил приоритет республиканских законов над российскими и отменил действие некоторых указов Президента России на своей территории.

Итак, несмотря на некоторые затруднения, руководители республик подписали Федеративный договор, что было связано, по мнению Р.Ф. Туровского, с тем, что «сепаратистские настроения не получили открытой поддержки извне, ни одна из стран мира не признала и не собиралась признавать какую-либо из республик в качестве независимого государства»

[506, с. 449]. Действительно, без официального признания другими государствами республики не могли реализовать нормы государственного суверенитета, а значит, их новый самопровозглашенный статус не имел юридической силы. Отметим также, что накал сепаратизма в республиках умерила и война в Чечне, реально продемонстрировавшая возможный сценарий развития. В результате данных факторов существующие сепаратистские движения маргинализировались и перестали быть влиятельной политической силой. В данных условиях для республиканских политических элит крайне важно было получить как можно больше прав и полномочий от российского руководства, которые и были закреплены в результате подписания Федеративного договора. Заметим, что в данном документе республики официально были названы государствами. Так, в статье 3 Федеративного договора указывается, что «республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации в соответствии с настоящим договором. Территория и статус республики в составе Российской Федерации не могут быть изменены без ее согласия» [252, с. 136].

Подписав Федеративный договор, республики развивали и собственное законодательство, в том числе были приняты и собственные Конституции, где закреплялись такие важнейшие положения, как государственный суверенитет, народовластие, верховенство местного законодательства, республиканское гражданство, исключительные права на недра, природные ресурсы и др. В 1992 г. Основной закон был утвержден в Татарстане, Чечне. 4 апреля 1992 г. принята Конституция Республики Саха (Якутия) (вступила в силу 27 апреля 1992 г.), которая закрепила государственно-правовой статус республики как суверенного, демократического и правового государства, являющегося самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей. Помимо этого, в течение 1992-1993 гг.

Верховным Советом РС (Я) - высшим представительным, законодательным и контрольным органом власти, были приняты важнейшие законодательные акты, направленные на реализацию конституционных положений о государственном суверенитете республики, а также на предоставление гарантий свободного развития её народов. В их числе законы «О государственном флаге Республики Саха (Якутия)», «О государственном гербе Республики Саха (Якутия)», «О языках в Республике Саха (Якутия)», «О гражданстве Республики Саха (Якутия)», «Об общественных объединениях», «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера» и др. Верховный Совет РС(Я) продолжал свою работу до XX внеочередной сессии, состоявшейся 12 октября 1993 г., на которой было принято решение о прекращении деятельности данного органа власти.

Итак, в результате перечисленных факторов произошло значительное повышение статуса региональных политических элит. Отметим, что данные факторы тесно взаимосвязаны между собой. Процесс суверенизации является результатом ослабления союзного руководства, произошедшего вследствие обострения системного кризиса и роста политических конфликтов в высших эшелонах власти.

Таким образом, в 1990-1992 гг. произошли коренные изменения в различных социальных сферах, в том числе наблюдались важнейшие преобразования в институтах власти и управления. На фоне общей экономической и политической нестабильности, жесткого противостояния союзного и российского руководств, развития центробежных тенденций, региональные политические элиты получили уникальную возможность для резкого повышения своего статуса. Провозгласив суверенитет, отстаивая самостоятельность в экономической, политической и других сферах, сосредоточив в своих руках значительные властные ресурсы, они стали влиятельными акторами российского политического процесса.

II этап – 1993-1999 гг. – характеризуется формализацией отношений между федеральной и региональными политическими элитами. В этот период федеративные отношения строятся на основе Конституции Российской

Федерации и договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между центром и субъектами.

12 декабря 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации, заложившая основы федеративного порядка в стране и зафиксировавшая равноправие (принцип равенства) субъектов федерации в отношениях с центром. Отметим, что республики в целом не поддержали Конституцию РФ, так как она фактически уравнивала их статус с областями. На состоявшемся голосовании (проведено на основании Указа Президента России от 15.10.1993 г. № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации») против проекта Основного закона проголосовали Башкирия, Мордовия, Чувашия, Тыва, Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкессия. В Чечне и Татарстане голосование вообще не проходило. Тыва одновременно провела собственный референдум, на котором была одобрена Конституция республики [405, с. 25]. Под давлением региональных элит в Конституцию было внесено положение, предусматривающее заключение договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между центром и субъектами, которые предоставляли ряд прав регионам. Первоначально они были подписаны с национальными республиками, давно начавшими борьбу за свою самостоятельность. Первый договор был подписан с Татарстаном 15 февраля 1994 г. В этом же году были заключены договоры с Кабардино-Балкарией, Башкирией. В 1995 г. они подписаны с Северной Осетией, Саха (Якутией), Бурятией, Удмуртией и др. Отметим, что в результате заключения договоров некоторые республики получили гораздо больший объем прав. Так, в рамках подписанного 29 июня 1995 г. «Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Саха (Якутия)» было заключено 15 соглашений между правительствами России и Саха (Якутии), касающихся экономических вопросов, бюджетных отношений, регулирования миграционных процессов, международных и внешнеэкономических связей, обеспечения занятости населения, регулирования народного образования и

т.д. В результате заключения данных актов Республика Саха (Якутия) получила самостоятельность в управлении экономикой, в организации системы органов республиканской власти и местного самоуправления, развитии социокультурной сферы и др. В договоре был подтвержден статус Саха (Якутии) как суверенного государства в составе России, а также признана юрисдикция республики в вопросах управления государственной собственностью, регулирования имущественных отношений, а также владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами. Помимо этого в Саха (Якутии), а также в Башкортостане, Татарстане, Карелии был введен особый режим финансирования, согласно которому основная часть налоговых поступлений зачислялась в местные бюджеты.

Позже федеральный центр приступил к подписанию аналогичных договоров и с другими территориями. С 1996 г. они заключались в основном с руководителями краев и областей. В целом за 1994-1999 гг. было подписано порядка пятидесяти двусторонних договоров. Отметим, что договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между центром и субъектами, являлись мощным инструментом политического торга между федеральной и региональными политическими элитами.

В литературе часто отмечается, что 1993 г. является своеобразным «водоразделом» в истории нашей страны. Действительно, в этом году произошли важные события. 21 сентября 1993 г. был подписан указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который прекращал полномочия Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Затем была ликвидирована вся система Советов, как в центре, так и на местах. В декабре 1993 г. принята Конституция Российской Федерации. Кроме того, в 1993 г. указами Президента РФ № 1765 от 27.10.1993 г. «Об утверждении основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, городов федерального значения, автономной области, автономного округа» и № 1797 от 29.10.1993 г. «Об утверждении основных положений о выборах в органы

местного самоуправления» было положено начало реформированию избирательной системы в субъектах РФ [362, с. 21]. Согласно данным документам регионам России впервые предоставлялось право самостоятельно регулировать важнейшие вопросы избирательного права и процесса.

Также в этот период проходят региональные выборы в органы представительной власти. В конце 1993 г. состоялись выборы в парламент Республики Саха (Якутия) – Государственное Собрание (Ил Тумэн), состоящий из двух палат: Палаты республики и Палаты представителей. В декабре 1993 г. состоялись выборы в Верховный Хурал Республики Тыва. В июне 1994 г. прошли выборы в Народный Хурал Республики Бурятия, а в декабре 1995 г. в регионе состоялись выборы глав местного самоуправления районов и городов, а также выборы в Улан-Удэнский городской совет депутатов. В 1995-1997 гг. выборы в представительные органы государственной власти прошли в большинстве субъектов России.

Помимо парламентских выборов в это время проходят кампании по избранию региональных руководителей. В результате прохождения второй волны по учреждению поста президента в декабре 1993 г. состоялись выборы Президентов Башкирии и Чувашии, в апреле-июне 1994 г. – Карелии и Коми и т.д. 20 ноября 1993 г. избран Президент Республики Тыва, которым стал Ш.-о.Д. Ооржак (он был переизбран 16 марта 1997 г. и находился на данном посту до 2002 г., в дальнейшем должность упразднена). 16 июня 1994 г. прошли выборы Президента Республики Бурятия, по итогам которых выиграл Л.В. Потапов (закон «О Президенте Республики Бурятия» принят 4 марта 1994 г.). На последующих выборах Президента Бурятии, состоявшихся 21 июня 1998 г. и 23 июня 2002 г., победа также была за Л.В. Потаповым (он находился на данном посту до 2006 г.). Отметим, что в 2002 г. за его кандидатуру проголосовало более 60% населения Бурятии, что свидетельствовало о стабильности поддержки Л.В. Потапова жителями республики [165, с. 51]. Вторые президентские выборы состоялись 22 декабря 1996 г. в Республике Саха (Якутия) на которых победу одержал

действующий в то время Президент РС (Я) М.Е. Николаев (он находился на данном посту до к. 2001 г.). В связи с отменой системы назначения губернаторского корпуса с 1993 г. проходят выборы губернаторов, которые к н. 1997 г. состоялись во всех российских регионах. Переход к системе избрания региональных руководителей усилил позиции региональных политических элит, которые, сконцентрировав в своих руках большие властные полномочия, обретя легитимность и поддержку населения, могли с новых позиций вести диалог с федеральным центром. В данной связи имели место попытки расширения экономической самостоятельности республик (например, в Башкортостане в 1995 г.).

С 1995 г. региональные руководители, помимо широких полномочий, наделялись еще и депутатской неприкосновенностью. В этом году вступил в силу федеральный закон № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (принят 5 декабря 1995 г.), согласно которому Совет Федерации ФС РФ стал формироваться по должностному признаку из числа региональных глав и председателей законодательных органов. В результате Совет Федерации фактически превратился в «региональную палату». Сильное региональное лобби было и в Государственной Думе ФС РФ.

В рассматриваемый период многие республики разрабатывают собственные Конституции. В 1994 г. они приняты в Дагестане, Ингушетии, Калмыкии, в 1995 г. в Мордовии. Конституции также были утверждены в Тыве (12.10.1993) и Бурятии (22.02.1994), они закрепили систему республиканских органов власти и основные положения принятых ранее деклараций о государственном суверенитете. В Конституции Республики Тыва обращает на себя внимание весьма интересная формулировка, провозглашающая, что республика есть «суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации, имеет право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума Республики Тыва. Республика Тыва признает свое нахождение в составе Российской Федерации на основе Федеративного

договора и договорных отношений как в федеративном, демократическом, правовом государстве, признающем и поддерживающем Декларацию о государственном суверенитете Республики Тыва, ее право на самоопределение» [506, с. 448]. Н.А. Ондар поясняет, что авторство положения о праве выхода Тывы из состава Российской Федерации путем всенародного референдума принадлежит Политсовету Народной партии суверенной Тувы и Исполкому Народного фронта «Хостуг Тыва» («Свободная Тува»), которые на объединенном заседании предложили внести следующую формулировку в республиканскую Конституцию: «Республика Тува входит в состав Российской Федерации и на основании принципов Федеративного Договора имеет право на выход из состава Российской Федерации, выраженный путем всенародного референдума» [366, с. 169].

С мая-июня 1996 г. федеральный центр начинает постепенно проводить политику, направленную на десоверенизацию регионов России. В этот период появляются первые критические замечания со стороны Б. Немцова, А. Чубайса и других политиков, касающиеся особых прав Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии), Ингушетии, которые, на их взгляд, наносят серьезный ущерб российской экономике. Однако правительство России в то время берет курс на восстановление баланса интересов между центром и регионами. В дальнейшем, стремясь ограничить самостоятельность региональных политических элит, федеральный центр периодически демонстрировал собственную силу. Показательными примерами в этом отношении являются лишение Республики Саха (Якутия) в индивидуальном порядке особого статуса, который предоставлял региону ряд существенных льгот, а также гонения на крупнейшую в республике компанию «АЛРОСА».

Усиление позиций федерального центра начинается с 1997 г., когда в июле было утверждено новое Положение о полномочных представителях Президента России в регионах, создававшее базу для «упорядочения взаимодействия центра и регионов по трем важнейшим направлениям: контроль за исполнением федерального бюджета, использование федеральной собственности в регионах, укрепление кадров федеральных

органов власти на местах. Для этого в качестве первой из возложенных на представителей президента функций определялось «координирование деятельности территориальных органов исполнительной власти в регионе» [405, с. 41]. В результате произошел своего рода «прорыв» с формированием института представителей Президента России в республиках. Ранее они назначались только в исключительных случаях, в среднем по одному в год: первый опыт состоялся в 1992 г. в Чувашии, в 1993 г. назначен представитель в Мордовии, в 1994 г. – в Чечне, в 1995 г. – в Калмыкии, в 1996 г. – в Ингушетии и Северной Осетии. В 1997 г., на волне усиления позиций центра, были назначены представители Президента РФ сразу в десятке республик. К середине 1998 г. без представителей остались только Башкирия, Татарстан и Саха (Якутия).

Итак, в данный период происходит формализация отношений между федеральной и региональными элитами. В результате заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между центром и субъектами региональные политические элиты добились для себя и своих территорий определенного набора прав и в целом остались влиятельными акторами российского политического процесса. Вместе с тем федеральный центр при сохранении высокого статуса регионов постепенно начинает проводить политику, направленную на усиление своих позиций в регионах.

С 2000 г. начинается III этап, характеризующийся постепенным укреплением центральных институтов власти и перераспределением полномочий между федеральной и региональными политическими элитами.

26 марта 2000 г. на выборах Президента Российской Федерации одержал убедительную победу (уже в первом туре) В.В. Путин. Результаты выборов свидетельствовали о широкой общественной поддержке, которая стала в дальнейшем главным условием политического моноцентризма. Лояльность по отношению к В.В. Путину продемонстрировали и региональные руководители, их поддержка также оказала значительную роль в его избрании на пост Президента РФ. Безусловно, элиты субъектов России надеялись на сохранение прежних взаимоотношений с федеральным центром

и, возможно, на расширение круга своих полномочий. Однако после президентских выборов российское руководство начинает методично проводить политику по преобразованию федеративных отношений.

13 мая 2000 г. был подписан указ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», согласно которому были созданы 7 федеральных округов: Северо-Западный (центр – г. Санкт-Петербург), Центральный (Москва), Южный (Ростов-на-Дону), Приволжский (Нижний Новгород), Уральский (Екатеринбург), Сибирский (Новосибирск) и Дальневосточный (Хабаровск), а также институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. К числу основных функций полномочных представителей, в трактовке Президента РФ В.В. Путина, относились: ослабление недемократических региональных политических сообществ и ликвидация их чрезмерной «политической самодостаточности» путем создания оппозиционных региональных элит; создание такого управленческого механизма на местах, который, с одной стороны, соответствовал бы экономической структуре и социальным особенностям конкретного региона, а с другой - структуре федерального управления и характеру отношений региона с центром; ликвидация негативных последствий «парада суверенитетов» и «войны законов» времен президентства Б.Н. Ельцина, приведших к тому, что ряд регионов, особенно национальные республики, трактовали свой «государственный суверенитет» как полномочия и функции государств в классическом их понимании; содействие созданию единообразия в понимании законов, действующих на территории всей страны, т.е. обеспечению единого правового (и экономического) пространства [426, с. 8]. Кроме того, на них были возложены функции: контроля за исполнением федеральных законов; координации и контроля деятельности федеральных органов, в том числе силовых, в федеральных округах; анализа деятельности правоохранительных органов; организации согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными и региональными органами власти; контролирования избирательных кампаний в регионах; реализации

кадровой политики Президента РФ и др. Тем самым создание федеральных округов, являющихся надрегиональным уровнем власти, должно было обеспечить централизованное управление, ослабить политическое влияние регионов и усилить позиции федеральной власти на местах. Данная инициатива российского руководства вызвала неоднозначную реакцию региональных политических элит, что вполне естественно, так как они лишились многих властных полномочий. К тому же влиятельные главы регионов теперь должны были апеллировать не лично к Президенту России, а к полпредам или к (главным) федеральным инспекторам. В данной связи многие региональные руководители выступали за отмену системы федеральных округов, были и предложения по ее совершенствованию. Например, Президент Республики Бурятия Л.В. Потапов высказывался за более дробное деление страны, но с учетом экономической специфики.

Одна из важнейших задач, поставленных Президентом РФ В.В. Путиным перед полномочными представителями, заключалась в обеспечении единого правового пространства. Проблема состояла в том, что в 1990-е годы неподчинение региональных политических элит федеральному центру выражалось, как правило, в нарушении федерального законодательства. Их количественное соотношение представлено К. Стонер-Вейс [481, с. 118].

Таблица 2

Динамика регионов (республик или областей / краев), в которых отмечено наибольшее количество случаев неподчинения центру

Место	Области	Республики	Число нарушений
1		Чечня	123
2		Калмыкия	65
3		Башкортостан	50
4		Татарстан	37
5		Мари-Эл	32
6		Карачаево-Черкессия	25
7		Саха	24
8		Коми	21
9 (поровну)		Удмуртия	20
9 (поровну)	Кемеровская		20
10	Приморский край		19

По данным таблицы 2, наибольшее число нарушений было зафиксировано в республиках, отличающихся хорошей динамикой экономического развития и обладающих определенными запасами природных ресурсов. К. Стонер-Вейс отмечает, что пик динамики нарушений федерального законодательства наблюдался в марте 1999 г. Далее численность нарушений постепенно уменьшалась и к концу 1999 г. достигла наименьшего показателя за все 1990-е годы.

На имеющуюся проблему в области законодательства В.В. Путин обратил внимание еще в феврале 2000 г., когда занимал должность и.о. Президента РФ. На заседании коллегии министерства юстиции он отметил, что 20% принятых в регионах законодательных актов противоречат федеральным законам. По итогам коллегии была создана Межведомственная комиссия по вопросам конституционной безопасности при министерстве юстиции, в задачи которой входили анализ состояния законодательства российских субъектов и подготовка запросов в Конституционный суд РФ. Уже летом 2000 г. решениями данного суда были признаны незаконными положения республиканских Конституций о государственном суверенитете, так как они противоречили федеральному законодательству, имеющему верховенство на всей территории Российской Федерации. Неконституционными были признаны также положения, касающиеся верховенства местного законодательства, права приостановления на своей территории правовых актов Российской Федерации, исключительных прав на природные ресурсы и др. Определения по данным нарушениям были вынесены в отношении таких республик как Алтай, Адыгея, Башкортостан, Коми, Ингушетия, Северная Осетия, Татарстан. Тем самым в результате решений Конституционного суда РФ республики лишились статуса суверенных национально-государственных образований. Учитывая данный факт, некоторые республики (например, Кабардино-Балкария) в дальнейшем самостоятельно отказались от декларирования своего государственного суверенитета, исключительных прав на природные ресурсы и некоторых других положений. Ограниченный суверенитет (в рамках своих полномочий)

на данный момент сохраняют лишь республики Татарстан и Чечня. Отметим, что для политической элиты Татарстана наличие суверенитета является принципиальной позицией, которая достаточно сильно аргументирована. Один из главных тезисов заключается в том, что Конституция Республики Татарстан принята раньше Конституции Российской Федерации и поэтому не может быть отменена. Тем самым, данные республики продолжают претендовать на особый статус в составе России.

Полномочные представители также успешно справлялись с задачей по обеспечению единого правового пространства. В конце декабря 2000 года оценку полугодовой деятельности института представителей Президента РФ в семи федеральных округах дал являющийся в то время полпредом Северо-Западного округа В. Черкесов. Он отметил, что «основные усилия полпредов, действовавших совместно с прокуратурой и подразделениями министерства юстиции, были направлены на приведение региональных законов «в надлежащий вид»: из 2660 нормативных актов, противоречащих Конституции, около 1400 региональных законов были приведены в соответствие федеральному праву, и ведутся работы по оставшемуся законодательному массиву. <...> самым сложным является Приволжский федеральный округ, в котором было выявлено 567 нормативных актов, не соответствующих федеральному законодательству: 40 - в Татарстане, 70 - в Башкирии, 30 - в Удмуртии» [324, с. 60]. Были выявлены следующие нарушения: введение чрезвычайного положения (Кабардино-Балкария); обладание всей полнотой государственной власти - законодательной, исполнительной, судебной на своей территории (Саха-Якутия, Башкортостан); координация разработки и производства военной техники и вооружений, конверсия оборонных предприятий, размещение воинских частей (Башкортостан, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Удмуртия, Красноярский край, Нижегородская, Пензенская, Ростовская области); переработка и использование драгоценных металлов, камней и изделий из них (Саха-Якутия, Свердловская область); право самостоятельно выступать участником международных и внешнеэкономических связей (Башкортостан,

Кабардино-Балкария, Коми, Саха-Якутия, Татарстан, Москва, Пермская, Ульяновская, Челябинская области); таможенное регулирование (Амурская, Сахалинская, Ростовская области, Хабаровский край); в Конституции Марий-Эл был определен свой статус как «государство» [324, с. 65]. Подобные положения напрямую противоречат Конституции России, имеющей высшую юридическую силу.

В результате корректировки региональных правовых актов в отдельных субъектах РФ появились новые Конституции. Так, 6 мая 2001 г. была принята Конституция Республики Тыва, которая, как выяснилось в дальнейшем, также была далека от идеала (она содержала более 140 противоречий российскому законодательству [527]). Помимо изъятия отдельных, не соответствующих федеральным законам положений, в Конституции РТ были зафиксированы изменения, касающиеся республиканского парламента. Согласно Основному закону Тывы, постоянно действующим законодательным (представительным) органом государственной власти республики являлся Великий Хурал Республики Тыва, состоящий из двух палат: Законодательной палаты и Палаты представителей (первые выборы в двухпалатный парламент состоялись в 2002 г.). 17 октября 2002 г. был утвержден текст Конституции Республики Саха (Якутия). Отметим, что данный документ подвергся значительной корректировке, так как многие его положения были признаны противоречащими федеральному законодательству и подлежали изъятию: добровольное делегирование (передача) части своих полномочий на основе Федеративного договора в ведение Российской Федерации; право республики самостоятельно определять и осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику; возможность приостанавливать на своей территории действие российских законов и иных актов или опротестовывать их в порядке, установленном договором, если они нарушают Федеративный договор, противоречат Конституции или законам Республики Саха; установление взносов Якутии в бюджет Российской Федерации республиканским законодательным органом и др. [184, с. 66-68]. Из документа было изъято и положение о том, что

природные ресурсы, находящиеся на территории Якутии являются собственностью республики, что крайне негативно повлияло на состояние республиканского бюджета. В Конституции РС(Я) также была зафиксирована система органов республиканской власти, определены их полномочия, объем которых, заметим, существенно сократился. Изменения коснулись парламента Республики Саха (Якутия), он стал однопалатным. Главой республики по-прежнему являлся Президент Республики Саха (Якутия). Отметим, что на данный пост в январе 2002 г. был избран В.А. Штыров, возглавлявший до этого акционерную компанию «Алмазы России-Саха». Дополнения и изменения в 2002 г. были внесены и в Конституцию Республики Бурятия. Из ее текста также исключены положения, противоречащие российскому законодательству: о суверенности Бурятии, республиканском гражданстве, верховенстве республиканских законодательных актов на территории Бурятии и др. Помимо Конституций изменения вносились и в договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ. В них были зафиксированы приведенные в соответствие с федеральным законодательством положения договоров.

Следующим шагом российского руководства на пути к ограничению власти региональных политических элит стало принятие 5 августа 2000 г. федерального закона № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому в состав данной палаты стали входить не губернаторы, как было ранее, а представители регионов, по два от каждого: один назначался от исполнительной власти, другой – от законодательной (избирался региональными парламентами). Представлять интересы своих регионов губернаторам предлагается в созданном Государственном совете РФ – совещательном органе, не имеющем реальных властных полномочий и к тому же находящемся под контролем Президента России (Указ № 602 «О Государственном совете Российской Федерации» был принят 1 сентября 2000

г.). Тем самым региональные руководители лишились статуса политиков федерального масштаба. По логике центра, они должны были сосредоточиться на решении региональных проблем, в первую очередь, экономических (например, искать внутренние источники регионального дохода). Преследуя в том числе и эти цели, 7 июля 2000 г. российское руководство принимает закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в России», который предоставлял губернаторам право отстранять от должности глав местного самоуправления (кроме глав столиц и региональных административных центров).

Позже федеральный центр инициировал следующие действия: был принят закон, запрещающий губернаторам участвовать в выборах в случае их досрочной отставки или отрешения от должности; началось свертывание договорных основ федерации, которые, по словам Д.Н. Козака, лишь «засоряют» правовое пространство, а, значит, требуют аннулирования; произошло подчинение региональных избирательных комиссий ЦИК; принято решение о лишении регионов «права голоса» при назначении региональных милицевских руководителей; внесены коррективы в финансовую политику государства в сторону ее централизации (поправки в Налоговом кодексе РФ снизили долю налоговых отчислений, остающихся в регионе; с помощью отделений Федерального казначейства РФ был ужесточен контроль за целевым расходованием средств федерального бюджета в регионах и др.) и т.д.

С сентября 2004 г. утверждается новый порядок избрания глав регионов. Согласно федеральному закону от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», выборы глав регионов отменялись, их стали утверждать региональные законодательные (представительные) органы субъекта по представлению Президента РФ. Глава государства получил право отрешения губернатора от должности в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей (был образован

«институт федерального вмешательства»). В дальнейшем данная норма получила конкретизацию. 28 июня 2007 г. указом Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» были установлены конкретные статистические показатели (43 пункта), по которым происходит оценка работы российских губернаторов и Президентов республик. В результате данных мер формирование и контролирование корпуса региональных глав полностью переходило в ведение федерального центра. Отметим, что за период действия закона № 159-ФЗ процедуру утверждения на высший в регионе пост прошло большинство региональных руководителей, при этом многие из них сохраняли свои позиции. В случае замены глав федеральная власть в большинстве случаев стремилась учесть настроения региональных политических элит (заранее проводились консультации по данному вопросу) и шла на компромисс. Замена глав субъектов в связи с отрешением их от должности Президентом РФ происходила крайне редко. В числе «отрешенных» руководителей, например, В. Логинов (Корякский АО), А. Баринов (Ненецкий АО), Л. Коротков (Амурская область) и др. [4, с. 17]. Новая система избрания была введена не только для глав регионов, но и для депутатов региональных парламентов (минимум половина из них должна была избираться по партийным спискам) и Государственной Думы РФ. 19 мая 2005 г., с целью развития партийной системы и исключения внутрипартийной коррупции Президентом РФ был подписан ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому ликвидировался принцип избрания депутатов по одномандатным округам, устанавливался 7% порог прохождения партии в нижнюю палату российского парламента, а также залог в размере чуть более 2 млн. долларов США. Группа избирателей теперь не могла выдвинуть кандидата, закон не допускал участия в избирательных блоках объединений по этническим, конфессиональным, профессиональным признакам, а также участия в выборах благотворительных и национально-культурных обществ. В результате данных нововведений независимые

депутаты-одномандатники лишились возможности войти в состав Государственной Думы РФ и существовать в ней автономно, вне какой-либо партии. В данный орган власти могли попасть лишь представители крупных, финансово самостоятельных политических партий.

Важные решения были приняты в 2003-2004 гг. по результатам работы, проведенной Комиссией при Президенте РФ под руководством Д.Н. Козака (образована Указом Президента РФ от 21 июня 2001 г.). В задачи комиссии входила подготовка предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. 4 июля 2003 г. были приняты поправки к закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно обновленному закону, с 1 января 2005 г. полномочия по предметам федерального ведения, осуществление которых делегируется регионам, а также полномочия по предметам совместного ведения, реализуемые за счет федеральных средств, на территориях автономных округов осуществляются краевыми (областными) органами государственной власти. Был установлен перечень из 26 важнейших полномочий на территориях округов, осуществление которых передавалось краям (областям). Помимо этого, в бюджеты краев (областей) зачислялись доходы от федеральных налогов, собранных на территории округов. Лишив автономные округа финансовых и властных ресурсов, федеральный центр тем самым, фактически, подталкивал их к объединению с краями (областями). Причины подобных действий российского руководства кроются в ст. 5 Конституции России, которая гласит: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации» [227, с. 5]. Тем самым после принятия в 1993 г. Конституции РФ, статус автономных округов и других субъектов федерации выровнялся. В результате автономные округа стали обладать значительной самостоятельностью: они решали свои вопросы

непосредственно с федеральным центром, на их территории действовало только российское и собственное законодательство, краевая (областная) юрисдикция отсутствовала и т.д. Политические элиты экономически самодостаточных автономных округов старались дистанцироваться от краев (областей) и отстаивали право на самостоятельность, независимость и даже выход из состава краев (областей). К таким округам относятся, в первую очередь, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО, входящие в состав Тюменской области, а также Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Корякский АО, Эвенкийский АО. В отличие от них экономически слабые округа, такие как, например, Коми-Пермяцкий АО, Усть-Ордынский Бурятский АО стремились к сотрудничеству с краями (областями). После корректировки законодательства в 2003 г., был начат процесс добровольно-принудительной ликвидации автономных округов на основе итогов референдумов. Первым был законодательно закреплён процесс объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого АО в Пермский край (объединение вступило в силу 1 декабря 2005 г.). Затем последовали объединения Таймырского (Долгано-Ненецкого) АО и Эвенкийского АО с Красноярским краем (объединение вступило в силу 1 января 2007 г.), Корякского АО и Камчатской области в Камчатский край (объединение вступило в силу 1 июля 2007 г.), Усть-Ордынского Бурятского АО и Иркутской области (объединение вступило в силу 1 января 2008 г.), Агинского Бурятского АО и Читинской области в Забайкальский край (объединение вступило в силу 1 марта 2008 г.). В результате слияния административно-территориальных единиц число субъектов федерации постепенно сокращалось. Следует отметить, что процесс укрупнения регионов сопровождался сопротивлением политических элит некоторых округов. Например, руководство Ханты-Мансийского АО категорически не поддержало инициативу властей Тюменской области и Ямало-Ненецкого АО по объединению трех регионов. Были сорваны процессы объединения Республики Алтай и Алтайского края (во многом благодаря активности общественных организаций, например, движений «За республику», «Родной язык» и др. [7, с. 25-26]), Республики

Адыгея и Краснодарского края, Ненецкого АО и Архангельской области. Политическая элита Усть-Ордынского Бурятского АО в подготовленном обращении окружной Думы совершенно обоснованно требовала гарантий сохранения национально-культурной автономии в случае объединения с Иркутской областью. Спикер Думы А. Хориноев выступил за принятие федерального закона об автономных образованиях, в котором были бы зафиксированы в числе прочих и вопросы, касающиеся условий их ликвидации. Однако, несмотря на протесты региональных элит, укрупнение регионов, предполагающее ликвидацию сложносоставных субъектов федерации, видимо, будет иметь продолжение.

Итак, с приходом к власти В.В. Путина выстраивается новая система взаимоотношений федерального центра с регионами. Отмечается устойчивое стремление центральной власти контролировать субъекты России и региональные политические элиты. В связи с этим начинается методичное выстраивание новой властной вертикали, в которой главным актором российского политического процесса становится федеральный центр, а региональные политические элиты, утратившие многие властные ресурсы, выступают в роли исполнителей государственной политики на местах. Впрочем, существуют и другие точки зрения. Так, по результатам некоторых исследований [273], ресурсы региональной власти не столько уменьшаются, сколько становятся другими – они сдвигаются в сторону непубличной политики, где решающую роль играют неформальные договоренности между влиятельными в регионе акторами. В данной связи высказываются мнения, что региональные элиты способны «искривить» вертикаль власти так, как им будет удобно. Безусловно, определенная доля истины здесь есть.

Таким образом, социальный статус региональных политических элит на протяжении последних десятилетий постоянно изменялся. В рамках советской системы региональные элиты находились под строгим контролем партийного руководства, их формирование происходило из центра путем назначения на ответственные должности. Кардинальные изменения произошли в н. 1990-х гг. под влиянием ослабления центральной власти и

политических конфликтов союзного и российского руководств. В результате развития центробежных тенденций в стране, последующего «парада суверенитетов» и ликвидации СССР произошло резкое повышение статуса региональных элит. Отметим, что именно политические элиты союзных республик, руководствуясь эгоистическими интересами и собственными амбициями, стали основной движущей силой уничтожения одной из могущественных держав XX века. После распада СССР, с разрушением прежних механизмов взаимоотношений центра и регионов, обретая новые полномочия в экономической и политической сферах, региональные элиты превратились в серьезную политическую силу. На протяжении 1990-х гг. они оставались влиятельными акторами российского политического процесса. Однако с 2000 г., в результате жесткой политики федерального центра, ситуация резко изменилась, региональные политические элиты оказались вытесненными с общероссийской политической сцены. Представляется, что данная ситуация в ближайшее время сохранится и, возможно, будет корректироваться в сторону усиления централизации государственной власти и ограничения свободы действий региональных политических элит. Вместе с тем нельзя не заметить некоторых изменений, произошедших в последние годы во взаимоотношениях между центром и регионами: региональные элиты сначала получили возможность выдвигать своих кандидатов на пост руководителя региона, а затем, с возвращением выборной системы, и самостоятельно баллотироваться на данную должность; центр, не справляясь с некоторыми изъятиями у регионов полномочиями, постепенно начинает их возвращать; появился закон, позволяющий региональным руководителям досрочно распускать представительные органы власти регионального и муниципального уровней и др. Соответственно, наметилась тенденция к расширению властных ресурсов региональных политических элит, которая, возможно, получит продолжение, но лишь в строго определенных границах. На наш взгляд, политика по отношению к регионам не изменится, все ключевые полномочия сохранятся за федеральным центром.

2.2. Рекрутирование постсоветских политических элит

События 1990-х годов, произошедшие в России, оказали существенное влияние на развитие различных социальных сфер, в том числе и на область политики. Значительные перемены коснулись органов государственной власти и управления, в которых важнейшие позиции заняла группа лиц, отличающаяся от своих предшественников по стилю деятельности, ценностным ориентациям и другим характеристикам. Данный факт стал возможен благодаря изменению процесса вовлечения людей в политику, выдвижения их на руководящие посты и продвижения в дальнейшем к вершинам политической иерархии, то есть пересмотру системы рекрутирования управленческих кадров. Рассмотрим важнейшие параметры указанного процесса – практикующиеся в постсоветский период каналы и механизмы рекрутирования российских политических элит, в частности, сравнительно малоизученных элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва.

Для современной России традиционными каналами рекрутирования политических элит, на наш взгляд, являются советская номенклатура, государственный аппарат и органы местного самоуправления.

Вопрос о наличии сегмента номенклатуры в составе постсоветских политических элит стал предметом бурных обсуждений в научной среде с н. 1990-х гг. и не потерял своей актуальности по сей день. Наиболее авторитетными в данном вопросе являются концепция «трансформации номенклатуры» О. Крыштановской и С. Уайта, а также модель «смены поколений» Д. Лэйна. Среди сторонников первого подхода преобладает мнение, что советская элита в начале 1990-х гг. сумела адаптироваться к новым условиям и продолжить свою деятельность, тем самым, основу новой элиты составляет прежняя номенклатура. Процессы перераспределения власти рассматриваются ими в качестве «второй русской революции», в которой победу одержал второй эшелон номенклатурных работников [236, с. 64]. В основе второго подхода лежит тезис Д. Лэйна о том, что результат трансформации российской федеральной элиты определяется конфликтом

поколений и постепенным замещением «старой» элиты («горбачевской») на «новую» («ельцинскую»), более мобильную и способную выстраивать взаимоотношения, отвечающие современным реалиям [573]. Сторонники модели «смены поколений» считают, что в период нахождения у власти Президента РФ Б.Н. Ельцина для всех социальных групп был открыт неноменклатурный путь вверх, что привело к смене политической элиты и уходу советской номенклатуры с политической арены.

Понятие «смена», употребляемое по отношению к политической элите, подразумевает кардинальное, качественное изменение ее состава. Однако, как показывают результаты многочисленных исследований, в постсоветский период властные ресурсы в федеральном центре и российских регионах, как правило, остались у прежних лиц, радикальной смены элиты не произошло. По данным исследования, проведенного в н. 1990-х гг. сектором изучения элиты Института социологии РАН, более 75% политической и 61% бизнес-элиты России были выходцами из советской номенклатуры. Новая политическая элита состояла, в основном, из бывших партийных и советских работников, а новая экономическая элита рекрутировала кадры из комсомольцев и хозяйственников (см. таблицу 3) [529, с. 2].

Таблица 3
Рекрутация элиты из советской номенклатуры (в %)

	Окружение Президента	Лидеры партий	Региональная элита	Прави- тельство	Бизнес- элита
Всего из советской номенклатуры	75,0	57,1	82,3	74,3	61,0
В том числе из:					
партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Как показывает таблица 3, из представителей советской номенклатуры были сформированы различные группы элиты, в том числе и региональная, в которой их доля составляла около 83%. Близкие данные приводились и в начале марта 1992 г. на пресс-конференции аналитического центра «РФ-

политика». Согласно им в большей части регионов России, впрочем, как и в центре, до 70-80% состава органов государственной власти приходилось на партгосноменклатуру [429, с. 34].

Тем самым в 1990-х гг. представители советской номенклатуры в целом сохранили и даже укрепили свои позиции в органах государственной власти. Положение мало изменилось и позже. По материалам исследования «Самые влиятельные люди России – 2003», проведенного Российским институтом ситуационного анализа и новых технологий «ИСАНТ» [456], около двух третей губернаторского корпуса в данное время составляли лица со значительным опытом управления в советский период (Самарская, Ростовская, Астраханская области; республики Калмыкия, Татарстан и др.), 13 глав субъектов федерации занимали свои должности с 1991 г. В ряде российских регионов ведущие позиции в руководстве и аппарате администраций занимали «бывшие комсомольцы» - руководящие работники центрального и региональных аппаратов ВЛКСМ 1970-1990-х гг. (Архангельская, Кировская, Пермская, Читинская, Новгородская области; Краснодарский, Ставропольский края; Республика Мордовия; Ямало-Ненецкий АО) [456, с. 62-63]. Заметим, что в регионах, возглавляемых представителями советской номенклатуры в составе политических элит, как правило, преобладали лица из этой же группы с соответствующими возрастными, образовательными, ментальными и иными характеристиками. В н. 2006 г. выходцы из советской партийной элиты занимали первые позиции примерно в 20 регионах России. Около половины из них являлись в прошлом первыми лицами региональных комитетов КПСС, остальные – партийными работниками районного и городского звена или менее значимыми представителями партийных структур регионального уровня. Порядка 20 региональных руководителей в это время представляли «исполкомовскую элиту» [506, с. 666].

Обратим внимание на политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. По данным анкетирования, проведенного диссертантом в

2004 году в Бурятии, лишь 27,5% опрошенных никогда не работали ни в партийных, ни в советских, ни в комсомольских органах, 33,5% имели опыт работы в каком-либо одном органе, 39% - в двух-трех органах. В ходе опроса мы также поинтересовались у респондентов, ощущают ли они себя представителями «старой гвардии» управленцев или их «новой волны», задав соответствующий вопрос в анкете. К «старой гвардии» себя отнесли - 17,6% опрошенных, к представителям «новой волны» - 30,7%, подавляющее большинство - 51,7% затруднились определить свое место в предложенном разделении. Далее в анкете предлагалось ответить на вопрос: «Если допустить, что различия между «старой гвардией» и «новой волной» действительно существуют, то что, по Вашему мнению, характерно для деятельности представителей «старой гвардии» и «новой волны» в сфере управления, политики, экономики?» (см. таблицу № 2 в приложении I). Были предложены следующие варианты: «компетентность», «связи», «способность нести ответственность за принимаемые решения», «способность принимать нестандартные решения», «соблюдение законов», «способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций», «карьеризм», «опыт». Выявилось примерно равное процентное соотношение в характеристиках деятельности представителей «старой гвардии» и «новой волны». Вместе с тем, анкетированные указали на то, что способность принимать нестандартные решения в большей степени характерна лицам, принадлежащим к группе «новой волны», а для представителей «старой гвардии» более свойственно соблюдение законов.

В 2009-2010 гг. респондентам республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва были заданы похожие вопросы. Выяснилось, что опыт работы в советско-партийных органах имеется у большинства представителей республиканских политических элит (см. таблицу № 3 в приложении I): в Бурятии у 62,3% респондентов, в Саха (Якутии) у 60,4%, в Тыве у 61,9%. Причем многие из них отмечали, что прошли всю советскую партийно-комсомольскую школу и перечисляли ряд занимаемых должностей в номенклатурной иерархии. В числе других органов, помимо предложенных в анкете вариантов,

респонденты Бурятии назвали представительные органы власти (депутаты райсовета, горсовета), силовые и специальные органы, совет профсоюзов; Саха (Якутии) - органы местного самоуправления, органы государственной власти (работа на общественных началах); Тывы - представительные органы власти, СМИ, профкомы. Тем самым в изучаемых нами регионах смены элит не произошло, как справедливо заметил эксперт из Бурятии, «фактически все представители данной группы родом из СССР».

Среди элитных групп, не имеющих опыта работы в советско-партийных органах, во всех республиках лидирует муниципальная элита. На втором месте в Бурятии и Тыве находится исполнительная элита. Следует отметить, что значительный показатель в 34,8%, зафиксированный в Тыве в данном виде элиты, заметно отличается от других регионов. Тувинские эксперты, принявшие участие в проводимом нами интервью, пояснили, что с приходом к власти Ш.В. Кара-оола, занявшего в 2007 г. пост Председателя Правительства Республики Тыва, началось интенсивное обновление элит. Ранее, при Ш.-о.Д. Ооржаке, у власти находились, как правило, представители советской номенклатуры. Соответственно, причина выявленного нами процентного показателя заключается в корректировке кадровой политики Республики Тыва. В Саха (Якутии) на втором месте с 32,3% располагается законодательная / представительная элита. Заметим, что полученные данные совпадают с мнениями республиканских экспертов, которые указали, что депутатский корпус Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) примерно на 60% состоит из партократов, избирающихся в парламент по 3-4 срока. В целом, эксперты отметили, что на протяжении 1990-х гг. изменений в составе политической элиты РС(Я) почти не наблюдалось, они фиксируются лишь с н. 2000-х гг. Менее всего лиц, не имеющих опыта работы в советско-партийных органах, выявилось в исполнительной элите Саха (Якутии) и законодательной / представительной элитах Бурятии и Тывы.

Тем самым в составе республиканских политических элит наблюдается значительное количество выходцев из советской номенклатуры. Однако

заметим, что их доля в изучаемой социальной группе уменьшается. Данную тенденцию можно проследить на примере Бурятии: в 2004 г. никогда не работали в советско-партийных органах 27,5% опрошенных, в 2009-2010 гг. - 37,7%. Главная причина подобной динамики, на наш взгляд, заключается в современной кадровой политике, в которой делается акцент на приход во властные структуры молодых людей. Кроме того, не следует забывать и специфику советских управленцев - как правило, они занимали руководящие должности в достаточно солидном возрасте. Соответственно, сегодня идет постепенный процесс пополнения политической элиты новыми кадрами, который обусловлен как естественным уходом советской номенклатуры из органов власти в силу возрастных особенностей, так и новыми кадровыми предпочтениями.

Далее в анкете у респондентов уточнялось, с каким типом поколения управленцев они себя соотносят. Как показывают данные таблицы (*см. таблицу № 4 в приложении I*), около половины опрошенных относят себя к постсоветскому поколению управленцев, что вызывает некоторое удивление, так как значительная часть респондентов, как уже выяснилось, имеет опыт работы в советско-партийных органах. Соответственно, представители номенклатуры в постсоветский период сумели не только остаться во властных структурах, но и стать эффективными менеджерами, овладев новыми принципами и технологиями работы, что позволяет им считать себя современными управленцами. Тем не менее, было очевидно колебание при ответе на данный вопрос, так как многие представители политических элит выбирали одновременно и первый и второй варианты ответов, то есть относили себя и к советскому, и к постсоветскому поколениям управленцев. Вместе с тем, около 30% опрошенных в каждом регионе продолжают ассоциировать себя именно с управленцами советского поколения. Заметим, что часть респондентов затруднилась ответить на данный вопрос, либо, не считая нужным осуществлять подобное разделение, либо не представляя четких критериев для разделения двух типов. Безусловно, заданный вопрос требует конкретизации, выделения характерных черт представителей

советского и постсоветского поколений управленцев, что и было предложено сделать респондентам в ходе анкетного опроса (см. таблицы № 5-7 в приложении I). Выяснилось, что представители всех республиканских политических элит единодушны во мнении, что для советского поколения управленцев характерны опыт и компетентность. Элиты Якутии и Тывы добавляют, кроме того, такие характеристики, как «соблюдение законов», «способность нести ответственность за принимаемые решения» и «соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения». Для деятельности постсоветского поколения управленцев, по мнению политических элит трех регионов, характерна способность принимать нестандартные решения. Также данному поколению добавляются такие качества, как «способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций» (мнения элит Бурятии и Якутии), «карьеризм» (Якутия), «связи» (Якутия и Тыва). Примерно равное процентное соотношение у двух поколений управленцев наблюдается по вариантам: «способность нести ответственность за принимаемые решения» (Бурятия, Якутия), «карьеризм» (Бурятия, Тыва), «способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций» (Тыва). У политической элиты Бурятии, помимо названных характеристик, примерно равное количество ответов по вариантам: «соблюдение законов», «связи», «соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения». Результаты показывают, что представители республиканских политических элит в целом достаточно положительно и уважительно относятся к советскому поколению управленцев, которому, на их взгляд, присущи лучшие из предложенных в анкете качеств от «опыта» до «соблюдения нравственно-этических норм и правил поведения». В отношении постсоветского поколения управленцев преобладают не очень лестные характеристики от «способности принимать нестандартные решения» до «склонности к компромиссу», которые, как нам представляется, не являются определяющими для современного менеджера. В этой связи не совсем понятно, почему республиканские политические элиты, в составе которых более 60% представителей номенклатуры, позитивно оценивающие

советское поколение руководителей, относят себя к постсоветскому поколению управленцев. Представляется, что это решение лишь констатирует факт наличия постсоветского времени и, соответственно, нового типа менеджеров.

Таким образом, в составе постсоветских политических элит наблюдается значительная доля лиц, имеющих номенклатурный опыт работы. Сегодня фактически нет таких регионов, где государственные органы власти были бы сформированы на основе кардинального обновления элитных групп, к власти, как правило, пришли представители второго и третьего эшелонов советско-партийной элиты. Соответственно, одним из каналов рекрутирования современной политической элиты является советская номенклатура. Вместе с тем следует отметить, что данный канал постепенно теряет свое лидирующее значение, так как он фактически исчерпан и, следовательно, в ближайшее время перестанет исполнять роль источника пополнения состава политической элиты.

Что касается государственного аппарата и органов местного самоуправления, то они всегда являлись важнейшими каналами рекрутирования политической элиты. Служба в учреждениях государственного и муниципального управления как федерального, так и регионального уровней, традиционно открывала широкие возможности для занятия руководящих должностей в органах власти. Показательно, что госслужба наряду с предпринимательской деятельностью стала пропуском в элиту для почти 70% молодых людей, вошедших в сборник «Кадровые резервы России», составленный Центром политической информации [195]. Вместе с тем следует отметить, что в области кадровой политики в органах государственной и муниципальной власти существуют определенные проблемы. Претерпев значительные изменения в постсоветский период, данная политика, на наш взгляд, еще не сформировалась, она находится в стадии становления. Приняты отдельные нормативные документы общего характера: закон о государственной службе, закон о муниципальной службе и др., которые задают правовые рамки деятельности в области кадровой

политики. Однако данные законодательные акты не являются системой стратегических мер и носят довольно ограниченный характер. В связи с этим актуальными направлениями современной кадровой политики в системе государственной службы являются формирование эффективного механизма подбора кадрового состава государственных служащих и определение направлений работы с ним. Для этого необходимо решение следующих задач: обновление и ротация кадрового состава государственных служащих; формирование кадрового резерва и обеспечение его эффективного использования [230].

В постсоветский период наблюдается появление новых каналов рекрутирования политической элиты. Например, отмечается массовое вхождение в состав данной социальной группы представителей бизнеса, причем как на федеральном, так и на региональном уровнях. Заметим, что история союзов органов власти с экономическими элитами начинается с конца советского периода, когда во второй половине 1980-х годов на этапе скрытой приватизации под патронажем обкомов, исполкомов, горкомов начали создаваться коммерческие структуры [269, с. 102]. В современных условиях взаимоотношения представителей власти и бизнеса строятся на принципе взаимозависимости. Н.Ю. Лапина отмечает: «бизнес, даже самый крупный и влиятельный, заинтересован в благоприятном предпринимательском климате и хороших отношениях с властью. Власть может создавать для работающих на территории региона компаний режим наибольшего благоприятствования, предоставлять кредиты или льготный режим налогообложения. Приобретая крупные производственные объекты в регионах, новые собственники <...> сталкиваются с множеством социальных (наличие больших коллективов и большого количества социальных объектов) и экономических (задолженность предприятий) проблем, решить которые без поддержки городских и областных властей сложно» [275, с. 99]. Кроме того, региональные власти регулируют различные направления деятельности крупных корпораций (например, выдача лицензий на эксплуатацию недр). Также, используя свои властные ресурсы, региональные

лидеры могут «закрыть» рынок в пользу какой-то корпорации и лоббировать ее интересы на федеральном уровне. Власть, в свою очередь, также заинтересована в налаживании контактов с бизнес-структурами. Данные связи позволяют им реализовывать региональные программы развития, проводить более независимую политику. Помощь, оказываемая коммерческими структурами губернатору и его окружению, может носить самый разнообразный характер. Во-первых, выделение средств на проведение предвыборной кампании в регионе. Во-вторых, в обмен на льготы они оказывают органам власти различного рода услуги: кредитуют региональный бюджет, выдают беспроцентные ссуды, занимаются жилищным строительством и благотворительностью. В-третьих, при их поддержке в ряде регионов финансируются различные программы развития.

Тесная связь бизнеса и власти отчетливо видна при анализе персонального состава лиц, причастных к руководству и управлению регионами России. В этом отношении представляют интерес рейтинговые таблицы, составленные экспертами для проекта «Самые влиятельные люди России – 2003» [456]. Так, в Красноярском крае состав бизнес-элиты на 90% повторял состав политической элиты. Многие влиятельные в политике лица, вошедшие в список, так или иначе были задействованы в сфере экономики [456, с. 214-218]. В Приморском крае 95% наиболее влиятельных лиц в экономике одновременно являлись влиятельными и на политической сцене региона, а половина из них были депутатами Законодательного собрания края [456, с. 228-231]. В Республике Саха (Якутия) политическая и экономическая элиты также были довольно близки по персональному составу. Значительную часть местного парламента в данное время составляли руководители крупных предприятий и организаций: В.Т. Калитин - президент «АЛРОСА»; К.К. Ильковский - глава КБ «Якутскэнерго»; А.С. Николаев - председатель правления КБ «Алмазэргиэнбанк». Из 17 человек, входящих в список экономической элиты, 8 являлись депутатами парламента республики. Десять лиц вошли в оба списка - и политической, и бизнес-

элиты: В.А. Штыров, Е.А. Борисов, В.Т. Калитин, И.Ф. Михальчук, К.К. Ильковский, Р.Ю. Шипков, А.С. Николаев, В.М. Власов, Ф.С. Тумусов, В.Ф. Петров [456, с. 150-153]. Аналогичная тенденция прихода в политику бизнес-элиты наблюдалась и в Республике Бурятия. Согласно полученным результатам, многих высших должностных лиц республики, имеющих на тот период отношение к принятию важнейших управленческих решений в масштабе региона, таких как: Президент Республики Бурятия – Л.В. Потапов; глава администрации г. Улан-Удэ – Г.А. Айдаев; заместитель председателя Народного Хурала РБ – И.И. Калашников; первый заместитель председателя правительства РБ – В.О. Гейдебрехт; заместитель председателя правительства РБ, министр промышленности, производственной инфраструктуры и технологий – В.В. Переляев; заместитель председателя правительства РБ, министр строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства РБ – Н.И. Быков; заместитель председателя правительства РБ по развитию агропромышленного комплекса – Л.Д. Турбянов; заместитель председателя правительства РБ по развитию социальной сферы – И.М. Егоров; заместитель председателя правительства РБ, глава полномочного представительства РБ при Президенте РФ – Б.Г. Бальжиров; председатель правления фонда реализации федеральной программы социально-экономического развития РБ – А.И. Мельник; представитель в Совете Федерации ФС РФ от правительства РБ – В.К. Агалов и др. – эксперты отнесли как к политической, так и к экономической элите [456, с. 104-107]. Данные лица на момент проведения исследования занимали руководящие должности, имели возможность легитимного влияния на экономическую и политическую жизнь в республике.

На факт вхождения представителей бизнеса в состав политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва обращают внимание многие региональные исследователи. Например, Ю.Б. Рандалов пишет « ... по нашим наблюдениям, в целом процесс качественно новых изменений в социальной структуре бурятского населения республики развивается по

крайней мере в пяти направлениях, в русле каждого из которых обнаруживается тенденция появления каких-то новых групп, слоев. В верхнем эшелоне социальной организации бурятского народа формируется высший слой управленцев, который можно обозначить национальной региональной элитой. Характерная ее черта – сопряженность с формирующимся местным крупным капиталом и финансовой олигархией» [437, с. 9]. А.Л. Попов отмечает, что «между экономической и политической элитой Якутии сложились достаточно устойчивые связи» [410, с. 112]. Е.В. Тышта указывает: «Характерной чертой развития органов представительной власти в Хакасии и Тыве в 1990-е годы стало увеличение доли руководителей различных предприятий и организаций в составе ассамблей» [508, с. 78]. Действительно, факт массового вхождения представителей бизнеса в состав политической элиты невозможно не заметить. Особенно если осуществить анализ официальных биографий депутатов региональных законодательных органов власти, что и было сделано нами. Рассмотрение составов четырех созывов Народного Хурала Республики Бурятия показало, что значительную часть в них неизменно занимают руководители крупных предприятий и организаций (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Должностной состав Народного Хурала Республики Бурятия
(в %, по первым трем созывам использованы данные
информационного бюллетеня Народного Хурала РБ [189])**

Вид деятельности	I созыв	II созыв	III созыв	IV созыв
работники органов гос. власти	18,8	7,2	15,4	13,6
главы муниципальных образований	18,8	18,8	-	-
работники органов местного самоуправления	7,2	5,7	6,2	-
руководители организаций различных форм собственности	36,3	47,9	60	45,5
руководители учебных заведений и научных институтов	4,3	8,7	7,7	7,6
работники учреждений образования	2,9	5,7	1,5	6,1
медицинские работники	5,8	1,5	4,6	3
работники правоохранительных органов	2,9	-	4,6	4,5
работники СМИ	-	1,5	-	1,5
работники учреждений различных форм собственности	1,5	1,5	-	15,2
партийные работники	-	-	-	1,5
религиозные и общественные деятели	1,5	-	-	1,5

безработные	-	1,5	-	-
<i>Общее количество депутатов</i>	69	69	65	66

Тем самым в составе законодательного органа власти Республики Бурятия – Народном Хурале РБ – сохраняется значительная доля руководителей организаций различных форм собственности, в IV созыве она составляет 45,5%. Отметим, что похожая ситуация наблюдается и в Улан-Удэнском городском Совете депутатов. Для данного органа власти характерно постепенное неуклонное увеличение количества представителей бизнес-элиты в составе депутатского корпуса (см. таблицу № 8 в приложении I).

Анализ созывов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) также подтверждает факт вхождения представителей бизнеса в состав политической элиты (см. таблицу № 9 в приложении I). В третьем созыве, избранном 29 декабря 2002 г., присутствовали внушительные команды компании «АЛРОСА», энергетиков и некоторых других отраслей. В целом «можно выделить 9 корпораций, а именно: 1) ЗАО «АЛРОСА» (14 чел.), 2) «Энергетики» (5 чел.), 3) Угольщики (3 чел.), 4) «Золотари» (5 чел.), 5) «Транспортники» (2 чел.), 6) «Нефтегазовики» (6 чел.), 7) «Муниципалы» (16 чел.), 8) «Образования» (5 чел.), 9) «Иные» (13 чел.)» [59, с. 53]. В четвертом созыве Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), избранном 2 марта 2008 г., представители бизнес-элиты продолжают занимать доминирующее положение (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Должностной состав Государственного Собрания (Ил Тумэн)
Республики Саха (Якутия) четвертого созыва**

Вид деятельности	в %
работники органов государственной власти	22,9
руководители организаций различных форм собственности	44,3
руководители учебных заведений и научных институтов	4,3
работники учреждений образования	1,4
работники СМИ	1,4
работники учреждений культуры	1,4
работники учреждений различных форм собственности	20
партийные работники	2,9
религиозные и общественные деятели	1,4
<i>Общее количество депутатов</i>	70

В Республике Тыва несколько иная ситуация. В 2002 г. в первый созыв Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва было избрано 39% руководителей предприятий и организаций [508, с. 79]. Во втором созыве Законодательной палаты Великого Хурала РТ число представителей бизнес-элиты стало гораздо меньше. Вместо них в составе депутатского корпуса наблюдается значительное количество работников органов государственной власти (см. таблицу 6).

Таблица 6

**Должностной состав Законодательной палаты Великого Хурала
Республики Тыва второго созыва**

Вид деятельности	в %
работники органов государственной власти	43,8
руководители организаций различных форм собственности	9,4
руководители учебных заведений и научных институтов	6,2
работники учреждений образования	9,4
медицинские работники	18,8
работники правоохранительных органов	3,1
работники учреждений культуры	3,1
работники учреждений различных форм собственности	6,2
<i>Общее количество депутатов</i>	32

Итак, результаты анализа официальных биографий депутатов законодательных органов власти позволили определить должностной состав республиканских парламентов и выявить в них долю руководителей организаций различных форм собственности: в Бурятии она составляет 45,5%, в Саха (Якутии) - 44,3%, в Тыве - 9,4%.

Как видно из представленного материала, значительная часть бизнес-элиты в постсоветский период уверенно вошла в состав властных структур. Данная тенденция характерна для большинства регионов России, в том числе и для республик Бурятия, Саха (Якутия) и, отчасти, Тыва. Учитывая данный факт, представляют интерес мнения политических элит по вопросу предпочтительных форм взаимодействия руководителей крупных предприятий и банков с органами власти, которые были нами установлены в ходе анкетного опроса (см. таблицы № 10-12 в приложении I). Респондентам были предложены следующие варианты форм взаимодействия: 1) выступать в качестве депутатов законодательных / представительных органов власти и

непосредственно участвовать в правотворческой деятельности; 2) непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты; 3) воздействовать на принятие политических и управленческих решений, работая в качестве советника, эксперта в законодательных и исполнительных органах власти; 4) воздействовать на принятие решений, участвуя на общественных началах в работе консультативных органов при властных структурах; 5) воздействовать на принятие решений посредством общественных ассоциаций бизнеса. По данным анкетирования, большинство респондентов отвергают идею непосредственной работы руководителей крупных предприятий и банков в законодательных и исполнительных органах власти. Заметим, что часто они категоричны в своем мнении, что отражается в выборе ответа «нет» на все варианты, предложенные в анкете. Общий смысл сделанных ими дополнений к вопросу сводится к мысли, что каждый должен работать на своем месте. Однако многие из респондентов все же указывают, что варианты: «воздействовать на принятие решений, участвуя на общественных началах в работе консультативных органов при властных структурах», «воздействовать на принятие решений посредством общественных ассоциаций бизнеса» не запрещены и, соответственно, могут быть реализованы. Согласно полученным данным, приоритетным избирается вариант воздействия на принятие политических и административных решений путем работы в качестве советников, экспертов различных консультативных структур, то есть отдается предпочтение формам косвенного влияния бизнес-элиты на органы власти. Между тем на данный момент можно выделить две наиболее распространенные формы участия бизнеса в современной региональной политике. Во-первых, это избрание в регионах представителей бизнеса в качестве глав исполнительной ветви власти, что, как правило, влечет за собой волну назначений выходцев из бизнес-элиты на руководящие должности в структуры исполнительной власти. Например, после избрания губернатором Приморского края бизнесмена С.М. Дарькина, в краевой администрации на руководящие посты были назначены представители команды, приведшие его

к власти - бизнесмены и менеджеры. В составе избранного в июне 2002 г. краевого Законодательного собрания большинство депутатов также были представителями местного бизнеса [456, с. 233-234]. В Красноярском крае после победы на губернаторских выборах в октябре 2002 г. А.Г. Хлопонина – ставленника ФПГ «Интеррос», формирование новой элиты происходило с учетом корпоративной принадлежности к «Интерросу» (Ю.П. Олейников, Л.В. Кузнецов, О.А. Бударгин, Р.В. Кармазина, С.М. Сокол и др.) [456, с. 219]. Во-вторых, избрание представителей бизнеса в качестве депутатов Государственной Думы ФС РФ и региональных парламентов, а также делегирование выходцев из бизнес-элиты в Совет Федерации ФС РФ в качестве представителей регионов. По данным М.Н. Афанасьева, российский депутатский корпус образца 1994 г. состоял в большей степени из региональных и муниципальных чиновников. К 1997-1998 гг. практически во всех региональных законодательных собраниях стали доминировать руководители акционерных обществ, унитарных предприятий, банков и других коммерческих структур. Причины данной тенденции, по его мнению, заключаются в том, что в современных условиях экономический успех во многом зависит от наличия административного ресурса, покровительства и связей, которые позволяют принимать и изменять законодательные акты, формировать и контролировать бюджет и внебюджетные фонды, следить за ходом приватизации и распределения земель [260, с. 68]. В качестве других причин вхождения бизнеса во властные структуры, на наш взгляд, можно назвать также: 1) необходимость защиты бизнес-интересов на законодательном уровне вследствие увеличения конкуренции в региональном политико-экономическом пространстве; 2) необходимость консолидации регионального бизнеса перед лицом экспансии федеральных финансово-промышленных групп; 3) лоббирование интересов – своих или определенной корпорации. По мнению некоторых исследователей [275], в перспективе возможно превращение учреждений законодательной власти в сильные органы лоббирования, по своим ресурсам близкие к исполнительной

власти. Данный тезис подтверждают выборы в законодательные органы власти отдельных регионов (например, Ярославской и Самарской областей), на которых отмечались попытки крупных корпораций провести в законодательные собрания не отдельных лиц, а группы своих депутатов с целью формирования консолидированной силы. Похожую тактику, по мере наличия необходимых ресурсов, пытаются реализовать и менее крупные экономические силы [275].

Итак, в постсоветский период развития России наблюдается тесное взаимодействие бизнеса и власти, фактически происходит слияние политической и экономической элит и формирование политико-финансовых конгломератов, претендующих на роль доминирующих субъектов политики и экономики. Факт присутствия во власти бизнес-элиты, на наш взгляд, нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, бизнес приносит в органы власти новые модели управления и принципы работы. Его представители, обладая особыми чертами характера и иным типом мышления, достаточно успешно вписываются во властные структуры, зачастую более четко и быстро выполняют свои должностные функции. Однако, как уже отмечалось, очень часто представители бизнеса используют властные ресурсы для реализации своих скрытых целей, либо задач определенных корпораций. В данной связи в литературе высказываются опасения относительно увеличения присутствия бизнес-элиты в органах государственной власти. Например, Н.Ю. Лапина вполне обоснованно считает, что «при массированном проникновении бизнеса в исполнительную власть может произойти ее дестабилизация» [275, с. 116]. Неоднозначное отношение к процессу вхождения представителей бизнеса в состав политической элиты выявилось и в ходе проведенного нами экспертного интервью. Часть экспертов отнеслась к данному процессу положительно. По их мнению, если человек из сферы бизнеса пришел во власть, то значит осознал себя как сформировавшегося политика. Приведем суждение эксперта из Бурятии: «Вхождение бизнес-элиты – это хорошая тенденция для политической элиты. Например, те же депутаты должны быть бизнесменами, хозяйственниками.

Они умеют ценить копейку, понимают, сколько денег нужно и куда их следует потратить. В целом это историческая тенденция, так было всегда». Для остальных экспертов характерно отрицательное отношение к указанному процессу. Показательным является мнение эксперта из Саха (Якутии): «Бизнес-элита идет во власть для лоббирования своих интересов. Сращивание двух групп элиты ведет в конечном результате к процветанию коррупции в государственных органах». С данной точкой зрения трудно не согласиться. На наш взгляд, ситуация, сложившаяся в подавляющем большинстве законодательных и исполнительных органов власти России, в составе которых наблюдается доминирование представителей бизнес-элиты, является тревожной и абсолютно неприемлемой, но она отражает определенный этап истории нашей страны, характеризующийся укреплением могущества финансовой олигархии, которая сосредоточивает в своих руках стратегические ресурсы и обладает обширной зоной влияния. Представляется, что бизнес, при наличии определенных факторов (грамотной кадровой политики, обновленной законодательной базы и др.), перестанет быть лидирующим в числе каналов рекрутирования элиты. Согласимся с мнением политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, что каждый должен работать на своем месте. Представители бизнес-элиты, на наш взгляд, могут внести значительно больший вклад в развитие нашей страны (разумеется, если они ставят перед собой такую цель, стремясь войти в состав органов власти) в случае, если будут выступать в качестве советников, оказывая квалифицированные консультационные услуги по экономическим вопросам. Вместе с тем мы не считаем обоснованным полное исключение бизнеса из сферы политики. Данный сегмент, обладающий рядом преимуществ, должен быть в составе органов власти, но при соблюдении определенных условий и в гораздо меньшем количестве. Пополнение состава политической элиты, по нашему мнению, должно происходить преимущественно из числа работников органов государственной власти и управления. В этом отношении нам импонирует ситуация, сложившаяся в Законодательной палате Великого Хурала

Республики Тыва второго созыва. Именно профессиональные управленцы, прошедшие необходимую подготовку и обладающие значительным опытом работы в государственных органах власти и управления, способны на компетентное решение поставленных перед страной задач.

Роль политических партий в качестве канала рекрутирования элиты периодически менялась. В СССР, как известно, он был доминирующим, именно из КПСС рекрутировались кадры для замещения вакантных руководящих должностей в государстве. В 1990-е гг. партии в качестве канала рекрутирования политической элиты, как правило, значительной роли не играли, их влияние в обществе существенно уменьшилось. Однако уже в 2000-е гг. партии вновь становятся серьезным каналом пополнения элиты. В это время были внесены важные изменения в законодательство России, существенно затронувшие функционирование политических партий: их регистрация стала возможна лишь при условии, что они имеют региональные отделения не менее чем в половине субъектов федерации и численность их членов не менее 50 тыс. человек [273], повышен проходной барьер до 7%, отменена строка «против всех» в избирательном бюллетене, введено требование постоянного членства в партии, ужесточился финансовый контроль над деятельностью партий; осуществлен переход к пропорциональной системе на федеральных выборах (в парламент), а также к пропорциональной и смешанной на региональных выборах и др. Данные нововведения привели к прекращению активной деятельности и маргинализации множества партий и движений, образованных в 1990-е гг. В результате обозначились четыре крупнейшие партии: «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР, которые стали главными субъектами всех избирательных кампаний и источниками пополнения состава политических элит. Несмотря на последующие коррективы, внесенные в законодательство, и образование в связи с этим множества новых партий, их значение и статус не изменились. Наибольшее влияние на современные политические процессы по-прежнему оказывает партия власти – «Единая Россия», которая, обладая административными и финансовыми ресурсами,

успешно продвигает своих членов во властные структуры. В органах исполнительной власти сегодня около 60-70% представителей политических элит (в том числе руководителей регионов) являются «единороссами». В составе законодательных органов власти, в том числе и республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, также наблюдается внушительное количество членов данной партии. В депутатском корпусе Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва фракция БРО политической партии «Единая Россия» включает 48 депутатов, фракция БРО политической партии «Справедливая Россия» - 8 депутатов, фракция БРО политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) - 5 депутатов, фракция БРО политической партии «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) - 3 депутата. Всего 2 депутата в созыве являются беспартийными. Заметим, что такая же тенденция наблюдается и среди народных избранников IV созыва Улан-Удэнского городского Совета депутатов, в котором 16 членов и сторонников партии «Единая Россия», 4 члена партии КПРФ, 3 члена партии «Справедливая Россия» и 1 представитель партии ЛДПР [599].

В составе Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) III созыва «из политических партий наибольший успех сопутствовал «Единой России». Из выдвинувшихся по ее спискам кандидатов депутатами стали 15 человек <...> В Ил Тумэн смогли пройти всего лишь пять из 28 прошедших регистрацию представителей КПРФ (всего было заявлено 33)» [59, с. 53]. В IV созыве Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) большинство вновь сохранила политическая партия «Единая Россия» - 20 депутатов. Другие партии представлены следующим образом: «Справедливая Россия» - 6 депутатов, КПРФ - 6 депутатов, «Аграрная партия России» - 3 депутата. Беспартийных в данном созыве 35 человек [602]. Отметим, что на выборах депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) IV созыва, состоявшихся 2 марта 2008 г., по партийным спискам наибольшее число голосов было отдано за партию «Единая Россия» - 52,62%, КПРФ набрало 15,79% голосов

избирателей, «Справедливая Россия» - 14,46%, «Аграрная партия России» - 8,14%. ЛДПР, набрав 6,54% голосов, не добилась представительства в Ил Тумэн [602].

Похожая ситуация и в составе Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва II созыва: 16 депутатов являются представителями Тувинского регионального отделения партии «Единая Россия», 10 депутатов – Регионального отделения политической партии «Российская партия жизни», одной из ведущих партий в регионе.

Следующим каналом рекрутирования политической элиты являются силовые и специальные структуры (органы внутренних дел, вооруженные силы, ФСБ и др.). Вхождение «силовиков» во власть началось еще при Президенте РФ Б.Н. Ельцине (на региональном уровне тенденция отмечается в 1997-1998 гг.), но стало наиболее заметным при Президенте РФ В.В. Путине. Социологи отмечают, что за первые годы его нахождения у власти доля военных в составе политической элиты значительно увеличилась – с 17,4% в 1999 г. до 25,1% в 2002 г. [239, с. 270]. По данным исследования «Самые влиятельные люди России – 2003», представители силовых и специальных структур занимали заметное место в рейтинге политического влияния Приморского края – прокурор В.В. Василенко, председатель приморского суда В.Ф. Ражев, начальник УВД Н.А. Вачаев [456, с. 228-231], Красноярского края – С.Д. Субботин (ФСБ), Ю.П. Астахов (УВД), В.Я. Гринь (прокуратура) [456, с. 214-217] и др. Отмечалась тенденция избрания бывших военных в качестве глав регионов. В это время было 7 «генерал-губернаторов», один из них - губернатор Калининградской области адмирал В.Г. Егоров [456, с. 48]. Такая же ситуация наблюдалась и на федеральном уровне. В результате парламентских выборов в декабре 2003 г. депутатами Государственной Думы РФ были избраны представители федеральных и региональных силовых структур: заместитель Б.В. Грызлова и его советник; руководители управлений МВД Курской и Кировских областей; представители УФСБ, армии из Свердловской и Камчатской областей, г.

Санкт-Петербурга. В целом выходцы из силовых структур (военные) в 2002 г. составляли четверть российской элиты (против 11,2% в 1993 г.) [456, с. 48; 239, с. 270]. Впрочем, имеются и другие данные. Так, Ш. Ривера и Д. Ривера приводят несколько иные показатели по присутствию военных («силовиков») в российской элите, согласно которым при М.С. Горбачеве в 1988 г. их было 4,4%; при Б.Н. Ельцине в 1993 г. – 5,7%, в 1999 г. – 9,3%; при В.В. Путине в 2003 г. – 13,9% [446]. Несмотря на разницу в подсчетах, следует признать факт явного прироста обозначенного сегмента в составе постсоветской элиты. Заметим, что в н. 2006 г. к группе «силовиков» принадлежало уже около 10 губернаторов [506, с. 670]. В последующие годы численность лиц из указанной группы в составе политической элиты постепенно уменьшалась. В органах власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва также имеются представители силовых и специальных структур, однако, по сравнению с другими российскими регионами, их количество незначительно – порядка 8-10% от общего состава политических элит. Присутствие «силовиков» во власти, как и бизнес-элиты, на наш взгляд, нельзя оценивать однозначно. Безусловно, они обладают рядом положительных качеств: исполнительность, субординация, четкое и неукоснительное решение поставленных перед ними задач. Кроме того, в силу специфики своей сферы деятельности они способны организовать работу органов власти, а также эффективно осуществлять за ней контроль. Возможно, по этим причинам часть экспертов, принявших участие в нашем исследовании, достаточно лояльно отнеслась к вхождению представителей силовых и специальных структур в состав политической элиты и органов власти (в случае, если это немассированное вторжение). Они отмечали, что «силовики» являются, как правило, назначенцами и большого влияния на развитие регионов не оказывают. Вместе с тем данный сегмент элиты имеет и некоторые отрицательные качества. Н.Ю. Лапина на примере военных поясняет: «военные только воспроизводят устоявшиеся схемы, не стремясь их видоизменить или развить в новом направлении. Подобный кадровый ресурс весьма эффективен, если

требуется удержать власть, но его возможности резко снижаются в том случае, если требуются модели не исполнительского, а инновационного поведения <...> военные способны воспроизводить ту модель власти, которая уже существует, оставаясь надежным и последовательным проводником сложившихся норм» [275, с. 119]. Представляется, что эту характеристику можно перенести и на представителей других силовых и специальных структур. Заметим, что многие эксперты также обращали внимание на указанные недостатки «силовиков», в том числе и на то, что им свойственно все делать по приказу. В ближайшем будущем, когда Россия уверенно встанет на путь инновационного развития, данный кадровый ресурс, на наш взгляд, будет использоваться значительно меньше, чем в 1990-х – н. 2000-х гг., когда общая внутривластная ситуация в стране требовала наличия жесткой исполнительной дисциплины на всех уровнях власти и отсутствия критической оценки поставленных задач.

Институциональные каналы науки и образования в постсоветский период также стали заметны в процессе рекрутирования политической элиты. Заметим, что представители научной интеллигенции всегда в тех или иных формах привлекались к работе в высших государственных органах, так как именно в научной среде рождаются и аккумулируются прогрессивные идеи, анализируются общественно-политические и социально-экономические аспекты развития социума, черпаются инновационные проекты по решению различных проблем человечества. По мнению Н.Ю. Кудеяровой, рекрутирование в элиту людей из научной сферы стало большим достижением демократического периода развития нашей страны. Исследователь отмечает, что для первой волны рекрутирования новых людей в большую политику, пик которой пришелся на 1991-1992 гг., характерно большое число академических ученых, в сентябре 1993 г. доля лиц, ранее занимавшихся научной деятельностью, среди ведущих политиков составляла 32%. Особенностью второй волны, наглядно проявившейся в декабре 1993 года, можно считать вовлечение в политику людей из разных профессиональных сфер, не связанных с научным трудом. Это бывшие

врачи, инженеры, предприниматели. В составе правительства России того времени значительно уменьшилась доля лиц, ранее занимавшихся научной деятельностью, а также представителей производственных отраслей. Они уступили место бывшим партийным управленцам и представителям аграрной сферы. К декабрю 1994 г. снова на первые позиции вышли персоны, для которых характерна научно-политическая карьерная мобильность. Например, среди депутатской элиты их соотношение с лицами с профессионально-политической мобильностью составляла 39,1% к 34,7% (по сравнению с декабрем 1993 г. - 28,6% к 47,6%) [256, с. 125]. Следует отметить, что команда Президента РФ Б.Н. Ельцина более чем на половину состояла из докторов наук. В последующие годы удельный вес представителей науки и образования в составе политической элиты постепенно, но неуклонно снижался. Регионов, в которых данный канал играл значительную роль в процессе рекрутирования элит фактически не наблюдалось. В качестве исключения назовем Красноярский край. Согласно исследованию «Самые влиятельные люди России – 2003», при губернаторе В.М. Зубове основанием элитного рекрутирования в крае служила «социальная близость»: многие посты в администрации занимали выходцы из научной интеллигенции (А.В. Усс, В.А. Новиков и др.), как и сам губернатор. Подавляющее число заместителей губернатора (Кузьмин, Аринчин, Проворов, Овчинников) также имели научно-педагогические корни [456, с. 220]. Отметим и Республику Тыва. По данным Е.В. Тышты, в I созыве Законодательной палаты Великого Хурала РТ (2002 г.) «значительную долю народных избранников составляли представители науки, культуры, просвещения и медицины <...> данная категория депутатов занимала до четверти депутатских кресел» [508, с. 79].

На современном этапе научная элита представлена в политике, как правило, руководством учреждений науки и образования, в особенности ректорами ведущих вузов. Заметим, что они уже традиционно пополняют состав политических элит. Например, в правительстве Республики Саха (Якутия) в 1992 г. было два руководителя научных учреждений и проректор университета [486, с. 172]. По данным исследования ИСАНТ «Самые

влиятельные люди России – 2003», в рейтинге политического влияния Томской области присутствовали ректоры четырех ведущих вузов, в Приморском крае в двадцатку влиятельных политиков входили ректоры трех вузов (Г.И. Лазарев, Г.П. Турмов, В.И. Курилов) [456, с. 56-57]. В Республике Бурятия ректоры ведущих высших учебных заведений также относятся к персонам, влиятельным в политике, ввиду того, что являются депутатами Народного Хурала РБ. Калмыков С.В. - ректор Бурятского государственного университета; Сактоев В.Е. - ректор Восточно-Сибирского государственного технологического университета; Попов А.П. - ректор Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова; Пшеничникова Р.И. - ректор Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств входили в состав третьего созыва и являются депутатами четвертого созыва НХ РБ. Отметим, что в Народном Хурале РБ IV созыва присутствует и директор Байкальского института природопользования СО РАН - А.К. Тулохонов. В Республике Саха (Якутия) в составе Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) четвертого созыва находится Л.Н. Владимиров - ректор Якутской государственной сельскохозяйственной академии, который также являлся депутатом третьего созыва Ил Тумэн. Степень политического влияния представителей образовательных учреждений, на наш взгляд, обусловлена рядом объективных факторов, среди которых наличие у вуза значительных денежных средств вследствие перехода к платному образованию, а также мощного по своей численности электората в лице студентов и преподавателей, которые в период избирательных кампаний становятся важной политической силой. В результате данные факторы позволяют лоббировать интересы науки и образования в высших эшелонах власти.

Итак, представители науки и образования как на федеральном, так и на региональном уровнях входят в состав органов власти и участвуют в принятии важнейших политических решений. Проведенное нами интервьюирование показало различное отношение к данному факту. Часть экспертов, считая необходимым присутствие научной интеллигенции во

властных структурах, отнеслась положительно, сожалея при этом, что ученые, выполняя функции консультантов, особой роли в политике не играют. Заметим, практика показала, что даже если научная элита и входит в состав органов власти, руководства политических партий и движений, Общественной палаты РФ, она все же не в состоянии решающим образом повлиять на политику государства. У остальных участников экспертного интервью выявилось отрицательное отношение к указанному факту. Например, эксперт из Бурятии утверждал: «Представители науки и образования во власти в целом не нужны. Необходимы лишь отдельные специалисты, например профессиональные политологи, социологи, так как они помогают найти оптимальные пути решения стоящих задач. Однако они должны выступать лишь в роли консультантов». Заметим, что подобные суждения высказывались и в научной среде. Многие ученые (П.Л. Капица, А.А. Гродзинский и др.) придерживались мнения, что элита науки должна быть вне политики. Тем не менее факт присутствия научной интеллигенции в органах власти, на наш взгляд, поднимает престиж образования и науки в политической сфере и, возможно, невольно содействует повышению образовательного уровня политической элиты, что подтверждают данные исследований, отмечающие тенденцию получения представителями элиты второго высшего образования, а также ученых степеней и званий.

Средства массовой информации, общественные организации, конфессии, учреждения культуры как каналы рекрутирования политической элиты не играют большой роли. Число лиц, продвинувшихся по ним, как правило, незначительно. Вместе с тем следует отметить, что представители данных социальных институтов присутствуют в составе политической элиты, их влияние в политике постепенно увеличивается (особенно это касается конфессий и руководителей СМИ). Например, представители Русской православной церкви, по данным ИСАНТ, входили в число влиятельных в политике лиц следующих регионов: митрополит Феодосий - в Омской области, митрополит Волгоградский и Камышинский Герман - в Волгоградской области, митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий - в

Воронежской области, архиепископ Курский и Рыльский Ювеналий - в Курской области и др.) [456, с. 58]. В составе депутатского корпуса Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва присутствует дид хамбо лама Буддийской традиционной сангхи России Д.-Н.В. Содномдоржиев. Вопрос о том, нужны ли представители конфессий в сфере политики, как, впрочем, и в других областях, является дискуссионным. На наш взгляд, активное проникновение религии во все сферы общественной жизни опасно, оно ведет к клерикализации социума со всеми вытекающими из этого последствиями.

Рассмотрим механизмы рекрутирования постсоветской политической элиты, которые, заметим, существенно изменились [382]. Советский период характеризовался наличием отлаженной системы в области кадровой политики и формирования резерва управленцев: «в СССР была четкая система ротации - начиная с райкомов кадры были в поле зрения Москвы, раз в год проходили собеседования и, если нормально работали, каждые три года получали повышение <...> Любой инструктор комсомола четко знал, что через какое-то время при хорошей работе по ротации займет место завотделом, затем секретаря райкома, потому что он в системе <...> В кадровом котле варилась вся страна ...» [203, с. 4]. Советское рекрутирование предполагало строгое прохождение всех ступеней номенклатурной карьеры, осуществлялся жесткий методичный отбор управленцев, которые постепенно назначались на руководящие посты различного уровня. Помимо указанного способа рекрутирования, существовала и выборная система, с помощью которой избирался состав органов представительной власти. Однако данные выборы с трудом можно рассматривать в качестве механизма рекрутирования элиты, так как они носили безальтернативный и формальный характер. Решающее значение в процессе советского рекрутирования имело мнение вышестоящего уровня власти, а не воля коллектива трудящихся, партийной организации, нижестоящих органов. Так, при назначении и освобождении работников, входящих в номенклатуру ЦК обязательным было прохождение следующих

процедур: 1) получение решения ЦК об утверждении в должности или освобождении с должности, назначенных приказами и постановлениями соответствующих органов работников - только после него была возможна фактическая реализация принятого решения; 2) в отношении лиц, занимающих выборные должности, партийные органы должны были предварительно испрашивать согласие ЦК на перемещение работников с должности на должность и лишь после его получения проводить выборы, принимать соответствующие решения и вносить по ним предложения в ЦК КПСС [176, с. 109]. Советская система рекрутирования, безусловно, имеет свои недостатки, среди которых, например, абсолютизация классового подхода, социального положения, партийности при выдвижении кандидатур. Но у нее есть и значительные достоинства, в числе которых можно назвать: равный доступ к работе в органах власти; учет именно профессиональных качеств в процессе продвижения по карьерной лестнице; неукоснительное исполнение заданных сверху показателей по национальному, половому и возрастному составу и др. Данная система, по сравнению с практикующейся в постсоветский период, как нам представляется, была более эффективной и справедливой. Каждый человек, попавший в «обойму» совершенно четко знал, что при успешном выполнении возложенных на него функций его ожидает продвижение вверх по выстроенной иерархии. Кроме того, в процессе карьерного пути он приобретал бесценный управленческий опыт, которого, заметим, зачастую не хватает отдельным представителям современной политической элиты. На наш взгляд, советская система рекрутирования имеет больше достоинств, чем недостатков.

Приоритетными механизмами рекрутирования политической элиты в постсоветский период являются избрание и назначение на руководящие должности [382]. В 1990-х гг. доминировала система выборов, избирались Президент РФ, руководители регионов (президенты республик, губернаторы), депутаты законодательных / представительных органов власти, главы местного самоуправления (районов и городов). Выборы придавали легитимность народным избранникам, делали их независимыми.

Рекрутирование остального состава, как правило, происходило административным путем - назначением на высшие посты в органы власти. Занятие вакантной должности осуществлялось через проведение конкурсного отбора среди кандидатов, при котором учитывались образование, способности, личные качества человека. В начале 2000-х гг. наблюдался постепенный переход к системе назначений, фактически шла ликвидация института выборов. Как уже отмечалось, были отменены выборы глав регионов, депутатов Государственной Думы РФ по одномандатным округам и пр. Назначенные лица теперь несли ответственность, в первую очередь, перед Президентом РФ, а не перед народом, соответственно, терялась их легитимность. Безусловно, система назначений недемократична, она лишает население права выбора высших должностных лиц (то есть прямого участия в формировании органов власти) и не дает перспективным политикам возможность занять определенную позицию во властных структурах. Однако, если вспомнить российские избирательные кампании 1990-х гг., подробно освещаемые средствами массовой информации, которые помимо прочего сообщали о фактах подкупа, сговора, продвижения «нужных» лиц и т.п., то новшества, введенные руководством нашей страны, представляются отчасти обоснованными. К сожалению, на наш взгляд, в России еще не создана основа для подлинно демократического института выборов, который существует в некоторых странах запада (например, в Германии, США, Великобритании и др.). Вместе с тем лишение населения права выбора заставляет задуматься, вправе ли страна называться демократической, скорее здесь имеются элементы авторитаризма. Заметим, что все республиканские эксперты, принявшие участие в нашем интервьюировании, как, впрочем, и большинство россиян, настаивали на возврате права выбора. Примечательно, что руководство нашей страны, осознав поспешность своих действий и ощутив степень народного возмущения, постепенно возвращает институт выборов, что, безусловно, является правильным решением. Отказываться от него нельзя, необходимо набирать опыт, планомерно подготавливать

основу для создания подлинно демократического института выборов, что, конечно, займет значительное количество времени.

В 2000-е гг. набирает силу механизм подбора лиц на руководящие должности через систему кадрового резерва, которая является одним из важнейших направлений современной государственной кадровой политики России. Под кадровым резервом понимается сформированная на основе индивидуального отбора и комплексной оценки группа работников, прошедшая специальную подготовку и обладающая профессиональными знаниями, деловыми качествами и личностными свойствами, необходимыми для выдвижения на более высокие государственные должности [124]. 25 августа 2008 г. Указом Президента РФ от № 1252 была образована комиссия при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, утверждены положение о комиссии и ее состав. Создавалась база данных, включающая три уровня: муниципальный, региональный, федеральный. По всей стране осуществлялся отбор перспективных руководителей, «общая численность которых составила на конец I кв. 2009 г. около 28 тыс. чел.» [451, с. 6]. Лучшие управленцы включались в кадровую «президентскую тысячу», которая периодически пересматривалась и пополнялась новыми лицами. Программа формирования кадрового резерва предоставила широкому кругу людей реальную возможность занять определенную должность в государственных органах, в том числе и молодым специалистам, в продвижении которых власть сегодня заинтересована. В этом отношении показателен список первой президентской кадровой «сотни», опубликованный на официальном сайте Главы государства (www.kremlin.ru). Возраст двадцати четырех претендентов из ста лиц, включенных в президентский кадровый резерв, составляет менее 35 лет (см. таблицу № 13 в приложении I). Несмотря на необходимость и перспективность программы по формированию кадрового резерва страны, необходимо обратить внимание на существующие проблемы в ее функционировании: непрозрачность формирования резерва; недостаточная информированность о его создании, порядке пребывания в

данной структуре и приеме на государственную службу лиц, состоящих в резерве; низкая оценка значимости кадрового резерва и пребывания в нем; отсутствие реальной конкуренции среди лиц, состоящих в резерве; слабая заинтересованность людей, не являющихся сотрудниками органов государственного управления в зачислении в резерв; недостаточный приток в резерв работников органов местного самоуправления, имеющих богатый управленческий опыт; отсутствие единых измеримых критериев отбора резервистов; ограниченная практика планирования и реализации индивидуального профессионального развития лиц, состоящих в резерве и др. [345]. Соответственно, программа по формированию кадрового резерва пока еще не совершенна и требует существенной доработки.

Достаточно эффективно работает механизм партийного рекрутирования элиты, что связано с ростом роли партий в современном российском обществе. Данный факт подтверждают результаты опроса молодых россиян, который был проведен «Левада-центром» в феврале 2005 г. На вопрос «Какими путями чаще приходят на арену молодые политики?» 55% опрошенных назвали участие в деятельности какой-либо политической партии [195, с. 7]. Действительно, крупнейшие и влиятельные партии нашей страны – «Единая Россия», «Справедливая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, а также ряд других набирающих силу партий активно работают в различных направлениях, в том числе осуществляют поиск и включение в политическую жизнь перспективных лиц, которые в дальнейшем пополняют состав не только партий, но и политической элиты страны. Этому существенно способствуют изменения, внесенные в избирательное законодательство, которые закрепили переход к пропорциональной системе на выборах в федеральный парламент, а также к пропорциональной и смешанной на региональных выборах. Пропорциональная избирательная система, как известно, подразумевает, что мандаты в представительных органах власти распределяются между партиями пропорционально числу голосов, поданных за каждую из них, а именно за списки кандидатов в депутаты. Тем самым

пропорциональная система с ее голосованием по партийным спискам дает реальную возможность представителям политических партий включиться в работу органов власти и пополнить список влиятельных лиц.

Часто практикуются на постсоветском пространстве и неформальные механизмы рекрутирования политической элиты. Они, безусловно, встречались и раньше, в том числе и в советское время. При рекрутировании номенклатуры главными критериями отбора, как отмечает Н.В. Работяжев, были личная преданность руководству и политическая лояльность, а до середины 1930-х годов учитывалось также и социальное происхождение. И.В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. говорил: «Что значит правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе? <...> Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, то есть заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, то есть пригодны ли они для такой-то конкретной работы» [429, с. 26]. На XVIII съезде ВКП(б) И.В. Сталин подчеркивал: «...нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, воспринимающие ее как свою собственную линию, готовые провести ее в жизнь, умеющие осуществлять ее на практике и способные отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее» [176, с. 107]. Свои критерии отбора были и у последующих руководителей страны. Для Н.С. Хрущева особое значение имели идейная закалка и повышение деловой квалификации. Л.И. Брежнев считал, что руководитель должен органически сочетать в себе дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу, партийность с глубокой компетентностью. М.С. Горбачев высоко ценил политические и деловые качества, реальные достижения работника, его отношение к людям [176, с. 107]. Однако, несмотря на сформулированные критерии отбора, доминировали все же неформальные механизмы рекрутирования руководящего звена. Еще в 1937 г. И.В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) констатировал, что в реальности «подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов – безотносительно к их политической

и деловой пригодности» [429, с. 26]. Основным недостатком постсоветского подбора кадров также является отбор не по квалификации, а исходя из преданности и близости к руководству, принадлежности к территориальным либо корпоративным общностям. Так, по результатам опроса слушателей Российской академии государственной службы (РАГС), проведенного М.Н. Афанасьевым весной 1995 года (см. таблицу № 14 в приложении I), карьере чиновника определяют главным образом отношения личной преданности и покровительства, их влияние гораздо сильнее, чем собственно профессиональные характеристики: исполнительность, квалификация, интеллектуальная самостоятельность. Также сильно влияет на служебный рост государственного служащего поддержка какой-либо экономической структуры [17, с. 32]. Большое значение внешних условий при рекрутировании элиты было выявлено и в результате рейтингового опроса экспертов, проведенного летом 2005 г. Центром политической информации. Он позволил выделить три интегральных компонента «пропуска» в элиту: «на первое место эксперты поставили наличие ресурсов, важнейшими из которых оказались семейные или личные связи, а также престижное образование. На второе место – личные качества (прежде всего, умение добиваться цели, умение создать команду, хорошее здоровье и лидерские качества), а на третье – личную активность» [195, с. 5]. Отметим и еще один фактор, широко используемый в современной политике при рекрутировании элиты – статус публичной личности. Известность в различных сферах деятельности – культуре, спорте и т.п. делает ее обладателя желанной персоной для политических партий и государственных структур.

Итак, для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице характерно применение неформальных механизмов, где решающую роль играют родство, отношения личной преданности и покровительства и др. Успех сегодня во многом обеспечивается принадлежностью к «команде», работающей на влиятельного лидера, обретением покровителя, то есть вступлением в патрон-клиентарные отношения. Это предопределяет клановый принцип формирования элиты,

для которого характерны отношения личной преданности, корпоративная ориентация, закрытость. В этой связи политические элиты часто действуют как эшелон поддержки одного из первых лиц политического истеблишмента. Внутри данной социальной группы, как правило, доминирует клановый характер взаимоотношений: стремление обособиться, негативные ожидания от рекрутирования новых лиц, которые рассматриваются, прежде всего, как конкуренты в борьбе за влияние на патрона и лишь затем только как возможные партнеры по политической деятельности и т.п. [38, с. 6].

Формирование элитных кланов в российских регионах в значительной степени определено доминирующими моделями политической культуры. Так, в «русских» областях внутригрупповая консолидация идет, как правило, на основе опыта совместной деятельности, общности социального происхождения, статусных особенностей, родственных отношений, идеологических признаков (например, в Тульской области основанием объединения доминирующей группы вокруг фигуры губернатора В.А. Стародубцева была принадлежность к партии КПРФ). В национальных республиках к перечисленным факторам часто добавляются земляческие, этнические отношения. Независимо от оснований консолидации, обязательное условие групповой сплоченности - личная лояльность главе клана. Тем самым для современной России характерен клановый принцип формирования и функционирования политической элиты. С. Барзилов и А. Чернышев констатируют: «Вся кадровая политика на местах сейчас сводится к двум пунктам: а) лояльности, преданности первому лицу; б) недопущению в аппарат людей самостоятельных и компетентных ...» [45, с. 41]. Любопытно, что на существующей проблеме в свое время акцентировал внимание и Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, по его словам «решения о замещении должности порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, за деньги, то есть должности продаются» [203, с. 4]. Видимо, поэтому в органах власти наблюдается рост аппарата за счет значительного числа неподготовленных и инертных людей.

Неформальные механизмы применяются и в изучаемых нами регионах. При проведении анкетного опроса в 2009-2010 гг. представителям политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва было предложено определить степень влияния различных факторов на продвижение по службе (см. таблицы № 15-17 в приложении I). Выяснилось, что на данный процесс влияют фактически все предложенные в анкете факторы, с небольшими региональными особенностями. Например, респонденты Республики Бурятия в большей степени выделили такие варианты как «исполнительность» - 89,2%, «интеллектуальная самостоятельность» - 88,2%, «учеба, повышение квалификации» - 84,3%, «опыт совместной работы с первыми лицами региона» - 81,4%, «личная преданность» - 76%, «покровительство» - 72,6%, «родственные или земляческие связи» - 69,6%. Заметим, что похожие мнения высказывались и ранее. Так, результаты проведенного В.Г. Жалсановой в 1999 г. опроса политической элиты Республики Бурятия показали, что на продвижение по службе влияют: профессионализм, квалификация – 96,3%; исполнительность и деловитость – 93,5%; личная преданность начальству – 92,8%; семейно-родственные связи – 89,1%; национальность – 81,9%; поддержка богатых людей – 78,4%; богатство, деньги – 77,5%; самостоятельность и независимость – 72%; идеологические убеждения – 52,2% [165, с. 95]. 63,0% респондентов отметили, что при назначении на руководящие и престижные должности используются родственные и земляческие связи, а 47,7% указывали на национальный признак [165, с. 86]. По мнению В.Г. Жалсановой, это обусловлено тем, что «большинство представителей политической элиты являются выходцами из села, которым свойственно стремление к сохранению земляческих связей <...> Начальник всегда стремится (пусть даже и не вполне осознанно) укомплектовать штат из лиц своей национальности, порой и в ущерб представителям другой национальности. Это можно объяснить тем, что человек чувствует себя более комфортно в среде своих соплеменников» [165, с. 86]. Тем самым за последние годы ситуация в Бурятии мало изменилась. Республиканские

эксперты, принявшие участие в интервьюировании, в целом, подтвердили полученные нами результаты. Отвечая на вопрос: «Какие механизмы рекрутирования политической элиты преобладают в республике?» они пояснили, что часто в данном процессе учитывается опыт предшествующей совместной профессиональной деятельности с влиятельными в регионе фигурами. Большую роль при этом играют такие факторы, как личная преданность патрону, а также эффективные связи в органах власти и бизнес-структурах. При назначении руководителей среднего звена зачастую решающее значение имеют земляческие связи, кровное родство, национальность, финансовые средства и общность социального происхождения. Заметим, что близкие данные были получены Е.В. Петровой по результатам социологического исследования (опрос экспертов, фокус-группы), проведенного в 2009 г. в республиках Бурятия и Тыва. Все участники отметили определяющее значение неформальных практик в Бурятии: «У нас такой регион, где большое значение имеют связи, знакомства, без этого никуда, успешным не станешь без них», «Если нет протекции, родственников и знакомых, то ничего не получится ...» [396, с. 140]. Отмечалось и влияние этнического фактора, но только русскими экспертами, которые придерживались мнения, что у лиц бурятской национальности больше шансов получить высокую должность в органах государственной власти.

В Республике Саха (Якутия) в числе факторов, более всего влияющих, в той или иной мере, на продвижение по службе, респондентами были названы: «опыт совместной работы с первыми лицами региона» - 90,7%, «покровительство» - 89,7%, «личная преданность» - 87,6%, «родственные и земляческие связи» - 87,1%, «интеллектуальная самостоятельность» - 79,4%. Эксперты Саха (Якутии) также отмечали наличие неформальных механизмов рекрутирования республиканской политической элиты: клановость, связи, родство, учет совместного опыта работы в прошлом и др. Они указывали, что система рекрутирования в регионе закрытая, наблюдается сильное местничество и попасть со стороны в состав органов власти и политической

элиты практически невозможно. Профессионализм и квалификация человека почти не играют роли в процессе рекрутирования. Заметим, что республиканские исследователи и ранее обращали внимание на то, что в Республике Саха (Якутия) действуют неформально-личностные критерии рекрутирования кадров: личные знакомства по прежнему месту работы, совместное обучение в вузе, рекомендации сослуживцев, принадлежность к «команде» и др. [487, с. 22] Например, А.Б. Местникова пишет: «В Якутии <...> Из-за небольшой численности и плотности населения большое внимание уделяется личному кругу знакомств, связям, происхождению человека, т.е. зачастую эти факторы оказывают решающее влияние при приеме на работу и продвижении» [313]. Неформальные связи, властные ресурсы часто используются при выдвижении кандидатов на пост главы улуса, депутатов улусного собрания, депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я), при проведении выборных кампаний. Несмотря на негативный характер данных факторов, они, как утверждает А.Л. Попов, в свое время сыграли и положительную роль. По его мнению, «формирование местных элит по принципу личных неформальных связей позволило избежать, прежде всего, внутриэлитных конфликтов между губернатором и мэрами крупных городов, руководителями органов местного самоуправления. По сути, на основе неформальных институтов в Якутии была выстроена «властная вертикаль». Существование неформальных институтов (родственных, клановых отношений) компенсировало отсутствие дееспособных формальных институтов и заполнило сложившийся институциональный вакуум после краха прежних институтов советского типа. В определенном смысле это позволило избежать кризиса управляемости в республике на протяжении 90-х гг. Однако уже в конце 90-х гг. - начале первого десятилетия XXI века эти институты превратились в тормоз политического развития» [410, с. 119].

В Республике Тыва выявились следующие, наиболее значимые при продвижении по службе факторы: «исполнительность» - 88,8%, «интеллектуальная самостоятельность» - 82%, «родственные и земляческие связи» - 79,8%, «покровительство» - 78,1%, «учеба, повышение

квалификации» - 77,5%. Республиканские эксперты в числе неформальных механизмов, практикующихся в Тыве при рекрутировании политической элиты, назвали: клановость, родственные связи, давние знакомства, деловое партнерство («то есть те, кто работают на твой карман, попадают в состав элиты»), личная преданность, протезе и др. Помимо перечисленного необходимо назвать и этнический фактор, влияние которого было зафиксировано Е.В. Петровой в 2009 г. [396]. Практически все русские эксперты, принявшие участие в анкетировании уверены, что национальность влияет на получение высокой должности в органах государственной власти Республики Тыва – у тувинцев в этом отношении гораздо больше шансов. Представители русской интеллигенции в возрасте от 26-45 лет сообщали, что «на работу с высокооплачиваемой должностью устроиться почти невозможно», а «опыт и знания никому не нужны» [396, с. 138]. Большинство экспертов-тувинцев утверждали обратное. Однако заметим, что тувинская интеллигенция (26-45 лет) все же допустила подобное влияние: «... и в Российской Федерации и в республике отвратительная кадровая политика. Если в республике работает менеджмент тувинский, то он отбор кадров ведет по родо-племенному принципу, клановой принадлежности» [396, с. 139]. Данная ситуация, как известно, характерна для многих российских регионов.

Таким образом, одним из результатов институциональных реформ в России явилось формирование новой политической элиты. В качестве основных каналов продвижения в состав данной социальной группы в постсоветский период выступают: советская номенклатура, государственный аппарат, органы местного самоуправления, бизнес-структуры, политические партии, силовые и специальные структуры, учреждения науки и образования. Ведущими механизмами рекрутирования постсоветской политической элиты являются избрание / назначение на руководящие должности в органы власти и управления, вхождение через систему кадрового резерва, партийное рекрутирование, а также неформальные связи (патрон-клиентарные отношения, опыт совместной деятельности с первыми лицами, личная

преданность, родственные / земляческие / этнические связи, общность социального происхождения, близость статусных характеристик или идеологических убеждений, фаворитизм, протекционизм и др.). Представленные каналы и механизмы рекрутирования характерны для всей политической элиты России, в том числе и для республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. В целом республиканские элиты отражают основные эволюционные процессы, происходящие со всей российской политической элитой, по ряду параметров наблюдаются сходные тенденции развития. Так, в республиках, так же как и в других регионах России, сохраняется номенклатурный характер элитообразования, отмечается увеличение присутствия в составе политических элит представителей бизнеса, научной среды, конфессий. Вместе с тем для республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва характерны и определенные специфические черты. Например, в то время, когда практически повсеместно происходит слияние политической и экономической элит путем вхождения представителей бизнес-элиты во властные структуры, в Республике Тыва в составе депутатского корпуса Законодательной палаты Великого Хурала II созыва вместо экономической элиты наблюдается значительное количество работников органов государственной власти. В отличие от центральных регионов России, во всех республиках отмечается незначительная доля представителей силовых и специальных структур в составе элит. Эти и другие черты, характерные для каждой из изучаемых нами республик, позволяют говорить о некоторой специфике рекрутирования элит в полиэтнических регионах России.

В заключение добавим, что современная система рекрутирования управленческих кадров пока еще несовершенна и требует внесения определенных корректив, так как именно от функционирования данной системы зависит качество политической элиты. Поэтому необходимо грамотно подходить к процессу отбора управленцев, а значит, и к формированию политической элиты, которая своими действиями намечает вектор внутренней и внешней политики российского государства и тем самым определяет оптимальный путь развития страны.

2.3. Социальный портрет региональных политических элит

В результате пересмотра системы рекрутирования управленческих кадров, появления новых каналов и механизмов пополнения политической элиты в постсоветский период произошло существенное изменение состава лиц, профессионально занимающихся деятельностью в сфере власти и управления, причем как в центре, так и в регионах России. Данный процесс в полной мере затронул и республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Рассмотрим основные социально-демографические характеристики представителей постсоветской политической элиты, которые позволят сформировать образ современной группы, находящейся на вершине социальной иерархии. В качестве параметров анализа будут выступать следующие индикаторы: пол, возраст, этническая принадлежность, место рождения, социальное происхождение, образование, начало трудовой деятельности, предпочтения и др. Источниками информации послужили официальные биографические справки представителей республиканских политических элит и материалы социологических исследований.

Изучение состава политической элиты выявило факт неравного представительства лиц мужского и женского пола в государственных органах власти, женщин в политике сравнительно мало. Заметим, что такая ситуация характерна как для постсоветского, так и частично для советского периода нашей страны. В СССР женщины составляли около трети номенклатуры, что было связано со спецификой советской кадровой политики, в которой делался акцент на выдвижении представительниц женского пола на руководящие посты. Так, успешно функционировала система квот, предоставлявшая женщинам право участия в работе представительных органов власти. В результате, «в 1980-1985 гг. доля женщин в Верховном Совете РФ составляла 35%; в Верховном Совете СССР – 32,8%; в Верховных советах союзных республик – 36,2%; автономных республик – 40,3%» [360, с. 572]. Однако, несмотря на относительно благополучную ситуацию, в общей системе советских органов власти женщины, как правило, занимали второстепенные номенклатурные должности. Например, часто это были

позиции секретарей первичных парторганизаций (кадры здравоохранения, образования, культуры, профсоюзных комитетов и др.). Важнейшие позиции номенклатуры были заняты преимущественно мужчинами: «ответственные работники райкомов, горкомов, кадры Советов – на две трети; руководство сферами материального производства – от 80 до 97% (в зависимости от района)» [176, с. 104]. В конце 1980-х гг. каждый второй мужчина нашей страны, имеющий высшее образование, занимал какой-либо административный пост, среди женщин таких было только 7% [11, с. 105]. Тем самым по ряду причин, в том числе и в силу специфики своей сферы деятельности, женщины не могли достигнуть высоких номенклатурных должностей, что отражалось на составе советской элиты. Так, Д. Лэйн отмечает: «в правительственной элите СССР с 1984 по 1990 гг. было только три женщины, а в партийной элите в тот же период – только две» [290, с. 32].

В 1990-х гг. подавляющее большинство политической элиты было по-прежнему представлено мужчинами. Более того, исследователи указывают, что «при Ельцине из 145 членов правительства (ранг министров) с июня 1991 по октябрь 1993 г. женщин не было вообще. Общее количество женщин, выбранных в парламент при Ельцине, значительно сократилось. В парламентской элите их – 19 (8%)» [290, с. 32]. Итоги выборов в Федеральное Собрание РФ, состоявшихся в декабре 1993 г., немного улучшили картину, доля женщин составляла уже 11,4% (в Совете Федерации ФС РФ их было 5,6%, в Государственной Думе ФС РФ – 13,6%) [360, с. 573]. Низкое представительство женщин в органах власти отмечалось и на региональном уровне. Например, М.Х. Фарукшин, осуществив всесторонний анализ политической элиты Республики Татарстан, отмечал, что в 1994 г. она являлась преимущественно мужской группой, женщин в ее составе было лишь 4,2% [520, с. 70]. В целом, на рубеже XX и XXI вв., согласно Реестру государственных должностей федеральных служащих, мужчины занимали 94% высших, 85% главных и 68% ведущих должностей [548, с. 144].

Ситуация не изменилась и в 2000-х гг., женщин в политике все также сравнительно мало. В этом отношении представляют интерес результаты исследования ИСАНТ по проекту «Самые влиятельные люди России-2003», которые показали, что политическая элита в этот период была практически полностью представлена мужчинами. Исключение составлял только г. Санкт-Петербург где женщины в политике неизменно играют значительную роль [456, с. 662-665]. Также можно отметить Кемеровскую [456, с. 358-361] и Томскую [456, с. 612-615] области, в которых четверть состава политических элит на момент проведения исследования состояла из представительниц женского пола. В остальных областях доля женщин в составе изучаемой социальной группы крайне мала. Например, в рейтинге влиятельных лиц Республики Бурятия было названо лишь пять женщин [456, с. 104-107].

Результаты проведенного нами в 2010 г., анализа официальных биографий представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, представленные в таблице 7, показали, что в элитах всех регионов мужчины также составляют подавляющее большинство.

Таблица 7

Распределение политических элит по половому составу (в %)

Пол	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
мужчины	72,9	80,3	71,8	66,7	78	66,7	74,1	67,2	57,1	74,5	70,6	66,3
женщины	27,1	19,7	28,2	33,3	22	33,3	25,9	32,8	42,9	25,5	29,4	33,7

Как показывают данные таблицы 7, доля женщин в республиканских политических элитах крайне мала и колеблется в пределах 25-34% от их общего состава. Менее всего женщин в элите Республики Бурятия – 25,5%, несколько больше в Республике Тыва – 33,7%. Если рассматривать отдельные виды политической элиты, то лучше всего женщины

представлены в муниципальной элите: 28,2% в Бурятии, 33,3% в Саха (Якутии), 42,9% в Тыве. Наименьший процент женщин наблюдается в составе исполнительной элиты Тывы – 25,9%, а также законодательных / представительных элит Бурятии и Якутии, соответственно – 19,7% и 22%.

Отметим, что для законодательных органов власти изучаемых регионов традиционно характерно численное преимущество лиц мужского пола, в чем можно убедиться, если проследить динамику составов республиканских парламентов. Рассмотрим сложившуюся ситуацию в Бурятии. В депутатском корпусе Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва (общее число - 66 чел.) мужчины составляют 87,9% (58 чел.), женщины – 12,1% (8 чел.). Данное процентное соотношение выглядит несколько лучше по сравнению с III созывом Народного Хурала РБ (общее число - 65 чел.), где мужчин было 93,9% (61 чел.), а женщин - 6,1% (4 чел.). Однако оно явно уступает, например, составу Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.), в котором женщины составляли почти треть депутатского корпуса – 25,4%, что тем не менее, конечно, немного (*см. таблицу № 18 в приложении I*) [254, с. 33]. Обратим внимание и на незначительное количество женщин в IV созыве Улан-Удэнского городского Совета депутатов (общее число - 26 чел.) - 11,5% (3 чел.), в то время, как мужчин - 88,5% (23 чел.).

Нестабильность числа женщин отмечается и в составе четырех созывов парламента Республики Саха (Якутия), оно колеблется от 6 до 11 человек (*см. таблицу № 19 в приложении I*). Наибольшее их число зафиксировано в IV созыве Государственного собрания (Ил Тумэн) РС (Я) - 11 чел. (15,7%), что тем не менее мало для созыва, состоящего из 70 человек. Несмотря на столь незначительный показатель, исследователи отмечают, что в 1993 г. (в I созыве), по сравнению с 1990 г., в законодательном органе власти республики наблюдалось увеличение представительства женщин [487, с. 18] до 6 человек, в то время как в высшем эшелоне исполнительной власти в это время было всего три женщины, две из них находились в составе правительства [486, с. 172].

В парламенте Республики Тыва также существует проблема небольшого представительства женщин. В Верховном Хурале РТ 1993-1998 гг. они составляли 14,8%; в Верховном Хурале РТ 1998-2002 гг. – 9,3%; в Великом Хурале РТ 2002 г.: 13% - в Законодательной Палате ВХ РТ, 25,9% - в Палате представителей ВХ РТ (больше четверти депутатских мест) [508, с. 82]. Во II созыве Великого Хурала РТ соотношение женщин и мужчин следующее: в Законодательной палате ВХ РТ 40,6% женщин (13 чел.) и 59,4% мужчин (19 чел.), в Палате Представителей ВХ РТ 30,2% женщин (32 чел.) и 69,8% мужчин (74 чел.). Тем самым наблюдается существенное увеличение числа женщин в составе Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва: если в I созыве их было 13%, то во II созыве уже 40,6%. Безусловно, сложившаяся ситуация в данном органе власти внушает оптимизм. Что касается Палаты представителей Великого Хурала республики, то количество женщин здесь фактически неизменно: I созыв - 25,9%, II созыв - 30,2%.

Итак, представительство женщин в органах власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва незначительно, как и в целом по России. По мнению М. Аристовой, на высшем уровне федеральной власти оно колеблется от 0% до 10%, на региональном уровне – от 0% до 40% (что и было подтверждено результатами нашего исследования), в органах местного самоуправления – от 0,45% до 62% [11, с. 105]. Тем самым женщины фактически исключены из состава высших органов власти. Между тем они, в сравнении с мужчинами, обладают таким же, а зачастую и лучшим, образованием, уровнем профессионализма, опытом работы. Кроме того, женщинам в большей мере присущи важнейшие для руководителя качества: внимательность, гибкость, способность к диалогу, умение приспосабливаться, концентрироваться на главных проблемах, способность принимать решения в сложных ситуациях, масштабно мыслить и т.д. Тем самым женщины, пока, к сожалению, только потенциально могут внести значительный вклад в российскую политику. Однако довольно часто современные женщины, как и в советское время, занимают незначительные посты. Исследователи отмечают, что женщины преобладают на нижних этажах власти, на должностях, не предполагающих

принятие решений: начальники несамостоятельных структурных подразделений, их заместители, консультанты, советники [548, с. 144]. Так, по данным отчета комитета госслужбы и кадровой политики Республики Бурятия за 2009 г. женщины, замещающие должности государственной службы сосредоточены: на «младших» должностях - 75,3%, «старших» - 66,7%, «ведущих» - 59,6%, «главных» - 33,3%, «высших» - 12,5%. На руководящих должностях в органах исполнительной власти численность женщин составила 156 чел., что на 56,2% меньше, чем в 1989 г. [136, с. 29-30]. В целом практика показывает, что женщины в своей карьере обычно останавливаются на уровне заместителя руководителя, который, как правило, является мужчиной.

Причины незначительной роли женщин в политике, как, впрочем, и во всем социуме, различны. М. Аристова в их числе называет: исторические факторы (сначала мужская власть над женщиной наблюдалась в семье, затем в обществе и, наконец, установилась на уровне государства); рыночные реформы в России (привели к более высокой оценке мужского труда и различию в уровне доходов); профессиональную сегрегацию по признаку пола, которая имеет два вида: горизонтальная - связана с неравномерным распределением женщин и мужчин по отраслям, вертикальная - с доступностью для женщин престижных профессий и должностей, связанных с ответственностью и принятием решений; эффект «стеклянного потолка» - формально не обозначенные барьеры, которые препятствуют карьерному росту женщин и др. [11]. Среди факторов, тормозящих продвижение женщин во власть, на наш взгляд, также можно назвать следующие:

- отсутствие заинтересованности политической элиты, основной состав которой представлен мужчинами, во вхождении женщин в органы власти и управления и, как следствие, отсутствие поддержки в продвижении по карьерной лестнице. Так, по данным Госкомстата Республики Бурятия, 62% женщин и 55% мужчин в 2008 г. не без оснований отмечали, что у мужчин гораздо больше возможностей для продвижения по службе [136, с. 30];

- электоральные предпочтения граждан. Избиратели, в том числе и сами женщины, внутренне тяготея к сильной власти, голосуют именно за политиков-мужчин, которые, по их мнению, более способны к решительным и волевым действиям;

- специфика современной предвыборной борьбы в России. В результате несовершенства избирательных кампаний, женщинам приходится сталкиваться с фактами применения «черных» технологий со стороны конкурентов, стремящихся оказать влияние на электорат и т.д. Безусловно, что не каждая женщина сможет выстоять в этой борьбе. Кроме того, следует учитывать и различия в финансовых ресурсах у мужчин и женщин, которые играют значительную роль в современной предвыборной кампании;

- закрепившиеся традиционные представления о роли и месте женщины в обществе как хранительнице семейного очага.

Таким образом, стратегические решения в нашей стране сегодня, как и прежде, принимают в основном мужчины. Женщины, как правило, продолжают занимать второстепенные позиции в институтах власти. В целом можно согласиться с мнением М.Х. Фарукшина, что «очевидно лицемерное отношение к женщине: славословие по торжественным случаям и недоверие ей фактически» [520, с. 70]. Вместе с тем следует отметить, что сегодня наблюдается позитивная динамика в данном вопросе. Так, на уровне главы государства акцентируется внимание на факте неравного представительства мужчин и женщин в органах власти. Предпринимаются отдельные меры для решения данной проблемы: назначение женщин на ключевые должности в стране, формирование кадрового резерва, в который активно включаются представительницы женского пола и др. В этой связи в литературе появляются весьма интересные точки зрения. Например, о том, что сегодня постепенно происходит изменение стереотипов внутри власти и на смену «мужской культуре», доминирующей на протяжении многих лет, приходит культура, в которой гендерные отличия теряют свое значение [548, с. 149]. Надеемся, что наметившиеся позитивные тенденции получат дальнейшее

развитие, и женщины-профессионалы смогут занять ключевые позиции в органах государственной власти и управления России.

В постсоветский период наблюдается омоложение политической элиты. Для советского времени было характерно, что возрастного ограничения для занятия ответственных должностей не существовало. Данный факт стал причиной постепенного старения политической элиты. Средний возраст лиц, начавших «перестройку», составлял 68,5 лет. Каждый второй представитель высшего руководства того периода начал свою партийную карьеру еще при И.В. Сталине. Процесс омоложения политической элиты начинается после инициированного М.С. Горбачевым сокращения ее численности. В результате произошло значительное уменьшение состава КПСС, который в 1986 г. достиг рекордного уровня в 19 млн. человек, уже к 1989 г. в рядах правящей партии находилось около 18 млн. человек [528]. О.В. Крыштановская указывает, что в 1989 году были отправлены в отставку 74 члена и 24 кандидата в члены ЦК КПСС, выведены 23 человека из Политбюро. После этих замен Политбюро «молодеет» на семь лет, а ЦК КПСС - на пять. Обнаруживается тенденция ускорения темпа карьеры для номенклатурных чиновников, идет быстрое продвижение вверх их вторых и третьих эшелонов [244, с. 51]. Существенно обновили состав советской политической элиты и выборы народных депутатов СССР, состоявшиеся в 1989 году. Далее, примерно в течение десяти лет, путь в элиту оставался открытым, что значительно способствовало процессу ее омоложения. В этом отношении представляют интерес данные Д. Лэйна, который, сравнив возрастные показатели политических элит переходного периода в СССР и России, выявил, что элита Б.Н. Ельцина в среднем на десять лет младше: 49% людей были в возрасте под 50 лет, тогда как у М.С. Горбачева таких только 6% [290, с. 31]. Формирование политической элиты в исполнительных органах власти в данный открытый период, наряду с традиционным постепенным восхождением по лестнице государственной службы, зачастую происходило путем карьеры «большого скачка», когда кандидат, приглашавшийся на ответственную должность, не имел необходимого

управленческого опыта. Возврат к постепенности в движении карьеры наблюдается к началу 2000 года, когда случаи «большого скачка» стали редкостью, одновременно замедлился и процесс омоложения элиты. Следующая таблица позволяет проследить процесс изменения возрастных показателей элитных групп (см. таблицу 8).

Таблица 8

Средний возраст элитных групп (лет) [244, с. 51]

Периодизация элит	Высшее руководство	Парламентская элита	Правительство	Региональная элита	В целом по когорте
Брежневская когорта	61,8	41,9	61,0	59,0	55,9
Горбачевская когорта	54,0	44,0	56,2	52,0	51,6
Ельцинская когорта	53,1	46,5	52,0	49,0	50,2
Путинская когорта	52	48,9	48,9	53,6	50,9

Как показывают данные таблицы 8, средний возраст элиты постепенно снижался от 55-56 лет в эпоху Л.И. Брежнева до 50-51 года в последующие периоды. Существенное уменьшение возрастных характеристик наблюдается и в региональной политической элите. Наименьший показатель - 49 лет зафиксирован в когорте Б.Н. Ельцина. Действительно, в 1990-х гг. в составе региональных элит преобладала группа 40-летних. Так, в Республике Татарстан в 1994 г. 50,5% представителей изучаемой социальной группы были в возрасте 40-49 лет; 13,7% - в возрасте 30-39 лет; 32,6% относились к группе 50-59 лет и только 3,2% входили в группу 60 лет и старше [520, с. 70]. Данный факт подтверждается и результатами анализа возрастного состава региональных представительных органов второй половины 1990-х гг. (см. таблицу № 20 в приложении I) [244, с. 55]. В российских парламентах 1995-1997 гг., как следует из таблицы 20 в приложении I, самой многочисленной группой являлись лица в возрасте 40-49 лет.

В когорте В.В. Путина, по данным О.В. Крыштановской, возраст элиты в регионах составлял уже 53-54 года [244, с. 51]. Результаты исследования ИСАНТ по проекту «Самые влиятельные люди России - 2003» также

показали, что в составе региональных политических элит в н. 2000-х гг. доминировала группа 50-летних [456]. Она же, как правило, составляет большинство в изучаемой социальной группе и сегодня, что, отчасти, подтверждается результатами, проведенного нами анализа официальных биографий представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва (см. таблицу 9).

Таблица 9

Распределение политических элит по возрастному составу (в %)

Возраст	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
до 30 лет	-	-	-	1,4	-	-	-	-	-	-	0,5	-
от 30 до 39 лет	31,4	7,1	29,5	20,8	8,8	18,6	22,4	18,7	26,8	24,1	16	22,5
от 40 до 49 лет	22,9	42,9	27	30,6	35,3	40,7	32,8	31,3	39,3	29,9	35	34,3
от 50 до 59 лет	42,9	32,1	24,3	37,5	35,3	40,7	41,4	40,6	28,6	32,8	37,6	37
от 60 до 69 лет	2,8	14,3	19,2	9,7	14,7	-	3,4	9,4	5,3	12,2	8,8	6,2
от 70 лет и старше	-	3,6	-	-	5,9	-	-	-	-	1	2,1	-

Данные по общему массиву указывают, что по возрастному составу республиканские политические элиты представлены двумя доминирующими группами: от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет. Лица из этих возрастных групп характеризуются солидным жизненным опытом, наличием необходимых профессиональных знаний и деловых навыков, они потенциально имеют достаточно сил и времени для реализации своих планов. Вместе с тем заметим, что 50-летние представители элит лидируют, хотя и с небольшим отрывом - около 2-3%. Сегодня они составляют большинство в составе исполнительных элит всех трех регионов, в то время, как в 1990-х гг. в основном доминировали лица, чей возраст моложе 50 лет. Так, в правительстве Республики Саха (Якутия) 1992 г. наиболее многочисленной являлась группа в возрасте до 50 лет (61% состава). По данным Ю.С.

Тарасова, «четвертая часть (24,6%) членов правительства – люди моложе 40 лет, 36% имеют возраст от 40 до 50 лет и 39% - от 50 до 58 лет. Самому молодому министру исполнилось 35 лет, а самому пожилому – 58 лет» [486, с. 171]. Исследователь отмечает, что в 1984 г., в отличие от 1992 г., в правительстве региона не было лиц моложе 40 лет, 17% имели возраст от 40 до 50 лет, 70% - от 50 до 60 лет, 12% - свыше 60 лет. Тем самым доля элиты в составе правительства, имеющая возраст моложе 50 лет, составляла соответственно: в 1984 г. – 17%, в 1992 г. - 61%, в 1995 г. - 72% [487, с. 16]. Итак, в республике в 1990-х гг. наблюдалось неуклонное омоложение состава правительства. Отметим, что средний возраст корпуса глав администраций в Якутии в 1992 г. был несколько выше: до 40 лет – 6%, от 40 до 50 лет – 46%, от 50 до 60 лет – 46%, от 60 до 65 лет – 1 человек. Тем не менее лица в возрасте до 50 лет составляли немногим более половины данной группы - 52% [486, с. 172].

Что касается других возрастных групп, то 30-летние сегодня составляют большинство лишь в муниципальной элите Республики Бурятия, 60-летние неплохо представлены в законодательных / представительных элитах Бурятии и Якутии, а также в муниципальной элите Бурятии. Доля остальных возрастных групп (до 30 лет и от 70 лет и старше) в составе политических элит незначительна. Заметим, что в ходе экспертного интервью справедливо высказывались мнения, что поколение в возрасте от 70 лет не должно занимать руководящие посты, но оно может выполнять функции советников.

Группы 40- и 50-летних лиц, как показали результаты нашего анализа, лидируют в большинстве из выделенных видов элиты, в том числе и в законодательной / представительной элите. Остановимся подробнее на тех органах власти, которые она представляет. В Народном Хурале Республики Бурятия IV созыва обе доминирующие возрастные группы представлены в равном процентном соотношении: от 40 до 49 лет – 33,3%, от 50 до 59 лет – 33,3%. Доля остальных групп выглядит следующим образом: от 30 до 39 лет – 4,5%, от 60 до 69 лет – 25,8%, от 70 лет и старше – 3,1%. Отметим, что в III созыве Народного Хурала РБ лидирующие позиции занимали 50-летние

депутаты: от 50 до 59 лет – 38,5%, от 40 до 49 лет – 27,7%, от 60 до 69 лет – 27,7%, от 30 до 39 лет – 4,6%, от 70 лет и старше – 1,5%; а во II созыве Народного Хурала РБ – лица до 50 лет: от 36-50 лет – 43 чел., от 50-60 лет – 16 чел., до 35 лет – 6 чел. [254, с. 73]. На фоне данных цифр интересен состав Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.) в котором преобладали 30-летние депутаты (*см. таблицу № 18 в приложении I*) [254, с. 33]. Что касается Улан-Удэнского городского Совета депутатов IV созыва, то здесь наблюдается больше 30-летних и 40-летних лиц: от 30 до 39 лет – 30,8%, от 40 до 49 лет – 46,1%, от 50 до 59 лет – 23,1%.

Во всех созывах Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) большинство составляют депутаты в возрасте от 40 до 49 лет, в IV созыве их 37,1% (*см. таблицу № 21 в приложении I*). Д.Н. Бубякина отмечает, что средний возраст депутатов первого созыва 45 лет, второго - 47 лет, третьего - 49 лет [59, с. 65]. В парламенте Саха (Якутии) фактически не представлена молодежь до 30 лет. Кроме того, резко снижается процент лиц в возрасте от 30 до 39 лет, в IV созыве он составляет лишь 8,6%. Наблюдается постепенное увеличение числа депутатов старше 60 лет, если в первом созыве был 1 представитель данной возрастной группы, то в четвертом созыве их уже 15 человек (21,4%).

В Республике Тыва средний возраст депутатов составлял: в 1993 г. – 45,7 лет, в 1998 г. – 44,5 года, в 2002 г. – 41,6 год [508, с. 80]. Во II созыве Великого Хурала РТ преобладают депутаты в возрасте от 50 до 59 лет. Так, в Законодательной Палате Великого Хурала Республики Тыва II созыва они составляют 46,9% депутатского корпуса, далее следуют лица в возрасте от 40 до 49 лет – 34,4%, от 60 до 69 лет – 12,5% и от 30 до 39 лет – 6,2%.

Итак, в составе республиканских парламентов, как, впрочем, и других органов власти, преобладают 40-летние и 50-летние лица. Данная тенденция характерна для большинства регионов России. Обратим внимание на тот факт, что в составе региональных политических элит очень мало лиц моложе 30 лет. Между тем сегодня руководство страны, как уже нами отмечалось, прилагает большие усилия по привлечению молодых людей в органы власти

и управления. На их взгляд, молодежь должна активно участвовать в процессе реформирования общества, построения конкурентоспособной политической системы, эффективной экономики, гражданского общества. Однако, несмотря на позицию власти, продолжается острая дискуссия между сторонниками и противниками привлечения молодежи в органы управления. Результаты проведенного нами экспертного интервью показали, что доминирует настороженное и в целом отрицательное отношение к процессу вхождения в состав политической элиты представителей молодежи. Характеризуя его, с одной стороны, как успешную реализацию идеи руководства страны, от которой нельзя отказываться ввиду необходимости омоложения элиты, а с другой стороны, как «кампанейщину», эксперты считают, что занятие должностей должно быть постепенным (с малых до высших), только так можно получить практические навыки работы. В этом отношении, на их взгляд, необходимо ориентироваться на опыт СССР. В государстве должна быть отлаженная система подготовки руководящих работников, предполагающая отбор и обучение (курсы, семинары и т.д.) молодых людей под «крылом» старшего руководителя. Эксперты отмечают, что вплоть до 40 лет человек не должен занимать ключевых постов, сегодня же молодежь включается в штат органов власти преимущественно «для галочки». Между тем, у молодых людей очень много недостатков: нет жизненного опыта, их легко «сломать» и склонить в чью-либо сторону, часто они ведут себя поверхностно, у них присутствует юношеский максимализм и др. Поэтому, как заметил эксперт из Бурятии, «поле для реализации молодежи – это околовластные структуры, они должны участвовать в реализации отдельных политических направлений». В целом все эксперты единодушны, что в кадровом вопросе необходимо придерживаться принципа 50/50 по присутствию молодых и зрелых работников.

На наш взгляд, молодежь во власти необходима. Опыт последних лет показывает, что значительная ее часть активно участвует в процессе построения нового государства, она оказалась способной к быстрому усвоению законов рыночной экономики и сумела адаптироваться к

современным социально-экономическим и политическим реалиям. Для эффективного решения стоящих задач органам власти нужны такие руководители, которые смогут работать в новых условиях, соответствовать требованиям модели государственного управления в условиях перехода к рыночной экономике, обеспечить создание демократического социального государства. Вместе с тем мы солидарны с экспертами, что молодежь необходимо готовить к работе в органах власти. Молодые люди должны хорошо разбираться в структуре властных институтов, знать приоритеты государственной политики, проблемные сферы нашего общества и т.д. Во власть должны приходиться компетентные люди, получившие хорошее профессиональное образование и имеющие опыт работы. Также хочется отметить что, несмотря на перспективность привлечения молодежи во власть, на наш взгляд, необходимо разумное сочетание зрелых работников и молодых управленцев. Опытные кадры, безусловно, обладают большими преимуществами и не могут быть заменены молодыми людьми, не имеющими определенного жизненного и профессионального опыта.

Итак, в постсоветский период наблюдается возрастное обновление политических элит и изменение роли поколений в общественно-политической жизни. Анализ состава политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва выявил тенденцию к омоложению данной социальной группы, которая отмечается в целом по всей России. Имеет место факт слабого представительства молодежи в составе элит. Представляется, что наметившиеся изменения в кадровой политике откроют для молодых людей более широкие возможности продвижения вверх, что будет способствовать дальнейшему омоложению политической элиты в разумных пределах.

Изучение вопроса этнической принадлежности республиканских политических элит выявило весьма интересный факт, выраженный в солидном представительстве (Бурятия), и даже в доминировании (Саха (Якутия) и Тыва) крупнейших коренных народов в рассматриваемой социальной группе, при их относительно небольшой численности в составе населения регионов (за исключением Республики Тыва).

Распределение политических элит по этническому составу (в %)

Этническая принадлежность	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
крупнейшие коренные народы (буряты, якуты / саха, тувинцы)	42,9	46,4	59	58,3	57,4	38,9	65,5	78,1	69,6	50	52,6	71,3
русские	47,1	48,2	35,9	29,2	35,3	38,9	27,6	18,8	25	43,1	34	23,6
другие народы	10	5,4	5,1	12,5	7,3	22,2	6,9	3,1	5,4	6,9	13,4	5,1

Как показывают данные таблицы 10, представители крупнейших коренных народов, как правило, составляют большинство в выделенных видах политических элит Саха (Якутии) и Тывы. В Бурятии ситуация несколько отличается – буряты численно лидируют лишь в составе муниципальной элиты, немного уступая в исполнительной и законодательной / представительной видах элит. Так, в Улан-Удэнском городском Совете депутатов IV созыва русские составляют 50%, буряты – 46,1%, представители других народов – 3,9%. Такая же тенденция отмечалась до недавнего времени и в Народном Хурале Республики Бурятия: в составе II созыва было 34 русских, 28 бурят, 1 эвенк, 1 немец, 1 украинец [254, с. 73]; в составе III созыва русских было 56,9%, бурят – 41,5%, представителей других народов – 1,6%. В IV созыве Народного Хурала РБ отмечается равное количество русских и бурят – по 48,5% от общей численности парламента, представители других народов составляют 3%. Заметим, что в советское время ситуация заметно отличалась. Например, в составе Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.) было 48,3% бурят, а русских – 39,3% (см. таблицу № 18 в приложении I) [254, с. 33]. Факт количественного

меньшинства лиц бурятской национальности в современных исполнительных и законодательных / представительных органах власти, видимо, объясняется тем обстоятельством, что на сегодняшний день бурятский народ на территории Республики Бурятия не является этническим большинством. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, наиболее многочисленными народами в Бурятии являются: русские – 66,05%, буряты – 30,04%, украинцы – 0,59%, татары – 0,71% [600]. Тем самым русские составляют подавляющее большинство в составе населения региона. Поэтому, отчасти, представляется естественным факт неравного соотношения этнических групп в составе республиканских органов власти и политической элиты Бурятии, который, заметим, наблюдался и ранее. Так, исследование ИСАНТ по проекту «Самые влиятельные люди России – 2003» установило следующее распределение политической элиты Республики Бурятия по этнической принадлежности (в %): русские – 51, буряты – 47, остальные (немцы, евреи, татары) – единицы [456, с. 109]. Между тем обратим внимание, что представители бурятского народа при их слабом удельном весе в составе населения республики уступают лидирующие позиции в органах власти с очень небольшим отставанием. Скорее всего это связано с тем, что с целью снижения вероятности напряженности в межэтнических отношениях в Бурятии существует негласное разделение властных ресурсов между крупнейшими этническими группами на паритетной основе. Опора на данное распределение в кадровой политике, безусловно, оправданна и целесообразна.

В Республике Саха (Якутия), по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, наиболее многочисленными народами являются: якуты (саха) - 49,9%, русские - 37,8%, украинцы - 2,2%, эвенки - 2,2%, эвены - 1,6% [601]. Соответственно, представители народа саха составляют небольшое численное большинство в структуре населения республики, которое между тем, как следует из таблицы 10, прямым образом отразилось на должностном составе органов государственной власти. Более всего (58,3%) представителей крупнейшего коренного народа в исполнительном виде элиты, что, заметим,

наблюдалось и ранее. В этом отношении представляют интерес материалы исследования Ю.С. Тарасова, в которых отражены сравнительные данные, касающиеся этнической принадлежности политической элиты исполнительной ветви власти Республики Саха (Якутия) 1984 г. и 1992 г. (см. таблицу № 22 в приложении I) [487, с. 16]. Согласно этим сведениям, в 1992 г. основу правительства составляли якуты и русские, причем первых было немногим больше, чем вторых - 58%. В высшем эшелоне исполнительной власти (президент, вице-президент, пять заместителей главы правительства) было четыре якута и трое русских. Сравнивая с данными 1984 г., нельзя не заметить, что в тот период среди членов правительства якутов было гораздо больше - 61%, в то время как русских лишь 39%. По мнению Ю.С. Тарасова, «относительно меньшая доля русских, украинцев и представителей других национальностей в составе правительства соответствует <...> тому количеству приезжего населения, которое выражает интересы территории» [486, с. 172]. Отметим, что в составе корпуса глав администраций 1992 г. и председателей исполкомов 1984 г. также устойчиво доминировали якуты и народности Севера.

Анализ этнической принадлежности политической элиты законодательной ветви власти Саха (Якутии) также выявил факт лидирующих позиций крупнейшего в регионе коренного народа. Во всех созывах Государственного собрания (Ил Тумэн) РС (Я) преобладают представители народа саха (см. таблицу № 23 в приложении I) [59, с. 66]. Вместе с тем заметим, что их численность в III созыве заметно снизилась, составив наименьший за историю Ил Тумэн показатель - 55%, в то время как количество депутатов русских по национальности значительно увеличилось. В следующем IV созыве ситуация существенно не изменилась: якуты (саха) составляют 58,6%, русские - 35,7%, другие народы - 5,7%. Тем самым тенденция к уменьшению представительства народа саха в парламенте, по сравнению с I и II созывами, сохраняется. Число представителей коренных малочисленных народов Севера фактически не меняется, их крайне мало. Ю.Д. Петров отмечает, что отчужденность от политики характерна для

политической традиции данных народов и это является основной причиной того, что они оказались сейчас в архитяжелом положении: наблюдается исключительно низкий уровень жизни, постепенно сокращается их численность, они неустроены в национально-государственном отношении и др. [393]. По его мнению, с которым мы согласны, «свои проблемы они должны решать сами, а для этого необходимо их присутствие и работа в органах государственной власти от низшего до высшего уровня» [392, с. 45].

Республика Тыва занимает особое место среди национальных регионов. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, наиболее многочисленными народами в республике являются тувинцы – 82,0% и русские – 16,3%, другие национальности составляют 1,7% [604]. Данная республика, в структуре населения которой подавляющее большинство составляют представители коренного народа, является одним из редких исключений в России. Поэтому вполне естественно, что в органах государственной власти доминируют тувинцы. Так, в парламенте республики, по данным Е.В. Тышты, «доля депутатов, представляющих русскоязычное население, не превышает 14,8%. В Верховном Хурале РТ первого созыва (1993-1998) было четверо русских, в последующих - по 3 депутата русской национальности. Остальные места в парламенте занимали представители тувинской национальности» [508, с. 81]. Главными причинами сложившейся ситуации, по ее мнению, стали события конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые привели к массовому оттоку русскоязычного населения из республики, а также региональная традиция, сохранившаяся еще с советских времен, согласно которой все представительские должности занимали тувинцы [508, с. 81]. Данные причины, видимо, повлияли и на II созыв Великого Хурала Республики Тыва, в котором русские составляют 21,9% от численности депутатского корпуса Законодательной палаты ВХ РТ и 15,1% - от Палаты представителей ВХ РТ. Вместе с тем следует отметить, что в этом созыве, по сравнению с предыдущими, наблюдается небольшой рост численности депутатов, русских по национальности. В этой связи хотелось бы заметить, что принявшие участие в нашем интервьюировании

эксперты региона, причем в большинстве своем тувинцы, убеждены, что в целях оптимизации межэтнических отношений в Тыве рекрутирование элиты по национальной принадлежности должно осуществляться по принципу 50/50. Тем самым, очевидны изменения в данном вопросе.

Таким образом, состав политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва представлен, как правило, двумя этносами – русским и крупнейшим коренным (буряты, якуты, тувинцы). При этом тувинцы и якуты составляют большинство в изучаемой социальной группе своих регионов. Представители бурятского народа преобладают лишь в составе муниципальной элиты, однако, в целом составляют 50% политической элиты республики. Заметим, что факт доминирования крупнейших коренных народов в органах власти встречается во многих национальных республиках России [99, 520, 406]. В составе политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, как, впрочем, и других регионов России, весьма слабо представлены коренные малочисленные народы и другие этносы. В этой связи, на наш взгляд, необходимо внести определенные коррективы в процесс комплектования республиканских органов государственной власти. Следует помнить, что отстранение представителей отдельных народов от участия в управлении регионом провоцирует появление конфликтных ситуаций. Доступ к власти различных этнических групп является отражением равенства национальностей и одним из важнейших факторов стабильности в стране, гарантией межнационального согласия в полиэтническом регионе.

В ходе анкетирования мы поинтересовались у респондентов, владеют ли они родным языком. Согласно Основным законам республик, статус государственного предоставлен национальному и русскому языкам. Вопрос о родном языке крайне актуален для полиэтнических регионов в составе России, в которых проживают представители различных национальностей, находящихся в постоянном контакте между собой. В подобных регионах, как правило, имеется несколько доминирующих по численности народов. Если рассматривать изучаемые нами республики, то речь будет идти о коренных и русском этносах. Не секрет, что в национальных регионах отмечается

сильное влияние на все сферы общества представителей русского народа, причем, как правило, положительное. На наш взгляд, именно с приходом русских началось бурное развитие территорий современных республик. Благодаря усилиям российского руководства коренное население получило большие возможности в области образования, здравоохранения, политики, культуры и т.д. Вместе с тем, безусловно, были как положительные, так и отрицательные моменты в истории совместного проживания народов. Однако они, на наш взгляд, несопоставимы с конечным результатом, воплощенным в современном облике республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Одним из последствий влияния русских стала популяризация русского языка в национальных регионах и формирование двуязычия. В.В. Топорков на примере Республики Саха (Якутия) поясняет: «распространению русского языка и двуязычия способствовали рост образовательного и культурного уровня населения, индустриализация народного хозяйства республики, формирование многонациональных трудовых коллективов, урбанизация и миграция сельского населения в города и рабочие поселки, рост числа инженерно-технической интеллигенции и индустриальных рабочих, расширение сети средств массовой информации» [497, с. 49]. Представляется, что данные причины можно отнести и к другим полиэтническим регионам, в частности, к Бурятии и Тыве. Помимо этого, необходимо отметить и целенаправленную политику центра по сохранению и укреплению позиций русского языка в российских республиках, который рассматривается в качестве мощного интегрирующего фактора, способного противодействовать расщеплению государства на составляющие его национальные части. Результатом распространения русского языка, а также влияния иных факторов, стало появление проблемы сохранения и популяризации родных для коренных народов языков. Наиболее остро она стоит в Республике Бурятия. К сожалению, приходится констатировать факт появления целых поколений представителей бурятского народа, которые в силу ряда причин не знают собственного языка. По данным нашего анкетирования, 13,7% политической элиты Бурятии не владеют своим

языком, 16,7% владеют им частично (*см. таблицу № 24 в приложении I*). Заметим, что состав данных групп, как правило, представлен именно бурятами. Среди жителей столицы Бурятии, согласно проведенному весной 2010 г. исследованию И.З. Чимитовой, бурятским языком владеют лишь 18,4% бурят [542, с. 170]. Зато все, за исключением не научившихся говорить детей, знают русский язык. По итогам Всероссийской переписи 2002 г., из 272910 бурят, проживающих в Республике Бурятия, русским языком владели 262325 чел., то есть 96% [600]. При этом они не только говорят, но и думают на русском языке. Исследование, проведенное в 2009 г. Д.Ц. Будаевой [65], показало, что 36,7% опрошенных бурят чаще всего думают на русском языке, 22,8% - на бурятском языке, 40,1% - на обоих языках в зависимости от ситуации. Тем самым современные буряты слабо владеют своим родным языком, общение на бурятском языке осуществляется преимущественно в кругу семьи и чаще всего в селах. Сложившаяся ситуация приводит к потере преемственности в освоении основ национальной культуры: бурятской литературы, театрального искусства и т.д. Заметим, что бурятский язык внесен ЮНЕСКО в перечень исчезающих языков мира [68]. Причины столь удручающего положения в данной области разнообразны: внутренняя разобщенность этноса – наличие трех удаленных друг от друга административных образований со своими приоритетами развития; отсутствие пропаганды бурятского языка и падение интереса к нему; слабое его изучение в учебных заведениях; недостаточное внимание государственных органов к национальной культуре и бурятским традициям; неэффективная политика в данной сфере и др. Вместе с тем заметим, исследования показывают [542, с. 170], что в последние годы постепенно возрастает интерес к бурятскому языку, причем как со стороны бурятского, так и русского населения. Надеемся, что этот позитивный момент является началом коренных изменений в ценностных ориентациях населения Бурятии.

В Республике Саха (Якутия), как показало наше исследование, ситуация в данной области несколько лучше - 86,1% респондентов владеют родным языком (*см. таблицу № 24 в приложении I*). Однако проблема все же

существует. В.В. Топорков пишет: «переход в начале 60-х гг. преподавания ряда общеобразовательных предметов на русский язык, начиная с 5-6 классов, привел к существенному сокращению образовательных и воспитательных функций якутского языка <...> установлено, что каждый четвертый школьник-саха в возрасте, когда формируется его будущая языковая компетенция и модель языкового поведения, отчужден от родного языка» [497, с. 47]. Исследователь отмечает, что основным языком общения на работе в городах и рабочих поселках является русский язык. На селе общение осуществляется в основном на якутском языке, однако постепенно возрастает роль русско-якутского двуязычия. Национальный же язык традиционно используется в семейно-бытовой сфере общения [497, с. 43]. В целом В.В. Топорков приходит к выводу, что «общей тенденцией языковых процессов у коренных народов Якутии является постепенное сокращение числа лиц, владеющих родным языком. Основной причиной этого стало неуклонное сужение сферы и среды их функционирования, особенно в области образования и воспитания молодого поколения» [497, с. 53]. Несмотря на обозначенную проблему, следует заметить, что ситуация в республике в целом все же положительная. Об этом свидетельствуют, например, данные 2010 г., согласно которым из 478085 якутов (саха) владеют родным языком 450140 человек, то есть 94,15% [3, с. 99]. С существенными языковыми проблемами скорее сталкивается русское население, проживающее в республике. Исследователи отмечают, что «незнание якутского языка и местных традиций осложняет профессиональную карьеру русских, является тормозом на пути повышения социального статуса. Часто единственным исходом в такой ситуации для русских (в особенности для интеллигенции) является отъезд в Россию» [560, с. 150]. Тем самым позиции родных для коренных народов Саха (Якутии) языков достаточно сильны.

Наибольший процент лиц, владеющих родным языком, выявился в Республике Тыва – 93,5% (см. таблицу № 24 в приложении I). Данный результат вполне естественен для региона, в котором подавляющее большинство жителей являются тувинцами по национальности. В условиях

территориальной отдаленности от федерального центра, определенной замкнутости республики, слабого влияния русского населения на общественную жизнь созданы идеальные условия для развития национального языка, который употребляется фактически повсеместно. Следует отметить бережное отношение тувинцев к национальной культуре, образцы которой транслируются и тиражируются как на местном, так и на региональном и федеральном уровнях. Вместе с тем тревожным, на наш взгляд, является результат Всероссийской переписи населения 2002 года, согласно которому из 235,3 тыс., проживающих на территории республики тувинцев, русским языком владеют лишь 198,4 тыс. чел. [596]. Безусловно, это затрудняет процесс интеграции Тывы в общероссийское социально-культурное пространство. Между тем по результатам проведенного в 2009 г. исследования Е.В. Петровой (опрос экспертов, фокус-группы) [396], большинство респондентов данного региона убеждены, что успешен в республике будет тот человек, который говорит на двух языках. Примечательно, что русское население, рассматривая незнание тувинского языка в качестве препятствия для получения хорошей работы, заинтересовано в его изучении, однако сталкивается с отсутствием системы обучения: нет школ, учителей, адаптированных учебников и т.д. Соответственно, в этом регионе существуют несколько иные, но не менее важные проблемы, требующие квалифицированного решения.

Итак, наиболее остро проблема сохранения и популяризации родного языка стоит в республиках Бурятия и Саха (Якутия). В данной связи в литературе нередко встречаются мнения, что лица некоренной национальности, в том числе представители русского народа, проживающие на территории полиэтнических регионов, также должны знать языки коренных этносов [497, с. 48]. Представляется, что данная точка зрения имеет право на существование и, возможно, ее реализация позволила бы в какой-то мере решить существующую проблему. Вполне естественно, что если коренные народы в большинстве своем свободно владеют русским языком, то и русскому населению необходимо знать языки коренных

этносов, так как наличие языкового барьера негативно влияет на взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур, обмен духовными ценностями между различными народами, их взаимодействию в различных сферах общества. Однако, на наш взгляд, это должно касаться тех регионов, где коренные этносы составляют подавляющее большинство в структуре населения, а, значит, позиции национальных языков в них достаточно сильны. Требовать знание национального языка от некоренного населения при его слабом владении самими коренными народами, к тому же находящимися в численном меньшинстве, что наблюдается в отдельных регионах, не оправданно и не реально. Гораздо актуальнее сконцентрироваться на мерах по сохранению языкового наследия и воспитанию подрастающего поколения в духе уважения к национальной культуре и языку своего народа. В целом необходимо обеспечить оптимальные условия для развития языков всех народов, способствовать сохранению многовековых традиций культурного взаимодействия. Соответственно, долг политической элиты, по словам И.И. Осинского, «состоит в том, чтобы обеспечить сохранение, воспроизводство и трансляцию этнокультурного опыта собственного народа, который включает в себя традиции и обычаи, формы общения и способы взаимодействия, ценности и нравственно-этические нормы. Решение этих проблем будет способствовать формированию и развитию толерантных отношений в полиэтнической среде своей страны и во взаимоотношениях с народами других государств» [372, с. 91].

Следующий вопрос, который мы выясняли при изучении биографий, - это место рождения представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Результаты показали, что в составе республиканских политических элит преобладают выходцы из села и деревни: в Бурятии они составляют 49,5% от общего массива группы, в Якутии – 43,3%, в Тыве – 52,3% (см. таблицу № 25 в приложении I). Такая же тенденция наблюдается и в региональных парламентах. В Великом Хурале Республики Тыва II созыва 61,2% депутатов родились в селе либо деревне, 14,6% - в поселке,

24,2% - в городе. Около 90% представителей республиканской политической элиты являются уроженцами Тывы.

Среди депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва 40% родились в селе или деревне, 34,3% - в поселке, 25,7% - в городе. Уроженцами Якутии являются около 80% представителей республиканской политической элиты, в исполнительной элите их порядка 75%. Отметим, что в 1992 г. большинство в парламенте Якутии также составляли выходцы из села – 64%, из города было 27%, из рабочих поселков - 9%. При этом 73% депутатов родились в Якутии [487, с. 18].

В составе Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва 46% депутатов родились в селе или деревне, 36,1% - в городе, 17,9% - в поселке. Отметим, что в Улан-Удэнском городском Совете депутатов IV созыва наблюдается примерно равное соотношение лиц, родившихся в городе и селе, деревне: 50% родились в городе, 46,1% - в селе либо деревне, 3,9% - в поселке. Уроженцами Бурятии являются порядка 80-85% представителей республиканской политической элиты, чуть меньше их в группе исполнительной элиты – около 70-75%.

Итак, политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва тесно связаны со своими регионами по рождению, при этом большинство из них являются выходцами из села или деревни, что входит в некоторое противоречие с общероссийской тенденцией, характеризующейся снижением числа данных лиц в изучаемой социальной группе. По данным О.В. Крыштановской, в постсоветский период отмечается резкое снижение доли выходцев из села в составе различных групп элиты, в том числе и региональной (см. таблицу № 26 в приложении I). Очевидно, в национальных республиках ситуация несколько иная, чем в целом по России, что доказывается результатами нашего исследования и эмпирическими материалами других авторов [520, с. 70].

Рассмотрим распределение политической элиты по социальному происхождению. Изменения в данной области фиксировали многие исследователи. Так, Д. Лэйн, сравнив элиту Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева,

пришел к выводу, что они принадлежат в основном к среднему классу: «у 51 человека из окружения Ельцина и 62 из Горбачева отцы были из рядов занятых нефизическим трудом, соответственно 22 и 25 – сыновья рабочих, а 12 и 11 – из крестьян, колхозников. Что касается матерей, то у 61 человека (при Ельцине) и 56 (при Горбачеве) они также занимались нефизическим трудом, соответственно у 16 и 34 матери - домохозяйки, у 10 и 14 – крестьянки, и только у 13 и 11 матери имеют «рабочие корни» [290, с. 31]. По данным нашего анкетного опроса, в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва распределение политических элит по социальному происхождению довольно сбалансированное (см. таблицу № 27 в приложении I). Численность представителей из среды рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, а также смешанных семей в достаточной степени равномерна. Небольшой перевес наблюдается у выходцев из среды интеллигенции и служащих: в Бурятии их доля составляет 36,3% от общего массива опрошенных, в Саха (Якутии) – 43,3%, в Тыве – 34,8%. Заметим, что в Республике Бурятия ситуация фактически не изменилась. По результатам анкетного опроса, проводимого нами в 2004 г., 38,6% политической элиты Бурятии были выходцами из среды интеллигенции, служащих; 29,5% - из среды рабочих, крестьян; у 31,9% отмечалось смешанное социальное происхождение. Отметим, что в советское время у представителей республиканской политической элиты наблюдалось преимущественно рабоче-крестьянское социальное происхождение (см. таблицу № 28 в приложении I) [254, с. 34].

Одной из характерных черт постсоветской политической элиты стало заметное повышение ее образовательного уровня. Следует отметить, что повышение уровня образования элиты в нашей стране происходило постепенно: если при И.В. Сталине высшее образование встречалось редко (см. таблицу № 28 в приложении I) [254, с. 34], то при Л.И. Брежневe оно было у 87,8% представителей данной социальной группы, при М.С. Горбачеве – у 89,1%, при Б.Н. Ельцине – у 97,8% [244, с. 56]. В период первого президентства В.В. Путина, согласно итогам исследования ИСАНТ по проекту «Самые влиятельные люди России - 2003» [456], сравнительным

данным О.В. Крыштановской (*см. таблицу № 29 в приложении I*) [239, с. 269] и другим эмпирическим материалам, высшее образование было у подавляющего большинства влиятельных лиц. Данный факт обусловлен различными причинами, среди которых: престиж высшего образования в обществе, важность профессиональных знаний для компетентного выполнения управленческих функций, необходимость дополнительного образования и переподготовки для работы в новой сфере и т.д. Результаты проведенного нами анализа официальных биографий показали, что в Республике Бурятия высшее образование имеют 97,5% элиты, в Республике Тыва - 97%, в Республике Саха - все представители политической элиты.

Анализ полученного республиканскими политическими элитами образования показал, что многие из них обучались не только в своих регионах, но и за их пределами, в учебных заведениях таких городов, как Иркутск, Чита, Новосибирск, Москва, Омск, Хабаровск, Красноярск и др. Так, более половины политической элиты Бурятии – 56,8% обучались за пределами своего региона (*см. таблицу № 30 в приложении I*). Остановимся подробнее на представителях законодательной ветви власти и рассмотрим вид / место нахождения высших учебных заведений, в которых получили образование депутаты Народного Хурала Республики Бурятия. Результаты анализа биографий показали, что все депутаты IV созыва Народного Хурала РБ имеют высшее образование, из них: 22,7% обучались в БГПИ им Д. Банзарова / БГУ (г. Улан-Удэ), 18,2% - в ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), 12,1% - в БСХИ / БГСХА им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ), 4,5% - в ИГУ (г. Иркутск), 3,1% - в ЧГМИ / ЧГМА (г. Чита), 1,5% - в ВСГАКИ (г. Улан-Удэ), 37,9% - в других вузах таких городов, как Томск, Новосибирск, Иркутск, Омск, Хабаровск, Москва, Благовещенск, Красноярск и др. Тем самым 45,5% депутатов IV созыва парламента Бурятии обучались за пределами республики. Отметим, что многие депутаты других созывов также проходили обучение за пределами региона. Так, в III созыве, состоящем из лиц с высшим образованием, 24,6% депутатов обучались в ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), 15,4% - в БСХИ / БГСХА им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ),

10,8% - в БГПИ им Д. Банзарова / БГУ (г. Улан-Удэ), 6,2% - в ИПИ / ИрГТУ (г. Иркутск), 4,6% - в ЧГМИ / ЧГМА (г. Чита), 3,1% - в ИГУ (г. Иркутск), 1,5% - в ВСГАКИ (г. Улан-Удэ), 33,8% - в других вузах таких городов, как Иркутск, Новосибирск, Москва, Омск, Хабаровск, Красноярск и др. Соответственно, за пределами республики обучались 47,7% депутатов III созыва Народного Хурала РБ. Что касается Улан-Удэнского городского Совета депутатов IV созыва, то 23,1% депутатов окончили ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), 15,4% - БГПИ им Д. Банзарова / БГУ (г. Улан-Удэ), по 7,7% - ЧГМИ / ЧГМА (г. Чита), ИГМИ / ИГМУ (г. Иркутск), 3,9% - ВСГАКИ (г. Улан-Удэ), 42,2% - другие вузы таких городов, как Новосибирск, Томск, Красноярск, Москва, Иркутск, Кемерово и др. Тем самым за пределами региона обучались 57,6% депутатов IV созыва Улан-Удэнского городского Совета.

Изучение вида и места нахождения учебных заведений, в которых получила высшее образование политическая элита Республики Саха (Якутия) показало, что 42,2% представителей данной группы получили высшее образование в республике, 57,8% - за ее пределами (*см. таблицу № 31 в приложении I*). Депутаты всех созывов парламента Республики Саха (Якутия) имеют высшее образование, причем большинство из них также обучались за пределами своего региона (*см. таблицу № 32 в приложении I*). В составе Государственного собрания (Ил Тумэн) РС (Я) IV созыва 28,6% депутатов обучались в ЯГУ / СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск), 7,1% - в ТПИ им. С.М. Кирова / ТПУ (г. Томск), по 2,8% - в ИИНХ / БГУЭП (г. Иркутск), ЛГПИ / РГПУ им А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), РКИИГА / РАУ (г. Рига), СГИ / УГГУ (г. Екатеринбург), ИПИ / ИрГТУ (г. Иркутск), НИСКТ / СибУПК (г. Новосибирск), 1,4% - в ЯСХИ / ЯГСХА (г. Якутск), 46,1% - в других вузах таких городов, как Магадан, Томск, Санкт-Петербург, Братск, Новосибирск, Хабаровск, Чита, Иркутск, Москва и др. Тем самым за пределами республики обучались 70% депутатов IV созыва Ил Тумэн. Что касается элиты исполнительной ветви власти Саха (Якутии), то 36,1% ее состава окончили ЯГУ / СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск), 5,5% - НИСИ

им. В.В. Куйбышева / НГАСУ (г. Новосибирск), 4,7% - НСХИ / НГАУ (г. Новосибирск), по 2,8% - МГИ / МГГУ (г. Москва), ИИНХ / БГУЭП (г. Иркутск), ХГИИК (г. Хабаровск), ИСХИ / ИрГСХА (г. Иркутск), 1,4% - ЯСХИ / ЯГСХА (г. Якутск), 41,1% - другие вузы (г. Томск, Москва, Иркутск, Хабаровск, Улан-Удэ, Омск, Красноярск и др.). Итак, 62,5% представителей элиты исполнительной ветви власти РС(Я) получили высшее образование в различных регионах России.

Значительная часть политической элиты Республики Тыва – 51,9% также обучалась за пределами своего региона (*см. таблицу № 33 в приложении I*). Большинство депутатов II созыва парламента Республики Тыва - Великого Хурала получили образование в других регионах. Так, в Законодательной палате Великого Хурала РТ, состав которой полностью представлен лицами с высшим образованием, 21,9% депутатов обучались в КГПИ / ТывГУ (г. Кызыл), 12,5% - в КГМИ / КрасГМУ им. В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск), по 6,2% - в АСХИ / АГАУ (г. Барнаул), АГМИ / АГМУ (г. Барнаул), ИГУ (г. Иркутск), 3% - в КФ КПИ / КГТУ (г. Кызыл), 44% - в других вузах (г. Новосибирск, Красноярск, Барнаул, Иркутск, Москва, Кемерово и др.). Тем самым 75,1% депутатов Законодательной палаты ВХ РТ II созыва обучались за пределами республики.

Профиль высшего образования у постсоветской политической элиты достаточно разнообразный в отличие от элиты советской, в составе которой доминировали лица с инженерно-техническим и сельскохозяйственным образованием. Так, в середине 1970-х гг. указанные виды образования имели более 70% секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС и 60% секретарей горкомов и райкомов; в к. 1980-х гг. данный показатель составлял уже соответственно 84,5% и 68,8%. Инженерное образование в к. 1980-х гг. имели 90% председателей Советов министров союзных республик и 73% членов Президиума правительства СССР [176, с. 261-262]. Тем самым высшие эшелоны советской власти были укомплектованы в основном лицами с инженерным образованием, преимущество которого было метко подмечено Э. Шнайдером: «Инженерное

образование обучает мышлению в категориях технического решения проблем. Из инженеров техники легко можно стать инженерами власти» [594, с. 19]. В составе элиты Б.Н. Ельцина, по результатам исследования Д. Лэйна, также было много инженеров (у Ельцина – 32; у Горбачева – 42). Однако, как отмечал исследователь, в ней много было и других специалистов, особенно представителей фундаментальной науки, экономики и в целом гуманитарного знания. Подобная специализация характерна, по его данным, для самого молодого (до 45 лет) поколения элит Б.Н. Ельцина - 3/4 из них (26 из 35) являлись гуманитариями (историки, журналисты, юристы, экономисты) [290, с. 31]. О.В. Крыштановская также указывает, что в политической элите периода Б.Н. Ельцина доля гуманитариев, особенно экономистов и юристов, значительно возросла, она составляла 25%, в отличие от 7,9% при Л.И. Брежневе и 8,8% при М.С. Горбачеве [244, с. 58]. Соответственно, в постсоветский период наблюдаются перемены в профиле полученного политической элитой высшего образования, что, на наш взгляд, связано с изменением профессиональных предпочтений людей, постепенным падением престижа рабочих и сельскохозяйственных профессий. Проведем анализ профиля высшего образования политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва (см. таблицу № 34 в приложении I). В Бурятии наблюдается небольшое преимущество представителей с гуманитарным профилем образования (в том числе с педагогическим, юридическим, управленческим, культурным и религиозным) – 47% от общего состава политической элиты. Лица с инженерно-техническим профилем образования составляют 30,4%. В Народном Хурале РБ IV созыва чуть больше депутатов-«гуманитариев»: 16,2% обладают техническим образованием, 14% - инженерным, 12,6% - педагогическим, 12,5% - экономическим, 10,7% - гуманитарным, 9,1% - юридическим, 7,9% - медицинским, по 6% - управленческим и военным, 4,5% - сельскохозяйственным, 0,5% - религиозным. Заметим, что у депутатов Народного Хурала Республики Бурятия III созыва было преимущественно инженерно-техническое образование: у 43,1% - инженерное, у 15,4% - педагогическое, у 10,8% -

техническое, по 7,7% - медицинское и сельскохозяйственное, по 6,1% - экономическое и гуманитарное, у 3,1% - юридическое. Что касается муниципальной элиты Бурятии, то в ее составе преобладают лица с педагогическим образованием.

В Саха (Якутии) примерно треть политической элиты имеет высшее образование инженерного профиля, как правило, связанное с опытом работы в добывающих отраслях (алмазы, уголь, нефть). Данные лица составляют большинство в составе исполнительной и законодательной / представительной элит. Обратим внимание на профиль образования депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я) IV созыва: у 45,8% инженерное образование, у 20% - педагогическое, у 10% - экономическое, по 5,7% - техническое и сельскохозяйственное, по 4,3% - медицинское и гуманитарное, по 1,4% - юридическое, культурное и управленческое. Следует отметить, что количество депутатов с инженерно-техническим образованием, по сравнению с 1990-ми гг., значительно увеличилось. По данным Ю.С. Тарасова, в парламенте Якутии 1993 г. они составляли 33%, преобладали же депутаты с гуманитарным профилем образования (*см. таблицу № 35 в приложении I*) [487, с. 18]. В составе муниципальной элиты РС(Я) больше представителей с управленческим и экономическим образованием.

В Тыве выявился перевес представителей с гуманитарным образовательным профилем, при этом 18,4% от общего состава политической элиты приходится на лиц с педагогическим образованием, они лидируют во всех видах элиты. Данный факт, очевидно, связан с успешной деятельностью ведущего в республике вуза – Кызылского государственного педагогического института / Тывинского государственного университета (КГПИ / ТывГУ). Показательно, что в составе Законодательной палаты Великого Хурала РТ II созыва 28,1% депутатов с педагогическим образованием, 21,9% - с медицинским, по 12,5% - с сельскохозяйственным и гуманитарным, по 9,4% - с юридическим и техническим, по 3,1% - с экономическим и инженерным. Заметим, что по сравнению с другими республиками в органах власти Тывы значительно меньше людей с инженерно-техническим профилем

образования, что, на наш взгляд, связано со спецификой региона традиционного сельскохозяйственного производства.

Итак, в настоящее время во всех республиках наблюдается фактически одинаковый процент лиц с педагогическим образованием, сравнительно небольшие показатели по сельскохозяйственному, военному и религиозному образованию. Традиционно востребовано инженерно-техническое, экономическое, юридическое и управленческое образование.

Многие представители политической элиты не останавливаются на одном высшем образовании и дополнительно получают второе высшее образование, заканчивая престижные учебные заведения. Второе высшее образование имеют порядка 50% представителей политической элиты Бурятии, причем наибольшее их число наблюдается в исполнительных органах власти (см. таблицу № 36 в приложении I). Менее всего лиц с дополнительным высшим образованием в составе муниципальной элиты. Что касается законодательной / представительной элиты, то среди депутатов Народного Хурала РБ IV созыва второе высшее образование имеют 16 чел. (24,3% от общего состава депутатского корпуса): 6 чел. (37,7%) - окончили РАГС / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), по 2 чел. (по 12,5%) - ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), НВПШ / СибАГС (г. Новосибирск), ХВШ МВД СССР / ДВЮИ МВД РФ (г. Хабаровск); по 1 чел. (по 6,2%) - ФА / Финуниверситет при Правительстве РФ (г. Москва), КемГУ (г. Кемерово), АМВД СССР / АУ МВД РФ (г. Москва), МГИМО(У) МИД РФ (г. Москва). Отметим, что число лиц, обладающих вторым высшим образованием в составе Народного Хурала РБ в целом стабильно. Так, из 65 депутатов НХ РБ III созыва 17 чел. (26,2% от общего состава депутатского корпуса) имели второе высшее образование: 4 чел. (23,5%) окончили РАГС / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), по 2 чел. (по 11,7%) – ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), НВПШ / СибАГС (г. Новосибирск), по 1 чел (по 5,9%) – АНХ / РАНХ и ГС (г. Москва), ФА / Финуниверситет (г. Москва), ХВПШ / ДВАГС (г. Хабаровск), АМВД СССР / АУ МВД РФ (г. Москва), НГАЭУ / НГУЭУ (г. Новосибирск), БСХИ / БГСХА им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ), АТСО (г.

Москва), Московский медицинский стоматологический институт им. Н.А. Семашко / Московский государственный медико-стоматологический университет (ММСИ им. Н.А. Семашко / МГМСУ, г. Москва), Российскую экономическую академию им. Г.В. Плеханова / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭА им. Г.В. Плеханова / РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва). В составе Улан-Удэнского городского Совета депутатов IV созыва 9 чел. (34,6% от общего состава депутатского корпуса) имеют второе высшее образование: 3 чел (33,4%) - окончили РАГС / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), по 1 чел. (по 11,1%) - НВПШ / СиБАГС (г. Новосибирск), БГПИ / БГУ (г. Улан-Удэ), ИГУ (г. Иркутск), РГГУ (г. Москва), НИЭМ (г. Новосибирск), МИМ ЛИНК (г. Жуковский).

Согласно результатам анализа биографий, 64,5% политической элиты Саха (Якутии) имеют второе высшее образование (*см. таблицу № 37 в приложении I*). При этом наибольший процент данных лиц в составе исполнительной элиты - 76,7% от общего состава выборки, далее следует муниципальная элита - 66,6%, затем с 50,5% располагается законодательная / представительная элита. В Государственном собрании (Ил Тумэн) РС (Я) IV созыва дополнительное высшее образование имеют 34 чел. (48,5% от общего состава депутатского корпуса): 9 чел. (27%) закончили РАГС / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), 7 чел. (20,6%) - АНХ / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), по 2 чел. (по 5,9%) - ЯГУ / СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск), ДВАГС (г. Хабаровск), 14 чел. (40,6%) - другие вузы (Хабаровский государственный педагогический институт / Дальневосточный государственный гуманитарный университет (ХГПИ / ДВГГУ, г. Хабаровск), НИСИ им. В.В. Куйбышева / НГАСУ (г. Новосибирск), МЮИ / МГЮА им. О.Е. Кутафина (г. Москва) и др.).

В Тыве второе высшее образование получили около 50% представителей политической элиты, наибольший процент данных лиц также наблюдается в составе исполнительной элиты (*см. таблицу № 38 в приложении I*). Что касается депутатов Великого Хурала РТ II созыва, то 21,9% из них обучались в СиБАГС (г. Новосибирск), 12,5% - в РАГС / РАНХ и ГС при Президенте

РФ (г. Москва), 5,1% - в АНХ / РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва), 60,5% - в других вузах (КрасГУ (г. Красноярск), ИГУ (г. Иркутск), КГПИ / ТывГУ (г. Кызыл) и др.).

Профиль второго высшего образования преимущественно связан с управленческими, экономическими и юридическими специальностями (см. таблицу № 39 в приложении I). Большинство лиц фактически всех групп элит изучаемых регионов получили управленческое образование. Данная тенденция наблюдается и в составе республиканских парламентов. Так, в Народном Хурале Республики Бурятия IV созыва 43,8% депутатов имеют управленческое второе высшее образование, 25% - экономическое, 18,8% - юридическое, по 6,2% - партийное / политическое и дипломатическое. Заметим, что профиль соответствующего образования у депутатов Народного Хурала РБ III созыва был почти такой же: 41,2% - управленческое, 29,4% - экономическое, 17,6% - юридическое, по 5,9% - педагогическое и медицинское образование. Следует отметить, что та же тенденция наблюдается и в Улан-Удэнском городском Совете депутатов IV созыва, в котором 44,5% депутатов обладают управленческим дополнительным высшим образованием, 33,3% - юридическим, 22,2% - экономическим. Среди депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва, имеющих второе высшее образование, 47% получили управленческое образование, 26,5% - экономическое, 14,7% - партийное / политическое, 8,8% - юридическое, 3% - техническое. 44,9% депутатов Великого Хурала Республики Тыва II созыва также получили управленческое образование, 23,9% - экономическое, 14,5% - партийное / политическое, 12,7% - юридическое, 2,5% - техническое, 1,5% - медицинское. Заметим, что у советской элиты, в отличие от современной, доминировало партийно-политическое второе высшее образование. В 1990 г. им обладали 47,8% секретарей райкомов, горкомов, окружкомов КПСС и 69,3% секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик [176, с. 265]. Данное образование рассматривалось как необходимый атрибут должности и абсолютное большинство лиц, которые его получили, находились на

руководящей партийной или советской работе, зачастую, высокого уровня [176, с. 264].

В постсоветский период в составе элиты наблюдается заметное увеличение числа лиц, имеющих ученые степени: в период Л.И. Брежнева их доля составляла 22,2%, в период М.С. Горбачева - 29,1% (в 1990 г. ученую степень имели 2,3% секретарей райкомов, горкомов, окружкомов и 24% секретарей обкомов, крайкомов, ЦК Компартий союзных республик [176, с. 265]), в период Б.Н. Ельцина - 48,2% [244, с. 56]. При В.В. Путине доля данных лиц существенно снизилась, как отмечают исследователи, до 20,9%. Однако на региональном уровне, как показали результаты проведенного нами анализа биографий представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, людей, имеющих ученую степень, достаточно много (см. таблицу № 40 в приложении I). Наибольший процент лиц, обладающих ученой степенью, выявился в составе законодательных / представительных элит Бурятии и Саха (Якутии). В Народном Хурале Республики Бурятия IV созыва из 20 чел. (30,3% от общего состава депутатского корпуса), имеющих ученую степень: 7 чел. (35%) – кандидаты исторических наук, 3 чел. (15%) – кандидаты технических наук, 2 чел. (10%) – кандидаты медицинских наук, по 1 (по 5%) – кандидаты юридических, экономических, педагогических и социологических наук; доктора экономических, педагогических, географических и социологических наук. Отметим, что в данном созыве парламента Бурятии отмечается резкий скачок числа лиц, обладающих ученой степенью. В составе Народного Хурала РБ III созыва ученая степень была лишь у 9 чел. (13,9% от общего состава депутатского корпуса): 3 чел. (33,4%) имели степень кандидата исторических наук, по 1 чел. (по 11,1%) - степень кандидата экономических, технических, педагогических наук; доктора ветеринарных, экономических и педагогических наук. Во II созыве Народного Хурала РБ только 3 чел. обладали степенью кандидата наук и 4 – доктора наук [254, с. 73]. Среди депутатов Улан-Удэнского городского Совета депутатов IV созыва лишь 1

чел. имеет степень кандидата технических наук, что составляет 3,8% от общего состава корпуса.

В Государственном собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва ученую степень имеют 23 чел. (32,8% от общего состава депутатского корпуса): 9 чел. (39,5%) - кандидаты экономических наук, 4 чел. (17,4%) - кандидаты технических наук, 2 чел. (8,7%) - кандидаты педагогических наук, по 1 (по 4,3%) кандидату исторических и социологических наук; доктору педагогических, экономических, исторических, биологических, юридических наук и один доктор транспорта. Отметим, значительное число остепененных лиц в составе исполнительной элиты данной республики – 18 чел. Для сравнения, в 1984 г. в правительстве Якутии был лишь один кандидат наук, в 1992 г. - три доктора и шесть кандидатов наук [486, с. 172].

Тем самым значительная часть постсоветской политической элиты имеет ученую степень, при этом стремление утвердиться в качестве ученых среди представителей указанной группы, по нашим данным, не ослабевает, а скорее возрастает. Мотивов для этого достаточно много. Наличие ученой степени, в первую очередь, обуславливает престижное положение должностного лица в социуме, а также характеризует его как высококвалифицированного специалиста, глубоко разбирающегося в проблемах вверенной ему сферы и отлично представляющего оптимальные пути ее развития, что в итоге:

- существенно помогает при продвижении по карьерной лестнице;
- позволяет повысить свой авторитет среди коллег-политиков, которые с большим вниманием прислушиваются к его мнению;
- вызывает доверие к нему со стороны общественности, что крайне необходимо, например, в ходе предвыборной кампании. Просвещенный монарх-мыслитель, как и современный политик-ученый, во все времена вызывал надежду у народа, которая, кстати, зачастую не оправдывалась;
- способствует интеграции в научное пространство, в среду виднейших ученых, что дает возможность на равных принимать участие в научных дискуссиях. Отметим еще один немаловажный фактор – в случае ухода со

своей должности данное лицо может с успехом продолжить трудовую деятельность в стенах какого-либо научного или образовательного учреждения и проводить свои научные изыскания.

Безусловно, указаны не все мотивы получения ученой степени представителями политической элиты. Сделан акцент на прагматичных, но, к сожалению, наиболее часто встречающихся целях. Между тем, значительная часть элиты приходит к идее написания диссертации исключительно по научным интересам, стремясь реализовать свой внутренний потенциал.

Итак, образовательный уровень постсоветской элиты довольно высок. Можно констатировать, что фактически все представители политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва имеют высшее образование, причем зачастую не одно. Значителен процент лиц, получивших образование за пределами своих регионов, в престижных вузах крупных городов России. В составе республиканских политических элит отмечается неуклонное увеличение числа людей, обладающих ученой степенью, при этом большинство из них ограничиваются получением степенью кандидата наук. Следует отметить, что доля элиты, имеющей ученую степень, вскоре вырастет, так как отдельные представители данной социальной группы в настоящий момент заняты написанием диссертаций. Тем самым политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва обладают высоким образовательным потенциалом, необходимым для осуществления разумной и эффективной политики на уровне региона России.

Обратим внимание на начало трудовой деятельности представителей республиканских политических элит. Согласно проведенному нами анализу биографий, подавляющая часть элит всех республик начала свой трудовой путь на производстве (см. таблицу № 41 в приложении I), что было характерно для советского периода истории нашей страны. Так, Л.И. Брежнев на XXIV съезде КПСС с гордостью подчеркивал, что «рабочими и крестьянами начинали свою деятельность 80% секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов, председателей Советов Министров, краевых и областных исполкомов и около 70% министров и

председателей государственных комитетов СССР» [176, с. 267]. Тем самым акцентировалось внимание на народном характере советской власти, представители которой были хорошо знакомы с проблемами и нуждами населения. В республиках Тыва и Саха (Якутия) наибольший процент лиц, чья трудовая деятельность началась на производстве в составе законодательных / представительных элит. Так, в Великом Хурале Республики Тыва II созыва 40,1% представителей депутатского корпуса начали работать на производстве, 16,8% - в учреждениях образования, 12,5% - в госучреждениях, 11,7% - в медицинских учреждениях, 7,6% - в коммерческой сфере / торговле, 6,3% - в силовых органах, по 2,5% - в учреждениях культуры, на партийной работе. Более половины (55,7%) депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва также начали трудовую деятельность на производстве, 17,1% - в учреждениях образования, 10% - в госучреждениях, 5,8% - в научных учреждениях, 4,3% - в силовых органах, 2,9% - в медицинских учреждениях, по 1,4% - в общественных организациях, в учреждениях культуры, в коммерческих организациях / торговле. Заметим, что в 1992 г. большая часть элиты законодательной ветви власти Республики Саха (Якутия), по данным Ю.В. Тарасова, также начинала работать «соответственно полученным специальностям: 32% - в сфере материального производства, 19% - сельского хозяйства, 28% - образования, культуры, науки, средствах массовой информации, 12% - в органах прокуратуры, МВД и других юридических службах. Для большинства из них (71%) первая карьера состоялась по каналам профессиональной мобильности, а для 24% - по каналам номенклатурной системы в партийных, комсомольских, профсоюзных органах» [487, с. 18].

В Республике Бурятия наибольший процент лиц, которые начали трудовую деятельность на производстве в составе исполнительной элиты, несколько меньше среди законодательной / представительной элиты. Тем не менее, например, в Улан-Удэнском городском Совете депутатов IV созыва 38,7% состава депутатского корпуса начали работать на производстве, 23,1%

- в коммерческих организациях / торговле, 15,4% - в медицинских учреждениях, 7,6% - в учреждениях образования, по 3,8% - в научных учреждениях, в госучреждениях, в силовых органах, в СМИ.

Результаты нашего анкетного опроса показали, что некоторые представители республиканских политических элит являются владельцами каких-либо предприятий или организаций (см. таблицу № 42 в приложении I). Однако их численность незначительна: в Бурятии и Саха (Якутии) по 11,8% от общего массива опрошенных в данных регионах, в Тыве – 10,1%. При этом все они входят в состав законодательных / представительных элит, то есть являются депутатами республиканских парламентов и представительных органов местного самоуправления. Среди исполнительных и муниципальных элит собственников предприятий и организаций не выявлено. Обратим внимание на наличие лиц, затруднившихся с ответом на поставленный вопрос. Возможно, среди них есть те, кто предпочел оставить эту информацию в тайне.

Итак, в результате трансформации российского государства произошли определенные перемены в социальном портрете региональных элит. Например, наблюдается изменение возрастных показателей, выраженное в омоложении политической элиты. Отмечается повышение образовательного уровня представителей данной социальной группы, многие из которых имеют по два высших образования. Помимо этого, отчетливо прослеживается стремление к получению ученой степени, что доказывается увеличением количества остепененных лиц в составе органов государственной власти. В отличие от федеральной элиты, более половины высокопоставленных лиц рассматриваемых республик родились в селе либо деревне. Свой трудовой путь большая их часть начала на производстве, что характерно для советского времени. В целом социально-демографические характеристики политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва отражают основные эволюционные процессы, происходящие с российскими региональными элитами в постсоветский период.

Глава III. Система ценностных ориентаций республиканских политических элит

3.1. Взгляды политических элит на динамику социально- экономического развития России

В постсоветский период изменился не только социальный портрет политической элиты, но и ее ценностные ориентации. Свидетельством тому стали масштабные перемены во всех сферах российского общества. Их реализация является результатом эволюции взглядов элиты, ее ценностей, которые обусловили выбор новых целей и способов их достижения. Предпочтения лиц, находящихся на вершине социальной иерархии, требуют постоянного и всестороннего изучения, так как позволяют лучше понять их действия, смысл и мотивацию современных преобразований. В этой связи осуществив анализ анкетных данных, рассмотрим ценностные ориентации представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва по вопросам социально-экономического, политического устройства страны и ее отдельных регионов. В рамках данного параграфа выясним отношение элит к динамике развития экономики и социальной сферы России.

Первый вопрос, который был задан респондентам в анкете, преследовал цель выявить степень их удовлетворенности существующим состоянием нашей страны. Были предложены варианты ответов, позволяющие определить различную степень уверенности высказываемой позиции: «полностью удовлетворяет», «скорее удовлетворяет», «полностью не удовлетворяет», «скорее не удовлетворяет», «затрудняюсь ответить». Выяснилось, что современная динамика развития России опрошенных «скорее удовлетворяет» (см. таблицу № 43 в приложении I). Данный, несколько неуверенный, вариант ответа набрал наибольшее количество голосов, его выбрали 31,4% представителей политической элиты Бурятии, 35% - Саха (Якутии), 41% - Тывы. Лидировал он и фактически во всех видах региональных элит. Исключение составила, в основном, лишь законодательная / представительная элита Бурятии, 41,1% которой выбрали

вариант «полностью не удовлетворяет». Следует отметить, что если суммировать ответы «не удовлетворяет» в различной степени, то в Бурятии эта позиция оказывается лидирующей - 53,5% элиты не довольны современной динамикой развития России. Вместе с тем заметим, что данный показатель значительно меньше, выявленного нами в 2004 г. Результаты анкетного опроса тогда показали, что ситуация в стране не удовлетворяла большинство опрошенных представителей политической элиты Республики Бурятия – 83%, лишь 17% были скорее удовлетворены ситуацией в России. Что касается других регионов, то недовольных современной динамикой развития нашей страны здесь несколько меньше: в Саха (Якутии) – 41,3%, в Тыве – 24,7%.

Далее респондентам было предложено дать характеристику современной ситуации в России, выбрав свой вариант из следующих парных суждений: «внушающая оптимизм - внушающая пессимизм», «стабильная - нестабильная», «безопасная - опасная». Результаты анализа показали, что единства в данном вопросе не наблюдается (*см. таблицу № 44 в приложении I*). Большинство респондентов Тывы (35,4%) убеждены, что ситуация в России внушает оптимизм. Данный ответ лидирует фактически во всех видах тувинской элиты. В Саха (Якутии) мнения поровну разделились между вариантами «внушающая оптимизм» и «стабильная», они набрали по 26,8%. Что касается видов элиты, то лишь представители муниципальной в большинстве своем (31,5%) ответили по-иному – ситуация в России «нестабильная». Респонденты Бурятии с небольшим перевесом склонились в сторону позиции «нестабильная» (24,8%), которая немного опередила в процентном соотношении вариант «внушающая оптимизм» (23,8%). Между этими же суждениями поровну разделилось мнение муниципальной элиты Бурятии. Большинство представителей исполнительной элиты выбрало вариант «стабильная» (27,2%), а законодательной / представительной диаметрально противоположный - «нестабильная» (30,4%). Заметим, что в 2004 г. доминировал явно пессимистический взгляд на положение дел в стране, около 80% опрошенных представителей политической элиты

Республики Бурятия определили ситуацию в стране как нестабильную, опасную, не имеющую должного порядка и в целом обычную для России.

Тем самым можно констатировать, что республиканские элиты затрудняются дать четкую характеристику современной ситуации в России. Действительно, с одной стороны, состояние страны внушает оптимизм, что связано с рядом позитивных перемен, произошедших в последнее десятилетие: экономическим ростом, укреплением внешнеполитических позиций России, увеличением числа социальных программ, повышением благосостояния населения (согласно социологическим данным, после пребывания В.В. Путина у власти 72% респондентов указали, что их материальное положение стабилизировалось, а 37% россиян стали жить лучше [215, с. 247]) и др. С другой стороны, еще очень много проблем. Так, согласно системе предельно-критических показателей развития России, разработанной в 1995 г. Институтом социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), наша страна в 2002 г. вышла за предельно-критические параметры по 24 показателям (из 25). Например, предельно-критическое значение уровня падения промышленного производства в мировой практике 50%, а в России 2002 г. оно находилось на отметке 54%. Другие показатели составили соответственно: изношенность основных фондов добывающей промышленности – 35-40% / 75-85%; доля импортных продуктов питания – 30% / 45%; доля населения, живущего за чертой бедности – 10% / 34%; уровень безработицы – 8-10% / 12%; суммарные поступления для экологической безопасности (% от ВВП) – 5% (Германия) / 0,1%; экологические потери (% к ВВП) – 5% / 15-20%; предохранительные затраты на экологию (% к ВВП) – 5% / 2% и др. [215, с. 241-242]. К началу 2005 г. экономика России потеряла, по сравнению с 1990 г., 30% объема промышленного и аграрного производства, 17% валового внутреннего продукта (ВВП), на 2/3 снизились инвестиции в основной капитал. Большинство этих проблем актуальны и сейчас: состояние различных отраслей отечественной экономики оставляет желать лучшего, высоким остается уровень бедности, крайне слабо обеспечиваются социальные блага,

наблюдается постоянный рост потребительских цен и тарифов на жилищно-коммунальные услуги и т.д. Видимо, в этой связи оценка современного состояния России зачастую тяготеет к негативному «полюсу», на что, кстати, указывают и результаты других исследований [266, с. 138].

Итак, наблюдается противоречивое отношение к современной ситуации в стране. Стремясь конкретизировать позиции респондентов, мы задали им вопрос «Какая сфера общественной жизни в России представляется Вам наиболее проблемной?». В 2004 г. представители политической элиты Республики Бурятия выделили три проблемные сферы. На первом месте стояла экономика, ее назвали 23,3% опрошенных, на втором была политика – 18,2%, на третьем месте безопасность жизни граждан – 16% (см. таблицу № 45 в приложении I). Тем самым главными признавались проблемы в экономической сфере, и данное мнение было не единично. Например, среди участников Петербургского экономического форума (2004 г.) 83% были уверены, что процесс экономических преобразований в России идет неудовлетворительно. Ситуация в российской экономике оценивалась ими как напряженная и кризисная [215, с. 243]. В 2009-2010 гг. мнения республиканских элит распределились следующим образом (см. таблицу 11).

Таблица 11

Проблемные сферы общественной жизни в России (в %)

Вариант ответа	Бурятия		Саха (Якутия)		Тыва	
	%	порядок значимости	%	порядок значимости	%	порядок значимости
политика	8,8	5	8,2	7	11,8	5
экономика	21,1	1	19,6	1	20,8	1
социальная защита	9,3	4	16,5	2	14	3
здравоохранение	7,9	6	9,8	5	12,3	4
безопасность жизни граждан	15,2	2	15	3	14,6	2
образование	7,3	7	7,7	8	6,2	8
техническое оснащение	12,8	3	8,8	6	7,3	7
экология	7,3	7	10,3	4	7,9	6
культура и искусство	3,9	9	3,1	9	3,4	9
другая сфера	6,4	8	1	10	1,7	10

Согласно таблице 11, наиболее проблемной сферой общественной жизни в России, по единодушному мнению политических элит трех регионов, вновь является экономика. На второе место в Саха (Якутии) вышла социальная защита, в Тыве и Бурятии - безопасность жизни граждан. Обратим внимание, что данная сфера по итогам анкетного опроса 2004 г. была на третьем месте. Соответственно, за последние годы ее состояние существенно ухудшилось. Очевидно, это связано с рядом негативных факторов, имеющих место в современной России: высоким уровнем преступности, бандитизмом, терроризмом и т.п. Третье место заняли следующие сферы: техническое оснащение (Бурятия), безопасность жизни граждан (Якутия), социальная защита (Тыва). Остальные сферы не рассматриваются как первоочередно проблемные, хотя и вызывают значительное беспокойство у опрошенных. Наименее проблемными сферами, по их мнению, являются – экология (Бурятия), образование (Якутия, Тыва), культура и искусство (все регионы). Помимо предложенных в анкете вариантов, респонденты указали и другие проблемные сферы в России: элита Бурятии – энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, износ производства, национальные отношения в стране, наука; Якутии – правосудие, автомобильные дороги; Тывы – жилищное строительство.

Итак, экономика признана самой проблемной сферой общественной жизни в России, ее современное состояние не удовлетворяет подавляющее большинство представителей республиканских элит (*см. таблицу № 46 в приложении I*). В данной связи охарактеризуем экономические воззрения политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, их взгляды на основополагающие принципы экономического строительства страны.

В анкете респондентам было предложено определить наиболее проблемные отрасли экономики России. Результаты их выбора отражены в таблице 12.

**Распределение ответов на вопрос: «Развитие какой отрасли экономики
Вам представляется наиболее проблемным?»**

(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
тяжелая промышленность	7,1	12,5	11,5	8,3	10,3	-	10,3	12,5	12,5	10,3	6,7	11,8
легкая промышленность	10	8,9	11,5	-	8,8	-	10,3	-	8,9	10,3	3,1	6,2
химическая промышленность	7,1	-	-	-	5,9	-	-	-	-	2,4	2,1	-
пищевая промышленность	7,1	8,9	-	-	5,9	-	-	-	-	4,9	2,1	-
лесная промышленность	-	10,7	11,5	-	7,3	-	10,3	10,9	16,1	7,4	2,6	12,4
машиностроение	18,7	16,1	12,9	19,5	22,1	25,9	-	10,9	10,7	15,7	22,1	7,3
сельское хозяйство	24,3	30,4	16,7	41,6	26,5	48,2	45	37,6	32,2	23,1	38,1	38,2
финансово- кредитная сфера	8,6	12,5	12,9	19,5	13,2	18,5	10,3	15,6	7,1	11,3	17	11,2
другая	-	-	11,5	-	-	-	13,8	12,5	12,5	4,4	-	12,9
затрудняюсь ответить	17,1	-	11,5	11,1	-	7,4	-	-	-	10,2	6,2	-

Как следует из таблицы 12, представители политических элит всех республик считают, что наибольшие проблемы отмечаются в развитии сельского хозяйства. Действительно, несмотря на то, что Россия обладает большими возможностями (огромными сельскохозяйственными угодьями, лучшими в мире черноземами и т.д.), в данной отрасли существует ряд негативных явлений [550]: сокращение объемов пашенных земель и выведение их из сельскохозяйственного оборота, разрушение животноводческих комплексов, неразвитость сельского производства, слабая техническая оснащенность крестьянских подворий, засилье импортных сельскохозяйственных продуктов, снижение количества прибыльных

хозяйств (к 2005 г. до 66,5% [215, с. 244]) и др. Помимо сельского хозяйства, по мнению республиканских политических элит, есть существенные проблемы и в развитии машиностроения, лесной промышленности, финансово-кредитной сферы, тяжелой промышленности. В числе других отраслей были названы дорожное хозяйство, износ инфраструктуры, ЖКХ, энергетика и строительство. Со сравнительно меньшими проблемами, по мнению опрошенных, сталкиваются химическая и пищевая промышленность. Вместе с тем следует отметить, что респонденты часто выбирали более одного варианта ответа. Они указывали, что в современной России развитие всех отраслей экономики достаточно проблематично. Связано это, на наш взгляд, с негативными последствиями преобразований н. 1990-х гг., которые, как указали россияне в 2011 г., привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества [123, с. 13]. Как известно, в к. 1980-х гг. была разработана стратегия эффективных рыночных реформ (так называемый «Вашингтонский консенсус»), включавшая в себя три ключевых элемента, сущность которых состояла в следующем: «либерализация представляла собой устранение государственных ограничений на свободное ценообразование и другие проявления рыночного поведения: свободу международной торговли, свободное движение капиталов, полную конвертируемость валюты и пр. Стабилизация подразумевала снижение инфляции и улучшение финансового положения государства посредством проведения строгой монетарной политики, сокращения государственного долга и расходной части бюджета. Приватизация же предполагала передачу подавляющего большинства государственных предприятий частным собственникам» [386, с. 165]. В целях реализации данной стратегии, летом 1991 г. были приняты законы «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». В декабре 1991 г. указом Президента РФ были утверждены «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 г.», а в январе 1992 г. ряд подзаконных актов регламентирующих

процедуру приватизации. В результате программная приватизация стартовала уже в январе 1992 г. [132, с. 213] В это же время было объявлено о либерализации цен. С н. 1992 г. экономические реформы в России стали проводиться без какого-либо государственного регулирования методом «шоковой терапии». Итоги данных преобразований в экономике плачевны. А.Н. Данилов отмечает, что «внешняя задолженность России в 1995 г. составила 94,2 млрд. дол., или 25,4% валового национального продукта. <...> К 1995 г. ВВП России сократился на 47% от уровня 1990 г. Объем промышленной продукции уменьшился в 2 раза, а сельскохозяйственной продукции – на 25%. Резко уменьшилась инвестиционная активность, объем капиталовложений с 1991 по 1994 г. уменьшился на 61%. <...> Самый сильный урон понесли обрабатывающая промышленность (легкая, текстильная, обувная), наукоемкие и высокотехнологичные отрасли (спад до 70%). Многие предприятия машиностроения, лесной промышленности и промышленности производства стройматериалов практически остановились» [132, с. 218-219]. По сведениям И.И. Арсентьевой, к 1998 г., по сравнению с 1991 г., промышленное производство сократилось на 55%, сельскохозяйственное производство – на 44%, ВВП – на 42%. Средняя степень изношенности промышленного оборудования превысила 53% [13, с. 92]. М.И. Кодин указывает, что до дефолта 1998 г. почти в два раза упало сельскохозяйственное производство в России, в основном за счет разрушения крупнотоварного коллективного сектора. 88% предприятий к этому времени стали убыточными из-за диспаритета цен [215, с. 244]. Таких темпов спада в мирное время не знала ни одна страна. Ситуация в экономике, по данным социологических исследований первой половины 1990-х гг., оценивалась как находящаяся на грани катастрофы [143, с. 13]. Неудивительно, что многие отрасли экономики так и не смогли оправиться от непрофессиональных подходов инициаторов рыночных реформ к экономическому строительству.

В результате проведенных преобразований существенно осложнилось финансово-хозяйственное положение предприятий. Многие из них не смогли плавно и безболезненно перейти на рыночные отношения, они скорее

решают проблему выживания, чем развития. Показательно в этом отношении число убыточных предприятий. Только в 1996 г. их количество выросло почти вдвое: «более 40% в конце 1996 года к общему числу предприятий по сравнению с 26,8% на первое января 1996 года» [285, с. 124]. В январе 2012 г. доля убыточных предприятий в РФ составила 34%, отмечалось снижение на 3,1% по сравнению с январем 2011 г. Росстат сообщает, что в январе 2012 г. 17,8 тысяч российских организаций получили убыток на сумму 184,3 млрд. рублей [150]. Тем самым количество убыточных предприятий в России внушительно, даже несмотря на наметившуюся тенденцию к его уменьшению. Сталкиваясь с рядом проблем, многие предприятия нуждаются в государственной поддержке. Мы поинтересовались у респондентов: «В какой форме государство должно оказывать поддержку предприятиям?». В 2004 г. возможные формы государственной поддержки предприятий были ранжированы следующим образом:

- создавать благоприятный инвестиционный климат (26,1%);
- обеспечивать доступность кредитов (16,5%);
- предоставлять налоговые льготы (15,4%);
- субсидировать социально значимые предприятия (9,7%);
- обучать персонал (9,1%);
- участвовать в капитале предприятий (7,9%);
- обеспечивать рыночной информацией (7,9%);
- предоставлять государственный заказ (7,4%).

Тем самым по мнению политической элиты Республики Бурятия, государство в первую очередь, должно было создавать благоприятный инвестиционный климат и обеспечивать доступность необходимых для предприятий кредитов. В 2009-2010 гг. анализ ответов на этот вопрос показал, что фактически все предложенные в анкете варианты поддержки предприятий получили одобрение у респондентов (см. таблицу № 47 в приложении I). Например, в Саха (Якутии) и Тыве вариант «нужно» часто выбирался по всем пунктам. Однако наиболее предпочтительными формами, как и прежде, являются создание благоприятного инвестиционного климата и

обеспечение доступности кредитов. Среди них, на наш взгляд, более желательной является вторая форма. Безусловно, инвестиции нужны, так как без них невозможно самостоятельно поднять ряд производств. И они, заметим, достаточно успешно привлекаются - инвестиции в основной капитал в 2011 г. составили 10776,8 млрд. руб. [485]. Существенно увеличился за последние годы поток иностранных инвестиций: с 11 млрд. долларов в 2000 году до 115 млрд. долларов в 2010 году. По данным на 31 декабря 2010 г. Россия находилась на 17 месте в мире по объему накопленных иностранных инвестиций. Безусловно, показатель неплохой, однако не стоит забывать, что это своего рода иностранные «инъекции», которые, по словам А.Н. Стерлигова «... ведут к подчинению и контролю над экономикой России» [257, с. 33]. Поэтому мы считаем, что поток иностранных инвестиций должен быть ограниченным и контролируемым. Как справедливо отмечает И.Е. Томский, «при разработке политики привлечения иностранных инвестиций требуется структурировать отрасли экономики на: отрасли, в которые запрещен доступ иностранного капитала; отрасли, в которые доступ иностранного капитала ограничен (возможен после получения лицензии); отрасли, в которые привлечение иностранного капитала желательно; отрасли, в которых совместные предприятия создаются на тех условиях, что и отечественные» [555, с. 16]. Зарубежный капитал, по его мнению, нужен только в тех производствах, где у россиян нет опыта, либо там, где в одиночку самим не справиться. Возлагать большие надежды на иностранные инвестиции, на наш взгляд, не стоит, необходимо самим восстанавливать производство, в том числе и путем выдачи доступных кредитов отечественным предприятиям. Помимо указанных форм поддержки, значительные показатели в результате анализа выявились и по вариантам: предоставлять государственный заказ, субсидировать социально значимые предприятия, предоставлять налоговые льготы. Сомнение вызвали такие формы как обеспечивать рыночной информацией, обучать персонал и, особенно, участвовать в капитале предприятий. Мнения по последнему варианту существенно разделились, однозначно против выступили

исполнительные и муниципальные элиты Бурятии и Тывы, а также законодательная / представительная элита Саха (Якутии). Весьма важные моменты были указаны в графе «другое», которая была предложена респондентам в данном вопросе анкеты. Так, приводилось справедливое уточнение, что не всем организациям нужно помогать. Поддерживая же отдельные предприятия, государство, по мнению политической элиты Саха (Якутии), должно разработать механизм их участия в развитии социальной сферы, реализации социальных программ на определенной территории, причем, преимущественно за счет прибыли предприятий. Кроме того, были высказаны и некоторые пожелания. Например, представители политической элиты Тывы призывали ослабить контролирующие функции государства над малым бизнесом. Они обращали внимание на несовершенство современной бюрократической «машины», неоправданно большое количество контрольных ведомств, в результате чего самым сложным сегодня является пройти «барьер чиновничества». Таким образом, государство обязательно должно оказывать поддержку предприятиям, в первую очередь, путем создания благоприятных условий для их развития.

Сложившаяся за годы преобразований новая экономическая реальность вызывает крайне противоречивые отклики у общественности, особенно это касается итогов массовой приватизации. Во время ее проведения гражданам были бесплатно выданы 148 млн. приватизационных чеков (ваучеров), из которых 98% вложены затем в акции 21,3 тыс. предприятий [132, с. 215]. Однако в результате приватизации большинство россиян, как оказалось ожидаемо, в реальных собственников не превратились, они остались ни с чем (около 60% [386, с. 181]). Как откровенно заметил А.Б. Чубайс в 1994 г: «Мы никогда не ставили перед собой задачу сделать каждого гражданина собственником, главная задача – дать каждому возможность стать собственником» [257, с. 28]. Такой возможностью, как известно, воспользовалось лишь незначительное число лиц, называемое сегодня бизнес-элитой, которое в короткий срок баснословно обогатилось, так как самые прибыльные государственные предприятия были проданы по ценам

значительно ниже рыночных. В частных руках оказались такие базовые отрасли экономики как добыча и переработка нефти и газа, выработка алюминия, машиностроение, энергетика, банковская система и др. Подобный исход приватизации позволил преимущественно отрицательно оценивать данное мероприятие. Если в н. 1990-х гг. тех, кто против приватизации было немного [257, с. 28], то к сер. 1990-х гг. они составляли большинство, причем в различных социальных группах. Так, согласно исследованию И.Е. Дискаина, в 1993 г. подавляющая часть респондентов при определении своего отношения к результатам приватизации выбирала вариант «создание условий для эффективной экономики», а в 1994 г. – уже вариант «разграбление народного достояния» [143, с. 14]. Что касается иностранных экспертов, то они однозначно оценивали приватизацию как «мошенничество де-факто» (Дж. Миллар), «последнюю распродажу» (Ч. Фэрбэнкс) и т.п. [289]. Большинство исследователей за рубежом уверены, что программа ускоренной приватизации была наиболее сомнительной частью ельцинских экономических реформ.

Новая экономическая реальность вызывает крайне противоречивые отклики и у лиц, профессионально занимающихся деятельностью в сфере власти и управления. Многие из них, не считая произошедшие перемены позитивными, предпочли бы внести коррективы в экономическое развитие России. В данной связи респондентам было предложено определить свою позицию в том, как нужно строить экономику нашей страны: на основе государственной или частной собственности (*см. таблицу № 48 в приложении I*). Исключительно или преимущественно на основе государственной собственности, по мнению анкетированных, следует развивать тяжелую промышленность, машиностроение, химическую промышленность, лесную промышленность. Исключительно или преимущественно на основе частной собственности - легкую промышленность, сферу услуг и торговлю, пищевую промышленность. Наравне с государственной и частной собственностью - сельское хозяйство и финансово-кредитную сферу. Также часть респондентов высказалась и за

развитие на данных принципах легкой и пищевой промышленности. Тем самым по мнению большинства анкетированных, в основу российской экономики должна быть заложена не одна форма собственности, а сосуществование государственной и частной форм собственности внутри фактически каждой отрасли, то есть предпочтительным является смешанный вид экономики. На этом же настаивала и подавляющая часть (около 89%) политической элиты Республики Бурятия в 2004 г. Основное отличие между данными анкетных опросов 2004 г. и 2009-2010 гг. заключается в видении принципов развития сельского хозяйства. Если ранее элита считала целесообразным разворачивать эту отрасль экономики исключительно или преимущественно на основе государственной собственности, то сейчас она допускает вмешательство и частного сектора экономики в равной степени. Вместе с тем анализ показал, что республиканские политические элиты, понимая ценность и возможности частной формы собственности, тем не менее, тяготеют в сторону государственной стратегии развития экономики и абсолютно обоснованно считают необходимым сохранение ключевых отраслей экономики в собственности государства. Эту же тенденцию фиксируют и другие исследования. Результаты опросов И.Е. Дискаина, проведенные в первой половине 1990-х гг., показали, что респонденты склонялись к таким моделям социально-экономического устройства, когда государство полностью или частично регулирует различные секторы экономики [143, с. 15]. О.В. Крыштановская в н. 2000-х гг. определила главное требование россиян – вернуть государство в большинство областей и сфер жизни общества. Государственное управление и контроль в стратегических отраслях экономики (электроэнергетика, транспорт и связь, ВПК и др.) «скорее полезны» по мнению 98,4% государственных служащих и 97,1% населения РФ [240]. По данным социологических исследований М.К. Горшкова, с 1994 г. по 2011 г. россияне при определении типа государства, в наибольшей степени отвечающего интересам России, неизменно выбирали вариант «государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические

возможности граждан». Все стратегические отрасли народного хозяйства, по их мнению, должны находиться под контролем государства, а частное управление различными организациями обязательно должно совмещаться с государственным контролем. Соответственно, в основе оптимальной экономической модели страны должна лежать смешанная экономика с ведущим государственным сектором [123, с. 19-20]. Иного мнения, согласно данным нашего исследования, как правило, придерживаются представители молодого поколения, что вполне естественно, так как они более знакомы с реалиями постсоветской России, в большинстве своем настроены на рыночное устройство общества и частную собственность как основу экономических отношений. Неожиданное значительное стремление к частной форме собственности выразили представители политической элиты Республики Бурятия, что отразилось в выборе соответствующих вариантов ответа на большинство предложенных в анкете пунктов, а иногда и на абсолютно все. По их мнению, исключительно или преимущественно на основе частной собственности необходимо развивать многие отрасли экономики, в том числе сельское хозяйство и финансово-кредитную сферу. Подобные, весьма спорные, на наш взгляд, мнения можно объяснить составом постсоветской политической элиты, в котором ведущим сегментом, как известно, является бизнес с присущими ему ценностными ориентациями, характеризующимися стремлением в указанном направлении.

Завершая экономический блок вопросов, мы логично спросили у респондентов «Что необходимо предпринять для развития экономики?» (см. таблицу № 49 в приложении I). Большинство представителей политической элиты Республики Бурятия разделились между вариантами «развивать малый бизнес» и «способствовать увеличению инвестиционного потока» (по 23%). Элиты Саха (Якутии) и Тывы единодушно высказались за совершенствование законодательства в данной области (соответственно 27,3% и 25,3%). Значителен был показатель и по варианту «обеспечить стабильность политической ситуации в стране»: в Бурятии - 18,6%, в Саха (Якутии) - 15,5%, в Тыве - 21,3%. Менее всего выбирались такие ответы, как

«активно развивать торговые связи» и «повышать цены на экспортируемые товары и сырье». Были предложены и другие меры по развитию экономики: Бурятия - установить заградительные пошлины, отменить грабительскую приватизацию и вернуть в собственность государства стратегические отрасли экономики; Саха (Якутия) - диверсифицировать экономику, создать новые производства, возродить село за счет увеличения государственных дотаций на производимые сельскохозяйственные продукты, провести национализацию полезных ископаемых и стратегических отраслей экономики; Тыва - вкладывать денежные средства в реальное производство, перенять опыт западных стран и обязательно проводить дотацию сельского хозяйства, увеличить финансовые вливания в сельское хозяйство, способствовать внедрению инновационных технологий в каждую отрасль экономики, установить государственную монополию на алкоголь, табак и лекарства, национализировать добывающие отрасли экономики.

В перечисленных мерах нельзя не заметить две «болевые» точки. Во-первых, это развитие сельского хозяйства, на которое вновь обращают внимание представители республиканских политических элит. Являясь самой проблемной отраслью экономики России, оно требует незамедлительных мер со стороны государства, в первую очередь в виде, как следует из наших данных, увеличения финансирования и дотаций. Руководство страны призывают проанализировать западный опыт, хотя, на наш взгляд, много ценного можно почерпнуть и в российской истории, особенно периода СССР, и инициировать ряд необходимых для отрасли действий [550], что позволит не только поднять сельское хозяйство, но и возродить село. Во-вторых, во всех регионах отчетливо наблюдается стремление вернуть в государственную собственность стратегические отрасли экономики, в первую очередь добывающие. Данное желание, по нашему мнению, абсолютно обоснованно и присутствует у каждого здравомыслящего россиянина. Результаты различных исследований показывают, что большая часть населения России крайне негативно относится к приватизации, в обществе сложилось «консенсусное» неприятие ее итогов [123, 386].

Вызывает глубокое недоумение и острое неприятие сложившаяся в стране ситуация когда «львиная» доля доходов от функционирования отдельных отраслей экономики, которые постоянно преподносятся нам как «национальное достояние», приводит к сверхобогатению узкой группы людей, а не к благосостоянию всего российского народа. Представляется, что данная ситуация неприемлема и требует кардинального пересмотра. Однако логика происходящих в России событий подсказывает, что изменений в этом вопросе не будет. Дело в том, что бизнес и власть в лице В.В. Путина заключили между собой своего рода соглашение: «государство отказывалось от пересмотра результатов приватизации в обмен на отказ бизнеса от самостоятельного участия в политическом процессе» [386, с. 236]. Действительно, большинство представителей крупного бизнеса добровольно, либо принудительно, подчинились Президенту России. Они отстранились (по выражению В.В. Путина «равноудалились») от выработки важнейших государственных решений, безоговорочно принимают и активно воплощают в жизнь курс Кремля, финансируют все предложенные им проекты, демонстрируя тем самым свою лояльность по отношению к власти. Безусловно, такое поведение, учитывая получаемые представителями бизнеса сверхдоходы от приватизированного имущества, выгодно и целесообразно. Тем не менее мы солидарны с республиканскими политическими элитами, что современное управление экономикой является одной из главных проблем России. Поэтому для развития и подъема экономики необходимо изменить принципы управления данной сферой в сторону, как нам представляется, исключительно государственной собственности в стратегических отраслях.

Помимо этого, на наш взгляд, необходимо разработать стратегию обеспечения экономической безопасности России, которая является одним из важнейших факторов, гарантирующих национальную безопасность страны в целом. Экономическую безопасность исследователи определяют как «состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз социально-экономического характера, создание условий для

успешного развития экономики, роста благосостояния населения, обеспечения экономической независимости страны» [13, с. 89]. Исходя из данного определения, мы считаем, что угрозу экономической безопасности современной России составляют, в основном, следующие факторы:

1) Ориентация отечественной экономики на экспорт топливно-сырьевых ресурсов и иных природных богатств страны. Россия, как известно, обладает различными природными ресурсами, однако, как ни парадоксально, это является ее слабым местом («ресурсным проклятием» [13, с. 81]), так как благосостояние страны полностью зависит от экспорта ресурсов и цен на них. По итогам 2009 г., Россия занимала первое место в мире по добыче и экспорту природного газа, а также второе место в мире по добыче и экспорту нефти. Лидерами среди экспортируемых товаров в январе-ноябре 2010 г. были сырая нефть – 33% (общей стоимости экспорта), нефтепродукты – 17,7%, природный газ – 10,9%. Они же являются основными товарами российского экспорта и сейчас. Причем объем экспорта увеличивается, в 2011 г. он вырос по сравнению с 2010 г. на 30,2% и составил 521,4 млрд. долларов США [335]. Исходя из этого, мы считаем абсолютно справедливым мнение представителей российской элиты, что одной из главных проблем нашей страны является «слабость экономики, ее сырьевой характер». Данный вариант занял второе место (набрав 18,5%) среди главных национальных угроз России по результатам исследования, проведенного в 2007 г. под руководством М. Тарусина [484, с. 200]. При этом 69,35% респондентов считали задачу избавления от сырьевой зависимости ключевым пунктом экономической стратегии России.

2) Техническая отсталость России от других стран. К сожалению, приходится констатировать, что в области технического оснащения различных отраслей отечественного производства имеются существенные проблемы. Например, в пищевой и перерабатывающей промышленности только 20% оборудования соответствует современным требованиям, более трети же требуют списания. Похожая ситуация и в сельском хозяйстве, две трети техники уже давно выработали свой срок службы [323]. Использование

устаревшего оборудования приводит к росту материальных затрат в себестоимости продукции и низкой доходности сельского хозяйства. Пополнение, конечно, происходит, но незначительное и, как правило, путем импорта техники, что приводит к разрушению отечественного сельскохозяйственного машиностроения. Следует отметить, что за счет импорта сегодня обеспечиваются многие нужды граждан России, это касается как продовольствия, так и товаров народного потребления. Например, в январе-ноябре 2010 г. ведущими статьями импорта были машины и оборудование – 42,9% (от общей стоимости импорта), лекарства – 4,1%, мясо и рыба – 2,8%, одежда – 2,5%. Объем товаров, поступаемых из-за рубежа, постепенно увеличивается. По данным Минэкономразвития РФ, импорт товаров в 2011 г., по сравнению с 2010 г., вырос на 30% и составил 323,3 млрд. долларов США [335]. Совершенно очевидно, что рост импорта не позволяет развиваться отечественным предприятиям и лишает государственный бюджет налоговых поступлений. В данной связи предпочтительными пунктами экономической стратегии России, согласно упомянутому исследованию под руководством М. Тарусина, должны стать такие положения: «создать условия для инновационного бума, направить серьезные инвестиции в высокотехнологичное производство, закупку и создание новых технологий» (44,2%), «резко увеличить инвестиции в производство» (37,42%) [484, с. 186]. Безусловно, сегодня крайне необходимо ввозить и внедрять современные технологии, модернизировать и технически переоснащать производство, укреплять индустриальную мощь путем строительства высокотехнологичных комплексов и заводов и т.п. Это позволит повысить конкурентоспособность отечественной экономики, обеспечить экономический рост, завоевать новые товарные рынки, наладить выпуск разнообразной продукции, в том числе и инновационной. Реализация указанных нами мер положительно отразится не только на развитии экономики России, но и на благосостоянии и качестве жизни всех граждан.

3) Изношенность инфраструктурных систем страны (энергетики, транспорта, коммуникаций, ЖКХ и др.). По состоянию на конец 2008 года,

износ сооружений, машин / оборудования и транспортных средств в России составил, соответственно, 46,6%, 50,6% и 41,6%. Износ инфраструктуры ЖКХ находится на уровне 60-70%. Состояние транспортных коммуникаций в России явно оставляет желать лучшего. Ввиду недостаточной развитости они не только не обеспечивают эффективного передвижения по стране и взаимодействия всех ее регионов, но и являются весьма дорогостоящими для населения. Указанные факты говорят о том, что изношенность инфраструктурных систем является одной из «болевых» точек экономики России. Она становится причиной возникновения техногенных катастроф (например, как на Саяно-Шушенской ГЭС), дорожно-транспортных происшествий, социальных конфликтов. Кроме того, из-за плохого качества инфраструктуры российские предприятия теряют около 2000000000 долларов США в год, что ведет к повышению стоимости выпускаемых ими товаров [41]. Отсюда следует, что для динамичного развития страны требуются современная система коммуникаций (автомобильных, железнодорожных, авиационных), модернизированная система жилищно-коммунального хозяйства и т.п. В противном случае неразвитость инфраструктуры негативно отразится на всех сферах российского социума.

4) Наличие в стране неблагоприятных условий (несовершенство законодательства, коррумпированность чиновников, отсутствие профессиональных кадров и др.) для развития экономики и вложения в нее финансовых средств. В этом отношении характерны результаты опросов населения и государственных служащих, полученные О.В. Крыштановской в н. 2000-х гг. Ответы на вопрос «Что сегодня препятствует быстрому экономическому росту страны?» были ранжированы следующим образом: «коррумпированность нынешней экономической и политической элиты» (население - 49,9%, госслужащие - 35,4%), «влияние Запада» (население – 37,5%, госслужащие – 34,6%), «несовершенство существующих законов» (население – 27,7%, госслужащие – 28,8%), «низкий профессионализм управленцев» (население – 23,7%, госслужащие – 23,7%), «утечка мозгов на Запад» (население – 21,9%, госслужащие – 22,6%). Были отмечены и такие

варианты как «низкая правовая культура народа и власти», «отсутствие патриотизма у молодежи», «курс на рыночные реформы», «низкие трудовые качества россиян» и др. [240]. Тем самым развитию экономики препятствуют в первую очередь коррупция, несовершенство российского законодательства и кадровый состав органов власти и управления. Наличие указанных факторов, безусловно, оказывает крайне негативное влияние на развитие отечественной экономики.

Решение указанных проблем, как нам представляется, должно входить в стратегию обеспечения экономической безопасности России. Только в этом случае возможно формирование эффективной инновационной экономики, которая, по мнению каждого четвертого россиянина [304, с. 86], должна стать ключевой идеей модернизации страны. Возможно, тогда российская экономика выйдет на лидирующие позиции. Тем более что, согласно исследованию под руководством М. Тарусина, у России есть все условия для этого, а, значит, она должна стать мировым экономическим лидером, в этом уверены 51,6% представителей элиты [484, с. 178].

Итак, проведенный анализ экономических предпочтений дает основание сделать заключение, что политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва недовольны современным состоянием экономики России. Указывая на то, что сегодня проблемы наблюдаются в развитии фактически всех отраслей экономики, наибольшую тревогу у них вызывает сельское хозяйство. Строить экономику страны, по их мнению, необходимо, как правило, на смешанной основе, совмещая государственную и частную формы собственности. В то же время отмечается стремление к сохранению государственной собственности в стратегических отраслях экономики. Число вариантов, необходимых для развития экономики обширно, однако, в первую очередь это увеличение инвестиционного потока, совершенствование законодательства и развитие малого бизнеса. Надеемся, что реализация этих мер позволит России занять достойное место в экономическом мировом сообществе.

Экономические ориентации тесно связаны с предпочтениями развития социальной сферы, так как социальная политика есть следствие реализации определенного экономического курса. В данной связи раскроем приоритеты республиканских политических элит в области социальной политики, осуществив анализ ответов на вопросы анкеты, касающиеся социальных проблем. Как и прежде, вначале мы задали вопрос «Удовлетворяет ли Вас современное состояние социальной сферы в России?». И вновь получили отрицательный ответ «скорее не удовлетворяет», который набрал наибольшее количество голосов во всех регионах: в Бурятии - 36,8%, в Саха (Якутии) - 41,8%, в Тыве - 34,3% (см. таблицу № 50 в приложении I). Лидировал он и фактически во всех видах элит, исключение составили лишь исполнительные элиты Бурятии и Тывы, в большинстве своем склонившиеся к варианту «скорее удовлетворяет». Вместе с тем, если суммировать дипломатичный вариант ответа «скорее не удовлетворяет» с категоричным «полностью не удовлетворяет», то недовольных современным состоянием социальной сферы в России более 60% в каждом регионе. Заметим, что эта позиция, по содержанию близка к мнению населения, которое, по данным О.В. Крыштановской, отмечает ухудшение ситуации в социальной сфере (59,4%) [240].

Рассмотрим проблемные направления социальной сферы России. В 1990-х гг. их было достаточно много, так как страна находилась в состоянии затяжного кризиса. Исследования показали, что в 1996 году фактические показатели перешли за грань «показателей безопасности» (официально установлены Советом Безопасности РФ распоряжением № 14-рб от 17 октября 1996 г.), то есть за грань теоретически допустимого падения, по расходам на образование – на 90%, по расходам на науку – на 75%, по доле в населении людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума – на 70%, по продолжительности жизни – на 6 лет и т.д. [285, с. 123]. Показательны в этом отношении и результаты опроса политической элиты Республики Бурятия, полученные в 1999 г. В.Г. Жалсановой. В числе проблем общества, вызывающих наибольшее беспокойство, респонденты указали «кризис

морали, культуры, нравственности» - 54,0%, рост безработицы – 42,3%, увеличение преступности – 40,5%, повышение уровня алкоголизма и наркомании – 36,0%, дороговизну здравоохранения и образования – 22,5% и 19,8%, ухудшение состояния окружающей среды – 17,1% и др. [165, с. 68]. Большинство из них, как показало наше исследование, не потеряли своей актуальности и сегодня. Наиболее проблемные направления социальной сферы в 2009-2010 гг. были ранжированы в указанном ниже порядке (рейтинг построен на основе количественной обработки информации). Подчеркнем ценность полученных нами данных, заключающуюся в том, что респонденты сами называли варианты ответов, а не выбирали их из числа предлагаемых в вопросе. С целью определения причин позиции анкетированных, перечисленные направления мы подвергли краткому анализу.

1 место – социальная защита населения. Акцентировалось внимание на такой проблеме, как слабая работа государственных органов с отдельными категориями населения. Это касается поддержки пенсионеров, ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов труда и тыла, инвалидов, больных, малоимущих, молодых и многодетных семей, молодых специалистов и др. По мнению анкетированных, недостаточно эффективно организован, например, уход за престарелыми людьми. Естественно, была затронута и «больная» тема социального обеспечения граждан - это низкий уровень пенсий и пособий (в первую очередь детских и предоставляемых лицам, временно оказавшимся без работы). В качестве варианта оптимизации предлагалось, например, пособия по безработице дифференцировать по территориям. Вызывают тревогу респондентов и стоимость проездных билетов, а также льготное обеспечение жителей Крайнего Севера. Тем самым уровень социальных выплат, по мнению анкетированных, оставляет желать лучшего. Это при том, что расходы государства на социальную сферу с 2000 по 2006 гг., по данным Российского статистического ежегодника 2007 г., значительно увеличились: с 536,4 млрд. руб. до 4546,4 млрд. руб. В том числе выросли и выплаты различных социальных пособий (с 78510 млн. руб. до 467523 млн. руб.), пенсий (с 331257 млн. руб. до 1492806 млн. руб.) [386, с. 308]. Рост

выплат продолжился и позже. Однако данных мер, очевидно, недостаточно. Как и в первой половине 2000-х гг., когда большинство россиян неудовлетворительно оценивали работу органов социального и пенсионного обеспечения (госслужащие – 55,3%, население – 47,5% [240]), а также, в целом реализацию права на социальное обеспечение и пенсию (28% оценивали на «удовлетворительно», 58% на «плохо» [386, с. 302]), сейчас преобладают негативные оценки состояния социальной защиты населения России. Так, по данным исследования М.К. Горшкова (2011 г.), главными проблемами, из-за которых россияне считают свою жизнь неустроенной, являются «плохое материальное положение» и «отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности» [123, с. 15]. Таким образом, государству следует предпринять более действенные меры в области социальной защиты своих граждан.

2 место – здравоохранение. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как недофинансирование отрасли, некачественное медицинское обслуживание, дефицит компетентных специалистов, нехватка медикаментов, устаревшее медицинское оборудование (особенно на селе), фактическое отсутствие профилактической работы с населением и др. Заметим, что развитие здравоохранения оценивается россиянами стабильно негативно. Показательны в этом отношении результаты различных исследований: деятельность органов здравоохранения, по данным О.В. Крыштановской н. 2000-х гг., была оценена госслужащими на «удовлетворительно» (55,6%), населением на «плохо» (52,1%) [240]; обеспечение права на охрану здоровья и медицинскую помощь (н. 2000-х гг.) – на «удовлетворительно» (29%) и «плохо» (67%) [386, с. 302]; положение в здравоохранении, по данным ВЦИОМ 2006 г., также плохое или скорее плохое (57%) [386, с. 309] и др. Между тем, согласно материалам Минздравсоцразвития РФ, объем расходов федерального бюджета на здравоохранение с 2007-2011 гг. увеличился в два раза: с 202,8 млрд. руб. до 413 млрд. руб. В 2011-2012 гг. на модернизацию регионального здравоохранения сверх этих средств было выделено 460 млрд. руб., которые

были направлены на реализацию следующих направлений: оснащение материально-технической базы, информатизацию, обеспечение стандартов медицинской помощи. По итогам 2011 г. в рамках модернизации регионального здравоохранения, в 1746 медучреждениях был проведен капитальный ремонт, закуплено 89,99 тыс. ед. медицинского оборудования, открыты 163 врачебные амбулатории и 75 фельдшерско-акушерских пунктов, завершено строительство 14 медицинских учреждений для детей и др. Отмечался в 2011 г. и рост заработной платы медицинского персонала [512]. Однако, несмотря на реализацию данных мер, проблем в здравоохранении, почему-то меньше не стало [373, с. 114-116]. Более того, как показали результаты анкетирования 80 тыс. медиков всех субъектов РФ, оглашенные на форуме VII Всероссийского Пироговского съезда врачей (26-27 ноября 2010, г. Москва), опрошенные допускают, что политика Минздравсоцразвития РФ может привести к акциям протеста в регионах (22% респондентов к ним уже готовы). Было выявлено, что 93% врачей считают ситуацию в здравоохранении кризисной, 87% негативно оценивают реформирование медицинской отрасли, 73% связывают катастрофическое состояние сферы с неэффективной деятельностью ответственного министерства. Выступавшие на съезде врачи были едины во мнении, что медицинская отрасль зашла в тупик, а принятые законы в области здравоохранения только ухудшают положение врачей и больных [397]. Соответственно, состояние рассматриваемой отрасли весьма тяжелое, о чем свидетельствует и то, что по оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Россия занимает 127-е место в мире по показателю здоровья населения и 130-е место по интегральному показателю эффективности медицинской системы. По подсчетам ВОЗ, до 90% средств, выделяемых на здравоохранение, растрачивается в России впустую [452, 471]. Безусловно, здесь есть над чем задуматься.

3 место – образование. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как непродуманное реформирование отрасли, плохое финансирование учебных учреждений, недостаточное строительство школ, низкий уровень

заработной платы учителей и преподавателей, слабый контроль за учебной литературой и др. Заметим, что развитие данной отрасли оценивается россиянами также стабильно отрицательно: положение в образовании рассматривается как плохое или скорее плохое – 53% (по данным ВЦИОМ 2006 г.) [386, с. 309]; работа органов системы образования тянет лишь на «удовлетворительно» (госслужащие - 62,6%, население – 50,6%, по данным О.В. Крыштановской н. 2000-х гг.) [240]; обеспечение права на бесплатное образование (н. 2000-х гг.) – «удовлетворительное» (21%) и «плохое» (65%), развитие науки, культуры и образования также «удовлетворительное» (32%) и «плохое» (46%) [386, с. 302]. Тем самым проблем в области образования немало, что и вызывает соответствующую реакцию у россиян. Связано это, безусловно, с непопулярной политикой, реализуемой ответственным министерством. Нам представляется, что его руководству следует прислушаться к многочисленной критике в свой адрес [537, 539] и провести корректировку выбранной стратегии развития образования в России. На наш взгляд, нет никакой необходимости разрушать прежнюю, отлично функционирующую и выпускающую высококвалифицированных специалистов систему, даже если этого требует переход на мировые стандарты. Вполне возможно внести лишь небольшие изменения, сохранив имеющуюся основу. Необходимо помнить, что перемены в области образования должны быть обоснованны и тщательно продуманны, так как от нее напрямую зависит, каких людей мы воспитаем, а, значит, и какой будет наша страна в будущем. Современная же оценка уровня образования выпускников школ и вузов не утешительна. По мнению преподавателей, деканов и ректоров вузов «выпускник слегка обучен, чуть-чуть воспитан, творчески не развит» [539].

4 место – жилищный вопрос. Акцентировалось внимание на таких проблемах как: слабое обеспечение благоустроенным жильем молодых и многодетных семей, вдов ветеранов, молодых специалистов, детей-сирот и других категорий граждан; недостаточная работа по сносу ветхого / аварийного жилья, по проведению капитального ремонта в жилых домах и

др. Действительно, жилищный вопрос не теряет своей актуальности. Как и в н. 2000-х гг., когда обеспечение права на жилье оценивалось респондентами на «удовлетворительно» (19%) и «плохо» (69%) [386, с. 302], сегодня преобладают похожие мнения по данному вопросу. Причины заключаются, в первую очередь, в крайне высокой стоимости жилья, недоступности для широкого круга лиц условий ипотечного жилищного кредитования и низких темпах строительства. Согласно материалам Минэкономразвития РФ, в 2011 г. было введено лишь 62,3 млн. кв. метров жилья (на 6,6% больше чем в 2010 г.), построено 788,2 тыс. квартир [335]. К сожалению, приходится констатировать, что государство пока неэффективно работает в данной области.

5 место – разделили детский вопрос и безработица. В рамках первого направления акцентировалось внимание на таких проблемах как недостаточное обеспечение социальными благами детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных и беспризорных детей, плохое состояние детских домов и др. Остроту данного вопроса можно понять, взглянув на официальную статистику. В 2010 г. в России функционировало 1048 детских домов, в которых воспитывалось 50 тыс. детей (2009 г. – в 1095 детских домах было 52,3 тыс. воспитанников, 2008 г. – в 1147 детских домах было 55,1 тыс. воспитанников), 90 школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с численностью воспитанников – 9,8 тыс. человек (в 2009 г. было 106 школ-интернатов с 12,1 тыс. воспитанников, в 2008 г. – 127 школ-интернатов с 14,5 тыс. воспитанников). Кроме того, в 2010 г. в 227 домах ребенка на 20888 мест воспитывалось 17,5 тыс. детей в возрасте до 4-5 лет, из них 12,7 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [125]. Тем самым несмотря на тенденцию к уменьшению числа специализированных детских учреждений и количества их воспитанников, показатели очень велики. Большинство указанных учреждений недофинансируются и не имеют элементарных условий для проживания, около 50% требуют капитального ремонта, многие находятся в аварийном состоянии. Решить эти проблемы

может только государство путем оказания всесторонней помощи детям и учреждениям, в которых они воспитываются.

В рамках второго направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как слабое обеспечение занятости населения (особенно молодежи), нехватка рабочих мест (в первую очередь, на селе), невозможность трудоустройства по специальности и др. Признавая наличие указанных фактов, все же хотелось бы заметить, что государственная политика в данной области приносит ощутимые результаты. По сравнению с 1990-ми гг. сейчас ситуация гораздо лучше. Так, если в н. 1996 г. количество безработных в России с учетом скрытой безработицы составляло около 12-16 млн. человек [132, с. 220], то в 2011 г. в среднем 5,0 млн. человек [485]. Численность безработных граждан в 2011 г. составила 6,6% экономически активного населения, что на 0,9% (0,5 млн. чел.) ниже уровня 2010 г. Наиболее быстро восстанавливается занятость в строительстве, торговле, транспорте, финансовой деятельности [335]. Тем самым ситуация на рынке труда постепенно улучшается. Однако, как справедливо показало наше исследование, проблемы все же имеются, и наиболее актуальной из них, на наш взгляд, является занятость людей на селе, так как безработица среди сельского населения превышает уровень безработицы городских жителей почти в два раза.

6 место – разделили дошкольное воспитание, культура и искусство, алкоголизм. В рамках первого направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как плохие темпы строительства детских садов, нехватка мест в дошкольных учреждениях, дороговизна услуг по содержанию детей в детских садах и др. Действительно, данные проблемы очень актуальны и многие семьи сталкиваются со множеством препятствий, как при устройстве детей в дошкольные учреждения, так и при содержании в них. На 1 января 2011 г. в списках детей, нуждающихся в устройстве в образовательные учреждения, реализующие основную общеобразовательную программу дошкольного образования, числилось 1,9 млн. человек. Количество же государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, в

которых организованы группы для детей дошкольного возраста, на 1 января 2011 г. было 9895 [125]. Безусловно, этого недостаточно, необходимо строительство и ввод в эксплуатацию новых государственных детских садов. В целях более оперативного решения данного вопроса, на наш взгляд, вполне возможно вернуть в собственность государства помещения бывших детских садов и провести в них капитальный ремонт.

В рамках второго направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как недостаточное финансирование учреждений культуры, слабая востребованность населением услуг, предоставляемых данными организациями (как правило, ввиду недостатка денежных средств), низкий уровень заработной платы работников культуры, плохая материально-техническая оснащенность организаций отрасли и др. Например, изношенность музыкальных инструментов в детских школах искусств Республики Тыва достигает 70% [519]. Обращалось также внимание и на неразвитость сети учреждений культурно-досугового типа в сельской местности. В этом отношении показательны результаты социологического исследования, проведенного в 2010 г. Э.С. Гунтыповой. Более половины респондентов (жители сел Республики Бурятия) – 53% отметили, что не удовлетворены уровнем развития работающих у них учреждений культуры и отдыха. Одна треть опрошенных и вовсе указала на то, что в их населенном пункте данных учреждений нет [129, с. 79]. Тем самым, рассматриваемая область находится не в лучшем состоянии, и основная проблема здесь заключается в крайне слабой финансовой поддержке учреждений культуры со стороны государства. Соответственно, необходимо изменить принципы финансирования указанной отрасли, обеспечить работникам культуры достойный уровень жизни, позволяющий сосредоточиться на выполнении своих непосредственных задач и т.п. Реализация этих мер благотворно отразится не только на функционировании учреждений культуры, но и на морально-психологическом состоянии населения страны.

В рамках третьего направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как высокий уровень алкоголизма среди населения (особенно на

селе), неэффективная борьба с пьянством, рост женского и детского алкоголизма и др. Эти проблемы в целом традиционны для нашей страны. Вместе с тем особую озабоченность вызывает рост потребления алкоголя женщинами и детьми. Данный факт, на наш взгляд, говорит о слабости мер, предпринимаемых государством в рассматриваемом вопросе. Анализ современных российских реалий приводит к выводу, что системной борьбы с алкоголизмом нет, государство фактически полностью самоустранилось от решения данного вопроса. Между тем пьянство, наряду с наркоманией, занимает 6 место (15,1%) в числе главных национальных угроз России, согласно исследованию (2007 г.) под руководством М. Тарусина [484, с. 200]. Считаем необходимым безотлагательно заняться решением указанной проблемы: оградить население от рекламы любых спиртных напитков, реально ограничить их доступ для несовершеннолетних, запретить распитие алкоголя в местах общего пользования, вести активную пропаганду здорового образа жизни, внедрять новые жизненные ценности и т.п.

7 место – разделили сельский вопрос и дифференциация доходов населения. В рамках первого направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как значительный разрыв уровня и качества жизни между городом и селом, плохое состояние материально-технической базы села, фактическое отсутствие инфраструктуры в сельской местности и др. Указанные проблемы, на наш взгляд, тесно связаны с развитием российского сельского хозяйства, которое, будучи основным источником существования сельчан, отражает отношение государства и к селу в целом. Отрасль, как уже было отмечено, признана респондентами самой проблемной и запущенной. В таком же состоянии пребывает и село: ветхое жилье разрушается, социальные учреждения, возведенные еще в советское время, постепенно приходят в упадок, инфраструктура не выдерживает никакой критики и т.п. Тем самым сравнивать качество жизни в городе и селе не имеет смысла. Тревогу вызывает и материально-техническое оснащение села: обеспеченность тракторами находится на уровне 46%, зерноуборочными комбайнами – 49%, кормоуборочными комбайнами – 62%. Темпы выбытия

старых машин в два раза превышают темпы поступления новых [323]. Безусловно, в последние годы предпринимаются меры по обустройству села, например, строятся медицинские и школьные учреждения. Однако, это лишь точечные действия, реализуемые по мере наличия финансовых средств. Комплексного восстановления российских сел не наблюдается, внимание уделяется, в первую очередь, городам. Между тем, не стоит забывать, что благосостояние горожан «строится» руками сельских жителей, и они достойны хороших условий жизни. Необходимо создать такое село, в котором бы хотелось жить. Это, в свою очередь, позволит решить и проблему возвращения молодежи в деревни и села.

В рамках второго направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как высокий уровень бедности, гигантский разрыв между доходами бедных и богатых и т.п. Действительно, с началом рыночных реформ в России особую остроту приобрела проблема нарастания имущественного расслоения и расширения масштабов бедности: «разрыв в доходах 10% наиболее и наименее обеспеченных в 1990 г. составил 4-5 раз, в 1993-1994 гг. – 8-9 раз, в 1995 г. – 13-16 раз. Доходы более 1/3 населения РФ упали ниже прожиточного минимума» [132, с. 220]. В 1996 г., по данным Всероссийского центра уровня жизни, бедность охватила около одной трети населения России, а по отдельным регионам – 40-50% (Восточно-Сибирский, Дальневосточный экономические регионы) [285, с. 124]. Реальные доходы населения к 1998 г., по сравнению с 1991 г., сократились на 59% [13, с. 92]. Значительные социальные расходы государства и рост денежных доходов населения в 2000-х гг. существенно изменили сложившуюся ситуацию. Уровень бедности в 2005 г. составлял уже 17,7%, в 2006 г. – 15,2%, в 2007 г. – 13,3%, в 2008 г. – 13,4%, в 2009 г. – 13,2% [72], в 2010 г. – 12,6%, в 2011 г. – 12,8% [517]. В 2012 г. Минэкономразвития России ожидает снижение уровня бедности до 12,7%, в 2013 г. – рост до 12,8%, в 2014 г. – падение до 12,5% [517]. Однако, несмотря на уверенное снижение доли бедных в общей численности российского населения, их количество все же очень существенно. Так, в 2010 г. 13,1% россиян (18,5 млн. чел.) имели денежные

доходы ниже величины прожиточного уровня [72], в 2011 г. - 17,9 млн. чел. [485]. На наличие проблемы указывают и материалы различных исследований. По данным ИСПИ РАН (2004 г.), бедные в России составляли 25% населения, малообеспеченные – 42%, средний класс – 24%, обеспеченные – 6% [215, с. 247]. Сами россияне также критично воспринимают свое материальное положение: свыше трети граждан (38%) отмечали снижение личного уровня жизни, 45% не обнаружили изменений, лишь 15% отметили улучшение (по данным опроса населения, проведенного ФОМ в 2006 г.) [386, с. 309]. В 2008 г. 59% населения России характеризовались тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности» [427, с. 141]. Исходя из этого, не удивительно, что большинство россиян, выбирая группы населения, между которыми сегодня существуют наиболее острые противоречия, на первое место ставит вариант «между богатыми и бедными» (госслужащие - 61,9%, население - 63,9%), не оставляя без внимания и вариант «между олигархами и остальным обществом» (госслужащие - 42,8%, население - 39,1%) [240]. Таким образом, проблема бедности и разрыва в доходах в постсоветский период приобрела особую остроту. Согласно исследованию под руководством М. Тарусина (2007 г.), бедность населения занимает 4 место (16%) в числе главных национальных угроз России [484, с. 200]. С целью снижения социальной напряженности нужны кардинальные меры для решения указанной проблемы, однако, реализовать их в короткий срок, скорее всего, не удастся. В данной связи государству, очевидно, необходимо, наряду с оказанием прямой денежной помощи, создавать для граждан возможности самостоятельного решения своих проблем.

8 место заняла позиция, согласно которой проблемными являются все области социальной сферы России.

Помимо перечисленного, также были названы следующие направления: демография (по мнению российской элиты, демографический кризис занимает 1 место (31,4%) в числе главных национальных угроз России, согласно исследованию (2007 г.) под руководством М. Тарусина [484, с.

200]), спорт, организация летнего отдыха, молодежная политика, отсутствие государственных целевых программ («Борьба с бедностью», «Поддержка жителей села», детских программ и др.), неисполнение законодательства, наркомания, преступность, увеличение числа лиц без определенного места жительства и нищих, рост социальной напряженности.

Следует отметить, что указанные направления фигурируют и в других исследованиях. Например, О.В. Крыштановская пишет, что при ответе на вопрос «Какие события и процессы, происходящие в последнее время в жизни страны, вызывают у Вас наибольшую тревогу?» (опросы государственных служащих и населения, первая половина 2000-х гг.) респонденты ставили на первое место те проблемы, с которыми люди постоянно сталкиваются в повседневной жизни: рост алкоголизма и наркомании (госслужащие – 40,5%, население – 49,6%), рост цен на товары и услуги (госслужащие – 18,3%, население – 34,9%), низкий уровень жизни населения (госслужащие – 35,4%, население – 30,9%), рост жилищно-коммунальных платежей (госслужащие – 18,3%, население – 29,9%), коррупция, сращивание власти с криминалом (госслужащие – 24,1%, население – 25,3%), сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению (госслужащие – 26,8%, население – 24,9%), снижение морали и нравственности (госслужащие – 31,9%, население – 20,4%) и др. [240].

Итак, в числе наиболее проблемных направлений социальной сферы России на первом месте, согласно нашим данным, стоит социальная защита населения, а именно, поддержка малообеспеченных категорий граждан. Действительно, указанная проблема является одной из самых актуальных для современного российского общества. Реформы 1990-х годов, нестабильность экономического развития, рост инфляции, финансовые кризисы – все эти испытания крайне негативно сказались на материальном положении граждан России, привели к обнищанию наиболее уязвимых социальных слоев, появлению маргинальных групп. Безусловно, социальная политика государства в течение последних лет подверглась коренному пересмотру и

руководством России предприняты значительные меры по решению данной проблемы. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что их пока не достаточно. Соответственно, необходимо определить возможные способы оказания помощи социально незащищенным группам населения. В данной связи в анкете предлагался вопрос: «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо оказывать помощь людям, не сумевшим обеспечить себе достойной материальной жизни?». По сути, это вопрос и о субъектах осуществления социальной помощи, так как он затрагивает проблему социальной ответственности. В 2004 г. варианты оказания помощи распределились следующим образом:

- помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на адресной основе (25%);
- оказывать им поддержку в организации самопомощи (21%);
- сами обездоленные люди должны объединяться для самопомощи (17,6%);
- помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на действующей основе (14,8%);
- за счет повышения налогов на доходы наиболее состоятельных граждан (13,1%);
- этим должны заниматься благотворительные организации (8,5%).

В 2009-2010 гг. большинство голосов вновь набрал вариант «помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на адресной основе», его выбрали 34,4% политической элиты Бурятии, 40,2% - Саха (Якутии), 32,6% - Тывы (см. таблицу № 51 в приложении I). Отметим, что данный вариант лидировал фактически во всех видах республиканских элит, за исключением исполнительной элиты Тывы, в равной степени разделившейся, помимо указанного вида помощи, также и между такими способами, как «помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на действующей основе» и «за счет повышения налогов на доходы наиболее состоятельных граждан». Данные варианты, заметим, также нашли поддержку у политических элит трех регионов, особенно идея

повышения налогов для очень обеспеченных граждан. Несколько меньше набрали варианты «этим должны заниматься благотворительные организации» и «оказывать им поддержку в организации самопомощи». Фактически нет сторонников у суждения «сами обездоленные люди должны объединяться для самопомощи». В качестве других вариантов указывались, например, такие как создание действующих институтов гражданского общества и построение истинного социального государства (Якутия).

Тем самым подавляющее большинство республиканских политических элит считает, что поддержку должно оказывать, в первую очередь, государство через систему социальной защиты, причем, желательно на адресной основе, чем на действующей. Заметим, что данная точка зрения лидирует и в результатах других исследований [266, с. 142]. Выполнить данное обязательство поможет повышение налогов на доходы состоятельных граждан. Не исключается и помощь благотворительных организаций. И только затем, видимо, в исключительных случаях, сами малообеспеченные люди должны оказывать себе самопомощь.

Таким образом, круг проблемных направлений социальной сферы очень обширен, что дает основание преимущественно негативно оценивать итоги деятельности руководства страны и отдельных органов власти. Характерны в этом отношении результаты опроса российской элиты, проведенного Центром политического консультирования «Никколо М» в марте-апреле 2008 г., позволившие определить функциональные провалы государства. Так, 85% респондентов отмечали, что государству не удалось уменьшить разрыв в доходах между бедными и богатыми; также 85% придерживались мнения, что государство безуспешно решает вопросы доступного жилья; 70% убеждены, что государство не обеспечивает на должном уровне их право на справедливый суд; 68% отрицательно оценивали темпы развития здравоохранения; 63% недовольны развитием образования; 60% считали, что государство не обеспечивает их личную безопасность [71]. В оценках россиян так же преобладают негативные характеристики. Они склоняются к тому, что В.В. Путин «без особого успеха» или «совершенно безуспешно»

решал не только проблемы подъема экономики, но и роста благосостояния граждан (соответственно 42% и 12%), наведения порядка (39% и 8%). Обеспечение права на достойную жизнь и всестороннее развитие граждан оценивается россиянами на «удовлетворительно» (16%) и «плохо» (74%) [386, с. 302]. Также оценку «плохо» у населения заслужила деятельность органов правопорядка (милиции, прокуратуры) - 43% и работа жилищно-коммунальных служб (по мнению 47,9% госслужащих и 65,1% населения) [240]. Исходя из этих данных, представляется справедливым утверждение А.В. Павроза, что принципиального повышения эффективности российского государства не произошло, несмотря на интенсивную официальную пропаганду. Он пишет: «положение во многих критических сферах жизни страны, связанных с такими вопросами, как преступность, смертность, качество здравоохранения, техногенные катастрофы и пр., или не претерпело существенных изменений, или по некоторым показателям ухудшилось, при том, что расходы государственного бюджета выросли в несколько раз (например, расходы бюджета в 1999 г. составляли 575 046,6 млн. руб., а в 2005 г. – 3 047 929,3 млн. руб.). Те же немногие успехи, которые действительно существуют <...> имеют по преимуществу конъюнктурную природу (прежде всего – высокие цены на нефть) и лишь в незначительной степени обусловлены улучшением функциональных способностей российского государства» [386, с. 272].

Критика в адрес органов власти и руководства страны свидетельствует о том, что государство недостаточно эффективно справляется с решением насущных социальных проблем. В данной связи резонно предположить, что часть направлений социальной сферы можно было бы передать частным организациям. В поиске подтверждения этого тезиса мы спросили у респондентов, кем должны обеспечиваться следующие блага: медицинское обслуживание, дошкольное воспитание детей, школьное и высшее образование, обеспечение жильем, пенсионное обеспечение? Анализ показал, что большинство из предложенных благ, по мнению республиканских политических элит всех видов, должно обеспечиваться только или по

преимуществу государством (см. таблицу № 52 в приложении I). В их числе: дошкольное воспитание детей, школьное и высшее образование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание (за исключением исполнительной элиты Тывы, поровну разделившейся между вариантами «только государством» и «наравне государством и частными организациями»). Что касается обеспечения жильем, то здесь нет единого мнения. Так, большинство политической элиты Бурятии - 42,2% поддержали варианты только или по преимуществу государством, а Саха (Якутии) и Тывы - ответ «наравне государством и частными организациями», соответственно 50,5% и 56,2%. Тем самым значительная часть политической элиты склоняется к мысли, что решение указанного вопроса возможно силами государственных и частных организаций на паритетной основе. Данную позицию поддержали исполнительные элиты Саха (Якутии) и Бурятии, а также все виды элит Тывы. Заметим, что высказывались и кардинальные суждения. Например, отдельные представители политической элиты Якутии придерживались мнения, что обеспечивать жильем граждане должны себя сами. Следует отметить, что и в отношении других благ около трети элит также выступала за их равное обеспечение государством и частными организациями. Тем самым допускается некоторое расширение частных начал в социальной сфере, которая, тем не менее, традиционно считается прерогативой государства. Такого же мнения придерживаются и россияне. В н. 2000-х гг. они указывали, что государственное управление и контроль «скорее полезны» в большинстве областей жизни: социальное обеспечение (госслужащие - 94,9%, население - 95,5%), охрана общественного порядка (госслужащие - 95,3%, население - 94,5%), здравоохранение (госслужащие - 89,1%, население - 93,5%), образование (госслужащие - 86,0%, население - 89,9%), культура (госслужащие - 71,2%, население - 71,9%). «Скорее вредно» вмешательство государства лишь в область религии (госслужащие - 70,8%, население - 66,4%). Разделение мнений произошло в отношении деятельности малого и среднего бизнеса (59,9% госслужащих выбрали вариант «скорее вредны», 49,6% населения - «скорее полезны») и СМИ

(50,2% госслужащих - «скорее вредны», 55,6% населения - «скорее полезны») [240]. В 2011 г. в представлениях населения оптимальной для социальной сферы была модель, при которой определенный минимум всем обеспечивает государство, а большего каждый добивается сам. Отмечался и рост поддержки модели социального равенства, обеспечиваемого также государством [123, с. 19]. Мы склонны согласиться с мнениями политических элит и населения страны, что социальная сфера должна находиться в ведении государства (при возможном участии частных организаций), именно оно обязано оказывать социальную поддержку всем слоям населения.

В завершении данного тематического блока осуществим анализ ответов на вопрос: «Что необходимо предпринять для развития социальной сферы?» (см. таблицу № 53 в приложении I). Респонденты трех регионов единодушно поддержали вариант «обеспечить стабильность экономической ситуации в стране», что вполне понятно, так как благополучие социальной сферы, как, впрочем, и любой другой, зависит именно от состояния экономики, которое в России на данный момент пока не лучшее. Указанный вариант ответа выбрало большинство почти всех видов республиканских элит. Исключение составили лишь исполнительная элита Саха (Якутии), 29,1% которой остановились на пункте «совершенствовать государственную политику в данной области» и муниципальная элита Тывы, выбравшая вариант «контролировать реализацию государственных инициатив» - 30,4%. Муниципальной элите Якутии также импонировало суждение «увеличить финансирование», показатель которого был на том же уровне, как и у самого популярного ответа «обеспечить стабильность экономической ситуации в стране» - по 31,5%. Менее всего выбирался вариант «обеспечить стабильность политической ситуации в стране». Данный факт также вполне понятен, так как в политической сфере России на данный момент пока абсолютно спокойно, вплоть до застойных явлений. Тем самым фактически все предложенные в анкете варианты находят поддержку у республиканских политических элит. Безусловно, данный список не является исчерпывающим,

на что указывают, например, дополнения в графе «другое». Так, представители политической элиты Якутии считают, что часть льгот нужно сделать адресной, систему медстрахования желательно изменить - переводить деньги на счета застрахованных, так как «кто-то годами не болеет, а кто-то каждый месяц» и др. Элита Тывы предлагает повысить эффективность работы учреждений социальной сферы и т.д.

Таким образом, состояние экономики является определяющим фактором для реализации основных направлений социальной политики, обеспечения граждан социальными благами, поддержания устойчивости политических институтов и в целом благополучия государства. Поэтому сегодня, в условиях нестабильного экономического положения как в мире, так и в нашей стране, слабой социальной защищенности населения, представляются крайне важными взгляды политической элиты на решение экономических и социальных проблем российского общества и комплексное развитие соответствующих сфер. Проведенный анализ показал, что представители республиканских элит, в основном, критически, а иногда и пессимистически, оценивают современную социально-экономическую ситуацию в России. Наиболее проблемной отраслью экономики единодушно признано сельское хозяйство, а социальной сферы – социальная защита населения. Впрочем, остальные отрасли вызывают у респондентов неменьшее беспокойство. Выявлен определенный разброс мнений по поводу дальнейшего развития экономической сферы. Однако, несмотря на данный факт, представители элит все же склоняются к компромиссному варианту в виде смешанного вида экономики, в котором государственное регулирование сочетается с рыночными механизмами развития. Отметим также, что у респондентов отмечается явное стремление к сохранению государственной собственности в стратегических отраслях экономики. В целом проведенный анализ выявил изменение социально-экономических ориентаций представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и показал, что они реально и более объективно оценивают существующие негативные тенденции в развитии рассматриваемых сфер и видят пути их решения.

3.2. Политическое развитие России

в оценках политических элит

В результате эволюции ценностных ориентаций политической элиты в постсоветский период появились новые приоритеты и в политическом развитии нашего государства. Их реализация, как известно, привела к коренным преобразованиям, позволившим сформировать абсолютно новый облик страны. Оценить предварительные итоги реформирования в сфере политики, выявить ее современное состояние поможет анализ анкетных данных, отражающих политические ориентации представителей элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва.

Открывая в анкете тематический блок вопросов, мы уже по традиции спросили у респондентов: «Удовлетворяет ли Вас современная политическая ситуация в России?» (см. таблицу № 54 в приложении I). Во всех регионах большинство опрошенных выбрало дипломатичный (или осторожный) вариант ответа «скорее удовлетворяет»: 34,8% - в Бурятии, 54,1% - в Саха (Якутии), 39,9% - в Тыве. Эта же позиция в основном доминировала и среди представителей различных видов элит. Двойственность взглядов, отразившаяся в равном процентном соотношении двух вариантов ответа, была свойственна муниципальной элите Якутии («скорее удовлетворяет» и «скорее не удовлетворяет» набрали по 37%) и исполнительной элите Тывы («полностью удовлетворяет» и «скорее не удовлетворяет» - по 36,2%). Наиболее категоричным (или более честным) было мнение законодательной / представительной элиты Бурятии, 41,1% которой выбрали вариант «полностью не удовлетворяет» (заметим, что близкий ответ «скорее не удовлетворяет» отметили 28,6% представителей данного вида элиты).

Итак, результаты показали, что современная политическая ситуация в России большинство респондентов в целом удовлетворяет. Однако довольно значительная часть опрошенных (в различных регионах от 30% до 50%) выразила неудовлетворенность сложившейся ситуацией в данной области, что, естественно, требует пояснения их точки зрения. В ходе анализа эмпирических материалов выяснилось, что представители республиканских

политических элит недовольны состоянием отдельных направлений политической сферы в России. Наибольшую тревогу у них, судя по итогам количественной обработки информации, вызывают перечисленные ниже направления, которые мы с целью определения причин позиции анкетированных подвергли краткому анализу. Подчеркнем ценность полученных нами данных, респонденты снова сами называли варианты ответов, а не выбирали их из числа предлагаемых в вопросе.

1 место – многопартийность. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как слабая реализация данного принципа в нашей стране, постепенный переход к однопартийной системе, нарушения в ходе партийного строительства и формирования партий, фактическая гегемония партии «Единая Россия» на политической арене, монополизм партии власти в принятии важнейших государственных решений, неэффективная деятельность существующих политических партий и др.

Многопартийность, как известно, является одним из проявлений демократии, плюрализма мнений, предполагающим наличие неограниченного количества партий, находящихся в состоянии свободной конкуренции, что в итоге позволяет преодолеть монополизм в политической жизни общества. Данный принцип был провозглашен в нашей стране на волне демократических преобразований в н. 1990-х гг. В результате принятия федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (19 мая 1995 г.), установившего довольно простой порядок создания и регистрации объединений, произошел быстрый рост числа неконтролируемых политических партий, которые в большинстве своем не пользовались популярностью и не смогли занять достойного места на политической арене. Только в Бурятии в к. 1990-х гг., по данным Б.П. Крянева, функционировало более 60 политических партий, движений и организаций [250]. Население о деятельности образованных объединений, как правило, было мало информировано, что и вызывало соответствующее отношение к ним.

В н. 2000-х гг. руководство страны предприняло решительные шаги по регулированию партийной и избирательной систем. За короткий срок были

приняты федеральные законы, которые закрепляли ряд серьезных нововведений для партий: их регистрация стала возможна лишь при условии, что они имеют региональные отделения не менее чем в половине субъектов федерации и численность членов партий не менее 50 тыс. человек [273]; установлено ограничение по выдвижению кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и представителей иных выборных должностей в органах государственной власти только партиями; повышен до 7% проходной барьер для партий; запрещено дублировать наименования партий и их символику, называть партии именем и (или) фамилией конкретных лиц, устанавливать для людей различных полов и национальностей ограничения на членство в партиях, создавать региональные партии, а также партии по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности; ужесточился финансовый контроль над деятельностью партий; политическая партия, не принимавшая в течение семи лет подряд участия в выборах, подлежала ликвидации и др. Большинство образовавшихся в 1990-х гг. партий, естественно, не смогли выполнить данные довольно жесткие требования и вынуждены были прекратить активную политическую деятельность, либо самоликвидироваться. До недавнего времени в России были допущены к власти только четыре партии, не представляющие, по мнению многих исследователей, угрозу для руководства страны. Реальной силой среди них обладает только одна – партия «Единая Россия», которая при помощи административного ресурса неизменно сохраняет большинство в федеральном и региональных парламентах и тем самым имеет возможность беспрепятственно принимать необходимые власти законы. Этот факт, в сочетании с активной социально-политической позицией: развитие независимой от местных властей партийной структуры в регионах, использование популярных среди населения идей, реализация социально значимых инициатив, работа с молодежью и пр. [386, с. 246], позволил партии занять видное место в структуре управленческой вертикали и получить первоначально, поддержку у жителей нашей страны. По данным О.В. Крыштановской, партия «Единая

Россия» в июле 2005 г. пользовалась определенным доверием, за нее были готовы голосовать 26,9% населения и 47,5% госслужащих [240]. Более того, подавляющая часть российской элиты, как мы уже указывали, вошла в ряды данной партии. Сегодня «Единая Россия» является важным инструментом президентского контроля над политическим процессом. Однако привилегированное положение партии власти, наличие у нее больших административных возможностей, ограничение деятельности других партий вызывает большое беспокойство, а в последние годы и острое неприятие у жителей страны. В современной России, как верно заметили представители республиканских политических элит, фактически, осуществляется постепенный переход к однопартийной системе. Вместе с тем, согласимся с Б.П. Кряневым, что «становление многопартийности чрезвычайно сложный и многообразный процесс. Формальное объявление «свободы партий, митингов и собраний» является лишь его начальной точкой. Необходимы серьезные изменения всей структуры взаимоотношений политической и экономической систем, системы социализации <...> С этой точки зрения многопартийность в нашей стране находится только на начальном этапе своего становления ...» [250, с. 181]. Надеемся, что указанные изменения не заставят себя ждать. Сегодня же под давлением общественности уже произошли положительные сдвиги в вопросе многопартийности. В законодательство внесены существенные коррективы: фактически снижен до 5% проходной барьер для партий на выборах (партиям, набравшим от 5 до 7% голосов избирателей, предоставляются одно либо два места в парламентах всех уровней), уменьшилось до пятисот требуемое число членов политической партии и др. Данные новшества вызвали образование множества новых партий. Однако их роль и влияние пока не существенны. Значение и статус партии власти абсолютно не изменились. Соответственно, монополизм в политической жизни нашего общества не преодолен, а значит принцип многопартийности в истинном его понимании не реализован.

2 место – избирательная система, выборы. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как тревожное состояние института выборов в России,

повсеместные нарушения избирательного законодательства, использование во время выборов административного ресурса, отсутствие честных справедливых выборов на всех уровнях федерации ввиду фальсификации их результатов, отмена выборов глав регионов, избрание депутатов в представительные органы власти по партийным спискам и др. Выдвигались требования прекратить превращать выборы в комедию и предоставлять гражданам реальные итоги избирательных кампаний.

В начале 2000-х гг., как мы уже отмечали, фактически наблюдалась ликвидация института выборов, шел постепенный переход к системе назначений: были отменены выборы глав регионов, депутатов Государственной Думы РФ по одномандатным округам, утвержден новый порядок избрания федеральных и региональных представительных органов власти (изменения, внесенные в избирательное законодательство, закрепили переход к пропорциональной системе на выборах в федеральный парламент, а также к пропорциональной и смешанной на региональных выборах). Данные нововведения, ограничивающие конституционные избирательные права россиян, вызвали естественную волну недовольства в стране, сопровождающуюся требованием вернуться к системе выборов. Однако власть, пойдя по необходимости на уступки (например, вернув ограниченные «президентским фильтром» выборы глав регионов), превратила процесс волеизъявления граждан в фарс путем оказания влияния на результаты избирательных кампаний. Как отмечает О.В. Крыштановская, сегодня «выборы проходят в условиях сговора политических игроков, в числе которых – не только кандидаты и их партии, но и финансово-промышленные группы, правоохранительные органы, избирательные комиссии всех уровней. Но главными действующими лицами избирательной компании становятся региональные руководители (в качестве главных агитаторов и контролеров) и председатели избиркомов (в качестве главных механиков процесса). Важную роль также играют политтехнологи, которые генерируют новые виды воздействия на избирательный процесс» [239, с. 135]. Во время выборных кампаний повсеместно применяется административный ресурс, под которым

понимается «возможность манипулировать электоратом и результатами выборов, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти» [239, с. 135]. В подобных условиях, как говорил И.В. Сталин: «Не важно, как проголосовали, - важно, как подсчитали» [48, с. 225]. Выборы превратились в механизм, который закрепил лидирующее положение политической элиты и практически перекрыл доступ в ее состав представителям других социальных групп. Вполне естественно, что применение административного ресурса привело к падению ценности института выборов. Так, если в 2003 г. 73% россиян признавали, что выборы нужны, а 20% считали их ненужными (7% затруднились с ответом), то в 2006 г. 61% опрошенных указали на необходимость выборов, 23% - на ее отсутствие (16% затруднились ответить) [530]. Неуклонно растет доля россиян, отрицающих свою способность как-то повлиять на политические процессы в стране: 1995 г. – 45%, 1998 г. – 52%, 2000 г. – 50%, 2003 г. – 69%, 2005 г. – 74% [386, с. 305]. После выборов в Государственную Думу ФС РФ VI созыва 4 декабря 2011 г. пассивная констатация существующего факта сменилась активными действиями в виде массовых акций протеста против фальсификаций и нарушений законодательства во время избирательных кампаний в России. Тем самым россияне утратили всякое доверие к власти. Вернуть его будет очень сложно, но крайне необходимо. Нам представляется, что в системе выборов нужно навести порядок, они должны быть честными и прозрачными. Если власть будет действительно заботиться о народе, а не манипулировать им и обирать его, то ей нечего бояться, за нее обязательно проголосуют. Пока же доверия ни с той, ни с другой стороны не наблюдается, власть действует наверняка, что справедливо выносит проблематику избирательной системы на вторую позицию в нашем списке.

3 место – система органов власти. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как высокий уровень бюрократизации власти (наличие искусственных преград, долговременность выполнения отдельных работ, необходимость прохождения множества инстанций и т.п.), неоправданно

многочисленный государственный аппарат, закрытость власти, низкий уровень доверия граждан к местным и центральным институтам власти, неэффективная практика формирования федеральных и региональных органов законодательной / представительной власти, обуславливающая некачественную работу депутатов (особенно подчеркивалась деятельность представительных органов МСУ), отсутствие реального контроля над исполнительной властью со стороны законодательных органов, наличие негативных моментов в реализуемой органами власти государственной политике, ведущих к неустойчивости политической системы и общего управления государством и др.

Созданная в постсоветский период система органов власти на протяжении двух прошедших десятилетий проходила испытания на прочность и эффективность. Практика показала, что в целом система справляется со своими функциональными обязанностями. Однако, безусловно, есть и определенные проблемы, часть из которых была озвучена нашими респондентами. Многие негативные моменты были позаимствованы из советского периода: высокий уровень бюрократизации, обширный государственный аппарат, закрытость власти, отсутствие общественного контроля над государственными структурами, слабый диалог власти с народом и др. Наличие этих моментов в совокупности с трудностями переходного периода, спорной государственной политикой в различных областях жизни, слабостью центрального государственного аппарата, вызывали в 1990-х гг. понятное недоверие граждан к институтам власти. В январе 1996 г. Государственной Думе доверяли 14% россиян и не доверяли 60%; Совету Федерации, соответственно, 7% и 66%; Правительству - 12% и 68%; Президенту Б.Н. Ельцину - 12% и 73% [386, с. 201]. Надежды в 1990-х гг. были связаны, как правило, с руководством регионов, которое воспринималось в качестве наиболее влиятельной силы [143, с. 14]. Например, в 1998 г. 22,4% опрошенных жителей Бурятии указывали, что Президенту республики Л.В. Потапову «вполне доверяют», в то время как Президенту России Б.Н. Ельцину доверие выразили только 3,7%

(примечательно, что 70,3% ему совсем не доверяли) [165, с. 39]. Тяготение к местному руководству не вызывает удивления, учитывая имеющийся в то время объем властных полномочий у региональных политических элит. Однако и в 2000-х гг., как ни странно, отношение к институтам власти не изменилось. Несмотря на энергичные действия органов власти (реформирование политической системы, реализацию социальных программ и пр.), представители различных социально-демографических групп, отвечая в н. 2000-х гг. на вопрос о том, кто является помехой успешного развития России, поставили на первые места следующие варианты: чиновники, бюрократы – 62%, некомпетентное руководство федеральных органов власти – 41%, некомпетентное руководство местных органов власти – 23% [192, с. 100]. Работа органов центральной государственной власти и Президента РФ, согласно исследованию О.В. Крыштановской сер. 2000-х гг., оценивалась россиянами следующим образом: Государственная Дума – госслужащие «удовлетворительно» (47,5%) и «плохо» (41,6%), население «плохо» (54,2%) и «удовлетворительно» (30,2%); Совет Федерации – госслужащие «удовлетворительно» (46,3%) и «плохо» (21,8%), население «удовлетворительно» (32,4%) и «плохо» (30,6%); Правительство России – госслужащие «удовлетворительно» (58,4%) и «плохо» (24,9%), население «удовлетворительно» (48,7%) и «плохо» (34,2%); Президент России – госслужащие «удовлетворительно» (45,9%) и «хорошо» (45,1%), население «удовлетворительно» (49,2%) и «хорошо» (33,3%) [240]. Фактически аналогично рассматривалась и деятельность органов региональной власти. Доминировала, как мы видим, оценка «удовлетворительно», только работа Президента РФ в глазах россиян выглядела неплохо. Причин для столь негативного отношения к институтам власти достаточно много. Исследования показывают, что россияне недовольны тем, как государство исполняет свою функциональную нагрузку (естественно, через учреждения и ведомства). Например, обеспечение функций охраны прав и свобод граждан, прав собственности и правопорядка только 4% граждан рассматривается как хорошее, 28% - удовлетворительное и 56% - плохое; обеспечение равенства

всех перед законом и судом соответственно 6%, 27% и 56% [386, с. 302]. Большинство населения (52%) полагает, что финансовые средства, поступаемые из регионов в виде собранных налогов, попросту разворовываются в федеральных министерствах и ведомствах, среди чиновников таких 19,5%. Только 2,5% населения и 20,6% госслужащих полагают, что распределение налоговых поступлений ведется в соответствии с законом [240]. Как показывают результаты только приведенных нами исследований (а их очень много), органы государственной власти не пользуются популярностью среди населения, их деятельность не находит у них поддержки. Согласно исследованию ВЦИОМ 2007 г., работу Государственной Думы одобряли 26% россиян и не одобряли 51%; Совета Федерации соответственно – 27% и 32%; федерального правительства – 43% и 38% [88]. Одобряют и доверяют опять же только Президенту РФ. С 2000-2007 гг. ему доверяли в среднем около 73% россиян и не доверяли 20% [280], в июне 2012 г., соответственно - 52% и 9% [91]. Работу Президента России в июне 2012 г. одобряли 66,9% респондентов, не одобряли – 22,9% [92]. Эта противоречивость, выявленная во взглядах россиян, вполне традиционна. На Руси всегда было крепко убеждение, что чиновники – «кровопийцы», а «царь-батюшка» просто находится в неведении о положении дел в стране. Безусловно, это глубокое заблуждение. Однако абсолютно верно то, что только Президент РФ может повысить эффективность работы системы органов государственной власти, устранив в ней имеющиеся негативные моменты. Это, в свою очередь, позволит поднять уровень доверия населения к институтам власти, как и должно быть в цивилизованном государстве. Заметим, что данная тенденция уже отмечается. В марте 2012 г. деятельность Государственной Думы одобряли 38% россиян и не одобряли 42%; Совета Федерации соответственно – 36% и 30%; Правительства РФ - 55% и 32%. [92]. Тем самым оценка работы отдельных органов власти постепенно перемещается к позитивному «полюсу», а, значит, видимо растет и доверие к ним.

4 место – демократия. Акцентировалось внимание на таких проблемах как отсутствие в стране реального демократического режима, несоблюдение политических прав и свобод граждан (отсутствие свободы слова, нарушение права россиян на участие в управлении делами государства), неразвитость гражданского общества, невнимание к гражданским инициативам и др.

Как известно, понятие «демократия» в переводе с греческого языка (demos – народ, kratos – власть) означает «власть народа», «народовластие». В современном обществе термин употребляется в разных смысловых значениях, однако демократия – это прежде всего способ правления, один из типов политико-правового режима, в котором властвование осуществляется народом, реализующим власть непосредственно или через представителей. Демократии присущ ряд признаков, среди которых: суверенитет народа, разделение власти на три ветви (судебную, исполнительную и законодательную), выборность и сменяемость центральных и местных органов государственной власти, политический и идеологический плюрализм, равноправие граждан, законность, верховенство и господство закона, существование правового государства и гражданского общества, провозглашение и обеспечение прав и свобод человека и гражданина и др. Тем самым демократия является сложным и многогранным общественно-политическим явлением, ставшим идеалом развития большинства стран мира, в конституциях которых были закреплены основные черты демократического государства. Такие черты имеются и в Конституции Российской Федерации. Однако большинство отечественных и зарубежных [289] исследователей считают, что демократии в нашей стране нет, констатируется авторитарное перерождение политического режима [386, с. 252-253]. То, что было создано в России, называется псевдodemократией, популистским вариантом авторитаризма, управляемой демократией и пр. [386, с. 226, 268]. Недовольны функционированием демократии и россияне. По данным О.В. Крыштановской (сер. 2000-х гг.), скорее или совсем не удовлетворены тем, как демократия работает в российском обществе 39,2% населения и 43,2% госслужащих. Полностью или скорее удовлетворены

лишь 13,8% населения и 27,2% госслужащих. По мнению россиян, ситуация в области прав и свобод граждан, развития демократии при В.В. Путине осталась такой же, как и прежде (госслужащие - 57,2%, население - 47,4%) [240], либо ухудшилась (17%) [87]. Тревогу у населения вызывает ограничение свободы слова в СМИ (госслужащие - 2,3%, население - 1,7%) [240]. Много нареканий и в отношении гражданского общества. Помимо этого, мы уже указывали на слабое развитие в нашей стране таких составляющих демократии как многопартийность, политический и идеологический плюрализм, выборность и сменяемость центральных и местных органов государственной власти. Есть вопросы и в отношении построения правового государства, равноправия граждан и др. Естественно, эти аспекты заставляют задуматься, а является ли Россия демократическим государством? Примечательно, что 30,1% населения и 20,6% госслужащих в исследовании О.В. Крыштановской на этот вопрос ответили отрицательно и были отчасти правы [240]. Истинно демократических государств в современном мире фактически не существует. Отдельные элементы демократии действительно реализуются, но говорить о реальном построении правового государства, гражданского общества, господстве закона, равноправии граждан еще рано. Формирование истинно демократического государства, в том числе и в Российской Федерации не является одномоментной акцией – необходим поэтапный процесс, требующий длительного времени, который обязательно будет сопровождаться отдельными негативными моментами, которые сейчас имеют место в нашей стране. Однако ситуация в современной России действительно очень тревожит, так как наряду с естественными трудностями построения демократии в стране реализуется политический курс, явно имеющий элементы авторитаризма, что выражается в весьма непопулярных решениях власти, которые вызывают естественное неприятие у общественности и заставляют усомниться в приверженности руководства государства демократическим идеалам. Надеемся, что указанный курс является лишь временным явлением, обусловленным острой необходимостью и в

дальнейшем имеющиеся противоречия исчезнут, в стране будут в полной мере реализованы демократические принципы. Необходимо помнить, что демократия – это важнейшее завоевание человечества, ибо она представляет собой выработанный и обогащенный в ходе всемирной истории такой способ решения жизненно важных вопросов той или иной общности людей, при котором все члены этой общности обладают возможностью равноправно решать эти вопросы. Таким образом, становление реальной демократии в России является делом будущего, пока же продвижение в данном направлении, начавшееся сравнительно недавно, дается с трудом, но это естественный процесс.

5 место – отношения центр-регионы. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как централизация власти, увеличение полномочий федерального центра, практика назначения губернаторов и глав регионов, неэффективная реализация региональной политики в стране, неразвитость федеративных отношений и др.

В н. 2000-х гг., как мы уже отмечали, произошли кардинальные перемены во взаимоотношениях федерального центра и регионов. Жесткая политика Кремля создала условия для осуществления контроля над регионами, дисциплинировала региональных лидеров, сократила их полномочия и финансовые возможности и пр. Причин для централизации власти было довольно много: усиление центробежных тенденций в регионах, потеря управляемости страной, непредсказуемость избирательных кампаний в регионах, угроза возникновения политической нестабильности, возможность оперативно решать вопросы на уровне высшей исполнительной власти, отсутствие у регионов необходимых ресурсов для осуществления проектов и др. Однако, несмотря на наличие у центра достаточно веских причин, реализация данной политики, как показали, в том числе, и результаты нашего опроса, вызвала у региональных политических элит определенное неприятие. Изменение системы выборов в Государственную Думу и новый порядок формирования Совета Федерации оценивается в регионах как отход от принципов демократии, ослабляющий позиции

субъектов РФ и расшатывающий устой многонационального федеративного государства [185, с. 207]. Недовольство вызывает чрезмерная централизация правовой и экономической компетенций регионов, равнодушие к позитивному опыту регионального законодательства, практика назначения глав регионов и др. Существует понимание, что руководитель субъекта, утвержденный по представлению Президента РФ, становится зависимым от первого лица государства, он будет вынужден согласовывать свои решения с позицией федерального центра, так как в противном случае Кремль может отстранить его от должности как лицо, утратившее доверие [297, с. 217]. Подобные настроения в регионах вполне естественны, отношения принуждения и подчинения не могут способствовать возникновению положительных эмоций. Но по констатации тувинского эксперта, «политику Кремля нужно выполнять и поддерживать, потому что мы часть России». Однако добавляет эксперт из Якутии, «по мере укрепления федерации необходимо повернуться лицом к субъектам, нужно повышать статус региональных политических элит, иначе они уйдут в подполье». Понимая это, руководство страны после реализации мер по наведению порядка в стране и обеспечению контролируемости глав регионов постепенно идет на уступки и расширение полномочий на местах, и это верно. Регионы должны стать равноправными участниками политического, финансового и административного процессов. Правильное распределение полномочий между федеральным центром и субъектами является залогом эффективности государственного управления.

На наш взгляд, центр во взаимоотношениях с регионами движется в правильном направлении. Чрезмерная свобода действий региональных политических элит в современных условиях весьма опасна. Однако и лишать их возможности самостоятельно принимать отдельные решения будет неправильным. Здесь важно соблюдать баланс, найти «золотую середину». Централизация же власти, несмотря на всю ее противоречивость, как нам представляется, должна сохраниться. По крайней мере, пока. Исследование под руководством М. Тарусина (2007 г.) показало, что мы не одиноки в этом

мнении: 70,8% государственной элиты выступают за централизацию и усиление вертикали власти, лишь 29,2% - за децентрализацию и предоставление больших прав регионам [484, с. 125]. Скорее всего, пока это самый приемлемый вариант отношений центра и регионов в России.

6 место – межнациональные отношения. Акцентировалось внимание на таких проблемах как негативные итоги реализации национальной политики в России, рост числа межэтнических конфликтов, самоустранение государства от судьбы соотечественников за рубежом и др.

Действительно, за последние десятилетия межнациональные отношения в нашей стране существенно обострились. Условное начало этому, как мы уже отмечали, было положено еще в к. 1980-х гг., когда ослабление центральной власти и нестабильность в ее высших эшелонах вызвали рост сепаратистских настроений, принявших во многих регионах форму организованных национальных движений, которые в конечном итоге и привели к развалу СССР. Характерный для этого времени резкий подъем национального самосознания вызвал усиление межэтнической напряженности в регионах. К сожалению, приходится констатировать, что и в современной России далеко не все спокойно. Накал этнических противоречий, как справедливо отметили в ходе нашего анкетирования представители республиканских политических элит, не ослабевает. Более того, население страны, по данным ВЦИОМ, отмечает ухудшение ситуации в отношениях между людьми разных национальностей: в 2006 г. придерживающихся такого мнения было 32% [87], в 2011 г. – 63% (жителей г. Москвы) и 54% (жителей г. Санкт-Петербурга) [90]. По итогам исследования 2007 г. (под руководством М. Тарусина), рост межнациональной напряженности (ксенофобии, национализма) был признан россиянами одной из главных национальных угроз России – занял третье место в соответствующем списке, набрав 18,5% [484, с. 200]. Безусловно, современное состояние межнациональных отношений в нашей стране удручает. Бесценный опыт СССР в данном вопросе забыт, о дружбе и братстве между народами в России говорится неохотно, вскользь и, как

правило, в контексте трех славянских наций. Отношение же к нерусскому населению, как показывают многочисленные исследования [89; 207, с. 86; 240; 301, с. 26], сегодня преимущественно настороженное и постепенно перемещающееся к негативному «полюсу». Проблема существует и с каждым годом она все более обостряется. Поэтому на людей, осуществляющих управленческие функции, возлагается большая ответственность. Именно от их взвешенной и разумной политики зависит внутреннее спокойствие государства, объединяющего на своей территории представителей различных национальностей. Причем не просто политики, а национальной политики, которой, по единодушному мнению многих исследователей, в современной России фактически нет. Об этом говорили и наши эксперты: «Национальная политика сегодня подменена региональной, а отказ от нее – большой минус, потому что у наций есть право на самоопределение» (Якутия), «Федеральному центру данная политика не нужна. Поэтому национальным субъектам необходимо самостоятельно объединяться в организации (инициаторами должны выступить неправительственные общественные движения) и ставить вопросы о статусе своих регионов, о создании условий для сохранения национальных традиций, языков и т.п. Угроза заключается в том, что мы можем потерять национальную культуру буквально за одно поколение» (Тыва) и др. Национальная политика в России, безусловно, нужна, причем комплексная, превентивная, стратегически ориентированная, учитывающая региональную специфику. В рамках ее реализации государство должно: формулировать и культивировать общенациональные цели российского народа, способствующие его объединению; реально обеспечить права и свободы каждого человека, независимо от его национальной принадлежности; создавать адекватные социально-экономические условия для развития всех народов, проводить мониторинг межэтнических отношений и т.п. [208, с. 56]. Кроме того, очень важно осуществлять воспитание подрастающего поколения в духе уважения к самобытности, истории, культуре многонационального народа России. Помочь в этом могут, например,

учебные спецкурсы, посвященные культурному наследию российских народов, которые обязательно должны быть в программе обучения школьников и студентов. Также государству необходимо: оказывать поддержку учреждениям и коллективам, сохраняющим и транслирующим культурную самобытность народов; содействовать средствам массовой информации, осуществляющим вещание на родных для этносов языках; укреплять национальную общеобразовательную школу как важнейший инструмент сохранения и развития этнического своеобразия населения страны; помогать национальным учреждениям культуры, развивающим традиции народов; осуществлять охрану памятников и иных объектов исторического и культурного наследия [502, с. 12-13]. Для полной реализации указанных мер, естественно, необходимо увеличить объем выделяемого финансирования. Помимо перечисленного, государству нужно обеспечить непосредственное участие народов в жизни российского общества. По справедливому замечанию В.Б. Игнатъевой, в стране практически нет ни одной структуры федеральной власти, где были бы представлены народы России, имеющие равные права и возможности в процессе принятия государственных решений, в том числе касающихся непосредственно их или территорий, на которых они компактно проживают [185, с. 207]. В формировании и реализации национальной политики считаем возможным использование удачного опыта СССР. Указанный период в истории нашей страны, как, наверное, никакой другой, характеризовался фактически полным отсутствием явных конфликтов на национальной почве. Данный факт, заметим, признается современным российским руководством. В.В. Путин на заседании Госсовета в 2010 г. отметил: «... в Советском Союзе не было никаких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира» [415, с. 174]. Действительно, народы СССР в своей жизнедеятельности старались опираться на принципы толерантности и добрососедства. И в этом была большая заслуга советской политической элиты, которая, понимая специфику государства, придавала большое значение поддержанию

межнационального спокойствия. Национальная политика СССР ориентировалась на реализацию таких важных положений как равноправие наций, выравнивание уровней жизни народов, интернационализм, дружба народов, достижение единства наций, развитие советского народа как исторической общности людей и др. [415, с. 175]. Любые проявления конфликтов на национальной почве в стране жестко подавлялись. Возвращение и реализация положений советской национальной политики, на наш взгляд, должны стать ведущими задачами для современной политической элиты России. Добавим также, что эффективная реализация национальной политики абсолютно невозможна без создания соответствующего ведомства. Поэтому мы считаем совершенно необходимым возродить ликвидированное по неизвестным причинам Министерство национальной политики РФ и наделить его значительными властными полномочиями. Возможно, все провалы в данной области и происходили оттого, что некому было направлять и координировать указанную работу. Самой же политической элите нужно отказаться от «розыгрыша» этнической карты, который, как метко заметил К. Поппер, является самым дешевым и надежным способом, с помощью которого может продвинуться политик, которому нечего больше предложить [501, с. 90]. Необходимо перестать спекулировать на этом вопросе. К сожалению, приходится часто наблюдать, особенно во время очередных выборов, как отдельные беспринципные политики, стремясь приобрести дешевый авторитет и привлечь на свою сторону избирателей, задевают национальные чувства людей (возвеличивают русскую нацию, нелестно отзываюся о некоторых других народах) и разжигают тем самым межнациональную рознь. Представителям элиты следует помнить, что национальный вопрос не предмет для политических игр.

7 место – разделили кадровый вопрос и внешняя политика. В рамках первого направления акцентировалось внимание на таких проблемах как кадровый дефицит, отсутствие высокопрофессиональных работников в управлении, плохая профподготовка кадрового состава органов власти и др.

Состояние кадрового вопроса в современной России нами уже освещалось, поэтому мы не будем на нем подробно останавливаться. Как известно, российское руководство, столкнувшись с проблемой кадрового дефицита, предприняло ряд действий для ее решения. Важнейшим направлением государственной кадровой политики в России стало формирование системы кадрового резерва. В результате масштабного и системного поиска талантов в нем оказались наиболее достойные с точки зрения руководства страны лица. Именно им предоставляется преимущественное право на замещение вакантных должностей в органах государственной власти. Насколько удалось решить кадровый вопрос, можно судить по результатам нашего исследования – седьмое место в списке проблемных направлений политической сферы явно говорит о его актуальности. Причин для этого достаточно много: кадровый резерв, составленный в определенный период времени, практически не пополняется новыми лицами; слишком мало в нем так называемых «простых» россиян (представителей интеллигенции, научной сферы, культуры и т.д.), как правило, здесь оказались люди известные и состоятельные; талантливые и способные граждане, по-прежнему, не могут «пробиться» во власть; общественность очень слабо информируется о реализуемых кадровых программах; плохо организована система подготовки / повышения квалификации работников (особенно, на наш взгляд, это касается специализированных учебных заведений для госслужащих, организующих заочное и дистанционное обучение, которое обычно дает весьма слабые знания); доминируют неформальные механизмы пополнения органов власти и др. Устранение данных причин, как нам представляется, позволит решить кадровый вопрос в России. В заключение добавим, что высокопрофессиональных работников необходимо отбирать еще со студенческой скамьи. Именно студенты и выпускники вузов по специальностям, востребованным в органах государственной / муниципальной власти, являются кадровым резервом перспективного развития [345, с. 62].

В рамках второго направления акцентировалось внимание на таких проблемах как противоречия во взаимоотношениях с отдельными странами, слабая интеграция государств бывшего СССР, выбор стратегических партнеров страны и пр. Эти и другие вопросы внешнеполитического развития России раскрываются во второй части данного параграфа.

Также в числе наиболее проблемных направлений политической сферы России представители республиканских политических элит назвали: несовершенство законодательной базы, увеличение потока мигрантов (в том числе нелегальных), политико-правовой нигилизм населения, угрожающий размах коррупции в стране и др. В то же время были и мнения, что проблем в указанной сфере не существует. Следует отметить, что многие респонденты затруднились с ответом на поставленный вопрос и предпочли оставить его без внимания (как правило, это были представители исполнительной элиты).

Среди перечисленных направлений по степени проблематичности, на наш взгляд, неоправданно скромную позицию занимает коррупция. Между тем анализ анкетных данных показал, что подавляющая часть политических элит всех республик (от 70% до 90%) в той или иной степени согласна с мнением о том, что в России широко распространена коррупция (*см. таблицу № 55 в приложении I*). Данная точка зрения лидирует среди всех видов элит. Подчеркнем стабильность позиции респондентов. В 2004 г. около 88% представителей политической элиты Республики Бурятия также согласились с тем, что в нашей стране весьма распространены коррупция и взяточничество. Практически все анкетированные (85%) были убеждены в том, что большие деньги в современной России делаются нечестным путем. Интересно, что в 1999 г. коррупция вызывала беспокойство лишь у 32,4% представителей элиты Бурятии [165, с. 68]. Соответственно, за прошедший период проблема существенно обострилась. Об этом свидетельствуют и социологические исследования, которые фиксируют нарастание негатива среди россиян в 2000-х гг., связанного с ростом коррупции и бюрократического засилья [123, с. 13]. Причина, видимо, заключается в том, что население, понимая остроту проблемы широкого распространения

коррупции в России [386, с. 285], не видит между тем реальных мер по противодействию ей со стороны власти. Для россиян характерна низкая оценка произошедших при В.В. Путине изменений в данной области [87, 240]. Субъективные мнения россиян подтверждаются данными международного центра антикоррупционных исследований и инициатив “Transparency International”. Оценка по 10-тибалльной шкале (индекс в 10 баллов означает наименьший уровень восприятия коррупции или идеальную честность, индекс в 0 баллов – самый высокий уровень восприятия коррупции или полную продажность) показала, что Россия, по степени коррумпированности государственной власти, входит в число наиболее неблагоприятных стран мира (см. таблицу 13 [9, с. 63]).

Таблица 13

Место России среди стран мира по индексу восприятия коррупции (ИВК)

Годы	Количество обследованных стран	Место в списке обследованных стран	ИВК
1980-1985	54	27	5,1
1988-1992	54	41	3,3
1996	54	48	2,6
1997	52	49	2,3
1998	85	76	2,4
1999	99	82	2,4
2000	90	89	2,6
2001	91	79	2,3
2002	102	71	2,7
2003	133	86	2,7
2004	146	90	2,8
2005	159	126	2,4
2006	163	127	2,5
2007	180	143	2,3

В 2008 г. Россия набрала 2,1 балла по индексу восприятия коррупции (заняла 147 место из 180 возможных), в 2009 г. – 2,2 балла (146 место из 180), в 2010 г. – 2,1 балла (154 место из 178), в 2011 г. – 2,4 балла (143 место из 183) [188]. Как следует из приведенных данных, в 2000-х гг. ситуация в России по восприятию коррупции не только не улучшилась, но и даже ухудшилась, страна уверенно движется к индексу в 0 баллов.

При проведении анкетных опросов мы предлагали респондентам выбрать из перечня возможных причин коррупции в России какие-либо три варианта. В 2004 г. ответы были ранжированы следующим образом:

- всегда находятся люди, которые для скорейшего решения своих проблем готовы «отблагодарить» чиновника (22,2%);
- все дело в чрезмерной бюрократизации нашей жизни, когда все зависит от решения чиновника (22,2%);
- потому что недостаточно отлажен механизм правового регулирования жизни общества в период реформ (19,9%);
- потому что жалование чиновников относительно невелико и некоторые из них стремятся таким образом улучшить свое материальное положение (16,5%);
- в России всегда было принято облекать благодарность за оказанную услугу в форму подарков и подношений (11,3%).

Менее всего выбирались варианты:

- корень коррупции и взяточничества в существовании мафии и организованной преступности (5,1%);
- все дело в падении нравов (2,8%).

В 2009-2010 гг. причины коррупции в России, по мнению республиканских политических элит, заключались прежде всего в существовании чрезмерной бюрократизации, способствующей тому, что многое зависит от решения чиновника (Бурятия - 22,6%, Саха (Якутия) - 20,6%) и неэффективной работе механизма правового регулирования жизни общества (Тыва - 21,3%) (см. таблицу № 56 в приложении I). Вместе с тем следует отметить, что практически все предложенные в анкете варианты могут рассматриваться в качестве возможных причин существования коррупции в нашей стране, так как они набрали значительный процент по итогам анализа. Наиболее отчетливо данная тенденция прослеживается при изучении мнений представителей отдельных видов элит, наблюдается слишком большой разброс лидирующих вариантов ответа. Сравнительно менее возможными причинами коррупции в России, согласно полученному

процентному соотношению, являются следующие варианты: «корень коррупции в существовании организованной преступности», «причина в специфике российского менталитета (всегда было принято облекать благодарность за оказанную услугу в форму подарков и подношений)» и «остаётся относительно низким уровень доходов чиновников». Данные варианты, на наш взгляд, весьма абстрактные и мало правдоподобные. Впрочем, руководство страны искренне верит, что коррупцию можно устранить, например, увеличением заработных плат государственным служащим, тем самым оно признаёт существование одной из маловероятных причин рассматриваемого явления. Некоторые наши эксперты, кстати, тоже придерживались подобной точки зрения, полагая, что «коррупционеров, учитывая слабый уровень социального обеспечения в России, можно по-человечески понять». В графе «другое» анкетированные также указали и на наличие следующих причин коррупции: Бурятия – она есть результат произошедшего сращивания власти и капитала, капитализм всегда подразумевает наличие коррупции (она часть политического строя), проблема в родственных связях, часто наблюдающихся в органах власти (их нужно исключить), следование примеру руководства; Саха (Якутия) – отсутствие желания у политической элиты страны по-настоящему бороться с коррупцией, «ручное» правосудие, апатия СМИ и всего общества; Тыва – безнаказанность, наличие коррумпированных чиновников в высших эшелонах государственной власти всех уровней, смещение жизненных ценностей (на первом месте материальное и только затем духовное).

Тем самым причины коррупции в России разнообразны. Однако, как справедливо отметили наши респонденты, в первую очередь, они заключаются в чрезмерной бюрократизации (зачастую государство само провоцирует появление коррупции созданием различных мелких агентств и служб, необходимость в которых весьма сомнительна), больших властных полномочиях чиновников (к тому же ещё и слабо контролируемых), «пробелах» в существующем законодательстве, не позволяющих эффективно работать механизму правового регулирования жизни общества.

Далее логично напрашивается вопрос, а как же нужно бороться с коррупцией в России? В 2004 г. возможные пути и способы борьбы с коррупцией и взяточничеством были ранжированы следующим образом:

- необходимо привести в порядок законодательство, устранить имеющиеся в нем противоречия (19,3%);
- усилить наказание за коррупцию и взяточничество (18,7%);
- никаких специальных мер не нужно, поскольку по мере нормализации общественной жизни эта проблема потеряет свою остроту (15,4%);
- достаточно соблюдать (использовать) те законы, которые предусматривают наказание за взятки и использование служебного положения (15,4%);
- обеспечить контроль средств массовой информации за работой органов власти (11,9%);
- никаких специальных мер не нужно, поскольку это неискоренимо (11,9%);

Небольшое количество респондентов посчитало, что нужно «принимать на работу в органы исполнительной власти по конкурсу и не допускать к работе в администрации людей, скомпрометировавших себя» (7,4%).

В 2009-2010 гг. среди способов борьбы с коррупцией лидировали варианты: «работать с кадрами и совершенствовать государственную кадровую политику в органах власти» (Бурятия - 26%, Тыва - 24,2%) и «необходимо привести в порядок законодательство, устранить имеющиеся в нем противоречия» (Саха (Якутия) - 25,8%) (см. таблицу № 57 в приложении I). Между ними же разделилось мнение большинства представителей различных видов элит. Помимо данных вариантов, часть респондентов указала, что необходимо «усилить наказание за коррупцию», «обеспечить контроль средств массовой информации за работой органов власти», либо же «достаточно соблюдать (использовать) те законы, которые предусматривают наказание за использование служебного положения». Фактически не было сторонников точки зрения, что никаких специальных мер по борьбе с коррупцией предпринимать не нужно. Более того, респонденты предложили

ряд дополнительных способов борьбы с рассматриваемым явлением: Бурятия – обеспечение общественного контроля и реальной независимости трех ветвей власти, воспитание людей; Саха (Якутия) - повышение престижа госслужбы, увеличение доходов чиновников, обеспечение контроля над деятельностью государственных служащих со стороны гражданского общества, обновление кадрового состава органов правосудия, создание ситуации реальной независимости судебной и прокурорской систем от исполнительной власти; Тыва – изменение государственной политики в данной области, исключение родственных связей в органах власти (при приеме на работу, занятии какой-либо должности и т.п.), поднятие духовности в обществе.

Итак, преобразования н. 1990-х гг. привели к значительному расширению поля произвола и беззакония в различных социальных сферах, включая и все уровни государственной власти. Среди представителей республиканских политических элит, как, впрочем, и всего населения, преобладает полная уверенность в широком распространении коррупции в России. Причин ее существования в нашей стране очень много: бюрократизация, несовершенство законодательства, отсутствие реальной борьбы с явлением, неформальные связи в органах власти, духовная деградация общества и др. Ликвидировать коррупцию, по мнению респондентов, можно преимущественно правовыми способами: совершенствованием государственной кадровой политики, устранением противоречий в существующем законодательстве, усилением наказания за коррупцию и т.п. Помимо этого, анкетированные совершенно справедливо заметили, что необходимо также обеспечить открытость власти, которая бы позволила осуществлять общественный контроль над деятельностью чиновников (на важность прозрачности действий власти указали и 33% россиян [484, с. 171]). Безусловно, есть необходимость и в воплощении реальной независимости трех ветвей власти. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня исполнительная ветвь зачастую обладает гораздо большим весом, чем законодательная [429, с. 38] или судебная. В

обществе уже давно бытует мнение, например, об отсутствии в стране действительно независимого института суда. Все указанные способы борьбы с коррупцией, по нашему мнению, будут успешными только в случае изменения ценностных ориентаций, психологии людей. Добиться этого возможно, на наш взгляд, путем духовно-нравственного воспитания, либо, ужесточением наказания за коррупционные преступления. В нашей стране более действенным, как нам представляется, будет второй путь. На нем, кстати, настаивает и значительная часть россиян - 60,2% [484, с. 171]. Находит поддержку даже предложение ужесточить наказание за особо тяжкие коррупционные деяния вплоть до смертной казни: за это высказались в сер. 2000-х гг. 36,6% госслужащих и 46,2% населения. На их взгляд, это позволит существенно снизить уровень коррупции. Оптимальным, безусловно, является сочетание двух путей, применение их в совокупности позволит изменить жизненные ориентиры людей. Бороться же с коррупцией необходимо системно, используя комплекс различных, в том числе и приведенных нами, мер. Причем в этой борьбе должны участвовать не только правоохранительные органы, но и все общество, людям нужно организовать массовое сопротивление коррупции. Возглавить же эту борьбу могут те, кто не имеет отношения к коррумпированной системе – общественники и правозащитники, обладающие юридическими знаниями и высоким уровнем правосознания. Однако, пока это только гипотетическая возможность, реализация которой видится лишь в отдаленной перспективе. Для этого необходимо, в первую очередь, желание политической элиты, которого не наблюдается. Между тем ей нужно помнить о последствиях разгула коррупции: разложение демократических институтов, дискредитация проводимых реформ, недоверие населения к органам власти, рост организованной преступности, подрыв моральных устоев общества, общее ослабление государства и др. Многие из перечисленного уже является приметой сегодняшнего дня, а, значит, решение указанной проблемы больше нельзя откладывать.

Выявив наиболее проблемные направления в социально-экономическом и политическом развитии российского общества, мы попросили респондентов определить причины трудностей в функционировании данных сфер. В 2004 г. большинство представителей политической элиты Республики Бурятия - 43,2% отметили вариант «отсутствие профессионалов в сфере экономики». 28,9% главную причину трудностей видели в том, что нет профессионалов в сфере политики. Третье место среди возможных причин, согласно ответам опрошенных, заняло своекорыстие людей, осуществляющих руководство страной – 18,2%. Далее называлась такая причина, как отсутствие «сильной руки» в органах управления – 6,9%. Другие варианты были у 1,7% респондентов, затруднились ответить - 1,1%.

В 2009-2010 гг. главная причина трудностей в развитии социальных сфер России, по мнению большинства представителей политических элит Саха (Якутии) и Тывы (соответственно 37,1% и 46,1%), заключалась в несовершенстве законодательства (см. таблицу № 58 в приложении I). Элита Бурятии, помимо указанной причины, назвала и вариант «отсутствие профессионалов в данных областях» (по 29,4%). Эти же ответы лидировали фактически во всех видах элит. Исключение составила законодательная / представительная элита Бурятии, которая, наряду с перечисленными вариантами, в равной степени указала и такой - «отсутствие внимания к данным сферам со стороны государства». В качестве других причин элита Бурятии отметила сложную экономическую ситуацию в мире, дефицит финансирования отдельных социальных направлений, коррупцию; Саха (Якутии) - приоритетную сырьевую направленность экономики страны, отсутствие демократических выборов, узурпацию власти партией «Единая Россия», клановость на всех уровнях управления, отсутствие политической воли у руководства государства (в первую очередь, из-за высокого уровня коррупции); Тывы - неисполнение законов, отсутствие настоящего государственного контроля за оказанием госуслуг и качеством исполнения госзаказов, закрытость власти, ее монополизм в принятии политических решений, отсутствие свободы слова, лоббирование определенными группами

своих интересов, кадровый «голод», коррупцию, бедность и социальную незащищенность населения, отсутствие благотворительности, отставание от мировых стандартов. Тем самым главными причинами трудностей в развитии различных сфер российского общества являются слабая законодательная база и отсутствие профессионалов в управлении. Сочетание, надо заметить, получается весьма опасное. Вдобавок к этому подчеркнем, что в числе причин респонденты очень часто называли коррупцию, подтверждая тем самым наше мнение, что данное направление является одним из самых проблемных. Причем, согласно полученным результатам, коррупция характерна для всех сфер жизни в России. Тем не менее, ближе к истине, на наш взгляд, все же те анкетированные, которые выбирали все предложенные в анкете варианты, указывая на то, что трудности возникают по совокупности многих причин.

Итак, в последние десятилетия наша страна переживает нелегкий период, характеризующийся масштабными переменами во всех сферах общества. Как показало исследование, к сожалению, не все задуманное успешно реализуется руководством страны, имеется ряд проблемных направлений, которые требуют более обдуманной стратегии развития. Рассмотрев внутривнутриполитическое состояние нашего государства, проведем небольшой анализ современной российской внешней политики с привлечением результатов анкетных опросов, раскрывающих представления республиканских элит о приоритетном внешнеполитическом курсе России.

События начала 1990-х годов внесли значительные коррективы в расстановку сил на международной арене. С распадом СССР, одной из крупнейших и могущественных держав, завершилась эпоха биполярного мира. Современный исторический период характеризуется наличием многочисленных государств, которые обладают значительным политическим весом, экономическим потенциалом и успешно реализуют свою независимую, отвечающую интересам их населения, внутреннюю и внешнюю политику. Одной из таких стран, безусловно, является и Российская Федерация, пришедшая на смену СССР. В новых условиях

многополярного мира Россия сформировала собственную концепцию внешней политики, определила приоритетные направления для сотрудничества с другими государствами и выделила ряд стран, выступающих сегодня в качестве ее стратегических партнеров. Национальные интересы нашего государства довольно обширны. Так, в Концепции внешней политики РФ записано: «Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы является важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, содействия переводу российской экономики на инновационный путь развития. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией <...> Россия развивает поступательное практическое взаимодействие со странами Северной Европы <...> Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них <...> Российская Федерация настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососедства, на основе обоюдного учета интересов <...> Россия выстраивает отношения с США с учетом не только их огромного потенциала для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества, но и их ключевого влияния на состояние глобальной стратегической стабильности и международной обстановки в целом <...> Важным элементом сбалансированной политики России на североамериканском направлении являются отношения с Канадой ...» [229]. Указанное направление внешней политики России можно назвать «европейским» и оно, безусловно, очень важное. Однако, в силу специфики географического расположения Россия принадлежит и к Европе, и к Азии. Именно к такой идентификации нашей страны склонилась значительная часть политической элиты Республики Бурятия в 2004 г.: 50,6% опрошенных отметили самобытность России; 43,2% полагали, что она в одинаковой мере

принадлежит как к Европе, так и к Азии; 1,1% отнесли ее к Европе; 5,1% - к Азии. В данной связи большое значение для России представляет восточное, «азиатское» направление во внешней политике. В концепции отмечается: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира ...» [229]. Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии, согласно данному документу, является развитие дружественных отношений с Китаем и Индией. Причем указывается, что наша страна будет наращивать российско-китайское стратегическое партнерство во всех областях. Так же Россия выступает за отношения добрососедства и созидательного партнерства с Японией, Индонезией, Малайзией, Таиландом, Филиппинами, Сингапуром, КНДР, Республикой Корея, государствами Юго-Восточной Азии и др. [229].

Итак, Россия как евразийская страна принадлежит к двум цивилизациям, что отразилось на характере ее внешнеполитических предпочтений. Однако факт двойственного положения страны на протяжении всей истории нашего государства провоцировал споры о том, каким путем должна идти Россия. Достаточно вспомнить бурные дискуссии «западников» и «славянофилов». Данный вопрос актуален и сегодня. Политическая элита Республики Бурятия в 2004 г. ответила на него следующим образом:

- Россия должна использовать весь мировой опыт развития, накопленный как странами Запада, так и странами Востока (47,7%);
- у России должен быть свой, особый путь развития (39,8%);
- Россия должна идти путем, проложенным развитыми западными странами (6,8%);
- примером для России должны быть быстроразвивающиеся страны Азии, например Южная Корея, Тайвань, Сингапур и другие (5,7%).

Анкетирование 2009-2010 гг. выявило фактически тот же результат (см. таблицу 14).

Предпочтительный путь развития России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
Россия должна идти путем, проложенным развитыми западными странами	-	-	-	13,9	8,8	14,8	15,5	7,8	3,6	-	12,4	9
примером для России должны быть быстроразвивающиеся страны Азии	17,1	17,8	17,9	13,9	17,6	16,7	31	14,1	7,1	17,6	16	17,4
Россия должна использовать весь мировой опыт развития, накопленный как странами запада, так и странами востока	60	57,2	43,6	56,9	36,8	38,9	53,5	56,2	50	53	44,8	53,4
у России должен быть свой, особый путь развития	22,9	25	20,6	15,3	25	29,6	-	14,1	39,3	22,5	22,7	17,4
другое	-	-	-	-	11,8	-	-	-	-	-	4,1	-
затрудняюсь ответить	-	-	17,9	-	-	-	-	7,8	-	6,9	-	2,8

Как следует из таблицы 14, большинство представителей республиканских политических элит вновь отдало предпочтение варианту «Россия должна использовать весь мировой опыт развития, накопленный как странами запада, так и странами востока»: в Бурятии – 53%, Саха (Якутии) – 44,8%, Тыве – 53,4%. На втором месте по процентному соотношению снова оказалась позиция, согласно которой «у России должен быть свой, особый путь развития». В отношении третьего места произошли изменения, его занял вариант ответа, ранее находившийся на четвертом месте – «примером для России должны быть быстроразвивающиеся страны Азии». Наименее популярной была точка зрения, что «Россия должна идти путем,

проложенным развитыми западными странами», она расположилась на последнем четвертом месте. Соответственно, за последние годы наметилась смена внешнеполитических приоритетов. Вместо западных государств примером для России могут выступить страны Азии, развитие которых с каждым годом набирает обороты. В данной связи заметим, что в графе «другое» респонденты часто конкретизировали свою позицию, дописывая, что ориентиром для России должен стать, в первую очередь, Китай.

Размышляя над предпочтительным направлением развития России, многие представители республиканских политических элит указывали, что им может быть восстановление социализма. Респонденты считают возможным использование лучшего опыта СССР в современных российских реалиях. Соответственно, отношение к советскому периоду постепенно переосмысливается. Данный факт можно проследить по результатам различных исследований. Так, для первой половины 1990-х гг. была характерна противоречивость мнений элиты, наблюдалась повсеместная критика периода СССР. По данным ВЦИОМ 1993 года, представители элитных групп, как старых, так и новых, активно декларировали реформаторские установки: более 94% респондентов были не согласны с тем, что «было бы лучше, если бы в стране все оставалось, как было до 1985 года». В то же время отнюдь не все представители элитных групп считали произошедшие перемены позитивными [117, с. 183]. В 2000-х гг. вектор настроений существенно изменился. Стремясь узнать, как политическая элита Республики Бурятия оценивает завершившийся советский период нашей истории, преобладают ли негативные или же позитивные оценки в его отношении, мы в 2004 г. предложили ее представителям определить свое мнение по следующим суждениям, которые с разных позиций характеризуют страну до начала «перестройки»: государство, проводившее имперскую политику по отношению к своим народам; советская страна - дружная семья народов; всеобщая уравниловка; общество социальной справедливости и равных возможностей; плановая экономика, ориентированная на рост благосостояния народа; командно-административное управление

экономикой; государство, ограничивавшее права и свободы своих граждан, права трудящихся; государство, гарантировавшее жизненно важные права и свободы своих граждан; подлинное народовластие; власть номенклатуры, партократия, бесправные массы; тоталитарное государство; общенародное государство; общество социального благополучия, гуманизма, обеспечивающее уверенность в завтрашнем дне; антигуманное общество, где отсутствуют свобода выбора и возможность самореализации; закрытая ядерная страна, поддерживающая авторитет в мире путем угроз и насилия; мощная сверхдержава, пользующаяся авторитетом во всем мире. Суждения, как видим, отражают две диаметрально противоположные оценки, одна из которых явно позитивна, а другая отчетливо негативна. Оценить предлагалось по четырехбалльной шкале от «полностью согласен с суждением» до «полностью не согласен с суждением», предлагался и вариант для тех, кто затруднялся с ответом. Менее половины респондентов – 38,6% выбрали негативные характеристики, описывающие нашу страну в советский период. Большая часть представителей политической элиты – 61,4%, склонилась к позитивным оценкам, либо не смогла сделать однозначный выбор между предложенными суждениями. Причина последнего, скорее всего, заключается в том, что пока еще минуло недостаточно времени с момента распада СССР, чтобы дать ушедшему периоду объективную оценку. Среди положительных характеристик чаще всего отмечались следующие: общество социальной справедливости и равных возможностей; общество социального благополучия, гуманизма, обеспечивающее уверенность в завтрашнем дне; государство, гарантировавшее жизненно важные права и свободы своих граждан; общенародное государство. Среди отрицательных характеристик доминировали: командно-административное управление экономикой; власть номенклатуры, партократия, бесправные массы; всеобщая уравниловка. Тем самым представители политической элиты Республики Бурятия в целом преимущественно позитивно оценивали период СССР. Недовольство вызывали в основном принципы управления государством и экономикой. Негативные оценки социально-экономических

аспектов функционирования страны в советский период можно найти и в других исследованиях [266, с. 137]. Изменение вектора настроений в 2000-х гг. характерно и для россиян. Многие жители Республики Бурятия, отвечая в 2003 г. на вопрос «Какой путь развития страны Вы бы предпочли?» (исследование проводилось отделом социально-политического анализа экспертно-аналитического центра Президента РБ), выбирали вариант «возврат к социалистической модели экономики», который занял вторую по процентному соотношению позицию после ответа «продолжение нынешнего курса реформ, подключение к мировой экономике» [342, с. 90]. Согласно социологическому исследованию, проведенному в 2011 г. Институтом социологии РАН, при определении своего отношения к распаду СССР большинство россиян предпочло следующие варианты: «это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР» – 36%, «в этом есть и хорошие и плохие стороны» - 29%, «это катастрофа мирового значения» – 14%. Лишь 3% респондентов указали, что «это положительное событие мирового значения» [123, с. 19]. Исходя из результатов приведенных исследований идея восстановления социализма, озвученная представителями республиканских политических элит, не вызывает удивления. Как справедливо утверждает А.Н. Постников, «... содержанием современного периода истории России может и должен быть переход к социализму, к обществу, в котором должны быть воплощены, реализованы на деле базовые идеи и принципы социализма ...» [413, с. 20]. Мы считаем, что указанная идея имеет право на существование и вполне может быть реализована в современной России, но, возможно, в несколько трансформированном виде. Позитивный опыт СССР, на наш взгляд, не должен быть вычеркнут из памяти, его необходимо повсеместно использовать. Данное понимание постепенно приходит на смену огульной критике, идет объективная оценка советского периода, и это верно.

Итак, результаты наших анкетных опросов показали, что Россия не должна повторять чужие ошибки и слепо копировать путь развития какой-либо из зарубежных стран. Необходимо использовать весь существующий

мировой опыт и, видимо, попытаться найти свой особый путь развития, сущность которого, кстати, до сих пор четко не определена.

Таким образом, Россия нацелена на сотрудничество со странами Европы, Азии, а также Латинской Америки, Ближнего Востока и др. Данный факт раскрывает многовекторный характер внешней политики России, что, безусловно, крайне важно в современных условиях. На необходимости взаимодействия с различными государствами настаивают и республиканские политические элиты. Исходя из результатов нашего анкетирования 2004 г. России желательны контакты со следующими странами:

- в политической сфере: Франция, Англия, США, Япония, Китай;
- в экономической сфере: Германия, Италия, Китай, Франция;
- в области культуры: Франция, Англия.

Причем, в числе стран, отличающихся скорее позитивным отношением к России, в 2004 г. были названы: Германия, Франция, Италия, Китай, Япония, Монголия, Белоруссия. К государствам, отличающимся скорее негативным отношением к России, по мнению опрошенных, относятся: страны Ближнего Востока, Прибалтика, США, Китай.

В 2009-2010 гг. были получены несколько иные результаты. По мнению политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, России необходимо налаживать контакты со следующими государствами:

- в политической области: страны СНГ, США, Германия, Франция, Англия, Китай, Канада, Швейцария, Япония, Индия, Иран, Северная Корея;
- в экономике: страны СНГ, Китай, Япония, США, Швеция, Индия, Германия, Франция, Южная Корея, Англия, Бельгия, Швейцария;
- в социальной сфере: страны СНГ, Китай, Монголия, Индия, Франция, Швеция, Норвегия, Канада, Швейцария, Германия, Австрия, США, Япония, Финляндия;
- в области культуры и науки: страны СНГ, США, Франция, Германия, Япония, Италия, Англия, Китай.

Итак, в 2009-2010 гг. предпочтения респондентов изменились в сторону увеличения количества государств, с которыми желательно сотрудничать

Российской Федерации. Причем зачастую анкетированные высказывались за налаживание контактов со всеми странами, что абсолютно верно и отвечает реалиям многополярного мира. Данное стремление, как мы знаем, находит выражение в современном внешнеполитическом курсе нашего государства. По мнению респондентов, нужно активно перенимать инновации друг у друга, консолидировать усилия во всех сферах, особенно в защите экологии. Однако при этом они подчеркивали, что необходимо взаимовыгодное сотрудничество с теми странами, которые хотят укрепления отношений с Россией, с учетом реальной отдачи для нее. Стратегическими партнерами нашего государства, по данным анкетирования, должны стать страны СНГ, Китай, США, Германия, Франция, Англия. Отметим и увеличивающийся интерес к Индии, Японии, Швеции, Швейцарии и Монголии.

Таким образом, Российская Федерация проводит разумную, адекватную современным реалиям на международной арене внешнюю политику, пользуется высоким авторитетом в мире и обладает широким кругом стратегических партнеров.

Итак, современное состояние России весьма противоречиво: в области внутренней политики имеются некоторые проблемы, во внешней политике отмечаются позитивные моменты. Учитывая данный факт, естественно, хочется попытаться заглянуть в будущее нашего государства. Осуществить это нам поможет анализ ответов на блок вопросов анкеты о перспективах развития России. Мнение политической элиты здесь более чем актуально, так как именно она, определяя стратегию движения страны, направляет ее к желаемому будущему, то есть четко представляет себе конечный образ России. При проведении анкетного опроса в 2004 г. представителям политической элиты Республики Бурятия было предложено по четырехбалльной шкале выразить свое отношение к суждениям, которые, возможно, будут характеризовать российское общество в недалеком будущем (10-20 лет спустя). Выяснилось, что преобладают оптимистичные настроения: 76,1% респондентов считали, что страну ожидает экономическое процветание; примерно такое же количество - 78,5% полагало, что возможно

создание общества социального благополучия, гуманизма и заботы о человеке; чуть больше опрошенных ожидали наступления власти закона и роста авторитета России во всем мире, соответственно 85,2% и 84,7% (см. таблицу № 59 в приложении I). Подобные взгляды, заметим, характерны и для элит других регионов России [266, с. 140]. Серьезные расхождения выявились в оценке межнациональных отношений в будущем: 54,6% респондентов предполагали, что нас ожидает «общество, где множество межнациональных конфликтов» и лишь 38,6% верили, что национальные проблемы будут решены. Основания для подобной пессимистичной оценки, которая встречается и в других исследованиях [266, с. 140], безусловно, имеются. Распад СССР, как мы уже отмечали, сопровождался усилением межэтнической напряженности, сохранившейся до сего времени как в виде бытового неприятия, так и, к сожалению, более опасных явлений (ксенофобии, радикального национализма и пр.). Поэтому политическая элита ни в коем случае не должна оставлять без внимания сложившуюся в стране взрывоопасную, с точки зрения межнациональных отношений, ситуацию. Необходимо помнить, что Россия - многонациональная страна, а значит нужно создавать комфортные условия для проживания всем населяющим ее народам. Политическая элита должна поддерживать порядок и стабильность в государстве, осуществлять профилактику и разрешение национальных конфликтов, своевременно пресекать любые противоправные и провокационные действия, способствовать формированию культуры толерантности. К сожалению, на данный момент российская элита весьма неэффективно справляется с этими задачами. Надеемся, что в ближайшее время ситуация изменится в положительную сторону.

Вопрос о будущей форме политического режима в России в 2004 г. решился в пользу демократической системы, за нее высказалось 71,6% представителей политической элиты Республики Бурятия. Уверенно лидировала она и в 2009-2010 гг.: в Бурятии соответствующий вариант ответа набрал 81,4%, в Саха (Якутии) - 90,2%, в Тыве - 97,2% (см. таблицу № 60 в приложении I). Были, впрочем, и сторонники установления авторитарного и

даже тоталитарного режимов, но они составляли мизерную часть изучаемой социальной группы. Интересная точка зрения была у некоторых представителей исполнительной элиты Республики Бурятия. Они предложили такую форму, как демократическое государство с элементами авторитарного управления. Отметим, что склонность к авторитаризму у политической элиты Бурятии проявилась достаточно давно. Еще в 1999 г., согласно результатам исследования В.Г. Жалсановой, отвечая на вопрос «В каком направлении должен развиваться наш политический строй?», 70,3% респондентов выбрали умеренно-авторитарный строй, 12,6% - либеральный, 9% - авторитарный, у 8,1% - было другое мнение (преобладало желание жить при социализме) [165, с. 77]. Заметим, что тяготение к авторитаризму, вариации на тему его совмещения с демократической формой политического режима по понятным причинам были характерны для тяжелейших 1990-х гг. [423, с. 115]. Предложенные интегративные модели, безусловно, интересны и имеют право на существование. Хотя нам представляется, что в современной России совмещение демократического и авторитарного политических режимов уже является не перспективой, а реальностью.

Представления о форме государственного устройства России в 2004 г. распределились следующим образом: за сильное централизованное государство без широких прав регионов и развитого местного самоуправления выступило 22,1% представителей политической элиты Республики Бурятия; в пользу государства с широкими правами регионов и развитым местным самоуправлением высказались гораздо больше – 55,7%; согласие на установление конфедерации свободных республик и регионов с развитым местным самоуправлением дали 37,5% анкетированных (см. таблицу № 61 в приложении I). Столь значительный разброс мнений объясняется, на наш взгляд, сложностью взаимоотношений Центра и регионов в первой половине 2000-х гг., позволяющей представителям республиканской элиты, при явном желании возвращения прежних прав субъектов, ожидать различные варианты политико-административного устройства страны. В 2009-2010 гг. большинство политических элит всех изучаемых нами

регионов выбрало федеративную форму государственного устройства России: в Бурятии - 83,3%, в Саха (Якутии) - 97,9%, в Тыве - 97,7% (см. таблицу № 62 в приложении I). Остальная, весьма небольшая часть республиканских элит разделилась между конфедерацией и унитарной версиями устройства государства. К федеративной форме склонились и все эксперты, принявшие участие в интервьюировании. Вариации были только по поводу вида федерации. Например, эксперт из Якутии утверждал, что «нашей стране необходимо перейти к договорно-конституционной федерации, основными чертами которой являются: учет, прежде всего, интересов субъектов, разграничение полномочий и предметов ведения между центром и регионами, самостоятельность субъектов в принятии решений и др. Сейчас же в России создана конституционно-договорная федерация, предполагающая приоритет интересов федерации и лишь затем субъектов. Причин для этого много, в первую очередь, это конечно укрепление центральной власти. Однако такая управляемая федерация должна быть временным явлением, иначе можно создать унитарное государство». На наш взгляд, тенденция к унитаризму в современной России также уже просматривается.

Полученные результаты отражают ориентацию большинства представителей республиканских политических элит на устойчивое состояние нашей страны, которое видится вне жесткой централизации и максимальной децентрализации. Существующая форма государства является для них оптимальной. Мы также склонны согласиться, что демократическое федеративное государство является той целью, к которой необходимо стремиться.

Таким образом, проведенный анализ показал, что противоречивое отношение к современному состоянию России и недавнему советскому прошлому у политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва сочетается с оптимизмом по поводу будущего нашей страны. Данный момент, кстати, отмечается и в воззрениях россиян, перспективы государства представляются им довольно радужными. 60% хотели бы связывать их с

ВПК, космосом, авиацией, информатикой, фундаментальной наукой. Они верят, что Россия может стать и ведущей промышленной державой, и культурным центром, и страной передового образования [304, с. 88]. По данным ВЦИОМ 2007 г., 34% сограждан хотят видеть Россию сверхдержавой, 47% считают, что ей следует стать одной из 10-15 лидирующих в мировой экономике и политике стран [69, с. 13]. Мы, безусловно, разделяем надежды республиканских политических элит и всех россиян. Очень хотелось бы видеть Россию сильной, независимой и великой державой. Однако эти радужные перспективы, к сожалению, входят в противоречие с существующей действительностью, позволяющей усомниться в возможности подобного будущего России. Наше исследование показало, что в стране имеется слишком много проблемных направлений в социально-экономической и политической сферах, которые требуют к себе пристального внимания. Как констатирует А.В. Павроз, «декларируемая стабильность и превозносимые достижения власти не имеют практически ничего общего с действительностью» [386, с. 312]. Данное мнение в основном соответствует истине. Хотя, на наш взгляд, оно все же слишком категорично. Достижения у руководства страны, конечно, есть, и мы их отметили в своей работе. Другое дело, что пока они весьма скромные и носят половинчатый характер. К сожалению, российская политическая элита по непонятным причинам игнорирует целый пласт очень актуальных проблем, невнимание к которым может привести (и уже приводит) к крайне негативным последствиям. Это необходимо четко понимать и оперативно действовать, пока еще не поздно. Преодолеть существующую ситуацию, по справедливому замечанию А.В. Павроза, «... возможно посредством достаточно очевидных мер – установления нормальных либеральных демократических политических институтов и повышения эффективности системы государственного управления» [386, с. 312]. Надеемся, что политическая элита России сделает определенные выводы и устранил имеющиеся в стране негативные моменты. В этом случае наше государство действительно ждет хорошее будущее и мы, как и все россияне, в него верим.

3.3. Региональные ориентации республиканских политических элит

Эволюция ценностных ориентаций характерна и для политических элит регионов России, которые, столкнувшись с вызовами постсоветского времени, сформулировали новые приоритеты в развитии своих территорий. В их числе были и представители элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Реализуемый ими политический курс привел к существенным изменениям в различных социальных сферах. Оценить новый облик республик, выявить их современное состояние и перспективы развития поможет анализ материалов социологических исследований.

Открывая в анкете региональный блок вопросов, мы поинтересовались у респондентов: «Удовлетворяет ли Вас современная динамика развития вашего региона?» (см. таблицу № 63 в приложении I). Выяснилось, что 53,1% элиты Якутии полностью или скорее удовлетворены развитием своей республики. Эти варианты в совокупности лидировали среди большинства видов элит, кроме муниципальной (48,1% склонились к противоположной точке зрения). Респонденты Бурятии и Тывы на данный вопрос ответили преимущественно «полностью / скорее не удовлетворяет», соответственно 66,7% и 73%. Среди видов элит иного мнения была только исполнительная элита Бурятии (51,5%). Тем самым взгляды анкетированных на динамику развития своих регионов разделились: в отношении Якутии преобладают позитивные оценки, в отношении Бурятии и Тывы – негативные.

Для того чтобы конкретизировать позиции респондентов, мы предложили им выбрать в анкете наиболее проблемные сферы жизни в своем регионе. В 2004 г. представители политической элиты Республики Бурятия расположили их в следующем порядке: экономика - 37,6%, социальная защита - 23,3%, политика - 17,6%, безопасность жизни граждан - 5,7%, здравоохранение - 5,1%, образование - 5,1%, экология - 3,9%, культура и искусство - 1,7%. В 2009-2010 гг. на первое место во всех республиках была поставлена экономика, ее выбрали 24% анкетированных Бурятии, 17% - Саха (Якутии), 20,8% - Тывы (см. таблицу № 64 в приложении I). Второе место в Бурятии заняла проблема технического оснащения (13,7%), в Саха (Якутии) -

социальная защита (15%), в Тыве – политика (16,8%). Третье место элита Бурятии отдала здравоохранению (11,3%), Саха (Якутии) – экологии (13,9%), Тывы - безопасности жизни граждан (11,8%). Следует заметить, что респонденты довольно часто выбирали практически все предложенные в анкете ответы, указывая тем самым на то, что проблемными в регионах являются многие сферы. В качестве других вариантов были названы: в Бурятии - сельское хозяйство, ЖКХ и др.; в Саха (Якутии) - инфраструктура, занятость, безработица, сельское хозяйство, отставание жителей села по уровню и качеству жизни, развитие сельских территорий. На примере Республики Бурятия можно заметить некоторые изменения во взглядах политической элиты на проблемные сферы жизни. По ее мнению, ситуация в области социальной защиты и политики сейчас в регионе относительно стабилизировалась, в отличие от Саха (Якутии) и Тывы, где они очень актуальны. Вместо них на второе место вышла проблема технического оснащения, что не вызывает удивления ввиду бурного развития современных технологий, которое не позволяет республиканским, в основной массе слабо оснащенным, предприятиям успешно конкурировать на внутреннем и международном рынках. Обострились негативные тенденции и в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура и искусство, экология и обеспечение безопасности жизни граждан. Состояние двух последних сфер, как следует из наших данных, еще более проблематично в республиках Саха (Якутия) и Тыва. В целом полученные результаты показали, что проблемных сфер жизни в регионах не мало. На это указывают и материалы экспертных интервью, которые, раскрывая современную динамику развития республик, позволяют нам узнать, что именно беспокоит представителей политических элит. Приведем некоторые высказывания экспертов.

Республика Тыва

1) «До 1991 г. в республике наблюдалось бурное развитие: строились предприятия, функционировали различные отрасли промышленности, поднималось сельское хозяйство и пр. 1991-2006 гг. были тяжелыми годами для Тывы, имелись значительные экономические проблемы. С 1996 г.

отмечался спад в промышленности, перестал работать угольный разрез. Сейчас изменений фактически нет: угольные предприятия в состоянии банкротства; строительство инфраструктуры, жилья, промышленных объектов почти свернуто; поголовье скота находится на уровне 1998-2000 гг. (переход в частный сектор принес большие проблемы, так как реализовать продукты животноводства – шерсть, шкуры, молоко сельчанам практически невозможно); добыча полезных ископаемых, в том числе и золота, упала. Бюджет республики на 90-97% дотационный. В качестве позитивного факта можно отметить увеличение числа небольших предприятий: хлебобулочных, народно-промысловых и др. Однако их производственный рост очень мал, доходы в бюджет от них почти не идут и поэтому большую роль в экономике они не играют. В социальной сфере тоже имеются проблемы, например высокий уровень безработицы (снять напряженность на рынке труда должна помочь реализация программы социально-экономического развития, вложено 182 млн. руб.), преступности и алкоголизма. Положительным моментом является хорошая рождаемость, она больше уровня смертности. Но в то же время в республике значительное количество разводов, в основном из-за бытовой и финансовой неустроенности. Так, из 1000 семей только 10% полные и зажиточные, 30% со средним уровнем достатка, а 50-60% - это семьи неблагополучные, малоимущие (существуют только на пособия). Главное то, что дети живут в сложных условиях, поэтому нужно срочно принимать меры по защите семьи. В политической сфере наблюдается стабильность, резких колебаний к сепаратизму не имеется. Конфликтных ситуаций фактически нет, даже если есть, то их не видно (в 2006-2007 гг. определенная напряженность и конфликты были). В национальном плане все тоже стабильно. Беспокоит только одно – все руководство из «Единой России», которая в народе не ценится»;

2) «Республика на 90% живет за счет дотаций, и мы, к сожалению, к ним уже привыкли. Состояние сельского хозяйства плачевное. Промышленность не развивается, хотя имеются, например, внушительные запасы качественного угля, который можно выгодно экспортировать. Сейчас же

уголь уходит из региона за бесценок. Большой уровень безработицы, особенно на селе, среди молодежи (они профессионально не востребованы). Растет алкоголизм (в том числе и женский), наркомания (причина в том, что на территории республики встречается дикорастущая конопля). Как следствие перечисленных факторов высокий уровень преступности в Тыве. В сфере политики ситуация сложная, идет жесткое противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти. Оно приводит к кадровой ротации, давлению на людей, противоправным действиям и пр.»;

3) «Экономика – республика дотационная, наблюдается стагнация, предпосылок для положительной динамики нет. В области сельского хозяйства регион бесперспективный (интенсивные методы не приживаются, так как не располагает почва). Животноводство – идет только экстенсивное развитие, переработки нет. Деревообработки тоже нет. Социальная сфера, как известно, напрямую зависит от экономики. Здесь наблюдаются такие проблемы, как большой уровень безработицы (особенно на селе), небольшие пособия и др. Туризм – не внушает надежд, возможен только сезонный. В целом стимулов для подъема региона у руководства нет. Политика – идет борьба между группировками за финансовые средства. Методы в ней применяются разнообразные: от «черного» PR до уголовных дел. На всех руководящих местах находятся представители «Единой России». Данная партия, используя административный ресурс, уже почти всех под себя «подмяла». Показательно, что в Тыве в ее составе около 6 тыс. человек».

Республика Саха (Якутия)

1) «Регион у нас богатый, имеются большие запасы природных ресурсов (алмазы, нефть, газ, каменный уголь и др.). Исходя из этого важную роль в экономике играет горнодобывающая промышленность. Однако, несмотря на богатство республики, в местный бюджет хороших финансовых отчислений нет, так как все уходит в центр. В итоге мы имеем дотационный депрессивный бюджет. Инфраструктуры для развития региона нет. Традиционная отрасль – сельское хозяйство, где работает 1/3 населения, находится в ужасном состоянии. Государство почти не помогает частному

сектору, который дает 70-80% сельскохозяйственной продукции. В социальной сфере можно выделить следующие проблемы: 1) уровень пенсий (на селе она составляет всего 8-9 тыс. руб.); 2) социальное обеспечение врачей; 3) приведение в соответствие образовательных стандартов (в высшей школе); 4) воспитание подрастающего поколения – это самое главное. В политической сфере ситуация стабильна, хотя также есть проблемные направления: централизация управления, отсутствие реального разделения власти (главенствует исполнительная власть, законодательная же второстепенна), сохранились черты тоталитаризма, реальной демократии нет. В целом в республике имеются все те же проблемы, что и в России»;

2) «Республика в настоящий момент развивается с переменным успехом. В экономике все достижения в основном обусловлены функционированием добывающей промышленности. На нашей территории имеются большие запасы различных природных ресурсов, в том числе наиболее востребованных в России – нефти, газа, алмазов, ценных металлов и др. Однако весь парадокс в том, что мы от их добычи ничего не получаем. К сожалению, федеральный центр не поддерживает в финансовом смысле территорию, которая во многом обеспечивает его благосостояние. В связи с политикой руководства страны, ориентированной на извлечение природных ресурсов, плохо развиваются другие отрасли промышленности, хотя имеется хороший потенциал. По этим и другим причинам состояние нашей экономики печальное, многое зависит от поступлений трансфертов. Очень беспокоит сельское хозяйство, которое находится на грани выживания. На его развитие негативное влияние оказывает добывающая промышленность, так как сокращаются пастбища, приходят в негодность земельные наделы и т.п. Государство почти не оказывает помощи сельчанам, чей уровень жизни не выдерживает никакой критики. Добыча ископаемых к тому же привела и к нарушению экологического равновесия в регионе. В социальной сфере у нас, наверное, те же проблемы, что и в России: плохое социальное обеспечение, низкий уровень заработных плат и пр. Страдают бюджетники, в первую очередь, учителя и врачи. В политической области достаточно спокойно.

Среди партий особой борьбы нет, доминирует, естественно, «Единая Россия», ее позиции по ряду причин очень сильны».

Республика Бурятия

1) «Республика опаздывает в своем развитии, как и многие другие субъекты России. В нашем случае причина заключается в природном факторе – наличие озера Байкал, которое помешало развитию региона. Мы не можем стать ни нефтяным, ни газовым, ни каким-либо другим промышленным районом, хотя и имеем некоторый потенциал. Исходя из этого нужно знать свое место и понимать, что полностью самостоятельными мы не будем. Политическая ситуация в республике сравнительно спокойная, стабильная, во многом зависит от состояния экономики. Разделение по партиям относительное. Есть потребность в общении, но своей политической идеологии нет, наблюдается трансляция российской»;

2) «Бурятия в последнее время развивается очень динамично. В 1990-е годы у нас, конечно, были трудности, как и во всей стране. И не все из них удалось преодолеть, но успехи очевидны: наблюдается подъем в экономике, социальной сфере, культуре. Большой толчок развитию республики дало образование в регионе туристической зоны: поступают инвестиции, строится инфраструктура, растет поток туристов. Бурятия стала местом проведения разнообразных форумов, фестивалей, совещаний и пр. Столица с каждым годом хорошеет, превращаясь постепенно в один из развитых городов России. Естественно, во многом это стало возможно благодаря финансовым вливаниям центра. Несмотря на значительные достижения, в республике, безусловно, имеются и существенные проблемы. Бюджет все еще дотационный, плохо функционируют отдельные отрасли промышленности, сельское хозяйство не получает должной государственной поддержки. Большие трудности наблюдаются в жилищно-коммунальной сфере: критический уровень изношенности систем жизнеобеспечения, фактически аварийная ТЭЦ 1 (ежегодно происходят аварии, чрезвычайные ситуации), беспредел в тарифах и коммунальных платежах (к чему имеет непосредственное отношение Администрация г. Улан-Удэ), значительный

процент ветхого жилья, низкий уровень благоустройства сел. Проблемы есть и в области социальных выплат, заработных плат, развития здравоохранения и образования. Очень беспокоит состояние окружающей среды: загрязнение озера Байкал и других водных объектов, недопустимый уровень чистоты воздуха, общая негативная нагрузка на экологию региона. У нас слишком много вредных производств, которых в принципе быть не должно. Ответственное министерство крайне плохо работает, оно не защищает природу, а, по словам его руководителя, как это ни парадоксально, создает условия для развития промышленности, в первую очередь, добывающей. Проблем в политической сфере почти не наблюдается, все важные вопросы решает федеральный центр. Назначенного Президента РБ приняли хорошо, работает эффективно и дипломатично. Раздражает «Единая Россия», ее всевластие, но это характерно для всех субъектов. Впрочем, позиции оппозиционных партий тоже достаточно сильны, особенно коммунистов».

Как видим, перечень наиболее проблемных сфер и направлений жизни в регионах фактически соответствует аналогичному списку, касающемуся России, и это вполне естественно, учитывая тот факт, что республики являются ее неотъемлемой частью, а, значит, сталкиваются с характерными для всей страны проблемами. Главными среди них, по единодушному мнению респондентов, являются трудности в области экономики, которые, в отличие от проблем в других сферах, в каждом регионе имеют свою специфику, что вызывает необходимость осуществления краткого анализа состояния экономики в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва.

Переломные 1990-е годы были крайне тяжелыми для всех регионов России: ухудшились социально-экономические условия, уменьшился выпуск товарной продукции, вырос уровень безработицы и пр. Повсеместно отмечалось падение темпов производства в промышленности. Например, в Бурятии объем производства промышленной продукции в 1998 г. составил менее половины объема 1990 г. [464, с. 25]. Поввысилась доля убыточных предприятий, в частности в Саха (Якутии) за 1990-1997 гг. с 54 до 71,8%, в том числе: в промышленности – до 78%, сельском хозяйстве – 91,5%,

строительстве – 7%, на транспорте – до 64,8% [497, с. 70]. Крайне неблагоприятным было состояние сельского хозяйства. Приведем данные экспертной оценки социальной жизни бурятского села, полученные в середине 2001 года. Результаты опроса 200 респондентов-экспертов показали: «86% состава экспертной группы подтвердили факт развала сельскохозяйственного производства, отметив, что его состояние ухудшилось и только 2% опрошенных выбрали вариант «улучшилось» <...> Повсеместно наблюдается рост безработицы как скрытой, так и явной. При этом безработица среди сельского населения приобретает более угрожающий характер, чем среди городского населения» [439, с. 103]. Большие проблемы наблюдались и в финансовой сфере. К примеру, Бурятия в 1994-1996 гг. имела статус региона, особо нуждающегося в поддержке. В 1995 г. республика получила из федерального бюджета в расчете на душу населения на четверть миллиона рублей больше, чем в него поступило с ее территории. При этом налоговый потенциал Бурятии был невысок, сбор налогов в расчете на одного человека вдвое ниже среднероссийского [405, с. 102]. Заметим, что и на данный момент финансовое состояние изучаемых республик неблагоприятно, оно во многом зависит от поступления субсидий из федерального центра.

В отличие от других регионов ситуация в Саха (Якутии) в эти годы существенно отличалась. Практически до к. 1990-х гг. центр предоставлял республике льготные условия, предполагающие, что 60% экономической отдачи от участия в вопросах по регулированию недропользованием уходило в республиканский бюджет [297, с. 215]. Якутия получила право самостоятельно продавать до 20% производимого золота и до 10% добываемых алмазов и при этом не платить налогов в федеральный бюджет [475]. Это позволило политической элите успешно развивать регион и поддерживать достойный уровень социального обеспечения населения. Как отмечал первый Президент РС(Я) М.Е. Николаев «Новое руководство Республики Саха (Якутия) с первых шагов делало все, чтобы ее население

без лишних трудностей преодолело сложное время переходного периода. <...> Благодаря принятым мерам по укреплению экономической самостоятельности республики в условиях обвального снижения производства и ухудшения экономических показателей в стране, мы сохранили в определенной мере стабильность в ведущих отраслях промышленности, сумели осуществить продвижение вперед в социальной сфере» [347, с. 4]. Действительно, в 1990-е гг. в Саха (Якутии) наблюдался сравнительно незначительный спад промышленного производства, в ряде улусов республики были созданы гранильные заводы по огранке алмазов и производству алмазных инструментов, открыты предприятия по обработке камнецветного сырья, изготовлению ювелирных изделий, производству мебели и др. В сельской местности началось строительство жилья, дорог, мини-заводов по переработке местного сырья, проводилась газификация населенных пунктов, оказывалась значительная финансовая помощь селу [497, с. 74]. Большое внимание уделялось развитию здравоохранения, образования, социальной сферы в целом. Например, отчисления на образование в 1990-е гг. составляли 1/3 всех расходов бюджета республики. Показательно, что за период с 1990 г. по 2002 г. число государственных вузов выросло с 2 до 15 [475]. Эти и другие меры, предпринятые руководством Саха (Якутии), были с воодушевлением приняты населением. Соответственно, 1990-е гг. прошли для Республики Саха (Якутия) сравнительно легче, чем для других регионов России.

Первое десятилетие 2000-х гг. было для республик совершенно другим. Бурятия, благодаря усилиям региональной политической элиты и первого Президента РБ Л.В. Потапова, смогла преодолеть тяжелейший период и перейти в режим экономического роста. По мнению первого руководителя республики, прошедшее время можно условно разделить на несколько этапов: «Первый – становление системы государственной власти в Бурятии, выработка подходов к управлению экономикой и социальной сферой, создание механизмов преодоления кризиса. Мы определились по большинству ключевых вопросов, связанных с разграничением функций

между различными ветвями и уровнями власти в республике. Была принята федеральная программа социально-экономического развития Бурятии, сформирован бюджет развития. На втором этапе удалось добиться экономической и социальной стабилизации: началось погашение долгов работникам бюджетной сферы, пенсионерам, увеличился объем государственных инвестиций в экономику республики, поступлений в бюджет, стали возрождаться прежние и открываться новые производства. В 1999 году наступил третий этап – Бурятия вошла в режим роста экономики. Рост уровня жизни в Бурятии, согласно данным статистики, начался с 2000 года» [98, с. 18]. Действительно, только в 1999-2000 гг. стал наблюдаться некоторый подъем в республиканской экономике, по итогам 2000 года она находилась в стадии выхода из затянувшегося экономического кризиса. Увеличился рост производства в основных отраслях промышленности. В 2003 г. Госкомстат Российской Федерации отнес республику к регионам, имеющим высокие темпы роста промышленного производства, в Бурятии он составил 112,1% [111, с. 8].

В течение последних лет в республике под руководством Главы Бурятии В.В. Наговицына разработана Стратегия социально-экономического развития до 2025 года. В 2011 г. приняты среднесрочная Программа социально-экономического развития на 2011-2015 гг. и аналогичная долгосрочная программа на период до 2020 года. Они определили следующие приоритетные направления развития экономики: добыча и переработка полезных ископаемых, создание агропромышленного комплекса, стимулирование туризма, лесопромышленный комплекс (в том числе заготовка и глубокая переработка древесины), малый бизнес, формирование транспортно-логистического комплекса [93]. Реализация указанных документов (из 135 индикаторов программы СЭР до 2020 г. сейчас уже выполнены 126 [50, с. 4]) вызвала позитивную динамику в экономике региона. Согласно официальным данным, социально-экономическое развитие республики характеризуется тенденцией роста по всем основным

макроэкономическим показателям. По итогам 2010 года Бурятия вышла на 1 место в СФО и на 5 место среди субъектов России по индексу промышленного производства [115]. Положительная динамика показателей экономического развития республики выявлена и в 2011 г.: объем ВРП составил 150,3 млрд. руб. (100,5% к установленному плану), индекс промышленного производства – 122,9% (при плане 104%), прирост объемов валовой продукции сельского хозяйства – 118,4% и пр. Бурятия заняла третье место по России в номинации «Минимальные экономические риски» по итогам рейтинга инвестиционной привлекательности, проведенного агентством «Эксперт» [50, с. 4; 166, с. 4; 344, с. 10]. Позитивные тенденции отмечаются и в функционировании других социальных сфер. Безусловно, данные факты говорят о начале бурного развития региона и открывают перед ним широкие перспективы. Например, уже к 2017 г. декларируется достижение бездотационности Бурятии. Успехи последних лет, видимо, и повлияли на то, что в 2009 г. наблюдается существенное снижение – на 13,6% по выбору респондентами варианта «экономика» в качестве наиболее проблемной сферы жизни. Безусловно, это внушает оптимизм, учитывая тот факт, что еще в 2004 г. на вопрос анкеты «Как Вы считаете, можно ли отнести Республику Бурятия к регионам с депрессивной экономикой?» положительный ответ дали 87,5% респондентов, тогда как отрицательный выбрали лишь 12,5%. Однако, несмотря на снижение процентного показателя, экономика, по мнению анкетированных, по-прежнему остается сферой, в функционировании которой имеются существенные проблемы, что вполне обоснованно. Республика все еще относится к регионам с низким уровнем развития: по ВРП на душу населения в 2009 г. она занимала 40-е место в России, по среднедушевым денежным доходам – 50-е место, по показателю занятости – 84-е место, по среднедушевым инвестициям – 79-е место [93]. Уровень финансовой зависимости Бурятии превышает 50% [506, с. 556]. Тем самым наметившийся подъем в развитии экономики региона на данный момент пока не дает основания говорить о достижении абсолютных успехов, но внушает определенный оптимизм в отношении перспектив

Бурятии. Последовательная реализация руководством региона основных направлений разработанной стратегии в экономической области, рост инвестиций, увеличение финансирования республики, на наш взгляд, непременно окажут свое положительное влияние.

В Саха (Якутии) произошли изменения иного рода. Резкая смена политики центра по отношению к регионам, наблюдавшаяся в н. 2000-х гг., привела к утрате особого статуса республики и существенно снизила ее экономическую самостоятельность. Теперь все платежи от использования недровых богатств Якутии напрямую поступают в федеральный бюджет. Данные нововведения, естественно, негативно отразились на развитии региона, вызвали среди якутян рост тревожных настроений по поводу будущего Саха (Якутии) [298, с. 75] и привели к ухудшению двусторонних взаимоотношений в н. 2000-х гг. Республика оказалась вынуждена изыскивать альтернативные способы покрытия своих расходов и подъема уровня жизни населения. В условиях северной специфики и сырьевой направленности экономики Якутии основные надежды связаны, как правило, с добычей природных ресурсов. Планы на 2010-2015 гг. включают реализацию трех проектов: освоение Чаяндинского газового месторождения, железорудных месторождений в Южной Якутии, создание Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса [552, с. 8-9]. По мнению В.А. Штырова, эти и другие меры позволят справиться с серьезными задачами: «увеличение валового регионального продукта в два раза, потом – в 2,4 раза и решение целого ряда проблем, которые сегодня сдерживают развитие республики» [552, с. 7]. Следует отметить, что руководство региона разработало подробную программу комплексного развития Саха (Якутии) до 2020 года [552, с. 48], благодаря которой намеченные планы постепенно воплощаются в жизнь. На данный момент республика занимает лидирующие позиции среди субъектов Дальневосточного федерального округа по объему отгруженных товаров собственного производства, инвестициям в основной капитал, обороту общественного питания, вторые позиции – по экспорту продукции, валовой продукции сельского хозяйства, вводу жилых домов, обороту

розничной торговли на душу населения, третье место – по объему валового регионального продукта на душу населения, внешнеторговому обороту и объему платных услуг. В 2011 г. в экономике Саха (Якутии) были достигнуты лучшие за последние 10 лет показатели: реальный рост ВРП превысил 6% к 2010 году (по России – рост на 4,2%), промышленного производства – на 10,5% (рост на 4,7%), инвестиций в основной капитал – на 12,2% (рост на 6%), реальных денежных доходов населения – на 1,5% (рост на 0,5%) [556]. Республика занимает 1 место в России и в мире по добыче алмазов, 5 место в России по добыче угля и по объему ВРП на душу населения, 6 место в России по инвестициям в основной капитал на душу населения. Представляется, что в случае реализации всех намеченных планов руководство Саха (Якутии) действительно решит поставленные перед собой задачи и сможет в дальнейшем преодолеть имеющиеся негативные моменты в области экономики. В первую очередь, это касается ее сырьевой направленности, необходимо постепенно развивать не только добывающие отрасли промышленности, но и многие другие. Заметим, что потенциал у республики солидный, поэтому подъем экономики возможен не только с помощью добычи природных ресурсов. Как верно отмечает Е.Г. Маклашова, «при продуманной управленческой политике и эффективном менеджменте республика, как и другие регионы, вполне могут рассчитывать на выход из экономической стагнации» [297, с. 218].

Тыве 2000-е гг. пока принесли незначительные изменения. К сожалению, экономика региона не может окончательно оправиться от испытаний 1990-х гг. и выйти в режим роста по основным макроэкономическим показателям. Бюджет республики остается дотационным, причем размер субсидий федерального центра постоянно увеличивается (уровень финансовой зависимости превышает 80% [506, с. 556]). Собственные доходы весьма скромные. Основными статьями, определяющими экономику Тывы, являются добыча золота и угля, производство и распределение газа, электроэнергии и воды. На данный момент, по рейтингу экономической устойчивости, регион относится к

группе стагнации. Индекс промышленного производства за 1 полугодие 2012 г. составил 86,6%, что ниже уровня аналогичного периода 2011 года почти на 11% (97,1%). В структуре ИПП ухудшилась позиция по добыче полезных ископаемых (угля, золота), за январь-июнь 2012 г. показатели производства снизились до 72,7% (против 97,8% в 2011 г.). [190]. Доля прибыльных предприятий на 1 марта 2011 г. составила лишь 68,1%. Повышается напряженность на рынке труда – в мае 2011 г. нагрузка официально зарегистрированного не занятого трудовой деятельностью населения на одну заявленную вакансию составила 7 человек, против 5 чел. в мае 2010 г. [478]. Вместе с тем, безусловно, имеются и позитивные моменты: устойчивы темпы роста оборота розничной торговли, платных услуг, ввода жилья; обеспечены сохранность и приумножение численности поголовья скота; достигнут рост производства отдельных пищевых продуктов (хлебобулочных изделий, овощных консерв и др.); в 2011 г. увеличена добыча асбеста – на 8,3%, нерудных строительных материалов – в 5,1 раза, соли – на 20% и др. [478]. Однако, несмотря на перечисленные факты, следует признать правоту участников нашего анкетного опроса, что экономика является наиболее проблемной сферой жизни в Тыве, ее состояние оставляет желать лучшего. Надеемся, что руководство республики сумеет найти пути выхода из сложившейся ситуации.

Таким образом, в постсоветский период республики Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва столкнулись с определенными трудностями в сфере экономики, которые в силу природно-климатических, географических, хозяйственных и иных особенностей каждого региона имеют свою специфику. Преодолеть их в разные периоды времени политические элиты пытались с переменным успехом. Пока, к сожалению, негативные тенденции сохраняются, но появляются и позитивные моменты. Развитие экономики, как известно, оказывает прямое влияние на состояние других областей региональной жизни, где наблюдаются не меньшие трудности, перечень которых характерен для всей России. Выяснив круг самых проблемных сфер и направлений, далее вполне логично узнать у респондентов наиболее

эффективные способы решения, стоящих перед регионами проблем. По итогам исследования 2004 г. они были ранжированы следующим образом: увеличивать доходную часть бюджета путем привлечения инвестиций (29,6%); разработать и обеспечить выполнение программы развития региона (20,5%); добиваться большей правовой самостоятельности региона (18,2%); оптимизировать использование бюджетных средств внутри региона (11,9%); «выбивать» из центра больше средств на решение проблем региона (11,9%); увеличивать доходную часть бюджета за счет роста налоговых поступлений (7,9%).

В 2009-2010 гг. большинство представителей политических элит Бурятии и Саха (Якутии) вновь выбрали вариант «увеличивать доходную часть бюджета путем привлечения инвестиций», соответственно 24,5% и 24,8% (см. таблицу № 65 в приложении I). Среди видов республиканских элит иного мнения были только законодательные / представительные: в Бурятии 23,3% отдали предпочтение способу «добиваться от центра увеличения финансовых средств на решение проблем региона», в Саха (Якутии) по 23,5% - «добиваться большей экономической самостоятельности региона» и «разработать и обеспечить выполнение программы развития региона». Политическая элита Тывы в большинстве своем (25,3%) склонилась к варианту «оптимизировать использование бюджетных средств внутри региона». Среди видов элит данной республики лишь исполнительная посчитала, что необходимо «добиваться большей экономической самостоятельности региона» либо «разработать и обеспечить выполнение программы развития региона» - по 22,4%. В целом практически все предложенные в анкете способы решения региональных проблем нашли поддержку у респондентов. Сомнение вызвали только варианты «добиваться большей правовой самостоятельности региона» и «увеличивать доходную часть бюджета за счет роста налоговых поступлений». Между тем современные реалии, характеризующиеся ежегодным увеличением налоговых ставок для физических и юридических лиц, доказывают, как нам представляется, что последний вариант рассматривается политическими

элитами в качестве оптимального средства решения имеющихся у регионов проблем. Среди других способов представители элиты Саха (Якутии) предложили «добиваться изменений в федеральном законодательстве», Тывы – «сократить в два раза аппарат правительства».

Свои взгляды на решение региональных проблем в процессе интервьюирования изложили и эксперты. Остановимся на некоторых наиболее интересных суждениях.

Республика Тыва: «Необходимо проводить мудрую политику в виде цепочки действий. Обязательно нужно реализовать следующие меры: 1) привлечение инвестиций – при этом потенциальные инвесторы должны быть заинтересованы не только в прибыли, но и в развитии региона; 2) подъем сельского хозяйства и промышленности – оказывать всестороннюю поддержку; 3) развитие туризма – есть отличная природа, но нет инфраструктуры, а значит, нужно привлекать инвестиции. Вот такой получается замкнутый круг»; «Крайне желательно привлекать инвестиции, особенно в добывающую отрасль, – нужна промышленная добыча угля. Обязательно необходим выход на транспортную систему России, в этом поможет строительство железной дороги. Проблему безработицы возможно решить традиционными способами, например, как на Кавказе, путем экспорта рабочей силы»; «Нужна серия законов для северных районов России, закрепляющая особое отношение к ним. Надо признать, что это особая экосистема, в которой проживают уникальные малочисленные народы, причем в жестких климатических условиях. Исходя из этого они должны быть дотационными регионами. Острейшую проблему безработицы вполне реально решить следующими способами: 1) создавать рабочие места по переработке сельскохозяйственной и иной продукции. Материал, сырье у нас имеются, нужны только благоприятные условия (например, федеральные программы); 2) привлекать людей на сезонную работу; 3) осуществлять переквалификацию кадров (15 лет готовили юристов и экономистов, а сейчас нужны рабочие, трактористы, колхозники и др.); 4) создавать крупные

предприятия, которым будут нужны соответствующие кадры. Все условия для реализации перечисленного у нас есть – нужно работать».

Республика Саха (Якутия): «Следует разработать новую экономическую политику, которая бы ориентировалась не на продажу сырья, а на его переработку – нужны нефтеперерабатывающие, газоперерабатывающие заводы. Важный принцип указанной политики – перерабатывающая промышленность должна пополнять бюджет, покрывать наши расходы. Для развития Южной Якутии нужен мегапроект – нефте- и газо-трубы. Необходимо внедрять новые инновационные технологии, привлекать инвестиции (например, в разработку месторождений меди, каменного угля), развивать инфраструктуру, строить железную дорогу (это приведет к завозу товаров, а значит, и к экономии денежных средств). Самое главное – нужно изменить психологию людей, тогда все трудности мы сможем преодолеть»; «Необходимо обеспечить четкое выполнение разработанной Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. Это позволит улучшить состояние экономики и социальной сферы региона, ликвидировать многие наболевшие вопросы. Крайне важно привлекать инвестиции, особенно в добывающую отрасль, строить инфраструктурные объекты и др.». Рассматривая способы решения проблем, следует отметить, что жители региона оптимальным вариантом стабилизации социально-экономического положения Саха (Якутии) считают сохранение за республикой хотя бы частичного контроля над эксплуатацией природных ресурсов. По их мнению, управление недропользованием и переработкой сырья должно производиться непосредственно в северных регионах, то есть при участии субъектов, на территории которых ведется добыча и обработка ископаемых [185, с. 206; 297, с. 219].

Республика Бурятия: «Известно, чтобы стать богатыми, нужно поднимать добывающую промышленность на основе соответствующих технологий – для нас это долгосрочная перспектива. Сейчас главное – развитие туризма на Байкале. Мы здесь значительно опоздали, могли начать

гораздо раньше. Необходимо реализовать приоритетные направления программы В.В. Наговицына: улучшать инфраструктуру, проводить грамотную информационную политику, «раскрутку» республики и пр. Вообще для любого региона нужна тяжелая ситуация, жесткие условия. Только тогда он начнет шевелиться, сам захочет и будет вынужден работать и развиваться. К сожалению, у россиян менталитет такой – везде должно помогать государство, отсюда много иждивенцев, которые не хотят работать (наши люди предпочитают жить на пособия)»; «Мы движемся в правильном направлении, наше будущее связано с экологическим туризмом. Поэтому нужно строить необходимые объекты, налаживать инфраструктуру, проводить грамотный PR, добиваться увеличения финансирования республики (пока от этого не уйти), привлекать инвестиции, приводить в порядок города и районы Бурятии, прокладывать туристические маршруты, заботиться о чистоте Байкала и пр. Это позволит увеличить туристический поток, добиться экономической независимости, уменьшить уровень безработицы, повысить благосостояние населения. Что касается улучшения состояния сельского хозяйства, социального обеспечения, образования и других важных направлений, то это возможно только при соответствующей помощи федерального центра».

Исходя из полученных данных важнейшей задачей республиканских органов власти является привлечение финансовых средств, что позволит увеличить доходную часть бюджетов и в целом благоприятно отразится на развитии регионов. Наиболее эффективным способом решения этой задачи, по мнению респондентов, является привлечение инвестиций. Поэтому взгляды элиты на возможные методы активизации внимания отечественных и зарубежных инвесторов к регионам представляют большой интерес. Рассмотрим их на примере Бурятии. В 2004 г. респондентам было предложено выбрать лучшие, с их точки зрения, способы привлечения инвесторов в регион. Ответы были ранжированы следующим образом:

- определить на региональном уровне приоритетные сферы для инвестиций и предоставить льготы возможным инвесторам (40,4%);

- упростить процедуры решения вопросов в органах местного управления (22,1%);
- на федеральном уровне определить приоритетные сферы для инвестиций и предоставить льготы возможным инвесторам (14,8%);
- увеличить бюджетные ассигнования на развитие инфраструктуры (8,5%);
- обеспечить безопасность бизнеса и предпринимателей (8,5%);
- бороться с коррупцией и взяточничеством (3,4%);
- делать ничего не надо, так как рынок сам все отрегулирует (1,7%);
- делать что-либо бесполезно (0,6%).

Как видим, в указанных универсальных способах привлечения инвесторов, которые приемлемы для реализации в любом субъекте России, явно лидировали те, которые в большей или меньшей мере зависят от местных органов власти, то есть значительная часть республиканской политической элиты осознает, что многое определяется именно ее усилиями.

Обратим внимание, что и среди способов решения региональных проблем, по данным анкетирования 2004 г., в тройке лидеров фигурировали те, для которых характерна определенная самостоятельность: «увеличивать доходную часть бюджета путем привлечения инвестиций», «разработать и обеспечить выполнение программы развития региона», «добиваться большей правовой самостоятельности региона». Впрочем, уже в 2009-2010 гг., наряду с прежними вариантами, стали популярны и такие: «добиваться от Центра увеличения финансовых средств на решение проблем региона», «оптимизировать использование бюджетных средств внутри региона» (см. таблицу № 65 в приложении I). Причина изменения ориентаций, на наш взгляд, заключается в том, что в н. 2000-х гг. позиции региональных политических элит были достаточно сильны, имеющиеся у них ресурсы позволяли решать многие местные вопросы самостоятельно. В к. 2000-х гг. в связи с усилившейся централизацией власти полномочия региональных элит существенно сократились, что оказало влияние и на выбор способов решения своих проблем. Данную тенденцию можно проследить и по ответам на следующий вопрос анкеты, в котором мы попросили респондентов

определить, можно ли решить трудности их регионов, не выходя на общероссийский уровень. В 2004 г. положительно с большей или меньшей уверенностью ответили 54,5% опрошенных, отрицательно - 45,5%. Тем самым политическая элита данного периода была настроена достаточно оптимистично. В 2009-2010 гг. указанное процентное соотношение составило: в Бурятии - 38,2% и 57,9%; в Саха (Якутии) – 34% и 59,8%; в Тыве – 41,6% и 58,4% (см. таблицу № 66 в приложении I). Представители фактически всех видов элит были единодушны во мнении, что решить местные проблемы самостоятельно невозможно (только исполнительная элита Тывы в равной мере поделилась между самым выбираемым вариантом «нет, нельзя» и «да, конечно» - по 36,2%). Часть тувинских экспертов, заметим, также была уверена, что их регион может сам справиться с имеющимися у него затруднениями. Эксперты других республик рассуждали примерно в следующем русле: «Помочь нам может только федеральный центр, сама республика не в состоянии решить свои проблемы, так как финансов для развития нет. Однако центр не заинтересован в оказании постоянной помощи». Тем самым многие актуальные республиканские вопросы (инфраструктура, социальное обеспечение и пр.) сейчас могут разрешиться только на общероссийском уровне. Потому что наиболее важные для регионов решения принимаются «преимущественно в федеральном центре». Именно так считает подавляющая часть республиканских политических элит: в Бурятии - 42,7% (в 2004 г. таких было 74,5%, 21,6% выбрали вариант «преимущественно в регионе», 3,9% затруднились ответить), в Саха (Якутии) - 73,7%, в Тыве - 69,1% (см. таблицу № 67 в приложении I). Среди видов элит только исполнительная подгруппа Бурятии (60%) полагает, что такие решения принимаются все же «преимущественно в регионе». На важности регионов в данном процессе настаивала и политическая элита Республики Саха (Якутия), многие представители которой одновременно выбирали оба указанных варианта.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что федеральный центр сегодня обладает значительными властными полномочиями, в основном

именно он формулирует общую стратегию развития регионов и принимает важнейшие для них решения. Степень зависимости республик от федерального центра, по единодушной оценке экспертов, очень высока: «самостоятельности у субъектов сегодня нет, она осталась фактически только в сфере культуры», «полная зависимость, хотя частичная самостоятельность все же сохраняется», «самостоятельности у республики практически нет, разве что при решении местных проблем», «зависимость республики примерно на 95%, но внутренние вопросы решаем самостоятельно – все по Конституции РФ» и т.п. Однако насколько успешны действия российского руководства в полиэтнических регионах? Судить об этом мы можем из ответов респондентов на следующий вопрос анкеты: «Как Вы относитесь к современной политике федерального центра по отношению к национальным субъектам?». Определить свою позицию представителям республиканских политических элит оказалось нелегко: в Бурятии безусловно или скорее положительно к ней относятся 48,5% опрошенных, безусловно или скорее отрицательно – 40,7%; в Саха (Якутии), соответственно, 52,6% и 34,5%; в Тыве – 51,7% и 42,1% (см. таблицу № 68 в приложении I). Как видим, с небольшим преимуществом лидировала положительная оценка. Она же была присуща многим видам элит, кроме законодательных / представительных и муниципальных элит Бурятии и Тывы, склонившихся к отрицательному «полюсу». Отдельные респонденты, видимо, стремясь уйти от однозначного ответа на поставленный вопрос, дописывали, что относятся к политике федерального центра нейтрально. Республиканские эксперты также дали в основном положительную оценку. Наиболее характерные высказывания: «Положительно, обязательства выполняются», «Отношение положительное. Что касается именно национальных субъектов, то, по моему мнению, все регионы России должны быть одинаковыми, делать акцент на каком-либо из них не нужно. Это только приводит к росту самосознания, искусственному разделению народов», «В целом положительно. Федеральный центр многое делает для региона во всех областях жизни. Республика не может сама поднять,

например, социальную сферу». В отношении Тывы прозвучало и такое пожелание: «Центр должен продумывать политику, потому что ситуация в республике взрывоопасная. Главная цель – в регионе должна быть консолидация». Видимо, это связано с указанным ранее в ходе интервьюирования противостоянием законодательной и исполнительной власти, имеющим место в Тыве. Безусловно, проблема требует внимания Центра, который может способствовать ее деликатному решению.

Итак, современные республиканские политические элиты преимущественно положительно оценивают политику федерального центра по отношению к национальным субъектам. Однако значительная часть элиты все же склонна рассматривать ее не столь позитивно. Причины для этого, безусловно, имеются. Одна из них была выявлена в ходе анализа материалов нашего исследования. В анкете мы спросили у респондентов «Как Вы относитесь к процессу укрупнения регионов путем объединения нескольких субъектов в составе России?». Практика показывает, что в данный процесс активно вовлекаются именно национальные образования, которые, входя в состав более крупного и, как правило, экономически развитого соседнего региона, теряют свой политический вес, финансовую независимость и попросту исчезают как субъекты федерации с карты России. По итогам опроса 2004 г., идею объединения поддерживали 27,9% представителей политической элиты Республики Бурятия, 58,5% выразили свое категорическое несогласие, затруднились ответить 13,6%. Такие же результаты были получены и в 2009-2010 гг. Большинство респондентов всех республик с различной степенью уверенности отрицательно отнеслись к процессу укрупнения регионов России: в Бурятии – 44,6%, в Саха (Якутии) – 57,2%, в Тыве – 64,1% (см. таблицу № 69 в приложении I). Данное мнение было характерно для всех видов элит. Доминировало оно и среди республиканских экспертов. Например, представитель Тывы утверждал: «Нельзя спешить с укрупнением регионов. Нужны ли мы Красноярску? Тувинцы крайне негативно относятся к этой идее. Но с точки зрения государства необходимость есть. Следует заметить, что в этом процессе

огромная роль принадлежит политической элите, а она в регионе раздроблена». В том же русле рассуждали и интервьюируемые специалисты из Бурятии и Якутии. Приведем характерное высказывание якутского эксперта: «В укрупнении регионов необходимости особой нет, оно принесет больше минусов, чем плюсов. Появится угроза социально-экономической стабильности региона, его территориальной целостности. Данную идею вряд ли кто поддерживает в республике». Эксперт был абсолютно прав. В.Б. Игнатьева отмечает, что в общественном мнении Саха (Якутии) «совсем непросто и неоднозначно воспринимается процесс «укрупнения» регионов и присоединения одних субъектов федерации к другим, когда, как правило, «поглощаются» национально-территориальные образования» [185, с. 204]. Тем самым указанная инициатива федерального центра вызывает в республиках преимущественно отрицательное отношение.

Распределение аргументов «за» и «против» укрупнения регионов России, которое мы предложили сделать в анкете, позволило расширить позицию республиканских политических элит (см. таблицы № 70-72 в приложении I). Фактически все сформулированные нами аргументы «против» данной инициативы руководства страны нашли поддержку у респондентов: «будут ущемляться интересы малых регионов, в том числе национальных субъектов», «перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из бывших субъектов», «управление регионами приобретет «поверхностный» характер, проблемы на местах будут скрыты от центра», «в укрупнении регионов нет необходимости». В графе «другое» дополнительно приводились и такие доводы: Бурятия – будут плохо развиваться обычаи, языки, культура национальных меньшинств; в стране сформируются огромные малоуправляемые и слабо населенные территории; Якутия – национальные субъекты нужно не «растворять» во вновь образованном регионе, а отдавать им приоритет в развитии; Тыва – необходимо осознавать, что Россия сильна наличием многонационального народа, самобытных культур, традиций и поддерживать это преимущество, а экономические и прочие вопросы,

выступающие причинами объединительного процесса, со временем разрешатся. Аргументы «за» укрупнение регионов были малоубедительны для анкетированных. Наиболее часто выбирался лишь один из них – «уменьшатся расходы на содержание государственного аппарата». Впрочем, следует отметить, что респонденты всех трех республик зачастую одновременно отмечали в анкетах аргументы «за» и «против», видимо, признавая, что в инициативе центральной власти все-таки есть как положительные, так и отрицательные моменты. Некоторые из них поясняли, что многое зависит от конкретной ситуации. Необходимо проводить различие между регионами, если, например, это касается национальных республик в составе России, то объединение, по их мнению, недопустимо. В 2004 г. политическая элита на примере Бурятии показала, что аргументов против этого достаточно: «перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из субъектов»; «перестройка администрации может негативно сказаться на управлении хозяйством региона»; «инвестиции сосредоточатся в одном из бывших субъектов» и др. (см. таблицу № 73 в приложении I). Элита Тывы в 2009 г. дополнительно указала и на специфическое географическое расположение своего региона. Общее мнение выразил эксперт из Якутии: «В Конституции РФ записано, что республики имеют свой статус, так и должно оставаться далее».

Как следует из приведенных данных, в происходящем процессе укрупнения регионов России, представителей элиты справедливо беспокоят, в первую очередь, возможные неблагоприятные последствия в виде несправедливого перераспределения бюджетных средств, ущемления интересов малых (как правило, национальных) субъектов, неэффективного управления территориями. Мы склонны согласиться с республиканскими политическими элитами, что в укрупнении регионов нет никакой необходимости, а вот последствия его могут быть самыми плохими. Об этом говорят и результаты последних исследований. Так, по данным, полученным в 2010 г. З.А. Даниловой, основная часть населения Усть-Ордынского Бурятского округа не видит позитивных изменений после объединения с

Иркутской областью: финансирование многих объектов «заморожено»; социальные задачи, назревшие в округе, не выполняются (в том числе и по причинам отсутствия бюджетной самостоятельности округа, финансирования его программ по остаточному принципу). Автор отмечает, что «на изучаемой территории увеличилось число безработных, усилились миграционные процессы, особенно среди специалистов. Нереализованными остаются многие идеи о создании условий для самозанятости населения, ряд социальных программ и др.» [134, с. 48]. Тем самым улучшения управляемости регионом, как ожидалось, не произошло. По нашему мнению, укрупнение субъектов и отказ от национально-территориального деления страны в пользу административно-территориального принципа построения государства являются ошибочными. Вместо оптимизации управления и единства России центральная власть получит обратный эффект: большие слабо контролируемые регионы, социально-экономический спад, бесправие национальных образований, рост недовольства населения, усиление межнационального напряжения, подъем самосознания народов, конфликтные ситуации и пр. Вновь образованные территории к тому же окажутся полностью ресурсобеспеченными, а, значит, у них будет больше возможностей сопротивляться центру. Со временем это действительно может привести к расколу и фрагментации России. Как отмечает Л.М. Капустина, возникнет вероятность распада страны по границам более крупных субъектов федерации, экономически самостоятельных единиц [198]. Кроме того, хотелось бы заметить, что игнорирование и ущемление прав национальных регионов не лучшее средство в деле сохранения единства государства. Руководство страны должно понимать, что многонациональность России является не недостатком, который нужно нивелировать, а при верном политическом курсе – ее достоинством. Необходимо не настраивать против себя население полиэтнических регионов, а повышать их доверие. Абсолютно верно в этом отношении пишет Е.Н. Трофимов: «вместо напористых мер по объединению регионов, может быть, лучше предложить национальные проекты по подъему экономики региона, учитывающие

специфику данного региона, профессиональную подготовку его населения, традиционные формы трудовой деятельности» [502, с. 12]. Только при внимательном отношении к каждому народу и субъекту можно не беспокоиться о территориальной целостности страны. Подчеркнем, что стратегия развития регионов, особенно национальных, требует продуманности управленческих решений, осторожности в выборе методов воздействия, тщательности прогнозирования возможного хода событий.

Объединение республик с другими субъектами России перспектива, к счастью, пока туманная и отдаленная. Гораздо интереснее заглянуть на несколько лет вперед, что мы и предложили сделать экспертам в виде прогноза развития республик на ближайшие 10-15 лет. Приведем некоторые мнения интервьюируемых. Республика Тыва: «Хоть мы и приграничный регион, влияние федерального центра здесь сохранится, он окажет свое воздействие, но какое – это вопрос. Если в республике все останется так же, как сейчас, то будет прямое вмешательство центра и смена руководства. Элита должна договориться и объединиться. И еще один важный момент – при решении внутренних вопросов нужно избегать национального подхода»; «Все надежды связаны со строительством железной дороги, которая вскоре здесь появится. В экономике – выйдем на уровень нулевой рентабельности, то есть свои расходы будем покрывать собственными доходами. Возможно, улучшится состояние добывающих предприятий. В политике – борьба между группировками прекратится. Оюновская группа долго не продержится, у нее нет будущего. Вообще в республике все, в том числе и судьба первых лиц, зависит от С.К. Шойгу. Демография – рождаемость сохранится на том же уровне, причем 60% населения будет жить в городе. Национальная сфера – язык потеряем, вернемся на советский уровень, когда 50% городских тувинских детей не знали свой родной язык»; «Новых предприятий будет мало, разве что по переработке, строительству, деревообработке. Возможно, заработает угольный комбинат. В сельском хозяйстве нужно добиваться рентабельности (40%). Если объединить федеральную помощь и свои силы, то улучшения обязательно будут: можно снизить уровень безработицы до 12-

15%, повысить себестоимость сельского хозяйства (довести ее до показателя 1991 г.), поднять ВВП и др. В целом есть надежды на бурное экономическое развитие». Республика Саха (Якутия): «Ожидаем выход в АТР, реализацию мегапроектов, которые позволят нашему региону получать денежные средства («нефтедоллары»). Сейчас Якутия от добычи природных ресурсов ничего не имеет, все уходит в центр. В политике больших изменений не будет, также стабильный регион. Во главе республики, видимо, окажется назначенец или «серая» фигура. Межнациональных проблем также не ожидается, сохранится спокойная обстановка. Дело в том, что менталитет у саха интернациональный, даже религии своей нет (существует православие, язычество). Вообще перспективы Якутии полностью зависят от политики России»; «При сохранении существующей позиции федерального центра (а именно так, скорее всего, и будет) в Саха (Якутии) фактически ничего не изменится: в политической сфере также будет доминировать партия «Единая Россия», останутся большие проблемы в социальной области, экономика не выйдет из депрессивного состояния. Хотя ситуация, возможно, и выправится в случае увеличения темпов работы добывающих предприятий». Республика Бурятия: «У региона хорошие перспективы развития, обусловленные приграничным расположением и наличием озера Байкал»; «Достижения последних лет и составленные местным руководством планы, которые постепенно реализуются, позволяют надеяться на хорошее будущее Бурятии. Представляется, что в ближайшее десятилетие будут построены основные туристические объекты, увеличится поток приезжающих лиц, пополнится республиканский бюджет. В то же время ухудшится состояние экологии и озера Байкал. В политике ничего не изменится, хотя, возможно, усилятся позиции коммунистов. Провалы в социальной сфере неизбежно приведут к популярности идей КПРФ и неприятию взглядов «единороссов». Оппозиционное движение будет только нарастать, что заставит центральную власть скорректировать свою политику. В республике появится много партий и движений, но их роль в обществе будет незначительна. В целом будущее Бурятии представляется довольно неплохим».

Как видим, прогнозы экспертов различны по своему содержанию, мнения интервьюируемых часто противоречат друг другу. В данной связи обратимся к материалам анкетных опросов. Именно политические элиты, определяя вектор движения своих республик, фактически формируют их будущий образ. Каким он представляется лицам, обладающим властными полномочиями в регионах, мы решили выяснить в заключение рассматриваемого блока вопросов (см. таблицу 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «Каким бы Вы хотели видеть Ваш регион?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
крупным промышленным центром	14,3	12,5	10,8	22,2	20,6	37	-	4,7	3,6	11	25,7	2,8
центром военно-промышленного комплекса	2,9	-	-	-	-	-	-	-	-	0,5	-	-
свободной экономической зоной	11,4	16,1	19,2	16,7	13,2	22,2	17,3	20,3	25	16,1	17	20,8
торговым центром	5,7	-	-	6,9	2,9	-	-	3,1	-	1	3,6	1,1
центром науки и передовых технологий	12,8	21,4	15,4	16,7	10,3	5,6	-	3,1	-	19,2	11,4	1,1
экологическим центром	14,3	10,7	14,7	13,9	22,1	27,8	24,1	25	25	12	20,6	24,7
центром международного и внутреннего туризма	28,6	26,8	25,2	12,5	14,7	5,6	34,5	26,6	25	30,5	11,4	28,7
культурным центром	7,1	10,7	14,7	11,1	5,9	1,8	24,1	10,9	21,4	9	6,7	18,5
другое	-	-	-	-	10,3	-	-	6,3	-	-	3,6	2,3
затрудняюсь ответить	2,9	1,8	-	-	-	-	-	-	-	0,7	-	-

В графе «другое» были указаны следующие варианты: Якутия – самодостаточной территорией с диверсифицированной экономикой, хорошей инфраструктурой и пр.; Тыва – высокоразвитым сельскохозяйственным регионом, центром животноводства, осуществляющим воспроизводство яков, лошадей, оленей, верблюдов и пр.

Рассмотрим тройку лидирующих в процентном соотношении вариантов ответа. Как показывают данные анкетного опроса, большинство представителей политических элит республик Бурятия (30,5%) и Тыва (28,7%) желают видеть свои регионы в качестве центров международного и внутреннего туризма. С этим мнением солидарны все виды элит. Отметим, что для элиты Бурятии характерна стабильность высказываемой позиции. В 2004 году, среди ответов на вопрос «Каким бы Вы хотели видеть будущее Республики Бурятия?» лидировал этот же вариант (см. таблицу 16).

Таблица 16

Перспективы Республики Бурятия (2004 г., в %)

«ворота» в Азиатско-Тихоокеанский регион	11,9
крупнейший промышленный центр	5,7
экологический центр	25
центр международного и внутреннего туризма	28,4
свободная экономическая зона	6,8
культурный центр	5,7
центр науки и передовых технологий	11,9
центр военно-промышленного комплекса	-
район, удобный для проживания	4,6

Будущий образ республики, по мнению опрошенных в 2004 г., должен включать четыре главных элемента: Бурятия – это центр международного и внутреннего туризма, центр науки и передовых технологий, экологический центр, а также «ворота» в Азиатско-Тихоокеанский регион. Небольшая часть политической элиты рассматривала субъект в качестве свободной экономической зоны, крупнейшего промышленного центра и культурного центра. Вариант «центр военно-промышленного комплекса» абсолютно не нашел поддержки у респондентов. Определившись с приоритетным направлением, 19,9% представителей политической элиты Бурятии именно в туризм (международный и внутренний) предлагали тогда направить

основной инвестиционный поток. Другими перспективными сферами в плане возможного инвестирования в республике, по их мнению, являлись: пищевая промышленность (19,4%); машиностроение (14,8%); наука, передовые технологии (10,8%); финансы (10,2%); сельское хозяйство (6,3%); легкая промышленность (6,3%); химическая промышленность (3,9%); образование (3,4%); здравоохранение (2,8%); культура и искусство (1,1%); тяжелая промышленность (1,1%). Тем самым региональные стратегии для Республики Бурятия в 2004 г. формировались, в первую очередь, вокруг развития туризма, причем, как оказалось в дальнейшем, не без основания.

Создание в Бурятии и Тыве центров международного и внутреннего туризма для последнего региона пока является перспективой, несмотря на наличие всех предпосылок для этого: первозданная природа, многообразие флоры и фауны, сохранившаяся национальная культура. Тыва богата природными лечебными водами – солеными и грязевыми озерами. На ее территории более 100 разнообразных целебных источников – аржаанов. Имеются уникальные памятники истории: городища, каменные изваяния, наскальные рисунки и др. В Тыве обнаружены древнейшие захоронения скифского времени – курганные комплексы Аржаан-1 и Аржаан-2, которые дали богатый материал для научных исследований. В республике, кроме того, расположен и географический центр Азии. Эти и другие факторы стимулируют развитие туристической отрасли. Количество людей, которые стремятся познакомиться с местными достопримечательностями, постоянно растет [361]. Тем самым Республика Тыва имеет значительный туристско-рекреационный потенциал, который, судя по ответам респондентов, будет реализован. В Бурятии же туризм постепенно набирает обороты. С 1999 г. наблюдается увеличение числа посещений республики туристами [356, с. 55]. Сейчас отрасль демонстрирует рекордные темпы роста. В 2011 г. число прибытий туристов в Бурятию составило 550 тыс. (из них 25,3 тыс. иностранцев), объем платных услуг – 1,487 млрд. руб. [418]. Данный факт является результатом воплощения в жизнь перспективного и вместе с тем достаточно амбициозного проекта по созданию на территории республики

особой туристической зоны, который предполагает строительство в Бурятии курортов мирового класса, центров горнолыжного и водного туризма, медицинских учреждений и других объектов. Следует отметить, что республика как нельзя лучше подходит для создания подобного туристско-рекреационного комплекса: на ее территории находится около 60% береговой линии уникального озера Байкал, здесь выявлено 266 памятников природы (ландшафтных, геологических, водных, ботанических, зоологических и природно-исторических), более 300 месторождений минеральных источников и лечебных грязей, имеются живописные горные системы, удобные для занятий горным туризмом, альпинизмом и горнолыжным спортом, сохранилась самобытная культура и др. Реализация проекта будет иметь ряд положительных последствий: подъем строительства, решение вопросов инфраструктуры, создание новых рабочих мест, активизация малого бизнеса и существенное пополнение бюджета. Именно эти преимущества развития международного и внутреннего туризма, видимо, и привлекают политическую элиту Бурятии, которая связывает с ним перспективы своей республики. Вместе с тем, на наш взгляд, не стоит забывать о сопутствующих всем курортным местам проблемах. Одна из них заключается в том, что увеличение туристических объектов и притока отдыхающих неизбежно вызовет резкое ухудшение экологической обстановки. Безусловно, этого можно избежать, если обеспечить высокий уровень инфраструктуры на берегу Байкала, применять инновационные технологии, позволяющие содержать территорию в первозданной чистоте. Однако представляется, что подобные тезисы компаний, осуществляющих строительство своих объектов в особой туристической зоне, останутся лишь на бумаге. Печальный опыт освоения прибрежной части озера подтверждает наше предположение. Уже сегодня, когда рекреационных объектов на Байкале построено сравнительно мало и поток туристов невелик, повсеместно наблюдается загрязнение берега. Остается только предполагать как изменится ситуация в случае создания здесь курортов мирового класса. Заметим, что четкой экологической программы, предусматривающей

конкретные, реально действующие меры по охране единственного в своем роде озера, нет. Вместе с тем необходимо думать не только о сиюминутных возможностях пополнения бюджета и решении проблем местной инфраструктуры, но и о сохранении экологического равновесия. Поэтому нужно разработать комплексную программу, обязательно включающую меры по защите Байкала и окружающей среды, внедрению новейших технологий, экологическому воспитанию и т.п. Кроме того, необходимо значительно ужесточить наказания за правонарушения в сфере экологии.

Респонденты Саха (Якутии) поставили вариант «центром международного и внутреннего туризма» лишь на четвертое по процентному соотношению место (11,4%). Однако, республика обладает не меньшим туристско-рекреационным потенциалом: живописные пейзажи, редкие природные явления, самобытная культура. Здесь находятся: уникальный памятник «Ленские столбы»; полюс холода Северного полушария; стоянка древнейшего палеолита «Диринг-Юрях», возраст которой 2,5-1,8 млн. лет и др. Туристические маршруты включают круизы по р. Лене, охотничье-рыболовные туры, посещение особо охраняемых территорий (Усть-Ленского заповедника, национальных парков) и др. В регионе успешно реализуется проект «Туристско-рекреационная зона «По земле Олонхо». Постепенно строится необходимая инфраструктура: гостиницы, дороги, туристические комплексы. Якутия является постоянной участницей международных туристических выставок, ярмарок [421, с. 16]. Респонденты данной республики, на наш взгляд, напрасно недооценивают свои туристические возможности. В отличие от Бурятии и Тывы, большинство представителей политической элиты Саха (Якутии) – 25,7%, хотели бы видеть свой регион крупным промышленным центром. Среди видов элит не согласна с этим только законодательная / представительная. Желание большинства респондентов вполне объяснимо, так как основу экономики республики составляет промышленность, развитие которой связано прежде всего с освоением природных ресурсов. Территория Якутии богата полезными ископаемыми, здесь выявлено свыше 1500 месторождений наиболее ценных

видов минерального сырья. В Западной Якутии добывают алмазы, в Восточной и Южной Якутии – золото, в других районах – железную руду, олово, сурьму, ртуть, вольфрам, уголь, полиметаллы и др. Недра республики содержат практически всю таблицу Менделеева. Учитывая данный факт, Саха (Якутия) действительно может стать крупнейшим в России промышленным центром, если уже не является таковым. Отметим, что среди анкетированных Бурятии и Тывы «крупным промышленным центром» свои республики хотели бы видеть соответственно 11% и 2,8%. Данный вариант в этих регионах находится на пятых по процентному соотношению местах.

На втором месте по процентному соотношению в пирамиде предпочтений политических элит Саха (Якутии) и Тывы стоит вариант «экологическим центром» (соответственно – 20,6% и 24,7%). Позиция респондентов вполне объяснима. Якутия обладает уникальными природно-климатическими особенностями. Большую ее часть занимают горные хребты, плоскогорья и нагорья. На севере расположены Яно-Индибирская и Колымская низменности. Республика входит в таежно-тундровую зоогеографическую зону с очень богатой фауной, здесь обитают редкие животные и птицы, в том числе занесенные в Международную Красную книгу. Имеются резервации, созданные в целях сохранения нетронутых уголков природы. И в перспективе их может быть больше, если политическая элита республики действительно решит создать здесь экологический центр. Только осуществить это, как нам представляется, будет очень затруднительно, учитывая ресурсные богатства региона, от добычи которых центральная власть вряд ли захочет отказаться. И все же заботиться о природе при этом вполне реально, нужно только желание. Создание экологического центра в Республике Тыва, ввиду ее природно-климатических особенностей, более чем целесообразно. Около 80% территории занимают горные системы, оставшаяся часть – межгорные котловины. В республике более 6700 больших и малых озер, множество целебных источников. Географическое положение Тывы предопределило богатство ее флоры и фауны. Здесь расположены 16 заказников, 14

памятников природы, 2 заповедника. Тем самым Саха (Якутия) и Тыва, несомненно, могут стать регионами, в развитии которых важной доминантой будет экология. Видеть Бурятию «экологическим центром» почему-то хотят лишь 12% представителей республиканской элиты (четвертое место), что абсолютно не обоснованно. Уникальное сочетание разнообразнейших ландшафтов, от горно-тундровых до степей, в совокупности с крупнейшим в мире и древнейшим пресноводным водоемом – озером Байкал определяет особое значение и ценность региона. Флора и фауна Бурятии отличаются богатством и разнообразием. На территории республики расположены: 3 государственных природных заповедника, 2 национальных парка, 20 заказников федерального и регионального значения и др. Данные факторы, безусловно, необходимо учитывать при определении стратегии развития Бурятии. На наш взгляд, республика может и должна стать экологическим центром, данное направление является одним из самых перспективных в регионе.

Второе место по процентному соотношению в предпочтениях элиты Бурятии занял вариант «центром науки и передовых технологий» (19,2%), который, заметим, ранее (в 2004 г.) располагался на третьем месте. Элита Саха (Якутии) и Тывы поставила его на четвертое и седьмое места, соответственно 11,4% и 1,1%. Несмотря на значительный разброс мнений, нам представляется, что все регионы могут претендовать на указанный статус. Республики обладают большим научным потенциалом: имеют разветвленную сеть учебных заведений, которые ежегодно выпускают высокопрофессиональных специалистов по различным отраслям знания; успешно функционируют научно-исследовательские институты и организации, объединяющие в своих стенах ведущих ученых; сложился ряд научных школ; накоплен огромный научно-практический задел и др. Данные факторы, безусловно, могут рассматриваться в качестве предпосылок создания в регионах крупных научных центров. Разделяя точку зрения политической элиты Бурятии, мы бы очень хотели, чтобы республика стала общероссийским центром науки и передовых технологий.

Третье место по процентному соотношению во всех регионах занял вариант «свободной экономической зоной»: в Бурятии его выбрали 16,1% респондентов, в Саха (Якутии) - 17%, в Тыве - 20,8%. Заметим, что среди политической элиты Бурятии процент лиц, рассматривающих республику в данном качестве, по сравнению с 2004 г. значительно увеличился (см. таблицу 16). Дело в том, что подобная зона здесь уже образована Постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2007 г. № 68 «О создании на территории муниципального образования «Прибайкальский район» Республики Бурятия особой экономической зоны туристско-рекреационного типа». На данный момент сданы объекты первой очереди ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань» (включает в себя 5 участков: «Пески», «Турка», «Горячинск», «Бухта Безымянная», «Гора Бычья»), привлечены значительные инвестиции. Позже, в результате конкурсного отбора Постановлением Правительства Республики Бурятия от 27 мая 2010 г. № 213 «О создании зон экономического развития туристско-рекреационного типа в Республике Бурятия» на территории муниципальных образований «Северобайкальский район», «Заиграевский район», «Тункинский район», «Город Улан-Удэ» и «Город Северобайкальск» были созданы зоны экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа [177]. Похожие планы по созданию в своем регионе свободных экономических зон, особой экономической зоны туристско-рекреационного типа имеются у руководства Республики Тыва. В целом выявленная в ходе анкетирования позиция политических элит вполне понятна. Экономические зоны во всем мире рассматриваются как основа социально-экономического развития, как активное средство государственной политики, способное реабилитировать депрессивную территорию и дать дополнительный импульс региональным точкам роста [285, с. 116]. Тем самым, обладание данным статусом для республик весьма желательно, так как это может вызвать их стремительный экономический рост.

Сравнительно незначительное количество респондентов Бурятии и Саха (Якутии) хотели бы видеть свои республики в качестве культурных центров,

соответственно 9% и 6,7%. Значительно больше данных лиц было в Тыве – 18,5%. Учитывая культурный потенциал регионов, в них, на наш взгляд, вполне возможно создать культурные центры, в которых бы сохранялись и транслировались традиции, обычаи, ценности проживающих здесь народов, проводились важнейшие мероприятия общероссийского значения. Незначительные показатели были зафиксированы и по варианту «торговым центром»: в Саха (Якутии) – 3,6%, в Тыве – 1,1%, в Бурятии – 1%, что весьма странно, учитывая удачное географическое положение республик. Якутия находится в северо-восточной части Азиатского материка. На западе граничит с Красноярским краем, на юго-западе – с Иркутской областью, на юге – с Амурской областью и Забайкальским краем, на юго-востоке – с Хабаровским краем, на востоке – с Магаданской областью и Чукотским автономным округом, на севере ее естественные рубежи образуют моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. Северный морской путь позволяет вдвое сократить дорогу из Европы в Азию, циркумполярные авиалинии сокращают путь из Америки в Азию [297, с. 219]. Эти и другие факторы позволили Республике Саха (Якутия) еще в 1990-е гг. установить устойчивые торгово-экономические, научные и культурные отношения со многими странами Азии, Европы, Америки, Африки. В 2011 г. внешнеэкономическую деятельность осуществляли 122 предприятия с 42 странами. Внешнеторговый оборот республики составил около 4,4 млрд. долларов США, что на 33% больше, чем в 2010 году [310]. Тем самым государств – торговых партнеров Якутии довольно много. Как отметил один из наших экспертов, для развития республики определяющим фактором является близость к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Определенный потенциал в области торговли имеется у Республики Тыва. Расположена она в центральной части Азиатского материка: на западе граничит с Республикой Алтай, на северо-западе и севере – с Красноярским краем и Республикой Хакасия, на северо-востоке – с Иркутской областью и Республикой Бурятия, на юге и востоке – с Монголией. В Тыве берет начало одна из крупнейших рек России – Енисей. Основными видами транспорта пока являются

автомобильный (здесь проходит автомагистраль М54 «Енисей») и авиационный. В скором времени появится и железная дорога. Изолированность от других регионов является главным препятствием торгово-экономического развития республики. Однако, несмотря на данный факт, торговля в настоящее время является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей. Например, оборот розничной торговли в 2010 г. составил 11,8 млрд. рублей (в товарной массе на 9,1% больше 2009 года). По индексу физического объема розничной торговли Тывы в 2010 г. занял 11 место в Сибирском федеральном округе. Торговля дает до 13% ВРП республики, в ней занято 11% трудоспособного населения. Отрасль находится в числе лидеров по налоговым поступлениям, обеспечивая до 12% всех бюджетных доходов [419]. Внешнеторговый оборот Тывы в 2011 г. составил 6793,7 тыс. долларов США, из них экспорт – 2120,4 тыс. долларов США, импорт – 4673,3 тыс. долларов США [82]. Представляется, что при наличии благоприятных условий Республика Тыва сможет значительно продвинуться в этом направлении. Совершенно напрасно, на наш взгляд, не рассматривает республику в качестве торгового центра политическая элита Бурятии. Для перспектив развития региона весьма важным является его выгодное географическое положение. Республика Бурятия расположена в центральной части Азиатского континента: с севера и запада ее территория омывается водами Байкала (приходится около 60% береговой линии), на востоке граничит с Забайкальским краем, на западе и севере – с Иркутской областью, на юго-западе – с Республикой Тыва, на юге – с Монголией. Благодаря географическому положению Бурятия во все времена имела тесные связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Забайкалье практически можно рассматривать как «транспортные ворота» России в АТР. На юге через г. Улан-Удэ проходит Транссибирская магистраль, на севере через г. Северобайкальск – Байкало-Амурская магистраль. Особенности расположения Республики Бурятия являются мощным стимулом для развития торговых отношений. В 2004 г. республиканская политическая элита данный факт полностью признавала. В качестве самой перспективной

формы экономических связей с сопредельными региону странами (Монголия, Китай, Япония, государства Азиатско-Тихоокеанского региона и др.) участники анкетного опроса назвали тогда именно торговлю (28,9%). Затем следовали: туризм (26,1%); участие в совместных инвестиционных проектах (14,2%); обмен ноу-хау (14,2%); создание совместных предприятий (10,2%); производственная кооперация (5,2%); совместное освоение сырьевых ресурсов (1,2%). Следует отметить, что элита Бурятии не только признавала перспективность развития торговли, но и успешно действовала. По данным Министерства внешних экономических связей и международных отношений РБ, «за 1996 год внешнеторговую деятельность с зарубежными партнерами из 52 стран мира осуществляли более 500 предприятий, организаций, акционерных обществ республики. Внешнеторговый оборот республики за 1996 год составил 155,8 млн. долларов против 171,9 млн. долларов в 1995 году» [477, с. 319-320]. Международные и межрегиональные торговые отношения плодотворно развиваются и сейчас. В общем объеме внешнеторгового оборота лидируют: Китай (его доля составляет 50,2%), Перу (8,1%), Украина (7,4%), Монголия (6,8%), Аргентина (3,9%) [148]. Надеемся, что торгово-экономическое сотрудничество Бурятии с зарубежными и российскими партнерами будет более масштабным. Данное направление, на наш взгляд, было и остается одним из самых перспективных в регионе.

Практически не было желающих создания на территории своих республик центра военно-промышленного комплекса. Эту перспективу допускала только незначительная часть элиты Бурятии – 0,5%. Причина, видимо, заключается в том, что доля ВПК в промышленном производстве республики превышает 25%, что достаточно солидно для сравнительно небольшой территории. В целом непопулярность указанного варианта, учитывая особые условия жизнедеятельности таких объектов и возможные неблагоприятные последствия, вполне объяснима.

Таким образом, проведенный анализ показал, что политические элиты Бурятии, Саха (Якутии) и Тывы объективно оценивают динамику развития

своих республик и признают наличие определенных проблем. Беспокойство респондентов вызывают фактически все сферы жизни в регионах, но, в первую очередь, экономика, в которой наблюдаются значительные, зачастую специфические трудности. Среди способов решения стоящих проблем, по мнению политических элит, оптимальными являются привлечение инвестиций и совершенствование процесса использования бюджетных средств внутри субъектов. При этом существует понимание, что без помощи федерального центра решить местные проблемы невозможно, так как его роль сейчас очень велика. Перспективы развития республик, также как и России в целом, довольно оптимистичны. Бурятия рассматривается, в первую очередь, в качестве центров международного и внутреннего туризма, науки и передовых технологий, а также как свободная экономическая зона. Почти таким же видится будущее Тывы, только вместо центра науки и передовых технологий, более предпочтительным является экологический центр. Ориентиры, как нам представляется, выбраны абсолютно правильные. Именно данные направления являются оптимальными для реализации на территориях, обладающих уникальными природными и культурно-историческими условиями. Саха (Якутия) рассматривается как крупный промышленный и в то же время экологический центр, свободная экономическая зона. Кажущуюся несовместимость первых двух вариантов можно объяснить словами одного из респондентов данной республики, которые были дописаны в анкете. По его мнению, к развитию Саха (Якутии) необходимо подходить комплексно: поднимая промышленность, нужно развивать сельское хозяйство, внедрять передовые технологии, транслировать культуру и традиции народов, а также обязательно сохранять экологию. Позиция, на наш взгляд, абсолютно верная, и ее можно отнести ко всем регионам России. Добавим лишь, что при этом необходимо учитывать географические, природно-климатические и иные особенности регионов, что позволит реально оценить их экономические возможности и сформулировать оптимальную стратегию развития субъектов России.

Глава IV. Стратегии развития российских региональных политических элит в условиях трансформационных процессов

4.1. Особенности функционирования современных региональных политических элит

Рассмотрев базовые элементы элитологической проблематики, остановимся на некоторых аспектах функционирования политических элит в современном российском социуме. Это позволит понять специфику их работы, оценить эффективность выполнения политической элитой своих профессиональных обязанностей и в целом сформировать более полное представление о лицах, которые сегодня заняты деятельностью в сфере власти и управления. Основное внимание, безусловно, сосредоточим на политических элитах республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва.

В завершении нашей анкеты мы предложили респондентам ответить на ряд вопросов, посвященных их профессиональной деятельности. Данный аспект, несмотря на свою важность, является недостаточно изученным, так как информационных материалов, в первую очередь, эмпирических, по этой теме крайне мало. Проведенный нами анализ показал, что большинство представителей республиканских политических элит имеют незначительный стаж работы в занимаемой должности (см. таблицу 17).

Таблица 17

Стаж работы в должности (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
до 1 года	14,3	-	20,5	2,8	3	13	13,8	-	19,6	12,7	5,7	9,4
1-5 лет	39,3	51,8	32,1	54,2	54,4	38,9	50	60,9	37,5	39,7	50	50
6-10 лет	25	28,6	32,1	31,9	22	31,5	20,7	20,3	30,4	29	28,3	23,9
более 10 лет	21,4	19,6	15,3	11,1	20,6	16,6	15,5	18,8	12,5	18,6	16	16,7

Как следует из таблицы 17, у основной части элиты стаж работы в занимаемой должности от 1 года до 5 лет. В Тыве и Саха (Якутии) данные лица составили по 50% от общего массива опрошенных респондентов, в Бурятии – 39,7%. Эта же тенденция характерна для всех видов региональных политических элит, за исключением муниципальной элиты Республики Бурятия в составе которой, наряду с указанной группой, в равной мере (по 32,1%) представлены лица, имеющие стаж работы от 6 до 10 лет. Заметим, что респонденты, имеющие подобный трудовой стаж, находятся на втором по процентному соотношению месте, затем следуют лица, чей стаж «более 10 лет». Менее всего среди опрошенных оказалось представителей со стажем работы «до 1 года». Полученные результаты, учитывая постоянные кадровые перестановки в учреждениях региональной и федеральной власти, на наш взгляд, вполне естественны. В современных условиях лишь небольшой группе политической элиты удастся сохранить свою должность на значительный срок. Как правило, это высокопрофессиональные специалисты, которые на деле доказали эффективность своей работы. Что касается основной части политической элиты, сравнительно недавно занявшей свои посты, то ее представители, скорее всего, компенсируют небольшой трудовой стаж в занимаемой должности прежним богатым опытом работы.

Следующий вопрос анкеты, который представлял для нас большой интерес, ставил целью выяснить мотивы, побудившие ранее респондентов занять свою настоящую должность. Выяснилось, что для более половины опрошенных в каждом регионе таким мотивом стало «раскрытие внутреннего потенциала»: в Бурятии этот ответ выбрали 58,4% представителей элиты, в Тыве – 55,6%, в Саха (Якутии) – 52,1% (см. таблицу 18).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Какие мотивы побудили Вас к занятию должности?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва	Данные по общему массиву

	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			опрошенных		
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
властные ресурсы	8,6	10,7	-	-	4,4	-	-	-	-	5,9	1,5	-
финансовые ресурсы	-	-	-	-	7,3	-	-	-	-	-	2,6	-
обретение влиятельности	8,6	-	-	5,5	4,4	-	-	12,5	-	2,9	3,6	4,5
лоббирование интересов	-	14,3	-	-	4,4	-	-	12,5	-	3,9	1,5	4,5
раскрытие внутреннего потенциала	44,3	60,7	69,3	59,8	58,9	33,3	56,9	48,4	62,5	58,4	52,1	55,6
совершенствование работы государственного аппарата	27,1	-	12,8	12,5	10,3	33,3	-	14,1	37,5	14,2	17,5	16,9
другое	11,4	14,3	5,1	9,7	3	3,7	17,2	12,5	-	9,8	5,7	10,1
затрудняюсь ответить	-	-	12,8	12,5	7,3	29,7	25,9	-	-	4,9	15,5	8,4

Единодушие в выборе варианта «раскрытие внутреннего потенциала» наблюдалось у большинства всех видов региональных элит. Следует отметить, что подобные мотивы высказывались и ранее. Например, по данным Ю.С. Тарасова (1992 г.), для членов правительства и глав администраций ведущими при переходе в систему исполнительной власти Республики Саха (Якутия) были мотивы, связанные с реализацией своих замыслов (40%) и с потребностью в большей самостоятельности (33%). При этом 78% представителей элиты указали, что перешли в команду президента с желанием, без особого желания отнеслись к его приглашению 9%, испытывали психологические затруднения также 9% [486, с. 172]. Помимо лидирующего ответа хорошие показатели в нашем исследовании были выявлены и по варианту «совершенствование работы государственного аппарата», который, заметим, свидетельствует и о признании наличия проблем в функционировании органов власти. Так, муниципальная элита Саха (Якутии) между указанными ответами разделилась в абсолютно равной

мере – по 33,3%. Остальные предложенные в анкете варианты («властные ресурсы», «финансовые ресурсы», «обретение влияния», «лоббирование интересов»), несмотря на их всеобщую распространенность в сфере власти, интереса не вызвали и, на наш взгляд, осторожно почти не выбирались. Любопытно, что только в 1999 г. политическая элита Республики Бурятия, к примеру, размышляя над вопросом «Что движет людьми, которые являются представителями политической элиты?», отвечала совершенно по-иному: власть – 68,5%, стремление занять достойное место в обществе – 59,5%, карьера – 44,1%, привилегии и почести – 29,7%, желание честно служить народу – 29,7%, стремление стать богатыми – 25,2% [165, с. 100]. Впрочем, и многие наши респонденты раскрывали совершенно различные мотивы, побудившие их к занятию должности, в графе «другое»: Бурятия – помощь людям, решение задач в сфере охраны окружающей среды и природопользования (рациональное использование полезных ископаемых, расположенных на территории региона), наличие работы и средств к существованию, власть, образ жизни и др.; Саха (Якутия) – защита интересов республики и ее народа, приобретение опыта законотворческой работы, духовное развитие личности, любимая профессия и работа, интерес, получение образования, заработная плата, договор по трудоустройству, из предложенных вариантов этот был лучше, стечение обстоятельств и др.; Тыва – практический опыт работы руководителем управленческого органа (10 лет), выборы, отсутствие альтернативы, так сложилось и др. Как видим, мотивы представлены разнообразные – от альтруистических до прагматических. Думаем, что для наших респондентов они были важны в равной мере. Показательны в этом отношении результаты исследования О.В. Крыштановской (сер. 2000-х гг.), согласно которым государственная служба современных чиновников привлекает преимущественно факторами материальными - 107,4% и патриотическими - 83,3%. Обратим внимание, что процентное соотношение по данным вариантам весьма близкое, только материальное благосостояние является чуть более сильным фактором. Несмотря на это, было установлено, что действующие чиновники гораздо

чаще заявляют об альтруистических мотивах своей работы в государственном секторе – возможности приносить пользу людям, проявить себя, работать на благо страны, быть в курсе всех новостей [240]. Подобный момент мы также встречаем, например, у Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой. Проводимые авторами в к. 1990-х гг. интервью с членами административных элит выявили их основные мотивации: интерес к работе (50% ответов); желание сделать карьеру и улучшить личные качества; общественные интересы (по 1/3) [406, с. 62]. Эту же тенденцию, видимо, зафиксировало и наше исследование, так как выбирались в основном альтруистические мотивы. Очень надеемся, что полученный результат соответствует истине. Вместе с тем заметим, что многие респонденты с ответом почему-то затруднились, видимо, желая оставить свои истинные мотивы в тайне.

Политическая элита, как известно, осуществляет управление государством и обществом, что является сложным интеллектуальным трудом, требующим значительного времени. Стремясь его конкретизировать, мы задали респондентам соответствующий вопрос (см. таблицу 19).

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени в день Вы уделяете выполнению должностных обязанностей?»
(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
от 2 до 4 часов	-	17,8	-	-	5,9	-	-	15,6	-	4,9	2	5,6
от 5 до 9 часов	31,4	17,8	46,1	47,2	41,2	50	43,1	31,2	35,7	33,3	45,9	36,5
от 10 до 14 часов	54,3	46,6	53,9	52,8	28	50	43,1	18,8	41,1	52	43,3	33,7
свыше 14 часов	14,3	17,8	-	-	4,4	-	-	15,6	-	9,8	1,6	5,6

затрудняюсь ответить	-	-	-	-	20,5	-	13,8	18,8	23,2	-	7,2	18,6
-------------------------	---	---	---	---	------	---	------	------	------	---	-----	------

Анализ ответов показал, что большинство опрошенных в Саха (Якутии) и Тыве отводят выполнению должностных обязанностей в целом, все рабочее время – «от 5 до 9 часов», соответственно 45,9% и 36,5%. Впрочем, данный ответ совсем немного опередил вариант «от 10 до 14 часов». В этом режиме работают, как правило, исполнительные и муниципальные элиты рассматриваемых республик. Что касается Бурятии, то здесь более половины респондентов, судя по полученным ответам, стабильно работает «от 10 до 14 часов» - 52%. Причем, это характерно для всех видов элиты. Следует отметить, что среди исполнительной элиты Бурятии и законодательных / представительных элит всех республик имеются, кроме того, и лица, которые уделяют выполнению должностных обязанностей «свыше 14 часов» в день. Тем самым республиканские политические элиты очень ответственно относятся к своей работе и часто игнорируют установленный законодательством режим труда и отдыха.

В ходе нашего исследования также выяснилось, что для исполнения своих должностных обязанностей многим респондентам приходится часто выезжать в районы своих республик. В первую очередь, это касается представителей законодательных / представительных элит, которые в анкетах отмечали, что выезжают постоянно, в среднем от 1-2 раз в неделю, 1 раза в две недели, 1-6 раз в месяц до 16 раз в год. При этом многие работают в районах до 2-3 месяцев в год. Впрочем, есть и те, кто выезжает иногда, по мере необходимости (2-3 раза в год), или не ездит совсем. Представители исполнительных элит также указывали, что регулярно выезжают в районы своих республик для оказания практической помощи, в среднем от 1-3 раз в месяц до 4-10 раз в год. Имеются и те, кто выезжает очень редко, по мере необходимости (например, направления в составе комиссии), или не ездит совсем. В отличие от первых двух групп представители муниципальных элит в районы в основном не выезжают или ездят крайне редко, опять же по мере необходимости (в среднем 1-2 раза в год). Итак, для республиканских

политических элит в целом характерен высокий уровень мобильности, что в современных динамичных условиях жизни очень ценно. Первый Президент Бурятии Л.В. Потапов, уделявший большое внимание поездкам по республике, абсолютно справедливо подчеркивал: «Никакая бумажная информация не заменит личного изучения проблем на месте. Особенно это касается тех случаев, когда где-то складывается кризисная ситуация. Руководитель должен воочию видеть, что происходит. И принимать не формальные решения, правильные только на бумаге, а такие, чтобы перед людьми стыдно потом не было» [98, с. 46]. Представители современных региональных элит в большинстве своем, видимо, придерживаются такой же позиции.

Работу с населением политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва осуществляют в различных формах. Ответы на соответствующий вопрос анкеты в основном разделились между двумя вариантами (см. таблицу 20).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «В какой форме Вы осуществляете работу с населением?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
личный прием	37,1	26,8	28,2	22,2	36,8	33,4	39,7	29,7	23,2	30,9	30,4	30,9
рассмотрение обращений граждан	42,9	32,1	33,4	41,7	35,3	33,3	24,1	29,7	55,4	36,3	37,1	35,9
выполнение наказов / решений	8,6	26,8	28,2	16,7	17,6	33,3	12,1	31,2	-	21,1	21,7	15,2
другое	11,4	14,3	10,2	11,1	10,3	-	24,1	9,4	21,4	11,7	7,7	18
затрудняюсь ответить	-	-	-	8,3	-	-	-	-	-	-	3,1	-

Незначительное большинство респондентов всех республик выбрало ответ «рассмотрение обращений граждан»: в Бурятии - 36,3%, Саха (Якутии) - 37,1%, Тыве - 35,9%. Чуть меньше опрошенных назвали вариант «личный прием»: в Бурятии - 30,9%, Саха (Якутии) - 30,4%, Тыве - 30,9%. Именно данные формы работы с населением лидировали среди всех видов республиканских элит. Исключение составила законодательная / представительная элита Тывы, большая часть которой остановилась на варианте «выполнение наказов / решений», занявшем третье место в общем рейтинге ответов респондентов. Выбор данной группы тывинской элиты вполне естественен, так как указанная форма деятельности характерна, в первую очередь, для депутатов всех уровней власти. Многие респонденты в графе «другое» назвали дополнительные формы, которые используются ими в работе с населением. Исполнительная элита: Бурятия - личные встречи, общение с использованием средств связи; Саха (Якутия) - рабочие встречи с работниками различных сфер и с населением, решение вопросов на местах, консультации, связи с общественностью посредством интернет-сайта, командировки, семинары, мастер-классы, лекции, беседы, конкурсы, экскурсии, проведение опросов населения с целью выяснения общественного мнения по различным вопросам; Тыва - личные встречи, исполнение министерских приказов и решений правительства. Законодательная / представительная элита: Бурятия - регулярные встречи, работа помощников в округе; Саха (Якутия) - встречи с населением и трудовыми коллективами, подготовка проектов нормативных актов; Тыва - встречи, круглые столы, участие в массовых мероприятиях, все перечисленное в удобное для населения время. Муниципальная элита: Бурятия - выездные встречи с населением; Тыва - встречи в коллективах. Некоторые представители политических элит поясняли, что с населением они не работают, так как данная деятельность в их обязанности не входит. Итак, результаты анализа показывают, что республиканские политические элиты довольно открыты для населения. Наряду с традиционными опосредованными формами работы в виде рассмотрения обращений граждан и выполнения наказов / решений

активно используются личные приемы, встречи, консультации и пр. В связи с динамичным развитием информационных технологий постепенно набирают популярность интернет-коммуникации, позволяющие элите быть в курсе последних событий, а людям оперативно доносить до нее свои предложения, жалобы, наказы и пр. Однако по ряду причин они используются далеко не всеми категориями граждан, что, впрочем, не умаляет их ценности.

В общественном мнении доминирует убеждение, что представители политических элит люди самодостаточные, достигшие значительных карьерных высот и вряд ли желающие большего в профессиональном плане. Насколько это верно, можно узнать у наших респондентов. Еще в 2004 г. мы спросили у них: «Можете ли Вы сказать о себе, что достигли удовлетворяющего Вас профессионального успеха в жизни?». Анализ полученных материалов показал, что 60% представителей политической элиты Республики Бурятия с большей или меньшей уверенностью так сказать о себе не могут и только 40% дали утвердительный ответ. В 2009-2010 гг. нами были выявлены совершенно противоположные результаты. Большинство респондентов во всех изучаемых регионах с большей или меньшей уверенностью ответили положительно на поставленный вопрос: в Бурятии - 54,5% опрошенных, в Саха (Якутии) - 43,8%, в Тыве - 64,1% (см. таблицу 21).

Таблица 21

**Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать о себе, что достигли удовлетворяющего Вас профессионального успеха в жизни?»
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			

да, определенно могу	14,3	33,9	19,3	16,7	20,6	-	50	32,8	17,9	21,6	13,4	33,7
да, скорее всего, могу	41,5	16,1	37,2	40,3	25	24,1	20,7	35,9	33,9	32,9	30,4	30,4
нет, определенно не могу	11,4	35,7	25,6	11,1	22	46,3	-	4,7	-	23,5	24,7	1,7
нет, скорее всего, не могу	21,4	-	17,9	20,8	20,6	-	17,2	12,5	26,8	14,2	15	18,5
затрудняюсь ответить	11,4	14,3	-	11,1	11,8	29,6	12,1	14,1	21,4	7,8	16,5	15,7

Как видим, многие из респондентов предпочли осторожный вариант «да, скорее всего, могу» и только в Тыве чуть больше анкетированных уверенно ответили «да, определенно могу» (в их числе, например, 50% представителей исполнительной элиты). Среди видов элит отличная от общей оценка своего профессионального успеха наблюдалась у законодательной / представительной элиты Бурятии и муниципальной элиты Саха (Якутии), большинство их представителей выбрали вариант «нет, определенно не могу». Следует заметить, что у муниципальных элит всех регионов, по сравнению с другими видами элит, отмечается наиболее сильное тяготение к отрицательному «полюсу». Данный факт, на наш взгляд, можно объяснить спецификой работы муниципалитетов, характеризующейся очень большим объемом возлагаемой на них нагрузки, нехваткой свободного времени, интенсивной сменой кадрового состава, нервозностью, обилием стрессовых ситуаций и пр. Перечисленные факторы, безусловно, оказывают существенное влияние на специалиста, его оценку собственного профессионального успеха. В этом отношении исполнительные и законодательные / представительные элиты могут, как нам представляется, быть более довольны своим положением, что собственно и было выявлено в нашем исследовании.

Таким образом, большая часть респондентов считает, что достигла поставленных перед собой профессиональных высот. Вместе с тем выявилась и значительная группа лиц, которые, по их мнению, профессионального

успеха в жизни пока не достигли. Несмотря на разницу в ответах, все представители политических элит, несомненно, имеют профессиональные планы. Заглянуть в них нам поможет следующий вопрос анкеты, в котором респондентам предлагалось определить свои карьерные ориентации. Отметим, что подобные вопросы представителям элит задавались и ранее. Так, исследование Ю.С. Тарасова, проведенное в Республике Саха (Якутия) в 1992 г., показало: «не имеют планов перехода на другую работу 47%; среди членов правительства таковых 69%. Только 4% предпочитают перейти в будущем в новые рыночные структуры, 2% - в государственные учреждения, 9% - вернуться к прежней деятельности, 23% воздержались от раскрытия своих планов» [486, с. 173]. В отличие от приведенных данных наше исследование выявило некоторую «размытость» карьерных ориентаций республиканских политических элит (см. таблицу 22).

Таблица 22

**Карьерные ориентации
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
переход на новую работу	17,1	14,3	24,3	16,7	20,6	50	25,9	15,6	3,6	19,2	27,3	15,2
переход в иные государственные учреждения	-	14,3	23,1	16,7	20,6	-	24,1	20,3	-	12,7	13,4	15,2
занятие бизнесом	12,9	30,3	-	11,1	8,8	-	-	-	-	12,7	7,2	-
возврат к прежней деятельности	15,7	12,5	-	12,5	5,9	-	24,1	21,9	8,9	8,8	6,7	18,5
другое	24,3	14,3	26,9	19,4	7,3	24,1	25,9	26,6	53,6	22,6	16,5	34,8
затрудняюсь ответить	30	14,3	25,7	23,6	36,8	25,9	-	15,6	33,9	24	28,9	16,3

Фактически все предложенные в анкете варианты примерно в равной степени рассматривались респондентами как возможные. Выделить можно тот факт, что среди видов элит для большей части муниципальной элиты Саха (Якутии) – 50% и исполнительной элиты Тывы - 25,9% более предпочтительным является «переход на новую работу», а для законодательной / представительной элиты Бурятии «занятие бизнесом» - 30,3%. Большинство же анкетированных разделилось между вариантами «затрудняюсь ответить» и «другое». Так, основную часть респондентов Бурятии и Саха (Якутии) вопрос о карьерных ориентациях почему-то либо поставил в тупик, либо вызвал нежелание раскрывать свои планы, что выразилось в преимущественном выборе варианта «затрудняюсь ответить», соответственно 24% и 28,9%. В их числе, в первую очередь, исполнительные элиты данных республик и законодательная / представительная элита Саха (Якутии). В Тыве многие анкетированные также не смогли или не захотели ответить на поставленный вопрос, но большая часть из них (34,8%) все же предпочла раскрыть свои планы в графе «другое»: достаточный опыт работы руководителем могу реализовать в другом регионе России, идти на новые выборы, переизбраться на новый срок, депутатская деятельность, общественная и благотворительная деятельность, стабильная работа, продолжение настоящей деятельности, каждому по способности, уйти с работы и заняться внуком и др. Отдельные респонденты других республик также поведали о своих карьерных ориентациях в этой графе: Бурятия – государственная служба, повышение в должности, продолжать работать, перемену сферы деятельности не предполагаю, эффективная работа по занимаемой должности, увеличить объемы производства и перепрофилироваться, чтобы не мешали, ориентаций нет и др.; Саха (Якутия) - пока удовлетворяет нынешняя работа, стабильность, повышение в должности, высокая заработная плата, до 65 лет на этой должности и затем уйти на преподавательскую работу, пенсия и воспитание внуков и др. Исходя из полученных ответов можно заключить, что основная часть республиканских политических элит желает как минимум сохранить свою

должность на значительный срок, а если это будет возможно, то и получить повышение. Видимо, это те респонденты, которые ранее с большей или меньшей уверенностью утверждали, что достигли поставленных перед собой профессиональных высот. Рассматривается элитой и вариант перехода в иные государственные учреждения. Чуть меньше анкетированных планирует заняться бизнесом (как правило, это депутаты различных уровней власти), вернуться к прежней деятельности и др. Судя по всему, перечисленные ответы характерны для лиц, которые не удовлетворены своим профессиональным статусом, либо тех, кто задумывается об окончании деятельности в органах власти по объективным причинам. Анализ рассматриваемого вопроса также показал, что представители элит крайне неохотно раскрывают свои планы. В принципе это свойственно многим людям, не принадлежащим к изучаемой социальной группе. Однако степень скрытности политической элиты, на наш взгляд, более существенна.

Итак, полученные нами материалы обозначили следующую «картину». Политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, имея в большинстве своем сравнительно небольшой стаж работы в занимаемой должности, что для многих компенсируется прежним опытом руководящей деятельности, стремясь, как правило, реализовать личный внутренний потенциал и улучшить работу государственного аппарата, выполняют свои функциональные обязанности, иногда не обращая внимание на режим труда и отдыха. При этом законодательные / представительные и исполнительные элиты не ограничиваются территорией города, но и регулярно выезжают в районы своих республик, где помогают решать насущные для сельчан вопросы. Работа с населением осуществляется элитами постоянно и в разнообразных формах, как опосредованных, так и прямых. Не останавливаясь на достигнутом, но в основном положительно оценивая свой профессиональный статус, многие респонденты рассчитывают добиться повышения по службе, либо и далее занимать настоящую должность. Полученные данные, безусловно, вызывают уважение к представителям республиканских политических элит. Однако для формирования полного

представления об интересующей нас социальной группе не достаточно только мнений людей, осуществляющих управление регионами. Необходим взгляд со стороны, поэтому обратимся к материалам экспертных интервью. В ходе интервьюирования мы предложили экспертам дать характеристику политической элите своей республики, в первую очередь, с точки зрения ее профессионализма и компетентности. Приведем некоторые высказывания.

Республика Тыва: «Местная политическая элита достаточно компетентна и профессиональна, но весьма разрознена – у нее нет консолидации, хотя бы по базовым вопросам, и поэтому она не сможет стать реальной силой. Если же сравнивать с советской элитой, то следует признать, что система подготовки кадров в СССР была намного лучше, элита была образованнее, культурнее, был гораздо выше уровень межнационального общения»; «У власти не организована четкая работа с государственными органами и силовыми структурами»; «Политическая элита абсолютно не профессиональна по общению с народом, изложению своих мыслей. Например, политик, как известно, должен свободно ориентироваться в законодательстве и руководствоваться им в написании документов, а у нас каждое седьмое постановление Правительства РТ опротестовывается в прокуратуре. В целом основной принцип элиты: цель оправдывает средства. Поэтому ее представители ни с чем не считаются, только борьба за власть и ее разделение являются главными доминантами в их деятельности».

Республика Саха (Якутия): «В политических вопросах элита сильная, а в экономических – слабая, так как плохо отстаивает экономические интересы республики. Тем не менее, следует признать, что в 2000-х гг. элита стала весьма образованной и профессиональной, в отличие от советской номенклатуры, которая такими качествами почти не обладала»; «Политическая элита по образованию и подготовке профессиональна, у нее имеются большие возможности. Но есть и обратная сторона медали – реальность жизни такова, что есть право в конституциях и есть реальное право сильного. Это существует традиционно. Так вот политическая культура элиты очень отстает».

Республика Бурятия: «Элита очень профессиональна и отлично управляет регионом. Она нашла новые способы подъема местной экономики, успешно справляется с поставленными перед собой задачами. Думаю, что через какое-то время республика, благодаря политической элите и своему энергичному руководителю, станет весьма благополучным регионом»; «У современной политической элиты нет грамотности и самостоятельности, но основная ее масса хочет только добра региону»; «Политическая элита нашей республики достаточно образованна, что предполагает грамотное выполнение своих должностных обязанностей. Однако некоторые ее решения и действия заставляют в этом усомниться. Многие насущные проблемы региона (например, ЖКХ, тарифы, дороги, инфраструктура и пр.) не могут разрешиться на протяжении ряда лет. Зато элита прекрасно работает по вопросам, которые связаны с перераспределением финансовых и природных ресурсов, объектов недвижимости, надбавок и льгот для себя и своих коллег и др. Эти факты говорят о непрофессионализме политической элиты и не вызывают относительно нее каких-либо положительных эмоций».

Как видим, республиканские эксперты дали весьма противоречивую характеристику своим политическим элитам. Положительная оценка часто сопровождается резкой критикой в отношении их деятельности. На наш взгляд, подобную характеристику можно дать всей российской политической элите, учитывая тот факт, что регионы лишь отражают общую ситуацию в стране. Современная элита действительно существенно изменилась в лучшую сторону по ряду параметров, и это невозможно не заметить. Например, Ю.В. Ирхин отмечает: «В начале XXI в. в России в связи с процессами укрепления вертикали власти, официальной ориентацией на построение основ конкурентоспособного, постиндустриального общества в составе российской элиты происходили некоторые позитивные изменения: повысилось число патриотически настроенных и профессионально ответственных руководителей (часто из военных структур и органов безопасности) и лиц, владеющих современными методами управления и т.д. Все это привело к определенному повышению уровня управляемости страны,

решению некоторых макроэкономических задач» [192, с. 93]; «Определенная часть элиты показала свое желание и умение осуществлять национально-ориентированную, эффективную научно-техническую, экономическую, социально направленную политику в целях повышения благосостояния и конкурентоспособности российского общества и государства. Ее составляют креативные, инновационные, державно-патриотические и социально ориентированные представители политического класса. По сути – это элита развития» [192, с. 101]. Помимо перечисленного для постсоветской элиты также характерны отличное образование, энергичность, мобильность, активность, инициативность, открытость, коммуникативность, умение разрешать конфликты и чувствовать ситуацию, трудоспособность, хорошая мотивация, здравые ценностные ориентации и др. Однако различные материалы, в том числе и приведенные нами в предыдущих параграфах, к сожалению, показывают, что, несмотря на все положительные качества современной политической элиты России, она тем не менее обладает и рядом негативных черт, которые фактически «перечеркивают» перечисленное выше и формируют у людей устойчивое неприязненное отношение к власти и имущим. Рассмотрим некоторые источники. Большинство представителей политической элиты Республики Бурятия в ходе исследования, проведенного в 1999 г. В.Г. Жалсановой, согласились с тем, что в политическую практику все больше входят такие негативные явления, как манипулирование общественным мнением - 87,3%, популизм - 84,6%, интриги - 81,9%, игры на эмоциях людей - 77,4%, обман - 72%, правовой нигилизм - 71,1%, уступки амбициозным лидерам - 65,7%. Автор справедливо полагал, что «это становится реальностью с подачи политической элиты. <...> рост числа подобных явлений приводит к снижению уровня политической культуры элиты общества» [165, с. 75]. Итоги экспертного опроса, полученные в 2001 г. показали, что в деятельности региональных политических элит проявляются следующие недостатки: коррумпированность - 71,4%, недостаточный профессионализм - 68,6%, подбор руководящего состава по родственным и приятельским признакам - 42,9%, закрытость и

непрозрачность процесса принятия решений - 40%, ориентация на интересы состоятельного меньшинства - 31,4%, низкая общая культура - 31,4%, игнорирование запросов и интересов населения - 28,6%, национализм - 20%, правовой нигилизм - 14,3% [152, с. 509]. Согласно данным опроса населения, проведенного ВЦИОМ в 2005 г., большинство респондентов отметили, что современной элите в большей степени присущи «космополитизм, податливость внешнему влиянию, презрение к интересам своей страны и своего народа», «энергичность, инициативность, активность», «некомпетентность, необразованность, узкий кругозор», «корыстолюбие, склонность к коррупции», «безответственность, склонность ставить свои интересы выше интересов народа» [484, с. 18]. В середине 2000-х гг. россияне указали, что власти не хватает целого ряда важнейших качеств: заботы о народе - 54%, некоррупционности - 33%, законности - 30%, честности - 26%, справедливости - 24% [386, с. 300]. Помимо результатов социологических исследований в научной литературе содержится множество критических высказываний. Приведем лишь некоторые из них. Например, Ю.В. Ирхин признает, что, несмотря на наличие позитивных изменений, «в современной элите пока мало социально ориентированных профессионалов, способных обеспечивать конкурентоспособное развитие общества и государства в условиях глобальных перемен в мире. Часть элиты озабочена преимущественно преумножением своего богатства и влияния, переводом капиталов за рубеж» [192, с. 95]. Более жесткой позиции придерживается Т. Койчужев, который утверждает, что «во власти на всех уровнях много людей, не обладающих умом, образованием, профессионализмом, не отличающихся честностью и законопослушанием. Они составили целые кланы, извращают реформы, приводят к регрессу страны. Их позиции прочные, их причисляют к политической элите» [217, с. 5]. Глубокое разочарование новая элита вызывает у Г.К. Ашина: «Можно с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные

интересы российского народа, выполнить роль интегратора его интересов; эту «элиту» правильнее назвать «и.о. элиты». «...» именно для этой страты общества характерны коррупция, злоупотребление властью, использование своего высокого социально-политического статуса для собственной выгоды вопреки интересам народа «...» барский образ жизни при нищенском существовании основной массы населения»; «Увы, это – одна из наиболее коррумпированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа. В этом – главная причина отчуждения, существующего между народом и элитой. Свое «вхождение во власть» эти люди достаточно трезво рассматривают как временное и соответственно действуют как временщики, озабоченные прежде всего быстрым личным обогащением» [30, с. 47-49]. В другой своей работе Г.К. Ашин указывает, что элита слабо подготовлена к управленческой деятельности и не выдерживает испытания властью: «Чиновничья элита управляет страной явно неквалифицированно «...» Но, работая хуже основной массы населения, она живет несравненно лучше последней, что аморально» [476, с. 430]. Данный момент, согласно точке зрения Н.А. Слепцова, относится и к элитам субъектов РФ: «Создается впечатление, что региональные элиты работают лишь в своих интересах – все остальное остается по-прежнему» [460, с. 23]. По мнению А.Н. Постникова, «смысл и цель трансформации общества в ходе всеохватывающей системы реформ – личное обогащение элиты, всех ее видов. «...» властную элиту «по определению» составляют временщики. «...» Погоня за прибылью и обогащением правящего класса ведут к непомерному росту цен, сокращению финансирования науки, сельского хозяйства, российского Севера, медицины, просвещения, жилищного строительства, массового спорта, материнства, детства и т.д.» [414, с. 37]. На неутешительных результатах деятельности российской элиты акцентировал внимание и А.И. Гаврильев: «За последние 15 лет власть богатых и сверхбогатых привела к печальному итогу – обнищанию большинства населения, воровству, коррупции, росту цен и тарифов. Советская власть создала, воочию каждый убеждался в высоких

темпах развития производства, что вело к неуклонному росту уровня жизни человека труда, каждой семьи. «...» Как «живет» сейчас наш народ – так жить нельзя!» [94, с. 92]. Исходя из перечисленного вполне естественен вывод А.С. Панарина: « ... по высшему морально-политическому счету сегодняшние хозяева страны являются нелегитимными «подпольщиками», вынужденными прятать свое истинное лицо» [387, с. 111]. По его мнению, современная российская элита утратила связь с народом и стала антагонистической субстанцией по отношению к русскому социуму. Конечно, приведенные высказывания довольно эмоциональные и резкие по своему содержанию, но, для этого, безусловно, есть веские причины.

Люди, оказавшиеся на вершине социальной иерархии, зачастую не только не выдерживают испытания властью, но и не оправдывают ожиданий населения. Об этом также свидетельствуют различные материалы. Так, опрос жителей Бурятии в 1998 г. показал, что большинство респондентов считают, что основные органы власти в стране (Президент России, Президент Бурятии, Правительство России, Правительство Бурятии, Совет Федерации, Государственная Дума, Народный Хурал, местные органы власти) доверия в целом не заслуживают – основная часть разделилась между вариантами «не вполне заслуживает» и «совсем не заслуживает» [165, с. 40]. Примечательно, что представители политической элиты Бурятии, оценивая в 1999 г. эффективность деятельности руководства республики, были также настроены в основном критически: 43,2% ответили «достаточно эффективна», 54,9% полагали, что неэффективна. Причины низкой эффективности, по мнению респондентов, заключались в следующем: некомпетентность руководителей – 53,2%, низкая исполнительная дисциплина – 49,5%, невыполнение законов – 39,6%, бюрократизм, волокита – 38,7%, оторванность властей от народа – 30,6%, низкая зарплата управленцев – 28,8%, наследие прошлого, командный стиль – 27,9%, отсутствие народного контроля за деятельностью руководителей – 26,1%, коррумпированность чиновников – 25,2%, снижена роль местных органов самоуправления – 22,5%, другая причина – 4,5% [165, с. 100]. Население Республики Саха (Якутия), определяя в ходе

анкетного опроса (1999 г.) степень своей удовлетворенности деятельностью органов власти республиканского и федерального уровней, преимущественно выбирало ответы «удовлетворен частично» и «не совсем удовлетворен». Доверия к властным структурам (федеральные власти, республиканские власти, депутаты) также не наблюдалось, лидировали варианты «затрудняюсь ответить» и «не доверяю». Впрочем, следует отметить, что в отношении республиканских властей чуть больше опрошенных все-таки ответило «доверяю» [363, с. 23-25]. Согласно исследованию 2000 г., 40,1% жителей Саха (Якутии) отрицательно оценивали деятельность органов местного самоуправления республики, 34,4% - положительно, 24,3% - затруднились ответить. Работу государственных органов власти в целом считали неэффективной 40,1%, эффективной - 13,1%, затруднились ответить - 38,1%. По мнению респондентов, основными причинами невысокой эффективности органов государственного управления являются финансовые основы их деятельности - 34,9%, коррупция в эшелонах власти - 33,4%, неразвитость правовой нормативной базы - 21,3%, профессиональная слабость аппарата управления - 17,1%, некомпетентность руководителей, работающих в органах управления, - 13,6%, отсутствие контроля со стороны народа - 12,8% и др. [315, с. 12-13]. В сер. 2000-х гг. в ходе исследования О.В. Крыштановской россиянам было предложено оценить работу органов власти в своем регионе. Лидировали следующие ответы: представитель Президента в Вашем округе - «удовлетворительно» (госслужащие - 48,6%, население - 29,5%); глава администрации региона (губернатор, президент республики) - «удовлетворительно» (госслужащие - 48,6%, население - 44,6%); глава администрации, мэр Вашего города, поселка - «удовлетворительно» (госслужащие - 47,5%, население - 43,1%); Законодательное собрание региона - «удовлетворительно» (госслужащие - 55,6%, население - 30,9%); политические партии - «удовлетворительно» (госслужащие - 38,1%) и «плохо» (население - 25,1%) [240]. Тем самым работа региональных органов власти оценивалась в основном на «удовлетворительно». Такую же оценку ей дают и некоторые современные

исследователи. Например, Н.А. Слепцов, рассуждая о государственной власти Республики Саха (Якутия), пишет: «Говоря честно и открыто – исполнительная власть не заслуживает оценки на «хорошо». В мире нет ни одного правительства, удостоенного такой высокой чести. Исполнительная власть оценивается на «удовлетворительно» или «неудовлетворительно» [460, с. 23]. Р.В. Пюрюна, выявив при помощи экспертного опроса (2010 г.) основные характеристики тувинского социума, отмечает низкое доверие граждан региональным элитам. Выяснилось, что они бы больше доверились органам власти, если бы решение основных республиканских задач осуществлялось региональными элитами совместно с федеральными властями (30%) либо только федеральной властью (23%). Ни один из экспертов не отметил роли региональной элиты при решении проблем населения. По мнению большинства экспертов, жители республики сами занимаются решением своих проблем, ни к кому не обращаясь (33%) [428, с. 18]. Нам представляется, что оценка экспертов здесь несколько преувеличена, так как многие вопросы гражданам практически невозможно решить самостоятельно, для этого необходимо содействие государственных органов управления. Вместе с тем следует согласиться, что для властных структур России характерна слабая эффективность деятельности, которая может привести к весьма неблагоприятным последствиям. Например, А.В. Павроз полагает, что «... основной проблемой власти во взаимодействии с широкими слоями населения является <...> неспособность приобрести общественное признание и доверие с помощью «наглядно демонстрируемой эффективности». Отсутствие эффективной системы государственного управления, препятствуя решению как контекстуальных, так и трансформационных проблем, подвигает к оппозиционным взглядам и действиям все сегменты российского общества. Модернизационно ориентированная часть социума не может принять имитацию выборов, фальшивые представительные институты и бюрократическую модель капитализма. Патерналистски настроенные слои, не имея идейных возражений против авторитарно-бюрократического режима, не довольны его

неспособностью обеспечить должный уровень безопасности и материального благополучия. Использование в этой связи для укрепления власти стратегий манипулирования и подкупа может дать временный эффект стабилизации политического строя, но не в состоянии создать основ для гармоничных общественно-политических отношений и предотвратить более чем вероятный в указанных обстоятельствах кризис существующего режима правления» [386, с. 311]. Руководству страны, безусловно, есть над чем задуматься.

Итак, приведенные материалы показывают, что претензий к современной политической элите России немало. Недовольство вызывают как личностные качества представителей данной социальной группы, так и эффективность их работы. Обобщая, мы можем констатировать, что для элиты нашей страны характерны: тотальная коррупция, трудно объяснимые сверхдоходы, осуществление необоснованного и направленного против населения перераспределения финансовых ресурсов и государственного имущества, клановость, преобладание неформальных механизмов рекрутирования, лоббирование личных интересов, низкая политическая культура, эгоизм, лживость, лицемерие, непостоянство политических взглядов, приспособленчество, некомпетентность в управлении различными социальными сферами, необдуманные политические решения, злоупотребление властью, безнравственность, моральная деградация и пр. При этом следует заметить, что, по мнению многих исследователей, данные отрицательные качества больше характерны для столичной элиты, чем для региональной. Критика в отношении политических элит субъектов РФ в литературе значительно слабее и, наверное, это показательно. Отметим также, что перечисленные качества присущи властным группам многих стран и разных эпох. Тем не менее у современной элиты России данные негативные черты, к сожалению, присутствуют. В их числе одной из важнейших и чреватых опасными последствиями, на наш взгляд, является удаленность от народа. Безусловно, представители власти часто говорят о своей открытости и доступности для людей, указывают на постоянную работу с населением.

Однако реальность такова, что россияне с трудом могут донести свои проблемы до элиты, а тем более добиться их решения. Пожелания и мнения людей никого не интересуют, их просто не слышат. Характерны в этом отношении ответы экспертов на заданный нами вопрос: «По Вашему мнению, политическая элита доступна для диалога с народом?». Все рассуждения были следующего плана: «Элита внешне близка к народу, но это популизм. На самом деле реально она не доступна для людей. Между тем элита должна быть с народом, например, на праздниках – это лишь внешнее проявление»; «Диалога с народом почти нет, как следствие, нет и ответной реакции от народа»; «Власть о народе совершенно не думает» и пр. Абсолютно все эксперты единодушны во мнении, что современная политическая элита России, активно декларируя демократические ценности, весьма далека от народа, что порождает непонимание его проблем и интересов, несвоевременность и слабую эффективность управленческих решений. Народ же фактически не имеет возможности оказывать существенное влияние на функционирование элиты, у него нет для этого соответствующих властных рычагов. Показательными являются итоги исследования О.В. Крыштановской сер. 2000-х гг. Среди ответов на вопрос «Как Вы считаете, в чьих руках сегодня находится реальная власть в стране?» на последнем месте оказался вариант «российского народа», его выбрали лишь 1,9% госслужащих и 0,8% населения [240]. Действительно, в современном российском обществе народ не обладает властью, его роль незначительна. Свидетельством тому стали и результаты весьма интересного политико-психологического исследования, проведенного научным коллективом под руководством Е.Б. Шестопаля в н. 2000-х гг. Анализ визуальных компонентов показал, что народ, в представлении населения, большой роли в системе властных отношений не играет (об этом говорят 35% полученных рисунков). Народ изображался респондентами всегда в виде мелких по масштабу фигур. Причем, нередко в униженном положении (люди на коленях перед властью, просящие милостыню) и в состоянии страдания (людям из народа наносят физические увечья). На многих рисунках между

властью и народом изображались различные преграды, указывающие на то, что взаимодействие данных акторов затруднено, либо его практически нет. На тех же рисунках, где взаимодействие между властью и народом присутствует, оно зачастую перерастает в конфликт или роль народа сводится лишь к массовке, которая слушает речь политика, избирает его и пр. Примечательно, что более 60% респондентов, принявших участие в исследовании, из своих представлений о власти народ исключили вовсе [359, с. 81]. Тем самым существует четкое разделение между властью и народом. Их интересы, по мнению большинства россиян (согласно данным Института комплексных социальных исследований РАН 2004 г.), в нашей стране не совпадают [69, с. 14]. Заметим, что разными являются не только интересы, но и ценности, доходы, образ жизни и пр. Власть зачастую просто использует народ для своих нужд, обогащается за его счет. О людях вспоминают только во время выборных кампаний. Народ унижен, он замыкается в своих проблемах, не надеясь более на власть имущих. А. Чернышов и С. Барзилов не без основания считают, что «чужими для современной российской элиты давно стали не правительство или отдельные государственные или партийные функционеры, а само население. Оно даже в прихожую власти не допущено» [192, с. 97]. Между тем власть – это, в первую очередь, большая ответственность перед людьми. При принятии важных для народа решений властные структуры всегда должны учитывать его мнение. Так, к примеру, считают 71,8% респондентов, принявших участие в анкетном опросе, проводившемся в Республике Саха (Якутия) в 1999 г. Вариант «иногда» выбрали 22,2%, «никогда» – только 0,8% [363, с. 21]. Власть должна быть народной, работать исключительно для людей. Справедливо заметил один из наших экспертов: «Элита – это всего лишь слово. Вся политическая элита из народа и не должна забывать это. Она, например, должна участвовать в народных гуляниях, так как национальные праздники могут стать средством сближения политической элиты с народом». Представители политической элиты, надо заметить, это прекрасно понимают и охотно участвуют в народных праздниках, выступают с многочисленными и иногда очень

навязчивыми поздравлениями в СМИ, однако зачастую только этим и ограничиваются. Работа с населением должна быть, на наш взгляд, в другом, более конструктивном, русле. Реальная забота о людях, искренняя помощь в различных трудных жизненных ситуациях, эффективная социальная поддержка всех категорий граждан, решение насущных вопросов, учет интересов населения должны стать главными доминантами в их деятельности. Политическая элита тем самым не должна быть недостижимой, закрытой и думающей только о себе группой, что, к сожалению, сейчас наблюдается повсеместно.

О профессионализме современной российской политической элиты, ее качестве, конечно, следует судить, в первую очередь, по результатам управленческой деятельности, по эффективности выполнения элитой своих функциональных обязанностей, которые ввиду своей исключительности определяют ключевую роль данной группы в жизнедеятельности социума. На политическую элиту, как известно, возложены следующие важнейшие функции в сфере управления государством и обществом:

1) стратегическая - определение основных направлений государственной политики, отражающих интересы различных социальных групп и всего общества в целом, принятие управленческих решений;

2) организаторская - осуществление на практике выработанного государственного курса, воплощение политических решений в жизнь;

3) интегративная - укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, поддержание порядка, адаптация или сопротивление изменениям, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций.

Кроме того, в литературе выделяются и такие функции элиты, как:

- функция социального мониторинга, заключающаяся в постоянном изучении интересов социальных групп с целью своевременного реагирования на меняющиеся запросы населения, что позволяет выявлять и предотвращать возникновение конфликтных ситуаций в обществе;

- функция воспроизводства политической элиты, рекрутирования политических лидеров и др.

Как видим, функциональная нагрузка политической элиты весьма велика, однако не в каждой стране она эффективно с ней справляется. Рассмотрим сложившуюся ситуацию в современной России, что позволит оценить деятельность политической элиты в профессиональном плане.

Первая из функций – стратегическая, на наш взгляд, реализуется современной политической элитой России с половинным успехом. В отличие от 1990-х гг., когда страна находилась в поиске пути своего развития и лихорадочно металась в различных направлениях, сегодня Россия имеет четкий вектор государственной политики, который воплощается в принятии соответствующих законодательных актов, выработке внешнеполитических доктрин, инициировании социальных изменений и реформировании общества. Другое дело, отражает ли политика государства интересы различных социальных групп и всего общества в целом? В 1990-х гг. на данный вопрос можно было однозначно ответить «нет». Свидетельством тому была, например, острая дифференциация внутри российского общества, которое, согласно Т.И. Заславской, представлено следующими слоями:

- господствующая и правящая элита (верхушка российского общества);
- субэлита (верхний слой) – собственники и менеджеры крупных предприятий, банков, фирм, генералитет силовых структур и т.п.;

- средний слой – среднее звено бюрократии, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, директора небольших государственных предприятий, менеджеры частного сектора, высококвалифицированная и востребованная часть профессионалов;

- базовый слой (относятся 2/3 занятых в экономике и более половины всех россиян) – большинство рядовых специалистов массовых профессий: инженеров, учителей, врачей и др.; клерков, индустриальных рабочих, крестьян, фермеров, работников торговли и сферы обслуживания;

- нижний слой – наименее квалифицированная часть рабочих и служащих, лица, не имеющие профессий, хронически безработные,

большинство пенсионеров и инвалидов, располагающих минимальными средствами к жизни;

- социальное дно – воры, бандиты, рэкетеры, проститутки, нищие, бомжи, бродяги, беспризорные дети и подростки, алкоголики и наркоманы, живущие в семьях [170, с. 286].

Особенно резко обозначился огромный разрыв по уровню жизни между богатыми и бедными, между верхушкой общества, концентрирующей в своих руках основные политические и экономические ресурсы, и массовыми слоями россиян. В данной связи весьма затруднительно утверждать, что политика государства в тот период была направлена на удовлетворение интересов всех людей.

В 2000-х гг. политическая элита значительно более ответственно подошла к выполнению рассматриваемой функции. Сформулированные руководством страны приоритеты отражают интересы различных социальных групп и имеют целью обеспечение благосостояния и безопасности большей части населения нашего государства. Однако если рассматривать, например, социальную сферу, то мы вновь не можем говорить обо всем обществе в целом. Причина заключается в том, что, несмотря на большое внимание, уделяемое сегодня государством социальной политике, выразившееся в значительном увеличении финансирования отдельных направлений социальной сферы, решении наболевших вопросов в данной области, дифференциация населения, как мы уже ранее отмечали, сохраняется. Отдельные категории граждан (пенсионеры, инвалиды, безработные, малоимущие и др.), по-прежнему, находятся на грани выживания. Фактически ничего не предпринимается в отношении так называемого «социального дна» (по Т.И. Заславской). Особенно это касается лиц без определенного места жительства, бродяг, нищих, которых с каждым годом становится только больше. Складывается впечатление, что они не являются частью нашего общества. Забота о них, по логике государства, возлагается на плечи благотворительных организаций, представителей религиозных конфессий, которые не отказываются от этой миссии и по мере

возможности ее выполняют. Однако в данной деятельности должно участвовать государство, допустившее появление указанных категорий населения, и далеко не в последнюю очередь. Подчеркнем, что именно от квалифицированных управленческих решений политической элиты зависит, будут ли все граждане обеспечены основными социальными благами. Вновь с уважением вспоминается период СССР, когда, благодаря эффективной социальной политике данная задача была успешно решена и подобных категорий населения (нищих, бомжей, бродяг) просто не существовало. Хочется надеяться, что и современное руководство нашей страны сможет решить обозначенную проблему.

Итак, мы можем констатировать, что стратегическая функция выполняется российской политической элитой лишь наполовину: основные направления государственной политики формулируются, но они пока еще не совершенны, так как не отражают интересы всего общества в целом. Причем, это касается не только затронутой нами социальной сферы, но и политики, экономики, культуры.

Следующая функция – организаторская, выполняется политической элитой России на данный момент довольно успешно и не входит ни в какое сравнение с 1990-ми гг. Как известно, воплощение в жизнь политических решений федерального центра в тот стихийный период наталкивалось на жесткое сопротивление региональных элит, которые тогда были сильны как никогда ранее. В 2000-х гг. многое поменялось: были реформированы институты политической системы, создан действенный механизм реализации политических замыслов, пересмотрен кадровый состав органов управления и др. Созданная В.В. Путиным вертикаль власти кардинально изменила ситуацию, теперь осуществление выработанного государственного курса проходит практически беспрепятственно и поддерживается большей частью элиты. Вместе с тем нельзя не отметить ряд негативных моментов, которые связаны с выполнением рассматриваемой функции. Во-первых, реализация политических решений зачастую происходит административным путем, без учета интересов и желания населения и элит регионов, что чревато

неблагоприятными последствиями. В их числе, например, инициатива по добровольно-принудительному объединению субъектов РФ, вызвавшая непонимание, неприятие и сопротивление большинства жителей и руководителей автономных округов. Во-вторых, воплощение в регионах отдельных политических решений слабо контролируется федеральным центром. В первую очередь, это касается реализации разнообразных целевых правительственных программ, на которые выделяются большие финансовые средства из государственного бюджета. Не секрет, что по причине высокого уровня коррупции в стране значительная часть из поступающих в регионы средств бесследно исчезает, оседая в карманах чиновников. Также много фактов нецелевого использования федеральных денег. В итоге реализация крайне необходимых программ носит ограниченный характер, ввиду недостаточного финансирования. Российскому руководству, на наш взгляд, нужно проверять законность и обоснованность казенных расходов, ужесточить контроль за использованием бюджетных средств, наладить систему, позволяющую отслеживать этот процесс и, естественно, принять реальные меры по уничтожению коррупции в нашей стране. Только тогда можно будет эффективно осуществлять государственный курс на практике.

Менее всего успешна, на наш взгляд, реализация интегративной функции. Причем, это характерно как для политической элиты 1990-х гг., так и для элиты 2000-х гг. Характерными чертами рассматриваемой функции, как уже было нами отмечено, являются укрепление стабильности общества, устойчивости его политической и экономической систем. Безусловно, на данный момент относительная стабильность в российском обществе наблюдается, принимаются и меры для ее укрепления. Однако на чем она основывается? В сфере политики, как нам представляется, на усилиях и авторитете одного политического деятеля – В.В. Путина, который опирается на слабую и рыхлую силу партии «Единая Россия», не пользующейся поддержкой широких масс населения. Безусловно, здесь есть над чем задуматься. В сфере экономики стабильность, как известно, обеспечивается природными ресурсами: нефтью, газом, золотом и т.д. Цены на них довольно

высокие, пока. Однако этот фактор крайне неустойчив. Поэтому полная ориентация экономики России на экспорт топливно-сырьевых ресурсов и иных природных богатств является, на наш взгляд, ошибочной и очень опасной. Итак, российская политическая элита предпринимает меры для обеспечения стабильности в обществе, устойчивости политической и экономической социальных систем. Однако они имеют весьма ненадежную основу, которая, при наличии определенных обстоятельств, может обрушиться и привести к крайне негативным последствиям.

Что касается укрепления единства общества, то пока это лишь цель, к которой стремится руководство страны. Показательно, что некоторые наши респонденты, перечисляя в анкете наиболее проблемные направления политической сферы в России в числе прочих, назвали вариант «консолидация общества, объединение нации», указав тем самым на неблагоприятную ситуацию в этом вопросе. Причина отсутствия единства, скорее всего, заключается в том, что в современной России, к сожалению, до сих пор нет четкой и понятной каждому идеологии, то есть «системы взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [484, с. 142]. Между тем именно идеология, по выражению Д.С. Смирнова, «является инструментом сплочения, интеграции общества, с ее помощью формируется картина политического мира, места в нем конкретного народа и государства, происходит постановка целей и оценка возможных перспектив развития» [462, с. 18]. В идеологии, вырабатываемой политической элитой, раскрываются общенациональные ценности, идеалы, убеждения, ориентиры, которые распространяются на все социальные группы. Отметим, что способность формировать и изменять существующие идеологические конструкции является показателем эффективности элиты. Отсутствие в стране четкой системы ценностей и основополагающих идей вызывает у людей вполне понятную тревогу. Например, исследование В.Г. Жалсановой

(1999 г.) показало, что в числе проблем общества, вызывающих наибольшее беспокойство политической элиты Республики Бурятия, наряду с «финансовым кризисом» (77,5%), «слабостью государственной власти» (52,2%) и другими ответами был назван вариант «отсутствие общенациональной патриотической идеи» – 34,2% [165, с. 68]. Сделанный здесь акцент на патриотическом характере общей идеи не случаен, так как данный аспект в 1990-х гг. был почти забыт. Лидеры того времени были больше озабочены предстоящими выборами, чем будущим своей страны. Между тем патриотические тезисы, безусловно, способны объединить население. Так, по результатам исследования ВЦИОМ 1993 г., основной идеей, которая могла бы сплотить общество на путях реформ, по мнению представителей как старой, так и новой элит, является идея возрождения России [117, с. 184]. Участники нашего анкетного опроса указывали, что объединяющей идеей может стать достижение Россией достойного места в мировом сообществе. Следует отметить, что на данный момент патриотические идеи звучат все чаще. Например, декларируется необходимость построения сильного и независимого государства, в связи с чем уделяется большое внимание формированию соответствующего имиджа страны. Действительно, работать над умонастроениями людей очень важно. Ю.В. Быба абсолютно верно утверждает, что «государство должно нравиться своему народу. Человек хочет быть уверен, что работает на благо сильного, могучего, влиятельного государства, заботящегося о своих гражданах» [69, с. 12]. Консолидация нашего общества вполне возможна и на основе других идей. Весьма ценные, на наш взгляд, представления россиян на эту тему были выявлены в результате исследований, которые проводились Институтом социологии РАН в период с 1995 г. по 2011 г. На первых трех местах неизменно находились следующие варианты: 1 место – идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы (42% в 2011 г.), 2 место – идея укрепления России как правового государства (38% в 2011 г.), 3 место – идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством (26% в 2011 г.). Примечательно, что по

сравнению с другими периодами в 2011 г. отмечено увеличение выбора варианта «возвращение к социалистическим идеалам и ценностям – 21%, против 10% в 1995 г. и 15% в 2001 г. [123, с. 18]. Как видим, россияне уже определились в своих приоритетах, и они отличаются стабильностью. К мнению народа, безусловно, нужно прислушаться. Тем не менее, следует отметить, что перечисленные нами идеи являются лишь отдельными тезисами. Необходима же четкая система ценностей, государственная идеология, которая имеется в любой цивилизованной стране. Она, по справедливому замечанию Л.В. Потапова, «... должна быть построена на ценностях, близких и понятных людям. Ну, кто сказал, что в государстве не может быть патриотической идеологии? Почему не должно быть идеологии честности? Идеологии здорового образа жизни?» [98, с. 39]. Элементами идеологии также могут быть забота о народе, права и свободы человека, безопасность государства, справедливость и другие вечные ценности. Предпринимаемых на сегодня мер явно недостаточно и они не всегда продуманны. Например, предлагаемое руководством страны провозглашение полиэтничного населения России единой российской нацией и стремление сформировать соответствующую идентичность весьма трудновыполнимо. Р.М. Гибадуллин указывает, что данная задача «вступает в противоречие с исторически сложившейся у разных этносов политической традицией идентифицировать себя в качестве самостоятельных наций. В таких условиях политика по созданию единой нации может восприниматься ими как принудительная ассимиляция и вызывать протестную реакцию» [114, с. 74]. К тому же «образ российской нации определяется исключительно на основе русского этнического самосознания, прежде всего на основе традиционных патриотических ценностей русского народа. Как отмечают современные исследователи, «нерусские россияне не узнают себя в символах новой российской государственности. В неясном облике создаваемой на глазах официальной идеологии не просматривается очертаний культурного плюрализма ...» [114, с. 76]. В данной связи, Р.М. Гибадуллин признает несостоятельную попытку идеологически легитимировать понятие единой

российской нации в глазах нерусских обществ. Действительно, понятие не получило убедительного идеологического оформления, его жизнеспособность крайне сомнительна. В целом существующие сегодня в стране ориентиры разрознены, политическая элита России пока не способна объединить общество и воодушевить людей на решение ключевых задач. Формируемые идеалы очень слабо внедряются в сознание россиян, которых «поглотила» одна, понятная всем ценность – деньги, позволяющие удовлетворять материальные потребности и достойно существовать. Так, на вопрос «Что в современном российском обществе важнее для обеспечения прочного благополучия и высокого статуса – деньги или власть?», заданный в сер. 2000-х гг. в ходе исследования О.В. Крыштановской, 51% госслужащих ответили «деньги», среди населения таких было 51,8% [240]. В результате создается так называемое «общество потребления», представителей которого мало интересуют идеи патриотизма, взаимопомощи, сострадания, духовного развития и т.д. Подчеркнем, что многие ценностные ориентиры население зачастую заимствует именно у политической элиты, чей образ жизни является неким «эталоном». Не секрет, что большинство представителей данной социальной группы является весьма состоятельными людьми, потому что вся их деятельность, как правило, направлена на личное обогащение. В итоге мы имеем правительство миллионеров, парламент, состоящий из бизнес-элиты и т.п. Свои немалые сбережения, естественно в иностранной валюте, они хранят за рубежом, там же отдыхают, получают медицинскую помощь, обучают своих детей и пр. Вокруг существующей в России элиты объединения нет и, скорее всего, не будет, слишком далеки власть имущие от народа. Многие из них, ограбившие население во время дикой приватизации и не потерявшие при этом свои позиции в органах власти, получающие баснословные доходы от продажи и эксплуатации природных богатств страны и государственного имущества, и не думают о единении. Они озабочены сохранением существующего положения, проведением третьей, видимо, окончательной волны приватизации и другими подобными вещами. При этом они абсолютно

уверены в своей безнаказанности, так как никакой борьбы с коррупцией в России не ведется, пересмотра итогов экономических «достижений» не ожидается. Граждане прекрасно понимают, что в России существует два мира: богатых и бедных, и они в ближайшее время не пересекутся. Как мы знаем, проблемы бедности и разрыва в доходах приобрели сегодня особую остроту. Более того, бедность населения рассматривается в качестве одной из национальных угроз России. Безусловно, она может привести к далеко идущим последствиям: социальным волнениям, нестабильности и даже к смене власти. Поэтому если российское руководство хочет избежать подобных негативных явлений и действительно объединить общество, оно должно начать с представителей органов управления. Необходимо создать подлинную политическую элиту, действительно заботящуюся о благе народа и способную сформировать систему общих национальных ценностей. Только тогда можно будет говорить о единстве российского общества. Надеемся, что это вполне реально.

Следующими характеристиками интегративной функции являются поддержание порядка, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций. К сожалению, приходится констатировать, что российская политическая элита не в полной мере справляется с данными задачами. Об этом свидетельствуют периодические конфликты на почве социального неблагополучия, политических предпочтений и, что весьма печально, национальной вражды. Не заметно, чтобы политическая элита занималась профилактикой и разрешением возникающих конфликтных ситуаций. Скорее поддержанием общего порядка в стране, что удастся ей более успешно. Итак, интегративная функция выполняется политической элитой России пока неэффективно: устойчивость политической и экономической систем не надежна; консолидации общества на основе ценностей, сформулированных элитой, не наблюдается; усилия по преодолению межгрупповых разногласий и конфликтов слабы. Надеемся, что в ближайшем будущем ситуация изменится и политическая элита сумеет объединить общество, а, значит, сохранить Россию.

Таким образом, на политическую элиту ввиду ее особой роли в обществе возложена значительная функциональная нагрузка. В зависимости от эффективности ее выполнения можно судить о профессионализме лиц, находящихся на вершине социальной иерархии. Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва исполняют свои функциональные обязанности с переменным успехом, как, впрочем, и все представители российской элиты. В их деятельности присутствуют как положительные, так и отрицательные моменты. В целом итоги анкетирования показывают, что республиканские элиты стараются добросовестно выполнять свои должностные функции. Им сравнительно в меньшей степени присущи многие негативные черты, характерные для федеральной элиты. В их деятельности больше внимания к людям, поскольку они знают, что от их работы зависит благополучие конкретного региона и населения. Соответственно мера их ответственности выше. Что касается российской политической элиты в целом, то ее оценка неоднозначна. При наличии некоторых достоинств ей характерен ряд отрицательных качеств, которые вызывают острое неприятие. Функционирование элиты оставляет желать лучшего, так как многие возложенные на нее обязанности исполняются недостаточно эффективно. Между тем, важность ее роли в социуме обусловлена именно функциями, которые она выполняет. Как справедливо заметил М. Шелер, слова которого вновь хочется привести, «ценность и значение элиты лежит не в ней самой, а в ее функции для общества» [126, с. 25]. Элита современной России должна четко осознавать, что от успешного исполнения ее функциональной нагрузки зависит спокойствие, благосостояние и успешное развитие страны, а также каждого человека, проживающего в ней. Поэтому политическая элита должна в корне пересмотреть отношение к выполнению своих профессиональных обязанностей, что, надеемся, является делом ближайшего будущего.

4.2. Основные направления развития политических элит регионов России

Современная российская политическая элита, как мы теперь можем констатировать, несовершенна. В ее деятельности, образе жизни слишком много нелицеприятных моментов. Однако абсолютно очевидно, что ныне и в обозримом будущем общество не сможет функционировать без данной социальной группы. Значит, высококвалифицированную элиту, ориентированную на высокие гуманистические ценности, нужно создавать, причем, планомерно. Для успешного формирования в России новой политической элиты, на наш взгляд, необходимо предпринять ряд мер, которые сегодня очень актуальны. Многие из них были сформулированы нашими экспертами при ответе на вопрос: «Что необходимо для формирования профессиональной политической элиты, возможно ли это в перспективе?», заданный в процессе интервьюирования. Приведем некоторые суждения экспертов.

Республика Бурятия: «В политике не должно быть случайных людей, только профессионалы – опытные, зрелые, имеющие внутренний потенциал»; «Для формирования подобной элиты нужны решительные меры. В первую очередь, это смена лиц, находящихся у власти. Не думаю, что их можно кардинально изменить. Новые кадры должны тщательно отбираться по ряду критериев, причем, объективно. Их необходимо обучать, подготавливать к работе и т.д. Насколько это выполнимо, не знаю. Скорее всего, в далекой перспективе».

Республика Тыва: «Сначала необходимо создать основу – должны быть политическая стабильность, устойчивое влияние федерального центра и др. Потом уже можно заняться воспитанием элиты, и здесь важен результат. Надо помнить, что политическая элита – это будущее, от нее зависит развитие России. Поэтому политикой должны заниматься профессионалы, нельзя допускать политиканства. Элита может пополняться из различных каналов, но их представители должны быть квалифицированными и способными. Думаю, что формирование профессиональной политической

элиты возможно»; «Необходимо совершенствовать избирательную систему, начиная с мелких региональных отделов, отказаться от выборов по партийным спискам (это способ пополнения политической элиты своими родственниками). Нужно время. В перспективе создание профессиональной элиты возможно, после стабилизации экономики»; «В политике должны быть профессионалы, работающие наравне (никакой клановости и связей), на условиях жесткого естественного отбора – если не справляются, то пусть уходят. Назначение на должность должно быть постепенным. Тех людей, с которыми можно работать, нужно замечать в народе, изучать, узнавать на практике. Затем готовить и постепенно продвигать (в течение нескольких лет), и никаких любимчиков. Необходимо формировать кадровый резерв. В результате возможно воспитать новое поколение».

Республика Саха (Якутия): «Нужно реализовать следующие меры: 1) обеспечить демократизацию политической системы и общества в целом; 2) должности должны быть достигаемы, если человек профессионально готов; 3) соблюдать прежде всего интересы населения; 4) отбирать кадры по профессиональному признаку и компетентности; 5) воспитывать политическую культуру, которой у 80% элиты нет. Однако это дело долгое, в ближайшие годы ничего не изменится»; «Идеальной элиты не было и не будет. Для этого нужно ломать стереотипы, целенаправленно формировать профессиональную элиту. Когда это произойдет в России? Неизвестно».

Итак, эксперты разделились в вопросе о том, возможно ли сформировать в России профессиональную политическую элиту, но абсолютно уверены, что необходимость в этом есть. Они предложили и ряд мер, которые могут способствовать данному процессу. Учитывая мнения экспертов, перечислим некоторые задачи, которые предстоит решить в нашей стране для создания качественно новой политической элиты.

В первую очередь, необходимо оптимизировать систему рекрутирования политической элиты, которая явно несовершенна. В качестве основных каналов продвижения в состав изучаемой социальной группы в постсоветский период, как мы выяснили, выступают советская номенклатура,

государственный аппарат, органы местного самоуправления, бизнес-структуры, политические партии, силовые и специальные структуры, учреждения науки и образования. При этом практика показывает, что в составе федеральных и региональных органов власти России доминируют представители бизнес-элиты. Их массовое вхождение во властные структуры вполне объяснимо. Данная социальная группа вынуждена постоянно контактировать с чиновниками, она находится в зависимости от решений власти – запретов, порядка распределения ресурсов, льгот и пр. Предприниматели часто испытывают давление со стороны чиновников в виде проверок контролирующих органов, вымогательств и т.п. Примечательно, что в литературе даже выделяются различные группы предпринимателей по характеру их взаимоотношений с властью:

- группа предпринимателей, испытывающих серьезные проблемы в отношениях с чиновниками, но проявляющие лояльность к власти и закону;

- относительно благополучная группа, которой в основном удается избегать столкновений с представителями власти и сохранять отношения взаимного невмешательства и паритета;

- группа предпринимателей, которые часто сталкиваются с вымогательствами чиновников и имеют максимальные неформальные расходы, но избегают конфликтов и открытого воздействия на власть, предпочитая откупаться от нее;

- группа предпринимателей, сталкивающихся с частыми бюрократическими вымогательствами и несущих весомые неформальные издержки, находящихся в довольно напряженных отношениях с представителями органов управления и склонных к воздействию на власть. [431, с. 89].

Подобные отношения вынужденного сотрудничества с чиновниками, естественно, не устраивают предпринимателей, они стремятся сами обладать властными ресурсами, для чего и входят в органы власти, в первую очередь, законодательные / представительные. В результате персональный состав данных учреждений кардинально меняется – число промышленников и

бизнесменов неуклонно растет, а иные социально-профессиональные группы (врачи, учителя, преподаватели высшей школы, инженеры и др.) постепенно вытесняются. Существующая сегодня в нашей стране ситуация абсолютно неприемлема. Присутствие бизнес-элиты во властных структурах должно быть в гораздо меньшем масштабе. Специфика ее работы совершенно иная, так как «предприниматель – это профессиональный специалист по заключению сделок, ведению переговоров, достижению договоренностей» [368, с. 168]. Вся его деятельность, согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, то есть на извлечение личной выгоды. Подобные навыки, как нам представляется, не являются основополагающими в органах управления. Основная роль бизнесменов заключается в оказании консультативных услуг, а не в личном присутствии во власти. Пополнение состава политической элиты, по нашему мнению, должно происходить преимущественно из числа работников органов государственной и муниципальной власти. Именно они по роду своей деятельности могут квалифицированно осуществлять управленческие функции. У них имеется соответствующая профессиональная подготовка, опыт работы, навыки и пр. Помимо данных специалистов необходимо увеличить роль представителей науки и образования в политической сфере, которые, несомненно, могут внести весомый вклад в деятельность властных структур. Присутствие научной интеллигенции в органах власти будет способствовать глубокому изучению проблемных вопросов, грамотному осуществлению операций планирования и прогнозирования, принятию более обдуманных и взвешенных решений и многому другому. В целом в составе политической элиты, по нашему мнению, должны быть представители различных социальных сфер, то есть каналов для ее пополнения может быть много. На это, заметим, указали и эксперты, принявшие участие в исследовании М.И. Кодина. Подавляющее большинство ответило, что основой для формирования политической элиты является «вся социальная структура общества, прежде всего трудящиеся».

Базой для образования элиты во многом служит также научная и творческая интеллигенция [215, с. 124]. Несмотря на возможность существования различных каналов пополнения политической элиты, ни один из них, на наш взгляд, не должен быть доминирующим, ввиду своей второстепенности, за исключением государственного аппарата и органов местного самоуправления, роль которых первостепенна.

Требуют корректировки и механизмы рекрутирования современной политической элиты России. Система назначений высших должностных лиц постепенно себя изживает. В обществе накапливается недовольство существующим положением, население все чаще заявляет о своем желании непосредственно участвовать в формировании органов власти и выбирать главных политических акторов. Причем, выбирать реально, самостоятельно и конкретных лиц, а не одобрять партийные списки, что предлагается при пропорциональной системе. Представляется необходимым вернуться к выборам руководящего состава с применением мажоритарной избирательной системы. Существенной доработки требует и реализуемая программа по формированию кадрового резерва страны. Безусловно, она необходима, перспективна и у нее уже есть положительный опыт работы. Однако в функционировании кадрового резерва, как мы отмечали, имеется ряд существенных проблем: непрозрачность его формирования; недостаточная информированность о создании резерва, порядке пребывания в данной структуре и приеме на государственную службу лиц, состоящих в резерве; низкая оценка значимости кадрового резерва и пребывания в нем; отсутствие реальной конкуренции среди лиц, состоящих в резерве; слабая заинтересованность людей, не являющихся сотрудниками органов государственного управления, в зачислении в резерв; недостаточный приток в резерв работников органов местного самоуправления, имеющих богатый управленческий опыт; отсутствие единых измеримых критериев отбора резервистов; ограниченная практика планирования и реализации индивидуального профессионального развития лиц, состоящих в резерве, и др. [345]. Данные моменты снижают эффективность реализации программы

по формированию кадрового резерва страны, не обеспечивают достижение конечной цели по отбору талантливых профессиональных управленцев. В результате проблема кадрового дефицита не теряет своей актуальности. Существенные недостатки, на наш взгляд, имеются и в практике применения механизма партийного рекрутирования элиты. Партии действительно активно работают в различных направлениях, в том числе осуществляют поиск и включение в политическую жизнь перспективных лиц, которые в дальнейшем пополняют состав не только партий, но и политической элиты страны. Однако речь идет, как правило, лишь об ограниченном числе людей, которые входят в актив партий и занимают в них руководящие должности на протяжении очень долгого времени. Других членов партий, возможно, не менее талантливых, в составе политической элиты не наблюдается. Крайне редко можно увидеть новые лица, услышать их точки зрения. Между тем в крупнейших партиях России числится не одна тысяча человек. При них, кроме того, функционируют и молодежные подразделения, которые принимают активное участие в жизни государства, организуют и проводят различные мероприятия – молодежные акции, экологические субботники, спортивные состязания, оказывают помощь ветеранам и пенсионерам и реализуют огромное количество других проектов. Среди данной молодежи много инициативных, умных, энергичных людей, которые хотят и могут продолжить свой политический путь в новой роли. Безусловно, их нельзя сразу назначать на ответственные посты, они должны пройти подготовку, набраться опыта и лишь затем заняться серьезной работой. Однако этого практически не наблюдается, в состав политической элиты представители молодежных подразделений входят крайне редко, единицы. Соответственно механизм партийного рекрутирования нуждается в совершенствовании. Партиям необходимо стать более динамичными образованиями, из их рядов в элиту должны поступать лучшие представители, в значительно большем, нежели сейчас, количестве. Абсолютно недопустимым, естественно, является использование неформальных механизмов рекрутирования политической элиты (в их числе патрон-клиентарные отношения, опыт совместной

деятельности с первыми лицами, личная преданность, родственные / земляческие / этнические связи, общность социального происхождения, близость статусных характеристик или идеологических убеждений, фаворитизм, протекционизм и др.). Изжить их, конечно, весьма затруднительно. Однако работу в данном направлении вести, безусловно, нужно. Здесь многое будет зависеть от уровня культуры руководителей организаций, эффективной работы контрольных ведомств и кадровых подразделений. Роль последних наиболее значительна, так как они являются своеобразным «фильтром», осуществляющим отбор лучших специалистов на основе современных кадровых технологий. Все претенденты на государственные посты должны проходить открытые конкурсы на замещение вакантных должностей, сдавать соответствующие экзамены, посещать собеседования и пр. Помимо этого в целях осуществления контроля в учреждениях должен проводиться постоянный мониторинг кадровых процессов, для чего необходимо обеспечить открытость принимаемых решений о должностном росте или увольнении работников. Следует разработать четкую систему критериев для определения уровня необходимой квалификации специалистов и периодически проводить по единым требованиям контрольные мероприятия: тестирования, экзамены, аттестации и пр. Конечно, все это применяется на практике, но зачастую формально и далеко не на равных условиях. Между тем, кадровый контроль и особенно подбор специалистов должны быть процедурами серьезными, объективными, прозрачными и равными. Возможность пополнить состав политической элиты должна быть у представителей различных социальных слоев, соответствующих выдвигаемым требованиям.

В процессе совершенствования каналов и механизмов пополнения современной политической элиты считаем целесообразным перенять многие элементы советской системы рекрутирования руководящих кадров, которая, по нашему мнению, была более эффективной и справедливой. Она предоставляла людям равные возможности в продвижении вверх по выстроенной иерархии. При этом многое зависело от личных качеств

человека, его профессионализма. В процессе карьерного пути, отличающегося длительностью и постепенностью, он приобретал богатый опыт работы, что очень важно. Как верно заметил Л.В. Потапов, «Управленческая работа требует серьезных навыков и немалого опыта. А КПСС добротной готовила кадры руководителей. Это была очень хорошая школа самодисциплины, требовательности к себе, ответственности за свои решения и поступки» [98, с. 14]. О несомненных достоинствах советской системы подготовки кадров пишет и Н.А. Слепцов: «Раньше кадры проходили обкатку, начиная с первичного звена комсомольской, профсоюзной, партийной организации. Свою самостоятельность доказывали практической работой, навыками организации, знанием жизни на низшем коллективистском уровне. Поэтому вырастали энтузиасты своего дела, творчества, решающие управленческие задачи. Всего этого нынче нет» [460, с. 31]. Действительно, советская система рекрутирования руководящего звена на практике доказала свою эффективность и может быть применена в современных условиях. Через определенное время она позволит устранить острую проблему кадрового дефицита в стране, так как будет создан круг высокопрофессиональных специалистов, готовых к выполнению сложных управленческих задач.

Итак, современная система рекрутирования руководящих кадров в России требует внесения существенных корректив, без которых невозможно сформировать качественно новую политическую элиту и работоспособный государственный аппарат. Нужно проводить более грамотную кадровую политику, причем, на основе обновленной законодательной базы. Эффективная система рекрутирования элиты, по словам В.П. Пугачева и А.И. Соловьева, «... должна обеспечивать высокую профессиональную компетентность и необходимую систему ценностных ориентаций: честность, уважение законов и прав человека, заботу об общем благе и т.п.» [424].

При рекрутировании политической элиты необходимо учитывать такие профессиональные характеристики, как квалификация, интеллектуальная самостоятельность, исполнительность, опыт работы и т.п. К сожалению, как

мы выяснили, они сейчас не играют большой роли при назначении на должности, так как доминируют неформальные механизмы рекрутирования. Однако совершенно очевидно, что именно по перечисленным факторам необходимо осуществлять отбор руководящего состава и специалистов органов государственной власти и управления. Среди них одним из определяющих факторов, на наш взгляд, должно стать образование претендентов, которое свидетельствует о наличии необходимых знаний для работы в той или иной области. Так, заметим, считают и респонденты, принявшие участие в опросе О.В. Крыштановской в н. 2000-х гг. По мнению 52,5% госслужащих и 44,8% населения, необходимо «осуществлять более тщательный отбор чиновников с учетом образования и квалификации», это позволит повысить эффективность их работы [240]. Во власть должны приходиться компетентные люди, получившие хорошую подготовку. Уровень образования представителей российской элиты сейчас, безусловно, очень высок, и мы это отмечаем. Многие из них не ограничиваются обучением в одном вузе, но и дополнительно заканчивают иные учебные заведения, получая второе высшее образование. Имеются и лица, обладающие учеными степенями и званиями, их количество неуклонно растет. Однако практика показывает странную тенденцию, что руководящие посты в органах власти и управления России зачастую занимают люди, не обладающие профильным образованием. Представляется, что эта тенденция абсолютно недопустима. Должности должны занимать те, кто имеет соответствующее специализированное образование для той или иной работы. Получение диплома по популярному ныне направлению «государственное и муниципальное управление» и другим ему подобным не решает проблемы. Это образование слишком общее, оно подтверждает статус управленца (менеджера), но не дает необходимых глубоких знаний для того, чтобы успешно решать задачи развития сельского хозяйства, культуры, образования, военной сферы и др. Здесь нужны люди, получившие узкое профильное образование. Они должны быть высокопрофессиональными специалистами во вверенной им области, знающими все ее проблемы и четко

представляющими, в каком направлении нужно двигаться, чтобы вывести отрасль на качественно новый уровень. Соответственно вновь актуализируется необходимость изменения государственной кадровой политики. Существующие в ней сегодня изъяны, в первую очередь странная хаотичная расстановка кадров, уже приводят к неблагоприятным последствиям, которые выражены в крайне низких темпах развития отдельных социальных сфер. Иного и не может быть, если работой в различных областях занимаются люди, очень далекие от них. Расчет руководства страны на новый взгляд человека со стороны, по нашему мнению, абсолютно не оправдан. Подход к расстановке кадров необходимо изменить, причем, срочно, пока еще можно стабилизировать ситуацию в отраслях. Впрочем, вполне возможна и другая причина странных кадровых перемещений в России, заключающаяся в простом дефиците квалифицированных работников. В этом случае приобретает актуальность проблема подготовки кадров, которую можно решить при помощи учреждений образования, выпускающих профессиональных специалистов. Учебный процесс, как известно, является одним из важных элементов в деле становления личности молодого человека, так как именно в студенческие годы происходит раскрытие его творческих задатков и интеллектуальных способностей. Талантливой молодежи, обучающейся по различным специальностям в высших учебных заведениях, немало. Однако далеко не все перспективные студенты по ряду причин в дальнейшем работают по профессии, многие уходят в другие сферы, переквалифицируются. Заинтересованным в качественном кадровом пополнении органам желательно налаживать контакты с профильными факультетами и институтами, осуществлять раннее выявление талантов (например, через конкурсы, олимпиады и иные интеллектуальные мероприятия), поддерживать и стимулировать их (в первую очередь, материально, к примеру, учреждать именные стипендии отлично успевающим или присуждать гранты), обучать во время студенческой практики и предоставлять им в дальнейшем рабочие места или включать в кадровый

резерв. Нам представляется, что подобное взаимовыгодное партнерство органов власти и учреждений образования является оптимальным в деле решения проблемы дефицита квалифицированных работников.

Довольно часто сегодня обсуждается тема так называемого «элитного образования». По мнению многих зарубежных и отечественных исследователей, любая социальная система нуждается в организации подготовки элиты через создание сети элитных учебных заведений, которые, заметим, успешно функционируют во многих странах. К ним относятся Оксфорд, Кембридж, Гарроу, Гарвард, Йель, Принстон, Лицей Ле Гранда, Школа государственного управления и др. Система элитного образования за рубежом фактически является системой рекрутирования элиты. Т. Дай, например, выделяет получение образования в престижных учебных заведениях как наиболее значимый фактор для вхождения в элиту. Многие американские социологи утверждают, что путь в элиту складывается из двух основных составляющих – образования и социального происхождения [126, с. 73-74]. Последнее собственно и гарантирует обучение в перечисленных заведениях, так как при формировании состава студентов определяющими здесь являются социальный статус и богатство. В результате значительная часть элиты за рубежом пополняется из высших слоев. Например, в ФРГ до половины элиты рекрутируется из высшего и высшего среднего классов, которые составляют лишь 5% населения [31, с. 471]. Согласно градации Г.К. Ашина, это все же примеры так называемого «элитарного образования» для детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности и богатства. Его нужно отличать от «элитного», подразумевающего образование самого высокого уровня, которое могут получить все люди, обладающие способностями и талантом [476, с. 510]. В нашей стране, к счастью, мы можем пока говорить именно об элитном образовании. Хотя, следует признать, что при зачислении в некоторые учебные заведения большую роль играют критерии высокого социального статуса и наличия значительных финансовых ресурсов. К числу престижных элитных образовательных учреждений в России относятся, например, Московский

государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ и некоторые другие учебные заведения, которые занимаются подготовкой кадров для органов государственной власти, и не только. Также успешно развивается и расширяется сеть образовательных учреждений, специализирующихся на подготовке, переподготовке госслужащих, создании резерва для замещения высших, главных и ведущих государственных должностей. Как правило, это различные академии и институты государственной и муниципальной службы, функционирующие на федеральном и региональном уровнях. Нередко эти учреждения работают под патронажем «первых лиц», что значительно повышает их авторитет и увеличивает шансы попадания выпускников в структуры власти. Так, в Самаре был создан специальный муниципальный институт, который курировал лично мэр Г. Лиманский. Он рассматривал его как надежную нишу, из которой в муниципальную власть будут поступать молодежные кадры: «Я убежден в том, что власть нуждается в молодых, – считает мэр города Самары Георгий Лиманский. – Именно поэтому я создал этот институт и связываю с ним большие надежды. Через некоторое время в муниципальные структуры придут высокообразованные молодые люди, и власть заработает по-новому. В этом я глубоко убежден и хочу, чтобы в это верили и мои руководители» [547]. Элитные учреждения образования, безусловно, вносят вклад как в решение проблемы дефицита кадров, так и в повышение образовательного уровня политической элиты. Наше исследование показало, что в данные учебные заведения приходят, как правило, госслужащие для получения второго высшего образования. Зачастую оно им нужно для повышения своего статуса или для «галочки». Следует заметить, что в этом случае данное образование, будучи весьма дорогостоящим, не всегда является качественным. Например, в академиях государственной службы широко практикуется дистанционная форма обучения по различным направлениям (государственное и муниципальное управление, юриспруденция, экономика и др.), имеющая как достоинства, так и недостатки, заключающиеся в отсутствии полноценного диалога между

преподавателем и студентом, слабом разъяснении изучаемого материала, обилии письменных заданий, не всегда отражающих реальный уровень знаний, и пр. Тем не менее специализированные учреждения образования, безусловно, необходимы, нужно только улучшить качество обучения в некоторых из них и проводить более тщательный конкурсный отбор в эти вузы. В целом же, хотелось бы отметить, что вся сеть элитных учебных заведений в России нуждается в совершенствовании, в повышении своей конкурентоспособности на рынке мировых образовательных услуг. Государству желательно усилить их поддержку, особенно на региональном уровне, и, конечно, обеспечить равенство возможностей обучения в них. Это, в свою очередь, позволит подготовить квалифицированные кадры для российских органов власти.

Завершая тему образования политической элиты, хотелось бы отметить, что процесс получения новых знаний, умений и навыков должен быть непрерывным. С этой целью в России, возможно, необходимо сформировать государственный образовательный комплекс с многоуровневой системой обязательного обучения управленческих кадров. Безусловно, в нашей стране законодательно установлено требование, что государственные и муниципальные служащие должны обязательно периодически обучаться по программам повышения квалификации. Однако зачастую это требование не соблюдается ввиду слабого контроля либо исполняется формально. Предлагаемые служащим учебные программы, как правило, однообразны и не имеют практической направленности. Поэтому необходимо создание развитой, контролируемой, качественной системы обучения кадров. Разрабатываемые учебные курсы должны быть познавательными, разносторонними, основанными на практическом опыте и предполагать строгую систему проверки успеваемости. Соблюдение всех перечисленных нами требований к образованию представителей политической элиты, несомненно, будет способствовать более качественному исполнению ими своих должностных обязанностей.

Следующая задача, которую, на наш взгляд, необходимо решить в стране, – это добиться сменяемости политической элиты. Проблема здесь заключается в том, что зачастую в федеральных и региональных органах власти России на протяжении многих лет работают одни и те же люди. Н.А. Слепцов справедливо отмечает: «во власти на всех уровнях <...> до боли знакомые лица. Нет притока свежей крови – кадры сегодня никто не готовит. Начиная с Академии государственной службы при Президенте РФ <...> и опускаясь до регионального уровня, обучается и переобучается один и тот же политический бомонд» [460, с. 31]. Многие из представителей элиты перемещаются из одного кресла в другое, не утрачивая при этом своего высокого статуса, часть – длительно занимают определенную должность. Показателен в этом отношении состав законодательных / представительных органов в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Например, в третьем созыве Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) сохранялась явная преемственность с предыдущим созывом – практически каждый четвертый депутат был переизбран [59, с. 74]. В Тыве показатель сменяемости депутатского корпуса на выборах составил: в 1998 г. – 84,4%, в 2002 г. – 65,3% [508, с. 82]. Интересную информацию позволил получить проведенный нами анализ биографий депутатов (см. таблицу 23).

Таблица 23

**Распределение депутатов республиканских парламентов
по количеству избраний (в %)**

Количество избраний	Народный Хурал Республики Бурятия (IV созыв)	Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (IV созыв)	Законодательная палата Великого Хурала Республики Тыва (II созыв)
избраны в 1 раз	48,5	47,2	53,1
избраны во 2 раз	22,7	41,4	46,9
избраны в 3 раз	22,7	7,1	-
избраны в 4 раз	6,1	4,3	-

Как следует из таблицы 23, в изучаемых регионах лишь около половины депутатов избраны в свой парламент впервые. Остальные же работали в составе нескольких корпусов, причем, в их числе есть и те, кто не пропустил

ни одного созыва. Фактически такая же ситуация наблюдается и в представительных органах местного самоуправления. Например, в Улан-Удэнском городском Совете депутатов IV созыва в первый раз избраны 65,4% (17 чел.), во второй раз – 30,8% (8 чел.), в третий раз – 3,8% (1 чел.). Тем самым почти половина депутатов республиканских законодательных / представительных органов власти не ограничивается работой в одном созыве, а стремится продолжить свою деятельность, избираясь на новый срок. Превратив свое место в парламенте фактически в должность занимаемую ими на постоянной основе, а временный статус народного избранника – в профессию, они не дают возможности новым людям включиться в законотворческую деятельность. При этом большая часть из них не отказывается от основной работы и сохраняет свои должности на предприятиях, что представляется неприемлемым. Так считают и наши респонденты, принявшие участие в анкетном опросе (*см. таблицы № 74-76 в приложении I*). Они отказывают депутатам в возможности совмещения своих обязанностей с управлением предприятиями и банками, с непосредственным участием в работе административных (исполнительных) органов власти. Депутаты, по их мнению, также не должны быть связаны деловым партнерством с коммерческими структурами, и отстаивать в своей деятельности интересы конкретных экономических субъектов. Лишь выступать консультантами и советниками экономических структур целесообразным для депутатов допустили большинство представителей политических элит республик Бурятия и Тыва, соответственно 50,5% и 46,1%. Впрочем, около половины опрошенных в Саха (Якутии) – 48,5% отказали и в этом. Указанные ответы лидировали фактически во всех видах республиканских элит. Среди редких исключений внимание привлекает законодательная / представительная элита Бурятии, представители которой в большинстве своем (50%) настаивали, что депутаты могут одновременно быть руководителями предприятий и банков. Их позиция не вызывает удивления, так как именно данные лица занимают значительное число мест в республиканском парламенте. Между тем большинство опрошенных, как мы

выяснили, придерживаются другого мнения. Многие респонденты в анкете дополняли, что депутаты должны быть освобожденными от другой работы, им нужно заниматься только законотворчеством. Иная деятельность для них допустима лишь в случае, если они сложат депутатские полномочия. Отметим, что подобное отрицательное отношение к совмещению депутатских обязанностей с другими видами деятельности нами было выявлено и ранее, в ходе анкетного опроса политической элиты Республики Бурятия, проведенного в 2004 году. Помимо данного вопроса менее трети опрошенных тогда считало целесообразным чтобы и работники административных (исполнительных) структур одновременно могли быть депутатами представительных (законодательных) органов власти. Более половины респондентов (61%) также высказались против соединения властных позиций в экономической и политической сферах [253, с. 96]. Таким образом, у представителей республиканских политических элит стабильно доминирует ориентация на разделение ветвей власти и сфер компетенции отдельных лиц. В частности, и депутаты не должны совмещать свои обязанности с иной деятельностью, а также рассматривать работу в парламенте как нечто, способное длиться бесконечно. Стремление сохранить позицию и властные ресурсы, конечно, вполне понятно. Однако, наблюдая одних и тех же людей, не всегда оправдывающих доверие избирателей на протяжении длительного времени, многие граждане испытывают острое неприятие к ним и раздражение. Парламент, на наш взгляд, должен быть более динамичным органом, ему необходимо периодически обновляться. Нам представляется, что следует ввести ограничение на срок исполнения депутатских полномочий одним лицом. Мы считаем, что один и тот же человек не должен быть депутатом парламента более двух сроков (созывов). Этот период вполне оптимален для выполнения парламентарием своих обещаний народу. Срок также достаточен для того, чтобы люди смогли оценить итоги работы депутата и сделать соответствующие выводы. Однако сегодня, к сожалению, вопрос количества избраний не регулируется. В итоге подобную изучаемым республикам ситуацию можно наблюдать во всех

регионах России и в федеральном центре. Причем, это касается не только законодательных / представительных органов власти, но и всех остальных, где также существует факт несменяемости политической элиты. Поэтому крайне важно обеспечить кадровую ротацию федеральной и региональных элит, нужен четкий, юридически оформленный порядок регулярных кадровых перемещений и обновлений в учреждениях власти.

Весьма актуальной для России задачей, на наш взгляд, является воспитание политической элиты с целью формирования из нее истинной интеллигенции. Мы убеждены, что лица, занимающиеся деятельностью в сфере власти и управления, должны быть людьми достойными, воплощающими в себе лучшие человеческие качества. Им необходимо служить примером для россиян, они должны вызывать у них чувство гордости. Только такая политическая элита заслужит уважение и доверие граждан. Следует отметить, что проблемы интеллигенции неизменно привлекают внимание исследователей как в России, так и за рубежом. Данный факт свидетельствует об актуальности тематики, несмотря на ее солидную разработку, и наличие некоторых аспектов, требующих дополнительного изучения. Например, на протяжении многих лет предметом для дискуссий в научной среде остается вопрос о содержании понятия «интеллигенция». Как отмечает В. Ледяев, «эти дискуссии ведутся уже давно, по крайней мере, с начала XX века. В зависимости от вектора общественного развития и динамики общественно-политической мысли они то затихали, то разгорались с новой силой. Очередной всплеск интереса к проблеме обозначился в конце 80-х – начале 90-х годов в связи с раскрепощением социальных и гуманитарных наук и плюрализацией методологических и теоретических оснований научного поиска, что нашло отражение в появлении довольно большого количества работ, посвященных анализу понятия интеллигенции» [282]. Представленные в научной литературе определения дефиниции «интеллигенция» по характеру их изложения можно разделить на ценностные и дескриптивные (социологические). Примером определения термина, основанного на

дескриптивном подходе, может послужить, например, следующее, данное в энциклопедии социологии: интеллигенция - общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным) трудом и имеющих, как правило, высшее образование. Ценностные определения написаны обычно в следующем ключе: интеллигенция – социальная группа лиц, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным и творческим, трудом, развитием и распространением образования и культуры и отличающихся высотой духовно-нравственных устремлений, обостренным чувством долга и чести. Представленные подходы к определению термина «интеллигенция» в равной мере востребованы среди исследователей. Однако, по мнению некоторых ученых, предпочтительным при изучении данного социального слоя является дескриптивный подход: «зачем в понятие интеллигенции включать ссылку на какие-то обязательные нравственные качества, если вопрос: «Какой была интеллигенция?» - можно поставить в практическую плоскость и ответить на него уже на основании эмпирического исследования? Что касается ценностно-нагруженных определений, то они не только сокращают сферу опытного знания, но и существенно затрудняют научную коммуникацию в силу неизбежных моральных, политических или идеологических разногласий между исследователями» [282]. Использование социологического подхода действительно представляется более обоснованным. Понимание интеллигенции (от лат. “intelligens” – мыслящий) как социального слоя людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом и обладающих необходимым для этого специальным образованием, является уже традиционным. Тем не менее, следует признать, что и ценностные характеристики имеют большое значение, они отражают ее важную внутреннюю сущность, которую действительно трудно идентифицировать при эмпирических изысканиях.

Во все времена интеллигенция играла важную роль в жизни общества, она выполняла аналитические функции, выступала в роли генератора инновационных идей, осуществляла поиск путей развития социума, являлась

главным субъектом духовного производства и пр. Интеллигенция как специфический социальный слой обладает определенными отличительными чертами. Отметим, что данный вопрос также является дискуссионным и ответить на него довольно непросто. В научной литературе, как правило, эти черты интеллигенции связывают с тремя факторами: интеллектуальностью (под ней понимаются высокие умственные качества личности, обладание профессиональными знаниями), интеллигентностью (понимаются высокие духовно-нравственные качества, склонность к глубоким переживаниям) и способностью к критическому анализу.

В зависимости от выполняемых социальных функций и типа образования различают интеллигенцию инженерно-техническую, гуманитарную, медицинскую, военную, художественную, педагогическую и др. Тем самым, интеллигенция как социальный слой является сложным образованием и состоит из представителей различных социально-профессиональных групп, соответствующих указанным отличительным чертам. Заметим, что здесь тоже есть место для дискуссии, так как отнесение некоторых групп, также занятых преимущественно интеллектуальной деятельностью, к интеллигенции вызывает затруднение: «целесообразно ли рассматривать в качестве видов (отрядов) интеллигенции такие социальные группы, как государственная бюрократия, политическая элита, офицеры вооруженных сил, управляющие крупными и средними промышленными и финансовыми корпорациями и др., в деятельности которых преобладает умственный труд, но их положение в обществе весьма специфично в силу обладания ими большими ресурсами политической и экономической власти?» [282]. Безусловно, это сложный вопрос, требующий глубокого и детального исследования. Действительно, можно ли считать изучаемую нами политическую элиту одним из видов интеллигенции? Ответить на этот вопрос однозначно достаточно трудно, так как он крайне спорен. Тем не менее, основываясь на некоторых фактах, мы склоняемся к утвердительному ответу. Во-первых, политическая элита изначально является интеллигенцией, она образуется преимущественно из ее среды. Во власть всегда приходили

люди высокообразованные, обладающие способностью к критическому анализу. И.И. Осинский и М.И. Добрынина в своих статьях указывают, что интеллигенция, выступающая главным двигателем преобразований и общественных перемен, «всегда стремится к власти. Ее знание является символическим капиталом. Последний при благоприятных условиях конвертируется во власть. Используя власть, интеллигенция оказывает влияние на все общество» [376, с. 28]. Причем, положительное влияние. М.И. Добрынина пишет: «Участие интеллигенции в системе органов государственной власти важно с точки зрения гуманизации власти. Сама принадлежность к данной социальной группе предполагает наличие у ее представителей гуманистического мировоззрения, т.е. такой системы воззрения, которая признает ценность человека как личности, его право на свободу, достоинство, справедливость, счастье, развитие и проявление своих способностей. Люди, обладающие подобным мировоззрением, несомненно, будут благотворно влиять на систему власти, ее функционирование в интересах народа» [145, с. 293]. Поэтому, заключает исследователь, служба в органах власти не является чем-то неприемлемым для интеллигента. В нашей стране в годы советской власти практически вся интеллигенция так или иначе состояла на службе у государства, власть стремилась подчинить ее своему влиянию [375, с. 30]. Однако в дальнейшем «бюрократия использовала интеллигенцию в качестве орудия разрушения советской системы, а затем стала всячески вытеснять интеллигенцию из властных структур» [375, с. 32-33]. «В ходе борьбы за власть и собственность произошла резкая социальная и политическая дифференциация интеллигенции. Из ее среды образовались несколько групп. Одну из них составила так называемая элита общества – крупные бизнесмены, государственные чиновники. Ныне это наиболее богатые и влиятельные люди российского общества. <...> Этой группе фактически принадлежит власть в России» [376, с. 28]. Соответственно элита, в том числе и российская, ведет свое начало именно из интеллигенции.

Во-вторых, политической элите, на наш взгляд, присущи все отличительные черты интеллигенции. Одной из них, как мы отмечали, является интеллектуальность. Представители интеллигенции профессионально занимаются квалифицированным умственным трудом. Естественно, они имеют высшее образование. Политическая элита данным критериям полностью соответствует. Управление государством и обществом, безусловно, является сложным интеллектуальным трудом, требующим от людей наличия высоких умственных качеств и профессиональных знаний, что, собственно, у большей части политической элиты присутствует.

Следующая черта интеллигенции - способность к критическому анализу. Действительно, представители данного социального слоя всегда отличались тем, что активно реагировали на происходящие события, бурно обсуждали актуальные проблемы и имели по ним собственную точку зрения. Причем, их взгляды носили объективный характер и зачастую резко отличались от преподносимых официальными источниками. Интеллигенция, подвергая критическому анализу различные проблемные вопросы современности, помогала населению глубже в них разобраться, получить всестороннюю картину событий и сформировать в результате по ним собственное мнение. Политическая элита неоднородна, как по своему составу, так и по ценностным ориентациям. Различные виды элит, представляя весь спектр имеющихся политических сил, в частности партий и движений (в России, как мы знаем, практически вся политическая элита партийная), являются носителями многочисленных идеологических воззрений. В борьбе за поддержку населения они в ходе политических дебатов обсуждают актуальные вопросы и подвергают их критическому анализу, как и интеллигенция. Другое дело, что их оценка часто носит субъективный характер и находится в плоскости сформулированных тезисов того или иного движения или политической партии. Объективный анализ, скорее, более свойственен представителям оппозиции, ввиду того, что они гораздо свободнее в выражении собственных мыслей. Они пристально следят за реализацией выбранного правящей партией курса развития государства и

подвергают жесткой критике некоторые его направления, заставляя органы власти остановиться на них и подвергнуть их всестороннему анализу. Поэтому оппозиция, наверное, в большей мере выполняет важнейшую функцию критического анализа. Тем не менее, мы можем заключить, что политической элите свойственно критическое мышление. Разносторонняя оценка происходящих событий позволяет ей вносить коррективы в реализацию отдельных направлений внутренней и внешней политики, адекватно реагировать на вызовы современности.

В научной литературе часто выделяется еще одна черта, присущая интеллигенции, которая заключается в наличии у личности определенных духовно-нравственных качеств: высоких идейно-нравственных устремлений, обостренных чувств долга и чести, склонности к глубоким переживаниям. Перечисленные характеристики и некоторые другие относятся исследователями к понятию «интеллигентность». Представленный признак основан на ценностном подходе, и его крайне трудно определить при эмпирическом изучении интеллигенции. Однако данный факт, по мнению И.И. Осинского, не является препятствием для выделения признака: «Некоторые авторы игнорируют духовно-нравственные черты в качестве критерия при определении интеллигенции на том основании, что их трудно определить, замерить. К тому же их определение субъективно, и с этим можно частично согласиться. Но трудности познания того или иного явления или его признаков не значат, что данного явления или его признаков не существует» [374, с. 23]. Рассматриваемый нами признак, несмотря на сложность его определения, безусловно, нельзя игнорировать, так как он подчеркивает, что представитель интеллигенции является личностью не только с большими умственными способностями, обуславливающими получение хорошего образования и наличие критического мышления, но и с высокими духовно-нравственными качествами. Он является человеком с глубоким внутренним миром, в котором главное место уделяется таким понятиям, как честь, справедливость, совесть, долг, взаимопомощь и др. Интеллигент, являясь патриотом своего Отечества, глубоко переживает за

судьбы людей, стремится к процветанию страны и видит свой долг в том, чтобы всеми силами этому способствовать.

Лица, относящиеся к политической элите, по определению, являются патриотами своей страны. Выполняя важнейшие функции по управлению государством и обществом, реализуя сформулированные направления внутренней и внешней политики, они видят свою главную цель в укреплении могущества родной страны и повышении ее статуса на международной арене. Истинная политическая элита, в первую очередь, думает о своем народе, поскольку именно для защиты его интересов она и существует. Однако подобную элиту можно встретить не в каждой стране. В России, например, перечисленные характеристики крайне трудно отнести ко всей политической элите. К сожалению, население нашей страны сегодня часто сталкивается с фактами произвола со стороны лиц, занимающих ответственные посты, черствости и бездушия по отношению к проблемам людей, нежелания оказывать помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, даже если это и входит в их обязанность. Донести свою проблему до высокопоставленного чиновника людям достаточно затруднительно, не говоря уже о том, чтобы заставить ее решить. У многих представителей власти система нравственных ценностей попросту отсутствует. Тем самым современная политическая элита России имеет существенные недостатки, но они, безусловно, характерны не для всех ее представителей. Значительная часть элиты сохранила высокие духовно-нравственные качества, способна к внутренним переживаниям, слышит чаяния народа и по мере возможностей способствует их реализации. Доказательством тому являются, например, результаты исследования Ю.С. Тарасова, согласно которым, 62% элиты Республики Саха (Якутия) в 1992 г. придерживались мнения, что политик не вправе поступиться нравственными принципами, идти на сделку с совестью, лишь 21% респондентов полагал, что выбор средств зависит от обстоятельств [487, с. 21]. Весьма интересные данные были получены нами и в 2009-2010 гг. Результаты анкетного опроса показали, что многие представители республиканских политических элит

участвовали в реализации каких-либо социально значимых некоммерческих проектов в качестве спонсора либо мецената: в Бурятии - 24,5% опрошенных, в Саха (Якутии) - 34,5%, в Тыве - 51,1% (см. таблицу № 77 в приложении I). В первую очередь, это касается депутатов законодательных / представительных органов власти изучаемых республик. В данном виде элиты не менее половины респондентов выбрали утвердительный ответ на соответствующий вопрос анкеты: 50% - в Бурятии, 51,5% - в Саха (Якутии), 53,1% - в Тыве. Исполнительная (за исключением Тывы) и особенно муниципальная элиты республик, судя по полученному процентному соотношению, менее склонны участвовать в подобных проектах. Распределение ответов на следующий вопрос анкеты: «Что Вас привлекло или могло бы привлечь к участию в реализации социально значимых некоммерческих проектов?» показало, что для большинства опрошенных это «важность решаемой проблемы»: в Бурятии данный ответ выбрали 54,4% элиты, в Саха (Якутии) - 45,4%, в Тыве - 52,2% (см. таблицу № 78 в приложении I). Фактически все виды элит были в этом мнении единодушны. Далее по убыванию следовали варианты: «личные симпатии к людям, реализующим конкретный проект», «прежде всего, выгода (не обязательно материальная)». Многие из респондентов предпочли ответ «другое», где указали свои варианты: Саха (Якутия) – личный жизненный опыт и уверенность в том, что ресурсы будут использованы на конкретные дела, социальная помощь малоимущим, материальная возможность реализации задуманных проектов; Тыва – гражданская позиция, интерес, являюсь председателем ТРО РДФ (т.е. Детского фонда республики) уже 15 лет. Тем самым, значительная часть представителей республиканских политических элит активно участвует в реализации социально значимых некоммерческих проектов, оказывает им спонсорскую помощь либо выступает в роли меценатов, что говорит о высоких духовно-нравственных качествах этих людей, и таких в органах власти России немало.

Понятие «интеллигентность», на наш взгляд, - это еще и определенное воспитание. Интеллигент отличается высокой внутренней культурой,

умением вести себя в обществе, знанием этических норм и т.д. Политическая элита в основном обладает данными качествами. Род их деятельности, связанный с публичностью, обуславливает знание основ коммуникативной культуры, норм делового общения, этических правил поведения и пр. Хотелось бы заметить, что в нашей стране далеко не все лица, относящиеся к политической элите, это отчетливо понимают. Довольно часто среди них встречаются люди, которые пренебрегают перечисленными качествами в своих контактах с коллегами, населением, средствами массовой информации и т.д. Например, россияне, принявшие участие в опросе О.В. Крыштановской (н. 2000-х гг.), отмечали, что при общении с работниками сферы управления им часто приходилось сталкиваться с такими «неэтичными или неправовыми деяниями», как «безразличие к судьбам людей, обращающихся к ним за помощью» - так ответили 30% респондентов, «сознательное унижение зависящих от них людей» - 28,7% и пр. [240]. Примечательно, что на наличие подобных фактов указывают и сами представители элиты. Некоторые респонденты, принявшие участие в нашем анкетном опросе 2009-2010 гг., отвечая на вопрос «Какое направление политической сферы Вам представляется наиболее проблемным?», обращали внимание на невоспитанность, невежество и хамство политической элиты. Приведем одну из характерных цитат: «в России у политиков отсутствует не только политическая культура, но и вообще культура, даже маленький начальник ведет себя как Бог». С данным мнением трудно не согласиться. Собственный опыт общения с представителями политической элиты показывает, что имеются факты высокомерия, пренебрежения, неуважения, а иногда и полной невоспитанности отдельных лиц. К сожалению, нам в ходе проведения исследований встречались люди, совершенно не знающие основ коммуникативной культуры, склонные к грубости в общении, неадекватно реагирующие на просьбу заполнить анкету. Однако такие примеры, конечно, являются единичными и не отражают уровень воспитания всей политической элиты нашей страны. Хотелось бы отметить, что в большинстве своем мы

общались с коммуникабельными, воспитанными, доброжелательными и, безусловно, интеллигентными людьми.

Таким образом, политическая элита, на наш взгляд, обладает основными чертами, присущими интеллигенции: интеллектуальностью, способностью к критическому анализу, интеллигентностью. Поэтому может с полным правом относиться к одному из видов интеллигенции. В противном случае, как отмечает В. Ледаев, необходимо «не ограничиваться при определении интеллигенции ссылками на образование и / или квалификацию, а дополнить их другими критериями, придающими понятию интеллигенции содержательную уникальность и четкие границы» [282]. Отметим, что данный вопрос весьма актуален, он требует дальнейшего более глубокого изучения. Признавая факт наличия у политической элиты основных черт интеллигенции, хотелось бы заметить, что многие из них у значительной части представителей изучаемой социальной группы в силу разных причин либо отсутствуют, либо развиты недостаточно. Соответственно необходимо воспитание политической элиты с целью формирования из нее истинной интеллигенции. Эта задача особенно актуальна в России, где многие лица, профессионально занимающиеся деятельностью в сфере власти и управления, будучи высокоинтеллектуальными людьми, применяют свои знания не на благо Отечества и людей в нем проживающих, а на реализацию сиюминутных корыстных целей. Им явно не хватает критического анализа своих действий и сложившейся ситуации в стране, а также, конечно, интеллигентности, в полном понимании этого слова.

Говоря о воспитании политической элиты, мы подразумеваем и работу с подрастающим поколением, молодежью. Квалифицированные, здоровые, духовно обогащенные кадры для органов власти, и не только, не появляются сами собой, их нужно подготавливать, воспитывать, причем, как можно раньше. Вопросы воспитания сегодня очень актуальны, так как в современной России на протяжении долгого времени им уделялось мало внимания. Это объясняется сложным историческим периодом, переживаемым нашей страной, когда вопросы воспитания отходили на

второй план, по сравнению, с более насущными проблемами, имеющимися в государстве. Современный этап развития российского общества в этом отношении существенно отличается, данная тематика все чаще становится предметом для обсуждения и объектом внимания органов власти, общественности. Однако следует признать, что и сегодня воспитательная работа далеко не идеальна, зачастую она не имеет четкой системы и ведется разрозненно, в отличие, например, от советской системы воспитания, которая, на наш взгляд, была более продуманна.

Воспитание, как известно, систематический и целенаправленный процесс воздействия на развитие личности как в физическом, так и в духовно-нравственном смысле. Перед обществом стоит задача воспитать полноценных людей, «заложить» в них духовные и нравственные начала, чувство патриотизма, бережное отношение к окружающей среде и пр. Для этого необходима грамотная комплексная работа, в которую должны быть вовлечены различные акторы: семья, образовательные учреждения, культурно-досуговые центры, органы власти и др. В Российской Федерации данная работа осуществляется в рамках молодежной политики, которая являясь частью общей стратегии развития государства, направлена на оказание всесторонней поддержки молодым гражданам в целях обеспечения их успешной социализации и эффективной самореализации. Сегодня она основывается на разработанной до 2016 года «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации». В документе определены следующие приоритетные направления реализации российской молодежной политики: совершенствование государственной политики в сфере духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи, защиты их нравственности; вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития; интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества; развитие созидательной активности молодежи. Свои наработки имеются и в регионах. Например, в 1992 г. был принят закон «О государственной молодежной политике в Республике Бурятия»,

определивший основные задачи данной политики в регионе: обеспечение соблюдения прав молодых граждан, содействие предпринимательской деятельности молодежи, обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, государственная поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений, содействие международным молодежным обменам и другие вопросы, затрагивающие интересы молодежи [332, с. 56].

Правительством Республики Бурятия периодически утверждались республиканские целевые программы, в которых были обозначены приоритетные направления работы: «Молодежь Бурятии (1995-1997 гг.)», «Молодежь Бурятии (1998-2000 гг.)», «Молодежь Бурятии (2001-2005 гг.)», «Молодежь Бурятии (2004-2007 гг.)», «Молодежь Бурятии (2008-2010 гг.)». Сейчас действует программа «Молодежь Бурятии» на 2011-2015 годы.

Следует отметить, что за время реализации целевых программ были достигнуты значительные успехи. Подчеркнем, что эффективная государственная политика в данной сфере крайне важна, так как именно молодежь является наиболее уязвимой и остро реагирующей на экономические и иные изменения социальной группой. Учитывая данный факт, в республике осуществляются различные направления работы с молодежью: укрепление института молодой семьи, популяризация ценности семьи в молодежной среде; оздоровление демографической ситуации; улучшение здоровья молодежи; развитие массовых видов спорта и туризма; работа со студенческой молодежью, содействие получению качественного профессионального образования; создание условий для эстетического, интеллектуального, духовно-нравственного, физического развития молодежи и реализации добровольческих инициатив; включение молодежи в инновационную деятельность; решение вопросов занятости и профориентации молодежи; развитие молодежного предпринимательства; содействие решению жилищных проблем; профилактика безнадзорности, преступности, асоциального поведения в молодежной среде и др. Одним из наиболее важных направлений, на наш взгляд, является политическое воспитание молодежи, способствующее формированию активной жизненной

позиции и повышению политической культуры. Воспитание, являясь понятием многогранным, как известно, подразделяется на различные виды: нравственное, эстетическое, патриотическое, экологическое, религиозное и, конечно же, политическое. Если большинству из них уделяется достаточное внимание, то о политическом воспитании, в том числе молодежи, говорится, сравнительно, мало. Между тем данный вопрос является весьма актуальным. Как показывают результаты исследований, современная молодежь довольно аполитична и даже в выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян. По материалам доклада, озвученного на заседании Совета Федерации ФС РФ, «лишь 33% молодых респондентов (до 35 лет) заявили, что интересуются политикой, тогда как среди граждан среднего возраста – 40%, а среди тех, кто старше 55 – 45%. Только 2,7% молодых людей более или менее постоянно принимают участие в деятельности общественных организаций» [307, с. 5]. Современная молодежь действительно разнообразна по степени включенности в политические процессы. Некоторые молодые люди интересуются политикой и активно участвуют в общественно-политической жизни, стремясь внести вклад в развитие государства. В Бурятии, например, они реализуют свой потенциал в структурных подразделениях политических партий, в молодежных объединениях. Множество организаций в республике осуществляет просветительскую работу. Среди них особое место занимают клубы молодого избирателя, основные направления работы которых заключаются в изучении и пропаганде избирательного права, норм Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Бурятия, законодательных актов о выборах. Проблемы политической жизни регулярно обсуждаются на многочисленных конференциях, семинарах, лекциях и т.д. Проводятся встречи молодежи с представителями органов власти и лидерами политических партий. Создаются и успешно работают различные молодежные политические советы, школы, клубы и др. Данная работа, реализуемая в соответствии с задачами молодежной политики, позволяет молодым людям быть в курсе политических событий, вырабатывать

лидерские качества, знакомиться с нормами избирательного права и выборными технологиями, выступать с сообщениями на интересующие темы, развивать ораторское мастерство. Помимо перечисленного следует также отметить, что 30 мая 2003 г. Постановлением Народного Хурала Республики Бурятия было принято Положение о Молодежной палате при Народном Хурале РБ, которая стала совещательным и консультативным органом, осуществляющим свою деятельность на общественных началах. Деятельность Молодежной палаты направлена на реализацию прав молодежи в управлении государством, поддержку их гражданской активности, содействие формированию правовой и политической культуры молодых людей. Молодежные парламенты активно работают и в районах республики. Функционирование данных органов способствует подготовке молодежи к серьезному участию в государственной жизни. Молодые парламентарии получают реальный опыт взаимодействия с различными органами власти и общественными организациями, а также навыки продвижения законодательных инициатив. Однако подобные примеры общественно-политической активности молодых людей в нашей стране все же редкость. Большая часть российской молодежи, к сожалению, малоактивна, политически неграмотна, не способна отстаивать свои интересы, не умеет самостоятельно анализировать события и вырабатывать собственную точку зрения на какую-либо проблему. Данный факт позволяет манипулировать сознанием молодых россиян. В основном именно эта часть молодежи становится в ряды политических партий и общественных движений, выдвигающих экстремистские призывы и ратующих за сомнительную стратегию развития страны. Ввиду слабых знаний в области политологии, геополитики, истории молодые люди откликаются на лозунги, имеющие примитивную простоту построения и слабость аргументации, а также формируют в своем сознании соответствующие взгляды и ориентации. Согласно данным указанного доклада, «35% молодых людей в возрасте 18-35 лет испытывают раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51% одобрил бы решение о выселении за пределы региона

некоторых национальных групп» [307, с. 5]. Подобные взгляды неприемлемы. Именно молодежь в условиях глобализации должна быть толерантной и понимающей необходимость укрепления межнациональных отношений. Помимо этого молодежь ввиду своей многочисленности и обладания правом голоса на выборах является силой, которая может и должна оказывать влияние на сферу политики и развитие страны в целом. В предвыборной гонке часто именно молодежь является той группой электората, за которую ведут борьбу различные политические силы. Команды опытных политтехнологов разрабатывают специальные методики вовлечения молодежи в политический процесс с целью «перетянуть» на свою сторону ту или иную ее часть. Наиболее внушительной силой, безусловно, является студенчество – самая интеллектуальная часть молодежи, имеющая огромный потенциал. Данный факт подтверждается историей. Например, в первой половине XIX в. именно студенческая молодежь принимала участие в борьбе против деспотизма, в национально-освободительном движении; в начале XX в. организовывались союзы социалистической рабочей молодежи; в 1917 г. в нашей стране был создан коммунистический интернационал молодежи и т.д. [360, с. 590]. Тем самым существует острая необходимость в политическом воспитании студентов, которое будет способствовать формированию у них осознанной системы ориентаций. При этом под понятием «политическое воспитание» не подразумевается советская «идейно-воспитательная работа». На наш взгляд, политическое воспитание есть целенаправленное создание условий для политического развития личности студента, формирования его мышления, получения глубоких знаний. Конечно, сегодня в большинстве учебных заведений существуют кафедры политологии, читаются различные курсы, посвященные политическим процессам и институтам и др. Однако этого недостаточно, студенты должны активно участвовать в практической работе общественно-политических организаций, посещать дискуссионные площадки и пр. Нужно воспитать такого студента, который будет иметь широкий кругозор, сможет свободно ориентироваться в политическом пространстве и самостоятельно

сформировать свой взгляд на происходящие в политике события. При этом политическое воспитание должно основываться на принципах отрицательного отношения к различным формам проявления национализма и шовинизма. Только тогда молодые люди не станут членами молодежных экстремистских организаций националистического типа, которых в последнее время стало довольно много. Соответственно сегодня в условиях становления демократического общества, многопартийности, борьбы различных политических сил за влияние на студенчество необходимо уделить пристальное внимание политическому воспитанию в учебных заведениях и восполнить имеющийся у будущих специалистов дефицит знаний о сфере политики. Нельзя забывать, что молодежь – это будущее России и именно она в скором времени будет определять стратегию развития страны. Поэтому все молодые люди без исключения должны быть политически грамотными, и четко понимающими какой курс развития города, республики, страны они предпочитают, отдавая свой голос на очередных выборах. Современная государственная молодежная политика призвана активизировать работу в данном направлении и способствовать уяснению молодыми людьми их места и роли в политической сфере.

Итак, пример Республики Бурятия показывает, что молодежная политика в нашей стране охватывает различные сферы деятельности. Нами, заметим, перечислены далеко не все направления работы. Вместе с тем, следует отметить, что реализация некоторых из направлений, на наш взгляд, пока не достаточно эффективна. В частности, это касается решения жилищных проблем, вопросов занятости и профориентации молодежи, профилактики асоциального поведения и, конечно же, политического воспитания. Соответственно существует необходимость в совершенствовании молодежной политики с точки зрения ее реализации на практике. Это, в свою очередь, поможет воспитать достойное поколение, представители которого в дальнейшем пополнят состав политической элиты.

Что касается воспитания некоторых лиц, занимающихся сегодня деятельностью в сфере власти и управления, то их, конечно, крайне трудно

изменить, но все же возможно. На наш взгляд, следует обратить внимание на ряд методов. В первую очередь, нужно, чтобы все государственные органы и органы местного самоуправления РФ разработали, утвердили и строго применяли у себя кодексы этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих. Подобные кодексы успешно работают за рубежом, в США, Франции, Великобритании и других странах. Еще в 2000 г. Комитетом министров Совета Европы был принят специальный Модельный кодекс поведения для государственных служащих [263, с. 32]. В целях осуществления контроля за соблюдением предписаний необходимо создание этических комиссий и прочих надзорных органов. Р. Курбанов пишет: «Мировой опыт показывает, что одним из действенных контрольных механизмов формирования и развития необходимого уровня этичности поведения государственных служащих являются такие специальные органы контроля, как суды чести, административные комиссии, комиссии по этике и корпоративные суды, которые оценивают нравственные поступки госслужащих и принимают по ним соответствующие решения» [263, с. 32]. Данные органы, применяя четкие критерии оценки, должны анализировать работу специалистов, поощрять их или осуждать, подвергать общественному порицанию. Возможно, и применять систему штрафных баллов за несоблюдение установленных этических норм, которые будут прямо отражаться на сумме заработка. Во всем обществе нужно сформировать атмосферу нетерпимости к аморальным проявлениям в органах власти. Помимо перечисленного в процессе работы все служащие должны периодически проходить образовательные курсы этико-нравственной направленности, расширять свой общекультурный кругозор. В США, к примеру, успешно реализуется этическое обучение, в ходе которого не только преподаются дисциплины по культуре поведения, но и акцентируется внимание на моральных принципах специалиста, этических аспектах принятия решений [263, с. 33]. Желательно также заимствовать и процедуру принятия присяги при заступлении на государственную службу, которая применяется во многих странах. Она, несомненно, способствует

формированию у человека главного мотива своей деятельности, состоящего в служении государству и обществу.

Общественный и служебный контроль, на наш взгляд, должен осуществляться не только за соблюдением этических норм, но и за всей работой политической элиты и специалистов органов власти. По мнению 28% госслужащих и 60,5% населения, принявших участие в опросе О.В. Крыштановской (н. 2000-х гг.), усиление общественного контроля за работой чиновников позволит повысить эффективность их деятельности [240]. Контролировать и влиять на элиту и бюрократию можно различными способами. Например, для получения необходимой информации стоит внедрить метод, широко используемый в США, – обеспеченное законом право и обязанность служащих сообщать о фактах незаконных или расточительных действий органов или должностных лиц, будучи защищенным от возможных негативных последствий. Подчеркнем, что в США эта форма контроля является гражданским поступком [263, с. 32]. Контроль можно осуществлять посредством различных демократических институтов. Россияне считают, что эту функцию должны выполнять, в первую очередь, «Президент РФ» (госслужащие – 42,8%, население – 40,7%), «СМИ» (госслужащие – 33,1%, население – 28,9%) и «общественные, правозащитные организации» (госслужащие – 22,6%, население – 27%) [240]. Немаловажная роль, по нашему мнению, должна отводиться и специальным органам по борьбе с коррупцией в госаппарате, чья деятельность сегодня очень важна. Респонденты О.В. Крыштановской справедливо полагают, что повысить эффективность работы госслужащих в системе управления можно и посредством введения запрета на занятие государственных должностей лицам, уличенным в коррупции (госслужащие – 33,5%, население – 50,1%) [240]. Репутация представителей органов власти, естественно, должна быть безупречной. В процесс контроля, на наш взгляд, необходимо вовлечь всех граждан России. А для этого информация о функционировании властных структур и принятии политических решений должна быть в открытом доступе. Населению нужно предоставить реальную возможность

ознакамливаться с документацией, общаться с элитой, вносить свои предложения, наблюдать и корректировать работу чиновников. То есть необходимы гласность и прозрачность власти, они обеспечат защиту от бюрократического произвола, дадут возможность контролировать органы власти и эффективно влиять на них, а также повысят доверие граждан, которое сейчас существенно подорвано. Использование перечисленных и иных методов воздействия может помочь скорректировать внешнее поведение представителей политической элиты, и это весьма существенно. Привить же такие внутренние качества личности, как честь, совесть, долг, порядочность, справедливость, естественно, невозможно. Для этого человека нужно правильно воспитывать с детства, на что мы уже собственно обращали внимание.

Итак, представители власти должны серьезно измениться. В российском обществе существует запрос на новую политическую элиту. Она, по мнению граждан нашей страны, должна обладать рядом качеств, которые были определены в ходе многочисленных исследований. Ю.В. Ирхин пишет: «Россияне полагают, что современная политико-административная элита должна быть (стать) профессиональной, высоконравственной, образованной, имеющей креативный управленческий опыт, умеющей учитывать и координировать интересы различных социальных групп, связанной с народом, справедливой, высококультурной, патриотической и др.» [192, с. 97]. Эксперты, принявшие участие в исследовании М.И. Кодина, считают, что современная политическая элита должна обладать такими основными чертами, как «честность, образованность, государственность, мужественность при принятии решений, совесть, воля, знания, предприимчивость, осознание национальных интересов страны, учет возможных рисков для ее развития, способность предложить программу (идею) выхода страны из кризиса, превращения ее в сильное государство, преданность России, компетентность, высокий уровень политической культуры, «прозрачность» (элита должна быть слугой общенациональных идей), демонстративная критическая отстраненность от капитала и

чиновничьей части истеблишмента, деловитость, умение организовывать и просвещать массы, преданность общественному долгу в ущерб личным интересам, бескорыстие (примерно четверть всех экспертов обозначила каждое из указанных качеств)» [215, с. 123]. Согласно результатам исследования, проведенного под руководством М. Тарусина (2007 г.), элита должна обладать высокими человеческими качествами (честность, порядочность, совесть), подкрепленными реальными делами (мнение 31,3% респондентов) [484, с. 278]. Сам руководитель данного проекта считает, что «... сегодня нам жизненно необходима элита, обладающая рядом основных признаков. Во-первых, это должна быть элита, включенная в фундаментальную проблематику национального масштаба и равно информированная в вопросах стратегии развития российской государственности и общества. Во-вторых, обладающая целостным мировоззрением, компетентная не только в своей области, но и в отношении широкого спектра основных задач национального развития. В-третьих, эта элита должна быть если не согласованной, то нацеленной на достижение консенсуса и имеющей резервы для его достижения» [484, с. 24]. Вариант «патриот-человек, для которого главное интересы государства, а не личное благополучие» выбрали большинство опрошенных В.Г. Жалсановой (1999 г.) представителей политической элиты Республики Бурятия – 46,8%, отвечая на вопрос «Какой тип человека больше всего соответствует Вашему представлению о современном политическом руководителе?» [165, с. 90]. В исследовании О.В. Крыштановской сер. 2000-х гг. среди респондентов (67,3% госслужащих и 67,5% населения) доминировало убеждение, что «управление страной должно находиться в руках опытных, квалифицированных специалистов». Близкие варианты выбирались и по отношению к регионам. При ответе на вопрос «Если речь идет о Вашем регионе, кто, на Ваш взгляд, способен наиболее эффективно им управлять?» лидировали ответы «не важно кто, главное, чтобы это были честные и компетентные люди» (госслужащие – 62,3%, население – 74,1%) и «профессиональные политики» (госслужащие – 29,2%, население – 24,0%)

[240]. Интересный образ идеального регионального политического лидера на примере Президента Республики Саха (Якутия) был сформирован в результате анкетного опроса жителей г. Якутска в марте 2001 г. Выяснилось, что лидер должен обладать такими личными качествами, как мудрость и ум (48%), честность и порядочность (40,7%), высокий интеллект (36,8%), доброта и человечность (26,2%), ответственность (25,2%) и др. Многие респонденты указывали, что Президент РС(Я) вообще не имеет право на недостатки. Помимо личностных лидеру необходимо обладать и рядом поведенческих качеств. В первую очередь, он должен «знать и уметь разрешать социально-экономические проблемы республики» (55,5%), «быть патриотом своей республики, знать ее проблемы» (36,3%), «понимать проблемы простых людей» (29,5%), «доступно и просто излагать свои мысли» (22,5%), «иметь опыт политической деятельности» (19,7%). Наиболее предпочтительными типами руководителя республики, по мнению опрошенных, являются интеллектуал-профессионал (36%), хозяйственник-управленец (30,8%), руководитель нового типа (26,7%), правозащитник (24,5%), авторитетный политик со связями (22,8%). Примечательно, что был указан и вариант «интеллигент», который занял восьмую позицию в рейтинге (11,2%) [358, с. 19-22]. Представленный образ идеального политического лидера, на наш взгляд, универсален и его можно отнести ко всем представителям российской политической элиты. Попытки определить некий эталон предпринимались не только в отношении отдельных персон, но и всей власти в целом. Исследование, проведенное в 2000 г. под руководством Е.Б. Шестопаля, выявило, что идеальная власть в представлении наших граждан должна быть образцом высокой нравственности, справедливости, патриотизма [359, с. 116]. Приведенные нами результаты исследований показывают, что россияне хотят видеть в своей стране качественно новую власть и политическую элиту. Помимо перечисленных характеристик представители элиты, по их мнению, также должны быть работоспособными, энергичными, инициативными, решительными, напористыми, принципиальными, обязательными, психологически уравновешенными и др.

Им необходимо обладать организаторским талантом, аналитичностью и системностью мышления, качествами «политика по призванию» [165, 491, 484]. Есть мнение, что нужен особый психологический тип людей, которые ставят свою честь и достоинство выше личной безопасности и материального благополучия. Такие люди боятся лишь совершить поступок, который может их обесчестить или умалить их достоинство, причем, в своих собственных глазах. Именно на этот тип людей, согласно государственной идеологии Чингисхана, должна опираться власть правителя [342, с. 136-137]. Требования к политической элите, как видим, предъявляются весьма высокие, она должна обладать множеством необходимых качеств. Причем, следует подчеркнуть, что многие из них имеют ценностную окраску, и это абсолютно справедливо. Г.К. Ашин обоснованно утверждает: «Идеальная модель политической элиты – совпадение функционального значения термина с его аксиологическим значением. Элитология не может ограничиваться только политологическим подходом к определению элиты, для нее характерен более широкий социально-философский подход <...> Подлинная элита – та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации. Компетентность, профессионализм – *conditio sine qua non*, неперемное, но недостаточное и даже не главное качество подлинной элиты, главное же – ее моральные качества, готовность ставить интересы общества выше своих личных и групповых интересов, руководствоваться ими, жить ими. Ее призвание – служение народу в самом высоком смысле этого слова <...> Подлинная политическая элита – это патриоты, которые не только любят свой народ, но для кого интересы народа выше личных и групповых интересов, которые устремлены к действиям, отвечающим интересам широких народных масс <...> элита должна быть референтной группой, на которую ориентируется общество, на ней лежит функция выработки ценностей <...> нравственных ориентиров, созидательной идеологии» [30, с. 48-51]. Тем самым элита в идеале должна обладать как профессиональными, так и лучшими человеческими качествами. Именно такая политическая элита, по мнению

населения, нужна в нашей стране. К обозначенному идеалу, безусловно, необходимо стремиться, но пока следует признать, он от нас далек. Большинство россиян не без основания утверждает, что к политической элите, в подлинном смысле слова, сейчас практически никого нельзя отнести. В ходе исследования М.И. Кодина 94,5% респондентов ответили, что «политической элиты, как таковой, в России пока нет» или «элиты нет практически» [215, с. 122]. Соответственно для воплощения идеала потребуется значительное время, учитывая тот факт, что многие качества «отшлифовываются» на протяжении череды поколений.

Таким образом, создание в России качественно новой политической элиты является весьма нелегким делом. Для этого, мы полагаем, необходимо решить ряд перечисленных нами задач. Их перечень, безусловно, не исчерпывающий, но он включает самые важные и актуальные сейчас меры. Признавая трудновыполнимость представленных задач, считаем, что их реализация вполне возможна. Нужны лишь волевые действия руководства страны при активном участии населения, так как в любом важном деле необходима опора на широкую социальную базу. Откладывать вопрос формирования новой политической элиты нельзя. Современный этап развития нашей страны отличается наличием сложнейших проблем, которые существующая политическая элита не всегда решает успешно ввиду того, что многие ее представители либо не обладают соответствующей квалификацией, либо преследуют свои личные интересы, либо для этого имеются иные более глубокие причины. В данной связи, в обществе постепенно растет недовольство, протест против действий власти, способный вылиться в нечто большее. Именно сейчас нужно принять меры для восстановления авторитета властных структур, необходима качественно новая политическая элита, которой бы доверяло население. Она, на наш взгляд, должна быть высокопрофессиональной, дальновидной, порядочной, ответственной, патриотически настроенной. Такую политическую элиту в России нужно создавать постепенно и целенаправленно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая элита является одной из важнейших групп, именно она располагается на высшей ступени социальной иерархии. Выделение в обществе элиты обусловлено различными факторами: необходимостью и значимостью управленческого труда; пассивностью основной массы населения и ее нежеланием участвовать в политической жизни; социально-психологическим неравенством людей, выраженным в их неодинаковых способностях и возможностях и др. Учитывая особое место, занимаемое политической элитой в структуре общества, она должна постоянно находиться в центре внимания и быть объектом систематического изучения, что собственно и наблюдается в нашей стране в последние десятилетия. Ввиду того, что исследования по проблемам элит в России начались сравнительно недавно, требуют глубокой разработки различные аспекты тематики: сущность, состав и структура элиты, терминологический аппарат, социально-демографические характеристики представителей власти, механизмы и каналы рекрутирования, ценностные ориентации и др. Необходимо определить, как изменялись характеристики политической элиты страны после распада СССР, что на это повлияло и каковы последствия данной динамики. Особенно остро стоит задача изучения постсоветских политических элит полиэтнических регионов России, в частности республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Исследований на эту тему крайне мало, они единичны. Тем более нет сравнительных работ, посвященных элитам нескольких полиэтнических субъектов федерации. Восполнить данный пробел, было призвано наше исследование, в котором мы постарались выявить и проанализировать основные тенденции эволюции постсоветских региональных политических элит на примере республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, а также, что не менее важно, изучить теоретико-методологические аспекты темы.

Рассмотрение теоретических вопросов показало, что становление теории элит как отдельного направления в исследовании социума осуществлялось на

протяжении многих столетий. Значительный вклад в ее разработку внесли как зарубежные, так и отечественные мыслители: Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, М.Я. Острогорский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, А.И. Стронин, М.М. Ковалевский и др. Несмотря на свое оформление, теория элит продолжает дополняться и обновляться. На данный момент имеется значительное число концепций, авторы которых представляют различные течения в элитологии. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил выявить наличие ряда актуальных теоретических проблем: отдельные понятия терминологического аппарата элитологии требуют конкретизации, авторами безосновательно используется обилие категорий для обозначения лиц, находящихся у рычагов власти, а понятия «элита» и «политическая элита» имеют множество разнообразных трактовок; наблюдается абсолютизация термина «элита», часто он применяется ко всем лицам, причастным к власти или капиталу; не прекращаются споры по поводу обоснованности употребления слова «элита» к людям, находящимся на вершине социальной иерархии; нет единства в определении специфических признаков политической элиты; высказываются абсолютно различные мнения относительно состава данной социальной группы; четко не определена структура политической элиты; зачастую произвольно применяются те или иные методические и методологические подходы для идентификации и изучения политической элиты и др. Отсутствие единства в понимании базовых для элитологии моментов негативно сказывается на исследовании политической элиты и проведении эмпирических изысканий. Поэтому в своей работе мы подробно остановились на данных моментах и попытались решить многие из перечисленных проблем, что позволило внести некоторую ясность в теоретико-методологическую основу исследования.

Изучение региональных политических элит постсоветского периода развития нашей страны показало, что в процессе трансформации российского общества они существенно изменялись по ряду параметров. В первую очередь, наблюдалась динамика их социального статуса. Существовавшая советская система власти, как известно, обеспечивала строгую

подконтрольность региональных элит, что не позволяло им выйти за обозначенные границы. Произошедший распад СССР кардинально изменил ситуацию и привел к коренным преобразованиям в сфере политики. На федеральном и региональном уровнях советские институты власти сменились новыми, построенными на совершенно иных принципах. В начале 1990-х гг. в условиях системного кризиса, децентрализации управления и ослабления федеральной власти были утрачены многие из рычагов воздействия на субъекты, что привело к резкому повышению статуса и усилению позиций региональных политических элит. В дальнейшем на протяжении 1990-х гг. они оставались влиятельными акторами российского политического процесса. Однако стабилизация политической ситуации в стране, укрепление центральных институтов власти, новая политика руководства государства создали условия для возобновления контроля за деятельностью региональных элит. Начиная с 2000 г. главным субъектом политического процесса стала федеральная власть, а региональные элиты, сохранив определенные ресурсы, утратили роль независимых акторов. Изменение их социального статуса оказало прямое влияние на стиль взаимоотношений с центром, реализуемую в субъекте политику, самооценку и пр. Сегодня федеральное руководство имеет в своем арсенале различные эффективные инструменты влияния на региональную политику: административные (система территориальных органов федеральной власти, в частности институт полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе), политические (поддержка лояльных центру партий и политиков, в том числе в ходе выборов в федеральный и региональные парламенты), экономические (финансово-бюджетные инструменты). Таким образом, у центра появилась политическая воля пересмотреть сложившиеся с субъектами отношения. Автономия региональных властей натолкнулась на жесткое противостояние федерального руководства, произошло постепенное перераспределение политического влияния в пользу центра. И такая ситуация, как нам представляется, сохранится.

В постсоветский период в нашей стране существенно изменилась и система рекрутирования политической элиты, что оказало решающее влияние на состав данной социальной группы. В отличие от советского времени, когда доминировал партийный принцип подбора управленческих кадров, в настоящий момент отмечается многообразие механизмов и каналов рекрутирования политической элиты. В качестве основных каналов продвижения в состав данной социальной группы в постсоветский период выступают советская номенклатура, государственный аппарат, органы местного самоуправления, бизнес-структуры, политические партии, силовые и специальные структуры, учреждения науки и образования. Ведущими механизмами рекрутирования постсоветской политической элиты являются избрание / назначение на руководящие должности в органы власти и управления, вхождение через систему кадрового резерва, партийное рекрутирование, а также неформальные связи (патрон-клиентарные отношения, опыт совместной деятельности с первыми лицами, личная преданность, родственные / земляческие / этнические связи, общность социального происхождения, близость статусных характеристик или идеологических убеждений, фаворитизм, протекционизм и др.). Отличительными чертами современного процесса рекрутирования, что было установлено в нашем исследовании, являются: постепенное уменьшение по объективным причинам номенклатурного характера элитообразования; неуклонное увеличение присутствия в составе политической элиты представителей бизнеса и отчасти силовых структур; широкое применение системы кадрового резерва и партийного механизма пополнения элиты. Кроме того, значительное влияние на процесс формирования современной политической элиты оказывают неформальные механизмы рекрутирования, что зачастую приводит к появлению во власти некомпетентных лиц. Подлинная же политическая элита (профессиональная, обладающая необходимыми интеллектуальными, личностными и другими качествами) практически не имеет возможности для продвижения в органы власти. Представленные каналы и механизмы рекрутирования характерны для всей

политической элиты России, в том числе и для республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Вместе с тем следует отметить, что в данных субъектах выявилась некоторая специфика процесса рекрутирования элиты. Например, в то время когда практически повсеместно происходит слияние политической и экономической элит путем вхождения представителей бизнес-элиты во властные структуры, в Республике Тыва в составе депутатского корпуса Законодательной палаты Великого Хурала II созыва вместо экономической элиты наблюдается значительное количество работников органов государственной власти. В отличие от центральных регионов России во всех республиках отмечается несущественная доля представителей силовых и специальных структур в составе элит и др. В целом проведенный анализ показал, что современная система рекрутирования управленческих кадров не совершенна и требует внесения корректив.

Анализ официальных биографических справок и материалов социологических исследований позволил определить основные социально-демографические характеристики политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва: пол, возраст, этническую принадлежность, место рождения, социальное происхождение, образование, начало трудовой деятельности, предпочтения и др. Их сравнение с общероссийскими данными показало, что по указанным параметрам республиканские политические элиты мало отличаются от большинства российских регионов: подавляющая часть изучаемой группы представлена мужчинами, наблюдается динамика возрастных показателей в сторону их снижения (сейчас в республиках доминируют лица в возрасте от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет), отмечается значительное повышение образовательного уровня представителей элиты, разнообразие их социального происхождения и др. Специфика социально-демографических характеристик республиканских политических элит состоит, естественно, в этнической принадлежности, владении родным языком, месте рождения, предпочтениях и некоторых других индикаторах.

На основе эмпирических данных также были определены ценностные ориентации представителей политических элит республик Бурятия, Саха

(Якутия) и Тыва, информации по которым, заметим, очень мало. Между тем они представляют значительный интерес и крайне важны, так как именно элите принадлежит ведущая роль в разработке и реализации эффективной государственной политики. Необходимо знать отношение политической элиты к недавнему советскому прошлому нашей страны, к современной ситуации в России и ее регионах, видению основных проблем в развитии экономики, политики, социальной сферы и путей их возможного решения. Систематическое определение мнений по данным вопросам поможет проследить изменение системы ценностей представителей политической элиты в постсоветский период и определить вектор их предпочтений. Проведенный анализ ценностных ориентаций позволил установить некоторые тенденции. Так, выявилась весьма интересная особенность – представители элит в основном критически, а иногда и пессимистически оценивают современную социально-экономическую и политическую ситуацию в России и в своих республиках в частности, но данная оценка противоречит, как правило, оптимистическому взгляду на будущее, что, видимо, связано с появлением некоторой политической и экономической стабильности в стране. Наблюдается разброс мнений по поводу развития экономической сферы. Более молодые представители элиты больше настроены на рыночное устройство общества и частную собственность как основу экономических отношений, а старшее поколение отдает предпочтение государственной стратегии развития экономики. В целом представители элит склоняются к компромиссному варианту в виде смешанного вида экономики, в котором государственное регулирование сочетается с рыночными механизмами развития. Отмечается стремление к сохранению государственной собственности в стратегических отраслях экономики. Наиболее проблемной отраслью экономики единодушно признано сельское хозяйство, социальной сферы – социальная защита населения, политики – многопартийность. Состояние данных направлений вызывает у респондентов особую тревогу. Постепенно переосмысливается отношение к советскому периоду, представители элит склоняются к мысли, что в современных

российских реалиях вполне возможно использовать лучший опыт СССР. Большинство опрошенных ориентировано на устойчивое состояние нашей страны, которое видится им вне жесткой централизации и максимальной децентрализации. В целом, можно заключить, что республиканские политические элиты объективно оценивают современное развитие России и ее регионов, признают наличие достижений и определенных проблем, а также, что очень важно, видят пути решения стоящих перед собой задач.

Итак, проведенное нами исследование показало, что политическая элита нашей страны в постсоветский период постоянно изменялась по различным параметрам, и это вполне естественно. Многие тенденции эволюции элиты в регионах идентичны общероссийским, однако имеются и некоторые особенности, обусловленные спецификой отдельных субъектов федерации. Это в полной мере относится и к изучаемым нами полиэтническим республикам Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Другой вопрос, в каком направлении идет процесс эволюции постсоветской политической элиты страны? Как следует из результатов нашей работы, элита становится моложе, образованнее, разнообразной по социальному происхождению и пр. Она пополняется через различные каналы и механизмы рекрутирования. Для нее характерны открытость, мобильность, плюралистичность взглядов и пр. Однако это только одна сторона политической элиты. Другая же сторона не приглядна, она выражается в поступках, мотивации, функционировании, поведении, образе жизни, духовно-нравственных качествах, культуре представителей данной социальной группы. К сожалению, в них очень много нелицеприятных моментов, которые вызывают острую критику со стороны общественности. Впрочем, здесь следует оговориться. Отрицательные черты, безусловно, характерны не для всей политической элиты России, конечно, нужен индивидуальный подход, но, только изучая элиту в целом, это невозможно осуществить. Между тем в составе российской элиты очень много достойных людей, истинных профессионалов с глубоким внутренним миром. Приятно, что они очень часто встречались нам в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Однако если обобщать, то проведенный

анализ литературы, исторический опыт и личные наблюдения говорят о том, что российская политическая элита в целом пока с переменным успехом выполняет свои функциональные обязанности и имеет очень много негативных черт. Это приводит к ослаблению государства, бесконтрольности власти, ее отдалению от народа и иным негативным последствиям. Поэтому существует необходимость в совершенствовании и обновлении политической элиты страны, что, на наш взгляд, можно осуществить путем решения ряда важных и актуальных на данный момент задач: оптимизации системы рекрутирования, обеспечения сменяемости власти и гласности, установления общественного и служебного контроля за чиновниками, внедрения этического воспитания и т.д. Следует проводить жесткий отбор политиков, выявлять достойных и способных нести ответственность за преобразования в стране. Нужно постепенно и целенаправленно создавать дальновидную, высокопрофессиональную, порядочную, ответственную, патриотически настроенную политическую элиту. В России эта необходимость назрела, ее нельзя игнорировать. События последних лет, происходящие в нашей стране, подтверждают наш тезис. Наблюдаемый рост общественного протеста имеет глубокие корни, которые ведут именно к политической элите. Слишком многими отрицательными чертами она обладает. Эффективность ее деятельности также вызывает сомнение и недовольство, так как состояние экономической, политической и социальной сфер оставляет желать лучшего. Поэтому протестные настроения не вызывают удивления, однако рассуждать однобоко нам все же представляется несправедливым. Не следует забывать, что и сделано политической элитой за последнее время очень много, в стране появилась политическая и экономическая стабильность, определенная уверенность, имеются положительные перспективы развития. Только при этом и самой политической элите необходимо совершенствоваться, она должна вызывать у людей уважение и гордость, как, впрочем, и вся страна в целом. Надеемся, что именно в этом направлении будет осуществляться дальнейший процесс эволюции российской политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А.Г. Технология власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/AWTORHANOW/tehnologiq.txt.html>
2. Айвазова С. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России / С. Айвазова, Г. Кертман. – М., 2000. – 67 с.
3. Алексеев И.Е. Республика Саха (Якутия): языковое поведение / И.Е. Алексеев, Л.Д. Унарова // Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации: материалы IX международной научной конференции «Байкальская встреча», г. Улан-Удэ, 18-21 июня 2012 г. / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Т.2. – С. 98-104
4. Алябьева Е. Реформа системы формирования корпуса глав регионов: первые итоги / Е. Алябьева // Власть. – 2007. – № 9. – С. 14-18
5. Анайбан З.В. Современная социально-политическая ситуация в регионах Сибири / З.В. Анайбан // Актуальные проблемы Саяно-Алтая и сопредельных территорий. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002. – С. 95-97
6. Анайбан З.В. Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ / З.В. Анайбан. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 243 с.
7. Анайбан З.В. Социально-экономические условия адаптации населения Южной Сибири / З.В. Анайбан // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения / под ред. З.В. Анайбан. – М., 2007. – С. 23-58
8. Андреев Г. Обучение и воспитание в вузе неразделимы / Г. Андреев // Высшее образование в России. – 1996. – № 3. – С. 61-66
9. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности / В. Андрианов // Общество и экономика. – 2008. – № 3-4. – С. 45-69
10. Антуфьева Н. Мы знали, что живем плохо, но не думали, что до такой степени [Электронный ресурс] / Н. Антуфьева. – Режим доступа: <http://www.centerasia.ru/issue/2007/28/747>

11. Аристова М. Гендерный оттенок власти / М. Аристова // Власть. – 2008. – № 11. – С. 102-105
12. Аристотель Сочинения: в 4-х томах / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4 Политика. – 830 с.
13. Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности / И.И. Арсентьева. – М.: Восток-Запад, 2008. – 206 с.
14. Асотова А. Политические элиты малых и средних городов России: перепутье или застой / А. Асотова, Г. Филиппов // Власть. – 2009. – № 6. – С. 12-15
15. Астафьев Л.В. К вопросу о понятии коррупции / Л.В. Астафьев // Коррупция в России: состояние и проблемы: материалы научно-практической конференции, 26-27 марта 1996 г. – М.: Московский институт МВД РФ, 1996. – С. 121-142
16. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России / М.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Института практической психологии, 1996. – 224 с.
17. Афанасьев М.Н. Правящие элиты России: образ деятельности / М.Н. Афанасьев // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 3. – С. 46-56; № 4. – С. 28-38
18. Афанасьев М.Н. От вольных орд до ханской ставки / М.Н. Афанасьев // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 3. – С. 5-20
19. Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс / М.Н. Афанасьев. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 129 с.
20. Ахметова Н.А. Международный опыт противодействия коррупции / Н.А. Ахметова // Власть. – 2009. – № 12. – С. 73-75
21. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк / Г.К. Ашин. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
22. Ашин Г.К. Правящая элита и общество / Г.К. Ашин // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 58-69
23. Ашин Г.К. Смена элит / Г.К. Ашин // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 40-50

24. Ашин Г.К. Формы рекрутации политических элит / Г.К. Ашин // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3. – С. 85-97
25. Ашин Г.К. К типологии рекрутирования политических элит / Г.К. Ашин // *Вестник Российского университета дружбы народов. Философия*. – 1999. – № 1. – С. 6-16
26. Ашин Г.К. Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы / Г.К. Ашин // *Власть*. – 1999. – № 12. – С. 63-69
27. Ашин Г. К истории российской элитологии / Г. Ашин // *Власть*. – 2003. – № 2. – С. 45-53
28. Ашин Г. Наука об элитах и элитном / Г. Ашин // *Власть*. – 2004. – № 1. – С. 46-56
29. Ашин Г.К. Философская составляющая элитологии / Г.К. Ашин // *Вопросы философии*. – 2004. – № 7. – С. 60-72
30. Ашин Г.К. О понятии «элита» и не только / Г.К. Ашин // *Власть*. – 2005. – № 11. – С. 40-54
31. Ашин Г.К. Элитология: учебное пособие / Г.К. Ашин. – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. – 544 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.mdpu.org.ua/load/Library/Ashin.rar>
32. Ашин Г.К. Курс истории элитологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aschin/06.php
33. Ашин Г.К. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г.К. Ашин, Э.Д. Лозанский, С.А. Кравченко. – М.: Экзамен, 2001. – 608 с.
34. Бабаева Л.В. Элита России: о настоящем и будущем страны / Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко // *Социологические исследования*. – 1996. – № 4. – С. 40-49
35. Бабушкин С.М. Языковое поведение и ориентации русских в Бурятии / С.М. Бабушкин, Н.С. Бабушкина // *Русские в Бурятии: история и современность* / отв. ред. В.И. Затеев. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2002. – С. 522-546

36. Бадараев Т.Д. О проблеме внедрения новых технологий в России / Т.Д. Бадараев // Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты (к 350-летию вхождения Бурятии в состав России): материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Улан-Удэ, 11 июня 2010 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. – С. 156-161
37. Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» / Д.В. Бадковский // Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 42-58
38. Бадковский Д.В. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия / Д.В. Бадковский, А.Ю. Шутов // Кентавр. – 1995. – № 6. – С. 3-23
39. Байкальская гавань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.invest-buryatia.ru/statistika>
40. Балакина Г.Ф. Экономика региона в период реформ: Республика Тыва / Г.Ф. Балакина; отв. ред. Ю.Г. Полулях. – Новосибирск: Наука, 1996. – 96 с.
41. Балацкий Е.В. Инфраструктурный комплекс России в зеркале мировой экономики [Электронный ресурс] / Е.В. Балацкий. – Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/965/>
42. Бальжинимаева Е.П. Государственная бюрократия как социальный слой в условиях национально-территориального региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е.П. Бальжинимаева. – Улан-Удэ, 2003. – 18 с.
43. Баранов А. Правящий класс в России: имитация замены – элита / А. Баранов // Экономика и жизнь. – 1996. – 21 июня (№ 25). – С. 4
44. Барзилов С. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция / С. Барзилов, А. Чернышов // Свободная мысль. – 1996. – № 1. – С. 44-56
45. Барзилов С. Провинция: плоды реформ / С. Барзилов, А. Чернышов // Свободная мысль. – 2002. – № 4. – С. 38-46

46. Барзилов С. Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ / С. Барзилов, А. Чернышов. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2005. – 298 с.

47. Барсенков А.С. Политическая Россия сегодня: высшая представительная власть / А.С. Барсенков, В.А. Корецкий, А.И. Остапенко. – М.: Московский рабочий, 1993. – 363 с.

48. Барыгин И.Н. Регионоведение / И.Н. Барыгин. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 399 с.

49. Белобородов С. Прошу считать меня Президентом или национальность значения не имеет (по материалам социологических исследований на предмет отношения граждан к общественно-политической ситуации Бурятии) / С. Белобородов // Правда Бурятии. – 1998. – 6 января. – С. 4

50. Белобородов С. Вячеслав Наговицын: нам нужны сплоченность и политическая стабильность / С. Белобородов // Московский комсомолец в Бурятии. – 2012. – №28 (723). – С. 4

51. Беляев В.А. Мировоззрение и социальное поведение правящей элиты Татарстана / В.А. Беляев // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 150-157

52. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 286 с.

53. Бичелдей А.С. Особенности государственного строительства в Тыве после принятия Конституции Республики Тыва 1993 года / А.С. Бичелдей, К.В. Бичелдей // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. – Вып. VII. – С. 134-144

54. Бовуар де С. Второй пол / С. Бовуар де. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – Т. 1 Факты и мифы. – 832 с.; Т. 2 Жизнь женщины. – 832 с.

55. Боков М.Б. Ожидания россиян от нового Президента России / М.Б. Боков // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – № 1(85). – С. 21-28

56. Брилка И. Некоторые особенности функционирования политической элиты / И. Брилка // Государственная служба. – 2007. – № 2. – С. 74-76
57. Брызгунова Ю. Региональная власть в системе политических сетей / Ю. Брызгунова // Власть. – 2007. – № 4. – С. 87-89
58. Брянцев И.И. Коррупция как форма теневого лоббизма / И.И. Брянцев, Л.К. Баранова // Власть. – 2008. – № 3. – С. 13-16
59. Бубякина Д.Н. Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и его личностный потенциал (опыт социально-политического анализа) / Д.Н. Бубякина. – Якутск, 2003. – 83 с.
60. Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия) / Ц. Будаева; ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 191 с.
61. Будаева Ц. Электоральные предпочтения / Ц. Будаева // Бурятия. – 1998. – 6 июня. – С. 2
62. Будаева Ц.Б. Выборы представительных органов власти – ведущий механизм формирования кадрового потенциала (социологический аспект) / Ц.Б. Будаева // Совершенствование кадровой политики органов местного самоуправления Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2000. – С. 49-55
63. Будаева Ц. Политические предпочтения жителей Бурятии / Ц. Будаева // Бурятия. – 2004. – 28 февраля. – С. 3
64. Будаева Ц. Выборы Президента России – 2004: итоги, проблемы, электоральные ожидания / Ц. Будаева, П. Пыкин // Бурятия. – 2004. – 14 февраля. – С. 9
65. Будаева Д.Ц. Двухязычие как важный способ межнациональной консолидации / Д.Ц. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – Вып. 6. – С. 110-113
66. Будажапов С.П. Национально-государственное строительство в Республике Бурятия во 2 п. 80-90-х гг. 20 в. / С.П. Будажапов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 214 с.

67. Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп / Э.Э. Буренкова // Мир России. – 1995. – Т. 4 Социология, этнология, культурология, № 3-4. – С. 3-24
68. Бурятский язык внесен ЮНЕСКО в перечень исчезающих языков мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kp.ru/daily/24489.4/644515/>
69. Быба Ю.В. Государство должно нравиться своему народу (размышления о роли имиджа страны в консолидации нации) / Ю.В. Быба // Власть. – 2007. – № 12. – С. 12-14
70. В Бурятии туризм демонстрирует рекордные темпы роста – Президент республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.egov-buryatia.ru>
71. В Ил Тумэне обсудили вопросы взаимодействия государства и элиты (сообщение пресс-службы Ил Тумэн) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://il-tumen.sakha.ru/?id=13840&y=2009&m=6>
72. В плену у бедности каждый восьмой россиянин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/90167.html
73. Васильева К. Кто наполняет коридоры власти (статистические данные по численности и составу работников органов государственной власти и местного самоуправления на 1 января 1999 г.) / К. Васильева // Бурятия. – 1999. – 9 июля. – С. 3
74. Васильева Л.Н. Синергетический подход в теории элит и его использование в политологии / Л.Н. Васильева // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 5. – С. 97-114
75. Вахромеев В.В. О целесообразности информационной активности политической элиты современной России / В.В. Вахромеев // Власть. – 2008. – № 7. – С. 83-86
76. Вебер М. Избранные произведения [Электронный ресурс] / М. Вебер. – М, 1990. – Режим доступа: http://gosprav.ru/sociology_hrestomatia/
77. Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс] / М. Вебер. – Режим доступа: http://gosprav.ru/sociology_hrestomatia/

78. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147-156
79. Винокурова У. Региональная национальная политика в Якутии / У. Винокурова // Российская Федерация. – 1996. – № 23. – С. 31-32
80. Владимир Путин: позитивные тенденции есть, но пока это только тенденции: интервью для ОРТ, РТР и «НГ» от 24.12.2000 г. // Независимая газета. – 2000. – 28 мая. – С. 8
81. Власть перед лицом народа: встреча председателя Правительства РТ Кара-оола с общественностью республики 20 июля 2007 г. // Тувинская правда. – 2007. – 26 июля. – С. 1
82. Внешнеторговый оборот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tuvastat.ru/digital/region7/2007/htm>
83. Воробьева М.А. Федерализм и «вертикаль» власти в современной России / М.А. Воробьева // Власть. – 2008. – № 6. – С. 48-51
84. Восканян С. Возможные направления развития российской политической элиты / С. Восканян // Государственная служба. – 2003. – № 1. – С. 122-126
85. Восленский М. Номенклатура / М. Восленский. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
86. Встреча через 100 дней: диалог с властью // Тувинская правда. – 2007. – 21 июля. – С. 2
87. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 544. Владимир Путин: семь лет у власти. 02.10.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3286.html>
88. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 698. Отношение россиян к основным общественным и государственным институтам. 25.05.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8257.html>
89. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1498. Этнические симпатии и антипатии россиян. 20.05.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>

90. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1903. Межнациональные отношения глазами москвичей и петербуржцев. 07.12.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112178>

91. ВЦИОМ. Доверие политикам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/confidence-politicians/>

92. ВЦИОМ. Одобрение деятельности государственных институтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/>

93. Выступление Президента Республики Бурятия В.В. Наговицына на пленарном заседании Совета Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru>

94. Гаврильев А.И. Степная дума Якутии и проявление оппозиционности в современной деятельности Государственного собрания (Ил Тумэн) // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Борисов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – С. 91-93

95. Гайдуков В. Роль элитных групп в формировании регионального политического интереса / В. Гайдуков, В. Осипов // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / под ред. А. Мельвиля. – М.: МОНФ, 1999. – С. 266-280

96. Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше / Д. Галеви; пер. с франц. А.Н. Ильинского. – Ростов н/Д.: Изд-во Феникс, 1998. – 384 с.

97. Галечян А.М. Политическая элита как субъект модернизации современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.М. Галечян. – Москва, 2008. – 196 с.

98. Галлас О.Э. Откровенный разговор с Леонидом Потаповым / О.Э. Галлас, А.П. Капустин, А.А. Субботин. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО Республиканская типография, 2002. – 64 с.

99. Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период / Р.Р. Галлямов // Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 108-115

100. Гаман О.В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса / О.В. Гаман // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. – 1995. – № 45. – С. 22-32
101. Гаман О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций / О.В. Гаман. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 36 с.
102. Гаман О.В. Политические элиты России в историческом процессе: закономерности формирования и тенденции развития / О.В. Гаман // Россия XXI. – 1996. – № 5/6. – С. 53-66
103. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Интеллект, 1998. – 415 с.
104. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: процессы формирования и тенденции развития: историко-политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 1998. – 56 с.
105. Гаман О.В. Особенности формирования политической элиты в раннесоветский период / О.В. Гаман // Актуальные проблемы политики и политологии в России. – М., 1999. – С. 134-149
106. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии / О.В. Гаман-Голутвина // Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 97-103
107. Гаман-Голутвина О. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции / О. Гаман-Голутвина // Россия XXI. – 2004. – № 2. – С. 26-67
108. Гаман-Голутвина О. Региональные элиты России в зеркале экспертного опроса / О. Гаман-Голутвина // Власть. – 2004. – № 5. – С. 3-10
109. Гаман-Голутвина О. Российские элиты как предмет научного анализа / О. Гаман-Голутвина // Общество и экономика. – 2008. – № 3/4. – С. 175-196

- 110.Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт / О.В. Гаман-Голутвина // Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 67-85
- 111.Гейдебрехт В. Экономика Бурятии: итоги и перспективы / В. Гейдебрехт // Экономический потенциал. – 2004. – № 1(2). – С. 8-13
- 112.Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики / В.Я. Гельман // Политические исследования. – 1998. – № 1. – С. 87-105
- 113.Гельман В.Я. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы / В.Я. Гельман // Политическая наука. Российская политика в теоретическом и сравнительном контексте: сборник научных трудов. – 2003. – № 1. – С. 53-78
- 114.Гибадуллин Р.М. Постсоветский дискурс нации как проблема межэтнического единства России / Р.М. Гибадуллин // Власть. – 2010. – № 1. – С. 74-78
- 115.Глава Бурятии отчитался о деятельности Правительства перед Народным Хуралом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regions.ru>
- 116.Гнетнев А.И. Динамика структуры «политического класса» в России: региональный аспект / А.И. Гнетнев // Власть. – 2007. – № 11. – С. 71-74
- 117.Головачев Б.В. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит / Б.В. Головачев, Л.Б. Косова // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1995. – Ч. 2. – С. 183-187
- 118.Головачев Б.В. Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету / Б.В. Головачев, Л.Б. Косова // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 45-51
- 119.Гончаренко О. Трансформация института губернаторства / О. Гончаренко // Власть. – 2009. – № 4. – С. 38-41
- 120.Горбунов Ю.В. Региональные политические элиты в современной России: институционализация и позиционирование: автореф. дис. ... канд.

полит. наук / Ю.В. Горбунов; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2004. – 26 с.

121. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ) / М.К. Горшков. – М.: РОСС-ПЭН, 2000. – 384 с.

122. Горшков М.К. Экономическая элита: победители или заложники / М.К. Горшков // Известия. – 2004. – 23 июня. – С. 3

123. Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) / М.К. Горшков // Власть. – 2011. – № 12. – С. 11-22

124. Государственная кадровая политика и механизм ее реализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orags.narod.ru>

125. Государственный доклад о положении детей в Российской Федерации 2010 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/otchety/6>

126. Губанов Л.С. Этническая элита: специфика и особенности функционирования в условиях трансформации российского общества: на примере Карачаево-Черкесской республики: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Л.С. Губанов. – Новочеркасск, 2007. – 188 с.

127. Гудков Л.Д. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования / Л.Д. Гудков. – М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. – 370 с.

128. Гузельбаева Г. К вопросу о преемственности современной политической элиты Татарстана / Г. Гузельбаева // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 1. – С. 34-48

129. Гунтыпова Э.С. Социальная инфраструктура села Республики Бурятия в оценках сельских жителей (по материалам социологического исследования) / Э.С. Гунтыпова // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Вып. 14. – С. 77-80

130. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство / Р. Даль // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 37-48

131. Даль Р. О демократии / Р. Даль. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 208 с.
132. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А.Н. Данилов. – Мн.: ООО Харвест, 1998. – 432 с.
133. Данилова З.А. Социально-политические проблемы устойчивого развития Бурятии / З.А. Данилова // Устойчивое развитие: сборник научных трудов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1996. – Вып. 1. – С. 115-128
134. Данилова З.А. Население округа: адаптация в реалиях объединительного процесса / З.А. Данилова // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: материалы международной конференции, г. Улан-Удэ, 8-11 сентября 2011 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 46-48
135. Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты / А.Б. Даугавет // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 26-38
136. Дашиева А.Д. Гендерные аспекты развития политической системы современной Бурятии / А.Д. Дашиева // Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты (к 350-летию вхождения Бурятии в состав России): материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Улан-Удэ, 11 июня 2010 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 29-31
137. Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clck.yandex.ru/redir/>
138. Декларация от 12 декабря 1990 г. № 101 «О государственном суверенитете советской республики Тува // Тувинская правда. – 1990. – 13 декабря. – С. 1
139. Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы / М. Джилас. – Нью-Йорк, 1958. – 246 с.
140. Дискин И.Е. Россия: социальная трансформация элиты и мотивация / И.Е. Дискин // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития: материалы международного симпозиума, 17-19 декабря 1993 г. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 31-46

141. Дискин И.Е. Реформы и элиты: институциональный аспект / И.Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 6. – С. 29-41
142. Дискин И.Е. Элита и олигархия: по какому пути они пойдут у нас в России? / И.Е. Дискин // *Деловой мир*. – 1995. – 23 декабря. – С. 2
143. Дискин И.Е. Элиты как субъекты российских реформ / И.Е. Дискин // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*. – 1996. – № 1. – С. 10-17
144. Добренъков В.И. Методы социологического исследования / В.И. Добренъков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 768 с.
145. Добрынина М.И. Интеллигенция как субъект политической власти / М.И. Добрынина // *Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: материалы VIII международной научной конференции «Байкальская встреча»*, г. Улан-Удэ, 15-18 июня 2010 г. / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 290-294
146. Довгаль Г.В. Политическая элита Дальнего Востока в условиях трансформации российского общества: вопросы теории и практики: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Г.В. Довгаль. – Уссурийск, 2007. – 213 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003342000/rsl01003342689/rsl01003342689.pdf>
147. Доктрина государственной молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusmol.org>
148. Доли стран лидеров в общем объеме внешнеторгового оборота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.govrb.ru/import_eksport/index.php
149. Доля убыточных предприятий в России снизилась до 34,4% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rubl.ru/news/9354_dolya-ubytochnyh-predpriyatiy-v-rossii-snizilas-do-34-4.html
150. Доля убыточных предприятий в РФ в январе 2012 года снизилась на 3,1 процентного пункта [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://predprinimatel48.ru/rossii/item/1097-dolya-ubytochnykh-organizatsij-v-rf-v-yanvare-snizilas-na-3-1-pp.html>

151. Дробижева Л.М. Завоевание демократии и этнонациональные проблемы России / Л.М. Дробижева // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 2. – С. 16-29

152. Дроздов Ю.И. Политическая элита России / Ю.И. Дроздов, С.И. Илларионов. – М.: ООО РИЦ «ПрофЭко», 2007. – 576 с.

153. Дубровский В. О Великом Хурале: взгляд историка / В. Дубровский // *Тувинская правда*. – 1996. – 15 февраля. – С. 4

154. Дука А. Изменение политической элиты Ленинграда / Петербурга 1989-1994 / А. Дука // *На путях политической трансформации: политические партии и политические элиты постсоветского периода*. – М.: МОНФ, 1997. – Ч. 2. – С. 19-28

155. Дука А.В. Институализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге / А.В. Дука // *Полития*. – 2003. – № 2. – С. 126-149

156. Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность / А. Дука // *Общество и экономика*. – 2008. – № 6. – С. 132-146

157. Дука А.В. Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте / А.В. Дука // *Власть*. – 2008. – № 8. – С. 135-139

158. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности / А.А. Елаев. – М.: Антал, 1994. – 176 с.

159. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А.А. Елаев. – М., 2000. – 352 с.

160. Еремеев А.И. Разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации: на примере Республики Саха (Якутия): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.И. Еремеев. – М., 1999. – 169 с.

161. Ермолаев Т.С. Становление и развитие государственности Республики Саха (Якутия) / Т.С. Ермолаев. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 1999. – 195 с.

162. Ершова Н. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома / Н. Ершова // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюняна. – М., 1994. – С. 151-155

163. Жалсанова В.Г. Политическая элита в социальной структуре общества переходного периода (на материалах Республики Бурятия): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / В.Г. Жалсанова; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2000. – 131 с.; [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01000000000/rs101000322000/rs101000322560/rs101000322560.pdf>

164. Жалсанова В.Г. К специфике становления политической элиты в Республике Бурятия / В.Г. Жалсанова // Проблемы нового этапа культурного возрождения народов Бурятии по материалам социологических исследований / отв. ред. Ю.Б. Рандалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 125-139

165. Жалсанова В.Г. Политическая элита Бурятии на современном этапе / В.Г. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 114 с.

166. Жамбалова Д. Красиво живем? Глава Бурятии отчитался перед депутатами / Д. Жамбалова // Аргументы и факты. – 2012. – №27(1652). – С.4

167. Жуковская Н.Л. Бурятия: предпосылки этнической напряженности [Электронный ресурс] / Н.Л. Жуковская. – Режим доступа: <http://www.buryatia.org>

168. Журавлев А.Н. Политические предпочтения региональной элиты накануне избирательных кампаний / А.Н. Журавлев // Власть. – 1999. – № 5. – С. 14-19

169. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества / Т.И. Заславская // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. – М.: АспектПресс, 1996. – С. 11-21

170. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 399 с.

171. Затеев В.И. Этносоциальная структура и динамика ее изменений в Бурятии в XX веке / В.И. Затеев // Вестник Бурятского государственного

- университета. Сер. 5: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003. – Вып. 8. – С. 89-123
- 172.Зелетдинова Э. Региональная власть: как далека она от народа / Э. Зелетдинова // Власть. – 1999. – № 11. – С. 24-28
- 173.Зелетдинова Э. Элита – власть – демократия / Э. Зелетдинова // Власть. – 2000. – № 3. – С. 49-54
- 174.Зенькович Н.А. Губернаторы новой России. Энциклопедия карьер / Н.А. Зенькович. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 592 с.
- 175.Злотковский В.И. Изменение социальной структуры региональной политической элиты в обществе переходного периода (на материалах Республики Хакасия): автореф. дис. ... канд. социол. наук / В.И. Злотковский. – Красноярск, 2000. – 18 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01000000000/rsl01000273000/rsl01000273151/rsl01000273151.pdf>
- 176.Золотов В.А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953-1991 гг.): дис. ... д. истор. наук: 07.00.02 / В.А. Золотов; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 333 с.
- 177.Зоны экономического благоприятствования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.govrb.ru/import_eksport/index.php
- 178.Зубаревич Н.В. Роль экономического развития в формировании региональных элит / Н.В. Зубаревич // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы международного семинара, г. Тверь, 20-22 февраля 1998 г. / под ред. А. Мельвиля. – М.: МОНФ, Изд. центр научных и учебных программ, 1999. – С. 25-46
- 179.Зубаревич Н. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н. Зубаревич. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.

180.Зудин А.Ю. Российские элиты при В.В. Путине / А.Ю. Зудин // Политические элиты перед историческими вызовами 21 века. – М, 2004. – С. 5-27

181.Иванова Т.С. Государственность Республики Саха (Якутия): истоки, пути развития, проблемы / Т.С. Иванова. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2002. – 398 с.

182.Иванюк Ф.М. Методологические проблемы исследований элит: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ф.М. Иванюк. – Санкт-Петербург, 2005. – 180 с.

183.Игнатов В.Г. Политико-административная элита региона: методология и методика исследования / В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков // Государственная и муниципальная служба. Методология, теория, технология, зарубежный опыт. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 30-44

184.Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории / В.Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 143 с.

185.Игнатьева В.Б. Федеративная природа Российского государства и проблемы развития народов России / В.Б. Игнатьева // Россия и Якутия: сквозь призму истории / Акад. наук РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед.; отв. ред. В.Н. Иванов. – Якутск, 2007. – С. 199-210

186.Инвестиции в основной капитал за январь-май 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.invest-buryatia.ru/statistika>

187.Инвестиционная политика в Бурятии: итоги и перспективы // Экономический потенциал. – 2004. – № 1(2). – С. 38-41

188.Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/blog>

189.Информационный бюллетень Народного Хурала РБ. Сведения о депутатах Народного Хурала Республики Бурятия первого, второго и третьего созывов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hural-buryatia.ru>

190. Информация о достигнутых значениях показателей оценки эффективности деятельности Министерства промышленности и энергетики Республики Тыва за I полугодие 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minprom.tuva.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=154:-----i--2012--&catid=1:latest-news&Itemid=81

191. Информация об экономической ситуации в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/1106>

192. Ирхин Ю.В. Политические элиты вчера, сегодня, завтра / Ю.В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 82-104

193. История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 2. – 430 с.

194. Кадровое обеспечение местного самоуправления Республики Бурятия // Перспективы развития местного самоуправления. – Улан-Удэ, 2003. – С. 168-169

195. Кадровые резервы России. Состав и особенности элитобразования / авт.-сост. А.Б. Шатилов, А.В. Юдельсон, С.В. Дойченко; под ред. А.А. Мухина. – М.: ЦПИ, 2007. – 232 с.

196. Кан В. Этносоциальная ситуация в Туве / В. Кан // Плюс Информ. – 2009. – 30 июля. – С. 3

197. Кан П.К. «Элиты» России, Казахстана, Узбекистана. Сравнение и оценка / П.К. Кан // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 147-152

198. Капустина Л.М. Эволюция отношений Центр-регионы и сценарии развития федеративных отношений в России [Электронный ресурс] / Л.М. Капустина. – Режим доступа: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar5/kapustina.htm>

199. Кара-оол Ш. Тува еще внесет свой вклад в развитие России / Ш. Кара-оол // Тувинская правда. – 2009. – 5 мая. – С. 1

200. Карабущенко П.Л. Психологические теории элит / П.Л. Карабущенко. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 455 с.

201. Карабущенко П.Л. Элитология Платона (античные аспекты философии избранности) / П.Л. Карабущенко. – М.-Астрахань, 1998. – 214 с.
202. Карасев В.В. Методы профилактики и противодействия коррупции / В.В. Карасев // Власть. – 2008. – № 8. – С. 109-112
203. Кафтан Л. Власть создает «скамейку запасных» / Л. Кафтан // Комсомольская правда. – 2008. – 18 ноября. – С. 4
204. Качаев В. Как взрастить элиту? / В. Качаев // Якутия. – 1998. – 13 мая. – С. 2
205. Ким-Кимэн А.Н. От Степной думы к современному парламентаризму в Якутии / А.Н. Ким-Кимэн // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Борисов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – С. 84-90
206. Кинсбургский А.В. Трансформация структуры российской политической элиты в оценках экспертов / А.В. Кинсбургский // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 91-94
207. Киреев Х.С. Межэтнические конфликты в России: истоки и решения / Х.С. Киреев // Власть. – 2007. – № 10. – С. 84-88
208. Киреев Х.С. Национальная самоидентификация в этнополитических процессах России / Х.С. Киреев // Власть. – 2009. – № 2. – С. 54-57
209. Кисилев К. Сценарии смены муниципальных элит / К. Кисилев // Управа. – 2008. – № 6. – С. 85-86
210. Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти / С.А. Кислицын. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
211. Ковалев В.А. Федерализм в рамках «управляемой демократии»: последствия отмены губернаторских выборов / В.А. Ковалев // Россия и современный мир. – 2007. – № 2. – С. 70-87
212. Ковалевский М.М. Сочинения в 2 томах / М.М. Ковалевский. – СПб.: Алетейя, 1997. – Т. 1 Социология. – 287 с.; Т. 2 Современные социологи. – 415 с.

213. Коваль Т.Б. Элита и нравственность: религиоведческие заметки / Т.Б. Коваль // Мир России. – 1995. – Т. 4, № 3/4. – С. 57-83
214. Кодин М.И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990-1997) / М.И. Кодин. – М., 1998. – 173 с.
215. Кодин М.И. Российский политический процесс: социально-философские аспекты / М.И. Кодин; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Наука, 2008. – 326 с.
216. Козин Н.Г. Есть ли будущее у России? Критика исторического опыта современности / Н.Г. Козин. – М.: Норма, 2008. – 462 с.
217. Койчуев Т. Элита постсоциалистического общества: кого к ней относить? / Т. Койчуев // Общество и экономика. – 2007. – № 5-6. – С. 3-12
218. Колбасина М. Якутская элита глазами социолога / М. Колбасина // Якутия. – 2003. – 12 сентября. – С. 8
219. Колесников В. Что же это за элита! / В. Колесников // Российская Федерация сегодня. – 2008. – № 12. – С. 27-29
220. Колобов О.А. Детерминирующие факторы экстремистской деятельности представителей молодежи по отношению к мигрантам / О.А. Колобов, О.А. Шмелев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – Вып. 6. – С. 156-162
221. Конституция (Основной закон) Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики (принята на внеочередной VIII сессии Верховного Совета Бурятской АССР IX созыва 30 мая 1978 года). – Улан-Удэ, 1978. – 48 с.
222. Конституция Республики Бурятия / ред. кол. К.А. Будаев, О.В. Хышиктуев, И.И. Калашников и др. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2004. – 84 с.
223. Конституция Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.tuva.ru

224. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakha.gov.ru/>
225. Конституция СССР в редакции от 1 декабря 1988 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478733/
226. Конституция Российской Федерации (проект на референдум 12 декабря 1993 г.). – М.: Изд-во Юридическая литература, 1993. – 58 с.
227. Конституция Российской Федерации. – М.: Изд-во СПАРК, 1995. – 52 с.
228. Конституция Российской Федерации. – Новосибирск: Норматика, 2013. – 32 с.
229. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtml>
230. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.kremlin.ru>
231. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства / Ю.Г. Коргунюк // Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 30-49
232. Кочкина Е.В. Гендерные проблемы российской демократии / Е.В. Кочкина // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. – Спб.: Алетейя, 2004. – С. 478-522
233. КПСС и номенклатура в советском обществе: материалы интернет-конференции, декабрь 2005 г.-февраль 2006 г. / под общ. ред. В.П. Мохова. – Пермь, 2007. – 156 с.
234. Кривчук И. Проблемы функционирования оппозиции и контрэлит в современном политическом процессе (обзор литературы) / И. Кривчук // Власть. – 2009. – № 7. – С. 60-62

235. Крыштановская О.В. Партийная элита в годы перестройки / О.В. Крыштановская // Политические процессы в условиях перестройки / отв. ред. О.В. Крыштановская. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 3-33

236. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О.В. Крыштановская // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51-65

237. Крыштановская О.В. Портрет современной элиты / О.В. Крыштановская // Спутник-дайджест. – 1995. – № 7. – С. 6-15

238. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы / О.В. Крыштановская // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 3-12

239. Крыштановская О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/187639>

240. Крыштановская О.В. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад, подготовлен в сотрудничестве с представительством фонда им. Фридриха Эберта в РФ) [Электронный ресурс] / О.В. Крыштановская. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.isras.ru>

241. Крыштановская О. Политический класс России не претерпел никаких изменений с советского времени / О. Крыштановская // Политический класс. – 2005. – № 1. – С. 112-114

242. Крыштановская О. Из жизни вето-групп / О. Крыштановская // Огонек. – 2007. – № 9. – С. 22-23

243. Крыштановская О. Чиновники стали кастой / О. Крыштановская // Огонек. – 2009. – № 26. – С. 23

244. Крыштановская О.В. Элита и возраст: путь наверх / О.В. Крыштановская, Ю.В. Хуторянский // Социологические исследования. – 2002. – № 4. – С. 49-60

245. Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества / А. Крэстева // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 19-29

- 246.Крянев Б. Спасибо исполнившим долг / Б. Крянев // Правда Бурятии. – 1993. – 30 декабря. – С. 2
- 247.Крянев Б. Повторение пройденного / Б. Крянев // Правда Бурятии. – 1998 – 24 февраля. – С. 4
- 248.Крянев Б.П. Политические партии и предвыборные блоки Республики Бурятия / Б.П. Крянев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. – 40 с.
- 249.Крянев Б.П. Народный Хурал РБ: политический портрет / Б.П. Крянев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – 144 с.
- 250.Крянев Б.П. Бурятия политическая: политические партии, общественно-политические движения, блоки и организации (1990-1999 гг.) / Б.П. Крянев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – 235 с.
- 251.Крянев Б.П. Роль общественно-политических организаций Бурятии в формировании политического плюрализма / Б.П. Крянев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 4: История. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. – Вып. 4. – С. 48-58
- 252.Крянев Б.П. Политическая регионалистика / Б.П. Крянев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – 234 с.
- 253.Крянев Б.П. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия) / Б.П. Крянев, В.М. Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – 140 с.
- 254.Крянев Б.П. Формирование избирательной системы и политической элиты в Бурятии / Б.П. Крянев, В.Г. Ларионов, В.М. Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – 156 с.
- 255.Кто есть кто в Республике Саха (Якутия): справочник / сост. В.К. Кузнецов, А.В. Петров, Л.Р. Сахаутдинова. – Якутск: Академия, 2007. – 300 с.
- 256.Кудеярова Н.Ю. Первые изменения постсоветской элиты / Н.Ю. Кудеярова // Мир России. – 1995. – Т. 4, № 3/4. – С. 46-55
- 257.Кудеярова Н.Ю. Идеино-политические ориентации элитных групп / Н.Ю. Кудеярова // Мир России. – 1995. – Т. 4, № 3/4. – С. 25-45

258. Кузнецов В. Сегодня во власть должны приходиться управленцы / В. Кузнецов // Экономический потенциал. – 2005. – № 31(8). – С. 43-45
259. Кузнецова Н. Правящие элиты в судьбе России / Н. Кузнецова // Московский журнал. – 1995. – № 6. – С. 2-9
260. Кузнецова О.А. Социальные механизмы формирования региональной политической элиты (на примере Самарской и Ульяновской областей): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / О.А. Кузнецова. – Самара, 2004. – 186 с.
261. Куколев И.В. Трансформация политических элит в России / И.В. Куколев // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 82-91
262. Куприянов Ю.С. Становление муниципальной службы Республики Саха (Якутия): проблемы и пути их решения / Ю.С. Куприянов // Местное самоуправление в Республике Саха (Якутия): правовые, социально-экономические и финансовые проблемы: материалы республиканской научно-практической конференции, г. Якутск, 15-16 апреля 2004 г. – Якутск: ЯФ ГУ Изд-во СО РАН, 2004. – С. 157-161
263. Курбанов Р. Формирование нравственности и морали государственных служащих в Российской Федерации / Р. Курбанов // Власть. – 2008. – № 1. – С. 31-35
264. Кургинян С. Российская элита и вызовы времени / С. Кургинян // Россия XXI. – 2008. – № 4. – С. 4-41
265. Кургузов П.В. Проблема лидерства и элит в современной Бурятии / П.В. Кургузов // Будущее Бурятии глазами молодежи: материалы второй научно-практической конференции, 11 апреля 2002 г. – Улан-Удэ, 2002. – С. 169-171
266. Лаврикова А.А. Особенности ценностных ориентаций политического, экономического и социокультурного сегментов элитного сообщества Тульского региона / А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. – Вып. 2. – С. 135-150

267. Лавриненко В.Н. Исследование социально-экономических и политических процессов / В.Н. Лавриненко, Л.М. Путилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вузовский учебник, 2008. – 205 с.

268. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России / Н.Ю. Лапина; ИНИОН РАН. – М., 1997. – 63 с.

269. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах / Н.Ю. Лапина // Россия и современный мир. – 1998. – № 1. – С. 98-120

270. Лапина Н.Ю. Элитные группы России / Н.Ю. Лапина // Общество и экономика. – 2000. – № 2. – С. 18-33

271. Лапина Н. Российские элиты и проблемы интеграции на пространстве СНГ / Н. Лапина // Общество и экономика. – 2002. – № 10-11. – С. 292-311

272. Лапина Н.Ю. Обновление политической элиты: изучение проблемы в рамках компаративного исследования / Н.Ю. Лапина // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 11. – С. 23-34

273. Лапина Н. Отношения «центр-регионы» в современной России: пределы централизации [Электронный ресурс] / Н. Лапина. – Режим доступа: www.perspectivy.info

274. Лапина Н. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / Н. Лапина, А. Чирикова. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 198 с.

275. Лапина Н. Региональная власть и экономические элиты: социологическая хроника начала XXI века / Н. Лапина, А. Чирикова // Общество и экономика. – 2002. – № 6. – С. 93-119

276. Лапина Н. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит: аналитический доклад / Н. Лапина, А. Чирикова. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 146 с.

277. Лапина Н. Трансформация российской региональной элиты: вперед в номенклатурное будущее? / Н. Лапина, А. Чирикова // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 5. – С. 33-44

278. Латухина К. Дмитрий Медведев встретился с представителями кадрового резерва / К. Латухина // Российская газета. – 2009. – 5 марта (№ 4861). – С. 2

279. Латыпов Р. Государственная кадровая политика как политологическая проблема / Р. Латыпов // Государственная служба. – 2007. – № 5. – С. 99-102

280. Левада-Центр. Президент. Одобрение и доверие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/prezident.html>.

281. Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования [Электронный ресурс] / В.Г. Ледяев. – Режим доступа: www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1763

282. Ледяев В. «Интеллигенция» как предмет концептного анализа [Электронный ресурс] / В. Ледяев. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru>

283. Ледяев В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля / В.Г. Ледяев // Социологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 31-68

284. Ледяев В.Г. Кого относить к элите? / В.Г. Ледяев // Общество и экономика. – 2008. – № 3/4. – С. 121-129

285. Лексин В.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – 5-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

286. Либман Г.И. Проблема политических элит в российском обществе / Г.И. Либман, А.В. Варбузов, Э.О. Сухарева // Социально-политический журнал. – 1997. – № 5. – С. 79-90

287. Лигостаев А.Г. О мотивации действий российской «власти» / А.Г. Лигостаев // Свободная мысль. – 2008. – № 2. – С. 149-154

288. Лифанов А.В. О характере политической элиты современной России / А.В. Лифанов // Социум и власть. – 2007. – № 2. – С. 56-65

289. Лукин А.В. Демократизация или кланизация? (взгляды западных исследователей на перемены в России) / А.В. Лукин // Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 61-80

290. Лэйн Д. Перемены в России: роль политической элиты / Д. Лэйн // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 30-40
291. Люди Центра Азии: 92 портрета-интервью / под общ. ред. Н.М. Антуфьевой. – Кызыл: Центр Азии, 2001. – 536 с.
292. Магомедов А.К. Политические элиты российской провинции / А.К. Магомедов // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 77-82
293. Магомедов А.К. Власть новой Калмыкии. Организация и пределы согласия политической элиты / А.К. Магомедов // Россия и современный мир. – 1995. – № 3. – С. 156-169
294. Магомедов А.К. Политическая идеология локальных правящих элит в России / А.К. Магомедов // Россия и современный мир. – 1996. – № 4(13). – С. 152-176
295. Магомедов А.К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей истории: сравнительный анализ / А.К. Магомедов. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 1998. – 150 с.
296. Маклашова Е.Г. Государственная власть в современных политических условиях (на материалах Республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.Г. Маклашова. – Хабаровск, 2004. – 24 с.
297. Маклашова Е.Г. «Центр-Регион» в новой системе политических координат / Е.Г. Маклашова // Россия и Якутия: сквозь призму истории / Акад. наук РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед.; отв. ред. В.Н. Иванов. – Якутск, 2007. – С. 210-221
298. Маклашова Е.Г. Проблемы политической стабильности: региональный аспект (на материалах Республики Саха (Якутия) / Е.Г. Маклашова // Развитие государственности Республики Саха (Якутия) в составе Российской Федерации в постсоветский период: материалы научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию юбилею первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева. – Якутск, 2007. – С. 73-77

299.Макъявелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макъявелли; пер. с итал. Г.Д. Муравьевой, М.А. Юсима. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 461 с.

300.Маленкин А.Н. Теория политической элиты Р. Михельса / А.Н. Маленкин // Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 80-89

301.Манапова В.Э. Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы / В.Э. Манапова // Власть. – 2007. - № 7. – С. 25-29

302.Манзанов Г.Е. Деятельность властных структур в общественном мнении жителей Улан-Удэ / Г.Е. Манзанов, А.Д. Манзанов // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: сборник статей. – Улан-Удэ, 1998. – С. 58-62

303.Манько Ю.В. Нации и национальные отношения (исторический и философский анализ) / Ю.В. Манько, Н.И. Шашков. – СПб.: ИД Петрополис, 2009. – 196 с.

304.Мареева С.В. Цели и задачи модернизации страны в восприятии населения: консенсус или конфликт? / С.В. Мареева // Власть. – 2011. – № 10. – С. 84-88

305.Мартынова М.Ю. Политическая контрэлита в России / М.Ю. Мартынова // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2000. – № 1. – С. 36-53

306.Матвеев А. Генезис взаимоотношений центра и регионов в практике российского федерализма (конец XX – начало XXI вв.) / А. Матвеев, А. Хренов // Власть. – 2009. – № 8. – С. 46-49

307.Материалы «Правительственного часа» заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по вопросу «Об основных направлениях молодежной политики и государственных мерах по ее реализации»: информационные материалы научно-практической конференции «Молодежь глазами молодежи» в рамках IV Байкальского экономического форума, г. Иркутск, 20-21 сентября 2006 г. – М., 2006. – С. 2-

14

308.Мацузато К. Электоральная география в России: Белый, Красный, Серый и Взрывной пояса / К. Мацузато // Выборы и партии в регионах России / под ред. Г.М. Люхтерхандт-Михалевой, С.И. Рыженковой. – М.; СПб.: ИГПИ, Летний сад, 2000. – С. 170-195

309.Медведев Д. Инвестиции в кадры / Д. Медведев // Вопросы местного самоуправления. – 2008. – № 5. – С. 4-5

310.Международные связи и межрегиональное сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/9928>

311.Межнациональные и этнические вопросы Бурятии / отв. ред. А.А. Елаев. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. – 132 с.

312.Мелье Ж. Завещание / Ж. Мелье; пер. с франц. – М., 1954. – Т. 1. – 461 с.; Т. 2. – 452 с.; Т. 3. – 467 с.

313.Местникова А.Б. Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] / А.Б. Местникова. – Режим доступа: <http://region.3ebra.com/generation/publications/publication26/>

314.Местникова А.Б. Особенности идентификации и основные характерные черты политической и бизнес-элиты в Якутии [Электронный ресурс] / А.Б. Местникова. – Режим доступа: <http://region.3ebra.com/generation/publications/>

315.Местное самоуправление в Центральной Якутии: механизм внедрения и факторы оптимизации (социологическое исследование). – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 2000. – 42 с.

316.Местному самоуправлению – высокопрофессиональные кадры / А. Николаева // Тувинская правда. – 2005. – 25 августа. – С. 2

317.Методология исследования региональной политической элиты: методологические указания / сост. Ю.С. Тарасов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2001. – 29 с.

318.Мигалкин А.В. Якутия: внешние связи на рубеже веков: статьи и выступления / А.В. Мигалкин. – Якутск, 2006. – 359 с.

319. Мизес Л. фон. Бюрократия / Людвиг фон Мизес; пер. с англ. Е. Журавской; под ред. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. – Челябинск: Социум, 2006. – 200 с.

320. Микульский К.И. Российская элита: опыт социологического анализа / К.И. Микульский, Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис [и др.]. – М.: Наука, 1995. – Ч. 1 Концепция и методы исследования. – 41 с.

321. Миллс Ч. Властвующая элита / Ч. Миллс. – М.: Иностранная литература, 1959. – 543 с.

322. Миронов Д.Н. Государственное Собрание (Ил Тумэн) – парламент Республики Саха (Якутия) / Д.Н. Миронов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. – 108 с.

323. Миронов С. Ситуация с материально-техническим обеспечением села «аховая» [Электронный ресурс] / С. Миронов. – Режим доступа: <http://agroobzor.ru/article/a-435.html>

324. Миронюк М.Г. Региональное измерение трансформаций политических институтов в Российской Федерации / М.Г. Миронюк // Проблемы политической трансформации и модернизации России / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: МОНФ, 2001. – С. 48-75

325. Мисюров Д. Национальное проектирование в разочаровывающейся стране [Электронный ресурс] / Д. Мисюров // Агентство политических новостей. 18.08.2006. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/opinions/article10235.htm>

326. Митупов К.Б.-М. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Бурятии (1990-е гг.) / К.Б.-М. Митупов // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 5. – С. 143-147

327. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 3. – С. 67-81

328. Михельс Р. Борьба вождей между собой за власть / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 7. – С. 45-66

329. Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии / Р. Михельс // Диалог. – 1991. – № 3. – С. 3-15
330. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 107-116
331. Молодая семья в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. С.В. Мантурова. – Улан-Удэ, 2006. – 96 с.
332. Молодежь Республики Бурятия 2004-2005 годы: государственный доклад. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО Республиканская типография, 2006. – 94 с.
333. Моммэн А. Федерализм, конфедерализм и национальные государства: тезисы лекции, прочитанной в Нижегородском университете / А. Моммэн. – М., 1993. – 48 с.
334. Монгуш С. Смены руководства не будет / С. Монгуш // Известия Тувы. – 2007. – 15 февраля. – С. 3
335. Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/monitoring/doc20120202_05
336. Мосендз А.В. Структурная организация современной российской политической элиты / А.В. Мосендз // Вестник МГУ. Сер. 18: Политология и социология. – 2007. – № 4. – С. 115-117
337. Моска Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 187-198; № 12. – С. 97-117
338. Моска Г. Элементы политической науки / Г. Моска // Социологические исследования. – 1995. – № 4. – С. 122-131; № 8. – С. 130-139
339. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в 20 в. / Н.П. Москаленко. – М.: Наука, 2004. – 222 с.

340.Мохов В.П. Региональная политическая элита: к определению содержания понятия / В.П. Мохов // «Экватор» 90-х. – Пермь, 1995. – С. 69-73

341.Мохов В. Об определении понятия «элита» / В. Мохов // Общество и экономика. – 2008. – № 3/4. – С. 130-143

342.Мэрдыгеев З.Р. Общественно-политические настроения жителей Бурятии (прикладной аспект) / З.Р. Мэрдыгеев. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – 192 с.

343.Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? / О.Г. Мясников // Политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 52-60

344.Наговицын отчитался за работу правительства // Номер один. – 2012. – № 26 (698). – С. 10

345.Наумов С. Кадровый резерв как механизм повышения качества государственного управления / С. Наумов, Е. Масленникова // Власть. – 2008. – № 10. – С. 61-63

346.Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия): статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – Якутск: Комитет государственной статистики РС(Я), 2005. – 76 с.

347.Николаев М.Е. Новая Якутия. Начало. / М.Е. Николаев. – Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1995. – 64 с.

348.Нимаева Л.Ч. Социальная сфера в РБ: современное состояние и перспективы развития / Л.Ч. Нимаева // Республика Бурятия – государство в составе РФ (к 75-летию образования). – Улан-Удэ, 1998. – С. 24-30

349.Новиков А.Г. Социальная структура якутского общества: история и современность / А.Г. Новиков // Политико-социальные проблемы развития общества (к 15-летию кафедры политологии): сборник статей. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 2008. – С. 30-41

350.Новиченко А. Автономизация региональных элит в России: причины и следствия / А. Новиченко // Власть. – 2009. – № 8. – С. 50-52

- 351.Новичкова Г.А. Р. Арон о политике и власти / Г.А. Новичкова // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 134-143
- 352.Ноговицын В.П. Прошлое, настоящее, грядущее Саха / В.П. Ноговицын. – Новосибирск: Наука, 2004. – 266 с.
- 353.Номенклатура и номенклатурные практики в России: материалы Интернет-конференции, февраль-апрель 2007. – Пермь: РИО Пермского государственного технического университета, 2007. – 289 с.
- 354.О перспективах развития Якутии (социологическое исследование) / под ред. У.С. Борисовой. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001. – 138 с.
- 355.О формировании резерва управленческих кадров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
- 356.Об итогах работы Правительства Республики Бурятия в 1998-2001 гг. / сост. Э.М. Елаев. – Улан-Удэ, 2002. – 74 с.
- 357.Обзор международной и внешнеэкономической деятельности Республики Саха (Якутия) за период с 2001 г. по 2006 г. / под общ. ред. Г.Д. Никонова. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – Ч. 1. – 212 с.
- 358.Образ идеального Президента РС(Я) (социологические исследования). – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001. – 36 с.
- 359.Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 416 с.
- 360.Общая и прикладная политология / под ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.-МГСУ: Изд-во Союз, 1997. – 992 с.
- 361.Общая информация о состоянии туристской деятельности в Республике Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mert.tuva.ru/directions/tourism/>
- 362.Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества / Ц.Б. Будаева, А.Д. Нанзанов и др.; под ред. Ц.Ц. Чойропова. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1998. – 187с.

363. Общество и власть: проблемы диалога (социологическое исследование). – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 2000. – 55 с.

364. Ондар Н.А. Тува – полноправный субъект Российской Федерации / Н.А. Ондар. – М., 2001. – 275 с.

365. Ондар Н.А. О Великом Хурале (Съезде) народа РТ / Н.А. Ондар. – Красноярск, 2002. – 87 с.

366. Ондар Н.А. Государственное строительство в Республике Тыва: история и современность: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Н.А. Ондар; РАГС при Президенте РФ. – Москва, 2003. – 365 с.

367. Ондар О.А. Конституционное развитие Республики Тыва / О.А. Ондар // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 65-74

368. Орлова Е.В. Власть, собственность и предпринимательство в России / Е.В. Орлова // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 163-169

369. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 119-154; № 4. – С. 122-124

370. Осинский И.И. Социальные последствия реформ (90-х г. 20 в.) в Бурятии / И.И. Осинский // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: сборник статей. – Улан-Удэ, 1998. – С. 49-53

371. Осинский И.И. Проблемы исследования социальных изменений в условиях реформирования российского общества (на материалах РБ) / И.И. Осинский // Народы Центральной Азии в 21 веке: материалы международной научно-практической конференции, 17-18 октября 2002 г. – Улан-Удэ, 2002. – С. 13-17

372. Осинский И.И. Этническая толерантность: понятие, проблемы / И.И. Осинский // Современный социум: проблемы и перспективы: сб. ст. / отв. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 87-91

373. Осинский И.И. Стратегии социально-демографического развития российского общества в современных условиях (на примере Республики

Бурятия) / И.И. Осинский // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Вып. 6. – С. 113-117

374.Осинский И.И. Некоторые проблемы идентификации российской интеллигенции / И.И. Осинский // Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации: материалы IX международной научной конференции «Байкальская встреча», г. Улан-Удэ, 18-21 июня 2012 г. / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Т. 1. – С. 21-27

375.Осинский И.И. О социальном статусе российской интеллигенции / И.И. Осинский, М.И. Добрынина // Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: материалы VIII международной научной конференции «Байкальская встреча», г. Улан-Удэ, 15-18 июня 2010 г. / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 30-35

376.Осинский И.И. Российское общество и интеллигенция / И.И. Осинский, М.И. Добрынина // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: материалы международной конференции, г. Улан-Удэ, 8-11 сентября 2011 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 27-29

377.Осинский И.И. Политология / И.И. Осинский, М.И. Добрынина. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 648 с.

378.Осинский П. Этнополитическая ситуация в Бурятии в контексте реформ российской федеративной государственности: Центр и республики – обновление национальной государственности в РФ / П. Осинский // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 121-130

379.Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / М.Я. Острогорский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.

380.Очирова В.М. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания [Электронный ресурс] / В.М. Очирова // Вестник Читинского

государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2010. – № 6 (63). – Режим доступа: http://www.zabgu.ru/sites/default/files/files/vestnik_63.pdf

381. Очирова В.М. Структура политической элиты [Электронный ресурс] / В.М. Очирова // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2010. – № 7 (64). – Режим доступа: http://www.zabgu.ru/sites/default/files/files/vestnik_64.pdf

382. Очирова В.М. Механизмы рекрутирования политических элит полиэтнических регионов России [Электронный ресурс] / В.М. Очирова // Вестн. Читинского госуниверситета. – Чита: ЧитГУ, 2011. – № 4 (71). – Режим доступа: http://www.zabgu.ru/sites/default/files/files/vestnik_71.pdf

383. Очирова В.М. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. полит. наук / В.М. Очирова; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2005. – 24 с.; [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-regionalnyh-politicheskikh-elit-v-postsovetskiy-period>

384. Очирова В.М. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия): дис. ... канд. полит. наук.: 23.00.02 / В.М. Очирова; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2005. – 194 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01002000000/rs101002743000/rs101002743835/rs101002743835.pdf>

385. Паникарова С.В. Институты развития этноэкономики [Электронный ресурс] / С.В. Паникарова, М.В. Власов, В.П. Чебодаев // Проблемы современной экономики. – 2011. – N4(40). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3784>

386. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России / А.В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 360 с.

387. Панарин А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.

388.Парето В. Трактат по общей социологии / В. Парето // Социология Вильфредо Парето: политический аспект / Е.В. Осипова. – М., 2004. – С. 132-140

389.Пахомов Е.Ю. Субъект Российской Федерации – Республика Саха (Якутия) в системе региональных процессов: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Е.Ю. Пахомов. – Москва, 2002. – 200 с.

390.Первые шаги Шолбана Кара-оола (мнение общества) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centerasia.ru/issue/2007/18/699>

391.Перечень инвестиционных проектов Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.tuva.ru/page.aspx?id=15>

392.Петров Ю.Д. Народы Севера: власть и политика: учебное пособие / Ю.Д. Петров. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 1997. – 98 с.

393.Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика / Ю.Д. Петров. – М.: Academia, 1998. – 192 с.

394.Петров Ю.Д. Состояние и задачи социально-политических исследований на историческом факультете / Ю.Д. Петров // Политико-социальные проблемы развития общества (к 15-летию кафедры политологии): сборник статей. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 2008. – С. 4-16

395.Петрова Е.В. Этносоциальная стратификация в Бурятии (особенности и специфика) / Е.В. Петрова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 107-109

396.Петрова Е.В. Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири / Е.В. Петрова // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – Вып. 14а. – С. 134-140

397.Пироговское движение – за «оздоровление» здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.velt-media.py/node/781

398.Платон Государство / Платон // Собрание сочинений в 4-х т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 654

399.Пляйс Я.А. Российская политическая власть глазами отечественных политологов (обзор диссертационных исследований) / Я.А. Пляйс // Россия и современный мир. – 2003. – № 4. – С. 207-223

400.Позор на экспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vziatkodelei/pozor-na-eksport>

401.Покатов Д. Проблема политической элиты в российской позитивистской социологии (конец XIX - первая четверть XX века) / Д. Покатов // Власть. – 2007. – № 8. – С. 85-91

402.Покатов Д.В. К вопросу о происхождении политической элиты / Д.В. Покатов // Власть. – 2008. – № 7. – С. 87-89

403.Политические элиты в Центральной и Восточной Европе: проблемы переходного периода / Т.Г. Биткова, Е.Ю. Гуськова, Ю.И. Игрицкий, Л.С. Лыкошина и др. – М. : ИНИОН РАН, 1998. – 168 с.

404.Политическая элита. Политический ежегодник / сост. Русский биографический институт. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 541 с.

405.Политический альманах России 1997 год / под ред. М. Макфола, Н. Петрова. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 552 с.

406.Поляков А.В. Региональная политическая элита как субъект политического процесса: по материалам Краснодарского края: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.В. Поляков. – Краснодар, 2004. – 216 с.

407.Понеделков А. Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России / А. Понеделков, А. Старостин // Власть. – 2007. – № 6. – С. 3-8

408.Понеделков А.В. Элита науки – об элитах России / А.В. Понеделков, С.С. Змияк // Власть. – 2008. – № 3. – С. 95-98

409.Понеделков А.В. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее / А.В. Понеделков // Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 86-98

410.Попов А.Л. Правящая элита как субъект регионального политического процесса (на примере Республики Саха (Якутия): дис. ... канд.

полит. наук: 23.00.02 / А.Л. Попов; Северо-Западная академия государственной службы. – Санкт-Петербург, 2004. – 175 с.

411. Попов В.Б. Интеллигенция в структуре общества и власти / В.Б. Попов // Этносоциальное развитие РС(Я): потенциал, тенденции, перспективы / под ред. В.Н. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 62-85

412. Попонов Д.В. Процесс формирования региональной политической элиты в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д.В. Попонов. – Саратов, 2004. – 232 с.

413. Постников А.Н. Право на социализм / А.Н. Постников // Современный социум: проблемы и перспективы: сборник статей / отв. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 15-20

414. Постников А.Н. Системность трансформации современного российского общества / А.Н. Постников // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: материалы международной конференции, г. Улан-Удэ, 8-11 сентября 2011 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – Ч. 1. – С. 36-38

415. Постников А.Н. Национальная политика: сущность и субъекты / А.Н. Постников // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Вып. 6. – С. 173-176

416. Потапов Л.В. Республика на путях реформирования: проблемы и перспективы развития / Л.В. Потапов // Республика Бурятия – государство в составе РФ (к 75-летию образования). – Улан-Удэ, 1998. – С. 3-23

417. Потенциал для роста экономики есть: Республика Бурятия на фоне России и регионов Сибирского федерального округа (сведения Госкомстата РБ) // Бурятия. – 2003. – 16 апреля – С. 12

418. Поток туристов в Бурятию в 2011 году составил более 500 тыс. человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simawott.ru/838>

419. Потребительский рынок Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mert.tuva.ru/directions/rps/>

420. Правительство Республики Тыва (краткие биографические справки) // Тувинская правда. – 2005. – 25 января. – С. 3
421. Привлекательная Якутия: инвестиционный каталог. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. – 77 с.
422. Приоритеты определены, цели намечены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://risk-inform.ru/article_34.html
423. Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит / Б.М. Пугачев // Россия и современный мир. – 1995. – № 3. – С. 102-118
424. Пугачев В.П. Введение в политологию [Электронный ресурс] / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archiv/pugachev-politolog/polit9.aspx>
425. Пустовалова Л. Женщины в политике, политика для женщин / Л. Пустовалова // Республика Саха. – 1995. – 28 июня. – С. 18-25
426. Путин В.В. Позитивные тенденции есть, но пока это только тенденции / В.В. Путин // Независимая газета. – 2000. – 28 мая. – С. 8
427. Пыкина Т.А. Бедность как фактор и его влияние на социальную структуру современного российского общества / Т.А. Пыкина // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – Вып. 14а. – С. 139-142
428. Пюрюна Р.В. Легитимация региональной политической власти в национальных республиках Российской Федерации (на примере Республики Тыва): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Р.В. Пюрюна. – М., 2010. – 22 с.
429. Работяжев Н.В. Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России / Н.В. Работяжев // Проблемы политической трансформации и модернизации России / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: МОНФ, 2001. – С. 18-47
430. Работяжев Н. «Лучшие мира сего»: кто и почему правит страной? / Н. Работяжев // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 11. – С. 116-127

431. Радаев В.В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей / В.В. Радаев // Мир России = Universe of Russia. – 1998. – Т. 7, № 3. – С. 57-90

432. Радаев В.В. Социальная стратификация / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.

433. Развитие государственности Республики Саха (Якутия) в составе Российской Федерации в постсоветский период: материалы научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева, г. Якутск, 12 ноября 2007 г. / Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2007. – 182 с.

434. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / под ред. Е.И. Кукушкиной. – М.: Высшая школа, 2006. – 456 с.

435. Ракитянский Н. Модернизация России и политическая элита / Н. Ракитянский // Власть. – 2002. – № 1. – С. 17-26

436. Рандалов Ю.Б. О некоторых аспектах политического сознания населения Бурятии / Ю.Б. Рандалов // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: сборник статей. – Улан-Удэ, 1998. – С. 101-107

437. Рандалов Ю.Б. Проблемы изменения социальной структуры бурятского народа в новейший период / Ю.Б. Рандалов // Проблемы нового этапа культурного возрождения народов Бурятии (по материалам социологических исследований). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 3-11

438. Рандалов Ю.Б. Современные национальные отношения в Бурятии / Ю.Б. Рандалов // Республике Бурятия – 80 лет: материалы региональной научной конференции. – Улан-Удэ, 2003. – С. 83-87

439. Рандалов Ю.Б. Бурятское село как социальный анклав традиционной культуры восточной цивилизации / Ю.Б. Рандалов, В.Г. Жалсанова // Мир Центральной Азии: материалы международной научной

конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – Т. 2 История, социология. – 127 с.

440. Региональная элита в современной России: сборник статей / под общ. ред. Я. Фрухтманна. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. – 245 с.

441. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.

442. Республика Бурятия. Элита бизнеса Бурятии / ред. Л.Р. Занбадарова. – Улан-Удэ: ИЦ Бизнес-Б, 2001. – 111 с.

443. Реут Д.В. Политический процесс как борьба вырождающихся элит за обобщенный ресурс / Д.В. Реут // Социум и власть. – 2007. – № 4. – С. 44-47

444. Реутов Е.В. Региональные бизнес-сообщества: легитимация властных притязаний / Е.В. Реутов // Социологические исследования. – 2007. – № 6. – С. 72-78

445. Ривера Ш.В. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ / Ш.В. Ривера // Политические исследования. – 1995. – № 6 – С. 61-66; 1996. – № 3. – С. 156-157

446. Ривера Ш. К более точным оценкам трансформаций в российской элите [Электронный ресурс] / Ш. Ривера, Д. Ривера. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/5/12.htm>

447. Рогоу А.А. Власть, коррупция и честность / А.А. Рогоу. – М.: РАГС, 2005. – 172 с.

448. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 277 с.

449. Росстат зафиксировал рост пенсий в августе на 0,6% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/09/30/pensioneru-na-zametku/>

450. Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ / Е.Ю. Рудкевич // Власть. – 2007. – № 1. – С. 92-94

451. Рудой В. Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне / В. Рудой // Власть. – 2009. – № 4. – С. 3-7

452. РФ заняла 127-ое место в мире по показателю здоровья населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pdv-info.ru/zdorove/ru-zanyala-127-oe-mesto-v-mire-po-pokazatelyu-zdorovya-naseleniya/>

453. Саввина А.Г. Политическое участие коренных малочисленных народов Севера как фактор осуществления демократических реформ в Республике Саха (Якутия): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Г. Саввина. – Москва, 2000. – 182 с.

454. Салманова О. Региональный уровень взаимодействия бизнеса и власти в России / О. Салманова // Власть. – 2009. – № 8. – С. 57-59

455. Самойлова Е.Н. Политическая элита России XX века: некоторые особенности формирования и деятельности: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Е.Н. Самойлова. – Москва, 2004. – 165 с.

456. Самые влиятельные люди России – 2003 / науч. ред. О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. – 696 с.

457. Сартори Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 80-89

458. Сборник законодательных актов РСФСР о государственном суверенитете, Союзном договоре и референдуме – с комментариями. – М.: Изд-во Советская Россия, 1991. – 64 с.

459. Симонян Р.Х. Элита или все-таки номенклатура? / Р.Х. Симонян // Общественные науки и современность. – 2009. – № 2. – С. 114-124

460. Слепцов Н.А. Россия и Якутия: федеративные отношения (публицистические статьи) / Н.А. Слепцов. – Якутск, 2005. – Вып. 2. – 144 с.

461. Смагина Л. Регион как проект политической практики современного государства / Л. Смагина // Власть. – 2007. – № 2. – С. 23-28

462. Смирнов Д.С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности / Д.С. Смирнов // Власть. – 2007. – № 2. – С. 18-22

463. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1995. – 137 с.
464. Современное состояние и перспективы экономического развития Республики Бурятия // Геологоразведка и горная промышленность Бурятии: прошлое, настоящее, будущее. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. – С. 24-30
465. Согрин В.В. Российская политическая элита и американский опыт / В.В. Согрин // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 81-91
466. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? / А.И. Соловьев // Политические исследования. – 1999. – № 2. – С. 65-80
467. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность / П.А. Сорокин // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297-424
468. Сорокин П.А. Проблема социального равенства / П.А. Сорокин // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 221-258
469. Сорокин П.А. Социология революции / П.А. Сорокин // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 259-296
470. Состав нового правительства Республики Тыва // Тувинская правда. – 2007. – 28 апреля. – С. 1
471. Состояние здравоохранения в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kprf21.ru/inform/analitika>
472. Социальная стратификация российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Летний сад, 2003. – 366 с.
473. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / В.В. Амелин, А.Д. Бравин, Д.В. Брагина и др.; отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

474. Социальное расслоение якутского общества (социологическое исследование) / Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2000. – 82 с.

475. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/yak.shtml>

476. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г.К. Ашин, Э.Д. Лозанский, С.А. Кравченко. – М.: Экзамен, 2001. – 608 с.

477. Справка Министерства внешних экономических связей и международных отношений РБ о внешнеэкономической деятельности и международном сотрудничестве за 1996 год // Республика моя Бурятия. Краткая хрестоматия по истории Бурятии 1946-1997 гг. – Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 1998. – 336 с.

478. Справка об итогах социально-экономического развития Республики Тыва за январь-май и выполнении прогноза социально-экономического развития Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mert.tuva.ru/directions/socio-economic-development/monitoring-socio-economic/serresults.html>

479. Статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mert.tuva.ru/directions/investment-policy/statistics/>

480. Степанов А.И. Структура российской политической элиты в ее исторической эволюции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.И. Степанов. – Новосибирск, 2004. – 203 с.

481. Стонер-Вейс К. Причины непокорности российских регионов центральной власти / К. Стонер-Вейс // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России: в 2 томах. – М.: Институт права и публичной политики, 2004. – Т. 2. – С. 107-144

482. Стратегия ускорения: учебное пособие / под ред. В.В. Куликова. – М.: Политиздат, 1986. – 255 с.

483. Стронин А.И. Политика как наука / А.И. Стронин // Антология политической мысли в 5 т. – М.: Мысль, 1997. – 121 с.

484. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Тарусин, М. Боков, А. Механик, Н. Попов и др. – М.: Типография Наука, 2008. – 296 с.
485. Таблицы Института комплексных стратегических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icss.ac.ru/macro/>
486. Тарасов Ю.С. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету / Ю.С. Тарасов // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 171-173
487. Тарасов Ю.С. Политическая элита Республики Саха (Якутия): социальные механизмы формирования: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ю.С. Тарасов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1996. – 23 с.
488. Тарасов Ю. Кадры 21 в. / Ю. Тарасов // Республика Саха. – 1996. – 14 февраля. – С. 4
489. Тарасов Ю.С. Политическая элита: эволюция представлений / Ю.С. Тарасов. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 2000. – 37 с.
490. Тарасов Ю. Через обучение кадров овладеть управленческими технологиями / Ю. Тарасов // Якутия. – 2000. – 13 января. – С. 2
491. Тарасов Ю.С. Методология исследования региональной политической элиты / Ю.С. Тарасов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2001. – 29 с.
492. Тарасов Ю. Реформирование системы местного самоуправления: практика и проблемы кадрового обеспечения (на примере Республики Саха (Якутия) / Ю. Тарасов // Муниципальная власть. – 2004. – № 3. – С. 10-16
493. Тарасов Ю.С. Реформирование системы местного самоуправления в Республике Саха (Якутия): практика и проблемы кадрового обеспечения / Ю.С. Тарасов // Местное самоуправление в Республике Саха (Якутия): правовые, социально-экономические и финансовые проблемы: материалы республиканской научно-практической конференции, г. Якутск, 15-16 апреля 2004 г. – Якутск: ЯФ ГУ Изд-во СО РАН, 2004. – С. 184-187
494. Титов В.Н. Политическая элита и проблемы политики / В.Н. Титов // Социологические исследования. – 1998. – № 7. – С. 109-115
495. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulib.info.ru>

496. Томский И.Е. Вопросы становления государственности Республики Саха (Якутия) / И.Е. Томский. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – 137 с.
497. Топорков В.В. Национальная политика в российском регионе: опыт Республики Саха (Якутия) / В.В. Топорков. – Якутск: ГУ НИПК «Сахаполиграфиздат», 2006. – 160 с.
498. Топчий Л.В. Проблемы формирования политической зрелости студентов / Л.В. Топчий. – М., 1991. – 157 с.
499. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: этносоциологические очерки / Ж.Т. Тощенко. – М., 1997. – 214 с.
500. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 123-133
501. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки / Ж.Т. Тощенко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
502. Трофимов Е.Н. Основные направления формирования законодательной базы национальной политики / Е.Н. Трофимов // Власть. – 2007. – № 5. – С. 3-13
503. Туровский Р. Отношения «центр-регионы» в 1997-1998 гг.: между конфликтом и консенсусом / Р. Туровский // Политика. – 1998. – № 1. – С. 5-33
504. Туровский Р.Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований / Р.Ф. Туровский // Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 138-156
505. Туровский Р. Политика в регионах: губернаторы и группы влияния / Р. Туровский. – М.: Центр политических технологий, 2002. – 285 с.
506. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика / Р.Ф. Туровский. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.
507. Тышта Е.В. Начало диверсификации политических систем в российских республиках на примере Республики Хакасия и Республики Тыва / Е.В. Тышта // Власть и общество: материалы региональной научно-

практической конференции, г. Абакан, 7 октября 2005 г. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 13-17

508. Тышта Е.В. Органы представительной власти как акторы регионального политического процесса (на примере республик Тыва и Хакасия): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Е.В. Тышта; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2006. – 171 с.

509. Тышта Е.В. К вопросу о полномочиях регионального парламента, определяющих его активность как субъекта политического процесса (на примере органов представительной власти Республик Тыва и Хакасия) / Е.В. Тышта // Хакасия в XX веке: язык, история, культура: материалы II межрегиональной научной конференции, г. Абакан, 28 сентября 2007 г. / под ред. Л.В. Антигановой. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – С. 150-159

510. Тышта Е.В. Традиционные парламентские структуры органов представительной власти южно-сибирских республик / Е.В. Тышта // 100-летие парламентаризма в России: материалы научно-практической конференции, г. Абакан, 16-28 марта 2006 г. / под ред. Д.Б. Сергеева. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – С. 46-50

511. Тышта Е.В. Влияние событий августа 1991 года на политический процесс в республиках Тыва и Хакасия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2157-tyshta.html

512. 2007-2011: Увеличение финансирования и системный подход к развитию здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/health/med-service/204>

513. Уаров А. Экономический прогноз на 2009 г. / А. Уаров // Якутия. – 2008. – 31 декабря. – С. 7

514. Уинстенли Дж. Избранные памфлеты / Дж. Уинстенли; пер. Е.Г. Денисова. – М., 1950. – 381 с.

515. Улзытуев А. К вопросу об укрупнении / А. Улзытуев // Курьер. – 2003. – 19 марта. – С. 2

516. Управленческие кадры: проблемы и перспективы // Тувинская правда. – 2005. – 31 мая. – С. 3
517. Уровень бедности в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proforexvideo.ru/uroven-bednosti-v-rossii/>
518. Устименко С. Дуалистический характер российского государственного устройства / С. Устименко, А. Иванов // Власть. – 2007. – № 7. – С. 3-8
519. Учреждения культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.tuva.ru/page.aspx?id=19>
520. Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации / М.Х. Фарукшин // Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 67-79
521. Федоренко Н.В. Механизмы системного функционирования управленческой элиты в условиях модернизации современного российского общества: автореф. дис. ... доктора социол. наук / Н.В. Федоренко; Академия труда и социальных отношений. – М., 2008. – 42 с.
522. Федоров В. Российский этнический федерализм: неблагоприятное состояние и тревожные перспективы / В. Федоров // Наша власть: дела и лица. – 2003. – № 12(36). – С. 24-25
523. Федорова Н. Экономика Якутии: вечные проблемы / Н. Федорова // Молодежь Якутии. – 2007. – 27 июля. – С. 21
524. Фельдман В.Р. Политическая власть в истории Тувы / В.Р. Фельдман // Круг знания: научно-информационный сборник. – Кызыл, 1998. – Вып. 1. – С. 10-15
525. Фельдман Д. Глобализация как вызов политической элите России / Д. Фельдман // Власть. – 2003. – № 2. – С. 12-15
526. Фесюн Т. Элита и псевдоэлита / Т. Фесюн // Российский кто есть кто. – 2007. – № 6. – С. 12
527. Филатенко А. Конституцию Тувы привели в соответствие [Электронный ресурс] / А. Филатенко. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2010041.html>

528. Филиппов А.В. Новейшая история России 1945-2006 [Электронный ресурс] / А.В. Филиппов. – Режим доступа: <http://www.prosv.ru/umk/istoriya>
529. Финансовая олигархия в России // Известия. – 1996. – 10 января. – С. 2
530. ФОМ. Институт выборов и электоральное поведение россиян. Опрос населения. 12.01.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/elect/est_el/dd0600110.
531. Хабаров И.А. Элита представительных органов местного самоуправления 1990-2004 гг.: особенности формирования и эволюция статуса в системе власти (на материалах Тамбовской области) / И.А. Хабаров // Вестник МГУ. Сер. 12 Политические науки. – 2008. – № 5. – С. 110-114
532. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология / В.Ф. Халипов. – М.: ОСЬ-89, 2008. – 448 с.
533. Хамутаев В.А. Политика и национальное возрождение в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия) / В.А. Хамутаев // Власть. – 2009. – № 8. – С. 91-93
534. Хамутаев В.А. Национальный вопрос и этноцентризм (к проблеме устойчивого этносоциального развития народов) / В.А. Хамутаев // Власть. – 2009. – № 2. – С. 69-71
535. Хамутаев В.А. Бурятия, 1980-2000-е гг.: кризис этнодемократии / В.А. Хамутаев // Власть. – 2009. – № 6. – С. 97-99
536. Ховалыг С.С. История формирования и эволюции управленческих кадров Тувы в конце XIX – в первой половине XX вв.: дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / С.С. Ховалыг. – Москва, 2008. – 244 с.
537. Холодов Ю. Апокалипсис просвещения в России [Электронный ресурс] / Ю. Холодов. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_3058.html
538. Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт / У. Хоффман-Ланге // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 50-57
539. Цифры, характеризующие российские проблемы образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: HTTP://WWW.TREKO.RU/SHOW_ARTICLE_1034

540.Чемякин А.Н. Президенты России и Якутии: отношение населения / А.Н. Чемякин // Якутия и Россия: история и перспективы содружества народов. – Якутск, 1992. – С. 50-53

541.Чешков М.А. «Вечно живая» номенклатура? / М.А. Чешков // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 6. – С. 32-43

542.Чимитова И.З. Межэтническая толерантность как способ жизнедеятельности населения Республики Бурятия / И.З. Чимитова // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: сборник научных трудов / науч. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 168-171

543.Чирикова А.Е. Путинские реформы и позиционирование региональных элит в России / А.Е. Чирикова // Мир России. – 2006. – Т. XV, № 1. – С. 3-28

544.Чирикова А. За чертой богатства / А. Чирикова // Огонек. – 2007. – № 8. – С. 27

545.Чирикова А. О теориях элит / А. Чирикова // Общество и экономика. – 2008. – № 3/4. – С. 144-174

546.Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен / А.Е. Чирикова // Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 99-112

547.Чирикова А.Е. Субъекты кадровой политики в регионах: нужна ли молодежь российской власти? [Электронный ресурс] / А.Е. Чирикова. – Режим доступа: <http://www.elis.pstu.ru>

548.Чирикова А. Женщина в российской власти: мотивация и стили лидерства / А. Чирикова, Н. Лапина // Общество и экономика. – 2009. – № 6. – С. 144-176

549.Шемелин А.В. Политическая элита как источник утверждения демократических начал избирательного права в 1993-1999 гг / А.В. Шемелин // SCANNING: политика, социум, дискурс. – 2010. – № 2. – С. 18-32

550.Шевелуха В.С. Диагноз состояния сельского хозяйства в России: глубокий кризис, ведущий к голоду и катастрофе! Что же делать?

[Электронный ресурс] / В.С. Шевелуха. – Режим доступа:
<http://kprf.ru/ruso/66812.html>

551. Штрихи к социально-политическому портрету избирателей г. Якутска (социологические исследования). – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001. – 69 с.

552. Штыров В.А. Якутия – восточный вектор развития России / В.А. Штыров. – Якутск: ОАО «Медиа-холдинг Якутия», 2008. – 103 с.

553. Шумской А.В. Региональная политическая элита и номенклатура в советском обществе: проблемы теоретического анализа / А.В. Шумской // Социум и власть. – 2007. – № 1. – С. 109-114

554. Щеголев К.А. Кто есть кто в России: исполнительная власть. Кто правит современной Россией / К.А. Щеголев. – М.: Астрель, 2009. – 717 с.

555. Экономика Республики Саха (Якутия): учебник для вузов / руков. авт. колл. и науч. ред. И.Е. Томский. – Якутск: Изд-во Якутского университета, 2002. – Т. 2. – 180 с.

556. Экономика Якутии в 2011 г. достигла наилучших показателей за 10 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.sakha.gov.ru/node/59830>

557. Эксперт: ущерб от коррупции в РФ исчисляется триллионами [Электронный ресурс] // Росбалт, 26.04.2011. – Режим доступа:
<http://www.rosbalt.ru/business/2011/04/26/843454.html>

558. Элляева Т.А. Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) / Т.А. Элляева. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1999. – 64 с.

559. Эндрувэйт Г. Элиты и развитие: теория и исследование влияния элит на процессы социально-политического развития / Г. Эндрувэйт // Зарубежная политическая наука: история и современность. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – Вып. 1. – С. 240-255

560. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / В.Б. Игнатьева, С.В. Абрамова, А.А. Павлов и др. – Новосибирск: Наука, 2000. – 277 с.

561. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.

562. Якутия смотрит вниз // Аргументы недели. – 2011. – 16 июня (№ 23(264)). – С. 2

563. Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы научно-практической конференции, г. Якутск, 3 апреля 2007 г. / отв. ред. А.А. Борисов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – 196 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

564. Bottomore T.B. Elites and society. – New York, 1964

565. Burton M., Gunther R., Higley G. Introduction: Elite Transformation and Democratic Regimes // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992

566. Dahl R. Who governs? Democracy & power in an American city. New Haven; L.: Yale University Press, 1961

567. Domhoff W. Who really rules? New Haven and community power reexamined. – N.Y., 1978

568. Domhoff G.W. Who rules America? Englewood cliffs; N.Y.: Prentice-Hall Inc., 1967

569. Dye T. Who's running America? The Bush Era. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1990

570. Hunter F. Top leadership, USA. Chapel Hill, 1959

571. Hunter F. Community power structure. – N.Y.: Anchor Books, 1963

572. Keller S. Beyond the ruling class. Strategic elites in modern society. N.Y.: Random House, 1969

573. Lane D. Transition under Eltsin: The Nomenklatura and Political Elite Circulation // Political Studies. 1997. № 45. P. 855-874

574. Lane D. Soviet elite, monolithic or polyarchic? / Russia in flux. Ed. by Lane D. Lnd., 1992. P. 2-59

575. Lasswell H.D. Power and Personality. – N.Y.: Viking, 1963

576. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The comparative studies of elites (an introduction & bibliography) Stanford Univ. Press, 1952
577. Local Power and Post-Soviet Politics / Ed. by T. Friedgut and J. Hahn. Armonk (N.Y.). – London: M.E. Sharpe, 1994
578. McAuley M. Politics, economics, and elite realignment in Russia: a regional perspective // Soviet economy. 1992. № 1. P. 46-88
579. McAuley M. Russia's politics of uncertainty. Cambridge, UK: Cambridge university press. 1997. 279 p.
580. Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction. Studies in modern social structure. London: Paul, Trench, Trubner & co., 1941
581. Meisel J.H. The myth of the ruling class. Ann Arbor: University of Michigan press, 1958
582. Michels R. Political Parties: Sociological study of oligarchical tendencies of Modern Democracy. Kitchener, Ontario, 2001
583. Mills W.Ch. The Power Elite. N.Y.: Oxford University Press, 1959
584. Mosca G. The Ruling Class // The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971
585. Mosca G. Elementi di scienza politica. Bari, 1953
586. Pareto V. Elites and Their Circulation / C.S. Heller (ed.) Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. N.Y., 1969
587. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: An Application of Theoretical Sociology. N.Y., 1991
588. Pareto V. The mind and society. N.-Y.: Harcourt Brance and C. 1935. Vol. 3: Sentiment in Thinking / Theory of Derivations
589. Pareto V. Sociological Writings. N.Y., 1966.
590. Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze, 1916. V.1
591. Putnam R. The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1976
592. Rivera S.W. Elites in post-communist Russia: a changing of the guard? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://A:\democratic_transitions.htm

593. Riesman D. The lonely crowd. New York: Doubleday Anchor Edition, 1953

594. Schneider E. Kaderpolitik in der sowjetischen Führung: eine soziostatistische Untersuchung des Stilenwechsels von Breschnev zu Gorbatschow // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1997. S. 19

595. Zuckerman A. The concept "political elite": lessons from Mosca and Pareto // Journal of politics. 1977

WEB-САЙТЫ:

596. Маштоц: независимый информационно-научный портал, г. Краснодар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mashtots.ru/archive/stat_88.htm

597. Официальный web-сервер органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru>

598. Официальный web-сервер Народного Хурала Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hural-buryatia.ru>

599. Официальный web-сервер Улан-Удэнского городского Совета депутатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-udeg.ru/gorodskoi-sovet>

600. Официальный web-сервер территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burstat.gks.ru/perepis/default.aspx>

601. Официальный web-сервер органов государственной власти Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakha.gov.ru/main.asp?c=2305>

602. Официальный web-сервер Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://il-tumen.sakha.ru/>

603. Официальный web-сервер Городского округа «город Якутск» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yakutsk-city.ru>

604.Официальный web-сервер Правительства Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.tuva.ru

605.Официальный web-сервер Великого Хурала Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://huraltuva.com>

606.Официальный web-сервер Городского хурала представителей города Кызыл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkyzyl.ru/gorhural/>

607.Официальный web-сервер мэрии г. Кызыл Республики Тыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkyzyl.ru/>

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Темпы роста отдельных показателей социально-экономического развития СССР (в %) [482, с. 10]

Годы	Национальный доход (использованный)	Производительность общественного труда	Реальные доходы населения
1966-1970	141	139	133
1971-1975	128	125	124
1976-1980	121	117	118
1981-1985	116,5	116,3	111

Таблица 2

Распределение характерных качеств представителей двух групп элиты (Республика Бурятия, 2004 г., в %)

Характерные качества	«Старая гвардия»	«Новая волна»
компетентность	53,5	46,5
связи	47,7	52,3
способность нести ответственность за принимаемые решения	50,6	49,4
способность принимать нестандартные решения	30	70
соблюдение законов	63,6	36,4
способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций	47,7	52,3
карьеризм	54,5	45,5
опыт	59,6	40,4

Таблица 3

Распределение элит по опыту работы в советско-партийных органах (в %)

Вид работы / органа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			

партийная работа	15,3	17,8	12,8	13,9	8,8	15,6	14,1	15,6	6,4	14,7	11,5	11,6
комсомольская работа	18,1	25	16,7	19,4	23,6	21,2	25,8	23,5	18,2	19,2	20,1	18,7
исполкомы Советов народных депутатов	13,5	-	-	15,3	17,7	-	-	12,5	7,6	4	10,5	5,8
министерства и ведомства	18,1	14,4	12,8	16,7	8,8	-	16,2	17,2	5,5	14,6	8,5	12,9
другие органы	7	17,8	12,8	8,3	8,8	14,2	9,1	15,6	14,2	9,8	9,8	12,9
не имеют опыта работы	28	25	44,9	26,4	32,3	49	34,8	15,6	48,1	37,7	39,6	38,1

Таблица 4

Распределение элит по типам поколений (в %)

Тип поколения	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
советское поколение управленцев	27,1	33,9	18	41,7	23,5	31,5	50	39,1	-	25,5	32,5	30,3
постсоветское поколение управленцев	47,2	37,5	62,8	41,7	51,5	68,5	50	42,2	50	50,5	52,6	47,2
затруднились ответить	25,7	28,6	19,2	16,6	25	-	-	18,7	50	24	14,9	22,5

Таблица 5

Характерные черты управленцев по типам поколений (в %)

Республика Бурятия

Характеристики	Советское поколение				Постсоветское поколение			
	ВИД ЭЛИТЫ				ВИД ЭЛИТЫ			
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных

опыт	57,2	85,7	71,8	70,6	42,8	14,3	28,2	29,4
компетентность	50	85,7	52,6	60,8	50	14,3	47,4	39,2
способность нести ответственность за принимаемые решения	52,8	78,6	50	58,8	47,2	21,4	50	41,2
соблюдение законов	51,4	67,8	47,4	54,4	48,6	32,2	52,6	45,6
способность принимать нестандартные решения	34,3	32,2	33,3	33,3	65,7	67,8	66,7	66,7
способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций	37,2	32,2	33,3	34,3	62,8	67,8	66,7	65,7
карьеризм	37,2	28,6	51,3	40,2	62,8	71,4	48,7	59,8
связи	48,6	44,6	52,6	49	51,4	55,4	47,4	51
соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения	54,3	75	52,6	59,3	45,7	25	47,4	40,7

Таблица 6

Характерные черты управленцев по типам поколений (в %)

Республика Саха (Якутия)

Характеристики	Советское поколение				Постсоветское поколение			
	ВИД ЭЛИТЫ				ВИД ЭЛИТЫ			
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных
опыт	83,3	85,3	88,9	85,6	16,7	14,7	11,1	14,4
компетентность	66,7	57,4	85,2	68,5	33,3	42,6	14,8	31,5
способность нести ответственность за принимаемые решения	63,9	58,8	50	58,3	36,1	41,2	50	41,7
соблюдение законов	61,1	82,3	57,4	67,5	38,9	17,7	42,6	32,5
способность принимать нестандартные решения	18	11,8	7,4	12,9	82	88,2	92,6	87,1
способность идти на компромисс при	30,6	23,5	33,3	28,9	69,4	76,5	66,7	71,1

разрешении спорных ситуаций								
карьеризм	27,8	38,2	33,3	33	72,2	61,8	66,7	67
связи	50	42,6	16,7	38,2	50	57,4	83,3	61,8
соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения	68	79,4	94,4	79,4	32	20,6	5,6	20,6

Таблица 7

Характерные черты управленцев по типам поколений (в %)

Республика Тыва

Характеристики	Советское поколение				Постсоветское поколение			
	вид элиты				вид элиты			
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	данные по общему массиву опрошенных
опыт	75,9	81,2	57,1	71,9	24,1	18,8	42,9	28,1
компетентность	77,6	67,2	55,4	66,8	22,4	32,8	44,6	33,2
способность нести ответственность за принимаемые решения	81	71,9	58,9	70,8	19	28,1	41,1	29,2
соблюдение законов	75,9	70,3	48,2	65,2	24,1	29,7	51,8	34,8
способность принимать нестандартные решения	13,8	31,3	42,9	29,2	86,2	68,7	57,1	70,8
способность идти на компромисс при разрешении спорных ситуаций	44,8	67,2	37,5	50,6	55,2	32,8	62,5	49,4
карьеризм	50	32,8	57,1	46,1	50	67,2	42,9	53,9
связи	3,5	31,3	50	28,1	96,5	68,7	50	71,9
соблюдение нравственно-этических норм и правил поведения	75,9	71,9	58,9	69,1	24,1	28,1	41,1	30,9

Таблица 8

Должностной состав Улан-Удэнского городского Совета депутатов (в %)

Вид деятельности	I	II	III	IV
	СОЗЫВ	СОЗЫВ	СОЗЫВ	СОЗЫВ
работники органов государственной власти	18,2	-	4,5	7,7
работники органов местного самоуправления (в т.ч. главы муниципальных образований)	9,1	-	9,1	-
руководители организаций различных форм собственности	22,8	50	45,5	69,2
руководители учебных заведений и научных институтов	4,5	9,1	4,5	-
медицинские работники	13,6	18,2	13,7	7,7
работники военных учреждений	-	-	4,5	3,9
работники учреждений различных форм собственности	27,3	18,2	18,2	11,5
религиозные и общественные деятели	4,5	4,5	-	-
<i>Общее количество депутатов</i>	22	22	22	26

Таблица 9

**Депутатский корпус Государственного Собрания (Ил Тумэн)
Республики Саха (Якутия) по должностному составу [59, с. 71]**

Наименование показателя	I созыв		II созыв		III созыв	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
госслужащие	9	17,6	23	34,3	21	30,4
руководители предприятий	13	25,5	12	18,0	16	23,2
главы, зам-ли глав администраций	6	11,7	-	-	-	-
судей Высшего правового суда	1	1,9	-	-	-	-
хозяйств. рук-ли и специалисты	-	-	5	7,4	3	4,3
банковские работники и финансисты	-	-	7	10,4	-	-
депутат Верховного Совета СССР	1	1,9	-	-	-	-
депутаты Верховного Совета РС (Я) 12 созыва	19	37,2	-	-	-	-
раб-ки АК «АЛРОСА»	2	4,0	3	4,5	12	17,4
член Совета Федерации ФС РФ	-	-	-	-	1	1,5
депутаты Гос. Собр. (Ил Тумэн) РС (Я)	-	-	17	25,4	16	23,2

предыдущего созыва						
Итого:	51	-	67	-	69	-

Таблица 10

**Формы взаимодействия руководителей крупных предприятий и банков с органами власти (в %)
Республика Бурятия**

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить / нет ответа			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затр.ответ. / нет ответа
выступать в качестве депутатов законодательных /представительных органов власти и непосредственно участвовать в правотворческой деятельности	30,1	33,9	23,1	44,3	42,9	53,8	12,8 / 12,8	23,2	23,1	28,4	47,6	19,6 / 4,4
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	-	25	19,2	74,4	75	61,6	12,8 / 12,8	-	19,2	14,2	69,6	11,8 / 4,4
воздействовать на принятие политических и управленческих решений, работая в качестве советника, эксперта в законодательных и исполнительных органах власти	28,6	42,9	46,2	44,3	35,7	42,3	14,3 / 12,8	21,4	11,5	39,2	41,2	15,2 / 4,4
воздействовать на принятие	61,4	71,4	80,8	25,7	12,5	19,2	- /	16,1	-	71,6	19,6	4,4 / 4,4

решений, участвуя на общественных началах в работе консультативных органов при властных структурах							12,9					
воздействовать на принятие решений посредством общественных ассоциаций бизнеса	74,4	67,8	66,7	12,8	16,1	33,3	- / 12,8	16,1	-	69,6	21,6	4,4 / 4,4

Таблица 11

**Формы взаимодействия руководителей крупных предприятий и банков с органами власти (в %)
Республика Саха (Якутия)**

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить / нет ответа			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затр.ответ. / нет ответа
выступать в качестве депутатов законодательных /представительных органов власти и непосредственно участвовать в правотворческой деятельности	29,2	30,9	-	56,9	57,3	88,9	13,9	11,8	11,1	21,6	66	12,4
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	13,9	20,6	-	86,1	79,4	85,2	-	-	14,8	12,4	83,5	4,1
воздействовать на	29,2	44,1	-	56,9	35,3	51,9	13,9	20,6	48,1	26,3	47,9	25,8

принятие политических и управленческих решений, работая в качестве советника, эксперта в законодательных и исполнительных органах власти												
воздействовать на принятие решений, участвуя на общественных началах в работе консультативных органов при властных структурах	80,6	72,1	83,3	19,4	27,9	-	-	-	16,7	78,4	17	4,6
воздействовать на принятие решений посредством общественных ассоциаций бизнеса	69,4	61,8	81,5	16,7	23,5	-	13,9	14,7	18,5	70,1	14,4	15,5

Таблица 12

Формы взаимодействия руководителей крупных предприятий и банков с органами власти (в %)
Республика Тыва

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить / нет ответа			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затр. ответ. / нет ответа
выступать в качестве депутатов законодательных / представительных органов власти и непосредственно	32,7	31,2	50	36,2	46,9	50	31,1	21,9	-	37,6	44,4	18

участвовать в правотворческой деятельности													
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	-	25	-	69	53,1	92,9	31	21,9	7,1	9	70,8	20,2	
воздействовать на принятие политических и управленческих решений, работая в качестве советника, эксперта в законодательных и исполнительных органах власти	31,1	50	87,5	36,2	34,4	-	32,7	15,6	12,5	55,6	24,2	20,2	
воздействовать на принятие решений, участвуя на общественных началах в работе консультативных органов при властных структурах	58,6	84,4	83,9	20,7	-	-	20,7	15,6	16,1	75,9	6,7	17,4	
воздействовать на принятие решений посредством общественных ассоциаций бизнеса	58,6	65,6	91,1	20,7	18,7	-	20,7	15,7	8,9	71,3	13,5	15,2	

Таблица 13

Список лиц, включенных в «первую сотню» резерва управленческих кадров, находящихся под патронатом Президента РФ (должности указаны по состоянию на 01.12.2008 г.)

№ п/п	Ф.И.О. кандидата	Год рождения	Место работы	Должность
Представители федеральных органов государственной власти				
1.	Вельямйкин Сергей Фёдорович	1978	Минздравсоцразвития России	Директор департамента
2.	Вовченко	1975	Роструд	Заместитель

	Алексей Витальевич			руководителя
3.	Воскресенский Станислав Сергеевич	1976	Минэкономразвития России	Заместитель министра
4.	Изотова Анна Владимировна	1976	ФСТ России	Начальник управления
5.	Ковальчук Борис Юрьевич	1977	Аппарат Правительства РФ	Директор департамента
6.	Курбатов Михаил Юрьевич	1981	Минэкономразвития России	Директор департамента
7.	Носков Константин Юрьевич	1978	Аппарат Правительства РФ	Заместитель директора департамента
8.	Ракова Анастасия Владимировна	1976	Минрегион России	Заместитель министра – статс-секретарь
9.	Решетников Максим Геннадьевич	1979	Минрегион России	Директор департамента
10.	Токарев Владимир Александрович	1977	Росжелдор	Заместитель руководителя
11.	Травников Максим Александрович	1974	Минрегион России	Заместитель министра
12.	Трунин Илья Вячеславович	1976	Минфин России	Директор департамента
13.	Турчак Андрей Анатольевич	1975	Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	Заместитель председателя Комиссии СФ по делам молодёжи и туризму
14.	Фомичёв Олег Владиславович	1977	Минэкономразвития России	Директор департамента
15.	Шадаев Максут Игоревич	1979	Администрация Президента РФ	Помощник руководителя
Представители региональных органов власти				
16.	Ильиных Сергей Евгеньевич	1975	Администрация Томской области	Заместитель губернатора по социальной политике
17.	Мещеряков Терентий Владимирович	1974	Законодательное Собрание Санкт-Петербурга	Депутат
18.	Мискевич Евгений Васильевич	1978	Правительство Тюменской области	Начальник главного управления строительства
19.	Никифоров Николай Анатольевич	1982	Центр информационных технологий Республики Татарстан	Генеральный директор
Представители бизнеса				
20.	Баткибеков Саид	1977	Компания «Тройка	Вице-президент

	Белетбекович		Кэпитал Партнерс Лимитед»	
21.	Буренин Андрей Викторович	1974	АО «Ренова-менеджмент АГ»	Финансовый директор
22.	Медников Дмитрий Юрьевич	1980	Главная редакция ЭСМИ «Российский информационный канал»	Главный редактор
23.	Москаленко Алексей Анатольевич	1981	ООО «ЛЛК Интернешнл»	Зам. начальника управления правового обеспечения
Представители науки, образования, общественных организаций				
24.	Назаров Владимир Станиславович	1982	Институт экономики переходного периода	Заведующий лабораторией бюджетного федерализма

Таблица 14

**Факторы, влияющие на продвижение по службе
(% к числу опрошенных) [17, с. 32]**

Степень влияния	Исполнительность	Интеллектуальная самостоятельность	Учеба, повышение квалификации	Личная преданность и покровительство	Идеологические убеждения	Поддержка тех или иных экономических структур
практически не влияют	11	23	31	5	45	25
влияют	56	47	49	41	30	41
сильно влияют	19	15	6	45	5	16

Таблица 15

**Факторы, влияющие на продвижение по службе (в %)
Республика Бурятия**

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	пр. не влияют	влияют	сильно влияют
исполнительность	-	17,8	15,4	58,6	64,4	71,8	41,4	17,8	12,8	10,8	65,2	24
интеллектуальная самостоятельность	20	17,9	-	45,7	60,7	84,6	34,3	21,4	15,4	11,8	64,7	23,5

учеба, повышение квалификации	17,1	14,3	15,4	48,6	67,9	69,2	34,3	17,8	15,4	15,7	61,8	22,5
личная преданность	35,7	17,8	18	47,2	64,4	69,2	17,1	17,8	12,8	24	60,3	15,7
покровительство	45,7	17,9	17,9	35,7	57,1	64,2	18,6	25	17,9	27,4	52,5	20,1
опыт совместной работы с первыми лицами региона	25,7	17,8	12,8	47,2	64,4	44,9	27,1	17,8	42,3	18,6	51	30,4
родственные или земляческие связи	27,2	17,9	42,3	55,7	60,7	44,9	17,1	21,4	12,8	30,4	52,9	16,7
идеологические убеждения	62,9	67,9	62,8	37,1	32,1	37,2	-	-	-	64,2	35,8	-
поддержка экономических структур	60	46,4	15,4	40	53,6	71,8	-	-	12,8	39,2	55,9	4,9

Таблица 16

**Факторы, влияющие на продвижение по службе (в %)
Республика Саха (Якутия)**

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	пр. не влияют	влияют	сильно влияют
исполнительность	25	20,6	50	58,3	67,6	50	16,7	11,8	-	30,4	59,3	10,3
интеллектуальная самостоятельность	27,8	29,4	-	55,5	53	92,6	16,7	17,6	7,4	20,6	65	14,4
учеба, повышение квалификации	25	26,5	46,3	75	52,9	53,7	-	20,6	-	31,4	61,4	7,2
личная преданность	13,9	20,6	-	61,1	51,5	55,6	25	27,9	44,4	12,4	56,2	31,4
покровительство	-	29,4	-	72,2	41,2	50	27,8	29,4	50	10,3	55,2	34,5
опыт совместной работы с первыми лицами региона	13,9	11,8	-	58,3	55,9	9,2	27,8	32,3	90,8	9,3	43,8	46,9
родственные или земляческие связи	16,7	19,1	-	58,3	55,9	24,1	25	25	75,9	12,9	48	39,1
идеологические убеждения	26,4	32,3	53,7	56,9	51,5	46,3	16,7	16,2	-	36,1	52,1	11,8
поддержка экономических структур	15,3	38,2	48,1	61,1	41,2	-	23,6	20,6	51,9	32,5	37,1	30,4

**Факторы, влияющие на продвижение по службе (в %)
Республика Тыва**

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	пр. не влияют	влияют	сильно влияют
исполнительность	20,8	12,5	-	39,6	73,4	92,9	39,6	14,1	7,1	11,2	68,6	20,2
интеллектуальная самостоятельность	36,2	17,2	-	63,8	67,2	91,1	-	15,6	8,9	18	73,6	8,4
учеба, повышение квалификации	50	17,2	-	50	67,2	60,7	-	15,6	39,3	22,5	59,5	18
личная преданность	-	14,1	87,5	50	45,3	-	50	40,6	12,5	32,6	32,6	34,8
покровительство	20,7	21,9	23,2	20,7	46,9	-	58,6	31,2	76,8	21,9	23,6	54,5
опыт совместной работы с первыми лицами региона	20,8	12,5	67,9	39,6	87,5	32,1	39,6	-	-	32,6	54,5	12,9
родственные или земляческие связи	24,1	-	39,3	24,1	67,2	60,7	51,8	32,8	-	20,2	51,1	28,7
идеологические убеждения	44,8	62,5	62,5	55,2	21,9	37,5	-	15,6	-	56,8	37,6	5,6
поддержка экономических структур	48,2	28,1	42,9	25,9	46,9	57,1	25,9	25	-	39,3	43,3	17,4

**Состав депутатов Верховного Совета БМАССР I созыва
по общим показателям [254, с. 33]**

Всего	По полу		По национальности			По возрасту					
	муж.	жен.	бурят	русских	прочих	до 20 лет	21-25	26-30	31-35	36-40	41 г. и выше
89 чел.	66	23	43	35	11	4	13	14	27	11	20
100%	74,6	25,4	48,3	39,3	12,4	4,5	14,5	15,6	30,4	12,3	22,5

**Депутатский корпус Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я)
по половому составу
(по первым трем созывам использованы данные Д.Н. Бубякиной [59, с. 65])**

Пол	I созыв		II созыв		III созыв		IV созыв	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
мужчины	45	88,2	57	85,0	63	91,3	59	84,3
женщины	6	11,7	10	14,9	6	8,7	11	15,7
итого	51	-	67	-	69	-	70	-

**Представительство возрастных когорт в региональных парламентах
в 1995-1997 гг. [244, с. 55]**

Представительные органы	Возрастные когорты				
	до 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 и старше
Парламенты республик РФ	1,1	13,7	47,9	28,7	8,6
Парламенты краев РФ	3,3	14,6	41,0	35,9	5,1
Парламенты областей РФ	2,2	15,7	47,2	29,1	5,8
Парламенты автономий РФ	0	18,4	58,1	20,7	2,8
Доля возрастных когорт в общей численности депутатов региональных парламентах	1,7	15,6	48,6	28,6	5,6
Доля возрастных групп в Государственной Думе РФ	2,9	18,8	33,9	32,3	12,1

**Депутатский корпус Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я)
по возрастному составу
(по первым трем созывам использованы данные Д.Н. Бубякиной [59, с. 65])**

Наименование показателя	I созыв		II созыв		III созыв		IV созыв	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
до 30 лет	-	-	1	1,5	-	-	-	-
от 30 до 39 лет	12	23,5	16	23,8	9	13,0	6	8,6
от 40 до 49 лет	24	47,0	30	44,7	32	46,4	26	37,1
от 50 до 59 лет	14	27,4	17	25,4	19	27,5	23	32,9
старше 60 лет	1	1,9	3	4,5	9	13,0	15	21,4
Итого:	51	-	67	-	69	-	70	-

Этнический состав элиты исполнительной власти (в % от состава)
[487, с. 16]

	Якуты	Русские	Народности Севера	Иные
Правительство, 1992 г.	58	42	-	-
Правительство, 1984 г.	61	39	-	-
Главы администраций, 1992 г.	67	16	11	6
Председатели исполкомов, 1984 г.	70	24	3	3
Население республики	33,4	50,3	6,1	9,5

Таблица 23

Депутатский корпус Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я)
по этническому составу [59, с. 66]

Наименование показателя	I созыв		II созыв		III созыв	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
якуты (саха)	31	60,7	49	73,2	38	55,0
русские	14	27,4	13	19,4	27	39,2
эвены	1	1,9	2	3,0	2	2,8
эвенки	1	1,9	-	-	1	1,4
украинцы	3	5,8	3	4,5	1	1,4
немец	1	1,9	-	-	-	-
Итого:	51	-	67	-	69	-

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос: «Владеете ли Вы родным языком?»
(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
да	60	82,2	69,2	88,9	89,7	77,8	92	97,5	90,4	69,6	86,1	93,5
нет	17,2	7,1	15,4	-	-	11,1	2,1	-	3,2	13,7	3,1	1,7
частично	22,8	10,7	15,4	11,1	10,3	11,1	5,9	2,5	6,4	16,7	10,8	4,8

Таблица 25

Распределение политических элит по месту рождения (в %)

Место рождения	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
город	37,2	39,3	41,1	33,3	26,5	38,9	37,7	24,5	38,8	39,2	32,5	32,3
село, деревня	40	55,3	53,8	50	39,7	38,9	50,1	63,2	43,2	49,5	43,3	52,3
поселок	22,8	5,4	5,1	16,7	33,8	22,2	12,2	12,3	18	11,3	24,2	15,4

Таблица 26

Доля выходцев из села в элите [236, с. 62]

(в % к численности группы по столбцу)

	Высшее руководство	Правительство	Региональная элита	В целом
Брежневская когорта	57,7	45,6	66,7	57,3
Горбачевская когорта	48,6	Нет информ.	65,6	54,6
Ельцинская когорта	12,5	22,9	33,8	22,8

Таблица 27

Распределение политических элит по социальному происхождению

(в %)

Вид социального происхождения	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
из среды рабочих, крестьян	22,8	33,9	37,2	33,3	26,5	38,9	28,9	37,8	29,4	31,4	32,5	32,2
из среды интеллигенции, служащих	48,6	28,6	30,8	49	39,7	37,9	36,9	35,8	29,4	36,3	43,3	34,8
смешанное	28,6	37,5	32	17,7	33,8	23,2	34,2	26,4	41,2	32,3	24,2	33

**Состав депутатов Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.)
по социально-политическим показателям
(таблица составлена на основе материалов НАРБ) [254, с. 34]**

Всего	По партийности		По образованию			По происхождению			По социальному положению		
	члены, кандидаты в члены члены вкр(б)	беспартийные	н/высшее и высшее	н/среднее и среднее	низшее	из рабочих	из служащих	из крестьян	рабочие	служащие	колхозники
89 чел.	67	22	16	15	58	15	2	72	4	53	32
100%	75,3	24,7	17,5	15,5	67	17	2	81	4,5	59,5	36

**Изменение характеристик элиты в первые два года правления
Б. Ельцина и В. Путина [239, с. 269]**

Характеристики элиты	Ельцинская элита 1993 года	Путинская элита 2002 года
Средний возраст (лет)	51,3	51,5
Доля женщин (%)	2,9	1,7
Доля выходцев из сельской местности (%)	23,1	31,0
Доля лиц с высшим образованием (%)	99,0	100
Доля лиц, имеющих ученую степень (%)	52,5	20,9
Доля получивших военное образование (%)	6,7	26,6
Доля получивших экономическое и юридическое образование (%)	24,5	25,7
Доля получивших образование в элитных вузах (%)	35,4	23,4
Доля земляков главы государства (%)	13,2	21,3
Доля ставленников бизнеса (%)	1,6	11,3
Доля военных (%)	11,2	25,1

**Распределение политической элиты Республики Бурятия по месту
получения высшего образования**

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	в %
Восточно-Сибирский технологический институт / Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСТИ / ВСГУТУ, г. Улан-Удэ)	18,1
Бурятский государственный педагогический институт им Д. Банзарова / Бурятский государственный университет (БГПИ / БГУ, г. Улан-Удэ)	13,7
Бурятский сельскохозяйственный институт / Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова (БСХИ / БГСХА, г. Улан-Удэ)	7,4
Томский политехнический институт им. С.М. Кирова / Томский политехнический университет (ТПИ / ТПУ, г. Томск)	3,9
Томский государственный университет (ТГУ, г. Томск)	3,9
Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова / Иркутский государственный университет (ИГУ, г. Иркутск)	3,9
Читинский государственный медицинский институт / Читинская государственная медицинская академия (ЧГМИ / ЧГМА, г. Чита)	2,9
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (ВСГАКИ, г. Улан-Удэ)	1,5
Новосибирский государственный университет (НГУ, г. Новосибирск)	1,5
Иркутский государственный медицинский институт / Иркутский государственный медицинский университет (ИГМИ / ИГМУ, г. Иркутск)	1,5
Новосибирский медицинский институт / Новосибирский государственный медицинский университет (НМИ / НГМУ, г. Новосибирск)	1
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (МГТУ, г. Москва)	1
другие вузы (г. Москва, Омск, Хабаровск, Красноярск и др.) <i>(см. примечание)</i>	37,2
<i>итого:</i>	<i>97,5</i>

Примечание: Помимо названных в таблице фигурировали следующие высшие учебные заведения: ИИНХ / БГУЭП (г. Иркутск), ИПИ / ИрГТУ (г. Иркутск), НИЭМ (г. Новосибирск), СибАГС (г. Новосибирск), РАГС / РАНХ и ГС (г. Москва), Рязанская государственная сельскохозяйственная академия / Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева (РГСХА / РГАТУ им. П.А. Костычева, г. Рязань), Уральский политехнический институт / Уральский государственный технический университет – УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УПИ / УГТУ, г. Екатеринбург), Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта / Сибирский государственный университет путей сообщения (НИИЖТ / СГУПС, г. Новосибирск), Свердловский юридический институт / Уральская государственная юридическая академия (СЮИ / УрГЮА, г. Екатеринбург), Омский институт инженеров железнодорожного транспорта / Омский государственный университет путей сообщения (ОМИИТ / ОмГУПС, г. Омск), Российский университет дружбы народов (РУДН, г. Москва), Омский политехнический институт / Омский

государственный технический университет (ОмПИ / ОмГТУ, г. Омск), Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта / Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ХабИИЖТ / ДВГУПС, г. Хабаровск), Ленинградский государственный университет / Санкт-Петербургский государственный университет (ЛГУ / СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Сибирский государственный технологический университет (СибГТУ, г. Красноярск), Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта / Белорусский государственный университет транспорта (БИИЖТ / БелГУТ, г. Гомель), Благовещенский медицинский институт / Амурская государственная медицинская академия (БМИ / АГМА, г. Благовещенск), Омский сельскохозяйственный институт им. С.М. Кирова / Омский государственный аграрный университет им П.А. Столыпина (ОмСХИ / ОмГАУ им П.А. Столыпина, г. Омск), Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.М. Герасимова (ВГИК, г. Москва), Красноярский политехнический институт / Красноярский государственный технический университет (КПИ / КГТУ, г. Красноярск), Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта / Иркутский государственный университет путей сообщения (ИрИИТ / ИрГУПС, г. Иркутск), Московский технологический институт пищевой промышленности / Московский государственный университет пищевых производств (МТИПП / МГУПП, г. Москва) и др.

Таблица 31

**Распределение политической элиты Республики Саха (Якутия)
по месту получения высшего образования**

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	в %
Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова / Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (ЯГУ / СВФУ, г. Якутск)	41,2
Новосибирский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева / Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (НИСИ / НГАСУ, г. Новосибирск)	4,6
Томский политехнический институт им. С.М. Кирова / Томский политехнический университет (ТПИ / ТПУ, г. Томск)	3,6
Иркутский институт народного хозяйства / Байкальский государственный университет экономики и права (ИИНХ / БГУЭП, г. Иркутск)	2,6
Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена / Российский государственный педагогический университет им А.И. Герцена (ЛГПИИ / РГПУ, г. Санкт-Петербург)	2,6
Новосибирский сельскохозяйственный институт / Новосибирский государственный аграрный университет (НСХИ / НГАУ, г. Новосибирск)	2,1
Рижский Краснознаменный институт инженеров гражданской авиации / Рижский авиационный университет (РКИИГА / РАУ, г. Рига)	2,1
Иркутский сельскохозяйственный институт / Иркутская государственная сельскохозяйственная академия (ИСХИ / ИрГСХА, г. Иркутск)	2,1
Новосибирский институт инженеров водного транспорта / Новосибирская государственная академия водного транспорта	2,1

(НИИВТ / НГАВТ, г. Новосибирск)	
Московский горный институт / Московский государственный горный университет (МГИ / МГГУ, г. Москва)	1
Хабаровский государственный институт искусств и культуры (ХГИИК, г. Хабаровск)	1
Магаданский государственный педагогический институт / Северо-Восточный государственный университет (МГПИ / СВГУ, г. Магадан)	1
Якутский сельскохозяйственный институт / Якутская государственная сельскохозяйственная академия (ЯСХИ / ЯГСХА, г. Якутск)	1
Горьковский инженерно-строительный институт им. В.П. Чкалова / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (ГИСИ / ННГАСУ, г. Нижний Новгород)	1
Свердловский горный институт / Уральский государственный горный университет (СГИ / УГГУ, г. Екатеринбург)	1
Иркутский политехнический институт / Иркутский государственный технический университет (ИПИ / ИрГТУ, г. Иркутск)	1
Новосибирский институт советской кооперативной торговли / Сибирский университет потребительской кооперации (НИСКТ / СибУПК, г. Новосибирск)	1
другие вузы (г. Москва, Новосибирск, Омск, Хабаровск и др.) (см. примечание)	29
<i>итого:</i>	<i>100</i>

Примечание: В числе других вузов в официальных биографиях были названы: СЮИ / УрГЮА (г. Екатеринбург), ХВПШ / ДВАГС (г. Хабаровск), ИГМИ / ИГМУ (г. Иркутск), ИИНХ / БГУЭП (г. Иркутск), ВСТИ / ВСГУТУ (г. Улан-Удэ), МГИМО(У) МИД РФ (г. Москва), МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва), Московский юридический институт / Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина (МЮИ / МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва), Приморский институт государственного и муниципального управления / Приморский институт РАНХ и ГС (ПИГМУ / ПИ РАНХ и ГС, г. Владивосток), Дальневосточный политехнический институт им. В.В. Куйбышева / Дальневосточный государственный технический университет (ДВПИ им. В.В. Куйбышева / ДВГТУ, г. Владивосток), Томский инженерно-строительный институт / Томский государственный архитектурно-строительный университет (ТИСИ / ТГАСУ, г. Томск), Хабаровский государственный технический университет / Тихоокеанский государственный университет (ХГТУ / ТОГУ, г. Хабаровск), Уральский политехнический институт / Уральский государственный технический университет – УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УПИ / УГТУ, г. Екатеринбург), Карагандинский педагогический институт / Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (КарПИ / КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда), Омский сельскохозяйственный институт им. С.М. Кирова / Омский государственный аграрный университет им П.А. Столыпина (ОмсХИ / ОмГАУ им П.А. Столыпина, г. Омск), Государственный театральный институт им. А.В. Луначарского / Российский университет

театрального искусства – Гитис (ГИТИС, г. Москва), Иркутский государственный педагогический университет / Восточно-Сибирская государственная академия образования (ИГПУ / ВСГАО, г. Иркутск), Благовещенский сельскохозяйственный институт / Дальневосточный государственный аграрный университет (БСХИ / ДальГАУ, г. Благовещенск), Новосибирский институт народного хозяйства / Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ / НГУЭУ, г. Новосибирск), Кишиневский политехнический институт им. С.Г. Лазо / Технический университет Молдовы (КПИ им. С.Г. Лазо / ТУМ, г. Кишинев), Ивановский текстильный институт им. М.В. Фрунзе / Ивановская государственная текстильная академия (ИвТИ / ИГТА, г. Иваново), Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева (РГАУ / МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ, г. Москва), Томский медицинский институт / Сибирский государственный медицинский университет (ТМИ / СибГМУ, г. Томск), Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (СПбГУЭФ, г. Санкт-Петербург), Братский индустриальный институт / Братский государственный университет (БрИИ / БрГУ, г. Братск), Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта / Уральский государственный университет путей сообщения (УЭМИИТ / УрГУПС, г. Екатеринбург), Ленинградский горный институт им. Г.В. Плеханова / Санкт-Петербургский государственный горный университет (ЛГИ им. Г.В. Плеханова / СПбГГУ, г. Санкт-Петербург), Хабаровский государственный педагогический институт / Дальневосточный государственный гуманитарный университет (ХГПИ / ДВГГУ, г. Хабаровск), Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина / Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина (МИНиГП им. И.М. Губкина / РГУНИГ им. И.М. Губкина, г. Москва), Азербайджанский инженерно-строительный институт / Азербайджанский университет архитектуры и строительства (АзИСИ / АзУАС, г. Баку), Новосибирский электротехнический институт / Новосибирский государственный технический университет (НЭТИ / НГТУ, г. Новосибирск), Читинский политехнический институт / Забайкальский государственный университет (ЧПИ / ЗабГУ, г. Чита), Кузбасский политехнический институт / Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (КузПИ / КузГТУ им. Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово), Киевский институт инженеров гражданской авиации / Национальный авиационный университет (КИИГА / НАУ, г. Киев) и др.

**Распределение депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн)
РС(Я) по месту получения высшего образования (по первым трем созывам
использованы данные Д.Н. Бубякиной [59, с. 69])**

Место нахождения высшего учебного заведения	I созыв		II созыв		III созыв		IV созыв	
	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%
Якутск	13	25,5	21	31,3	17	24,6	21	30
Москва	6	11,7	5	7,5	4	5,8	7	10
С-Петербург	3	5,8	7	10,4	8	11,6	5	7,1
Новосибирск	3	5,8	6	8,9	7	10,2	6	8,6
Хабаровск	4	7,8	5	7,5	7	10,2	2	2,8
Иркутск	8	15,7	6	8,9	8	11,6	6	8,6
Свердловск	6	11,7	2	3,0	2	2,8	4	5,7
Томск	1	1,9	6	8,9	5	7,2	6	8,6
Таллин	-	-	1	1,5	-	-	-	-
Красноярск	2	3,9	3	4,5	4	5,8	1	1,4
другие города России	5	9,8	5	7,5	7	10,2	12	17,2
Итого:	51	-	67	-	69	-	70	-

Таблица 33

**Распределение политической элиты Республики Тыва
по месту получения высшего образования**

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	в %
Кызылский государственный педагогический институт / Тывинский государственный университет (КГПИ / ТывГУ, г. Кызыл)	40,2
Красноярский государственный университет (КрасГУ, г. Красноярск)	10,4
Алтайский сельскохозяйственный институт / Алтайский государственный аграрный университет (АСХИ / АГАУ, г. Барнаул)	8,7
Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова / Иркутский государственный университет (ИГУ, г. Иркутск)	7,3
Красноярский государственный медицинский институт / Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого (КГМИ / КрасГМУ, г. Красноярск)	5,8
Алтайский государственный медицинский институт / Алтайский государственный медицинский университет (АГМИ / АГМУ, г. Барнаул)	5,2
Кызылский филиал Красноярского политехнического института / Красноярского государственного технического университета (КФ КПИ / КФ КГТУ, г. Кызыл)	4,9
другие вузы (г. Москва, Новосибирск, Красноярск, Томск и др.) (см. примечание)	14,5
<i>итого:</i>	<i>97</i>

Примечание: В числе других вузов отметим: НВПШ / СибАГС (г. Новосибирск), ТГУ (г. Томск), ГИТИС (г. Москва), Уральский государственный университет им. А.М. Горького / Уральский федеральный университет (УрГУ им. А.М. Горького / УрФУ, г.

Екатеринбург), Ташкентский институт народного хозяйства / Ташкентский государственный экономический университет (Нархоз / ТГЭУ, г. Ташкент), Красноярский сельскохозяйственный институт / Красноярский государственный аграрный университет (КСХИ / КГАУ, г. Красноярск), Красноярский государственный педагогический институт / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПИ / КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск), Кемеровский государственный медицинский институт / Кемеровская государственная медицинская академия (КемГМИ / КемГМА, г. Кемерово), Новосибирский государственный педагогический институт / Новосибирский государственный педагогический университет (НГПИ / НГПУ, г. Новосибирск), Красноярский политехнический институт / Красноярский государственный технический университет (КПИ / КГТУ, г. Красноярск) и др.

Таблица 34

**Распределение политических элит по профилю высшего образования
(в %)**

Образование (профиль)	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
инженерное	22,9	20,8	11,5	30,5	47	13	14,9	10,5	12,6	19,6	31,4	12,1
техническое	12,8	10,9	10,2	4,2	5,9	7,4	10,5	9,4	8,2	10,8	5,7	9,7
педагогическое	21,5	14,3	21,8	26,4	22	5,5	17,6	22,9	19,5	18,6	19,1	18,4
экономическое	15,7	8,6	15,4	11,1	10,3	22,2	11,9	4,5	8,7	10,3	13,9	8,6
юридическое	11,4	9,3	9	2,8	1,5	16,7	5,5	9,7	12,7	9,8	6,2	10,6
управленческое	11,4	6,3	9	2,8	1,5	35,2	12,9	2,6	11,6	8,8	11,3	10,6
медицинское	4,3	10,3	1,3	5,5	4,4	-	2,5	16,8	2,7	5,9	3,6	7,3
сельскохозяй- ственное	-	5,2	-	9,8	5,9	-	10,5	18,4	11,3	2	5,7	14
гуманитарное	-	6,6	12,8	1,4	1,5	-	12,2	5,2	5,8	7,9	1	7,2
военное	-	6,3	2,6	0,5	-	-	-	-	5,7	3,4	0,3	1
культурное	-	0,6	6,4	5	-	-	1,5	-	1,2	2,4	1,8	0,5
религиозное	-	0,8	-	-	-	-	-	-	-	0,5	-	-

Профессиональный состав элиты законодательной власти (в % от состава) [487, с. 18]

Образование депутатов	Государственное Собрание (1993 г.)	Верховный Совет (1990 г.)	Соц. профес. структура населения
Инженерно-техническое	33	42	41
Гуманитарное	27	28	23
Юридическое	20	4	
Сельскохозяйственное	13	12	14
Экономическое	9	4	

Распределение политической элиты Республики Бурятия по месту получения второго высшего образования (в %)

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	Вид элиты			Данные по общему массиву
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
Академия народного хозяйства при Правительстве РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (АНХ / РАНХ и ГС, г. Москва)	6,7	-	-	2,9
Российская академия государственной службы при Президенте РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАГС / РАНХ и ГС, г. Москва)	44,5	36	9,7	31,9
Сибирский институт финансов и банковского дела / Сибирская академия финансов и банковского дела (СИФБД / САФБД, г. Новосибирск)	2,2	-	-	1
Финансовая академия при Правительстве РФ / Финансовый университет при Правительстве РФ (ФА / Финуниверситет, г. Москва)	-	4	-	1
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ (ВАВТ, г. Москва)	2,2	-	-	1
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ (МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва)	-	4	-	1
Восточно-Сибирский технологический институт / Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления	2,2	8	25,8	10,8

(ВСТИ / ВСГУТУ, г. Улан-Удэ)				
Бурятский сельскохозяйственный институт / Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова (БСХИ / БГСХА, г. Улан-Удэ)	4,4	-	-	1,9
Новосибирская высшая партийная школа / Сибирская академия государственной службы (НВПШ / СибАГС, г. Новосибирск)	35,6	12	22,6	25,9
Бурятский государственный педагогический институт им Д. Банзарова / Бурятский государственный университет (БГПИ / БГУ, г. Улан-Удэ)	2,2	4	25,8	9,9
Хабаровская высшая школа МВД СССР / Дальневосточный юридический институт МВД РФ (ХВШ МВД СССР / ДВЮИ МВД РФ, г. Хабаровск)	-	8	-	1,9
Академия МВД СССР / Академия управления МВД РФ (АМВД СССР / АУ МВД РФ, г. Москва)	-	4	-	1
Кемеровский государственный университет (КемГУ, г. Кемерово)	-	4	-	1
Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова / Иркутский государственный университет (ИГУ, г. Иркутск)	-	4	9,7	3,9
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, г. Москва)	-	4	-	1
Новосибирский институт экономики и менеджмента (НИЭМ, г. Новосибирск)	-	4	-	1
Международный институт менеджмента «ЛИНК (LINK - Learning International Network)» (МИМ ЛИНК, г. Жуковский)	-	4	-	1
Новосибирская государственная академия экономики и управления / Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГАЭУ / НГУЭУ, г. Новосибирск)	-	-	6,4	1,9
<i>доля лиц, получивших второе высшее образование (% от общего числа выборки)</i>	<i>64,3</i>	<i>44,7</i>	<i>39,8</i>	<i>49,5</i>

Таблица 37

Распределение политической элиты Республики Саха (Якутия) по месту получения второго высшего образования (в %)

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	Вид элиты			Данные по общему массиву
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
Академия народного хозяйства при Правительстве РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (АНХ / РАНХ и ГС, г. Москва)	12,7	20,6	-	11,2

Российская академия государственной службы при Президенте РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАГС / РАНХ и ГС, г. Москва)	25,6	29,4	8,3	21,6
Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова / Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (ЯГУ / СВФУ, г. Якутск)	7,3	8,8	44,5	18,4
Финансовая академия при Правительстве РФ / Финансовый университет при Правительстве РФ (ФА / Финуниверситет, г. Москва)	5,5	-	-	2,4
Якутский сельскохозяйственный институт / Якутская государственная сельскохозяйственная академия (ЯСХИ / ЯГСХА, г. Якутск)	3,7	-	19,4	7,2
Санкт-Петербургский институт экономики и управления (СПИЭУ, г. Санкт-Петербург)	1,8	-	2,8	1,6
Хабаровская высшая партийная школа / Дальневосточная академия государственной службы (ХВПШ / ДВАГС, г. Хабаровск)	12,8	6,9	25	15,2
другие вузы (см. примечание)	30,6	34,3	-	22,4
доля лиц, получивших второе высшее образование (% от общего числа выборки)	76,7	50,5	66,6	64,5

Примечание: В числе других вузов фигурировали ВАВТ (г. Москва), ИИНХ / БГУЭП (г. Иркутск), МЮИ / МГЮА им. О.Е. Кутафина (г. Москва), ПИГМУ / ПИ РАНХ и ГС (г. Владивосток), НИСИ им. В.В. Куйбышева / НГАСУ (г. Новосибирск), Московская академия экономики и права (МАЭП, г. Москва), Московский государственный социальный университет / Российский государственный социальный университет (МГСУ / РГСУ, г. Москва), Институт государственного управления МГИМО(У) МИД РФ / Международный институт управления МГИМО(У) МИД РФ (ИГУ / МИУ МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва), Международный институт государственной службы и управления РАГС при Президенте РФ (МИГСУ РАГС, г. Москва), Хабаровский государственный технический университет / Тихоокеанский государственный университет (ХГТУ / ТОГУ, г. Хабаровск), Академия труда и социальных отношений (АТСО, г. Москва), Хабаровский институт народного хозяйства / Хабаровская государственная академия экономики и права (ХИНХ / ХГАЭП, г. Хабаровск) и др.

**Распределение политической элиты Республики Тыва по месту
получения второго высшего образования (в %)**

Вид / место нахождения высшего учебного заведения	Вид элиты			Данные по общему массиву
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
Академия народного хозяйства при Правительстве РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (АНХ / РАНХ и ГС, г. Москва)	8,7	6,9	-	6,2
Российская академия государственной службы при Президенте РФ / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАГС / РАНХ и ГС, г. Москва)	21,2	24,2	6,3	18,6
Сибирская академия государственной службы (СибАГС, г. Новосибирск)	34,6	38,7	31,1	37,8
Финансовая академия при Правительстве РФ / Финансовый университет при Правительстве РФ (ФА / Финуниверситет, г. Москва)	5,9	-	-	2,4
другие вузы (г. Новосибирск, Красноярск, Барнаул и др.) (см. примечание)	29,6	30,2	62,6	35
<i>доля лиц, получивших второе высшее образование (% от общего числа выборки)</i>	65,2	43,9	37,5	48,8

Примечание: Среди других вузов фигурировали АСХИ / АГАУ (г. Барнаул), КрасГУ (г. Красноярск), ИГУ (г. Иркутск), Сибирский государственный медицинский университет (СибГМУ, г. Томск) и др.

Таблица 39

**Распределение политических элит по профилю
второго высшего образования (в %)**

Образование (профиль)	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
инженерное	-	-	-	3,6	-	-	-	-	-	-	1,6	-

техническое	-	-	-	-	3,5	-	-	1,6	-	-	0,8	0,5
педагогическое	2,2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
экономическое	11,1	24	38,7	30,9	28,5	30,5	24,1	18,7	24,9	22,8	29,6	22,6
юридическое	6,7	24	29,1	12,8	9,8	19,5	13,1	12,5	15,1	17,8	13,6	12,1
управленческое	77,8	44	32,2	47,2	49	50	54,5	54,2	60	55,4	48	54,2
дипломатическое	-	4	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
партийное / политическое	2,2	4	-	3,7	9,2	-	8,3	11,4	-	2	5,6	10,1
культурное	-	-	-	1,8	-	-	-	-	-	-	0,8	-
медицинское								1,6	-			0,5

Таблица 40

Распределение политических элит по наличию ученой степени (в %)

	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
Доля лиц, имеющих ученую степень (% от общего числа выборки)	14,3	37,5	10,3	25	39,7	11,1	12,1	18,7	8,9	19,1	26,3	13,5

Таблица 41

Распределение политических элит по началу трудовой деятельности (в %)

Вид начала трудовой деятельности	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			

на производстве	45,7	37,5	35,9	44,4	55,9	37,2	33,8	41,5	28,9	39,7	41,3	32,3
в госучреждениях (в т.ч. органы власти)	22,9	3,6	12,8	6,9	8,8	18,5	14	10,2	13,2	13,7	11,5	12,1
в школе	7,2	12,5	16,7	18	8,8	12,1	7,2	12,4	12	12,2	12,9	11,6
в вузах, ссузах	8,6	8,9	2,6	4,2	7,3	4,7	7,6	5,5	8,7	6,4	6,1	6,6
в научных учреждениях	2,8	1,8	-	8,3	5,9	-	4,6	-	-	1,5	5,1	2,8
в медицинских учреждениях	2,8	10,7	5,1	4,2	4,4	2,5	3,2	12,4	8,7	5,9	4,1	8,7
в учреждениях культуры	4,3	-	3,8	1,4	1,5	-	3,2	3,1	2,5	2,9	1	2,9
в коммерч-х организациях / торговле	1,5	17,9	15,4	4,2	1,5	18,6	10,6	6,1	10,3	11,3	10,3	9,2
в обществен-х организациях	-	-	-	5,6	1,5	-	1,5	-	2	-	2,6	1,5
в силовых органах	1,4	5,3	5,1	-	4,4	4,5	6,7	6,7	8,7	3,9	3,5	6,8
на партийной работе	2,8	-	2,6	2,8	-	1,9	7,6	2,1	3,5	2	1,6	4,6
в СМИ	-	1,8	-	-	-	-	-	-	1,5	0,5	-	0,9

Таблица 42

Распределение ответов на вопрос: «Являетесь ли Вы владельцем какого-либо предприятия, организации?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
да	-	42,9	-	-	33,8	-	-	28,1	-	11,8	11,8	10,1
нет	92,9	50	97,5	97,2	66,2	77,8	82,8	64,1	87,5	83,8	81	77,5
затруднились ответить	7,1	7,1	2,5	2,8	-	22,2	17,2	7,8	12,5	4,4	7,2	12,4

**Степень удовлетворенности современной динамикой развития России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	20	-	-	13,9	17,7	-	32,8	-	26,8	6,8	11,3	19,1
скорее удовлетворяет	37,1	28,6	28,2	33,3	38,2	33,3	67,2	29,7	26,8	31,4	35	41
полностью не удовлетворяет	18,6	41,1	24,4	27,8	14,7	-	-	21,9	26,8	27	15,5	16,3
скорее не удовлетворяет	24,3	30,3	25,6	25	29,4	22,2	-	23,4	-	26,5	25,8	8,4
затрудняюсь ответить	-	-	21,8	-	-	44,5	-	25	19,6	8,3	12,4	15,2

**Характеристика современной ситуации в России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
внушающая оптимизм	22,8	21,4	26,3	29,2	26,5	24,1	27,6	32,8	46,4	23,8	26,8	35,4
внушающая пессимизм	15,7	19,6	24,3	9,7	13,2	9,2	-	25	12,5	20,1	10,8	12,9
стабильная	27,2	14,3	23,1	29,2	23,5	27,8	27,6	10,9	16,1	22	26,8	18
нестабильная	18,6	30,4	26,3	22,2	16,2	31,5	27,6	31,3	12,5	24,8	22,7	24,1
безопасная	15,7	-	-	9,7	11,8	7,4	17,2	-	12,5	5,4	9,8	9,6
опасная	-	14,3	-	-	8,8	-	-	-	-	3,9	3,1	-

**Проблемные сферы общественной жизни в России
(Республика Бурятия, 2004 г., в %)**

Сферы общественной жизни	%
политика	18,2
экономика	23,3
социальная защита	13,1
экология	2,2
здравоохранение	12
безопасность жизни граждан	16
образование	10,7
культура и искусство	1,7
другая	1,7
затруднились ответить	1,1

**Степень удовлетворенности современным состоянием экономики России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	14,3	-	-	-	-	-	-	-	42,9	4,9	-	13,5
скорее удовлетворяет	21,4	25	32	33,3	29,4	50	34,5	14,1	-	26,5	36,6	16,3
полностью не удовлетворяет	17,1	39,3	32	29,2	36,8	-	34,5	37,5	-	28,9	23,7	24,7
скорее не удовлетворяет	32,9	35,7	36	37,5	27,9	50	31	48,4	57,1	34,8	37,6	45,5
затрудняюсь ответить	14,3	-	-	-	5,9	-	-	-	-	4,9	2,1	-

**Формы государственной поддержки предприятий
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва	Данные по общему массиву опрошенных
----------------	---------	---------------	------	-------------------------------------

	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
Предоставлять налоговые льготы												
нужно	75,7	87,5	53,9	97,2	92,6	94,4	50	65,6	96,4	70,6	94,8	70,2
не нужно	24,3	12,5	46,1	2,8	7,4	5,6	50	34,4	3,6	29,4	5,2	29,8
Обеспечивать рыночной информацией												
нужно	58,6	91,1	51,3	61,1	75	66,7	91,4	56,3	53,6	64,7	67,5	66,9
не нужно	41,4	8,9	48,7	38,9	25	33,3	8,6	43,7	46,4	35,3	32,5	33,1
Обеспечивать доступность кредитов												
нужно	92,9	100	100	100	89,7	90,7	100	75	94,6	97,6	93,8	89,3
не нужно	7,1	-	-	-	10,3	9,3	-	25	5,4	2,4	6,2	10,7
Создавать благоприятный инвестиционный климат												
нужно	100	91,1	100	100	91,2	92,6	100	95,3	98,2	97,6	94,8	97,7
не нужно	-	8,9	-	-	8,8	7,4	-	4,7	1,8	2,4	5,2	2,3
Субсидировать социально значимые предприятия												
нужно	84,3	85,7	71,8	90,3	86,8	81,5	79,3	96,9	89,3	79,9	86,6	88,8
не нужно	15,7	14,3	28,2	9,7	13,2	18,5	20,7	3,1	10,7	20,1	13,4	11,2
Предоставлять государственный заказ												
нужно	95,7	89,3	91	87,5	82,4	50	96,6	75	91,1	92,2	75,3	87,1
не нужно	4,3	10,7	9	12,5	17,6	50	3,4	25	8,9	7,8	24,7	12,9
Участвовать в капитале предприятий												
нужно	44,3	78,6	48,7	56,9	48,5	50	6,9	59,4	42,9	55,4	52,1	37,1
не нужно	55,7	21,4	51,3	43,1	51,5	50	93,1	40,6	57,1	44,6	47,9	62,9
Обучать персонал												
нужно	57,2	91,1	85,9	48,6	67,6	66,7	67,2	76,6	30,4	77,5	60,3	59
не нужно	42,8	8,9	14,1	51,4	32,4	33,3	32,8	23,4	69,6	22,5	39,7	41

Таблица 48

Распределение ответов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, нужно строить экономику нашей страны?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			

Тяжелая промышленность												
исключительно на основе государственной собственности	15,7	21,4	28,2	29,2	41,2	29,6	46,6	32,8	30,4	22,1	33,5	36,5
по преимуществу государственной собственности	14,3	17,8	25,6	29,2	29,4	40,8	-	18,8	44,6	19,6	32,5	20,8
исключительно на основе частной собственности	12,9	14,3	-	-	5,9	-	-	-	-	8,3	2,1	-
по преимуществу частной собственности	18,5	-	23,1	13,9	5,9	-	-	-	-	15,2	7,2	-
наравне государственной и частной собственности	25,7	32,2	23,1	15,2	11,7	-	36,2	35,9	-	26,5	9,8	24,7
затрудняюсь ответить	12,9	14,3	-	12,5	5,9	29,6	17,2	12,5	25	8,3	14,9	18
Легкая промышленность												
исключительно на основе государственной собственности	-	12,5	21,8	-	5,9	-	-	6,3	-	11,8	2,1	2,2
по преимуществу государственной собственности	-	12,5	23,1	16,7	13,2	-	-	12,5	12,5	12,2	10,8	8,4
исключительно на основе частной собственности	25,8	16,1	-	-	8,8	-	25,9	12,5	21,4	13,2	3,1	19,7
по преимуществу частной собственности	30	14,3	26,9	34,7	42,7	37	12,1	12,5	3,6	24,5	38,1	9,6
наравне государственной и частной собственности	27,1	32,1	28,2	34,7	29,4	37	37,9	43,7	44,6	29	33,5	42,1
затрудняюсь ответить	17,1	12,5	-	13,9	-	26	24,1	12,5	17,9	9,3	12,4	18
Химическая промышленность												
исключительно на основе государственной собственности	14,3	16,1	23,1	29,2	17,7	-	32,7	28,1	25	18,1	17	28,7
по преимуществу государственной собственности	18,6	14,2	30,7	29,2	20,6	-	-	18,8	25	22,1	18	14,6
исключительно на основе	15,7	12,5	-	-	5,9	-	20,7	-	-	8,8	2,1	6,7

частной собственности												
по преимуществу частной собственности	20	16,1	23,1	12,5	7,3	25,9	-	7,8	25	20,1	14,4	10,7
наравне государственной и частной собственности	20	28,6	23,1	16,6	42,6	29,6	32,7	34,4	19,6	23,6	29,4	29,2
затрудняюсь ответить	11,4	12,5	-	12,5	5,9	44,5	13,9	10,9	5,4	7,3	19,1	10,1
Пищевая промышленность												
исключительно на основе государственной собственности	14,3	19,7	-	11,1	8,8	-	17,2	-	-	10,3	7,2	5,6
по преимуществу государственной собственности	17,1	-	21,8	12,5	14,7	-	-	14	-	14,2	9,8	5,1
исключительно на основе частной собственности	15,7	21,4	23,1	22,2	14,7	25,9	17,2	14	-	20,1	20,6	10,7
по преимуществу частной собственности	31,5	21,4	26,9	11,1	25	25,9	17,2	17,3	32,1	27	20,1	21,9
наравне государственной и частной собственности	21,4	37,5	28,2	32	36,8	29,6	31,2	40,7	42,9	28,4	33	38,2
затрудняюсь ответить	-	-	-	11,1	-	18,6	17,2	14	25	-	9,3	18,5
Лесная промышленность												
исключительно на основе государственной собственности	12,8	19,6	28,2	13,9	22,1	22,2	29,3	23,4	32,1	20,6	19,1	28,1
по преимуществу государственной собственности	17,1	14,3	24,4	23,6	22,1	22,2	15,5	26,6	32,1	19,1	22,7	24,7
исключительно на основе частной собственности	14,4	12,5	-	9,7	5,9	-	-	-	-	8,3	5,7	-
по преимуществу частной собственности	22,9	14,3	23	13,9	10,3	20,4	-	-	-	20,6	14,4	-
наравне государственной и частной собственности	20	26,8	24,4	29,2	33,7	29,6	55,2	43,7	35,8	23,6	30,9	45
затрудняюсь ответить	12,8	12,5	-	9,7	5,9	5,6	-	6,3	-	7,8	7,2	2,2

ответить													
Машиностроение													
исключительно на основе государственной собственности	14,3	17,8	24,4	25	32,3	22,2	31,1	26,6	30,3	19,1	26,8	29,2	
по преимуществу государственной собственности	15,7	12,5	24,4	25	25	13	20,7	9,4	-	18,1	21,6	10,1	
исключительно на основе частной собственности	15,7	12,5	-	-	5,9	-	20,7	9,4	-	8,8	2,1	10,1	
по преимуществу частной собственности	17,1	14,3	23	16,7	11,8	25,9	-	-	30,3	18,6	17,5	9,6	
наравне государственной и частной собственности	25,8	30,4	28,2	25	25	29,6	20,7	43,7	30,3	28	26,3	32	
затрудняюсь ответить	11,4	12,5	-	8,3	-	9,3	6,8	10,9	9,1	7,4	5,7	9	
Сельское хозяйство													
исключительно на основе государственной собственности	-	16,1	-	-	5,9	-	-	15,6	-	4,4	2,1	5,6	
по преимуществу государственной собственности	21,4	16,1	-	19,4	8,8	-	29,3	11	-	11,8	10,3	13,5	
исключительно на основе частной собственности	21,4	16,1	29,5	13,9	5,9	-	32,8	15,6	-	23	7,2	16,3	
по преимуществу частной собственности	24,3	21,4	29,5	29,2	14,7	40,8	-	15,6	32,1	25,5	27,3	15,7	
наравне государственной и частной собственности	32,9	30,3	41	37,5	64,7	33,3	37,9	37,5	53,6	35,3	45,9	42,7	
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	25,9	-	4,7	14,3	-	7,2	6,2	
Финансово-кредитная сфера													
исключительно на основе государственной собственности	-	23,3	23,1	13,9	14,7	9,3	19	3,1	-	15,2	12,9	7,3	
по преимуществу государственной собственности	20	19,6	24,3	26,4	25	27,7	-	28,1	53,6	17,6	26,3	27	
исключительно	22,9	19,6	-	-	5,9	-	19	-	-	13,2	2,1	6,2	

на основе частной собственности												
по преимуществу частной собственности	25,7	-	23,1	19,4	5,9	9,3	-	20,3	-	21,6	11,8	7,3
наравне государственной и частной собственности	31,4	37,5	29,5	40,3	42,6	35,2	36,2	39,1	46,4	32,4	39,7	40,4
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	5,9	18,5	25,8	9,4	-	-	7,2	11,8
Сфера услуг, торговля												
исключительно на основе государственной собственности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
по преимуществу государственной собственности	-	-	-	-	-	-	-	15,6	-	-	-	5,6
исключительно на основе частной собственности	32,9	33,9	37,2	19,4	22,1	11,1	27,6	21,9	39,3	34,8	18	29,2
по преимуществу частной собственности	27,1	28,6	32	29,2	23,5	48,2	31	15,6	-	29,4	32,5	15,7
наравне государственной и частной собственности	22,9	37,5	30,8	38,9	45,6	33,3	41,4	34,4	55,3	29,9	39,7	43,3
затрудняюсь ответить	17,1	-	-	12,5	8,8	7,4	-	12,5	5,4	5,9	9,8	6,2

Таблица 49

Способы развития экономики России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
обеспечить стабильность политической	15,7	23,2	18	13,9	14,7	18,5	15,5	23,5	25	18,6	15,5	21,3

ситуации в стране												
совершенствовать законодательство в данной области	24,3	17,9	23,1	29,2	25	27,8	27,6	23,5	25	22,1	27,3	25,3
развивать малый бизнес	28,6	26,8	15,4	23,6	26,5	27,8	20,7	23,5	25	23	25,8	23
способствовать увеличению инвестиционного потока	28,6	19,6	20,5	16,7	20,6	25,9	20,7	14	-	23	20,6	11,8
активно развивать торговые связи	2,8	-	11,5	8,3	4,4	-	-	3,1	25	5,4	4,6	9
повышать цены на экспортируемые товары и сырье	-	8,9	11,5	2,8	2,9	-	-	4,6	-	6,9	2,1	1,7
другое	-	3,6	-	5,5	4,4	-	15,5	7,8	-	1	3,6	7,9
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	1,5	-	-	-	-	-	0,5	-

Таблица 50

**Степень удовлетворенности современным состоянием
социальной сферы в России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	17,1	-	-	-	-	-	-	-	-	5,9	-	-
скорее удовлетворяет	32,9	25	34,6	38,9	38,2	27,8	36,2	28,1	26,7	31,3	35,6	30,3
полностью не удовлетворяет	17,1	33,9	28,2	19,4	14,7	33,3	32,8	32,8	32,2	26	21,6	32,6
скорее не удовлетворяет	32,9	41,1	37,2	41,7	44,1	38,9	31	39,1	32,2	36,8	41,8	34,3
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	3	-	-	-	8,9	-	1	2,8

**Способы помощи людям, не сумевшим обеспечить себе
достойной материальной жизни
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
этим должны заниматься благотворительные организации	17,1	-	21,8	12,5	8,8	13	-	10,9	-	14,2	11,4	3,9
помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на действующей основе	14,3	19,7	11,5	8,3	20,6	13	29,3	17,2	-	14,7	13,9	15,7
помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на адресной основе	32,9	37,5	33,4	40,3	32,4	50	29,3	31,3	37,5	34,4	40,2	32,6
за счет повышения налогов на доходы наиболее состоятельных граждан	11,4	17,8	10,3	15,3	23,5	24	29,3	20,3	26,7	12,7	20,6	25,3
оказывать им поддержку в организации самопомощи	12,9	14,3	11,5	13,9	7,4	-	12,1	10,9	17,9	12,7	7,7	13,5
сами обездоленные люди должны объединяться для самопомощи	5,7	10,7	-	4,2	4,4	-	-	4,7	17,9	4,9	3,1	7,3
другое	-	-	-	5,5	2,9	-	-	4,7	-	-	3,1	1,7
затрудняюсь ответить	5,7	-	11,5	-	-	-	-	-	-	6,4	-	-

Распределение ответов на вопрос: «Кем, на Ваш взгляд, должны обеспечиваться следующие блага?»

(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
Медицинское обслуживание												
только государством	14,3	32,1	23,1	29,2	33,8	29,6	50	31,3	-	22,5	30,9	27,5
по преимуществу государством	32,9	39,3	30,8	37,5	25	29,6	-	32,8	53,6	33,9	30,9	28,7
только частными организациями	14,3	-	-	-	8,8	-	-	-	-	4,9	3,1	-
по преимуществу частными организациями	14,3	-	21,8	-	-	-	-	-	-	13,2	-	-
наравне государством и частными организациями	24,2	28,6	24,3	33,3	32,4	40,8	50	35,9	46,4	25,5	35,1	43,8
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Дошкольное воспитание детей												
только государством	18,6	32,2	24,4	30,6	26,5	22,2	34,4	29,7	62,5	24,5	26,8	41,6
по преимуществу государством	24,3	37,5	24,4	37,5	25	29,6	32,8	31,2	17,9	27,9	30,9	27,5
только частными организациями	15,7	-	-	-	-	-	-	-	-	5,4	-	-
по преимуществу частными организациями	14,3	-	23	-	13,2	-	-	12,5	-	13,7	4,6	4,5
наравне государством и частными организациями	27,1	30,3	28,2	31,9	35,3	48,2	32,8	26,6	19,6	28,5	37,7	26,4
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Школьное образование												
только государством	28,6	39,3	25,6	37,5	44,1	42,6	65,5	37,5	-	30,4	41,3	34,8

по преимуществу государством	28,6	39,3	30,8	41,7	20,6	35,2	-	34,4	51,8	32,4	32,5	28,7
только частными организациями	12,8	-	-	-	4,4	-	-	-	-	4,4	1,5	-
по преимуществу частными организациями	-	-	21,8	-	4,4	-	-	-	-	8,3	1,5	-
наравне государством и частными организациями	30	21,4	21,8	20,8	26,5	22,2	34,5	15,6	32,1	24,5	23,2	27
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	12,5	16,1	-	-	9,5
Высшее образование												
только государством	18,6	28,6	21,8	27,8	26,5	18,6	41,4	32,8	-	22,5	24,8	25,3
по преимуществу государством	20	42,8	33,3	33,3	32,3	37	34,5	35,9	83,9	31,4	34	50,6
только частными организациями	15,7	-	-	-	5,9	7,4	-	-	-	5,4	4,1	-
по преимуществу частными организациями	14,3	-	21,8	9,7	8,8	-	-	-	-	13,2	6,7	-
наравне государством и частными организациями	31,4	28,6	23,1	29,2	26,5	37	24,1	31,3	16,1	27,5	30,4	24,1
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обеспечение жильем												
только государством	14,3	19,6	15,4	-	23,5	11,1	36,2	15,6	-	16,2	11,3	17,4
по преимуществу государством	15,7	28,6	33,3	13,9	25	42,6	-	21,9	30,4	26	25,8	17,4
только частными организациями	14,3	-	-	-	5,9	-	-	12,5	-	4,9	2,1	4,5
по преимуществу частными организациями	20	23,2	15,4	9,7	5,9	-	-	12,5	-	19,1	5,7	4,5
наравне государством и частными организациями	35,7	28,6	35,9	66,7	39,7	42,6	63,8	37,5	69,6	33,8	50,5	56,2
затрудняюсь ответить	-	-	-	9,7	-	3,7	-	-	-	-	4,6	-
Пенсионное обеспечение												
только государством	21,4	44,7	33,3	44,4	41,2	50	84,5	65,6	41,1	32,4	44,8	64
по преимуществу государством	20	30,3	33,3	44,4	27,9	50	-	15,6	58,9	27,9	40,2	24,2
только частными организациями	14,3	-	-	-	-	-	-	-	-	4,9	-	-

по преимуществу частными организациями	14,3	-	15,4	-	8,8	-	-	-	-	10,8	3,1	-
наравне государством и частными организациями	30	25	18	11,2	22,1	-	15,5	18,8	-	24	11,9	11,8
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 53

Способы развития социальной сферы России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
обеспечить стабильность экономической ситуации в стране	31,5	32,2	26,9	26,4	33,8	31,5	22,5	28,1	21,4	29,9	30,4	24,2
обеспечить стабильность политической ситуации в стране	5,7	12,5	14,1	5,6	4,4	-	19	11	-	10,8	3,6	10,1
увеличить финансирование	14,3	10,7	14,1	13,9	11,8	31,5	13,8	7,8	3,6	13,2	18	8,4
передать отдельные направления в частный сектор	15,7	7,1	14,1	8,3	20,6	27,8	-	3,1	21,4	12,7	18	7,9
контролировать реализацию государственных инициатив	5,7	8,9	9	11,1	13,2	-	17,1	14	30,4	7,8	8,8	20,2
совершенствовать государственную политику в данной области	21,4	28,6	21,8	29,1	16,2	9,2	20,7	25	23,2	23,6	19,1	23
другое	-	-	-	5,6	-	-	6,9	11	-	-	2,1	6,2
затрудняюсь ответить	5,7	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-

Степень удовлетворенности современной политической ситуацией в России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	22,9	-	11,5	-	13,2	-	36,2	11	12,5	12,2	4,6	19,7
скорее удовлетворяет	31,5	30,3	41,1	63,9	57,4	37	27,6	35,9	57,1	34,8	54,1	39,9
полностью не удовлетворяет	17,1	41,1	11,5	8,3	11,8	-	-	14	12,5	21,6	7,2	9
скорее не удовлетворяет	15,7	28,6	35,9	22,2	17,6	37	36,2	28,1	17,9	27	24,8	27,5
затрудняюсь ответить	12,8	-	-	5,6	-	26	-	11	-	4,4	9,3	3,9

Распределение элит по степени согласия с мнением о том, что в России широко распространена коррупция (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью согласен	27,1	60,7	17,9	41,7	57,4	35,2	51,7	70,3	37,5	32,9	45,4	53,9
скорее согласен	40	28,6	47,5	40,3	22	38,9	48,3	18,8	44,6	39,7	33,5	36,5
полностью не согласен	8,6	-	17,9	-	-	-	-	10,9	-	9,8	-	3,9
скорее не согласен	8,6	-	16,7	18	11,8	-	-	-	-	9,3	10,8	-
затрудняюсь ответить	15,7	10,7	-	-	8,8	25,9	-	-	17,9	8,3	10,3	5,7

**Причины существования коррупции в России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
потому что имеются «пробелы» в существующем законодательстве	17,1	14,3	15,4	25	17,7	5,5	12,1	15,6	12,5	15,7	17	13,5
неэффективно работает механизм правового регулирования жизни общества	25,8	21,4	11,5	12,5	14,7	13	25,8	21,9	16,1	19,1	13,4	21,3
корень коррупции в существовании организованной преступности	2,8	8,9	12,9	11,1	5,9	13	-	9,4	19,6	8,3	9,8	9,5
остается относительно низким уровень доходов чиновников	8,6	3,6	14,1	16,7	8,8	20,3	12,1	-	12,5	9,3	15	7,9
причина в специфике российского менталитета (всегда было принято облекать благодарность за оказанную услугу в форму подарков и подношений)	5,7	5,3	11,5	2,8	14,7	16,7	12,1	12,5	10,7	7,8	10,8	11,8
существует чрезмерная бюрократизация и многое зависит от решения чиновника	22,9	34	14,1	19,4	25	16,7	12,1	26,5	14,3	22,6	20,6	18
низкий уровень	14,3	8,9	11,5	12,5	10,3	14,8	13,7	9,4	14,3	11,8	12,4	12,4

культуры людей												
другое	-	3,6	9	-	2,9	-	12,1	4,7	-	4,4	1	5,6
затрудняюсь ответить	2,8	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-

Таблица 57

**Способы борьбы с коррупцией
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
достаточно соблюдать (использовать) те законы, которые предусматривают наказание за использование служебного положения	15,7	5,3	6,4	11,1	13,2	18,5	17,3	6,2	12,5	9,3	13,9	11,8
необходимо привести в порядок законодательство, устранить имеющиеся в нем противоречия	24,3	23,2	21,8	27,8	27,9	20,4	22,4	18,8	17,8	23	25,8	19,7
усилить наказание за коррупцию	14,3	21,5	17,9	20,8	23,5	20,4	18,9	21,9	16,1	17,7	21,7	19,1
работать с кадрами и совершенствовать государственную кадровую политику в органах власти	28,6	23,2	25,7	20,8	20,6	20,4	24,1	23,4	25	26	20,6	24,2
обеспечить контроль средств массовой информации за работой органов власти	8,5	12,5	6,4	8,3	11,8	18,5	17,3	17,2	12,5	8,8	12,4	15,7
никаких	4,3	-	15,4	4,2	-	-	-	-	-	7,4	1,5	-

специальных мер не нужно, поскольку по мере нормализации общественной жизни эта проблема потеряет свою остроту												
никаких специальных мер не нужно, поскольку это неискоренимо	-	9	-	-	1,5	-	-	4,7	16,1	2,4	0,5	6,7
другое	4,3	5,3	6,4	7	1,5	1,8	-	7,8	-	5,4	3,6	2,8
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 58

**Причины трудностей в развитии социальных сфер России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
несовершенство законодательства в данных областях	22,9	32,1	33,3	40,3	27,9	44,4	44,8	25	71,4	29,4	37,1	46,1
отсутствие внимания к данным сферам со стороны государства	14,3	32,1	30,1	19,4	26,5	-	-	21,9	28,6	26,5	16,5	16,8
отсутствие профессионалов в данных областях	22,9	32,1	33,3	26,4	33,8	27,8	27,6	31,3	-	29,4	29,4	20,3
другое	11,4	-	-	13,9	8,8	27,8	27,6	15,6	-	3,9	16	14,6
затрудняюсь ответить	28,5	3,7	3,3	-	3	-	-	6,2	-	10,8	1	2,2

**Прогнозируемые характеристики российского общества
(Республика Бурятия, 2004 г., в %)**

Негативные характеристики			Позитивные характеристики		
Суждения	Полностью и частично согласные	Не ответившие и затруднившиеся с ответом	Суждения	Полностью и частично согласные	Не ответившие и затруднившиеся с ответом
авторитарная система	19,3	6,8	демократическая система	71,6	2,3
криминальное общество	12,5	1,7	власть закона	85,2	0,6
мировые задворки, страна, находящаяся под пятою у Запада	7,9	5,1	высокоразвитая страна, пользующаяся авторитетом во всем мире	84,7	2,3
экономическое прозябание	14,8	5,7	экономическое процветание	76,1	3,4
антигуманное общество	15,3	2,3	общество социального благополучия, гуманизма, заботы о человеке	78,5	3,9
общество, где множество межнациональных конфликтов	54,6	5,1	общество, где решены национальные проблемы	38,6	1,7

Ориентация на форму политического режима в России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
демократическое государство	85,7	71,4	84,6	86,1	86,8	100	100	100	91,1	81,4	90,2	97,2
авторитарное государство	-	14,3	15,4	13,9	13,2	-	-	-	8,9	9,8	9,8	2,8
тоталитарное государство	-	14,3	-	-	-	-	-	-	-	3,9	-	-
другое	14,3	-	-	-	-	-	-	-	-	4,9	-	-

**Ориентация на форму государственного устройства России
(Республика Бурятия, 2004 г., в %)**

Форма государственного устройства	Согласные	Не согласные	Затруднившиеся с ответом
сильное централизованное государство	22,1	38,1	39,8
государство с широкими правами регионов и развитым местным самоуправлением	55,7	23,3	21
конфедерация свободных республик и регионов (территорий)	37,5	25	37,5

**Ориентация на форму государственного устройства России
(в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
унитарная	14,3	-	18	-	-	-	-	-	-	11,8	-	-
федеративная	85,7	82,2	82	100	94,1	100	100	93,8	100	83,3	97,9	97,7
конфедерация	-	17,8	-	-	5,9	-	-	6,2	-	4,9	2,1	2,3

**Степень удовлетворенности современной динамикой
развития своего региона (в %)**

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	22,9	-	-	19,4	14,7	-	-	15,6	7,1	7,8	12,4	7,9
скорее удовлетворяет	28,6	17,8	28,2	47,2	41,2	31,5	24,2	-	17,9	25,5	40,7	13,5
полностью не удовлетворяет	17,1	39,3	34,6	16,7	14,7	22,2	37,9	29,7	37,5	29,9	17,5	34,8
скорее не удовлетворяет	31,4	42,9	37,2	16,7	19,1	25,9	37,9	39,1	37,5	36,8	20,1	38,2
затрудняюсь ответить	-	-	-	-	10,3	20,4	-	15,6	-	-	9,3	5,6

Проблемные сферы общественной жизни в регионах (в %)

Вариант ответа	Бурятия		Саха (Якутия)		Тыва	
	%	порядок значимости	%	порядок значимости	%	порядок значимости
политика	5,9	8	5,7	8	16,8	2
экономика	24	1	17	1	20,8	1
социальная защита	10,3	4	15	2	11,2	4
экология	8,8	6	13,9	3	6,8	6
здравоохранение	11,3	3	8,2	6	11,2	4
безопасность жизни граждан	9,3	5	11,3	4	11,8	3
образование	6,9	7	6,7	7	6,8	6
техническое оснащение	13,7	2	9,3	5	9	5
культура и искусство	4,9	9	4,6	9	5,6	7
другая сфера	4,9	9	5,7	8	-	-
затрудняюсь ответить	-	-	2,6	-	-	-

Способы решения региональных проблем (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
добиваться от центра увеличения финансовых средств на решение проблем региона	18,5	23,3	16,7	18	8,8	12,9	19	18,7	14,3	19,2	13,4	17,4
добиваться большей экономической самостоятельности региона	12,9	17,9	17,9	15,3	23,5	20,4	22,4	15,7	10,7	16,2	19,6	16,3
добиваться большей правовой самостоятельности региона	1,4	7,1	-	4,2	4,4	-	-	4,7	1,8	2,4	3,1	2,2
оптимизировать использование бюджетных средств внутри региона	12,9	14,3	16,7	12,5	13,3	14,8	19	20,3	37,5	14,7	13,4	25,3
увеличивать доходную часть бюджета путем привлечения инвестиций	32,9	19,6	20,5	25	19,1	31,5	17,2	18,7	16,1	24,5	24,8	17,4
увеличивать доходную часть бюджета за счет роста налоговых поступлений	7,1	8,9	9	5,5	7,4	-	-	3,1	1,8	8,3	4,6	1,7
разработать и обеспечить выполнение программы развития региона	14,3	8,9	19,2	15,3	23,5	20,4	22,4	17,2	17,8	14,7	19,6	19,1
другое	-	-	-	4,2	-	-	-	1,6	-	-	1,5	0,6

Таблица 66

Распределение ответов на вопрос: «Можно ли решить трудности Вашего региона, не выходя на общероссийский уровень?»

(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
да, конечно	18,6	16,1	9	-	13,2	16,7	36,2	15,6	5,4	14,2	9,3	19,1
да, наверное	20	17,8	32	25	23,5	25,9	27,6	17,2	23,2	24	24,7	22,5
нет, нельзя	40	35,7	50	43,1	42,7	33,3	36,2	50	50	42,7	40,2	45,5
нет, наверное	21,4	16,1	9	23,6	11,8	24,1	-	17,2	21,4	15,2	19,6	12,9
затрудняюсь ответить	-	14,3	-	8,3	8,8	-	-	-	-	3,9	6,2	-

Таблица 67

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, где принимаются наиболее важные для региона решения?»

(в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
преимущественно в регионе	60	26,8	25,6	9,7	16,2	24	25,9	18,7	30,4	37,7	16	24,7
преимущественно в федеральном центре	22,9	55,4	51,3	80,6	75	63	55,2	81,3	69,6	42,7	73,7	69,1
затрудняюсь ответить	17,1	17,8	23,1	9,7	8,8	13	18,9	-	-	19,6	10,3	6,2

Таблица 68

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к современной политике федерального центра по отношению к национальным субъектам?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
безусловно, положительно	32,9	-	-	-	11,8	-	36,2	-	3,6	11,2	4,1	12,9
скорее положительно	41,4	33,9	35,9	66,7	33,8	42,6	63,8	31,3	21,4	37,3	48,5	38,8
безусловно, отрицательно	-	17,9	15,3	-	10,3	-	-	23,4	26,8	10,8	3,6	16,8
скорее отрицательно	17,1	37,5	35,9	33,3	23,5	37	-	28,1	48,2	29,9	30,9	25,3
затрудняюсь ответить	8,6	10,7	12,9	-	20,6	20,4	-	17,2	-	10,8	12,9	6,2

Таблица 69

Отношение к процессу укрупнения регионов России (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
безусловно, положительно	11,3	16,1	-	12,5	4,4	-	24,1	15,6	-	8,3	6,2	13,5
скорее положительно	21,5	19,6	19,2	19,5	28	22,2	-	17,2	26,7	20,1	23,2	14,6
безусловно, отрицательно	12,9	32,2	19,2	18	28	16,7	24,1	25	32,2	20,6	21,1	27
скорее отрицательно	20	17,8	32,1	43	30,8	33,3	51,8	28,1	32,2	24	36,1	37,1
затрудняюсь ответить	34,3	14,3	29,5	7	8,8	27,8	-	14,1	8,9	27	13,4	7,8

**Распределение аргументов «за» и «против» укрупнения регионов России
Республика Бурятия (в %)**

Аргументы «за»					Аргументы «против»				
Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных	Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
уменьшатся расходы на содержание государственного аппарата	17,2	14,3	7,7	12,7	перестройка государственного аппарата может негативно сказаться на управлении хозяйством региона	5,7	3,6	9	6,4
будут более рационально использоваться бюджетные средства	12,9	3,6	7,7	8,3	перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из бывших субъектов	11,4	17,8	11,5	13,2
будет легче решать проблемы развития инфраструктуры	12,9	10,7	7,7	10,3	будут ущемляться интересы малых регионов, в том числе национальных субъектов	8,6	19,6	15,4	14,3
будет легче решать социальные проблемы	2,8	3,6	6,4	4,4	управление регионами приобретет «поверхностный» характер, проблемы на местах будут скрыты от центра	10	12,5	11,5	11,3
исчезнут сепаратистские настроения в регионах	1,4	3,6	9	4,9	в укрупнении регионов нет необходимости	10	8,9	7,7	8,8
другое	-	-	-	-	другое	2,8	1,8	-	1,5
нет ответа	-	-	-	-	нет ответа	4,3	-	6,4	3,9

**Распределение аргументов «за» и «против» укрупнения регионов России
Республика Саха (Якутия) (в %)**

Аргументы «за»					Аргументы «против»				
Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных	Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
уменьшатся расходы на содержание государственного аппарата	16,7	8,8	9,3	11,9	перестройка государственного аппарата может негативно сказаться на управлении хозяйством региона	8,3	11,8	1,8	7,7
будут более рационально использоваться бюджетные средства	8,3	7,3	1,8	6,2	перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из бывших субъектов	12,5	11,8	20,4	14,4
будет легче решать проблемы развития инфраструктуры	8,3	5,9	1,8	5,7	будут ущемляться интересы малых регионов, в том числе национальных субъектов	9,8	19,1	29,7	18,6
будет легче решать социальные проблемы	8,3	5,9	-	5,1	управление регионами приобретет «поверхностный» характер, проблемы на местах будут скрыты от центра	8,3	13,2	14,8	11,9
исчезнут сепаратистские настроения в регионах	1,4	4,4	3,7	3,1	в укрупнении регионов нет необходимости	16,7	10,3	16,7	14,4
другое	-	-	-	-	другое	1,4	1,5	-	1

**Распределение аргументов «за» и «против» укрупнения регионов России
Республика Тыва (в %)**

Аргументы «за»					Аргументы «против»				
Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных	Вариант ответа	вид элиты			данные по общему массиву опрошенных
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	
уменьшатся расходы на содержание государственного аппарата	8,6	9,4	17,9	11,8	перестройка государственного аппарата может негативно сказаться на управлении хозяйством региона	12,1	7,8	14,3	11,2
будут более рационально использоваться бюджетные средства	-	7,8	7,1	5,1	перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из бывших субъектов	12,1	7,8	10,7	10,1
будет легче решать проблемы развития инфраструктуры	8,6	6,3	-	5,1	будут ущемляться интересы малых регионов, в том числе национальных субъектов	22,4	23,4	19,6	21,9
будет легче решать социальные проблемы	8,6	1,6	-	3,4	управление регионами приобретет «поверхностный» характер, проблемы на местах будут скрыты от центра	12,1	17,2	17,9	15,7
исчезнут сепаратистские настроения в регионах	-	3,1	-	1,1	в укрупнении регионов нет необходимости	12,1	15,6	12,5	13,5
другое	-	-	-	-	другое	3,4	-	-	1,1

**Аргументы «за» и «против» объединения Республики Бурятия и
Восточной Сибири в единый субъект РФ (Бурятия, 2004 г., в %)**

Аргументы «за»		Аргументы «против»	
будет меньше администрации и уменьшатся расходы на ее содержание	19,3	произойдет относительное ослабление позиций региона в Совете Федерации	16,5
появятся дополнительные возможности для различного рода связей между городом и областью	10,2	перераспределение бюджетных ресурсов неблагоприятно скажется на развитии одного из субъектов	28,9
будет меньше неоправданной конкуренции за инвестиции между городом и областью	25,6	инвестиции сосредоточатся в одном из бывших субъектов	18,2
будут более рационально использоваться бюджетные средства	19,3	обострятся экологические проблемы	9,1
будет легче решать социальные проблемы	12,5	перестройка администрации может негативно сказаться на управлении хозяйством региона	18,2
будет легче решать проблемы развития инфраструктуры	13,1	нет особого смысла изменять уже сложившееся состояние дел	9,1

**Целесообразность участия депутатов законодательных /
представительных органов власти в отдельных видах деятельности
Республика Бурятия (в %)**

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затрудняюсь ответить
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	22,8	42,8	19,2	77,2	57,2	80,8	-	-	-	27	73	-
одновременно быть руководителями предприятий, банков	30	50	19,2	48,6	32,2	56,4	21,4	17,8	24,4	31,4	47,1	21,5

выступать консультантами, советниками экономических структур	47,1	53,6	51,3	52,9	46,4	48,7	-	-	-	50,5	49,5	-
быть связанными деловым партнерством с коммерческими структурами	22,9	32,1	19,2	55,7	53,6	80,8	21,4	14,3	-	24	64,7	11,3
в своей работе отстаивать интересы конкретных экономических структур	21,4	17,8	-	78,6	67,9	80,8	-	14,3	19,2	12,2	76,5	11,3

Таблица 75

**Целесообразность участия депутатов законодательных /
представительных органов власти в отдельных видах деятельности
Республика Саха (Якутия) (в %)**

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затрудняюсь ответить
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	13,9	30,9	-	66,7	54,4	85,2	19,4	14,7	14,8	16	67,5	16,5
одновременно быть руководителями предприятий, банков	19,4	26,4	-	61,2	61,8	77,8	19,4	11,8	22,2	16,5	66	17,5
выступать консультантами, советниками экономических структур	27,8	51,5	33,3	47,2	35,3	66,7	25	13,2	-	37,6	48,5	13,9
быть связанными деловым партнерством с	19,4	27,9	-	61,2	57,4	90,7	19,4	14,7	9,3	17	68	15

коммерческими структурами												
в своей работе отстаивать интересы конкретных экономических структур	19,5	32,3	-	58,3	42,7	88,9	22,2	25	11,1	18,5	61,4	20,1

Таблица 76

**Целесообразность участия депутатов законодательных /
представительных органов власти в отдельных видах деятельности
Республика Тыва (в %)**

Варианты	Да			Нет			Затрудняюсь ответить			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты					
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	да	нет	затрудняюсь ответить
непосредственно участвовать в работе административных (исполнительных) органов власти, занимая в них ключевые посты	-	26,6	-	82,8	60,9	92,9	17,2	12,5	7,1	9,5	78,1	12,4
одновременно быть руководителями предприятий, банков	-	21,9	42,9	81	62,5	57,1	19	15,6	-	21,3	66,9	11,8
выступать консультантами, советниками экономических структур	32,8	54,7	50	36,2	29,7	50	31	15,6	-	46,1	38,2	15,7
быть связанными деловым партнерством с коммерческими структурами	-	12,5	-	82,8	75	94,7	17,2	12,5	5,3	4,5	83,7	11,8
в своей работе отстаивать интересы конкретных экономических структур	32,7	26,6	-	36,2	57,8	91,1	31,1	15,6	8,9	20,2	61,2	18,6

Таблица 77

Распределение ответов на вопрос: «Участвовали ли Вы когда-нибудь в реализации каких-либо социально значимых некоммерческих проектов в качестве спонсора, мецената?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
да	14,3	50	15,4	33,3	51,5	14,8	51,7	53,1	48,2	24,5	34,5	51,1
нет	85,7	50	84,6	66,7	48,5	85,2	48,3	46,9	51,8	75,5	65,5	48,9

Таблица 78

Распределение ответов на вопрос: «Что Вас привлекло или могло бы привлечь к участию в реализации социально значимых некоммерческих проектов?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
прежде всего, выгода (не обязательно материальная)	-	-	12,8	11,1	23,5	-	17,2	10,9	-	4,9	12,4	9,6
важность решаемой проблемы	58,6	55,4	50	41,7	47	48,1	25,9	51,6	80,4	54,4	45,4	52,2
личные симпатии к людям, реализующим конкретный проект	21,4	26,8	37,2	27,8	11,8	33,4	24,1	14,1	-	28,9	23,7	12,9
другое	-	-	-	11,1	17,7	-	-	12,5	-	-	10,3	4,5
затрудняюсь ответить	20	17,8	-	8,3	-	18,5	32,8	10,9	19,6	11,8	8,2	20,8

РЕЙТИНГ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

(по данным исследования Центра региональных исследований Института ситуационного анализа и новых технологий «ИСАНТ», проведенного в декабре 2002-марте 2003 гг.)

Влиятельные лица в политике Республики Бурятия

№ п/п Ф.И.О.	Должность	Объем конт- роли- руе- мых власт- ных ресур- сов	Объем конт- роли- руе- мых эконо- мичес- ких ресур- сов	Лич- но- ст- ные каче- ства	Объем и эффе- ktiv- ность связей во власт- ных и бизнес- струк- турах	Сте- пень конт- роля над влия- тель- ны- ми орга- низа- ция- ми	Сте- пень конт- роля над сми	Общий уро- вень влия- тель- ности в поли- тике
1.Потапов Леонид Васильевич	Президент, Председатель Правительства РБ	4,92	4,81	4,58	4,73	4,69	3,31	4,85
2.Калашников Иван Игнатович	Заместитель Председателя Народного Хурала РБ	4,08	3,60	4,76	4,00	3,68	2,60	4,44
3.Халанов Валерий Иннокентье- вич	Заместитель полномочного представителя Президента РФ в Сибирском ФО	3,93	3,33	4,73	3,60	4,00	2,67	4,40
4.Гейдебрехт Владимир Отгович	Первый заместитель Председателя Правительства РБ	4,14	4,18	4,50	4,18	3,64	2,45	4,32
5.Лубсанов Александр Гомбоевич	Председатель Народного Хурала РБ	4,13	3,91	4,30	4,13	3,91	2,70	4,17
6.Данилов Борис Васильевич	Главный федеральный инспектор по РБ	3,89	3,42	4,58	3,95	3,79	2,68	3,95
7.Альцман Клавдия Павловна	Президент Союза промышленников и предпринимателей РБ, генеральный директор АО «Улан- Удэнская тонкосуконная мануфактура»	3,77	4,08	3,85	4,23	3,38	2,00	3,92
8.Доржиев Цырен-Даши Эрдынеевич	Депутат НХ РБ	3,50	3,50	4,63	4,00	3,50	2,13	3,75

9.Семенов Михаил Иннокентье- вич	Депутат НХ РБ	3,13	3,25	3,50	3,88	3,25	2,57	3,75
10.Калмыков Степан Владимирович	Депутат НХ РБ, ректор Бурятского государственного университета	2,63	2,63	4,00	3,50	3,00	2,63	3,75
11.Агалов Владимир Константино- вич	Представитель в СФ ФС РФ от Правительства РБ	3,17	3,50	3,58	4,08	3,58	2,30	3,67
12.Айдаев Геннадий Архипович	Глава администрации г.Улан-Удэ	3,89	3,89	4,00	3,89	3,33	2,78	3,63
13.Налетов Александр Юрьевич	Первый заместитель Председателя Правительства РБ, министр финансов	3,89	3,56	3,67	4,00	3,33	2,22	3,56
14.Быков Николай Иннокентье- вич	Заместитель Председателя Правительства РБ, министр строительства, архитектуры и жилищно- коммунального хозяйства РБ	3,73	3,80	4,00	4,18	3,45	2,00	3,55
15.Будаев Капитон Аюрзанаевич	Председатель Конституционного Суда РБ	3,81	3,25	3,81	3,44	3,53	2,41	3,47
16.Думнова Татьяна Гавриловна	Министр экономического развития и внешних связей РБ	3,77	3,85	4,54	4,08	3,15	2,08	3,46
17.Турбянов Леонид Дашиевич	Заместитель Председателя Правительства РБ по развитию агропромышленного комплекса	3,64	3,27	3,82	3,73	3,18	2,11	3,45
18.Мельник Александр Иванович	Председатель правления Фонда реализации Федеральной программы соц.- экономического развития РБ	3,11	3,44	4,11	3,67	3,22	2,00	3,44
19.Ирильдеев Вячеслав Германович	Депутат НХ РБ, член Комитета по экономической политике, использованию	2,86	3,00	4,57	3,57	3,33	2,14	3,43

	природных ресурсов и охране окружающей среды							
20.Переляев Владимир Васильевич	Заместитель Председателя Правительства РБ, министр промышленности, производственной инфраструктуры и технологий	3,71	3,71	3,64	3,86	3,29	2,07	3,36
21.Ларионов Владимир Григорьевич	Председатель Избирательной комиссии РБ	2,50	2,29	3,86	3,14	3,14	2,38	3,36
22.Мантуров Семен Владимирович	Председатель Госкомитета по делам молодежи, физической культуре и спорту РБ	2,83	2,67	4,50	3,17	2,83	2,33	3,33
23.Ботоев Борис Николаевич	Начальник Управления Министерства юстиции РФ по РБ	3,30	2,70	3,50	3,50	3,50	2,00	3,30
24.Калашников Марк Владимирович	Руководитель группы помощников Президента РБ	3,38	3,00	3,75	3,25	3,38	2,38	3,25
25.Пальцев Евгений Михайлович	Заместитель Председателя Правительства РБ, председатель Государственного комитета имущественных отношений	3,14	3,38	3,57	3,50	3,25	1,88	3,25
26.Бальжиров Баир Гвибалович	Заместитель Председателя Правительства РБ, глава Полномочного представительства РБ при Президенте РФ	3,00	2,83	3,83	3,17	2,67	1,40	3,17
27.Павлов Владимир Анатольевич	Депутат НХ РБ, председатель Комитета по земельным вопросам, аграрной политике и потребительскому рынку	2,83	2,50	3,50	3,00	3,00	1,83	3,17
28.Мезенин Сергей Георгиевич	Депутат НХ РБ, председатель Комитета по социальной	2,67	2,33	3,50	2,67	3,00	1,80	3,17

	политике							
29.Хориноев Анатолий Орхокович	Председатель Верховного суда РБ	3,38	3,13	3,63	3,50	3,00	2,13	3,13
30.Дамбаин Валентина Цырендоржиевна	Председатель Госкомитета РБ по торговле, материальным ресурсам и услугам, председатель коллегии с правом решающего голоса	3,00	3,30	3,90	3,60	3,10	2,10	3,10
31.Митин Анатолий Иванович	Руководитель УФСБ РФ по Республике Бурятия	3,00	3,40	3,44	3,50	3,40	2,70	3,10
32.Егоров Иннокентий Матвеевич	Заместитель Председателя Правительства РБ по развитию социальной сферы	3,55	3,64	3,64	3,73	3,45	2,00	3,09
33.Намсараев Сергей Даши-Нимаевич	Министр образования и науки РБ, председатель политсовета Бурятского регионального отделения партии «Единая Россия»	2,91	2,36	3,45	3,45	2,55	2,18	3,09

Влиятельные лица в экономике Республики Бурятия

№ п/п Ф.И.О.	Должность	Объем контролируемых властных ресурсов	Объем контролируемых экономических ресурсов	Личностные качества	Объем и эффективность связей во властных и бизнес-структурах	Степень контроля над властными организациями	Степень контроля над СМИ	Общий уровень влияния в политике
1.Гейдебреht Владимир Оттович	Первый заместитель Председателя Правительства РБ	4,29	4,29	4,41	4,24	3,76	2,47	4,47
2.Переляев Владимир Васильевич	Заместитель Председателя Правительства РБ, министр промышленности, производственной инфраструктуры и	3,83	3,83	3,67	3,83	3,33	2,00	4,00

	технологий							
3.Мельник Александр Иванович	Председатель правления Фонда реализации Федеральной программы соц.-эк. развития РБ	3,29	3,57	4,14	3,86	3,29	2,00	4,00
4.Альцман Клавдия Павловна	Президент Союза промышленников и предпринимателей РБ, генеральный директор АО «Улан-Удэнская тонкосуконная мануфактура»	3,75	4,08	3,83	4,25	3,42	2,00	3,83
5. Ивахинов Александр Будаевич	И.о. директора БФ ОАО «Банк Москвы»	2,50	3,67	3,67	4,00	3,40	2,33	3,67
6.Ирильдеев Вячеслав Германович	Депутат НХ РБ, член Комитета по экономической политике, использованию природных ресурсов и охране окружающей среды	3,00	3,00	4,40	3,60	3,25	2,20	3,60
7.Айдаев Геннадий Архипович	Глава администрации г.Улан-Удэ	4,00	4,25	3,75	4,00	3,25	2,50	3,50
8.Агалов Владимир Константинович	Представитель в СФ ФС РФ от Правительства РБ	3,13	3,63	3,50	4,25	3,63	2,29	3,50
9.Козлов Дмитрий Астафьевич	Генеральный директор ОАО «Улан-Удэнская макаронная фабрика» («Макбур»)	3,00	3,00	4,00	3,50	3,25	2,50	3,50
10.Морозов Виталий Владимирович	Генеральный директор ОАО «Бурмясопром»	2,75	3,25	4,00	3,25	3,25	2,00	3,25
11.Лысцев Сергей Владимирович	Депутат НХ РБ, председатель комитета по экономической политике, использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, генеральный директор ОАО «Бурятэнерго»	2,50	3,00	4,00	4,00	3,00	2,00	3,25

12.Белых Леонид Яковлевич	Генеральный директор АО «Улан-Удэнский авиационный завод»	2,20	3,00	3,80	2,60	2,80	1,67	3,20
13.Бобков Игорь Александрович	Генеральный директор ОАО «Бурятгаз»	2,40	3,00	3,60	3,00	2,60	1,75	3,00
14.Борголов Сергей Петрович	Генеральный директор ОАО «Электросвязь»	2,67	3,00	3,17	3,00	2,83	2,50	2,83
15.Бальжиров Баир Гвибалович	Заместитель Председателя Правительства РБ, глава Полномочного представительства РБ при Президенте РФ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
16.Быков Николай Иннокентьевич	Заместитель Председателя Правительства РБ, министр строительства, архитектуры и ЖКХ РБ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
17.Дамбаин Валентина Цырендоржиевна	Председатель Госкомитета РБ по торговле, материальным ресурсам и услугам, председатель коллегии с правом решающего голоса	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
18. Дмитриев Валерий Ананьевич	Генеральный директор ОАО «Бурятзолото»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
19.Доржиев Цырен-Даши Эрдынеевич	Депутат НХ РБ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
20.Дудина Эльвира Борисовна	Председатель правления Национального банка РБ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
21.Егоров Иннокентий Матвеевич	Заместитель Председателя Правительства РБ по развитию социальной сферы	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
22.Кожан Геннадий Александрович	Директор ОАО «Бурятавтотранс»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
23.Корнев	Депутат НХ РБ,	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о

Александр Степанович	директор Колледжа ж/д транспорта							
24.Кузнецов Василий Федотович	Депутат ГД ФС РФ, член фракции «Единство», член Комитета ГД по энергетике, транспорту и связи	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
25.Мельников Виктор Григорьевич	Директор ГП «Бурятиявтодор»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
26.Мельников Владимир Петрович	Генеральный директор ГУП «Улан-Удэнский локомотиво-вагоноремонтный завод»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
27.Митрофанов Юрий Александрович	Генеральный директор ОАО СМТ «Бурятэнергострой»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
28. Оловяников Георгий Антонович	Управляющий ОАО «Бурятнефтепродукт»	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
29.Ринчинова Дарья Цыреновна	Начальник управл-я федеральной почтовой связи по РБ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
30.Рютин Михаил Васильевич	Первый заместитель министра с/х и продовольствия РБ	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о
31.Турбянов Леонид Дашиевич	Заместитель Председателя Правительства РБ по развитию агропромышленного комплекса	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о